

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СЛАВЯНЕ И РУСЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА · 1968

*К шестидесятилетию
академика
Бориса Александровича
Р Ы Б А К О В А*

В. П. Павлов

Редакционная коллегия:

Е. И. КРУПНОВ

(ответственный редактор),

В. И. БУГАНОВ, С. А. ПЛЕТШЕВА,

И. П. РУСАНОВА, Г. Ф. СОЛОВЬЕВА

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Сборник «Славяне и Русь» посвящен 60-летию выдающегося советского историка и археолога, лауреата Государственных премий, директора Института археологии Академии наук СССР академика Бориса Александровича Рыбакова и 40-летию его научной деятельности.

Имя Б. А. Рыбакова широко известно научно-исторической обществу нашей страны и всего славянского мира. Его исследовательская деятельность очень велика. Она затронула все области истории и культуры древней Руси. Многие блестяще разработанные Б. А. Рыбаковым проблемы стали краеугольными в развитии советской исторической науки. Его работы несомненно сыграли большую роль и в развитии медиевистики западнославянских стран. Во всех трудах Б. А. Рыбакова проявляются огромная эрудиция, широта кругозора, глубина анализа, умение синтезировать факты и явления. Для его исследований характерны новизна выводов, остроумные гипотезы и оригинальные построения.

Сборник тематически теснейшим образом связан с основными научными интересами Б. А. Рыбакова. Ведущее место в сборнике занимают статьи по вопросам славянского этногенеза, славянского язычества, истории и культуры домонгольской Руси, истории и культуры Московского государства, а также других славянских стран. Они знакомят читателя с современным состоянием важных исторических проблем.

Несмотря на чрезвычайно разнообразную тематику, все статьи сборника способствуют разработке единой большой исторической проблемы — возникновения, образования и развития русской государственности и русской культуры, т. е. проблемы, изучению которой Борис Александрович посвятил всю свою жизнь.

Многие авторы статей лично связаны с Борисом Александровичем по своей научной работе: среди них и его товарищи студенческих лет по Московскому государственному университету, товарищи по работе в Государственном историческом музее, в Институте археологии АН СССР, в вузах

Москвы, в различных исторических и археологических учреждениях и, наконец, его ученики, многие из которых сами стали ведущими исследователями.

Ограниченный объем сборника не позволил, к сожалению, опубликовать все присланные статьи¹.

Всем авторам статей как публикуемых, так и не вошедших в сборник, редакционная коллегия от имени коллектива Института археологии АН СССР выражает искреннюю благодарность.

Редакционная коллегия надеется, что сборник «Славяне и Русь» явится знаком глубокого уважения вдохновенному исследователю прошлого нашей великой Родины, талантливому педагогу, крупнейшему советскому ученому, академику Борису Александровичу Рыбакову.

¹ Из-за недостатка места не опубликованы статьи М. Ю. Брайтчевского, И. С. Винокура, Ф. А. Грекул, М. А. Ильина, М. П. Кучеры, Ю. А. Лимонова, М. В. Малевской, О. В. Овсянникова, В. И. Потина, Б. В. Сапунова и Ю. П. Спегальского.

К ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЮ АКАДЕМИКА Б. А. РЫБАКОВА

Науке известны биографии ученых, творческие интересы которых формировались еще в юношеские годы. Подобным примером служат жизнь и научная деятельность выдающегося советского историка и археолога академика Бориса Александровича Рыбакова.

Б. А. Рыбаков родился 3 июня 1908 г. в Москве, в интеллигентной семье, где преобладали интересы к русской истории, русской культуре. Со школьных лет он увлекался и архитектурными памятниками Кремля, Москвы и Подмосковья, и яркими событиями из русской истории. Рано проявившиеся исторические интересы привели Б. А. Рыбакова в 1926 г. на историко-этнологический факультет Первого московского государственного университета. Яркая вводная лекция выдающегося советского археолога, профессора В. А. Городцова, решила его судьбу — Б. А. Рыбаков твердо решил стать археологом.

Новое увлечение значительно раздвинуло научные горизонты молодого исследователя-слависта, а общение и работа в семинарах, руководимых такими историками, как академик М. К. Любавский, профессора Ю. В. Готье, С. В. Бахрушин и другие, способствовали овладению научным методом исторического исследования.

В 1928 г. в сборнике студенческого научного кружка Первого московского государственного университета Б. А. Рыбаков опубликовал первую научную статью «Раскопки вятических курганов на Оке». Ею и открываются большой список статей и монографий юбиляра, общий счет которых в настоящее время превышает уже цифру 200¹.

По окончании университета в 1930 г. Борис Александрович успешно разрабатывает важную для средневековой истории Белоруссии тему о ра-

¹ Краткий очерк о жизни и научной деятельности юбиляра и библиография его трудов опубликованы в отдельной брошюре. См.: «Борис Александрович Рыбаков». Материалы к библиографии ученых СССР. Серия истории. М., 1968.

димичах, начатую им еще в студенческие годы. В 1932 г. завершенная работа была опубликована в Минске и блестяще защищена в качестве кандидатской диссертации. Уже этой работой автор продемонстрировал незаурядные способности историка-исследователя, умело пользующегося как письменными, так и вещественными историческими источниками. Ему и начинается плодотворная научная деятельность Б. А. Рыбакова — автора талантливых обобщающих работ по вопросам происхождения в истории ранних славян, по истории, экономике и культуре домонгольской Руси — в целом по кардинальной проблеме нашей отечественной истории — образования, истории и культуры древнерусского государства.

Большой интерес представляют историко-географические работы юбиляра, посвященные древнеславянским племенам: полянам, северянам, русам, уличам. Написанные 20 лет назад, они и сейчас поражают эрудицией автора, смелостью интересных гипотез и великолепной формой изложения.

Наиболее значительны и исключительно важны для истории России его монографические исследования: «Ремесло древней Руси» (1948 г.), «Древности Чернигова» (1949 г.), «Древняя Русь. Сказания, былины, летописи» (1963 г.), «Русские датированные надписи XI—XIV вв.» (1964 г.) и многие другие. В них в наибольшей степени проявились широта научных интересов Б. А. Рыбакова, тонкость и глубина анализа, историчность научного мышления и умение синтезировать изучаемые факты и явления. Но, конечно, венцом научной деятельности Б. А. Рыбакова явилось его капитальное исследование «Ремесло древней Руси», высоко оцененное советской исторической наукой и удостоенное в 1949 г. Государственной премии. На основе многолетней и тщательной обработки огромнейших и разнообразных, ранее не известных историкам источников Б. А. Рыбаков показал высокий уровень русского ремесла и городской культуры X—XIII вв. накануне татаро-монгольского нашествия на Русь.

В основательной и вместе с тем полемической монографии «Древняя Русь. Сказания, былины, летописи» Б. А. Рыбаков убедительно доказал историчность, народность былин и их острую политическую направленность. Его инициативе и настойчивости советская археологическая наука обязана выпуском многотомной серии «Свода археологических источников».

Значение научной деятельности Бориса Александровича определяется не только его печатными трудами. С 1932 г. он работает в Государственном историческом музее; с 1936 г. — в Институте археологии Академии наук

СССР. Начав преподавание с курса лекций по истории СССР в Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской в 1933 г., Б. А. Рыбаков перешел в 1939 г. в качестве доцента на исторический факультет Московского государственного университета, где, получив в 1943 г. звание профессора, он и сейчас возглавляет кафедру истории СССР. Б. А. Рыбаков — замечательный лектор, превосходный педагог, подлинный энтузиаст русской истории и археологии.

Наряду с преподаванием в вузах Б. А. Рыбаков систематически читал курсы лекций по истории СССР до XVII в. в Университете марксизма-ленинизма и в других московских организациях. Его публичные лекции, особенно по истории и культуре древней Руси, были блестящими, вдохновенными рассказами большого ученого, смело и оригинально трактующего сложнейшие проблемы прошлого своей Родины. С 1951 года он — член КПСС.

Как ученого и человека его отличают чувство нового, глубокая принципиальность, постоянство взглядов и покоряющая убежденность в правоте своих суждений.

Опытный руководитель научных коллективов, прекрасный организатор дискуссий, сессий и конференций, острый полемист, внимательный и требовательный воспитатель научной смены — таким знают Б. А. Рыбакова широкие круги исторической общественности нашей страны и зарубежные коллеги. Он — активный участник многих международных конгрессов, симпозиумов и совещаний.

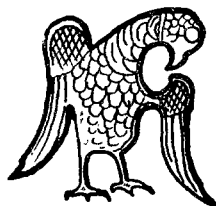
Хорошо известна общественная и организаторская деятельность этого энергичного ученого. С 1950 по 1952 г. он был деканом исторического факультета Московского государственного университета, а с 1952 по 1954 г. — проректором по гуманитарным факультетам. С 1953 г. он становится во главе сектора славяно-русской археологии Института археологии Академии наук СССР, а с 1956 г. — директором этого головного археологического учреждения страны. В 1953 г. Б. А. Рыбаков был избран депутатом Краснопресненского райсовета, а в последние годы он — член Октябрьского райкома КПСС г. Москвы. Начиная с 1957 г. и по сей день он возглавляет Общество «СССР — Греция».

40 лет творческого научного труда Б. А. Рыбакова — это целая жизнь в науке. Его научная, педагогическая и общественная деятельность получила широкое признание. В 1953 г. Б. А. Рыбаков был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, а в 1958 г. — академиком. В 1960 г.

его избрали действительным членом Чехословацкой академии наук, а с 1963 г. он — почетный доктор Ягеллонского университета в Польше (г. Краков). Дважды его научные работы удостаивались Государственных премий (1949 и 1952 гг.). Несколько лет Б. А. Рыбаков возглавлял экспертную историческую комиссию ВАК; в настоящее время он состоит членом пленума ВАК. В 1967 г. он утвержден заместителем секретаря Отделения истории Академии наук СССР.

За успешную научную деятельность Б. А. Рыбаков награжден орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и орденом Ленина.

Отмечая славный юбилей одного из ведущих археологов Советского Союза, все советские археологи шлют Борису Александровичу Рыбакову искренние поздравления и самые добрые пожелания.

АРХЕОЛОГИЯ

ДЕТАЛЬ ВОСТОЧНОБАЛТИЙСКОГО ПИТЬЕВОГО РОГА ИЗ СЕЛ. ЛЕЗГУР СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОЙ АССР

А. К. Амброз

Вопрос о проникновении на юг Восточной Европы вещей с выемчатой эмалью восточнобалтийского типа еще мало изучен. Отдельные вещи находили в Подонье (у станиц Цимлянской и Вешенской), в Херсонесе и Кенах, несколько находок (перекладчатая фибула, подвески) обнаружено в Северной Осетии¹. Около североосетинского сел. Лезгур при раскопках В. И. Долбежева в 1886 г. найдена и публикуемая вещь (рис. 1, а, б; ГИМ, инв. № 25190, пл. 65/23а). Это массивная бронзовая пластина, выполненная в обычной для таких вещей технике: прорези, треугольные лопасти, кружки, косо срезанные грани. Вещь сильно коррозирована. В кружках видны следы оранжевой или желтой эмали, в правом треугольнике — красной, а в левом, по мнению А. А. Спицына, — зеленой² (впрочем, трудно отличимой от медной окиси). Пластина была обнаружена в групповых могилах вместе с большой коллекцией местных кавказских вещей III, V, VI—VII и VIII—IX вв. По словам отчета, каменные ящики содержали много разновременных погребений, вещи были «найденны в беспорядке» (поскольку останки многократно раздвигали, чтобы втиснуть новых покойников), их принадлежность к отдельным скелетам установить не удалось³. В. И. Долбежев определил пластину как «бронзовую принадлежность с кольцами, вероятно, для скрепления одежды и проредования ремня или тесемки»⁴. А. А. Спицын, опубликовавший в 1903 г. неточный рисунок, отметил, что среди известных материалов предмет не имеет аналогий.

Очень близкие аналогии пластинке из Лезгура теперь известны в Восточной Прибалтике — это верхние звенья двух эмалевых цепей от питьевых рогов:

1) цепь из погребения XV из Линкайчяй в Литве (район Шяуляя,

¹ МАК, вып. VIII. М., 1900, табл. СХХVI, 2/; А. А. Спицын. Предметы с выемчатой эмалью. — ЗРАО, т. V, вып. I. СПб., 1903, стр. 188—189, рис. 297—300.

² А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 189, рис. 299.

³ Дело Археологической комиссии об археологических раскопках г. статского советника Долбежева в Терской области. Архив ЛОИА, д. ИАК, № 20/1886 г., л. 64об; В. И. Долбежев. Археологические изыскания в Кавказских горах 1886 г. по поручению ИАК. Фотоархив ЛОИА, F-120, колл. 190, лл. 26об., 27 и табл. VII, 18.

⁴ Там же.

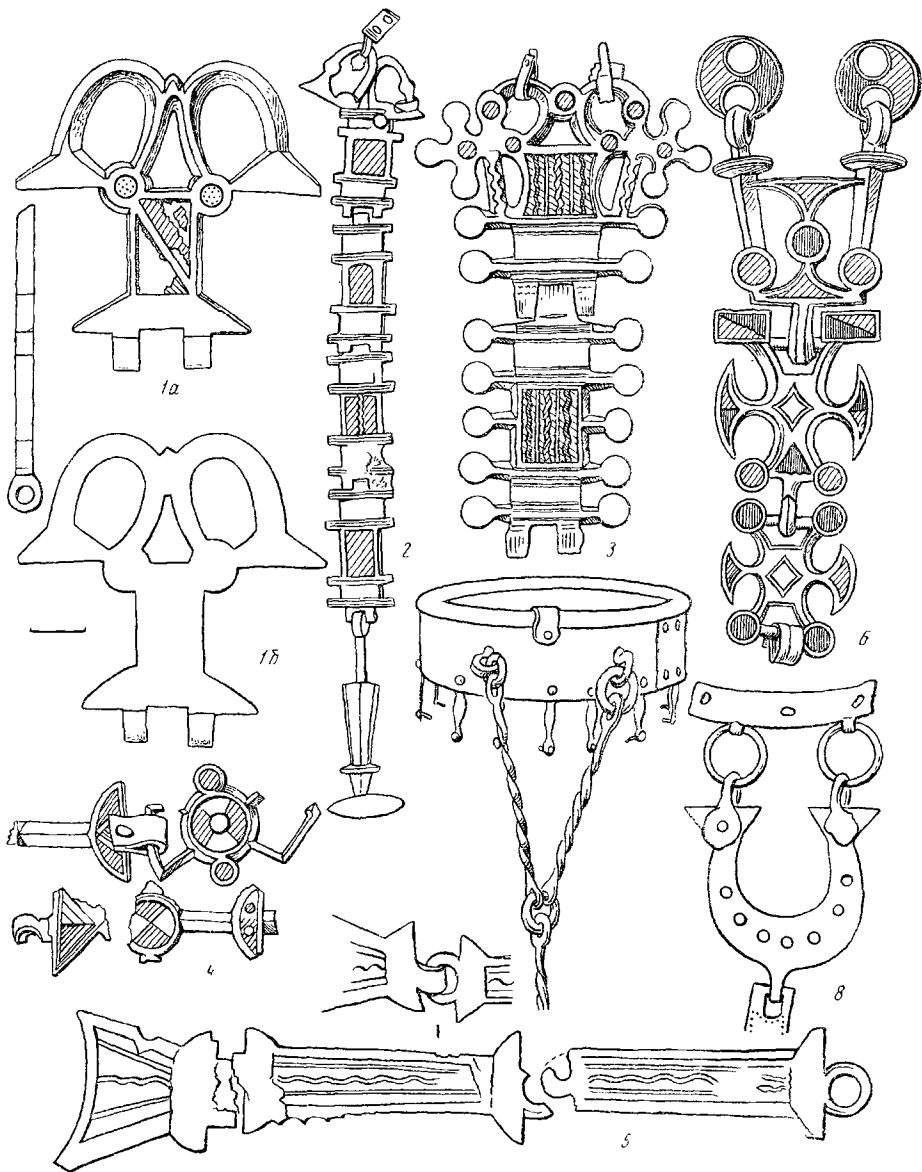

Рис. 1. Вещи с выемчатой эмалью

1а, б — деталь питьевого рога; 2—5, 7, 8 — цепи питьевого рога; 6 — бронзовый предмет неизвестного назначения из Мощинского кладя
1 — Лезгур; 2 — Линкайчай; 3 — Леллудере; 4 — Лалсау; 5 — Мауджорай; 6 — Мощино;
7 — о. Готланд; 8 — Гибайчий

раскопки 1932 г., рис. 1, 2) украшена красной эмалью с белой волнистой полоской на одном поле. Она скреплена с фигурным наконечником рога. Длина цепи около 32 см, длина верхнего звена 9 см, его ширина сверху около 7,5 см. Комплекс подробно не описан и в публикации не датирован (упомянуты лишь копьё, топор и нож)⁵. Х. А. Моора отнес находку к «среднему железному веку», начинающемуся, по его периодизации, с V в.⁶

2) часть цепи из Лелпудере в районе Резекне в Латвии (рис. 1, 3). Общая длина обрывка около 11 см, длина верхнего звена 6 см, его наибольшая ширина 7 см. Цепь украшена красной эмалью в кружках и зеленой с белыми волнистыми полосками — в прямоугольных полях. Х. А. Моора, сближая ее с цепью из Линкайчяй, отмечает более развитую форму перекладин и соотносляет поэтому с прорезными фибулами моцинского типа⁷. Обломки цепи с такими же перекладинами найдены, по его словам, также в Салениске (Латвия) вместе с наконечником рога⁸. Цепь из Лезгура, судя по сохранившейся части, была немного уже остальных, по форме она ближе к цепи из Линкайчяй.

К более раннему времени (III—IV вв., период C) относятся менее близкие пластинке из Лезгура обломки узкой эмалированной цепочки из бывшего Лансау близ Калининграда (рис. 1, 4), найденной вместе с наконечником рога; эмаль — красная, белая и светло-зеленая⁹. К концу IV в. относится цепь из погребения воина в Мауджораи Кяльмеского района Литовской ССР (рис. 1, 5, длина звеньев 6,5—7 см)¹⁰.

В Прибалтике известны также многочисленные цепи от питьевых рогов, но без эмали. В римскую эпоху это или раздвоенная на конце цепочка из стержневых звеньев (рис. 1, 7), или ремень с двумя металлическими наконечниками. Цепи VII—VIII вв. из Латвии и Литвы оканчиваются подковообразной пластинчатой вилкой (рис. 1, 8)¹¹.

В связи с большим разнообразием найденных в Прибалтике цепей к рогам не может не возникнуть вопрос, не была ли так называемая подвеска Моцинского клада¹² также частью цепи питьевого рога. По общим

⁵ В. T a r v i d a s. Šiaulių Krastotyros Dr-jos archeologiniai tyrinėjimai 1932 metais. — Šiaulių metraštinis, вын. IV, 1933, стр. 3, 4, 7, рис. 2.

⁶ H. M o o r a. Die Eisenzeit in Lettland, т. II. Tartu, 1938, стр. 483, 670, рис. 69.

⁷ Там же, стр. 483—484, рис. 69, 3.

⁸ Там же.

⁹ А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 168, 169, рис. 178; H. M o o r a. Die Eisenzeit..., стр. 483.

¹⁰ Украшения древних литовцев, кн. II. Вильнюс, 1966, фото 8, 9, стр. XVI—XVII, 155.

¹¹ O. A l m g r e n. Die ältere Eisenzeit Gotlands, т. I. Stockholm, 1914, стр. 21, 42, табл. 19; O. A l m g r e n, B. N e r m a n. Die ältere Eisenzeit Gotlands, т. II. Stockholm, 1923, стр. 82, табл. 34; В. T a r v i d a s. Указ. соч., рис. 41; H. M o o r a. Pirmatnēja koprienas iekārta un agrā feodālā sabiedrība Latvijas PSR teritorijā. Rīgā, 1952, рис. 69.

¹² Н. И Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, табл. IX. 1; цветное фото — см.: Очерки истории СССР. III—IX вв. М., 1958, стр. 90, 91.

размерам и по ширине «вилки», по способу скрепления звеньев она соответствует цепям рогов (рис. 1, 6; ср. рис. 1, 4). Как и цепи рогов, она немного суживается книзу. В отличие от раздвоенных подвижных подвесок нагрудных цепей типа вильнюсской¹³ оба стержня в развилке моцинской цепи жестко соединены перемычкой. До дальнейших находок вопрос о назначении «подвески» из Моцинского клада остается открытым, не полностью исключать возможность ее трактовки как части цепи от питьевого рога пока не следует.

¹³ А. А. Спицын. Указ. соч., табл. XXVI, 1.

О ДРЕВНЕРУССКОЙ ОБВАРНОЙ КЕРАМИКЕ

А. А. Бобринский

Обваривание посуды — один из приемов обработки керамики после ее обжига. Еще в первые два-три десятилетия XX в. он применялся многими деревенскими гончарами северных районов Восточной Европы. Операция эта состоит в следующем. Когда сосуды в печи или горне раскалялись докрасна, их по одному извлекали и «купали», или «обкатывали», по выражению гончаров, в специальном жидком растворе — «овваре», или «овваре»¹.

В нашей литературе давно уже высказано предположение, что обваривание посуды практиковалось и в древней Руси². Оно сделано на основании внешнего сходства (особенностей окраски) средневековой керамики с обварной посудой XIX—начала XX в., но до последнего времени не было подтверждено какими-либо прямыми свидетельствами археологических источников. Вообще этот способ обработки керамики изучен еще чрезвычайно мало. Мы не знаем ничего определенного не только о времени распространения и происхождении его на территории Восточной Европы, но и о назначении самой операции. Правда, существует мнение, согласно которому обвариванием достигали большей прочности и водонепроницаемости глиняной посуды³. Однако описания гончарного производства XIX—начала XX в., а также материалы анкетного опроса деревенских гончаров Европейской части РСФСР, произведенного нами в

¹ Обвара обычно состояла из двух компонентов — теплой воды и каких-либо мучнистых материалов. В 20—30-е годы XX в. на территории Архангельской области для обвары использовали преимущественно ржаную муку или отруби, на территории Вологодской и Пермской областей — овсяную, реже ячменную, ржаную муку или отруби, в пределах Ленинградской, Новгородской, Псковской, Калининской, Костромской областей наряду с ржаной и овсяной мукой применяли головки или жмыхи льна («дуранду»), которые размельчали, просеивали через сито и смешивали с мукой.

Гончары предпочитали пользоваться мукой из проросших хлебных злаков. Такая мука шла на изготовление солода для пива или кваса. На одно ведро воды брали около 500—600 г муки. Это наиболее распространенные пропорции исходных материалов. Но известны случаи введения в раствор и большего количества муки.

² М. В. Воеводский. К истории гончарной техники народов СССР.— Этнография, 1930, № 4, стр. 57.

³ См., например: Д. Р. Зеленин. Примитивная техника гончарства «налепом» (au colombin) в Восточной Европе.— Этнография, 1927, № 1, стр. 97—98; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 172.

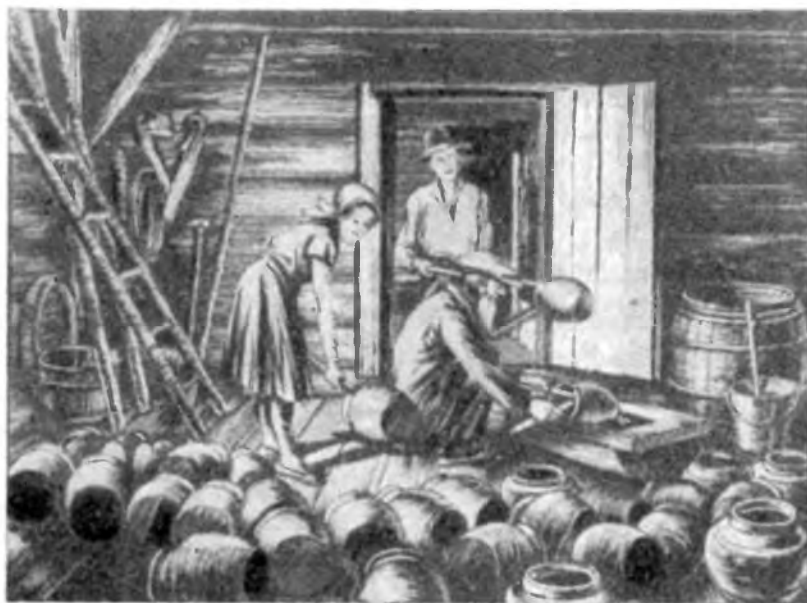

Рис. 1. Обваривание посуды современными гончарами
(дер. Мыльникова Псковской обл.)
Вверху — вытягивание раскаленных сосудов из печи шестом;
внизу — «купание» посуды в обваре

1950—1960-х годах, позволяют предположить, что подобное толкование обваривания возникло уже в то время, когда первоначальный смысл операции стал забываться. Остановимся на некоторых прямых свидетельствах этнографических и археологических источников о применении обваривания в древней Руси.

При изучении этнографических данных об обварной керамике внимание привлекли деревянные приспособления, с помощью которых деревенские гончары обваривали посуду. Приспособлений этих несколько, все они очень просты.

Для извлечения раскаленных сосудов из печи или горна широко использовали шест длиной 1,5—2 м, диаметром 3—5 см без каких-либо конструктивных особенностей (рис. 1). Пожалуй, единственным отличием такого шеста был обугленный рабочий конец, на который поддевали раскаленный сосуд. Наиболее распространенное название таких шестов — «ожег» (Пермская, Вологодская, Новгородская области). В Архангельской области их называли «жежелом», а в Костромской и Псковской областях — «рожном».

В Костромской и Вологодской областях, помимо таких шестов, для извлечения раскаленных сосудов применяли и специальные клещи — «жожлы» (рис. 2, 5) ⁴.

⁴ Экземпляр таких клещей имеется в Этнографическом музее народов СССР. Он был приобретен А. Д. Неуступовым в 1904 г. вместе с другими орудиями гончарного производства в дер. Большая Кадниковского уезда Вологодской губернии (см. Архив А. Неуступова, д. 694, колл. № 275—13 а, б).

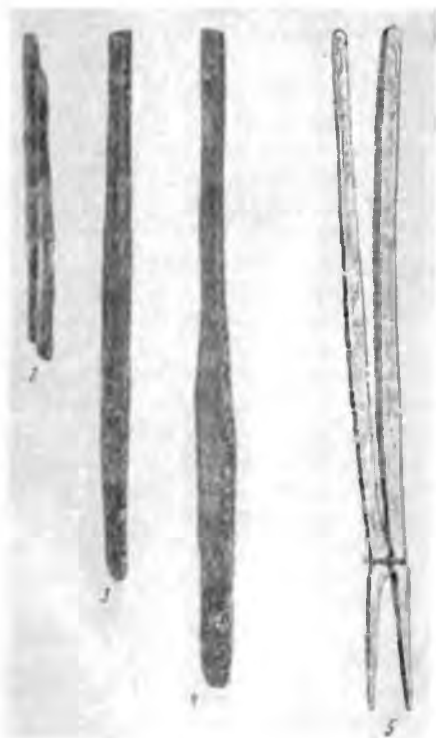
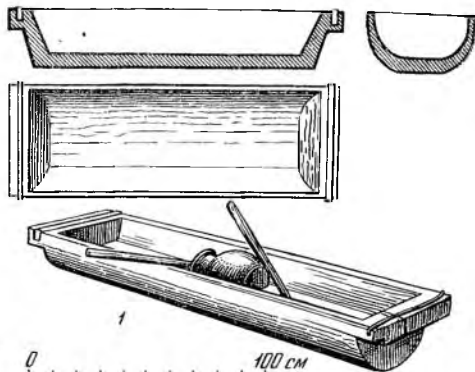

Рис. 2. Приспособления для обваривания посуды

- 1 — деревянное корыто; 2 — «ожегки»;
3, 4 — весловидные приспособления;
5 — деревянные клещи («жожлы»)

Рис. 3. Образцы обварной керамики современных гончаров (дер. Мыльникова Псковской обл.)

В некоторых пунктах деревенского гончарства на территории Пермской и Вологодской областей раскаленные сосуды извлекали специальными стержнями в виде узких и коротких весел или лопаточек длиной 60—70 см (рис. 2, 3, 4). Их применяли попарно: одним стержнем поддевали сосуд изнутри, а другим поддерживали его снаружи. В Пермской области такие приспособления назывались, как и шесты, «ожегами» или «очелками», а в Вологодской области — «жежелами» или «батожками»⁵.

С помощью клещей и батожков производили и само обваривание посуды, однако чаще всего для обваривания использовались специально подготовленные палочки длиной 40—50 см, диаметром 2—4 см (рис. 2, 2). Их также применяли попарно. Сняв ими сосуд с шеста или клещей, погружали его в корыто с обварой (рис. 2, 1). В Псковской области такие палочки называли «ожежками» в отличие от «ожегов» (шестов), какими извлекали посуду⁶.

Все эти приспособления имеют специфические следы: рабочие концы их всегда обуглены и нередко заострены, а на обугленной поверхности и в ближайшей от нее периферии видны прижоги в виде канавок или прижженных участков аморфных очертаний. Расположены они беспоря-

⁵ Экземпляр весловидных приспособлений хранится в Этнографическом музее народов СССР. Он доставлен вместе с некоторыми другими материалами по гончарству Г. Н. Бабаянц в 1958 г. из г. Чердынь Пермской области (см. Отчет о научной командировке в Пермскую область научного сотрудника отдела русской этнографии за 1958 г. Бабаянц Г. Н. Архив музея, колл. № 7076—185/1).

⁶ Экземпляр «ожежков» хранится в Этнографическом музее Эстонской ССР (г. Тарту). Вместе с другими орудиями гончарного производства он был приобретен в 1935 г. в дер. Мыльникова (современный Печерский район Псковской области). Шифр хранения: А 419 : 8, Petseri.

дочно и образуются от соприкосновения с раскаленными сосудами во время их извлечения из печи или «купания» в обваре.

Интерес к этим приспособлениям объясняется тем, что при раскопках древнерусских городов, в культурном слое которых хорошо сохраняется дерево, неоднократно находили такие же изделия. Они не привлекали к себе внимания, и назначение их оставалось невыясненным.

Наиболее частой находкой в древнерусских городах оказались обломки или целые экземпляры коротких палочек, которые у современных гончаров носят название «ожежки». Обычная длина их, как и современных ожежков, 40—50 см, диаметр 1,5—3 см. Один, а иногда и оба конца у них обуглены, а на поверхности нередко заметны прижоги, подобные тем, какие отмечены и на этнографических образцах ожежков. Например, при раскопках в Неревском конце Новгорода такие палочки во множестве встречались во всех слоях. К сожалению, их не фиксировали в качестве деревянных поделок, так как обычно они не имеют следов обработки, а единственная их примечательность — обугленные концы (один или оба) — не связывалась с какой-либо определенной функцией.

Довольно часто в раскопках находили и весловидные приспособления, известные у современных гончаров под названием «батожки», «очелки», «ожоги». Большая часть их также имеет обугленный конец лопасти и прижоги. Например, при осмотре коллекций деревянных находок, обнаруженных во время до-революционных раскопок в Старой

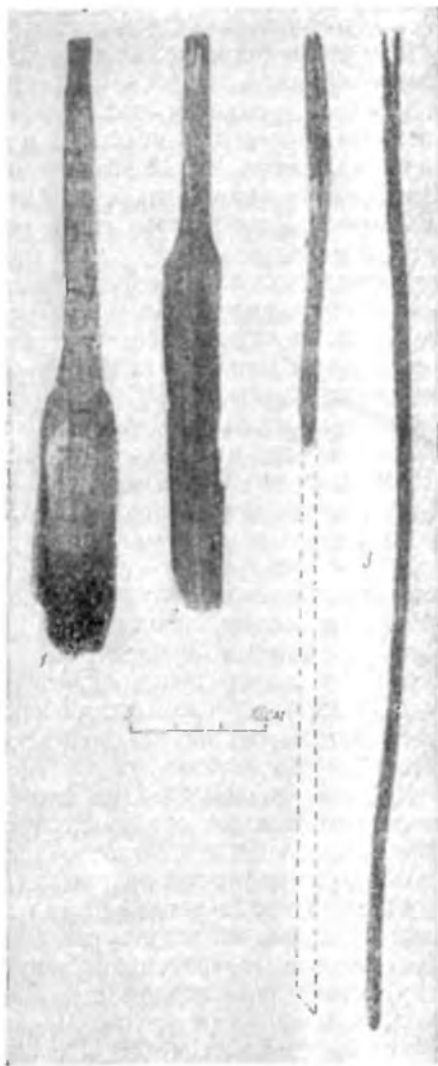

Рис 4. Приспособления для обваривания посуды из раскопок древнерусских городов

1 — Псков; 2 — Старая Ладога; 3 — Новгород

Ладого, выявлено четыре таких приспособления, два из них целые (рис. 4, 2) ⁷. Общая длина целых экземпляров около 50 см, длина лопасти в одном случае 30 см, в другом — 22 см, ширина лопасти 4,5—7 см. Большая часть поверхности лопасти всех четырех экземпляров обуглена, а конец скруглен. На обугленных участках, у краев лопастей, заметны следы прижогов в виде канавок. И в Новгороде, и в Пскове подобные вещи также встречены неоднократно (рис. 4, 1). Особенно много их известно из раскопок в Новгороде. К сожалению, мы не располагаем исчерпывающей информацией об общем числе весловидных приспособлений с обугленными лопастями, происходящих из Новгорода и Пскова.

Значительно реже попадаются в раскопках древнерусских городов деревяльные клещи. Древнерусские жожлы проще, чем клещи современных гончаров. Изготавливались они из ствола молодого деревца. Один конец его расщепляли надвое на участке длиной 20—30 см и слегка обстругивали ножом, остальная часть ствола специальной обработке не подвергалась. Нам известно несколько таких клещей из раскопок в Неревском конце Новгорода: два — в обломках и один — полный экземпляр (рис. 4, 3). Целые клещи имеют длину около 150 см. Рабочие концы их обуглены ⁸.

Конечно, каждому из этих простейших приспособлений нельзя приписать какую-либо одну функцию. Сфера их использования в хозяйстве могла быть весьма широкой. Только клещи, пожалуй, следует рассматривать в качестве специализированного приспособления для обваривания посуды. Извлечь такими клещами сосуд с пищей невозможно — его необходимо для этого положить на бок. Но зато ими удобно подцеплять раскаленные сосуды и переносить их для обваривания. Интересно, что и у современных ремесленников жожлы имеют узкую специализацию. Для иных целей, помимо обваривания, их обычно не употребляют. Узкой специализации нет у шестов-ожегов. Ими загребают угли в печи и вообще нередко используют в повседневном хозяйстве. Весловидные приспособления в домашнем хозяйстве не употребляют, но зато применяют их в качестве лопаток при замешивании глины, обвары и т. д. Не исключено, что и древнерусские находки такого рода тоже имели множественные функции. Однако прижоги на их поверхностях и общее обугливание рабочих концов, вероятнее всего, связаны именно с обвариванием посуды.

Но было бы ошибочно думать, что, выделив такие приспособления, мы получаем дополнительные доказательства существования гончарного производства. Использовать находки, связанные с обвариванием керамики, для заключений о керамическом производстве, по-видимому, нельзя. О про-

⁷ Все эти находки происходят из раскопок Н. И. Репникова в 1911 г. (один экз.), 1912 г. (один экз.), 1913 г. (два экз.). В настоящее время хранятся в Эрмитаже (шифр хранения: 2082—628; 3793—298; 3793—308; 2425—459). Одно из этих приспособлений позднее было опубликовано (см.: Старая Ладога. Л., 1948, табл. X, 4).

⁸ К сожалению, почти все они депортированы. Только на одном экземпляре слабо заметен шифр: Н—55, пл. 11, кв. 431.

изводстве керамики наиболее уверенно можно говорить лишь в случае, когда приспособления для обваривания найдены вместе с другими остатками производства (запасами глины, орудиями, бракованной посудой и т. д.). В Неревском конце Новгорода, например, во всех слоях встречено огромное количество ожежков и весловидных изделий. Следы же самого производства отмечены лишь в нескольких строительных ярусах, относящихся к X—XII вв.⁹

По нашему мнению, частые находки простейших приспособлений для обваривания связаны не столько с производством керамики, сколько с широким распространением в древнерусское время обычая обваривать глиняную посуду перед употреблением. Новую посуду подвергали обвариванию, возможно, не только ремесленники-гончары, но и сами хозяйки. Это предположение можно подтвердить этнографическими данными.

Остатки своеобразного обычая введения нового сосуда в хозяйственный обиход до недавнего времени еще сохранялись у народов Восточной Европы. Например, на Украине в конце XIX в. хозяйки строго придерживались следующего правила: новый горшок вначале выколачивали, затем просеивали в него немного ржаной муки, разводили ее водой и этой мучнистой водой обмывали горшок как внутри, так и снаружи. После этого ставили горшок в вытопленную печь на всю ночь. Наутро, вынув горшок, его не обмывали, а прямо складывали в него борщ¹⁰. В этой операции без труда улавливаются черты «обваривания», хотя и отдаленные. Практиковался на Украине и другой способ подготовки новых сосудов. Горшок ставили в печь, на жар, и когда он сильно разогревался, его извлекали, вливали горячую воду, всыпали немного ржаной муки, разбалтывали ее, после чего горшок накрывали и давали ему остыть. Когда же горшок остывал, остаток воды выливали, горшок мыли и ставили в вытопленную печь сохнуть. Точно так же поступали и с кувшинами. Только, когда кувшин высыхал, его, еще горячим, вымазывали дополнительно внутри и снаружи свяченным салом. Складывая борщ в новый горшок, его предварительно «крестили» мелом или углем снаружи: на дне и на боках ставили пять крестов¹¹.

Эти приемы обработки новых сосудов по существу те же, что и «обваривание» у гончаров русского Севера. Только производили такое обваривание не ремесленники, а сами хозяйки.

Внешний вид большей части приспособлений для обваривания, обнаруженных в древнерусских городах, позволяет предположить, что обваривание горшков перед введением их в обиход производилось самими хозяйками, подобно тому как это делали украинские женщины. Дело в том, что эти приспособления, как правило, бывали в употреблении мало. А если бы с их

⁹ А. А. Бобринский. Гончары-пидбляне.— СА, 1959, № 1, стр. 240.

¹⁰ В. Ш. Пища и питье крестьян-малороссов с некоторыми относящимися сюда обычаями, поверьями и приметами.— Этнографическое обозрение, 1899, № 1—2, стр. 273.

¹¹ Там же.

помощью обваривались большие партии сосудов, например 20—30 штук, что могло бы указывать на наличие производства, то в раскопках обнаружены бы образцы с признаками длительного использования — с сильно измененными размерами в результате сгорания рабочих участков, а также образцы, пришедшие в негодность из-за изношенности. Но подобные находки нам неизвестны.

Изучение археологических материалов, относящихся к обвариванию посуды, позволяет предположить, что широкое распространение этого приема обработки глиняной посуды связано с существованием в древнерусское время особого ритуала введения нового сосуда в хозяйственный обиход. Составной частью этого ритуала было обваривание посуды в хлебном (мучнистом) растворе, которое выполняли не только гончары, но и сами хозяйки.

В современном гончарстве обваривание посуды не является в строгом смысле технической традицией. Это скорее своеобразное приспособление гончаров к народным традициям, связанным не с производством, а с применением глиняной посуды в быту. Сами гончары выполняли обваривание из практических соображений — обваренную посуду покупали значительно охотнее. Среди гончаров наиболее распространено мнение, что путем обваривания достигалась требуемая окраска изделия — его стремились сделать черным или хотя бы серым, так как с цветом посуды связывали представления о ее «плодовитости», считая, например, что в черном кувшине образуются больше сметаны, в черном горшке — больше каши.

Из-за ограниченного объема статьи мы не можем сколько-нибудь подробно изложить наблюдения, важные для выяснения первоначального смысла обваривания посуды. Заметим только, что имеются основания рассматривать эту операцию в качестве одного из способов магического надения посуды «плодородием». Связь с магией плодородия позднее была утрачена, и к настоящему времени она прослеживается в основном только в представлениях о «плодовитости» посуды, окрашенной в черный цвет.

Таким образом, к обширному арсеналу магических средств, с помощью которых древние народы Восточной Европы влияли якобы на плодородие¹², может быть отнесен и существовавший в древней Руси обычай обваривания в хлебном растворе глиняной посуды.

¹² Б. А. Рыбаков. Космогония и мифология земледельцев энеолита. — СА, 1965, № 1, стр. 24—57; № 2, стр. 13—34; он же. Религия и мироопонимание первых земледельцев Юго-Восточной Европы (IV—III тысячелетия до н. э.). — VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения археологов СССР. М., 1966, стр. 106—120.

«КВАРТАЛ МЕТАЛЛУРГОВ» В ВЫШГОРОДЕ

А. А. Голубева

При раскопках древнего Вышгорода под Киевом в восточной части детинца обнаружен квартал ремесленников. Здесь выявлен комплекс жилых, хозяйственных и производственных построек, располагавшихся двумя рядами параллельно восточному краю плато, вдоль широкого (до 10—15 м) незастроенного пространства — улицы¹. Раскопки 1934—1937 гг. открыли здесь остатки кузниц, мастерских литейщиков и ювелиров, в том числе «мастерской чеканщика», о которой упоминает Б. А. Рыбаков². В. И. Довженок дал краткое описание этой части детинца Вышгорода, датировав ее раннефеодальным временем. Полная публикация раскопок до сих пор не осуществлена; значительная часть вещей и документов погибла во время немецко-фашистской оккупации Киева. Настоящая статья³ имеет целью уточнить дату «квартала металлургов» и ввести в научный обиход относящийся к нему инвентарь из собрания ГИМ.

В первом горизонте культурного слоя — черноземе, нарушенном пахотой и переконами, — встречались вещи X—XIX вв. Второй (нижний) горизонт — желтоватый суглинок — характеризуется более однородным составом находок. В этом горизонте были обнаружены хорошо сохранившиеся полуземлянки с большим количеством бытового и производственного инвентаря⁴. Их контуры с уцелевшей частью стен прослеживались с глубины 0,3—0,6 м по верхней границе суглинка, а основания залегали на 1,3—2 м от современной поверхности, в материке. Постройки (одно- и двухкамерные) служили как жилищами, так и жилищами-мастерскими. В числе последних были полуземлянки с уступами-«лавками», вырезанными вдоль стен из материкового суглинка и возвышавшимися над уровнем пола на 0,5—1 м. Вокруг построек располагались врезанные в материк зерновые и прочие хозяйственные ямы, часто заполненные отходами металлургического производства.

¹ В. И. Довженок. Обзор археологического изучения древнего Вышгорода за 1934—1937 гг. — *Археологія*, III. Київ, 1950, стр. 64—92, рис. 1.

² Б. А. Рыбаков. *Ремесло древней Руси*. М., 1948, стр. 291.

³ Я входила в группу сотрудников ГИМ, участвовавших под руководством Б. А. Рыбакова в довоенных раскопках Вышгорода.

⁴ В верхней части этого горизонта встречались остатки каких-то наземных построек.

И стратиграфия, и расположение позволяют говорить о хронологической близости полуземлянок. Об этом же свидетельствует и бытовой инвентарь. В заполнении полуземлянок найдены овально-удлиненные и овальные кресала, изогнутые с треугольными шишами шпоры, ключи и наконечники стрел, типы и варианты которых характерны преимущественно для XII—XIII вв. Во всех постройках встречены в большом количестве обломки стеклянных браслетов и перстней, воронкообразных кубков, бокалов и чаш из желтоватого прозрачного стекла. Как в верхней, так и в нижней части построек, на полу, в хозяйственных ямах было много разбитой глиняной посуды с зеленой и желтой поливой и поливных плиток. Здесь же найдены яйца-писалки с поливным узором скобками⁵, яички-погремушки, покрытые желтой поливой⁶, обломки амфор (некоторые со знаками и буквами), шиферные пряслища, число которых в границах одной постройки иногда доходило до 20. Обилие стеклянной и поливной посуды отличает Вышгород от таких периферийных поселений, как Райки, Плиснеск, Колодяжин, и подчеркивает городской характер его культуры. Массовость и стандартность этих изделий подтверждают дату — XII — первая половина XIII в., так как именно в то время производство стеклянной посуды и глазурованной керамики в Киевщине достигло наивысшего расцвета, и эти изделия стали доступны не только феодальной знати, но и рядовым горожанам. Тогда же, по мнению Т. И. Макаровой, в Вышгороде сложилась своя школа керамистов, применявшая особые способы ангобирования и глазурования посуды и выработавшая оригинальные ее формы⁷. Неполивная массовая керамика, найденная в постройках, также представлена развитыми типами круговой посуды XII—XIII вв. (горшки, миски, светильники, амфорки киевского типа и т. д.). Таким образом, открытые в Вышгороде постройки по вещам, найденным в них, датируются XII—XIII вв.

В основном все обнаруженные в восточной части детинца комплексы были мастерскими. У самой кромки плато располагались кузницы. Культурный слой здесь насыщен скоплениями угля, шлаков, остатками очагов или горнов. Этот участок особенно пострадал от обвалов и оползней. Вероятно поэтому здесь не обнаружено ни одного сохранившегося целиком производственного сооружения. Только на раскопе IV в 1936 г. были прослежены остатки разрушенной постройки с развалом кузнечного горна (?), окруженного огромным количеством угля и шлаков. Здесь же лежали шесть круглых криц. Почти во всех других полуземлянках восточной окраины детинца обработка железа представлена в сочетании с литьем и ковкой цветных металлов.

⁵ Т. И. Макарова. О производстве писанок на Руси. — Культура древней Руси. М., 1966, стр. 143, рис. 2, 3.

⁶ Там же, стр. 144. Их дата — XII—XIII вв.

⁷ Т. И. Макарова. Поливная керамика в древней Руси. Канд. дисс. Рукопись. Архив ИА АН СССР, стр. 178.

Начнем обзор с самых северных построек внешнего ряда. На площадке мыса, раскопанного целиком (шурф Д/1935), обнаружены остатки трех полуземлянок, расположенных по линии восток — запад, на расстоянии около 4,5 м друг от друга. Полуземлянка 3 — прямоугольная (3 × 4 м), с ямками от столбов вдоль стен и большой глинобитной печью (1,22 × 0,83 м) в северо-западном углу. Вдоль сохранившейся в высоту на 0,6 м северной стены — лавка; пол ниже лавки на 0,5 м и глубже современного уровня земли на 1,6—1,7 м⁸. Большая часть постройки обвалилась. У печи найдены около 20 шлаков, четыре слитка свинца и две свинцовые отливки конусовидной формы с отверстием. На разрушенном очаге (горне?) полуземлянки 1 лежали рядом разбитая глиняная льячка с округлым дном (рис. 1, 1) и свинцовая пластина, заключенная в железное кольцо (рис. 1, 4). Льячка относится к типу закрытых, широко представленных в мастерских литейщиков XII — первой половины XIII в. в Городске, Плиснеске, Колодяжине.

Назначение свинцовой пластины как подушки для тиснения щитков колтов определено Б. А. Рыбаковым⁹. Диаметр пластины (с кольцом) 5,7 × 5,3 см; высота 1 см. На одной стороне ее — углубление (до 0,4 см), произведенное, судя по размерам (3,4 × 2 см) и форме, вдавливанием в свинец матрицы колта. На обратной стороне свинец под влиянием удара оказался выжатым из обоймы и как бы натек на поверхность кольца. Здесь же видны следы прокола острием (возможно, от приспособления, которым пластина перед работой укреплялась в неподвижном положении). Матрицы из свинца встречаются очень редко. Аналогии вышгородской найдены всего дважды: в Киеве (в кузнице XIII в.)¹⁰ и на Княжьей горе¹¹. По-видимому, все три можно датировать началом XIII в. — временем массового применения техники тиснения в Киевской Руси и появления нового типа орнаментации серебряных изделий.

Разрушенный горн (?) полуземлянки 1 был забит железными шлаками. В яме рядом найдены свыше 70 шлаков, 10 слитков и пластин свинца весом 600—800 г и изделие из меди с овальной косо срезанной вершиной и двумя коническими выступами. Вероятно, это просто слиток меди, предназначенный для дальнейшей литейной или ковочной обработки, хотя форма его необычна. В заполнении полуземлянки 1 и рядом, в культурном

⁸ Жилища с лавками известны, кроме Вышгорода, на Колодяжинском, Плиснеском и Донецком городищах (см.: М. К. Каргер. Древний Киев, т. 1. М. — Л., 1958, стр. 358—362). Такие полуземлянки часто имели большие печи, которые могли использовать как горны. Р. І. Визжев. Будівлі «Малого Городища» X—XIII ст. в с. Городську. — АП УРСР, XII. Київ, 1962, стр. 147.

⁹ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 301.

¹⁰ М. К. Каргер. Указ. соч., стр. 395, рис. 89. Диаметр подушки 9 см.

¹¹ КГИМ, инв. № 32298, В—25/2453. Г. Ф. Корзухина ошибочно приняла ее за бронзовую литейную форму для отливки свинцового колта. См.: Г. Ф. Корзухина. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания. — СА, XIV, 1950, стр. 228. рис. 2, 3.

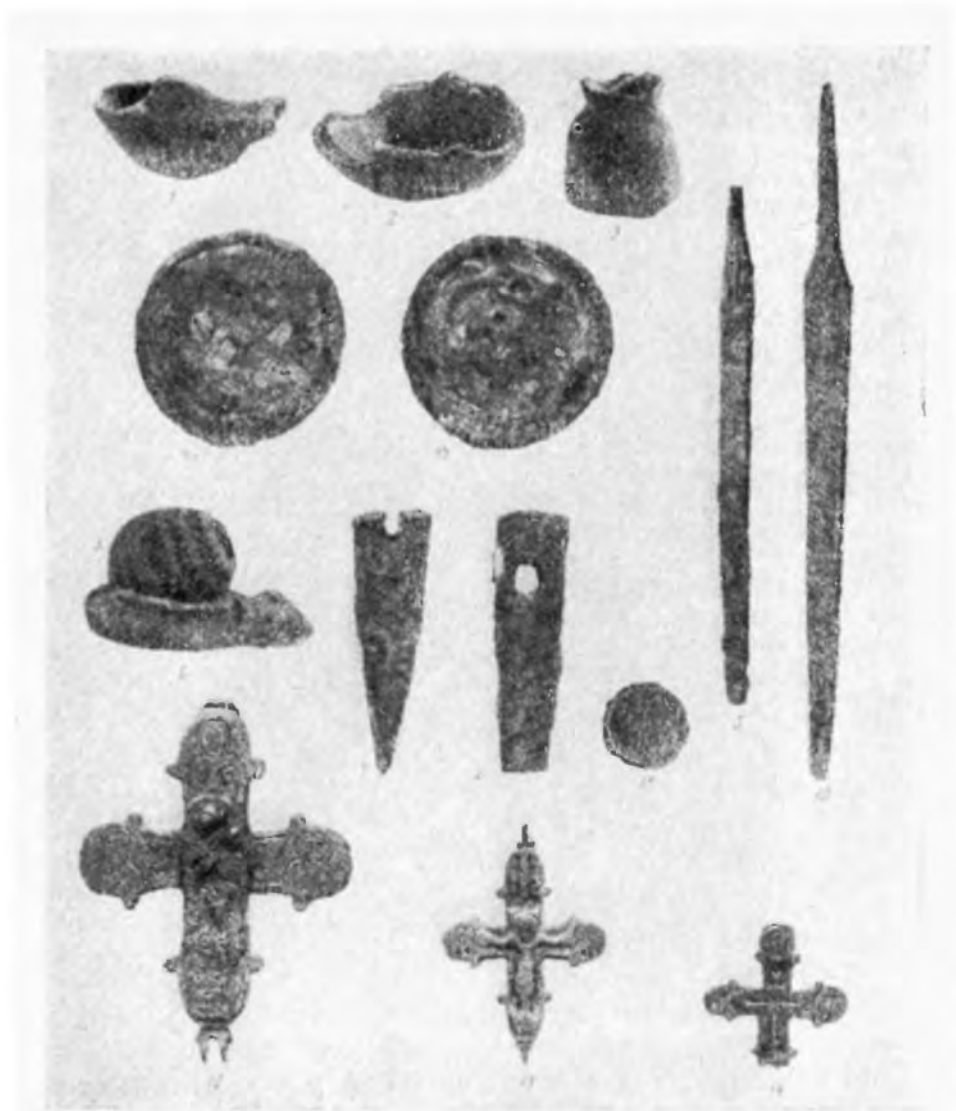

Рис. 1. Предметы из Вышгорода

1, 3 — льячки; 2 — тигелек; 4а, б — подушка для тиснения колтов; 5 — яйцо-писанка; 6 — ковшечек; 7, 8 — молоточки-чеканы; 9, 10 — напильники; 11 — матрица; 12—14 — створки янколмонов
1—3, 5, 6 — глина; 4 — свинец в железной обойме; 7—10 — железо; 11—14 — бронза

слое, найдены полосы, пластинки и тонкие листы меди, в том числе лист с вырубками, равными ширине лезвия зубила. Видимо, именно из этого листа был сделан пластинчатый браслет с загнутыми концами, оказавшийся в одной из хозяйственных ям. Браслет орнаментирован насечкой, образующей зигзагообразную линию. Такие браслеты по раскопкам в Плиссеске и Райковецком городище датируются XII—XIII вв.

Вне построек располагалось на материке несколько разрушенных очагов (горнов?). Около них найдены три ювелирных зубила, в том числе маленькое зубильце со скошенным лезвием, полый пробойник-чекан и ряд фрагментированных чеканов и пунсонов. Отсюда же происходит несколько орудий типа стамесок и долот. Выше, на границе первого и второго горизонтов культурного слоя, найден напильник (рис. 1, 9).

Среди огромного количества бытовых находок, обнаруженных вокруг построек в шурфе Д, заслуживают упоминания резная ладанка из кости (рис. 2, 5), шиферное пряслице с надписью «невесточи»¹² и горло красноглиняной амфоры с процарапанной буквой Б (рис. 2, 4). Весьма интересна и миниатюрная скульптура из розовой, хорошо обожженной глины, поднятая с развала печи полуземлянки 2. Размер сохранившейся части фигурки 3 × 1,5 см; она покрыта светло-зеленой поливой (рис. 2, 1, 2). Вторая, также разбитая скульптура найдена в Вышгороде в 1937 г. на полу жилища 2 раскопа 4. У этой фигурки полностью сохранился конический головной убор, из-под которого на спину опущены две врезанные линии. Полива также светло-зеленая¹³. Форма головного убора этих скульптур и две пересекающие его линии хорошо передают тип русского сфероконического шлема X—XIII вв., склепанного из четырех полос. Линии, проведенные от шлема на спину, возможно, изображают бармицу. По характеру глины и цвету поливы скульптуры можно отнести к группе керамических изделий конца XII — начала XIII в.

Южнее шурфа Д были открыты две жилые мастерские (шурф Ж/1935). От первой полуземлянки сохранились только западная стена длиной 4,5 м, часть пола и печи. Пол и околочечная яма были завалены шлаками. В хозяйственной яме, примыкавшей к постройке, найдены множество шлаков, две массивные кузнечные крицы с треугольными выемами¹⁴, слитки свинца, ювелирное зубило, фрагмент медного ажурного обода от хороса.

Вторая полуземлянка¹⁵ — прямоугольная (3,8 × 3,8 м), с большой (1,5 × 1 м) глинобитной печью в северо-восточном углу. Печь поставлена на материковом останце, возвышающемся над уровнем пола на 0,75 м.

¹² Б. А. Рыбаков. Указ. соч., рис. 39.

¹³ Своей миниатюрностью вышгородские скульптуры отличаются от группы других, происхождение которых, вероятно, следует связывать с Киевом (КГИМ, № 17033, 301 014); совершенно такие же фигурки найдены при раскопках Галича, Воина и Повгорода (последняя — в слое конца XII в.).

¹⁴ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 131, рис. 17.

¹⁵ В. И. Довженок. Указ. соч., стр. 70.

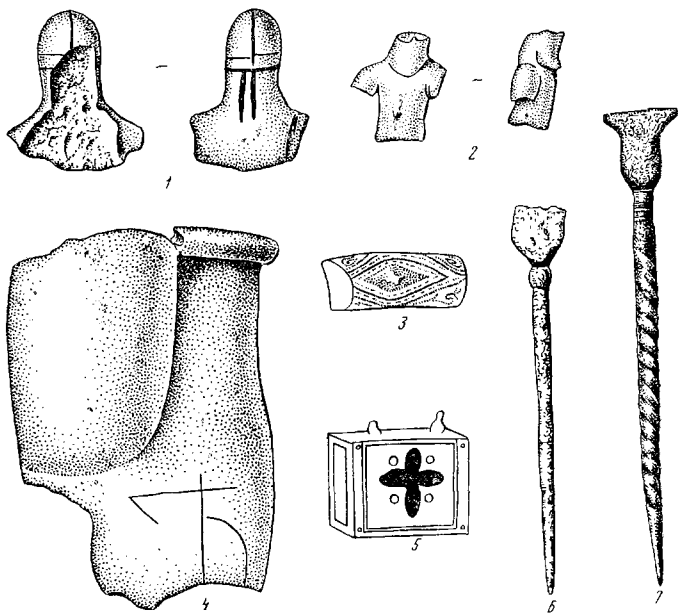

Рис. 2. Предметы из Вышгорода

1 — скульптура воина (Киевский исторический музей); 2 — фрагмент скульптуры; 3 — обломок синего византийского стеклянного браслета с росписью X в.; 4 — горло амфоры с буквой В; 5 — ладанка; 6, 7 — писала

1, 2, 4 — глина; 3 — стекло; 5 — кость; 6, 7 — железо

Вдоль трех стен — лавки; пол на 0,5 м ниже лавок и на 1,2 м глубже уровня современной поверхности. На производственный характер постройки указывают большое количество шлаков, слитки свинца. Рядом найдены обрывки медных пластинок и скрученной проволоки, два железных ювелирных зубила, длина которых 6 см, а ширина лезвия 1 и 0,5 см, и две створки от двух разных медных энколпионов (рис. 1, 12, 13). Оба энколпиона принадлежат к типу рельефно-черневых и, судя по аналогичным изделиям из киевских литейных мастерских, могут быть датированы первой половиной XIII в.¹⁶

Следующая постройка внешнего ряда — жилая (раскоп 4/1937). Это четырехугольная полуземлянка площадью 3,68 × 3,3 м. Небольшая печь (диаметром около 0,5 м) располагалась у восточной стены. Пол углублен

¹⁶ Г. Ф. Корзунина. О памятниках «корсунского дела» на Руси. — ВВ, XIV, 1958, стр. 133; А. А. Медынцева. О датировке некоторых типов энколпионов. — Археологический сборник. М., 1961, стр. 66; М. К. Каргер. Указ. соч., табл. LVIII.

в материк на 0,9 м (от современной поверхности — на 1,3—1,5 м). По углам видны ямки от столбов, вход был с юга. Здесь найдены почти целый ковчичек, покрытый зеленой поливой (рис. 1, б), глиняное ячико-погремушка с круглым отверстием в центре, покрытое желтой поливой, яйцо-писанка с желтыми узорами — скобками по темному блестящему фону (рис. 1, в), стальное овальное кресало. Далее на юг в этом же внешнем ряду располагались две полуземлянки, в которых сохранились следы не только литейно-ювелирного, но и стекловаренного и эмальерного производства. Это самые южные из исследованных построек внешнего ряда. Полуземлянка 1 (раскоп 4/1937) — неправильно-прямоугольной формы (4,5 × 4 м). У северной стены — развал большой печи, у восточной и западной — лавки; пол ниже лавок на 0,8 м и глубже современного уровня на 1,5—1,6 м. Вдоль стен и в центре пола — ямки от столбов; вход был с юга, где сохранились две ступеньки. С севера к полуземлянке примыкала неправильно-прямоугольная пристройка площадью 2,7 × 2 м. В заполнении полуземлянки найдены шлаки и кузнечная крица, слитки свинца, обрешки листовой меди, обломки круговой посуды с застывшими мазками эмали разных цветов и каплями серебра (пробы мастера?). Вне постройки обнаружены ювелирное зубило и круглая бронзовая матрица — штамп (рис. 1, г). Судя по размеру (2, 3 см), такая матрица могла служить для тиснения щитков медальонов, из которых составлялись диадемы и нагрудные цепи. В полуземлянке на полу среди множества бытовых находок был обнаружен сероглиняный кувшин, покрытый зеленой поливой; это прекрасный образец изделий местных керамических мастерских конца XII — начала XIII в.

Западнее полуземлянки 1 располагалась полуземлянка 2 — прямоугольная постройка (2,7 × 2,5 м) с полом, углубленным от современного уровня на 1 м; по углам — ямки от столбов; у северной стены — развал печи. В заполнении полуземлянки найдены стекловидные шлаки, слитки свинца, кусок серы и глиняный толстостенный тигелек (рис. 1, д). Сера и свинец — необходимые компоненты в стекловарении. Свинец являлся существенной частью состава смальт и стекла для браслетов и посуды, а также употреблялся в качестве красителя. Сера и свинец были найдены и в стекловаренной мастерской, открытой в 1951 г. В. А. Богусевичем на территории Киево-Печерской лавры¹⁷. Тигелек — толстостенный, высота его 3,5 см, диаметр днища 3 см. Он покрыт мазками желто-коричневой поливы. Тигельки, сходные по форме и размеру с вышгородскими, найдены в Райках¹⁸, Колодяжине¹⁹ и Киеве²⁰. По мнению М. К. Каргера, в таких маленьких тигельках могли скорее всего изготавливаться эмали.

¹⁷ В. А. Богусевич. Мастерские XI в. по изготовлению стекла и смальты в Киеве. — КСИА АН УССР, III, 1954, стр. 45.

¹⁸ В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 103, табл. XVI, 1.

¹⁹ Р. О. Юра. Древний Колодяжин. — АН УРСР, XII. Київ, 1962, стр. 72, рис. 32, 19.

²⁰ М. К. Каргер. Указ. соч., стр. 404, рис. 93.

Рядом с полуземлянкой 2 обнаружена льячка закрытого типа с двумя выступами — вверху и сзади — для захвата клещами (рис. 1, 3). Такие льячки известны благодаря находкам в Киеве, Плиссеске, Белоозере и Новгороде в слоях XI—XIII вв. Льячки этого типа могли служить одновременно и тигельками для плавки меди, серебра и эмали.

Второй, внутренний ряд построек располагался на 10—15 м западнее и параллельно первому внешнему ряду. Самой южной в этом ряду была двухкамерная постройка раскопа 4/1937. Жилая ее часть представляла собой полуземлянку (5,4×4,5 м) с большой печью (около 0,9×0,9 м) в северо-западном углу. Вдоль трех стен шли лавки; пол ниже лавок на 0,7 м и глубже современного уровня земли на 1,8 м. Вход был с востока, где сохранились четыре ступеньки. С севера к жилищу примыкала прямоугольная наземная клеть (3,3×2,3 м), в центре которой находилась зерновая яма²¹. В этом жилище размещалась и металлургическая мастерская, поскольку на полу были обнаружены шлаки и обломки круговых горшков с прикипевшими железными крицами. Вероятно, здесь производилась цементация железа в горшках-муфелях.

Севернее первой полуземлянки находилась вторая, вошедшая в раскоп лишь частично. В ней встречены олово, стекловидные шлаки, глиняное пряслище, покрытое желтой поливой, и скульптура воина, о которой упоминалось выше. Вне полуземлянки найдены бронзовые крестик с выемчатой эмалью и створка черногого энколпиона (рис. 1, 14), датирующегося по аналогии с киевским первой половиной XIII в.²² Еще дальше на север (раскоп 4/1936) была раскопана вторая двухкамерная постройка, состоявшая из двух прямоугольных полуземляночных помещений. В жилой постройке располагалась, видимо, косторезная мастерская. В ней найдено много обрезанных и опиленных кусков оленьих рогов.

Самыми северными из исследованных построек второго (внутреннего) ряда были две полуземлянки раскопа 4/1935. Западная постройка, состоявшая из основного помещения и пристройки с зерновой ямой, была жилой. Восточная представляла собой однокамерную прямоугольную полуземлянку (4,6×2,7 м). Большая печь (1,10×0,9 м) находилась в северо-восточном углу; вдоль всех стен были лавки, возвышавшиеся над уровнем пола на 0,7 м. Глубина пола от современной поверхности составляла 1,3 м. В северную стену постройки была врезана хозяйственная яма воронкообразной формы²³. В яме, помимо бытового инвентаря, было множество шлаков. Шлаки и руда встречены и в заполнении жилища. Вблизи постройки найдены два ювелирных молоточка (рис. 1, 7, 8). Ювелирные молоточки — нечастая находка при раскопках древнерусских памятников, среди которых можно назвать погребение ювелира из Пересопницкого могиль-

²¹ В. И. Довженок. Указ. соч., стр. 71.

²² М. К. Каргер. Указ. соч., табл. LVIII.

²³ В. И. Довженок. Указ. соч., стр. 70.

ника X в., Чернигов, Княжью гору и Плиснеск. Два ювелирных молотка XI и XII вв. происходят из Новгорода и один XII—XIII вв.— из Старой Ладogi. Известны они и в Белоозере.

К интереснейшим находкам из культурного слоя раскопа 4/1935 следует отнести два железных писала. Одно (рис. 2, 6), по классификации А. Ф. Медведева²⁴, относится к середине XI в., другое (рис. 2, 7) — к рубежу XII—XIII вв.

Обзор ремесленных мастерских-полуземлянок восточной окраины Вышгородского детинца подтверждает предположения исследователей о том, что в домонгольской Руси, несмотря на дифференциацию ремесел, существовала тесная связь между литейным и ювелирным делом и что нередко даже городские мастера в одном и том же жилище-мастерской занимались обработкой железа и цветных металлов.

Весь рассмотренный материал убеждает в том, что вышгородские мастерские по металлу прекратили свое существование одновременно — в первой половине XIII в., что логично связать с татаро-монгольским разгромом Киева в 1240 г.

²⁴ А. Ф. Медведев. Древнерусские писала X—XV вв.— СА, 1960, № 2, рис. 1, 4, 3, 2.

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЕ ИЗДЕЛИЯ В ДРЕВНЕРУССКИХ ГОРОДАХ БЕЛОРУССИИ

Ф. Д. Гуревич

До недавнего времени попытка проследить какие-либо взаимоотношения между древнерусскими городами XII—XIII вв. на территории Белоруссии и странами Ближнего Востока могла вызвать лишь недоумение. Слишком мало было известно о материальной и духовной культуре этих городов. Только их плодотворное археологическое изучение, которым ознаменовались последние два десятилетия, предоставили в наше распоряжение данные для размышлений о специфике внешних связей этих отдаленных друг от друга территорий.

Возникнув в конце X и в XI в., древнерусские города на территории Белоруссии к XII в. достигают большого расцвета. В некоторых из них удивительно ярко отразились культура и быт городской знати. Она, как видно на примере Новогрудка, даже селилась в особом квартале¹. Князья, бояре, купцы и богатые ремесленники городов широко пользовались привозными изделиями. Это были, разумеется, в первую очередь предметы роскоши. В богатый ассортимент импортных вещей, принадлежавших городской верхушке, входят многочисленные причерноморские амфоры, разнообразнейшие изделия ювелиров Киева, Прибалтики и стран Запада, посуда и украшения киевских стеклодельных мастерских и многое другое. Особую группу находок составляют изделия ближневосточного происхождения.

Первое место в ближневосточном импорте древнерусских городов Белоруссии принадлежит стеклянной посуде. Она хорошо выделяется формой, декором и отличным качеством стекла, сваренного по натриево-кальциевому рецепту. Ближневосточная посуда была изготовлена в мастерских Византии и Сирии. Судя по наиболее многочисленной коллекции стекла из Новогрудка, где найдены обломки более 40 сосудов, из Византии привозили тонкостенные кубки, флаконы, чаши и другие сосуды из бесцветного, молочно-белого, синего, голубого и красно-фиолетового стекла, расписанные белой и красной эмалью и золотом. Византийским стеклоделам принадлежали также двуслойные трехцветные сосуды, иногда расписанные золотом.

¹ Ф. Д. Гуревич. О жилищах окольного города древнего Новогрудка. — КСИА АН СССР, вып. 87, 1962; она же. Дом боярина XII в. в древнерусском Новогрудке. — КСИА АН СССР, вып. 99, 1964.

Обломки фаянсовой посуды с листовкой росписью из Новоградка

1-3 — с односторонней росписью; 4-6 — с двусторонней росписью

В сирийских мастерских изготовлялась как тонкостенная, так и толстостенная стеклянная посуда. Таковы кубки с арабской надписью, расписанные красной, белой и зеленой эмалью, а также золотом, бокалы с резьбой и гравировкой, рифленая посуда с наплавленными нитями и др. Производством этих сосудов славились города Ракка и Алеппо².

Обломки разнообразной византийской и сирийской стеклянной посуды найдены в Турове³. При раскопках древнерусского Слонима обнаружен обломок сосуда с арабской надписью⁴. Обломки тонкостенных стеклянных флаконов найдены в Гродно⁵.

Художественная посуда иного рода была доставлена из Ирана. Это изделия из фаянса, покрытые люстровой росписью. В Новогрудке встречены обломки фаянса, принадлежавшие приблизительно десяти сосудам. Среди этой посуды можно выделить несколько чаш на поддоне, часть фигурного сосуда и некоторые другие формы. Роспись сосудов двусторонняя — желтая, синяя и красная (рис. 1, 4—6) — и односторонняя — коричневая, красная и синяя (рис. 1, 1—3). В отличие от стеклянной посуды, почти все образцы которой уникальны, изделия из фаянса, покрытые люстровой росписью, имеют много аналогий в музеях и частных собраниях⁶. По выражению Э. К. Кверфельдта, фаянсовая посуда с люстровой росписью является апогеем расцвета керамики феодального периода. Родиной этой посуды считают Рей, Кашан и другие города Ирана⁷. В древнерусских городах такая фаянсовая посуда встречается очень редко. Она найдена в Саркеле⁸ и Новгороде. Характерно, что в Новгороде она концентрировалась на территории богатой усадьбы, принадлежавшей, вероятно, боярской семье Лукиничей⁹.

Знать древнерусских городов на территории Белоруссии пользовалась также ближневосточными шелковыми тканями. Плохая сохранность тканей объясняет, почему находки их единичны. Отметим узорчатую шелко-

² Р. М. Жанполадян. Два стеклянных сосуда из Новогрудка. — ВВ, XIX, 1961; Ф. Д. Гуревич. Стеклянный резной бокал из Новогрудка. — СА, 1963, № 2. Восточная стеклянная посуда Новогрудка опубликована в работе: Ф. Д. Гуревич, Р. М. Жанполадян, М. В. Малевская. Восточное стекло в древней Руси (в печати).

³ М. Д. Полубояринова. Стеклянная посуда древнего Турова. — СА, 1963, № 4, стр. 236, 238, рис. 2, 3—8.

⁴ Любезно сообщено руководителем работ Г. И. Пехом.

⁵ Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. — МИА, № 41, 1954, стр. 60.

⁶ A. U. Pore. A Survey of Persian Art, V. London — New York, 1938, № 598, 603, 635, 649; A. Lane. Islamic Pottery from the Ninth to the Fourteenth Centuries A. D. London, 1956, табл. 41, 44, 52; W. Hein. Frühe islamische Keramik im Osterreichischen Museum für angewandte Kunst in Wien. Wien, 1963, табл. VI.

⁷ Э. К. Кверфельдт. Керамика Ближнего Востока. Л., 1947, стр. 56—57.

⁸ Б. А. Шелковников. Поливная керамика Саркела — Белой Вежи. — МИА, № 75, 1958, стр. 303—306.

⁹ А. Ф. Медведев. Ближневосточная и золотоордынская поливная керамика из раскопок в Новгороде. — МИА, № 117, 1963, стр. 270—271.

вую ткань в Гродно¹⁰ и шелковый пояс из Новогрудка¹¹. Византийские шелковые ткани — излюбленная статья ввоза в древней Руси¹², и нет ничего удивительного, что в обиходе городской верхушки был и шелк.

Интересна новогрудская пластинка из рога с вырезанными на ней восьмиугольными звездочками, вписанными в круг. Такие пластинки известны на византийских ларцах¹³.

Влияние Ближнего Востока сказывается и на местных изделиях. Так, фигуркам шахматных коней, изготовленным косторезами Новогрудка и Турова, придана геометрическая форма. Они представляют собой образцы восточной символики в шахматах¹⁴.

Археологические материалы убедительно свидетельствуют, таким образом, что в древнерусских городах на территории Белоруссии были найдены предметы роскоши из Византии, Сирии и других стран Ближнего Востока. Трудно сказать, как попали сюда эти высокохудожественные и очень дорогие вещи. Надо полагать, что часть из них, вероятно в первую очередь иранская посуда, появилась здесь в результате торговых связей. Об активной торговле свидетельствуют находки безменов, деталей весов, гирек и разновесок. Не исключено, что отдельные восточные вещи были военной добычей. Обращает на себя внимание, что ближневосточные изделия найдены преимущественно в городах западных областей Белоруссии (Гродно, Новогрудок, Слоним, Волковыск, Туров и др.). В культурных слоях этих городов нередко встречаются первоклассное оружие и детали снаряжения всадников¹⁵. Возможно, что здешние купцы, одновременно бывшие и воинами, могли принимать непосредственное участие в европейских походах на Византию и Сирию и привозить оттуда в числе награбленной добычи редкостные вещи, о которых говорилось выше.

¹⁰ Н. Н. Воронин. Указ. соч., стр. 66.

¹¹ Найден при раскопках богатой постройки в 1959 г.

¹² Б. А. Рыбаков. Торговля и торговые пути.— ИКДР, т. I. М.—Л., 1948, стр. 327—328.

¹³ C. Diehl. Manuel d'art Byzantin, 2. Paris, 1926, рис. 317.

¹⁴ И. М. Лилдер. Шахматы на Руси. М., 1964, стр. 63—64.

¹⁵ Я. Г. Зверуго. Раскопки в Волковыске в 1965 г.— Вопросы истории и археологии. Минск, 1966, стр. 325; Н. Н. Воронин. Указ. соч., стр. 54, рис. 22.

Обширная коллекция новогрудского оружия хранится в ЛОИА.

СТОРОЖЕВЫЕ ГОРОДА НА ЮГЕ КИЕВСКОЙ РУСИ

В. И. Довженок

Киевская Русь испытывала постоянную опасность нападения степных кочевников. Оборона границ была необходимым условием нормальной жизни страны и главнейшей задачей государства. В ряду государственных мероприятий по обороне страны от кочевников самым значительным было укрепление границ путем создания системы городов-крепостей. В 80-х годах X в., когда усилились нападения на русские земли печенегов, Киевское государство предприняло строительство системы городов-крепостей на Остре, Трубежке, Суле и Стутне¹. В 30-х годах XI в. строительство городов-крепостей, вызванное активизацией печенегов, теснимых с востока новыми ордами кочевников, было продолжено на Роси². Во второй половине XI в. появились наиболее воинственные и опасные кочевники — половцы. В этот период усилилось строительство городов-крепостей на юге Киевской Руси, в частности на Днепре. К концу XI в. был создан ряд линий обороны из городов-крепостей, располагавшихся по берегам рек. Все они вместе составили единую взаимосвязанную систему обороны на юге Киевской Руси.

Наиболее важными в этой системе были Посульская, Поросская и Днепровская линии. Города-крепости, находившиеся на этих реках, принимали на себя первые удары кочевников и предупреждали об опасности население удаленных от границ земель (рис. 1).

Сула служила естественным рубежом, отделявшим в X—XII вв. русские поселения от степных кочевников на юго-востоке. Согласно представлениям русских людей, она была краем их земли, за ней, по выражению автора «Слова о полку Игореве», начинались «земли незнаемы»³. Переход Сулы русскими войсками воспринимали в народе как победу над кочевниками: «Жомони ржуть за Сулою, звенить слава в Киеве»⁴. Широкая заболоченная пойма на левой стороне реки и высокий гористый правый берег, на котором располагались крепости, были серьезным препятствием для кочевников при их попытке проникнуть в глубь русских земель.

¹ ПВЛ, т. I. М.— Л., 1950, стр. 11.

² Там же, стр. 101.

³ Слово о полку Игореве. М.— Л., 1950, стр. 37.

⁴ Там же, стр. 36.

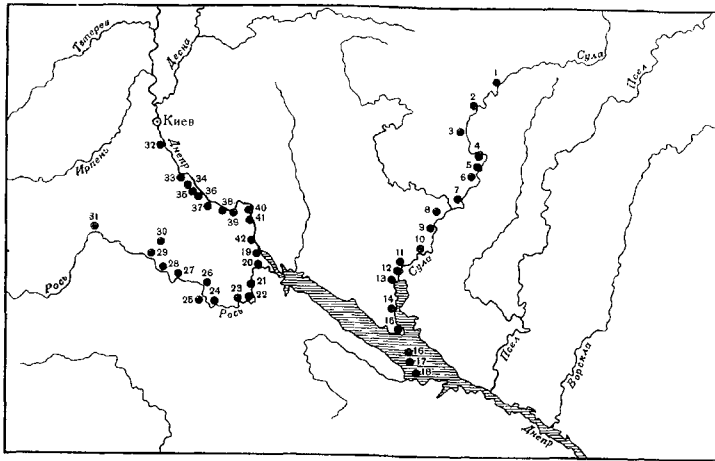

Рис. 1. Древнерусские города по Суле (1—18), Роси (19—31) и Днепру (32—42)

1 — Ромны (летописный Ромен); 2 — Глинск; 3 — Свиридовка; 4 — Скоробогатки; 5 — Бодавца; 6 — Сечча (летописный Сянец); 7 — Снитин (летописный Княтин); 8 — Лубны (летописный Лубно); 9 — Маковцы (возможно, летописный Снопород); 10 — Лукомль; 11 — Тарасовка; 12 — Чутовка; 13 — Буримка; 14 — Лящевка; 15 — Кизивер; 16 — Жовнин (летописный Желни); 17 — Жовнин на Полянщинце; 18 — Воинская Гребля (летописный Воинь); 19 — Княжа гора у Канева (летописный Роден); 20 — Хмельное; 21 — Девич гора у с. Сахновка; 22 — Нетребовка; 23 — Корсунь; 24 — Стеблев; 25 — Хлеровка; 26 — хут. Половецкий; 27 — Богуслав; 28 — Саварки; 29 — Бушево; 30 — Ольшаница; 31 — Белая Церковь (летописный Юрьев); 32 — Китаево; 33 — Триполье (летописный Триполь); 34 — Халепье (летописный Халеп); 35 — Витачев (летописный Витачев); 36 — Витачев (летописный Новгород Святополч); 37 — Ржищев (летописный Иван); 38 — Шугинка (летописный Чучин); 39 — Ходоров; 40 — Зарубинцы (летописный Заруб); 41 — Григоровка; 42 — Канев

От верховьев Сулы до устья известно 18 древнерусских городищ (рис. 1, 1—18). Все городища расположены на господствующих высотах правого берега, удобных для наблюдения и обороны, на более или менее одинаковом расстоянии одно от другого. Видимо, каждому городу-крепости отводился для наблюдения и охраны определенный участок границы протяженностью в среднем около 10 км. Некоторые из них находились в наиболее удобных в стратегическом отношении местах, занимали в оборонительной линии ключевое положение и в обороне играли особую роль. К ним относятся Лубенское, Маковское, Кизиверское и Воинское городища. Выдающееся

оборонное значение двух последних городищ подтверждено археологическими раскопками⁵.

В обороне южных границ Руси на правом берегу Днепра Рось играла такую же роль, как Сула на левобережье. На Роси, от ее истоков до устья, известно 13 древнерусских городищ (рис. 1, 19—31). Из них археологически исследованы Княжа гора⁶, Девич гора⁷, городища у с. Ольшаницы⁸ и у хут. Половецкого и частично Хлеровское⁹. Поросские городища расположены также на внутреннем (относительно Руси) левом берегу реки, на более или менее равном расстоянии одно от другого, в наиболее удобных для наблюдения и обороны местах.

Взаимосвязанность поросских городищ в общей линии обороны по реке прослеживается на примере участка в среднем течении Роси. Этот участок, сильно выдвинутый на юг, подвергался, видимо, особой опасности, и оборона его была особенно важна. Здесь находится группа городищ, в которую входят на левом, внутреннем, берегу Роси городища у с. Стеблева и у хут. Половецкого, а на правом берегу — городище у с. Хлеровки, единственное из поросских городищ, расположенное за рекой. Гора, на которой стоит Хлеровское городище, возвышается над поймой на 70 м и господствует над всей окрестностью. Отсюда хорошо просматриваются дали правой и левой сторон Роси и видны Стеблевское и Половецкое городища. Хлеровское городище невелико — в диаметре всего 50 м, но очень хорошо укреплено двойной линией валов и рвом. Если учесть еще крутые склоны горы, то городище, можно сказать, почти неприступно. Особенностью его является и отсутствие культурного слоя. В шурфах, что были заложены во время разведки, обнаружен только слой золы с кусочками печины и угольками да парой мелких древнерусских черепков. Никаких признаков постоянной продолжительной жизни не обнаружено и в окрестностях городища. Все это позволяет заключить, что Хлеровское городище было выдвинутым за Рось сторожевым пунктом, где жили небольшие сменявшиеся группы людей, так называемая сторожа. В задачу сторожи входило предупреждать население на левой внутренней стороне Роси о приближении неприятеля. Сведения отсюда передавались прежде всего на ближайшие Стеблевское и Половецкое городища, а затем по цепи других городищ — дальше, в глубь страны. Средством оповещения служили, види-

⁵ М. П. Кучера. Древноруські городища біля хутора Кизивера.— Археологія, т. XVI. Київ, 1964, стр. 103; В. К. Гончаров, В. А. Богусевич, Р. А. Юра. Раскопки древнерусского города Воиня в 1956 г.— КСИА АН УССР, вып. 8, 1959, стр. 60.

⁶ Н. Беляшевский. Княжа гора.— Киевская старина, 1891, т. 31; он же. Раскопки на Княжей горе в 1891 г. Киев, 1892; он же. Раскопки на Княжей горе в 1892 г. Киев, 1893.

⁷ В. И. Довженок, Н. В. Лінка. Розвідки древноруських городищ на нижній Росі в 1949 р.— АП УРСР, т. V. Київ, 1955, стр. 151.

⁸ Раскопки Б. А. Рыбакова в 1966 г.

⁹ В. И. Довженок. Городища и селища на Роси и Россаве.— КСИА АН УССР, вып. 5, 1955, стр. 51.

мо, сигнальные костры. От таких костров и образовался, нужно полагать, зольный слой на Хлеровском городище.

Днепровская линия городищ тянется по правому берегу Днепра, от самого Киева до Роси (рис. 1, 32—42). Археологическим исследованиям подвергались Витачев¹⁰, Новгород Святуполч¹¹, Иван¹², Чучин¹³, Ходоровское городище¹⁴. Каждое из днепровских городищ занимает среди высот правого берега наиболее высокий и естественно защищенный пункт, который удобен для обороны и наблюдений над окрестностями. Почти с каждого из них можно обозреть дали на левом берегу Днепра и наблюдать высоты с ближайшими городищами на правом берегу. Такое расположение городищ позволяло поддерживать между ними постоянную связь, которую могли осуществлять как гонцы, так и посредством световой сигнализации. Применение световой сигнализации между городищами Днепровской линии подтверждено раскопками Витачевского городища. Здесь обнаружены остатки башни, что стояла на самом высоком месте над Днепром. Башню перекрывал слой земли, на котором обнаружено скопление золы, образовавшееся, по мнению Б. А. Рыбакова, от сигнальных костров¹⁵.

Днепровская оборонительная линия имела радиальное направление к вражеской территории — Половецкой земле. Но это не уменьшало ее значение в обороне страны. Она являлась частью всей южной оборонительной системы Руси наряду с Посульской и Поросской линиями, обращенными к половецкой территории фронтально. Поросская линия прикрывала с юга правобережные земли Руси, Посульская — с юго-востока левобережные земли. Главная опасность всегда угрожала Руси с левой стороны Днепра, с юго-востока, где находились основные половецкие кочевья. Посульская линия оказалась недостаточным заслоном от половцев, и их отряды часто разоряли левобережные земли Руси. Летописи полны скорбных сообщений о нападении половцев на левобережные города и села. Поднепровские крепости образовали второй заслон, защищавший правобережные земли в случае прорыва половцами Посульской линии.

Можно предполагать, что через днепровские города осуществлялась связь Посулья и Поросья с Киевом. С любого места на Роси сведения могли быстро достигать Княжьей горы или Канева на Днепре, а отсюда —

¹⁰ Б. А. Рыбаков. Любеч и Витачев — ворота «внутренней Руси». — Тезисы докладов советской делегации на I Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве. М., 1965, стр. 33.

¹¹ Н. Н. Воронин, П. А. Раппопорт. Археологическое изучение древнерусского города. — КСИА АН СССР, вып. 96, 1963, стр. 6.

¹² В. К. Гончаров. Древньоруське поселення Іван-гора. — Археологія, т. XVI. Київ, 1964, стр. 126.

¹³ В. І. Довженко. Літописний Чучин. — Археологія, т. XVI. Київ, 1964, стр. 119.

¹⁴ М. П. Кучера. Ходорівське древньоруське городище. — Археологія, т. XX. Київ, 1966.

¹⁵ Б. А. Рыбаков. Любеч и Витачев — ворота «внутренней Руси», стр. 33.

и Киева. Вероятно, связь с Днестром была налажена и у посульских городов. Может быть, благодаря ей в Киеве быстро узнавали о появлении половцев на Руси или Суле, и киевские князья успевали выслать павстречу им свои дружины, по выражению летописца, пойти «перекры» им¹⁶.

Все города, входившие в систему обороны на юге Киевской Руси, играли роль военных крепостей. Но они возникли в разное время и отличались друг от друга по социальному значению и исторической роли.

Самыми ранними считаются Родня, Витачев и Воишь, основанные в X в. Были, конечно, в этом районе, в частности на Суле, и другие ранние города, основанные при Владимире Святославиче. Но о том, какие из них конкретно относятся к этому времени, у нас нет ни летописных, ни археологических данных. Преобладающее большинство городов было построено здесь в XI в., особенно во второй его половине. В этот период возникли, например, Новгород Святополч, Иван и Чучин на Днестре.

Среди укрепленных пунктов, входивших в оборонительную систему на юге Киевской Руси, были города — центры ремесла и торговли. На Суле — Воишь и, возможно, Лубен, на Руси — Корсунь, Торческ и Юрьев, на Днестре — Трнополь, Витачев, Заруб и Канев. Наиболее полно исследован археологически город Воишь.

Древний Воишь находился в устье Сулы. Он был основан в 80-х годах X в. как одна из крепостей на юго-восточной границе Руси. Более двух с половиной столетий стоял он на страже русских земель, оправдывая свое имя. Летописи рассказывают о том, как Воишь выдерживал нападения торгов и половцев и как кочевники терпели поражения под его стенами¹⁷. Пережил Воишь и особенно опустошительный поход половцев в 1186 г., когда, по выражению летописца, половецкий хан Кончак «спнес Сулу»¹⁸. Погиб город во время татаро-монгольского нашествия в 1240 г. От него сохранилось имя в названии села Воишцы Градижского района Полтавской области, возле которого находится и древнее городище. Теперь место, где стоял древний Воишь, затоплено водами Кременчугского моря и от городища остался лишь небольшой островок. Перед затоплением в 1956—1959 гг. на Воинском городище были произведены археологические исследования¹⁹.

Воишь стоял на правом берегу Сулы, среди широкой поймы, изрезанной водоемами и поросшей лесом. Такое положение обеспечивало городу естественную защиту. Он занимал площадь около 28 га и делился на две части — укрепленный детинец площадью около 5 га и неукрепленный посад площадью около 23 га. Вал и ров ограждали детинец не со всех сторон, а лишь с запада, охватывая его полукругом. С востока город был защищен рекой. В середине детинца протекал ручей, который брал начало у одного

¹⁶ Ипатьевская летопись. М., 1962, стр. 357.

¹⁷ ПВЛ, т. I, стр. 109, 135, 187; Лаврентьевская летопись. М., 1962, стр. 315.

¹⁸ Ипатьевская летопись, стр. 716.

¹⁹ В. I. Довженко, В. К. Гончаров, Р. О. Юра. Древньоруське місто Воишь. Київ, 1966.

из рукавов Сулы (старое русло), шел параллельно валу, огибая площадь детинца, и впадал в основное русло реки. Раскопками установлено, что русло ручья подправляли искусственно. Ручей служил гаванью, куда заходили речные суда, плывущие по Днепру и Суле. К ручью подходила вымощенная бревнами дорога, которая шла от ворот детинца и связывала гавань с ремесленно-торговым посадом Воиня. Укрепления Воиня были совершенными сооружениями инженерного фортификационного искусства того времени. Крепостная стена шириной 6 и 8 м состояла из двух и трех рядов дубовых срубов-тарас, засыпанных изнутри землей. Снаружи вдоль стены проходил ров глубиной до 4 м. Возвышаясь над рвом и валом, мощная дерево-земляная стена была почти непреступна для неприятеля.

С внутренней стороны к крепостной стене примыкал ряд помещений-клетей. Одни из них строились одновременно с тарасами и конструктивно были связаны с ними, другие представляли собой отдельные, не связанные с крепостной системой срубы. Внутри помещений, кроме остатков от сгоревших стен, потолков, полов и обстановки, найдены разнообразные производственные и бытовые вещи, свидетельствующие о том, что помещения служили жилищами или хозяйственными постройками. Всего таких помещений было в Воине около 100, из них раскопано более 50. В отдалении от крепостной стены в детинце находились полуземлянки и наземные постройки, служившие также жилищами и хозяйственными помещениями. Основная часть жилищ и хозяйственных построек располагалась на посаде, где проживало и большинство жителей Воиня.

Хозяйственная и общественная жизнь Воиня определялась его значением как пограничной крепости и гавани. Главную роль в жизни города играли представители военного сословия — дружинники. Здесь стоял военный гарнизон. О пребывании здесь воинов говорят находки оружия, правда в незначительном количестве, так как оружие воины забирают с собой прежде всего, когда они вынуждены оставить город. Дружинникам принадлежали, видимо, помещения в детинце. Если предположить, что каждую из клеток в детинце занимала отдельная семья дружинника, то число всех дружинников в гарнизоне Воиня составит сто или около того. Это как раз соответствует количеству воинов в основной военной единице древней Руси, известной под названием сотни.

Многочисленную группу населения Воиня образовывали ремесленники и торговцы, которые проживали преимущественно на посаде. Жители Воиня занимались также земледелием и скотоводством. Нужно полагать, что гражданское население Воиня было обязано определенными повинностями в пользу военного гарнизона в форме натуральных даней и работ, связанных с возведением и ремонтом укреплений. И сами дружинники, составлявшие гарнизон, в свободное время занимались производственной деятельностью. Этим можно объяснить находки в одних и тех же помещениях оружия и орудий труда.

Большинство укрепленных пунктов, входящих в оборонную систему на юге Киевской Руси, представляло собой хозяйственные, административные и военные центры отдельных феодальных владений. По социально-экономическому содержанию это были не что иное, как феодальные замки. К ним относятся Иван, Чучин, Ходоровское городище на Днестре, городище в с. Ульянки, расположенное несколько в стороне от Днестра, недалеко от Чучина, и др.

Значение этих городищ как военно-феодальных центров подтверждается их размерами, планировкой и конструкцией укреплений, характером жилищ и вещей, обнаруженных раскопками. Стены крепости и помещений, примыкавших к ним, были одним целым, строились одновременно, по заранее намеченному плану. Система жилых стен широко применялась в строительстве феодальных замков во многих странах средневекового мира. Крепость с жилыми стенами возводилась для определенных военных и хозяйственных целей и только тем лицом, которому заранее было известно и число людей, и количество необходимых помещений для жилья. Строить их могли или феодалы, или государство, а предназначались они для людей, которые должны были обеспечивать ведение хозяйства феодалов, а также оборону их владений и страны в целом.

Примером укрепленных пунктов такого типа может служить Щучинское городище, отождествляемое с летописным Чучином, упомянутым в летописи в связи с нападением на него половцев в 1110 г.²⁰ Щучинское городище расположено на правом высоком берегу Днестра, на холме, возвышающемся над Днестром на 70 м. С холма просматриваются дали левой стороны Днестра; в хорошую погоду видны высоты, где находятся два соседних городища — Иван и Ходоровское. Городище занимает площадь 6 га, состоит из детинца (площадью 2,3 га) и окольного града (площадью 3,7 га). Оно укреплено двумя линиями валов и рвов. Вал, окружающий детинец, имеет деревянные конструкции — дубовые срубы, поставленные в ряд по краю над рвом и засыпанные изнутри землей; длина срубов 4 м, ширина 2 м. Сверху по валу шла крепостная стена, состоявшая, видимо, из деревянных забульженных землей городен. В одном из поворотов стены над Днестром находилась башня; ее остатки представлены сгоревшим срубом с двумя перекрытиями. Любопытны прослеженные более чем на 20 м остатки тайника — подземного туннеля, ведущего из городища к Днестру. Он проходил под землей на глубине до 6 м, высота его была 2 м, ширина 1,5 м. О подобных тайниках упоминают и письменные источники²¹.

Жилища на Щучинском городище были двух типов — полуземлянки и наземные, чуть углубленные помещения столбовой конструкции. Прослежено расположение жилищ рядами, располагающимися вдоль укреплений,

²⁰ Ипатьевская летопись, стр. 260.

²¹ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III. СПб., 1903, стр. 913.

но на некотором расстоянии от них. Всего здесь обнаружено 25 жилищ обоих конструктивных типов.

Среди вещей на городище найдены земледельческие орудия (наральники, чересла, серпы, косы), орудия обработки дерева (топоры, долота, струги), рыболовные крючки, предметы домашнего обихода, запасы зерна в корчагах и бочках, предметы снаряжения, стрелы, стремяна. Судя по этим вещам, население Чучина состояло из людей, занятых производительным трудом, и воинов.

Конкретные представления о жизни и быте воинов из гарнизона Чучина дает одно из погибших в пожаре жилищ, открытое на территории окольного града. Это жилище, видимо, принадлежало младшему дружиннику. Оно состояло из основного помещения (16 кв. м) и сеней (6 кв. м). Обстановкой служили стол, две лавки, полати и полка. В обиходе имелось 17 горшков разной величины и 3 деревянных ведра. В пожарище оказались боевой топор, кистень, стремяна и долото. Посуда стояла у печи, под лавками и на полке, одно ведро находилось в основном помещении у дверей и два — в сенях. На стенах висело оружие, под полатами лежали седло и стремяна. За печью стоял маленький горшочек с солью.

Если посмотреть на карту древнерусских городищ, то нетрудно заметить, что в некоторых районах феодальные замки располагаются отдельными группами по два, три и больше. Такую группу составляют и три соседних городища на Днестре — Щучинское, Ходоровское и Ульяновское (в стороне от Днестра). Самым крупным из них является Щучинское городище. Уже его размеры показывают, что стоявший здесь замок должен был играть особую роль среди соседних более мелких замков. Особое значение Чучина отразил и летописец, сообщивший о взятии его половцами: видимо, Чучин был хорошо известен на Руси, и летописец знал, что его судьба будет волновать многих. Чучин принадлежал, очевидно, богатому и влиятельному феодалу, тогда как соседние, более мелкие замки, — феодалам менее крупным и менее влиятельным. Можно предположить, что владельцы замков, находившихся на Ходоровском и Ульяновском городищах, были вассалами феодала, владевшего Чучином. Разумеется, сам он был вассалом киевского князя.

Вероятно, среди боярского окружения киевского князя можно найти конкретных владельцев крупных феодальных замков, находившихся к югу от Кисва. Б. А. Рыбаков, касаясь личности Яна (Ивана) Вышатича в связи с историей летописания, заметил вскользь, что, возможно, ему принадлежал большой и хорошо укрепленный замок «Иван» на Днестре²². Бесспорно, что замок принадлежал крупному феодалу, подобному Яну Вышатичу, и что звали этого феодала Иваном. Ведь города назывались обычно по имени их основателей. Среди киевских бояр мы не знаем никого, чье имя точно совпало бы с названием города Чучина. Но известны имена,

²² Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963, стр. 250.

созвучные этому названию, например Чудин. Имя это принадлежало одному из самых влиятельных киевских бояр второй половины XI в. Его двор стоял в Киеве там, где в X в. находился княжеский двор, и это отмечает летописец, когда рассказывает об исторической топографии Киева. Только очень богатый и влиятельный человек мог построить свой двор в таком месте. И этот человек должен был быть очень популярным, чтобы местоположение его двора стало ориентиром в Киеве. Такому боярину вполне мог принадлежать один из самых крупных городов-замков на Днепре.

Каждый феодальный замок, стоявший на Днепре, Суле или Роси, являлся вместе с тем военно-оборонительным пунктом. Поэтому он имел общегосударственное значение. Этому не противоречило то обстоятельство, что они находились в частном владении отдельных феодалов. Нужно думать, что феодалы, обязанные киевскому князю как его вассалы военной службой, должны были содержать в этих замках военные гарнизоны, которые находились в распоряжении киевского князя и обороняли не только владения данного феодала, но и русские земли в целом.

ЛИПИНСКОЕ ГОРОДИЩЕ

П. И. Засурцев, Н. К. Лисцына

Липинское городище находится в 40 км к западу от Курска, близ с. Липино, на мысу верхней надпойменной террасы правого берега Сейма. С южной стороны мыс отрезан рвом, за которым располагается обширное селище.

Первые сведения об этом памятнике опубликованы В. Е. Данилевичем, который в 1907 г. произвел небольшие раскопки на городище и селище¹ и пришел к выводу, что они одновременны и относятся к славяно-русским памятникам великокняжеской поры (XI — середина XIII в.). В 1947 г. городище и селище обследовал И. И. Ляпушкин. Большую часть собранного подъемного материала он датировал роменско-боршевским и великокняжеским периодами. Но некоторые из найденных им черепков остались тогда не определенными². В том же 1947 г. небольшие раскопки на городище и селище произвела Деснинская экспедиция (руководителем работ был Р. Л. Розенфельд)³. В последующие годы в окрестностях городища были открыты курганы и бескурганый могильник. В настоящей статье мы остановимся только на раскопках городища.

Городище имеет форму неправильного четырехугольника с округленными углами. Его размеры с севера на юг (по гребню вала) 125 м, с запада на восток 110 м (в северной части) и 75 м (в южной). Таким образом, площадь городища составляет примерно 1 га. Поверхность городища имеет небольшой уклон к югу. На склонах с западной и восточной сторон хорошо прослеживаются два въезда. Западным въездом пользуются и в настоящее время.

¹ В. Е. Данилевич. Отчет о раскопках Курской губернской ученой архивной комиссии в Курском уезде в мае и июне 1907 г.—Тр. КГУАР, вып. 1, 1911, стр. 127—180; ИАК, прибавление к вып. 26, 1908, стр. 30—32; Тр. XIV АС, т. III. М., 1911, протоколы, стр. 119.

² И. И. Ляпушкин. Отчет о работах Днепровской Левобережной экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР в 1947 г. Архив ИА АН СССР, Р-1/205; он же. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа.—МИА, № 104, 1961, стр. 262—263.

³ Отчет о полевых работах Деснинской экспедиции в 1947 г. Архив ИА АН СССР, Р-1/156, стр. 74—85; М. В. Воеводский. Городища Верхней Десны.—КСИИМК, вып. XXIV, 1949, стр. 67—77.

Первые большие раскопки городища произведены в 1951 г. авторами настоящей статьи⁴. Раскоп был заложен в северо-западной части городища, между линией, соединявшей оба въезда, и валом. Общая площадь раскопа в процессе работы достигла 402 кв. м. Культурный слой мощностью 1,4—1,5 м, рыхлый и волнистый, был лишен органических остатков. Поэтому в раскопе через каждые 4—5 м приходилось оставлять бровки шириной 1 м (с севера на юг и с запада на восток). Они дали возможность проследить в толще культурного слоя землянки и ямы, контуры которых в плане были очень расплывчатыми.

Как и следовало ожидать на основании собранного подъемного материала, городище оказалось многослойным. На большей части вскрытой территории культурный слой был перекопан землянками и хозяйственными ямами. Ненарушенный слой обнаружен только на нескольких небольших участках раскопа, где и удалось разделить культурные напластования на три слоя: первый (верхний) толщиной 0,5—0,6 м относится к великокняжескому времени; второй такой же мощности — к роменско-боршевскому и третий толщиной 0,3—0,4 м — к юховскому и скифскому. В профилях эти слои отличались окраской: первый — темно-серого цвета, второй — более светлый, с примесью золы, и третий — очень темного, местами черного цвета. Ни стерильных прослоек, ни сколько-нибудь отчетливых границ между слоями не прослеживалось. Особенно расплывчатым был переход между первым и вторым слоями, что объясняется большими перекопами и скоплениями выбросов земли при рытье землянок.

Таким образом, Липинское городище относится к раннеславянским поселениям, характерную особенность которых И. И. Ляпушкин видит в том, что они возникли на местах более ранних поселений (скифского времени) и продолжали существовать в великокняжеский период⁵.

К первому слою с полной уверенностью можно отнести только яму 1 (рис. 1), находившуюся, очевидно, под наземной жилой постройкой. Контуры ямы отчетливо определились на глубине около 0,5 м, на стыке первого и второго слоев. Яма имела чашеобразную форму, диаметр ее 6 м, глубина 1,8—1,9 м. Для подпольной ямы такая форма не совсем обычна. Она объясняется тем, что яма была врезана в перекоп предшествовавшего времени, и чашеобразная форма обеспечивала наилучшую устойчивость стенкам в рыхлом грунте. В середине ямы был выкопан погреб или тайник глубиной 0,8 м, стенки которого имели облицовку из горбылей, обуглившихся при пожаре. В заложении ямы найдены 16 обломков стеклянных браслетов, 2 ножа, 2 железных наконечника стрел, лепная чашечка, заго-

⁴ Отчет П. И. Засурцева о раскопках Липинского городища в 1951 г. Архив ИА АН СССР, Р-1/927. В раскопках принимали участие сотрудники Курского музея В. П. Забоева и Е. В. Недзвецкий, а также учительница липинской начальной школы А. П. Делова.

⁵ И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа, стр. 218.

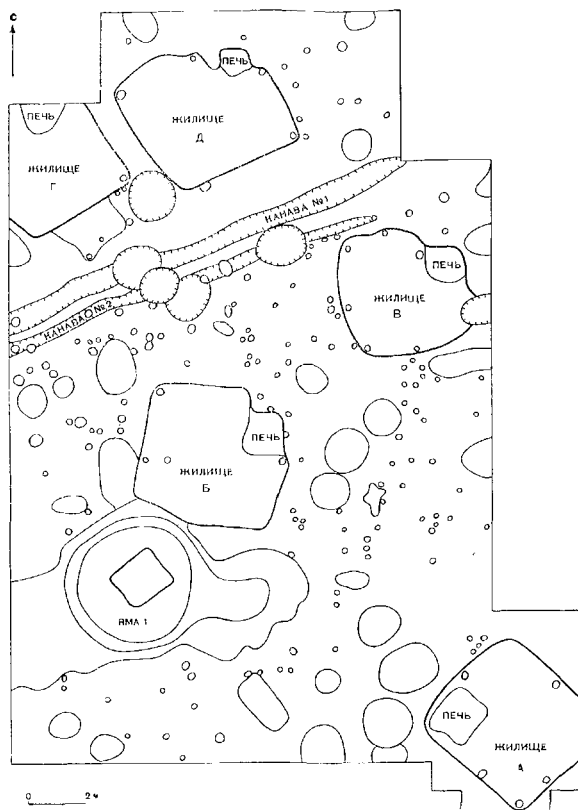

Рис. 1. Липнинское городище. План раскопа

товка каменной литейной формы для отливки конических пуговиц (рис. 2, 12), 2 железных шила, кусок медной проволоки, каменное грузило, рыболовный крючок, гвозди и обломки гончарной посуды. В погребетайнике оказались два обломка стеклянных браслетов, трубочка для фитиля огнива, нож, костяная проколка, глиняное иечко. На дне погреба лежали два раздавленных гончарных горшка, трубчатое долото, каменное грузило, обгорелое льняное семя.

Кроме этой ямы, единственными признаками жилищ, несомненно наземных, можно считать куски печины. Отсутствие в культурном слое значительных скоплений глины говорит о том, что полы в жилищах не были глинобитными, а стены не обмазывали глиной.

Наиболее характерными датирующими находками первого слоя городища являются стеклянные браслеты. В первом и во втором пластах их

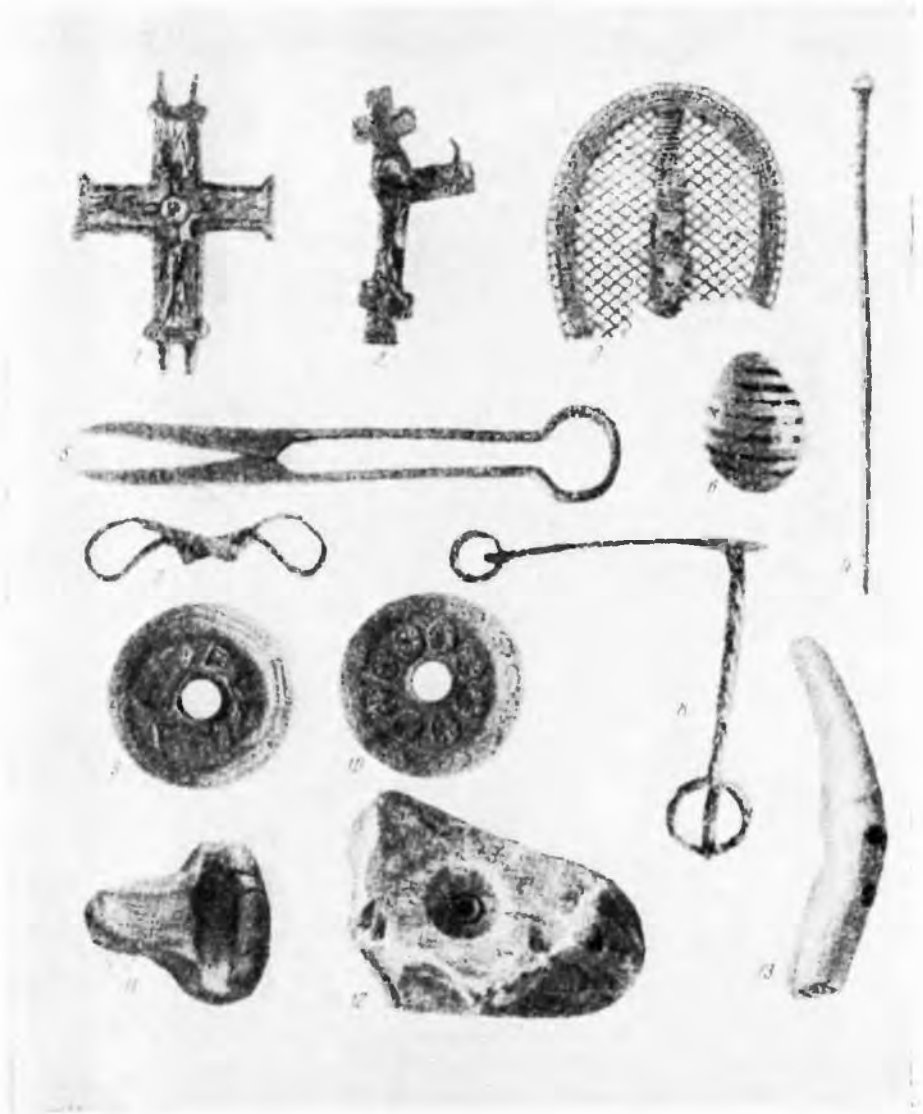

Рис. 2. Вещи из раскопок Липинского городища

1, 2 — кресты; 3 — фибула; 4 — булавка; 5, 7 — ножницы; 6 — писанка; 8 — скребница;
9, 10 — пряслице; 11 — льячка; 12 — литейная форма; 13 — костяной псалый

найдено по 28, в третьем — только 7. В нижележащих пластах они встречались лишь в перекопах. К первому слою относятся также десять шиферных и несколько глиняных и мергелевых пряслиц.

Из вещевых находок этого слоя следует отметить прежде всего небольшую грубо обработанную плитку из песчаника. Ее приблизительные размеры $17 \times 15 \times 4$ см. На одной из плоскостей плитки острым предметом (шилом или гвоздем) выцарапаны сегменты двух концентрических кругов. Диаметр внутреннего круга около 5 см, наружного — 7 см. На обоих концах сегментов вычерчены круги диаметром около 3 см. Круги заштрихованы концентрическими окружностями, проведенными от руки. По всей поверхности внутреннего круга процарапаны радиально расположенные дуговые линии. Рисунок обрывается у краев плиты. Что означает этот сложный чертеж, сказать трудно, может быть эскиз какого-то большого сооружения — городища или святилища.

Не меньший интерес представляет глиняное усеченно-коническое пряслице, найденное в самом верхнем пласте (рис. 2, 9, 10). Серовато-черное пряслице (диаметр 3,4 см) тщательно изготовлено и хорошо обожжено. Вся его поверхность покрыта орнаментом. На одной торцевой стороне выдавлены штампом изображения какого-то животного, вероятнее всего лошади. Оттиск нанесен дважды, кроме того, на той же стороне сделаны три неясных оттиска краем штампа. На боковой конической поверхности шесть раз оттиснута нечеткая фигура. Противоположная сторона покрыта глазками в виде колесиков, также оттиснутых штампом. На торцевой стороне этих глазков 8, на боковой — 13.

В этом же слое найдены стеклянные золоченые и сердоликовые многогранные бусины, бронзовые и биллоновые перстни, бубенчики, дирхем X в., писанка (рис. 2, 6), несколько наконечников стрел, бронзовая створка от складня (рис. 2, 1) и бронзовый крест с рельефным изображением распятия и бронзовыми гвоздями, которыми он, видимо, был прибит к деревянной основе (рис. 2, 2). Из бытовых предметов найдены замки, ключи, дверная накладка, скребница (рис. 2, 8), шило, игла (железная), топор, 40 ножей (один из них с костяной рукояткой), стержневые и пружинные ножницы (рис. 2, 5, 7), несколько каменных и глиняных грузил, 3 крючка для ловли крупной рыбы, 2 блесны. К ремесленному производству относятся заготовка литейной формы, льячка (рис. 2, 11), обломок тиглей, два напильника, токарный резец, наструг, кусок красного шифера.

Керамика первого слоя почти вся круговая, исключение составляют небольшие лещные чашечки неизвестного назначения. Горшки округлой формы, с небольшим закругленным, слегка отогнутым венчиком (рис. 3, 1—4) или с вертикальной шейкой. Почти все горшки орнаментированы чаще всего волнистым, реже — линейным или ямочным (ногтевым) узором. Неровность линий орнамента свидетельствует о том, что керамика изготовлена на медленно вращающемся круге. На днищах есть клейма. Всего их 20: круг, колесо, крест, крест, перекрытый концентрическими кру-

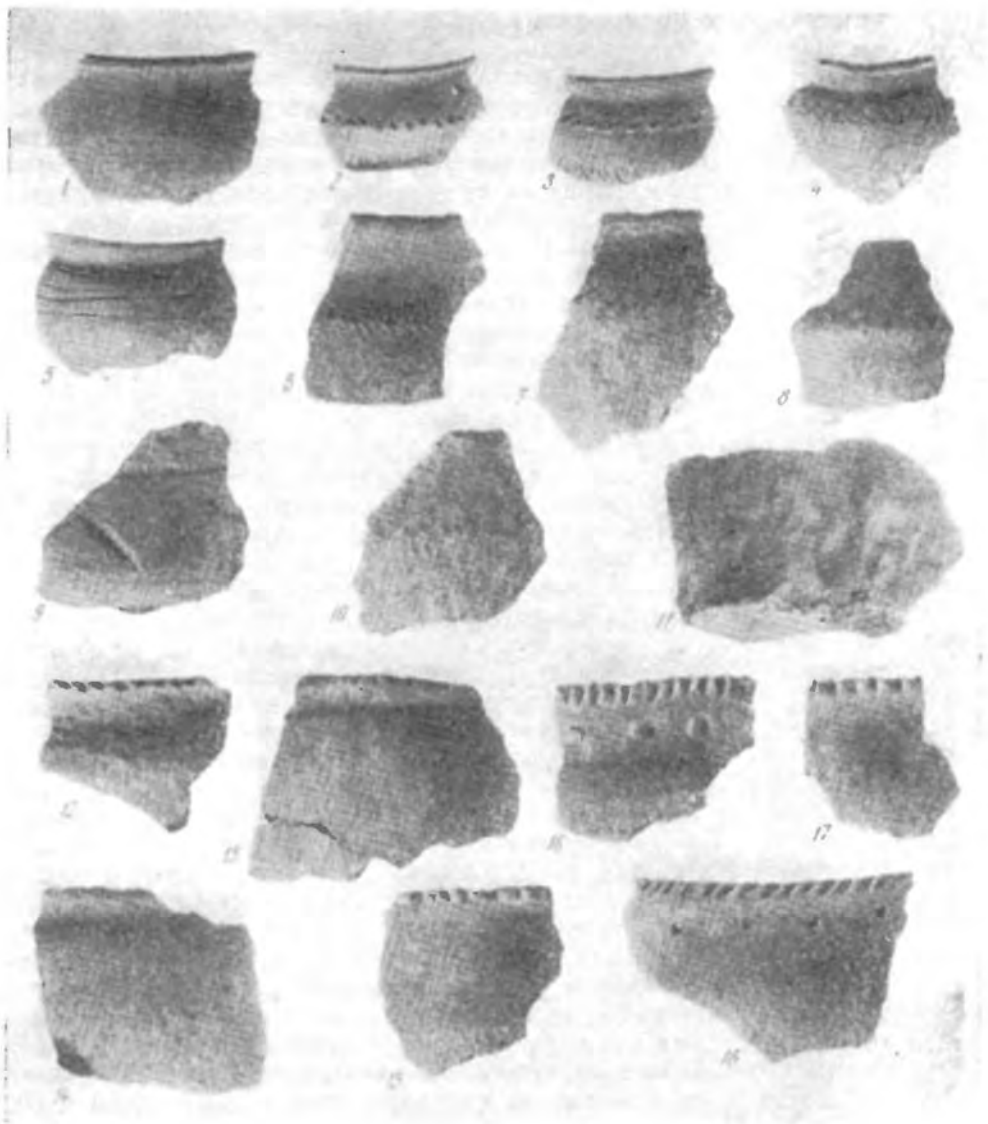

Рис. 3. Керамика Липинского городища

1—4 — керамика первого слоя; 5—10 — керамика второго слоя; 11 — обломок амфоры из древнерусского слоя; 12—15 — юхновская керамика; 16—18 — скифоидная керамика

гами, треугольник и пр. Изредка в культурном слое попадались обломки желтой и зеленой поливной посуды.

Во втором слое прослежено наибольшее количество остатков сооружений: пять землянок, комплекс ям в юго-западном углу раскопа, прорезанных ямой 1, несколько зерновых и хозяйственных ям и глинобитная печь. Печь была сооружена из белой глины и, по-видимому, действовала очень недолгое время, так как стенки ее не успели как следует просохнуть. В плане она прямоугольная, размеры ее 70 × 62 см, внутренняя высота 40 см, толщина боковых стенок 15 см, а верха — 8 см. Верх печи представлял собой горизонтальную площадку подковообразной формы, обрамленную закраинами высотой 8 см. Под печи наклонно поднимался к задней стенке. На уровне пода прослеживался уплотненный слой, очевидно пол землянки, где находилась печь. Контуры землянки выявить не удалось. В заполнении слоя вокруг печи встречались и лепная, и круговая керамика.

Все пять землянок второго слоя имели почти одинаковую глубину (0,6—0,7 м от уровня материка), все прослеживались с поверхности пятого пласта (четвертый пласт образовался во время рытья землянок — из выкидов). Таким образом, общая глубина всех жилищ от дневной поверхности была 1,3—1,4 м. В плане все они почти квадратные со сторонами 4,5—5 м. В одном из углов, на невысоком останце, располагалась печь, сложенная из обожженных конусов на белой глине. По углам землянок (а в некоторых и против середины стен) были вкопаны столбы, поддерживавшие облицовку стен и перекрытие. Ни у одного из жилищ не обнаружено ступенек. Очевидно, для входа и выхода пользовались приставными лестницами. В одной из землянок на полу прослежены остатки трех обгорелых досок, по-видимому половиц. Следовательно, полы в них были и земляными, и деревянными. Стены землянок на роменско-боршевских городищах укреплялись различными способами. Наиболее распространенными были срубные конструкции (Большое Боршевское городище, городище у дер. Титчиха)⁶ и облицовка стен горбылями или плахами (городище Новотроицкое)⁷. На Липинском городище стены землянок, несомненно, были облицованы. Об этом можно судить по расстоянию между ямами для столбов и стенами. Во всех землянках оно настолько мало, что в оставшийся промежуток можно заложить лишь нетолстые плахи или доски. О конструкции наземных частей землянок у нас нет никаких данных.

Землянки Липинского городища имели одну очень интересную особенность: в четырех из них прослеживалось по два развала печей. Кроме первоначальных печей, о которых говорилось выше, в самых верхних слоях землянок (выше уровня материка) выявлены остатки более поздних пе-

⁶ П. Н. Ефименко, П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону.— МИА, № 8, 1948, землянки 1, 10; А. Н. Москаленко. Городище Титчиха. Воронеж, 1965, полуземлянки 13, 19, 20, 25, 26, 31, 33, 37, 44 (автор называет полуземлянками все жилища на этом городище).

⁷ И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое.— МИА, № 74, 1958.

чей, сложенных из плоских камней. В землянке А оба развала состояли из обломков глиняных конусов и разнились по глубине на 37 см. Первоначальная печь, выложенная на материковом останце, располагалась в западном углу землянки, развал позднейшей печи находился у середины северо-восточной стены и перекрывал яму стоявшего здесь среднего столба. В землянке Б одна печь в виде открытого очага была сложена из камней в северо-западном углу, как раз над угловым столбом землянки, и располагалась на 0,5 м выше более ранней печи. В землянке В от поздней печи осталось пятно белой глины, расположенное в середине землянки. В землянке Д развал поздней печи выходил за контуры землянки и лишь частично захватывал ее нижний угол, в котором в более ранний период находилась зерновая яма. По-видимому, эта яма конструктивно была соединена с землянкой.

Жилища, где обнаружены более поздние печи, также несколько углублены в землю, но, очевидно, они были уже почти наземными. Именно с такими срубными жилищами связана и печь 1, о которой говорилось выше.

Ко второму слою относится несколько зерновых ям, расположенных рядом с землянками. Их размеры обычны: диаметр 1—1,2 м, глубина около 1 м. Кроме керамики, никаких находок в этих ямах не было обнаружено. Мало вещей найдено и в самих землянках: костяные проколки, точильный брусок, мергелевые пряслица, глиняные плоские пряслица, железный рыболовный крючок, глиняные шарообразные, яйцевидные и лепешкообразные грузила и пр. Из находок второго слоя, обнаруженных вне землянок, особый интерес представляет аббасидский дирхем 886 г.⁸, позволяющий датировать слой концом IX — первой половиной X в.

Керамика во всех землянках и в слое была лепной и круговой (рис. 3, 5—10), в том числе и обломки привозных амфор (рис. 3, 11). Целых сосудов во втором слое не найдено, поэтому трудно говорить об их формах. Но по тесту и орнаменту липинская керамика второго слоя тождественна найденной на Боршевском⁹, Титчихском¹⁰ и Новотроицком¹¹ городищах. К этому же слою относятся и глиняные сковороды, вылепленные из белой глины (диаметром 15—22 см).

От сооружений, относящихся к третьему слою, до нас дошли две параллельные канавы, пересекавшие северную часть раскопа в направлении с северо-востока на юго-запад. Ширина одной из них 60—70 см, глубина 50—70 см, другой соответственно — 30 и 40—75 см. Расстояние между канавами 20—60 см. Скорее всего эти канавы были выкопаны для установки частоколов, защищавших территорию городища с напольной стороны. В одной из канав найдена бронзовая булава с коническим навершием гальштатского типа (рис. 2, 4). В ромепско-боршевское время, когда соору-

⁸ Определение С. А. Яниной.

⁹ П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 38—41, табл. I—IV.

¹⁰ А. Н. Москаленко. Указ. соч., стр. 25—28.

¹¹ И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое.

жались земляные укрепления по краю площадки городища, эти каналы (уже давно заброшенные) были перерезаны зерновыми ямами, а две землянки разместились за пределами линии каналов.

Жилища в третьем слое не прослежены — они либо были наземными, либо их остатки уничтожены в более позднее время. Многочисленные зерновые и столбовые ямы ни по форме, ни по размерам не отличались от ям вышележащих слоев.

Почти все вещевые находки, хронологически относящиеся к третьему культурному слою, оказались в перекопах и залежали или во втором слое, или на стыке первого и второго слоев. Среди этих находок следует упомянуть решетчатую фибулу (рис. 2, 3), костяной псалий (рис. 2, 13) и клад скифских предметов (восемь бронзовых наконечников стрел, колечко, бляшка, подвеска). Стрелы относятся к V и III вв. до н. э.¹²

Керамика третьего слоя — юхновская и скифоидная. Юхновские горшки тонкостенные, серого цвета, по форме близки к баночным, плечики слабо профилированы. Орнамента почти нет, лишь на нескольких горшках встречаются насечки по венчику (рис. 3, 12—15). Скифоидная керамика по технике изготовления и по тесту близка к юхновской, но ее отличает так называемый жемчужный орнамент, выдавленный концом округлой палочки (рис. 3, 16—18).

Особую группу керамики составляют миниатюрные сосудики. Они найдены во втором слое, но их датировка затруднена и назначение не выяснено. Эти сосуды диаметром от 2—3 до 4—5 см вылеплены довольно небрежно и слабо обожжены. Они имеют форму чашечек или ступок, иногда с поддоном. Подобные сосуды встречаются и на боршевских поселениях¹³, и на поселениях культуры зольников ранней поры (VII—VI вв. до н. э.)¹⁴.

Кроме керамики перечисленных выше групп, на поселении найдены в небольшом количестве фрагменты лощеных салтово-маяцких парадных сосудов и сосудов бронзового века.

Таким образом, мыс, на котором находится Липинское городище, был заселен уже в эпоху бронзы. Со скифского времени здесь существовало поселение с оседлыми обитателями, укрепившими его с напольной стороны частоколом. В I тысячелетии до н. э. и I тысячелетии н. э. население городища менялось, но жизнь здесь, во всяком случае на длительное время, не прекращалась. В роменско-боршевское время поселение укрепили валом, а с напольной стороны мыс отделили рвом. В это же время возникло и селище. Жизнь на городище и селище прекратилась в XIII в.

¹² Ю. П. Манылов. О находках скифских стрел на Липинском городище Курской области. По материалам раскопок П. И. Засурцева.— Археологический сборник. М., 1961, стр. 26—31.

¹³ А. Н. Москаленко. Указ. соч., рис. 35.

¹⁴ И. И. Липушкин. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа, стр. 33, рис. 5.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПАМЯТНИКАХ СЕРЕДИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ н. э. В ДНЕПРОВСКОЙ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ ЛЕСОСТЕПИ

В. А. Ильинская

Вопрос о памятниках славян середины — третьей четверти I тысячелетия н. э. продолжает привлекать пристальное внимание историков и археологов. Определенные успехи достигнуты за последние годы при изучении территории правобережной днепровской лесостепи, южной части правобережного Полесья, а также Верхнего Поднепровья и Подесенья. Основные результаты исследований подытожены в недавно вышедшей монографии П. Н. Третьякова¹. По ряду признаков памятники V—VII вв. на обширной территории оказываются весьма близкими и родственными между собой, но в то же время имеют определенные локальные отличия, позволяющие наметить отдельные культурные ареалы. В качестве таковых П. Н. Третьяков выделяет памятники типа Корчак и тясминской группы на правобережье и памятники на средней Десне и Сейме. Этой же теме локального районирования раннесредневековых культур Поднепровья посвящена статья Э. А. Симоновича². Он выделяет два основных культурных варианта, из которых один определен им как лесостепной (на материалах лесостепного правобережья), а другой — как лесной (памятники к югу от Припяти, в Южной Белоруссии и на Десне).

Наиболее неясным остается вопрос о характере памятников, заполняющих на территории днепровской левобережной лесостепи хронологический промежуток между черняховскими памятниками и началом распространения славянской культуры вольтынского и роменско-боршевского типов. К V—VII вв. н. э. здесь относятся клады бронзовых вещей и отдельных предметов, среди которых видное место занимают украшения с эмальями. В большинстве своем они найдены в низких припойменных местах, на невысоких песчаных урочищах, у берегов рек, озер и стариц³. Количество находок бронзовых вещей раннего средневековья оказалось здесь по сравнению с другими территориями Поднепровья весьма значительным. Неко-

¹ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М.—Л., 1966, стр. 240—272.

² Э. А. Симонович. О связях лесных и лесостепных раннесредневековых культур Поднепровья.— СА, 1966, № 3, стр. 38 и сл.

³ И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа.— МИА, № 104, 1961, стр. 181.

торые исследователи расценивают эти находки как памятники обитавшего здесь славянского населения — антов⁴, или русов⁵.

Однако поселений и могильников, которые могли бы быть сопоставлены складами и отдельными бронзовыми вещами, известно очень мало. К ним относятся весьма неясные впускные погребения в курганах у хут. Березовка и у с. Поставмуки⁶, а также погребения с сожжением в урнах у с. Артюховка⁷. Из поселений можно упомянуть лишь один пункт у с. Беседовка, исследованный Е. В. Махно⁸.

Такое состояние источников позволило И. И. Ляпушкину высказать мысль об историко-культурной лакуне в левобережье V—VII вв. н. э. и о появлении здесь славянского населения сравнительно поздно, не ранее VIII в., со времени распространения памятников роменского типа. И. И. Ляпушкин подчеркивает случайный характер найденных вещей V—VII вв., их несвязанность с местами оседлости: «Время V—VII вв. характеризуется отдельными вещами икладами, найденными случайно. Остатки поселений и могильников этой поры пока не известны»⁹. Такой вывод казался тем более убедительным, что автор сам в течение ряда лет производил систематические разведки по бассейнам основных рек левобережья. Ему удалось собрать и систематизировать огромный, для своего времени почти исчерпывающий материал, касающийся памятников различных периодов железного века — от скифской поры до великокняжеского времени. «Поиски продолжаются, — пишет он, — они идут разными путями: одни продолжают вести полевые изыскания, другие пытаются отыскать их путем логических умозаключений. Однако успехами похвастаться пока нельзя. Все остается по-старому. До сего времени не найдено ни одного поселения, ни одного могильника, которые с полной достоверностью можно было бы связать с этой порой, хотя отдельные вещи и целые комплексы вещей этого времени в области левобережья давно известны»¹⁰.

В ходе работ над изучением периодов поздней бронзы и скифского времени в левобережной лесостепи нам пришлось встретиться с группой памятников, имеющих непосредственное отношение к затрагиваемому вопросу и определенным образом изменяющих сложившееся представление.

⁴ А. А. Спицын. Древности антов.— Сборник в честь А. И. Соболевского. Л., 1928, стр. 492—495.

⁵ В. А. Рыбаков. Древние русы.— СА, XVII, 1953, стр. 40 и сл.

⁶ В. Е. Данилевич. Раскопки курганов около с. Буд и хут. Березовка Ахтырского уезда Харьковской губернии.— Тр. XII АС, т. I. М., 1905, стр. 427—433; Н. П. Аверариус. Поставмуцкие курганы.— ЗРАО, т. VIII, вып. 1-2. СПб., 1896, стр. 179—187.

⁷ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне, стр. 272; П. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг.— ИАК, вып. 43, 1911, стр. 118—119.

⁸ Е. В. Махно. Розкопки на поселеннях першої половини I тисячоліття н. е. в верхній течії Сули.— АП УРСР, т. V. Київ, 1955, стр. 79—85, рис. 5, 2.

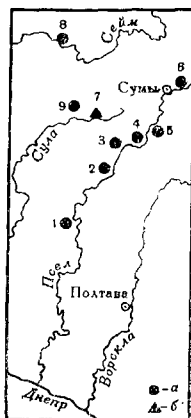
⁹ И. И. Ляпушкин. Указ. соч., стр. 181.

¹⁰ Там же, стр. 182.

В 1966 г. мы совместно с А. И. Тереножкиным провели разведку в пойменной долине р. Псел, от с. Великие Сорочинцы до с. Мирополье, в долине р. Сейм в окрестностях Путивля. Среди памятников нам удалось обнаружить поселение третьей четверти I тысячелетия н. э., относящееся к послечерняховскому и предроменскому периоду. Все эти поселения расположены в пойме, на невысоких возвышенностях, у края заливной долины, в непосредственной близости от озера, старицы или русла реки (рис. 1).

Рис. 1. Поселения V—VII вв. на левобережье среднего Днепра

а — селища; б — городища;
1 — Ращево; 2 — Пleshивец;
3 — Курган Азак; 4 — хут. Писковка; 5 — Низы;
6 — Груновка; 7 — Большие Будки; 8 — Чаплище; 9 — Бесседовка

Поселение у с. Ращево расположено в 0,5 км к северу от села, в урочище Хендры, занятом ныне колхозными огородами. Это урочище находится непосредственно под скатом плато, имеющим здесь высоту 8—9 м, на небольшой плоской терраске, слегка поднимающейся над уровнем заливного луга. Следы поселения обнаружены в юго-западной части этого урочища на протяжении около 100 м в длину и 70 м в ширину. Среди керамики встречаются обломки горшков с прямым неорнаментированным венчиком без отгиба. В глине есть примесь песка и шамота. Кроме того, найдены обломок жаровни с невысоким бортиком и фрагмент плоской глиняной крышки. Шурфовка показала, что культурный слой из песчанистого чернозема толщиной до 35 см перевернут распахкой. При раскопках, вероятно всего, можно рассчитывать лишь на ямы с культурными остатками.

Поселение у с. Пleshивец находится на берегу р. Псел, напротив села, на возвышенной площадке под высоким скатом берега. Площадка поднимается над уровнем воды на 8—10 м и выступает дуговидно в сторону реки. Протяжение вдоль берега около 300 м, ширина 100 м. В сборах на поверхности обнаружена керамика такого же характера, что и у с. Ращево: обломки горшков с прямыми венчиками, обломки жаровен с бортиком и плоских крышек. Культурный слой поселения сильно испорчен современным строительством.

Особенно интересным оказалось поселение у с. Курган Азак в урочище Вишневое. Это урочище расположено в 300 м к северу от городища Азак роменской культуры. Оно представляет собой находящуюся у подножия плато площадку, поднимающуюся на 1—1,5 м над заливным лугом. Площадка имеет вид полукрута, занимающего около 200—250 м вдоль подошвы склона и всгупающего в пойму на 150 м. Осмотр поселения и шурфовка позволили определить сравнительную сохранность и значительную насыщенность культурного слоя, залегавшего в песчаном черноземе до глубины 0,5—0,6 м. В заложенной у края площадки траншеи длиной 20 м оказалось большое количество крупных обломков керамики, развалы отдельных сосудов. Основной тип представляют крупные толстостенные горшки с корпусом, расширяющимся от днища к поясу приблизительно на середине высоты, и прямо поднимающимися к верхнему краю стенками, переходящими в венчик с прямым краем, чаще всего без всякого орнамента (рис. 2, 4, 5, 8). Перелом корпуса бывает остросеберным или округленным. Верхняя часть корпуса прямая или слегка скошенная внутрь. Шейка либо совсем не выражена, либо едва намечена. Обрез венчика в большинстве случаев плоско срезан, иногда слегка утолщен с наружной стороны. В едичных случаях на обресе венчика встречается орнамент в виде слабо рельефных пальцево-ногтевых отпечатков или насечек (рис. 2, 6, 7). Примесь в тесте составляет грубый шмот, выступающий на поверхности зернами. Встречаются также сосуды с заглаженной поверхностью. Цвет сосудов обычно рыжевато-коричневый или серовато-желтый с бурыми пятнами. Среди других типов посуды выделяются жаровенки с прямым бортиком и круглые плоские крышки (рис. 2, 9—11). Кроме керамики и костей животных, встретились крупные комья железных шлаков, песчаниковый точильный камень для точки полукруглого долота, часть точильного бруска.

Следы поселений аналогичной культуры обнаружены, кроме того, к северу от с. Малая Ворожба, на невысокой террасе, переходящей в надпойменный луг, близ южного конца хут. Писковка и у края бортовой террасы левого берега Псла, между селами Низы и Нижняя Сыроватка. Напомним, что у с. Нижняя Сыроватка был найден один из аптских кладов¹¹. Выше г. Сумы поселение с керамикой подобного типа обнаружено в 1 км к западу от с. Груновка, в урочище Пастовина, на выступающей в пойму песчаной гряде с мощным слоем песчанистого чернозема. Помимо керамики славянского типа, на папне найдены обломки сосудов различных культур периода бронзы (бондарихинской, сосницкой). Пеплюхое и, по-видимому, интересное для будущих раскопок поселение обнаружено также в Путивльском районе на р. Сейм, в 250 м от северо-восточного края с. Чаплище. Оно расположено над заливом (старницей) Сейма, известным под названием «Мертвый», к югу от него на расстоянии 150—200 м, на берегу

¹¹ ОАК за 1864 г., стр. XXIII.

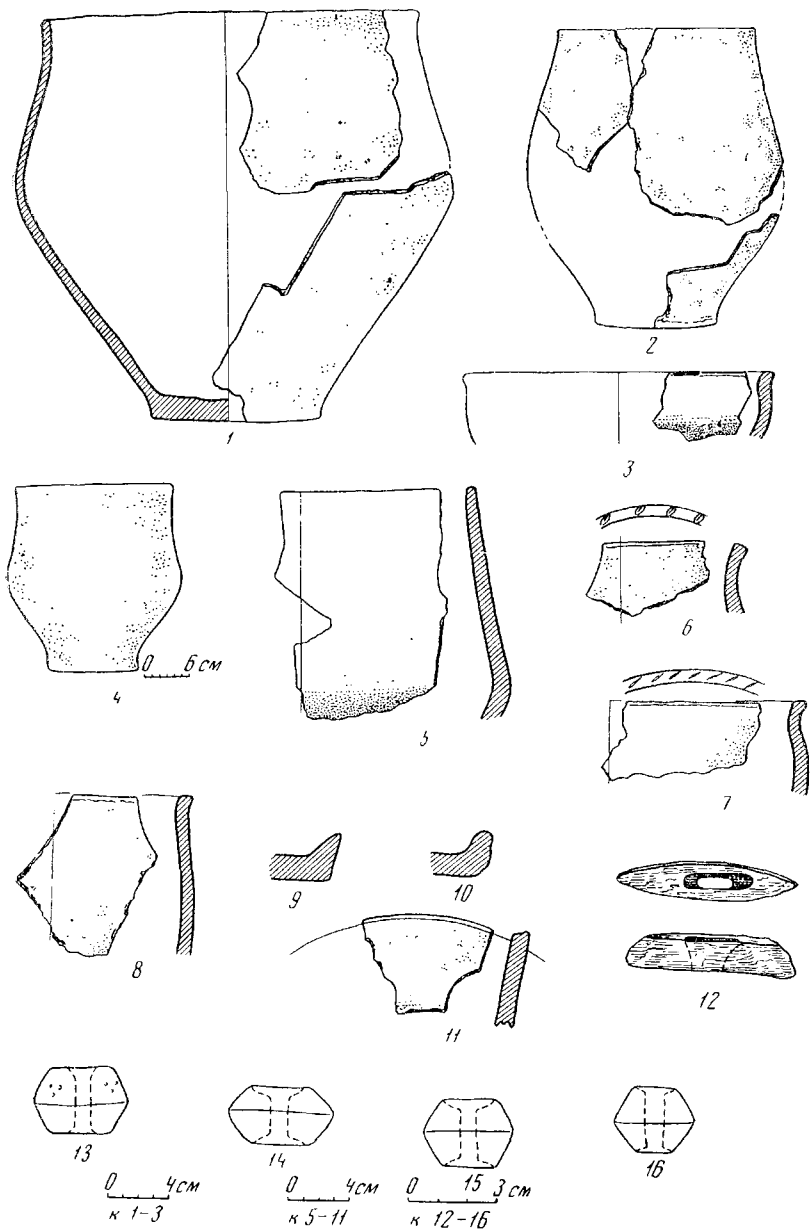

Рис. 2. Различные находки

1-3, 12-16 — Большие Будки; 4-11 — Курган Азак

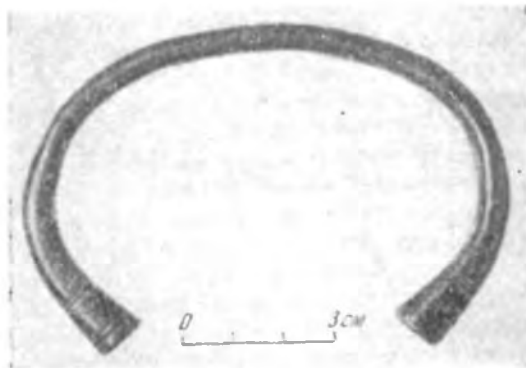

Рис. 3. Бронзовый браслет

основного русла реки. Керамика поселения совершенно аналогична описанной выше.

Говоря о памятниках третьей четверти I тысячелетия н. э., следует упомянуть еще один пункт, обнаруженный довольно давно, однако не привлекавший должного внимания специалистов. Мы имеем в виду городище у с. Большие Будки в верховьях Сулы, на правом берегу р. Терн, на расстоянии 2—2,5 км к юго-западу от села. Оно занимает естественное возвышение второй надпойменной террасы в урочище Губское. Форма его овальная, вытянутая по линии северо-восток — юго-запад, длина 160 м, ширина 80 м. Укрепление состоит из вала, расположенного по склону останца, и рва, находящегося с внутренней стороны. Юго-западный склон укреплен еще двумя рядами валов. Это городище мы отнесли к скифским, поскольку здесь при осмотре обнаружена характерная скифская керамика посульско-донецкого типа¹². Однако дополнительные разведочные раскопки показали, что укрепления его возникли позднее, в раннеславянское время, на месте существовавшего здесь ранее скифского поселения. Скифские материалы были найдены в центральной, наиболее возвышенной части поселения, тогда как по краю площадки, с внутренней стороны укрепления, сосредоточены культурные остатки совершенно другого рода. Здесь были обнаружены скопления обломков посуды, принадлежащих в основной массе неорнаментированным горшкам остросеребряных или округлобоких чертаний, с прямым или слегка скошенным внутрь верхним краем, тип которых не дает ничего нового к описанным выше (рис. 2, 1—3). В дополнение к указанным формам здесь оказались обломки глубоких мисок

¹² В. А. Іллінська. Розвідка пам'яток скифського часу на Посуллі, 1946 р.— АН УРСР, т. II. Київ, 1949, стр. 144—145.

(рис. 2, 3). Из других керамических поделок встречены биконические пряслица (рис. 2, 13—16) и обожженные поделки из глины с шамотом в форме «каравайчиков» высотой 4—5 см и диаметром в основании 7—9 см. При зачистке внутренней стороны вала был найден овальный массивный металлический браслет с песомкнутыми утолщенными концами, украшенными поперечными полосками. Он принадлежит к хорошо известному типу браслетов, относящихся, по принятой датировке, к V—VI вв. н. э. (рис. 3). Из других металлических предметов следует упомянуть железное прямое перекрестие меча (рис. 2, 12). Городище у с. Большие Будки находится неподалеку от могильника у с. Артюховка.

Несмотря на ограниченное количество известных в настоящее время поселений и погребений V—VII вв. н. э. и слабую их изученность, в принципиальном отношении вопрос можно считать разрешенным. Ни о каком историко-культурном запустении не может быть и речи. Территория днепровского лесостепного левобережья не занимает сколько-нибудь исключительного положения по сравнению с соседними областями Поднепровья. Едва ли можно сомневаться в том, что в самом недалеком будущем карта памятников этого периода здесь будет значительно дополнена. В настоящее время преждевременно говорить о полном составе культурного комплекса памятников данного типа в левобережье. Однако складывается предварительное представление об их близком соответствии материалам поселений и могильников в южной части левобережного Полесья — на Десне и в Курском Посеймье.

КОНСКОЕ БОЕВОЕ НАГОЛОВЬЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIII в. ИЗ ЮЖНОЙ КИЕВЩИНЫ

А. Н. Киртичкиков, Е. В. Черненко

При разборе архива В. В. Хвойки в ИА АН УССР наше внимание привлекла фотография «конского плема». Подпись к ней не сообщала о месте находки и лишь отсылала к коллекциям Киевского музея¹. По фотографии (рис. 1) видно, что конское наголовье (так лучше назвать этот убор) состояло из четырех отдельных подвижных железных пластин. Три из них соединялись друг с другом, по-видимому, ремнями или металлическими колечками, а четвертая, верхняя, с выкружками для ушей, была прикреплена к центральной двумя шарнирными (?) заклепками. Пластини изогнуты по форме головы животного и снабжены отверстиями для глаз. По краю ушных и глазных прорезей откованы невысокие бортики. Самой значительной была закрывавшая лоб передняя пластина; линии ее изгиба оформлены в виде четырех долевых граней. Каких-либо украшений на рассматриваемой маске не видно.

На первый взгляд, наголовье можно датировать XV в. На это наталкивают турецкие² и другие восточные аналогии³. Однако на восточных конских масках XIV—XVI вв. имеются отличные детали: прикрытия для ушей, многочисленные выступы и грани, гравированные украшения, иногда прямой обрез выще ноздрей⁴. В ряду известных нам средневековых конских наголовий наша маска оказалась одной из наиболее простых, утилитарных и в то же время весьма совершенных по форме.

Рассматриваемое наголовье не сохранилось, но, как явствует из печатного каталога, в 1906 г. оно, по-видимому, экспонировалось в Киевском художественно-промышленном музее в числе предметов, пожертвованных Б. И. и В. Н. Ханенко. Аннотация каталога сообщала, что наголовье («железный головной убор лошади») было найдено в погребении всадника с лошадью у с. Ромашки Васильковского уезда Киевской губернии⁵. Эту вещь

¹ Архив ИА АН УССР, ф. 2, фотография № 46.

² G. C. Stone. A Glossary of the Construction, Decoration and Use Arms and Armour. New York, 1961, стр. 171, рис. 214, 7 и 10.

³ W. Vocheim. Handbuch der Waffenkunde. Leipzig, 1890, стр. 221, рис. 247.

⁴ Ср.: Meisterwerke muhammedanischer Kunst auf der Ausstellung. München, 1910, 1912, рис. 649, 655; I. Stehoukine. Des peintures des manuscrits Timurides. Paris, 1954, табл. IV; H. Stocklein. Die Waffenschätze im Topkapu sarayi muzesi zu Istanbul.— Ars Islamica, т. I, ч. 2. Ann Arbor, 1934, рис. на стр. 204.

⁵ Киевский художественно-промышленный и научный музей, отдел археологии, краткий указатель предметов. Киев, 1906, зал III, витрина 49, стр. 41.

упоминают также музейные каталоги 1911 и 1913 гг.⁶, но в изданиях 1900, 1902⁷ и 1928 гг.⁸ ее нет. Из этого следует, что наголовье поступило в музей в период между 1902 и 1906 гг. и исчезло после 1913 г. Короткая музейная «жизнь» вещи и ее последующая утрата и объясняют, почему она до сих пор не стала достоянием науки. Невьясненными остались и обстоятельства находки. Внешний вид изделия свидетельствует о его вероятном археологическом происхождении (поверхность пластин сильно коррозирована и местами разрушена). Тожество предмета, изображенного на публикуемой фотографии, и «конского шлема», выставившегося в 1906—1913 гг., почти не вызывает сомнений в том, что речь идет о наголовье, которое было найдено в с. Ромашки. Возможно, оно было обнаружено в 1899 или 1901 гг., когда в этом месте производил раскопки В. В. Хвойка. Не противоречит такому заключению и связь вещи с коллекцией Ханенко, которая, как известно, в значительной части пополнилась материалами, добытыми В. В. Хвойкой. Сам В. В. Хвойка, увлекшись исследованием могильника эпохи полей погребений, лишь бегло отметил находку в Ромашках погребений кочевников с конем или частями коня⁹. О богатстве кочевнических погребений XII—XIII вв. в с. Ромашки свидетельствуют найденные в них сабли, хранящиеся ныне в краеведческом музее г. Белая Церковь.

Рис. 1. Боевое конское наголовье.
Ромашки

⁶ Киевский художественно-промышленный и научный музей. Киев, 1913, стр. 37.

⁷ Краткий указатель предметов, помещенных в Киевском музее древностей и искусств. Киев, 1900, 1902.

⁸ В. Е. Козловська. Провідник по археологічному відділу всеукраїнського історичного музею ім. Т. Г. Шевченка у Києві. Київ, 1928. Не дал результатів просмотр рукописного, так называємого Хвойкинського каталога КГІМ за 1901—1913 гг. Нет искомого наголовья и среди материалов КГІМ.

⁹ В. В. Хвойка. Поля погребений в Среднем Поднепровье.— ЗРАО, т. XII, СПб., 1901, стр. 181—182; М. Ю. Брайтчевский. Ромашки.— МИА, № 82, 1960, стр. 100 и сл. См. также отчеты о раскопках В. В. Хвойки в с. Ромашки. Архив ЛОИА, ф. 1, 1899/53, 1900/29, 1900/99.

Весьма вероятно, что наголовье происходит из кочевнической, очевидно черноклобучкой, могилы Киевского Поросья¹⁰. В этих захоронениях «своих поганых» нередко находят остатки разнообразного вооружения (сабель, луков, стрел и т. п.). Самые богатые из них, в которых иногда попадалось и защитное снаряжение, относятся ко второй половине XII — первой половине XIII в.¹¹ Позже черноклобучкие погребения в этом районе исчезают.

Дату ромашкинского наголовья можно уточнить, не только основываясь на черноклобучких древностях, но и привлекая сравнительный материал. Средства защиты боевого коня, употреблявшиеся в скифо-сарматское время¹², в раннесредневековой Европе неизвестны¹³. После значительного перерыва конские доспехи вновь появились во второй половине или в конце XII в.¹⁴ Одно из наиболее ранних европейских свидетельств подобного рода помещено в русской летописи под 1204 г. и гласит, что у фрягов «и кони их облечены в брони»¹⁵. Отчетливые рисунки западноевропейских боевых наголовий датируются 1235 и 1250 гг.¹⁶ Учитывая, что «конские шлемы» около 1200 г. были европейской новинкой и что ромашкинская находка скорее всего происходит из богатой черноклобучкой могилы предмонгольского периода, ее можно, видимо, отнести к первой половине XIII в. Если предложенная датировка верна, перед нами древнейшее из найденных в Европе конских боевых наголовий¹⁷. Дошедшие до нас конские боевые наголовья Востока и Запада относятся к XIV в., в основном — к XV в. Поразительно, что достоверные восточные изделия этого рода XV в. обнаруживают все признаки сходства с поросским образцом. Таким образом, известные до сих пор типы средневекового головного конского доспеха можно отнести ко времени на два века раньше.

¹⁰ С. Ромашки находится на правом берегу р. Гороховатки, впадающей в Рось.

¹¹ Более подробно о черноклобучком вооружении см.: А. Н. Кирпичников. Русские шлемы X—XIII вв.—СА, 1958, № 4, стр. 59 и сл.; он же. Древнерусское оружие. Мечи и сабли, вып. 2.—САИ, Е1—36, 1966.

¹² Этому вопросу посвящена подготовленная к печати статья Е. В. Черненко «Защита боевого коня в скифское время».

¹³ В Азии развитие и применение конского доспеха было, видимо, более активным, чем в Европе (ср.: Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии, т. I. М.—Л., 1950, стр. 200).

¹⁴ Г. Дельбрюк. История военного искусства, т. III. М., 1938, стр. 172; G. C. Stone. Указ. соч., стр. 171.

¹⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего извода, под 1204 г.

¹⁶ R. E. Oakshott. The Archaeologic of Weapons. London, 1960, рис. 11b, c; C. Blair. European Armour. London, 1958, рис. 5, ср. рис. 49.

¹⁷ Знаменательно, что появление конских масок стоит в прямой связи с распространением в русском и кочевническом войске после 1150 г. боевых шлемов с масками и личинами (см.: А. Н. Кирпичников. Русские шлемы в X—XIII вв., стр. 61 и сл.). Высказанное П. В. Пятыховой мнение о том, что эти маски были не боевыми, а церемониальными или «культово-религиозными» (Н. В. Пятыхова. Железная маска из Херсопеса. М., 1964, стр. 34), — по нашему мнению, результат недоразумения.

Установлено, что многие предметы вооружения черные клобуки, служившие киевскому князю, получали у русских ремесленников¹⁸. Так ли это было с поросским наголовьем, сказать трудно.

Первое упоминание о боевых конских личинах в русском войске князя Даниила Галицкого записано в летоиси под 1252 г.¹⁹ Летописец причислил их к «татарскому» оружию. Действительно, Плано Карпини сообщает, что монгольские всадники прикрывали головы своих коней железными налобными пластинами²⁰, однако шлемы, подобные ромашкинскому, им не были известны. Как мы видели, конские головные доспехи появились в Европе еще до татаро-монгольского нашествия. Вполне возможно, что не только черные клобуки, но и русские воины начали защищать своих боевых коней еще в предмонгольский период. В таком случае ромашкинское наголовье может служить археологической иллюстрацией к летописному сообщению о личинах галицких всадников.

Публикуемое наголовье свидетельствует о наступившей в Европе в начале XII в. поре бронированной защиты коней, о появлении новой принадлежности конского доспеха, которая стала впоследствии неотъемлемой частью снаряжения тяжеловооруженного средневекового кавалериста.

¹⁸ А. Н. Кирпичников. Погребение воина XII—XIII вв. из Южной Киевщины.— Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея, вып. IV. Л., 1959, стр. 224.

¹⁹ Ипатьевская летопись, под 1252 г.

²⁰ Плано Карпини. История монголов. М., 1957, стр. 50.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ СМЫЧКОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ДРЕВНЕГО НОВГОРОДА

Б. А. Колчин

В современном оркестре ведущее положение занимают смычковые инструменты. Их предки появились в конце I тысячелетия н. э. Прародиной смычковых инструментов, дающих непрерывный скользящий звук со всеми полутонами, вероятно всего, является Средняя Азия. В XI в. смычковые инструменты проникают в Европу и довольно быстро распространяются по всему континенту. В это время они уже известны в Испании, Франции, Италии, Англии¹. С проникновением их в Европу в инструментальной музыке происходят значительные изменения. Гетерофонная музыка, господствовавшая в раннем средневековье и ограниченная отдельными тонами или звуками, становилась благодаря смычковым инструментам более певучей и мелодичной. К концу эпохи Возрождения в музыке утверждается уже мелодический (гомофонный) стиль.

Историю смычковых инструментов в западноевропейских странах удалось изучить благодаря многочисленным изобразительным материалам. На миниатюрах, фресках и в скульптуре X—XIV вв. имеются изображения этих инструментов, как правило, вместе с музыкантами и очень часто в ансамбле с другими инструментами. Археологический материал по смычковым инструментам в Западной Европе почти не известен.

Ранняя история музыкальных инструментов России не изучена. Имеется лишь единственная работа известного инструментоведа Н. И. Привалова, большого знатока русских народных музыкальных инструментов, посвященная этой теме. В 1904 г. он опубликовал историко-этнографический очерк, в котором рассмотрел как восточные и западноевропейские сообщения о смычковых инструментах, так и русский народный смычковый инструмент, известный под названием гудок². Исходя из доступного тогда материала, Н. И. Привалов мог предположить, что на Руси смычковые инструменты появились лишь в XVI в. Первое изображение русского смычкового инструмента — гудка — сохранилось лишь от XVII в. Два изображения этого инструмента приводит Олеарий в своем «Путешествии по Московии». Семиструнный лирообразный смычковый инструмент уцелел

¹ W. Bachmann. Die Anfänge des Streichinstrumentenspiels. Leipzig, 1966, стр. 14.

² Н. И. Привалов. Гудок.— ЗРАО, т. V, вып. 2. СПб., 1904, стр. 61.

в Киевской Софии на фресках XI в., где изображены сценки развлечений феодальной знати, в том числе и византийского двора. Исследователи считают, что инструменты, изображенные на фресках, не входили в состав русского музыкального инструментария³. Следует заметить, что лицо музыканта, играющего смычком на лире, принадлежит к ярко выраженному восточному типу.

Новые источники по истории смычковых инструментов на Руси появились лишь после археологических раскопок в Новгороде. На Неревском раскопе в 1954, 1955 и 1960 гг. были найдены сами инструменты. Самая ранняя находка происходит из слоев середины XI в. (ярус 23, пласт 29, квадрат 775). Это обломок нижней части корпуса инструмента. Целый корпус с сохранившейся головкой найден в слоях конца XII в. (рис. 1, 1; ярус 17, пласт 19, квадрат 859). Еще один инструмент, сохранившийся целиком вместе с декой, найден в слоях середины XIV в. (рис. 1, 2; ярус 9, пласт 9, квадрат 1876). Наконец, в слоях второй половины XIV в. (ярус 8, пласт 12, квадрат 874) найдена головка инструмента.

На вопрос, что за музыкальные инструменты найдены в Новгороде и к какому виду по способу извлечения звука они относятся, мы смогли ответить лишь при широком сравнении их с этнографическими материалами и с многочисленными изображениями музыкальных инструментов на средневековых памятниках Западной Европы.

Наши находки являются фрагментами трехструнных смычковых инструментов, струны которых приводятся в звучание трением при помощи смычка. Такой инструмент в позднее время назывался гудком⁴. В словаре В. Даля говорится, что гудок — это род скрипки без выемок по бокам, с плоским дном и крышкой, в три струны, и что у народа он выходит из употребления⁵. В древнерусских письменных памятниках о гудке не говорится, но несколько раз упоминается «гудець», т. е. музыкант, играющий на гудке⁶. Кроме этого термина, в памятниках XVI в. и в Никоновском списке Повести временных лет под 1068 г. упоминается струнный музыкальный инструмент — смык. Это, вероятно, другое название смычкового инструмента, подобного гудку⁷.

Довольно близкие аналогии новгородским находкам по форме и по количеству струн мы находим в приведенных Н. И. Приваловым описаниях и рисунках. Играющий гудочник одной рукой держит инструмент за шейку, оперев его на ногу, а другой — смычок. Если он держит инструмент левой рукой, то опирает его на левую ногу. Еще более близкие аналогии мы

³ В. М. Беляев. Музыка. — ИЖДР, т. II. М. — Л., 1951, стр. 499.

⁴ Пользуюсь случаем выразить благодарность за любезную консультацию музыковеду В. Б. Григорович.

⁵ В. Даль. Толковый словарь, т. I. СПб., 1880, стр. 416.

⁶ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. СПб., 1893, стр. 608.

⁷ И. И. Срезневский. Указ. соч., т. III. СПб., 1903, стр. 447.

находим на миниатюрах и фресках Западной Европы. Абсолютно аналогичные трехструнные фидели изображены вместе с музыкантом, играющим смычком, на миниатюре английской псалтыри второй четверти XII в. из Кембриджской библиотеки, на миниатюре Страсбургского календаря 1154 г., на миниатюре, нарисованной около 1100 г. в сочинении Августина и хранящейся в Британском музее, и на миниатюре из Библии Национальной Парижской библиотеки, написанной около 1200 г. В. Бахманн собрал более 25 подобных изображений⁸. Следует отметить, что все музыканты на этих миниатюрах играют смычком на фиделях, вскинутых на плечо.

Теперь перейдем к описанию двух наиболее хорошо сохранившихся инструментов из новгородской коллекции. Целый корпус гудка с головкой найден у наружного угла развала небольшого жилого дома, принадлежавшего, вероятно, ремесленнику. Этот дом был построен в 80-х годах XII в. Он стоял во дворе усадьбы Б, которая была расположена на перекрестке Великой и Холопьей улиц, и сгорел в пожаре 1211 г. Корпус гудка представлял собой удлиненное корытце с головкой в виде удлиненного треугольника. Общая длина корпуса составляла 41 см. Длина самого резонаторного корытца была 28 см, шейки — 3 см и головки — 10 см. Наибольшая ширина корытца достигает 11,5 см, наибольшая глубина — 5,5 см. Толщина стенок инструмента равнялась в среднем 0,5 см. На головке имелись три отверстия для колков диаметром по 0,7 см каждое. Расстояние между центрами отверстий, т. е. расстояние между струнами, было по 1,8 см. Объем резонаторного корытца равнялся 550 куб. см. Инструмент сделан из одного елового чурбака. Резонаторное корытце выдолблено.

Другой гудок был найден в развале дома, стоящего непосредственно на Кузьмодемьянской улице. Этот дом был построен после пожара 1340 или 1342 г. и сгорел в мае 1368 г. Он стоял на усадьбе, которая принадлежала, по свидетельству найденных тут же берестяных грамот, боярскому роду Мишиничей. Во время, когда найденный гудок был в употреблении, здесь могли жить посадник Онцифор Лукич и его дети Юрий (впоследствии знаменитый посадник Юрий Онцифорович), Максим и Афанасий. У гудка сохранились целиком сам корпус и дека. Общая длина гудка равна 30 см. Длина корытца была 18,5 см, головки с короткой толстой шейкой — 11,5 см. Наибольшая ширина корытца составляла 10,5 см, наибольшая глубина — 3,3 см. Толщина стенок инструмента была в среднем около 0,5 см. Наибольшая ширина головки равнялась 5,6 см, ее толщина — 1,2 см. На головке имелись три отверстия для колков диаметром по 0,6 см. Расстояние между центрами отверстий, т. е. расстояние между струнами, было по 1,3 см. Резонаторная доска — дека покрывала весь верх корытца, т. е. соответственно имела ту же форму и размеры: длина ее 18,5 см и ширина 10,5 см. Толщина доски равна 0,4 см. В средней части доски имелись два отверстия сегментовидной формы длиной 5 см и шириной 1,3 см. Дека

⁸ W. V a c h m a n n. Указ. соч., стр. 21.

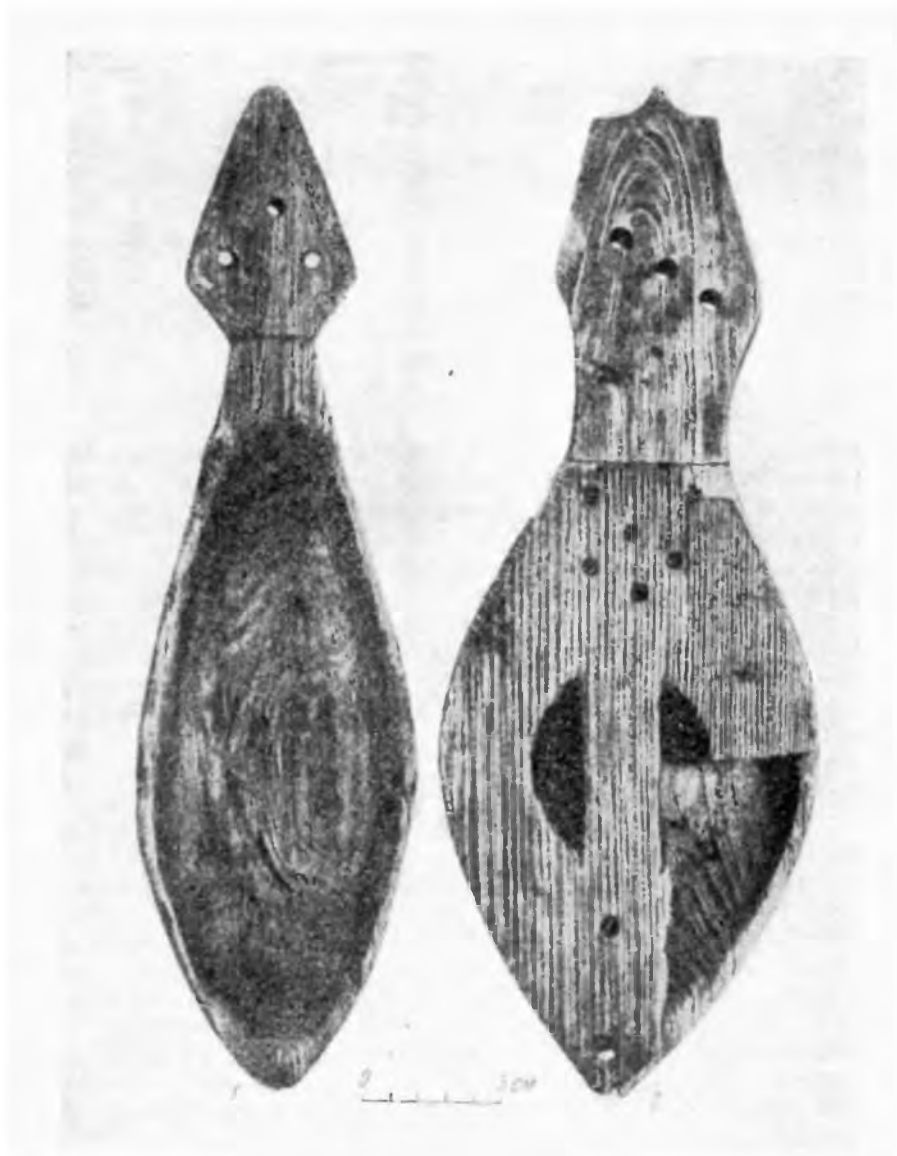

Рис. 1. Новгородские гудки

1 — конец XII в. (ярус 17, пласт 19, квадрат 859); 2 — середина XIV в.
(ярус 9, пласт 9, квадрат 1876)

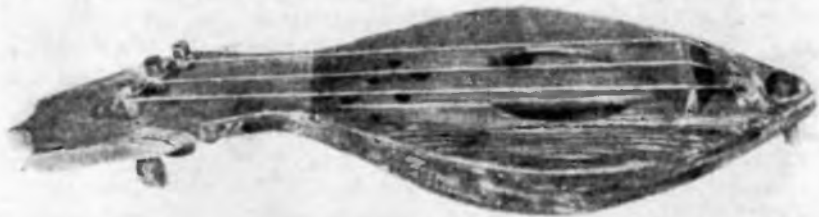

Рис. 2. Гудок середины XIV в. Реконструкция

приклеивалась к корпусу инструмента рыбьим клеем. В нижней части корытца и соответственно у деки расположено отверстие для деревянного штифта, который крепил струнодержатель. Корпус гудка и дека сделаны из ели. Корытце долбленое (рис. 2).

Кроме самих инструментов, на раскопе в разных местах были найдены отдельно восемь колков, абсолютно одинаковых по форме и размеру. Эти колки применялись в гусях и гудках. Колок представлял собой деревянный цилиндр диаметром 0,6—0,7 см, переходящий в верхней части в расширенную лопаточку для держания рукой. Общая длина колка равнялась 4—5 см. В нижней части стержень колка был немного расколот для крепления в щели струны.

Струны, вероятно всего, были из бараньих кишок. Крепились они с одной стороны к костяному струнодержателю с тремя отверстиями. Струнодержатель прикреплялся к низу корпуса деревянным штифтом. Со стороны головки струны вставлялись в щели колков и затягивались. Смычка или его деталей мы на раскопе не нашли, но об устройстве смычка можно говорить при сравнении с этнографическими материалами и западноевропейскими изображениями. Смычки были самых разнообразных форм: сильно изогнутые, почти полукруглые, напоминающие простой лук, плоские, у которых струны шли почти параллельно штанге, круто изогнутые с одного конца и т. д. Все они существовали одновременно. Длина смычка по линии струн колебалась от 30 см до 1 м. На смычок натягивали конский волос — от нескольких штук до нескольких десятков (современные смычки имеют более 100 волос). Как новгородцы держали гудок во время игры, мы пока определить не можем.

Итак, смычковые инструменты, распространившиеся в Западной Европе в XI в., были известны и употреблялись в то время и в древней Руси. В Россию они могли попасть непосредственно из Средней Азии или через Византию. В первой половине XI в. новгородцы уже играли на гудках.

Наиболее древняя находка обломка корпуса гудка попала в культурный слой в 50—60-е годы XI в. Корпус гудка конца XII в., как мы отмечали, абсолютно аналогичен по устройству и форме трехструнным фиделям того же времени Франции, Англии, Германии.

Находка музыкальных инструментов в древнем Новгороде открывает перед нами заманчивую перспективу в изучении музыки древней Руси. Восстановив древний музыкальный инструмент или сделав его абсолютную модель из ели, мы сможем услышать диапазон его звучания, его тембр и определить его технические возможности. Если достоянием науки станут источники, в которых мы найдем сведения о звукорядах и интервалах, о принципах настройки инструментов и, наконец, сами музыкальные записи, то мы сможем услышать и подлинное звучание древней музыки.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В КОНЦЕ VIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ IX в.

В. В. Кротошкин

Многочисленные клады восточных монет VIII—IX вв., найденные в Восточной Европе и Прибалтике, давно уже привлекли к себе внимание историков и нумизматов. Впервые научную периодизацию кладов куфических монет разработал известный русский нумизмат-ориенталист Р. Р. Фасмер. Он предложил разделить все клады куфических монет, найденные в Восточной Европе, на четыре хронологические группы (по дате младшей монеты в составе клада)

1. Клады куфических монет с конца VIII в. до 833 г.
2. Клады куфических монет с 834 по 900 г.
3. Клады куфических монет с 901 по 960 г.
4. Клады куфических монет с 961 по 1014 г.

Изучение состава многочисленных кладов куфических монет привело Р. Р. Фасмера к важному выводу о том, что древнейшие клады (до 833 г.) содержали значительный процент аббасидских монет африканской чеканки, в то время как клады последующего периода состоят из аббасидских дирхемов, чеканенных в азиатских центрах Арабского халифата.

Клады третьей группы (до 960-х годов) имеют в своем составе по преимуществу саманидские дирхемы, чеканенные в Средней Азии, а клады последней, четвертой группы содержат наряду с саманидскими монетами заметную примесь бувейхидских и зияридских дирхемов и монет других мусульманских династий, правивших в Средней Азии и Закавказье. Наконец, в позднейших кладах увеличивается количество западноевропейских монет и византийских милларисиев.

К сожалению, эти выводы были высказаны в статье общего характера¹, затерявшейся в периодической печати, и не получили широкого распространения.

В. Л. Янин, занимаясь происхождением денежно-весовых систем древней Руси, развил выводы Р. Р. Фасмера на основе исследования всех известных в середине XX в. кладов куфических монет.

¹ Р. Р. Фасмер. Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе.— Известия АН СССР. Отделение общественных наук, 1933, № 6-7. стр. 473—484.

По мнению В. Л. Янина, наиболее ранние клады дирхемов в Восточной Европе и Прибалтике были зарыты в землю не в начале IX в., как утверждал Р. Р. Фасмер, а на несколько десятилетий раньше, в 60—90-х годах VIII в.²

Для подтверждения своей гипотезы В. Л. Янин располагал небольшим кладом из Приладожья (Старая Ладога, 786 г.), эдним кладом с Готланда (Форё, 783 г.) и незначительными остатками клада, найденного на хут. Паристовском Черниговской области. Этот клад можно лишь условно отнести к концу VIII в. (младшая монета 787/8 г.), но такая поправка не вносит принципиальных изменений в построения Р. Р. Фасмера, потому что наиболее ранние клады как раз подтверждают возникновение транзитного пути по Волге и ее притокам в Приладожье и прибалтийские земли не в самом начале IX в., как думал Р. Р. Фасмер, а в 80—90-х годах VIII в. Сравнение числа ранних кладов в Западной (16 кладов и 13 отдельных находок) и Восточной Европе (32 клада и 56 отдельных находок) вряд ли методически правильно для характеристики интенсивности денежного обращения в этих районах, так как сопоставляются совершенно различные области, а, главное, основная масса кладов кувических монет обнаружена за пределами славянского ареала в Восточной и Центральной Европе³, и поэтому они ничего не дают для решения вопроса о времени зарождения денежного обращения у восточных славян и на Руси.

К тому же В. Л. Янин совершенно не учитывает уровень социально-экономического развития восточных и западных славян в конце VIII — первой половине IX в., когда пишет, что «экономика восточного славянства к этому моменту испытывала сильнейшую потребность в металлических знаках обращения»⁴.

При рассмотрении топографии монетных кладов, как и других кладовых находок, нужно иметь в виду одно важное обстоятельство: клады, как правило, встречаются не по торговым путям, а в районах сосредоточения оседлого земледельческого населения. В степных районах, где не было прочной оседлости, клады обнаруживаются крайне редко. Там драгоценные вещи и монеты находят обычно в богатых кочевнических погребениях, например у сел Малое Перещепино, Новые Сенжары, у Келегейских хуторов, у с. Глодосы⁵.

² В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956, стр. 81—82.

³ Там же, стр. 83, 88 и сл.; И. И. Ляпушкин. Некоторые вопросы из предистории восточных славян.— КСИА АН СССР, вып. 100, 1965, стр. 116 и сл.; В. В. Седов. Из истории восточнославянского расселения.— КСИА АН СССР, вып. 104, 1965, стр. 3—11, рис. 1; М. И. Артамонов. Вопросы расселения восточных славян и советская археология.— Сб. «Проблемы всеобщей истории». Л., 1967, стр. 29—69.

⁴ В. Л. Янин. Указ. соч., стр. 87.

⁵ Г. Ф. Корзухина. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э.— СА, XXII, 1955, стр. 68.

В. Л. Янин учел 25 кладов куфических монет, зарытых в начальный период распространения дирхема в Восточной Европе (до 833 г.): 1—Криваянская, 805/6 г.; 2—Завалишино, 809/10 г.; 3—Нижняя Сыроватка, 812/3 г.; 4—Паристовский хут., 787/8 г.; 5—Яриловичи, 820/1 г.; 6—Литвиновичи, 823/4 г.; 7—Могилев, 814/5 г.; 8—Мишская губерния, 815/6 г.; 9—Ланотково, 816/7 г.; 10—Баскач, 807/8 г.; 11—Борки, 817 г.; 12—Скопишский уезд, 818/9 г.; 13—Сарское городище (дер. Деболы), 820-е годы; 14—Угодичи, 812/3 г.; 15—Углич, 829 г.; 16—Загородье, 831 г.; 17—Семенов городок, 810/1 г.; 18—Деменск, 824/5 г.; 19—Набатово, 815/6 г.; 20—Вылеги, 807/8 г.; 21—Тарту; 22—Старая Ладога, 786 г.; 23—Княжино, 808/9 г.; 24—Элмед, 820/1 г.; 25—Лелеки, 803 г.

Изучение карты распространения дирхема в начальный период, составленной В. Л. Яниным, убеждает в том, что большинство кладов и отдельных находок обнаружено в областях, которые в то время еще не были заселены славянскими племенами.

Многие советские археологи считают, что эти области Восточной Европы были заняты балтами, финно-угорскими или торкскими племенами. Смешанное население Подонья и Приазовья входило тогда в состав Хазарского каганата.

На славянских землях ранние клады известны только в области роменско-боршевской культуры, в Посожье и Подесенье и на западнославянских землях между Эльбой и Вислой.

В обширных районах, заселенных славянами между Днестром и Дунаем, не найдено ни одного клада куфических монет, относящегося к тому времени.

В русской исторической литературе утвердилось мнение о важном значении Итиля как крупного транзитного центра в начале хазарского торгового пути, по которому дирхем проникал в Восточную Европу. Наиболее четко это мнение было сформулировано в известной статье П. Г. Любомирова и в дальнейшем поддержано в трудах Ю. В. Готье, П. И. Лященко, Р. Р. Фасмера, А. Ю. Якубовского и Б. Н. Заходера⁶. В. Л. Янин выступил против этого, казалось бы, общеприятного положения. «В действительности,— писал В. Л. Янин,— если обратиться к хронологическому анализу монетных находок за два с половиной века обращения куфической монеты в Восточной Европе, выясняется, что весь комплекс монетных находок на нижней Волге и на нижнем Донце, который можно было бы связывать с торговым движением непосредственно с территорией Хазарского каганата, состоит из двух кладов и нескольких отдельно поднятых монет. Доли процента находок по отношению к общему их количеству в Восточ-

⁶ П. Г. Любомиров. Торговые связи древней Руси с Востоком в VIII—IX вв.— Ученые записки Саратовского университета, т. I, вып. 3, 1923, стр. 5, сл.; Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М., 1930, стр. 233 и сл.; П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. I, М., 1952, стр. 96; Б. Н. Заходер. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган в Поволжье в IX—X вв. М., 1962, стр. 167.

ной Европе характеризуют не столько степень монетного обращения у хазар, сколько полное отсутствие этого обращения.

Сношения древней Руси с Итилем посредством предполагаемого южного пути также достаточно убедительно опровергаются этими материалами. На протяжении всего периода восточной торговли с конца VIII до начала XI в. единственными воротами, через которые шла торговля Руси с Востоком, фактически был Булгар»⁷.

Во-первых, В. Л. Янин нарушает основной методический принцип своего исследования, когда для характеристики денежного обращения в Хазарии рассматривает все монетные находки без разделения на периоды. Как известно, границы Хазарского каганата с VIII до середины X в. не оставались постоянными⁸.

Во-вторых, В. Л. Янин не дает разъяснения, каким образом куфические монеты проникали из Средней Азии и Закавказья в Среднее Поволжье, на территорию Волжской Болгарии, минуя Итиль и другие города Хазарии.

В-третьих, болгары в IX—X вв. платили дань хазарам, и освобождение болгар от зависимости связано только с походами киевского князя Святослава на Волгу в 965 г.⁹

В-четвертых, за последние годы стали известны новые клады куфических монет начального периода обращения дирхема в Восточной Европе: 26 — Петровское, 804/5¹⁰ г.; 27 — Правобережное Цимлянское городище, 809/10 г.¹¹; 28 — Новотроицкое городище, 818/9 г.¹²; 29 — Нижние

⁷ В. Л. Янин. Указ. соч., стр. 104, 105.

⁸ М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 385 и сл.

⁹ А. П. Смирнов. Волжские булгары. М., 1951, стр. 22 и сл.

¹⁰ В пос. Петровское Петровского района Ставропольского края в августе 1956 г. найден клад из 34 куфических монет: омайадские наместники Ирана — 1 экз., Испахбеды Табаристана — 1 экз., Омайады — 1 экз., Аббасиды — 31 экз. Младшая монета — аббасидский дирхем ал Мухаммади, 189 г. х. (804/5 г.). Определение С. А. Яниной. Хранится в краеведческом музее Ставрополя. Литература: Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. VIII. Баку, 1959, стр. 28—29, № 1965.

¹¹ Правобережное Цимлянское городище, Цимлянский район Ростовской области, 1958 г. При раскопках С. А. Плетневой в южной части жилища 2 около ног женского костяка найден клад куфических монет из 6 дирхемов и 42 обломков: Сасаниды — 1 драхма и 4 обломка, арабо-сасанидские монеты — 1 обломок, Омайады — 5 обломков, омайадские наместники Ирана — 3 обломка, Аббасиды — 3 дирхема и 23 обломка, Дабвейхиды — 1 обломок, аббасидские наместники Табаристана — 4 дирхема и 4 обломка, Идрисиды — 1 обломок. Древнейшая монета — обломок драхмы Хормизда IV (579—590).

Многие обломки аббасидских дирхемов относятся ко времени правления Харун ар-Рашида (786—809). Определение А. А. Быкова. Хранится в Эрмитаже. Сообщение А. А. Быкова.

¹² Новотроицкое городище, Лебединский район Сумской области, 1953 г. При раскопках И. И. Ляпушкина найден небольшой клад из 1 омайадского и 9 аббасидских дирхемов и серебряных вещей. Младшая монета — дирхем ал Мамуна, Мадинат ас

Новоселки, 811/2 г.¹³; 30 — Кремлевское, 812/3 г.¹⁴; 31 — Хитровка, 810/1 г.¹⁵; 32 — Калининград, 745/6 г.¹⁶

В Восточной Европе значительная часть кладов и единичных находок сасанидских, куфических и византийских монет VII—X вв. территориально увязывается с Хазарским каганатом или с областями, которые находились в политической зависимости от хазар. Северный Кавказ, Нижнее и Среднее Поволжье, Подонье, Приазовье и Крым входили, как известно, в состав каганата. Русские и восточные источники сообщают, что некоторые славянские племена (поляне, радимичи, витичи и северяне) и волжские болгары выплачивали в IX—X вв. хазарам дань¹⁷.

Многочисленные находки куфических монет на поселениях и в могильниках юго-восточной части Восточной Европы подтверждают давнее знакомство хазар с монетами Арабского халифата.

Куфические монеты VIII — начала IX в. обнаружены в Дагестане¹⁸

Салам, 203 г. х. (818/9 г.). Определение А. А. Быкова. Хранится в Эрмитаже. Литература: И. И. Ляпушкин. Новотроицкое городище. — МИА, № 74, 1958, стр. 27—29, рис. 15.

¹³ Нижние Новоселки, Трубчевский район Брянской области, 1956 г. Найден клад младшая — дирхем 811/2 г., но, возможно, один обломок по типу пужно отнеси ские наместники Ирана — 4, аббасидские наместники Тахаристана — 5; Идрисиды — 3, неопределенные — 1. Древнейшая монета — сасанидская драхма Хосрова I 573/4 г., младшая — дирхем 811/2 г., но, возможно, один обломок по типу нужно отнеси к 816/7 г. Определение С. А. Яниной. Хранится в Трубчевском краеведческом музее. Сообщение С. А. Яниной.

¹⁴ Кремлевское, Дмитровский район Орловской области, 1956 г. Найден клад куфических монет, из которого 76 дирхемов поступили в ГИМ и были определены С. А. Яниной: Сасаниды — 8 экз., арабо-сасанидские — 4 экз., Испахбеды — 1 экз., наместники Табаристана — 8 экз., Омайяды — 1 экз., Аббасиды — 51 экз., Идрисиды — 5 экз., Аглабиды — 1 экз. Древнейшая монета — сасанидская драхма 557 г., младшая — дирхем 812/3 г. Общий вес 196,72 г. Хранится в ГИМ, инв. № 93960. Сообщение С. А. Яниной.

¹⁵ Хитровка, Каширский район Московской области, 1932 г. При строительстве на глубине 4 м найден клад куфических монет, из которого 12 дирхемов поступили в ГИМ: Испахбеды — 1 экз., Аббасиды — 9 экз., Идрисиды — 2 экз. Древнейшая монета — дирхем 131 г. х. (748/9 г.), младшая — дирхем Мадинат ас Салама 195 г. х. (810/11 г.). Общий вес 31,32 г. Определение С. А. Яниной. Хранится в ГИМ, инв. № 96699.

¹⁶ Калининград, 1945 г. На южной окраине найден клад из 150 куфических монет. Монеты разошлись по рукам. А. А. Быков определил 9 омайядских дирхемов, древнейший — Васит, 85 г. х. (704 г.), младший — ал Джазира, 128 г. х. (745/6 г.). Сообщение А. А. Быкова.

¹⁷ ПБЛ, т. I, М. — Л., 1950, стр. 16, 22.

¹⁸ Агач-кала, Буйнакский район, 1948—1949 гг. В погребении найден аббасидский дирхем ал Мансура, чеканенный в Аббасийе в 156 г. х. (772/3 г.). Литература: К. Ф. Смирнов. Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана. — КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951, стр. 117.

(Агач-кала), Северной Осетии (Галиат)¹⁹, Чечено-Ингушетии (Гоуст)²⁰, Краснодарском крае (Адлер)²¹.

В Нижнем Поволжье и Приуралья находки куфических монет известны в Астраханской области (Соленое Займище, Селитренное)²², Волгоградской области (Дубовка)²³, Оренбургской области (Ромашкино)²⁴, в Башкирской АССР (Бугоровка, Старо-Халилово)²⁵.

В Подонье находки куфических монет VIII — начала IX в. зарегистрированы в Ростовской области (Правобережное Цимлянское городище, станция Верхне-Курморская)²⁶ и в Воронежской области (слободы Урыв и Маклашеевка)²⁷.

¹⁹ Галиат, Ирафский район, 1935 г. В погребении найден омайадский дирхем, чеканенный в ал Басре в 81 г. х. (700/1 г.). Хранится в ГИМ, инв. № 77803. Литература: СА, I, 1936, стр. 281; Е. А. Пахомов. Указ. соч., вып. III. Баку, 1940, стр. 32, № 793.

²⁰ Гоуст, Советский район, 1962 г. В погребении найден аббасидский фелс ал Мансура, чеканенный в Арране (?) по типу 153 г. х. (770 г.). Хранится в ГИМ. Сообщение Р. М. Мунчаева и Е. И. Крупнова.

²¹ Адлер: Аббасиды, Харун ар-Рашид, ал Мухаммадия, 175 г. х. (791/2 г.); анонимный дирхем времени ал Амина, Бухара, 195 г. х. (810/11 г.). Определение Е. А. Пахомова. Литература: Е. А. Пахомов. Указ. соч., вып. VIII, стр. 27, № 1963.

²² Соленое Займище, Черноярский район, 1963 г. В погребении найден аббасидский динар времени правления ал Мансура, 143 г. х. (760/1 г.). Определение А. А. Быкова. Сообщение В. П. Шилова.

Селитренное, Енотаевский район, 1921 г. Куфический дирхем. Литература: Ф. Баллод. Старый и Новый Сарай — столицы Золотой Орды. Казань, 1923, стр. 33.

²³ Дубовка, Дубовский район, не позже 1923 г. На Водянском городище найдены куфические фелсы. Литература: П. Г. Любимов. Указ. соч., стр. 18.

²⁴ Ромашкино, Курмакаевский район, 1965 г. В погребениях найдены два аббасидских дирхема ал Мансура, чеканенных в Багдаде, один — в 155 г. х. (771/2 г.), год чеканки другого не установлен. Хранятся в Оренбургском краеведческом музее. Литература: С. А. Попов. Археологические исследования на территории Оренбургской области в 1965—1966 гг. — I Уральское археологическое совещание (тезисы докладов). Сыктывкар, 1967, стр. 128.

²⁵ Бугоровка, Стерлитамакский район, 1950—1951 гг. В погребениях найдены шесть куфических монет: Омайады, золотой анонимный динар 87 г. х. (705/6 г.); анонимный дирхем, Васит, 95 г. х. (712/3 г.), пробит; анонимный дирхем, Васит, 126 г. х. (743/4 г.), пробит; Аббасиды, дирхем ал Махди, Арран, 154 г. х. (770/1 г.), пробит; анонимный дирхем, Мадинат ас Салам, 153 г. х. (770 г.), пробит; анонимный дирхем, Мадинат ас Салам, 158 г. х. (774/5 г.), пробит. Литература: Е. А. Пахомов. Указ. соч., вып. VII. Баку, 1957, стр. 92—94, № 1876.

Старо-Халилово, Салаватский район, 1963 г. В погребении найден аббасидский фелс VIII в. с двумя отверстиями. Определение С. А. Яниной. Хранится в Уфе. Сообщение Н. Мажитова.

²⁶ Правобережное Цимлянское городище, Цимлянский район, 1939 г. При раскопках И. И. Ляпушкина найдена половина омайадского дирхема, ал Андалус, 104 г. х. (722/3 г.). Определение А. А. Быкова. Сообщение И. И. Ляпушкина.

Станица Верхне-Курморская. Аббасидский дирхем, чеканенный в Ифрикии в 166 г. х. (782/3 г.). Литература: ОАК за 1905 г., стр. 101; Т. J. Аггье. La Suède et l'Orient. Uppsala, 1914, стр. 64.

²⁷ Слобода Урыв, Коротоякский район, 1928 г. Дирхем ал Махди, чеканенный в

Ранние куфические дирхемы обнаружены в Тамбовской области (с. Крюково-Кужновское)²⁸, Ульяновской области (с. Кайбелы)²⁹, Тульской области (дер. Супруты)³⁰.

Несколько ранних куфических монет обнаружено на Украине: в Сумской области (Новотроицкое городище)³¹, Харьковской области (с. Верхнее Салтово, Донецкое городище на окраине Харькова, Райгородок)³², Киевской области (Киев, с. Зарубинцы)³³, Крымской области (с. Планерское, Херсонес)³⁴.

Ифрикии в 166 г. х. (782/3 г.), пробит. Определение Р. Р. Фасмера. Хранится в Воронежском краеведческом музее. Архив ИА АН СССР, 1928, № 29, л. 98.

Слобода Маклашевка, Новохоперский уезд, не позже 1908 г. Близ слободы найдены куфические дирхемы VIII в. Литература: Тр. Воронежской ученой архивной комиссии, вып. 4, 1908, стр. XXXVIII; А. П. Москаленко. Городище Титчиха. Воронеж, 1965, стр. 117, примечание 141.

²⁸ Крюково-Кужновское, Моршанский район, 1933 г. В погребении 205 найден дирхем ал Мансура, чеканенный в ал Куфе в 139 г. х. (756 г.). Определение С. А. Яниной. Литература: П. П. Иванов. Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Моршанск, 1952, стр. 70—71, табл. XVII, 7, 8.

²⁹ Кайбелы, Чердаклинский район, 1953 г. В погребении найден дирхем 133 г. х. (750/1 г.). Определение С. А. Яниной. Литература: П. Я. Мерперт. К вопросу о древнейших болгарских племенах. Казань, 1957, стр. 35.

³⁰ Супруты, Крапивенский район, 1956 г. На городище при раскопках С. А. Изюмовой найдены три куфические монеты: аббасидский дирхем ал Мамуна, 819—821 гг.; аббасидский дирхем ал Муга'аза, 866—869 гг.; саманидский дирхем Исмаиля ибн Ахмада, 900 г. Хранится в Тульском краеведческом музее. Архив ИА АН СССР, № 1357, л. 7.

³¹ Новотроицкое городище, Лебединский район, 1952 г. На городище найден аббасидский дирхем, чеканенный при ал Мутасиме, Мадинат ас Салам, 248 г. х. (833 г.), с двумя отверстиями по краю. Хранится в Эрмитаже. Литература: И. И. Ляпушкин и И. Новотроицкое городище, стр. 52, рис. 34, 3.

³² Верхнее Салтово, Волчанский район, 1961 г. При раскопках Д. Т. Березовца в погребениях найдены куфические монеты; дирхем, чеканенный при Мервапе II, ал-Куфа, 128 г. х. (745/6 г.); дирхем, чеканенный в Дамаске, 128 г. х. (745/6 г.); дирхем 775—778 г. Определение С. А. Яниной. Сообщение Д. Т. Березовца.

На Донецком городище при раскопках Б. А. Шрамко в 1959 г. найдены две монеты: дирхем, чеканенный палестинцем Табаристана Омаром в 129 г. табаристанской эры (780 г.); подражание куфическому дирхему начала X в. Литература: Б. А. Шрамко. Древности Северского Донца. Харьков, 1962, стр. 310, рис. 125, 1, 2.

Райгородок, Изюмский уезд, 1901 г. На поселении найден обломок аббасидского дирхема ал Мамуна, 200 г. х. (815/6 г.). Определение В. К. Трутовского. Литература: Спесивцев В. Находки в Райгородке.— Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 155.

³³ Киев, 1876 г. В погребении 125 в ожерелье найден аббасидский дирхем ал Мансура, ал Куфа, 142 г. х. (759/60 г.), с ушком для подвешивания. Литература: М. Ю. Каргер. Древний Киев, т. 1. М.—Л., 1958, стр. 210.

Зарубинцы, Перелеслав-Хмельницкий район, 1961 г. На поселении IX—X вв. на дне жилища найден аббасидский дирхем ал Мамуна, чеканенный в Багдаде в 199 г. х. (814/5 г.). Определение А. И. Терепожкина. Хранится в фондах ИА АН УССР. Сообщение Е. В. Максимова.

³⁴ Планерское, Судакский район, 1952—1953 гг. При раскопках В. П. Бабенчикова на поселении найден дирхем Харун ар-Рашида, губернаторы Тодгн, Халаф, место чеканки сбито, 17(?) г. х. (790-е годы). Там же в погребении внутри базилики най-

Еще в начале XX в. австрийский нумизмат Э. Цамбаур связал подражания куфическим монетам с чеканкой Хазарского каганата на том основании, что Волжская Болгария в X в. выпускала собственную монету с именами местных правителей и с указанием на место чеканки (Булгар или Сувар)³⁵. Гипотеза Э. Цамбаура не получила поддержки в работах русских нумизматов-ориенталистов, в частности Р. Р. Фасмера³⁶. Топографические наблюдения дают основания предполагать, что варварские подражания чеканились на территории Хазарского каганата с самого начала IX в., и связывать эти подражания с областью салтово-маяцкой культуры³⁷.

В последнее время А. А. Быков выделил в составе Девичьего клада куфических монет значительную группу дирхемов (85 экз.), которые чеканены по типу аббасидских монет, но по ряду признаков — не на территории халифата³⁸. Изучение этой группы дирхемов позволило А. А. Быкову предположить, что на территории «земли хазарской», видимо, непродолжительное время существовал «халифский» монетный двор — Ард ал-Хазар. Именно так предлагал читать название монетного двора на некоторых монетах еще Р. Р. Фасмер. А. А. Быков обратил внимание, что некоторые монеты имеют знак, который совершенно чужд традициям халифского монетного двора, но чрезвычайно похож на тамгу на одном из кирпичей из Саркела. Изложенные обстоятельства позволили А. А. Быкову признать в «загадочных» дирхемах Девичьего клада монеты, чеканенные на одном из монетных дворов в Хазарии.

ден анонимный аббасидский дипар времени правления ал Мансура, 138 г. х. (755/6 г.). Определение С. А. Яниной. Литература: В. В. Кропоткин. Византийские монеты из Таматархи — Тмутаракани. — Сб. «Керамика и стекло древней Тмутаракани». М., 1963, стр. 177.

В Херсонесе при археологических раскопках найдено несколько куфических фелсов VIII—IX вв. очень плохой сохранности, некоторые монеты обрезаны в кружок или пробиты. Определение А. А. Быкова.

³⁵ E. von Zambaur. Orientalische Münzen in Nord- und Ost-Europa. — Vortrag in der Wiener numismatische Gesellschaft, 1902; он же. Die Münzen der Chazaren. — Monatsblatt der numismatische Gesellschaft in Wien, VIII, № 30/31, 1911; Т. J. Агн е. Указ. соч., стр. 86—87.

³⁶ Р. Р. Ф а с м е р. О монетах волжских болгар X в. — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XXXIII, вып. 1, 1925, стр. 45 и сл.

³⁷ В. Л. Я н и н. Указ. соч., стр. 116—118.

³⁸ А. А. Б ы к о в. Девичьий клад куфических монет. — Тезисы докладов научной сессии Государственного Эрмитажа, ноябрь 1967 г. Л., 1967, стр. 67 и сл.

ЭНКОЛПИОНЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В. А. Кузнецов

В разных местах Северного Кавказа обнаружено 11 бронзовых или медных энколпионов. Одни из них изданы, другие только упомянуты в литературе и, наконец, третьи впервые публикуются в данной статье. Ниже дается краткое описание всех известных сейчас северокавказских энколпионов.

1. Станица Махашевская в верхнем течении р. Фарс, несколько восточнее Майкопа. Медный энколпион с изображением распятия поступил из Махашевской в Археологическую комиссию в 1903 г. и опубликован в 1906 г.¹, в связи с чем детальное описание креста опускаем.

2. Станица Сторожевая на р. Кяфар в Зеленчукском районе Карачаево-Черкесской автономной области. Половинка энколпиона с изображением распятия (рис. 1, 1) найдена в 1923 г. Т. П. Берсеневым при работе на огороде. Приводим описание предмета, данное П. Н. Шишкиным: «В верхней доле энколпиона изображение четырехконечного креста, в углах скрепления которого грубые изображения, подражающие буквам, или полустертые буквы. Все четыре доли с внешней стороны по обе стороны их имеют небольшие выступы, как бы почки процветающего креста. Как верхняя, так и нижняя доли имеют ушки для скрепления с другой половиной. Фигура распятия сильно потерта. Размер 6×4 см»².

3, 4. Нижне-Архызское городище X—XII вв. в ущелье р. Большой Зеленчук в Зеленчукском районе Карачаево-Черкесской автономной области. Две половинки от двух разных энколпионов найдены во время наших раскопок церкви 6 в 1961 г., в апсиде, на глубине 0,75 м³. Верхняя часть одного из энколпионов сломана (рис. 1, 2). В центре изображена фигура Богородицы Одигитрии с младенцем на руках, слева — Павел, справа — Петр, около головы которого ясно видны греческие буквы ПТРО. По сторонам фигуры Богородицы расположена греческая надпись МРΘΥ. Петр держит в руках Евангелие с крестом. Оба святых заключены в медальоны, выполненные чернью; подчеркнуты и некоторые детали изображений.

¹ ОАК за 1903 г., стр. 170, рис. 336.

² П. Н. Шишкин. Материалы к археологической карте Черкесской автономной области. Архив ЛОИА, д. 1406, л. 114, табл. XV, 8.

³ В. А. Кузнецов. Археологические исследования в верховьях Кубани (1960—1961 гг.).— КСИА АН СССР, вып. 96, 1963, стр. 90.

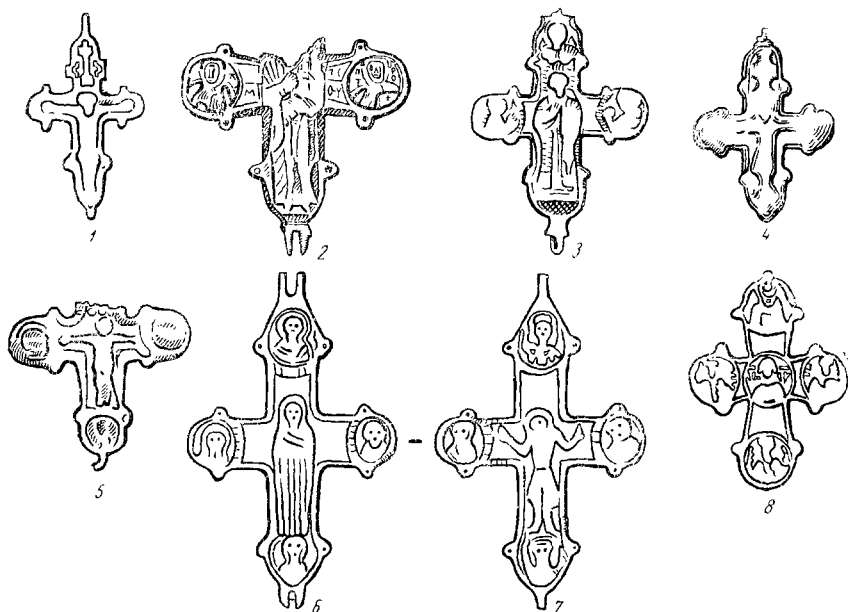

Рис. 1. Энколпионы, найденные на Северном Кавказе

1 — ст. Сторожевая; 2, 3 — Нижне-Архызское городище; 4 — г. Карачаевск; 5 — городище Адлюх; 6, 7 — сел. Каменномоетское; 8 — святилище Реком (Цейское ущелье)

Второй энколпион целый и меньших размеров (рис. 1, 3). В центре его изображена фигура Христа (?), правой рукой благословляющего, а левой, возможно, держащего Евангелие. Вокруг изображены три фигуры: боковые — в профиль, обращенные к центральной фигуре, верхняя — в анфас. Все изображения, представляющие, вероятно, деисусную композицию, недостаточно четки и потерты.

5. Бывшее сел. Каменномоетское (ныне г. Карачаевск) при слиянии рек Кубани и Теберды. Отсюда происходит половинка креста-энколпиона, видимо, приобретенная Е. В. Пфиценмайером во время его путешествия по Кубани и в 1912 г. попавшая в музей Грузии. Энколпион опубликован О. О. Потановым⁴. В центре его помещено грубое изображение распятия, над ним — широкий и массивный крест (рис. 1, 4). В боковых концах никаких фигур нет. Размеры 5,6 × 3,8 см.

⁴ О. П. Потанів. Деякі речі салтівської культури з Кубанщини в музеї Грузії. — Східній Світ, 1928 № 3-4, стр. 305, рис. 16.

6. Городище Адиох на р. Малый Зеленчук, против аула Хабез Караево-Черкесской автономной области. Во время раскопок Т. М. Минаевой в небольшой одноалейной церкви X—XII вв. найден энколпион со сломанной верхней частью⁵. Т. М. Минаева крест не опубликовала, и нам приходится пользоваться недостаточно четким рисунком, приложенным к архивному отчету (рис. 1, 5)⁶. В центре изображено распятие, по бокам и внизу — фигуры евангелистов.

7. Малка — один из притоков Терека, текущий по Кабардино-Балкарской АССР. На побережье найдена часть энколпиона высотой 7 см. На кресте изображен Христос в длинном одеянии, по краям — «поясные изображения». Поступил в Тифлисский музей от Курата и Яковлева⁷.

8. Сел. Каменноостокское в среднем течении р. Малки в Зольском районе Кабардино-Балкарской АССР. Энколпион, состоящий из двух половинок, найден зоотехником колхоза им. С. М. Кирова А. Д. Афауновым⁸. В 1962 г. поступил в Кабардино-Балкарский музей краеведения⁹. На лицевой половине креста (рис. 1, 6) изображена Богородица (?) в широком одеянии с подчеркнутыми складками, по всем четырем концам в медальонах — погрудные фигуры в анфас. Никаких следов надписи нет. На оборотной половине креста в центре изображено распятие, по концам — погрудные фигуры в анфас (рис. 1, 7). Изображения грубые, почти плоские, детали прорисованы, глаза и рот у изображаемых выполнены углубленными точками. Половинки складываются неплотно.

9. Сел. Кудинетово в верхнем течении р. Шалуджики, в районе г. Налчика. Здесь в 1886 г. найден энколпион с изображением Богородицы в центре и погрудными фигурами в анфас, расположенными в концах креста, в медальонах (рис. 2). На энколпионе есть обратная древнерусская надпись: «Святая Богородица, помогай»¹⁰, и имя ВАСИЛ в нижнем медальоне, также в обратном написании.

10. Городище Маджары XIII—XIV вв. близ г. Прикумск Ставропольского края, на р. Куме. Половинка энколпиона обнаружена в 1965 г. Э. В. Ртвеладзе и им опубликована¹¹. В центре изображена фигура

⁵ Т. М. Минаева. Городище Адиох в Черкесии.— КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 117.

⁶ Архив ИА АН СССР, Р — I, д. 579, л. 53, рис. 29.

⁷ Die Sammlungen des Kaukasischen Museums, т. V. Tiflis, 1902, стр. 187.

⁸ О. Опрышко. Курганы открывают свои тайны.— «Кабардино-Балкарская правда», 19.XII 1962.

⁹ Кабардино-Балкарский музей краеведения, инв. № 4172. Отметим, что в районе сел. Каменноостокское (на бывшем участке Х. Абдрахманова) имеется могильник с каменными крестами (М. Ермоленко. Памятники древнего христианства на Кавказе.— Труды Ставропольской ученой архивной комиссии, вып. V. 1913). Возможно, что найденные на Малке энколпионы происходят из этого могильника.

¹⁰ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 528. Негативы хранятся в фотоархиве ЛОИА, инв. № 53818.

¹¹ Э. В. Ртвеладзе. Крест-энколпион из Маджар.— СА, 1965, № 2, стр. 281.

Богородицы с плохо сохранившейся обратной надписью: «Богородица, помогай!», выполненной русскими буквами. На концах креста в медальонах помещены погрудные изображения евангелистов. Ознакомившись с этим энколпионом в Пятигорском музее, мы убедились, что он идентичен кресту-энколпиону из сел. Кудинетово и, возможно, лит в одной с ним форме.

Рис. 2. Энколпион, найденный у сел. Кудинетово

14. Святилище Реком в Цейском ущелье Северо-Осетинской АССР. Половинка энколпиона найдена во время раскопок святилища Е. Г. Пчелиной в 1936 г. и хранится в Северо-Осетинском музее краеведения¹². Все изображения энколпиона (рис. 1, 8) заключены в медальоны. В центральном медальоне помещена Богородица, о чем свидетельствует греческая надпись ΜΡΘΥ. Около двух фигур в боковых медальонах заметны следы букв, но они совершенно не читаемы. Фигура в нижнем медальоне дана в позе Оранты. В верхней части креста пробито отверстие для ношения.

Конечно, имеющийся материал невелик, но ведь и в хорошо исследованном Херсонесе найдено лишь 12 энколпионов¹³. Наш материал, безусловно, исторически очень интересен. Часть северокавказских энколпионов должна быть признана древнерусской по происхождению. Сюда мы относим энколпионы из Махосhevской, Нижнего Архыза, Адиух, Каменноостского, Кудинетова, Маджар и Карачаевска. Все они обнаруживают самое близкое сходство с широко известными древнерусскими энколпионами¹⁴, бесконечно варьирующими в деталях при сохранении устойчивых форм и сюжетов иконографии. Два энколпиона из Нижнего Архыза находят абсолютные аналогии в русских древностях. Нижне-Архызский энколпион с

¹² Северо-Осетинский музей краеведения, инв. № 3614/1171.

¹³ Г. Ф. Корзухина. О памятниках «хорсунского дела» на Руси.— ВВ, XIV, 1958, стр. 135; ср.: А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес.— МИА, № 17, 1960, стр. 35.

¹⁴ См., например: Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности русские. Кресты и образки, вып. 1. Киев, 1899; вып. 2. Киев, 1900; Н. И. Петров. Альбом достопримечательностей церковно-археологического музея при Киевской духовной академии, вып. IV—V. Киев, 1915, табл. XIV—XVII; М. К. Каргер. Киев и монгольское завоевание.— СА, XI, 1949, рис. 9, 24, 29; Г. Ф. Корзухина. Указ. соч., табл. II—IV.

чернью (рис. 1, 2) тождествен черневому энколпиону из Херсонеса¹⁵, совпадая не только по форме, размерам и расположению черни, но и в мелких деталях. Нет сомнения в том, что оба были отлиты в одной форме. Энколпион этого типа, но несколько отличающийся от нашего в деталях, был найден при раскопках Нсвгорода. Издавшая новгородский энколпион М. В. Седова приводит ряд аналогий ему в южнорусских древностях¹⁶. Таким образом, южнорусское происхождение и ниже-архызского энколпиона вполне вероятно. Второй ниже-архызский энколпион точно совпадает с энколпионом, найденным на городище Княжа гора (бывший Черкасский уезд Киевской губернии)¹⁷. И здесь мы вправе предполагать, что они были отлиты в одной форме. То же самое следует сказать и об энколпионе из сел. Кудинетово, точные аналогии которому в киевских древностях XIII в. указаны Б. А. Рыбаковым¹⁸. Энколпион из Маджар тождествен кудинетовскому. Остальным нашим энколпионам подобрать такие точные аналогии не удалось, но тем не менее их связь с Киевской Русью не вызывает особых сомнений (энколпионы из станицы Сторожевой и святилища Реком по некоторым деталям слишком отличаются от русских, вопрос об их происхождении остается открытым).

Датировка древнерусских энколпионов XI—XIII вв. общеизвестна. К сожалению, несмотря на работы Г. Ф. Корзухиной и А. А. Медынцевой¹⁹, типология и хронология древнерусских энколпионов разработана еще недостаточно, что затрудняет обоснование узкой даты для каждого северокавказского энколпиона. Поэтому следует принять в качестве суммарной даты рассматриваемых энколпионов XI—XIII вв. Ниже-архызский энколпион с чернью, по-видимому, можно отнести ко второй половине XII в., когда была выработана техника контурного чернения на медных энколпионах²⁰. Эта дата вполне соответствует дате церкви 6, в которой были найдены энколпионы, и погребений внутри этой церкви²¹. И второй энколпион из Нижнего Архыза можно на том же основании датировать второй половиной XII в. Экземпляр из Адиох сходен с энколпионом, происходящим из киевской землянки VIII, погибшей в 1240 г.²² Эти киевские энколпионы принято датировать началом XIII в.²³, что может послу-

¹⁵ Н. Кондаков. Русские клады, т. I. СПб., 1896, стр. 44, рис. 26.

¹⁶ М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.).— МИА, № 65, 1959, стр. 235, рис. 4, 13.

¹⁷ Б. И. и В. Н. Ханенко. Указ. соч., вып. 2, табл. XXVI, 297.

¹⁸ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 527—528.

¹⁹ Г. Ф. Корзухина. Указ. соч., стр. 133; А. А. Медынцева. О датировке некоторых типов энколпионов.— Археологический сборник. М., 1961, стр. 63—68.

²⁰ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 322—323; ср.: З. А. Володченко. К вопросу о технике черни на Руси.— КСИИМК, вып. 52, 1953, стр. 11, 14.

²¹ В. А. Кузнецов. Указ. соч., стр. 92.

²² М. К. Каргер. Указ. соч., стр. 70, рис. 9.

²³ Г. Ф. Корзухина. Указ. соч., стр. 133; А. А. Медынцева. Указ. соч., стр. 66.

жить ориентировочной датой для креста из Адюх. Энкалпион из Карачаевска с изображением распятия под крестом весьма близок целой серии **таких** же древнерусских энколпионов, датируемых XII—XIII вв.²⁴ Более точную дату можно назвать для энколпионов с обратными надписями из сел. Кудинетово и Маджар. Б. А. Рыбаков такие энколпионы считает «превосходным датирующим материалом». По его мнению, они, возможно, были изготовлены в Киеве, когда там уже знали о разгроме Северо-Восточной Руси в 1237—1238 гг. татаро-монголами и о нависшей над Киевом грозной опасности. В связи с этими событиями на крестах появилась формула: «Святая Богородица, помогай!»²⁵ Но на Северный Кавказ энколпионы с обратными надписями попали, конечно, после падения Киева, вероятно в 40—50-х годах XIII в.

Б. А. Рыбаков высказал интересную мысль о том, что древнерусские энколпионы были разнесены во второй половине XIII в. далеко за пределы Руси их владельцами, очутившимися в плену у татар²⁶. Точка зрения Б. А. Рыбакова получила признание археологов. Однако представляется возможным внести некоторые коррективы в данный вопрос применительно к нашему материалу. Из 11 перечисленных выше энколпионов только 2 (из сел. Кудинетово и Маджар) можно уверенно отнести к татарскому времени, и лишь энколпион из Маджар увязывается с местами кочевий татар. Остальные энколпионы с кочевьями татар не связаны и сконцентрированы либо в зоне лесистых предгорий (Махошевская, Сторожевая, Адюх, Малка, Каменномостское, Кудинетово), либо в горах (Нижний Архыз, Карачаевск, Реком). Следовательно, нельзя утверждать, что во всех случаях эти энколпионы принадлежали русским пленникам, находившимся в татарских кочевьях. С другой стороны, нельзя не обратить внимания на то, что все перечисленные энколпионы, кроме экземпляра из станицы Махошерской, найдены на исторической территории Алании. Поэтому вполне уместно поставить вопрос о том, что часть древнерусских энколпионов попала сюда не после татаро-монгольского нашествия, а до него — в результате связей Северного Кавказа и Алании с Киевской Русью.

Вопрос о взаимосвязях Киевской Руси и Северного Кавказа поставлен в литературе давно²⁷. Эти связи своими истоками уходят еще в I тысячелетие

²⁴ Б. И. и В. Н. Ханенко. Указ. соч., вып. 1, табл. VII, 87; вып. 2, табл. XIX, 232/233, 235/236. См. также: М. В. Седова. Указ. соч., стр. 236, рис. 4, 16.

²⁵ Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV вв.—САИ, Е1-44, 1964, стр. 39.

²⁶ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 527—531; он же. Русские датированные надписи XI—XIV вв., стр. 39.

²⁷ Древнейшие сношения России с северной частью Кавказа.— Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений, 1843, № 146; П. Хицунов. Сношения России с северной частью Кавказа от Святослава до 1655 г.— «Кавказ», 1846, № 16; С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом.— ЧОИДР, т. III. М., 1890.

летие н. э.²⁸, но в письменных источниках они проступают четко с X в., со времени совместных походов русских и аланов на Каспий²⁹. Боевое содружество русских и аланов продолжалось и в XI в., о чем свидетельствует недавно изданный В. Ф. Минорским турецкий нарративный источник Мюнеджжимбаши³⁰. Связи между Северным Кавказом и Русью продолжались и в XII в., когда были заключены взаимные династические браки³¹. Особую роль в этом играла Тмутаракань — форпост Руси на Северном Кавказе. Приведенный выше материал представляет некоторые возможные реалии связей Киевской Руси и Северного Кавказа.

²⁸ Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963, стр. 18—22.

²⁹ См., например: Б. Дорн. Каспий. О походах древних русских в Табаристан с дополнительными сведениями о других набегах их на побережья Каспийского моря.— Записки АН, т. XXVI, приложение. СПб., 1875; А. Ю. Якубовский. Ибн-Мискавейх о походе русов в Бердаа в 332—943/4 гг.— ВВ, XXIV, 1926; он же. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв.— Известия АН СССР, Серия истории и философии, т. III, № 5, 1946.

³⁰ В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда X—XI вв. М., 1963, стр. 70.

³¹ П. Бутков. О браках князей русских с грузинками и ясынями в XII в.— Северный архив, 1825, IV, стр. 317—329.

ПИНСКИЕ КУРГАНЫ

Ю. В. Кухаренко

На территории современного Пинска было два очень интересных кургана. Один из них, меньший, еще в 1871 г. раскопал директор местных училищ Куклинский¹, другой почти на моих глазах полностью снесли строители в 1955 г. Между тем этот второй курган для Полесья был памятником уникальным как по величине, так и, насколько можно судить, по содержанию. Поэтому хочу поделиться с читателями хотя бы теми скудными сведениями об этом кургане, которыми я располагаю.

Курган находился на окраине города, в предместье Лещ, в конце современной ул. Фанерной. Он стоял на склоне левого берега р. Пины недалеко от ее устья. Впервые я увидел этот курган в 1952 г. и тогда же произвел его обмеры. Насыпь кургана имела форму усеченного конуса высотой 5,50 м с напольной стороны и 7,50 м — со стороны реки (рис. 1). В плане насыпь неправильно-округлая. Диаметр ее по основанию составлял 31 м с севера на юг и около 35 м — с запада на восток. На вершине насыпи была небольшая впадина.

В литературе курган был известен под названием могила Мендовга, местное же население его называло могилкой Войшелка, сына князя Мендовга. Последнее название в устной традиции несомненно как-то связано с пребыванием Войшелка в Лещинском монастыре Пинска, куда он убежал из Литвы после убийства его отца жмудинами. Лещинский монастырь, основание которого приписывают еще князю Владимиру Святославичу, находился в непосредственной близости от кургана. Сам Мендовг в Пинске никогда не был.

Летом 1955 г., когда я вновь посетил Пинск, строители сносили курган землеройными машинами: песок из насыпи понадобился для подсыпки сооружаемого рядом стадиона. Несмотря на самые энергичные протесты местного музея (Б. В. Миролюбов) и мое вмешательство, прекратить дальнейшее разрушение кургана не удалось. Пока шли переговоры в вышестоящих инстанциях о запрещении работы на кургане, строители успели снести его насыпь полностью, а местами углубились вплоть до материка.

¹ ИРАО, т. VIII. СПб., 1877, стр. 81—82, 174, 263. Результаты раскопок не опубликованы. Известно только, что в кургане был найден саманидский дирхем Нуха, сына Насра, чеканенный в Самарканде в 952—963 гг. См.: А. М а р к о в. Топография кладов восточных монет. СПб., 1910, стр. 24.

Рис. 1. Курган «Могилы Мендовга»

И только благодаря случайному перерыву в работе, вызванному необходимостью обезвредить невзорвавшийся снаряд, обнаруженный в насыпи кургана, мне и Б. В. Миролюбову удалось зарисовать профиль стенки верхней части насыпи кургана. К этому времени от насыпи кургана осталась примерно одна треть — восточный сегмент (рис. 2). В поперечном разрезе уцелевшая часть насыпи, если смотреть с запада на восток, выглядела следующим образом: под тонким дерновым слоем залегал слой желтого песка мощностью около 1 м. Под ним, в центральной части кургана, хорошо заметна линзовидная зольная прослойка толщиной менее 10 см. Ниже этой прослойки, а также по сторонам от нее, на всей уцелевшей части насыпи кургана, залегает мощный слой сероватого песка. Толщина этого слоя в центральной части насыпи составляла около 1,70 м. Под слоем сероватого песка и далее вглубь, вплоть до осыпи, образовавшейся у основания стенки в результате работы бульдозеров, т. е. примерно до глубины 3,5 м от вершины кургана, залегал слой желтого песка — такого же, как и в верхней части насыпи. Между этим слоем и перекрывающим его слоем сероватого песка, т. е. на глубине около 3 м от вершины кургана, находились остатки большого линзовидного кострища мощностью около 0,40 м.

Кострище состояло из золы и большого количества крупных сосновых и ольховых углей. Диаметр уцелевшей части кострища был более 7 м. Площадка под кострищем ровная. Песок на ней сильно обожжен. Профиль нижней части насыпи проследить не удалось из-за упомянутой уже осыпи.

Строители, разрушившие курган, рассказывали нам, что под насыпью кургана, т. е. на горизонте, в центральной его части, находилось много крупных обгоревших бревен и золы. Никаких костей или вещей среди этих бревен или около них они не заметили. Бревна вместе с золой были удалены бульдозером. При осмотре поверхности, обнаженной строителями, под снятой ими частью насыпи кургана мы ничего не обнаружили.

Б. В. Миролюбову уже после моего отъезда из Пинска удалось

расчистить остатки кострища в насыпи кургана. В нем среди углей и зола попадались пережженные кости животных и птиц. Найдены железный кованый гвоздь, железная пластинка от панциря и несколько обломков каких-то других железных предметов. Все металлические вещи сильно повреждены огнем. В толще сероватого песка непосредственно сверху над кострищем обнаружено более десяти обломков глиняных лешных сосудов. Некоторые из них представляют зарубинецкий и пражский типы керамики, остальные маловыразительны. Обломки эти находились в насыпи кургана и никакого отношения к кострищу не имели.

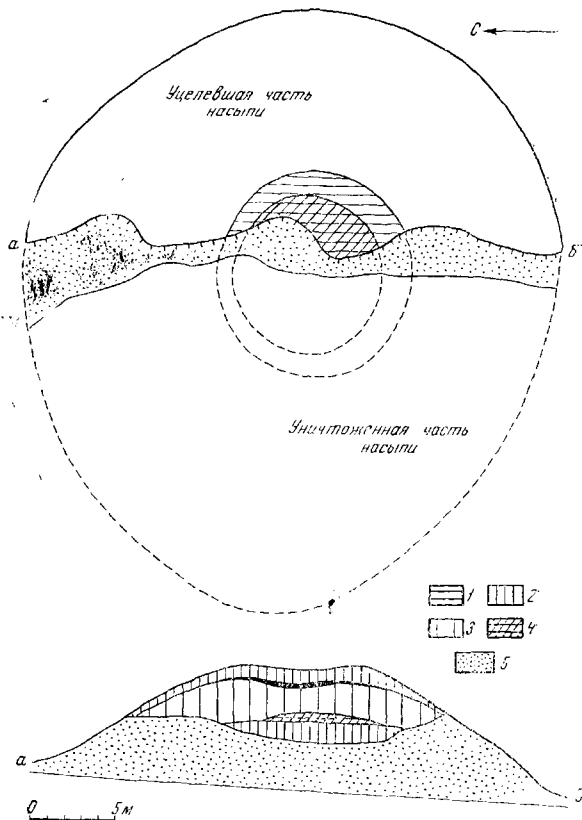

Рис. 2. План и разрез кургана «Могила Мендовга»

1 — зольная прослойка; 2 — желтый песок насыпи; 3 — сероватый песок насыпи; 4 — кострище; 5 — осыпь; пунктиром показаны предполагаемые контуры кострища в разрушенной части насыпи

Вот, к сожалению, и все, что нам удалось увидеть и узнать из опроса строителей, разрушивших курган. Но и эти скудные данные, мне кажется, позволяют предполагать, что захоронение в кургане было произведено на горизонте под центральной частью насыпи. Почти бесспорно, что здесь было трупосожжение. В противном случае строители несомненно заметили бы остатки человеческого скелета или скелетов. Очень возможно, что прах покойника был помещен в каком-то деревянном сооружении, хотя и не исключено сожжение покойника на месте. Сверху над погребением была сооружена насыпь высотой около 3 м. Вершину насыпи сравнивали и на образовавшейся площадке сложили большой поминальный костер. После этого насыпь подсыпали еще дважды. После второй подсыпки на вершине также жгли костер, о чем свидетельствует зольная прослойка между слоями сероватого и желтого песка.

В целом все это очень напоминает известные черниговские большие курганы, в частности знаменитую Черную могилу. В Полесье подобных курганов больше нет. Ближайший к Пинску большой курган, кстати также имеющий особое название — могила Месяца, был исследован у с. Гусяныне Грубешовского повета (Польша)². По внешнему виду и способу захоронения он напоминает линский и, как и большие черниговские курганы, датируется концом X — началом XI в. По-видимому, тем же временем следует датировать и курган в Пинске. Возможно, что в пинском кургане был погребен неизвестный нам славянский князь или предводитель княжеской дружины. Остается только пожалеть, что курган постигла столь печальная участь.

² K. Żurawski, G. Mikołajczyk. Sprawozdanie z badań kurhanu we wsi Husynne w pow. Grubieszowskim w 1954 r.— Sprawozdania archeologiczne, t. I. Wrocław, 1955, стр. 251—267.

ВЕНЧИКИ ЖЕНСКОГО ГОЛОВНОГО УБОРА ИЗ КУРГАНОВ X — XII вв.

В. П. Левашева

Головные венчики — диадемы встречаются обычно в славянских и финских погребениях конца I — начала II тысячелетия н. э. В погребальных комплексах Северо-Западной и Северо-Восточной Руси нам удалось выявить 56 венчиков, причем представлены они разными видами: 1) пластинчатые серебряные, реже бронзовые; 2) из тканевой парчовой ленты; 3) из звеньев бронзовых или серебряных бляшек, нанизанных на нити или шнуры.

Венчики первой, самой большой (43 экз.) группы имеют вид ленты из тонкой пластины металла шириной от 0,5 до 2,4 см, толщиной до 0,1 см. У одних венчиков на концах есть круглые отверстия для продевания шнура — завязки, у других суженные концы бывают загнуты крючком или трубочкой (рис. 1, 1), сквозь которые также пропускался шнур для соединения концов. Таким образом, по форме концов мы можем разделить венчики на несколько типов.

На севере, в бассейне р. Суды в Вологодской области, в курганах XI в. найдены венчики разных типов¹: из окрестностей с. Дудино происходит бронзовый пластинчатый венчик с отверстиями на концах (рис. 1, 2), из с. Володино — крючкоконечный, а в кургане около с. Нижний Колец найден узкий (0,8 см в средней части и 0,5 см на концах) серебряный венчик с припаянными на концах плоскими петлями. Венчик с концами, загнутыми трубочкой (рис. 1, 1), происходит из кургана 25 близ с. Вопша Гатчинского района Ленинградской области, где он найден вместе с височными щитковоконечными кольцами раннего варианта, витой гривной с раскованными концами, ложнозерновой лупиницей и другими украшениями XI — начала XII в. Такого же типа венчик был найден и в более позднем кургане, по-видимому XIII в., близ с. Унотицы Ямбургского района той же области. Оба эти курганных могильника были кладбищами новгородских словен XI—XIV вв.²

¹ Благодарю автора раскопок 1960—1965 гг. Н. В. Тухтину, любезно разрешившую мне воспользоваться ее материалами.

² В. В. Седов. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода.— СА, XVIII, 1953. Для датировки отдельных комплексов использованы материалы коллективной работы сотрудников ГИМ «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.», т. III.— Тр. ГИМ, вып. 43, 1967.

В курганах на территории Ленинградской области, раскопанных Л. К. Ивановским, встретилось свыше 20 пластинчатых венчиков, но большей частью с несохранившимися концами, так что выявить отсутствие или преобладание какого-либо определенного типа не удалось. Интересно, что встречались они и в русских, и в финских захоронениях. Из могильников Новгородской земли, оставленных русским населением XI—XII вв., известно 13 таких венчиков: по одному экземпляру — из Княжева, Рогатина, Должского, Таровицы; по два экземпляра — из Тяглина и Елицы; три экземпляра — из Роговиц; один пластинчатый венчик происходит из русского погребения XI — начала XII в. в кургане 74 могильника у с. Плещевицы, а другой — из более позднего финского захоронения XIII в. в кургане 60 той же группы. В четырех курганных группах, оставленных финским населением, найдено пять венчиков: в Арбонье, Капарцине и Ожогине — по одному, в Канаховицах — два экземпляра. Этническая принадлежность женщины, похороненной в кургане 67 могильника XII в. у с. Лисино, не установлена, так как кроме венчика никаких вещей в могиле не было. Пластинчатые венчики с неопределенным оформлением концов найдены и в других могильниках новгородских словен. Из курганов 2, 5 и 44 могильника XI—XII вв. у с. Хрепле, исследованного А. В. Арциховским в 1929—1930 гг., происходят четыре пластинчатых венчика³, а в раскошках курганный группы в окрестностях г. Луги⁴ они найдены в двух курганах (3 и 16), которые по составу могильного инвентаря (щитковоконечные височные кольца, орнаментированные крестом из пяти кружков, пластинчатый стилизовано-звериноголовый браслет) можно датировать XII в. При трупосожжении X в. в кургане 84 Тимеревского могильника под Ярославлем найден узкий серебряный венчик с кружковым штампованным орнаментом и очень узкими концами, загнутыми крючком. По содержанию погребального комплекса захоронение определяется как финское⁵. Серебряный узкий венчик с аналогичным орнаментом, по не с крючками, а с круглым отверстием на сохранившемся закругленном конце (рис. 1, 3) найден при раскопках А. С. Уварова в кургане близ с. Кустерь в районе Ростова Великого. Из того же района известен венчик листового серебра на деревянном каркасе (курган 741 близ с. Пужбсла-Подъивье; раскопки А. С. Уварова). По находке в этом могильнике монеты X в. венчик можно условно датировать XI в.

Серебряные венчики в виде тонкой ленты-пластины разной ширины и в других вариантах встречались в раскопанных А. С. Уваровым курганах

³ ГИМ, инв. № 69849; А. В. Арциховский, Раскопки 1930 г. в Новгородской земле. — СА, I, 1936.

⁴ Ф. Щитников, Отчет о раскопках 36 курганов в Лужском уезде. — Тр. Псковского археологического общества, вып. 9, 1913.

⁵ М. В. Фехнер, Тимеревский могильник. — В кн.: Ярославское Поволжье в X—XI вв. М., 1963, рис. 8, 2.

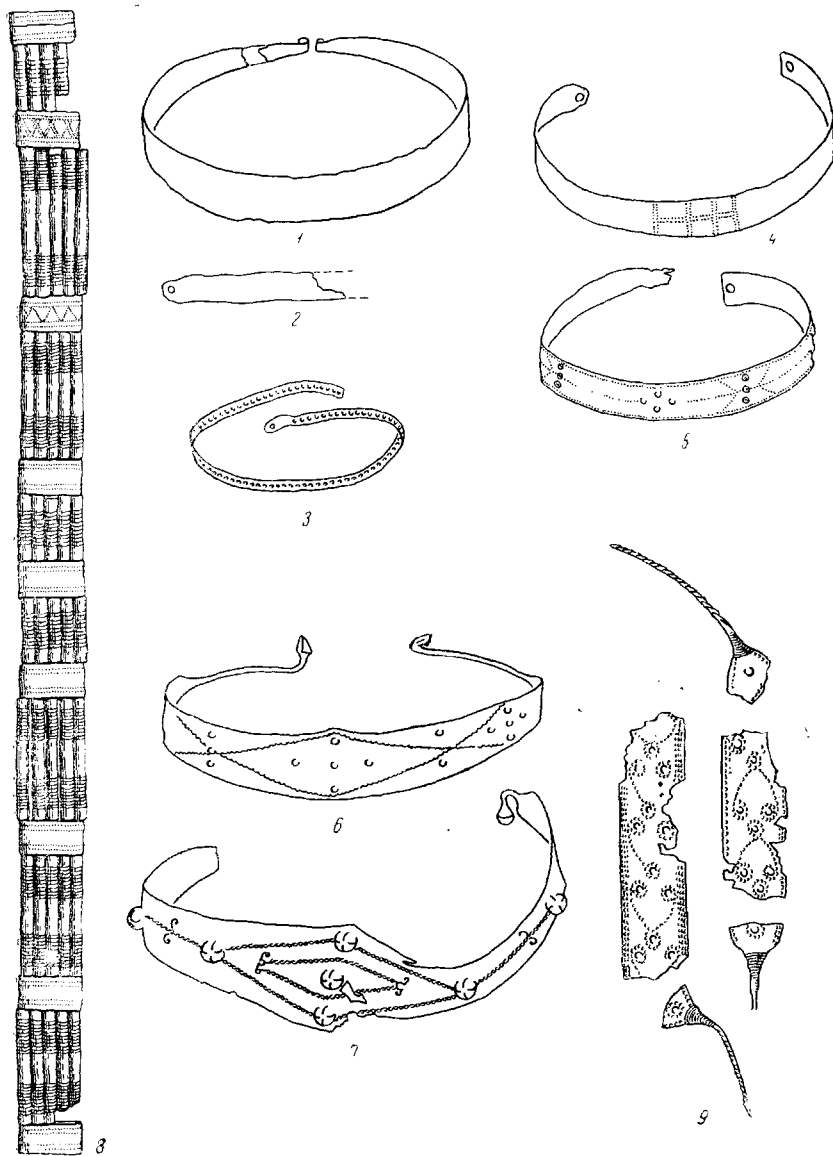

Рис. 1. Пластинчатые венчики и диадемы

1 — Волга Ленинградской обл.; 2 — Дудино Вологодской обл.; 3 — Кустерь Ярославской обл.;
4 — 7 — Мошино Калужской обл.; 8 — Ведерники Смоленской обл.; 9 — Голаски, Моравия

Владимирской области, вероятно, в большем количестве, чем это удается выявить по публикации⁶. Во всяком случае известно, что серебряные пластинчатые венчики найдены в следующих памятниках: в кургане 76 Шокшовской группы, которая, судя по находкам монет X и XI вв., может быть датирована XI—XII вв.; в кургане 2296 у с. Гордище под Суздалем, но установить погребальный комплекс и датировать этот курган не удастся; в кургане 4 у с. Весь под Переяславлем в одном комплексе с однобусинным височным кольцом найден пластинчатый венчик, нашитый на ткань (трупосожжения и монеты 900—979 и 947—1016 гг. позволяют датировать этот могильщик XI в.); из кургана 510 близ с. Теньки происходит оригинальный венчик из листового серебра — полый, с пропущенным в него толстым шнуром; венчик из ремня, обтянутого листовой медью, найден при мужском погребении⁷ в кургане 1439 группы «Круглицы» около с. Бремболы (трупосожжения, монеты 905—915 гг. и скандинавские украшения позволяют отнести этот могильщик к началу XI в.).

Пластинчатые венчики (близкие по типу к изображенному на рис. 1) известны в Поволжье из курганов XI—XII вв. близ сел Хрипелево Калининской области, Вороново (курган 5), Кирьяново (курган 32) и Жуково (курган 37) Ярославской области⁸. В Подмосковье венчик с отверстиями на концах был найден в кургане 12 близ с. Поваровка⁹ в одном комплексе с гладкими трехбусинными кольцами (продеты в мочку уха как серьги) и шиферным пряслицем XII в., а узкий (шириной 0,5 см) венчик с загнутыми концами происходит из раскопок близ с. Митино курганного могильника¹⁰, в котором найдены семилопастные височные кольца раннего варианта и загнутоконечные гривны — витая двойная и крученая — XI — начала XII в.

Тканевых венчиков из парчовой ленты удалось учесть восемь экземпляров и только один из них найден при финском погребении в кургане у с. Нижняя Ижора Ленинградской области¹¹. Три парчовых венчика происходят из раскопок владимирских курганов: из богатого погребения в кургане 10 близ с. Давыдово — в комплексе, содержавшем скандинавские украшения конца X — начала XI в. и дорогие византийские ткани (последние при финских погребениях, как правило, не встречаются); из кургана 183 близ с. Ненашевского Юрьев-Польского района; из кургана 345

⁶ А. С. Уваров. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1872.

⁷ Учитывая технику раскопок А. С. Уварова и П. С. Савельева, можно поставить под сомнение связь венчика именно с мужским черепом; возможно, в могиле было парное захоронение.

⁸ Указатель памятников Российского исторического музея. М., 1893; ГИМ, инв. № 78607.

⁹ М. Г. Рабинович. Курганы в Поваровке.— Сборник научных студенческих работ. М., 1940.

¹⁰ ГИМ, инв. № 44852.

¹¹ МАР, № 20, 1896, стр. 63; В. В. Седов. Указ. соч.

близ с. Ворогова. Последние два памятника за отсутствием датирующего материала можно лишь условно отнести к концу XI—XII в. Богатое захоронение в кургане того же времени близ с. Караш Ярославской области содержало в числе других византийских тканей налобный парчовый венчик с изображением святых¹². Поскольку в этой могиле была похоронена женщина из господствующего класса, вероятно, уже христианка, венчик можно считать как бы прототипом более поздних погребальных венчиков, сопровождавших покойников как христианский амулет вплоть до нашего времени. Обычные парчовые венчики встречены в кургане 27 могильника XI—XII вв. новгородских словен близ с. Хрепле Новгородской области и в двух курганах Подмосковья — в Шустинском могильнике¹³ и в кургане у с. Аниськино Щелковского района, в одном комплексе с трехбусинными мелкозернеными височными кольцами, характерными для конца XI—XII в.¹⁴

Все перечисленные венчики этого вида сделаны из импортной золотой ткани, которая сохраняется лучше, чем обычная шерстяная (и тем более льняная или посконная). В сельских погребениях византийские ткани, как правило, встречаются редко, поэтому вполне можно допустить, что дешевые ленточные венчики из домотканой тесьмы сопутствовали гораздо большему числу женских захоронений, но вследствие нестойкости материала не дошли до нас.

Венчики третьего вида из звеньев металлических бляшек, нанизанных на нити, шнуры, ремешки, являются обычной находкой в финских могильниках, а изредка встречаются и в курганных захоронениях. Один такой венчик, состоящий из уплощенных трубочек, чередующихся с пластинчатыми пронизками (рис. 1, 8), найден близ с. Ведерники Смоленской области в курганном могильнике, датируемом по находкам плетеных завязанных и пластинчатых загнутоконечных браслетов XI—XII вв.¹⁵ Аналогичный венчик найден при трупосожжении X в. в кургане 1 могильника у с. Шихино Калининской области¹⁶. Подобный венчик, но с более широкими прямоугольными пронизками, был найден в кургане близ с. Шурупово Псковской области¹⁷. Несколько иной вариант этого типа представляет венчик, у которого звенья из таких же трубочек перемежаются не пронизками, а круглыми кольцами. Происходит он из кургана, исследованного А. А. Спицыным под Дорогобужем¹⁸, и датируется по завязанным браслетообразным и четырехщитковому височным кольцам XI—началом XII в.

¹² ГИМ, инв. № 54746; А. С. Уваров. Указ. соч.; ИАК, вып. 15, 1913, рис. 257.

¹³ И. А. Елизарова. Шустинский могильник. — МИА, № 13, 1950.

¹⁴ ГИМ, инв. № 56112.

¹⁵ ГИМ, инв. № 44792.

¹⁶ М. В. Фехнер. Отчет о раскопках в 1965 г. Архив ИА АН СССР.

¹⁷ ЗРАО, н. с., т. XII, вып. 1-2. СПб., 1901, стр. 212—215.

¹⁸ ГИМ, инв. № 42796.

Венчик, похожий на описанные выше, но со спиральками вместо штампованных трубочек, найден в районе восточного побережья Чудского озера в кургане 373 Верхолянского могильника новгородских словен¹⁹. Этот венчик аналогичен найденным в латгальских Люцинском и Нукшинском могильниках²⁰, а по составу погребального комплекса, в который входят дровяная гривна с многогранными головками заходящих концов и широкий пластинчатый браслет, орнаментированный густой плетенкой, он датируется XI в.

Венчики из звеньев трубочек и пронизок известны из финских могильников второй половины I — начала II тысячелетия: мордовского Крюково-Кужновского Тамбовской области и муромского Подболотьевского Владимирской области. Отличаются они лишь тем, что трубочки или спиральки нанизаны не на нити, а на узкие ремешки. Венчики из погребений VI—VII вв. Подболотьевского могильника, застегивающиеся посредством пряжки и имеющие звенья как трубчатые, так и из спиралек, можно считать прототипами описанных выше северо-западных и люцинских венчиков (последние соединялись путем пропускания спиралек обоих концов в одну общую пронизку).

Таким образом, венчики из звеньев были специфически финским видом головного убора, и редкие находки их в восточнославянских памятниках следует рассматривать как заимствование или как показатель смешанных браков славянского и финского населения. Пластинчатые металлические венчики и венчики из тканевой ленты, наоборот, не характерны для финнов. Как видно из приведенного материала, лишь один тканевый венчик (из восьми) найден при финском захоронении, а из 43 пластинчатых металлических только шесть связаны с финскими погребениями и в трех случаях не удалось установить этническую принадлежность покойницы. Эти данные позволяют думать, что венчики из металлической пластины и из тканой ленты были типичным головным убором в древней Руси, подтверждением чему служат находки их в более южных районах, где финского населения не было, например у с. Броварки Полтавской области²¹ и в курганах Гочевского могильника Курской области²². В последнем памятнике пластинчатым венчикам сопутствуют и своеобразные проволочные с раскованным в широкую трубку концом, так называемые северяньские венчики, не встречающиеся в Северо-Западной и Северо-Восточной Руси.

Прототипом пластинчатых венчиков можно считать венчики-диадемы из листовой меди (рис. 1, 4—7), входившие в состав так называемого Мо-

¹⁹ МАР, № 29, 1903, стр. 108; В. В. Седов. Указ. соч.

²⁰ МАР, № 14, 1893, рис. VIII, 18; Нукшинский могильник. Рига, 1958, рис. IV, 1.

²¹ Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, рис. 29 на стр. 240.

²² П. С. Рыков. Юго-восточные границы радимичей.— Записки Саратовского университета, т. I, вып. 3, 1923; Атлас гочевских древностей. М., 1915, табл. 37—39, 44—46, 50, 113, 260 и др.

щинского клада из Галужской области, датируемого серединой I тысячелетия²³. Некоторые из диадем этого комплекса близки к найденному в Моравии венчику VIII—IX вв. (рис. 1, 9)²⁴.

Находки венчиков в курганах X—XII вв. на нашей территории сравнительно редки. В то время как почти в каждом женском захоронении мы встречаем височные кольца, венчики составляют в курганных могильниках небольшой процент находок. Например, в коллекции из раскопок 5877 курганов в 127 пунктах на территории Ленинградской области, произведенных Л. К. Ивановским, выявлено лишь 23 пластинчатых венчика. Если допустить, что в данном случае какое-то число плохо сохранившихся не было замечено исследователем, то и при высокой технике раскопок 52 курганов в Хрелле А. В. Арциховским найдено всего лишь четыре пластинчатых и один тканый венчик²⁵. Из бесспорно женских захоронений, раскопанных Д. Я. Самоквасовым в Гочеве²⁶, лишь в 16 были найдены пластинчатые венчики (в 13 случаях они были обнаружены вместе с провололочными). Эти цифры и находки в Гочеве пластинчатых и провололочных венчиков в могилах девочек подтверждают давно уже высказанное исследователями положение, что венчик был головным убором девушек²⁷. Височные кольца носили женщины всех возрастов, но убор замужних женщин был особым: он покрывал волосы. Украшали этот убор мелкими штампованными бляшками разной формы, нашивавшимися на ткань. Их тоже сравнительно редко находят в разных районах нашей территории в погребениях XI—XIV вв., причем никогда эти бляшки не встречались в одной могиле с венчиком. Попытка реконструкции такого убора сделана Н. И. Савиным по материалам раскопок смоленских курганов XI—XII вв.²⁸ Разница между девичьим венчиком и закрывающим волосы головным убором замужних женщин наблюдается по археологическим и этнографическим материалам и у финских племен²⁹. В древней Руси замужние женщины украшали мелкими бляшками ткань, по-видимому, самых нарядных головных ubopов (типа чепца или «сорочки»). Обычные же уборы этого типа могли отделявать простой вышивкой, и вследствие нестойкости материала от них не сохранилось никаких остатков, как не сохранились и девичьи домотканые ленты-венчики.

²³ ГИМ, инв. № 25778; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 70.

²⁴ J. Poulík. Staroslovanska Morava. Praha, 1948, рис. LXIII, 1—5.

²⁵ ГИМ, инв. № 69849; А. В. Арциховский. Указ. соч.

²⁶ Атлас гочевских древностей.

²⁷ Л. Нидерле. Указ. соч., стр. 241.

²⁸ Н. И. Савин. Раскопки курганов у Дарагабуским і Ельнянским паветах Смаленскай губернии.— Працы, т. II. Менск, 1930.

²⁹ Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. М., 1961, стр. 240—242; Н. Гаген-Торп. Женская одежда народов Поволжья. Чебоксары, 1960, стр. 130—159.

О ЦЕНТРАХ ЭМАЛЬЕРНОГО ДЕЛА ДРЕВНЕЙ РУСИ

Т. И. Макарова, С. А. Плетнева

Сложение на Руси разных художественных школ нагляднее всего прослеживается на примере архитектуры и живописи. Здесь наиболее определенно сказываются стилистические особенности, характеризующие школу или даже отдельного мастера. Опираясь на понятие стиля, почерка художника, исследователь живописи имеет возможность определять не только художественные направления, но и количество мастеров, расписавших церковь. Сложнее обстоит дело с произведениями прикладного искусства — массовыми ремесленными изделиями безымянных мастеров. Массовость, серийность часто лишает их индивидуальной выразительности, а случайность находок затрудняет выделение локальных различий. Однако некоторые шедевры ремесла стоят так близко к произведениям искусства, что для исследования их вполне возможно использовать тот же метод стилистического анализа, который является основным в изучении произведений изобразительного искусства. В первую очередь это относится к перегородчатым эмалям древней Руси, в которых крупнейший их знаток Н. П. Кондаков справедливо видел «одни из декоративных видов живописи»¹.

Перегордчатые эмали — высочайшее достижение средневекового ювелирного дела. Именно поэтому они высоко ценились современниками. В X в. император Константин Багрянородный, рассказывая о церемониальных приемах послов, приезжавших в Византию, подробно описывал обычай выставлять в приемных покоях сокровища царского двора. На этих своеобразных выставках средневекового искусства почетное место занимали разнообразие изделия, украшенные перегородчатыми эмалями: светская и церковная утварь, иконы, доспехи, оружие².

Больше всего изделий византийских эмалиеров собрано в сокровищнице св. Марка в Венеции и в Грузии³. Отдельные византийские вещи есть среди русских находок. Совершенно ясно, что за шесть столетий (VII—XII) блестящего существования византийское эмалирное дело породило не одну школу. Косвенно подтверждает это сложение эмалирного дела в двух культурно связанных с Византией восточных государств

¹ Н. П. Кондаков. История византийской эмали. СПб., 1889—1892, стр. 98.

² Там же, стр. 105—110.

³ Там же, стр. 111.

вах средневековой Европы: Грузии и Руси. Грузинское эмальерное дело всесторонне рассмотрено Ш. Амиранашвили, который выделил в нем несколько течений. Некоторые из течений автору удалось локализовать и датировать⁴. Русские перегородчатые эмали давно привлекали внимание ученых. Н. П. Кондаков, Г. Ф. Корзухина, Б. А. Рыбаков достаточно убедительно аргументировали существование собственного эмальерного производства на Руси⁵. В «Ремесле древней Руси» Б. А. Рыбаков впервые поставил вопрос о местных центрах эмальерного дела на Руси⁶. Мы попытаемся возможно более полно рассмотреть этот вопрос на основе стилистического анализа русских эмалей.

О становлении того или иного художественного центра эмальерного дела прежде всего говорит наличие стилистически единой группы вещей. Единство выражается в общности технологических приемов, в выборе сюжетов и в их иконографии. Русские эмали, рассмотренные с такой точки зрения, представляют собой группу изделий, отличающуюся от византийских способом приготовления пластины для эмали, цветовой гаммой и иконографическими особенностями изображений.

Византийские эмали всегда исполнены на золоте. Благородный неокисляющийся металл способствовал лучшему сохранению эмалей и в процессе производства, и в употреблении. Русские эмали чаще всего изготавливались на электре; кроме того, невидимые глазу части, т. е. дно лотка, в котором помещалось эмальевое изображение, нередко бывало серебряным. Иногда русские мастера использовали в качестве материала медь и бронзу. Все это приводило к тому, что русские эмали в тех же условиях, что и византийские, сохранялись гораздо хуже.

Для русских эмалей характерно применение шаблона, по которому оттискиваются⁷ или прорезаются⁸ углубления для лотка. Насколько можно судить по изданным византийским эмалям, имеющим на обороте контур отчеканенного изображения, в Византии шаблон не применялся. Свобода расположения фигур, живость их движения обуславливались прорисовкой этих фигур мастером, работавшим в каждом случае над рисунком заново. Наоборот, композиционное однообразие фигур в русских эмалях говорит об изготовлении контуров изображений по шаблону.

Третьим по важности признаком, свидетельствующим о происхождении изделия, является качество самой эмали, т. е. ее цвет, прозрачность и шлифовка. О составе эмали судить трудно, поскольку для спектрально-

⁴ Ш. Амиранашвили. Грузинские перегородчатые эмали. М., 1960, стр. 7. Ср. книгу того же автора: *Les émaux de Géorgie*. Paris, 1962.

⁵ Н. П. Кондаков. Русские клады, т. I. СПб., 1896; Г. Ф. Корзухина. О технике тиснения и перегородчатой эмали в древней Руси X—XII вв.—КСИИМК, вып. XIII, 1946; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948.

⁶ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 391.

⁷ Там же, стр. 379.

⁸ Г. Ф. Корзухина. О технике тиснения..., стр. 52—54.

го или химического анализом нужно было бы разрушить вещь. Правда, в испорченных эмалях иногда можно взять кусочки для анализов, но вряд ли этот случайный материал даст нам необходимые сведения. О рецептуре эмалей и ее особенностях можно было бы говорить только на основании большой серии анализов⁹. Поэтому в изучении эмалей на первый план выступает визуальное исследование цветовой гаммы. Как и грузинские, русские эмали отличаются от византийских цветовой гаммой, иногда менее гармоничной.

Русские эмали, как и грузинские, в сюжетах и композиции следовали византийским оригиналам. Однако для тех и других свойственны характерные ошибки в иконографии и надписях, непонятые и неумело изображенные детали одежды и т. д. Следует подчеркнуть в изображениях особенности типажа лиц. Аскетически строгие лица византийских образцов заменены на грузинских эмалях лицами с ярко выраженными восточными чертами, а на русских — славянскими (круглыми, коротконосыми).

Таким образом, найденные на Руси эмали представляют собой такое стилистическое единство, которое позволяет видеть в них произведения самостоятельной сложившейся на Руси школы русского эмалирного дела.

Кроме того, вещи с эмалью, найденные в разных городах древней Руси, обладают рядом ярко выраженных локальных особенностей.

В настоящее время известно свыше 100 предметов, украшенных перегородчатой эмалью¹⁰, более половины их найдено в кладах Киева и Киевщины.

Киевские находки представляют собой наиболее полный ассортимент изделий, украшавшихся на Руси эмалью. Это предметы княжеской церемониальной одежды (диадемы, бармы), части церковной утвари (цаты, кресты, иконки), вещи, входившие в богатый женский убор (колты и цепи), нашивки и бляшки на роскошную одежду и конскую сбрую. Все эти вещи по сюжетам делятся на две группы: I — с изображением святых и людей, II — с изображениями птиц и животных в сочетании с растительным и геометрическим орнаментом. В первую группу входят предметы княжеского облачения и церковной утвари, во вторую — богатые, в основном женские украшения. Естественно, что атрибуты княжеской или церковной власти украшались изображениями, подчеркивающими божественный характер этой власти. Недаром основным сюжетом киевских эмалей была деисусная композиция¹¹. Рисунки на светских вещах, напротив, корнями своими уходят в язычество. Основной композицией

⁹ Как показали спектральные анализы древнерусских поливных изделий, проведенные Ю. Л. Шаповой, керамическое ремесло Руси восприняло рецептуру глазури от Византии. Естественно предполагать, что тот же процесс происходил и в эмалирном деле.

¹⁰ Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв. М.—Л., 1954.

¹¹ Н. П. Кондаков. Русские клады, т. I, стр. 257.

здесь были древнейшие космогонические символы — птицы и древо жизни.

Все киевские эмали отличаются специфическими особенностями мастерства и палитры. Первым и весьма ответственным моментом в производстве эмалей было изготовление пластины с отгиснутым или прорезанным в ней лотком. Применявшиеся для этого киевские шаблоны разнообразны и сложны по контуру (рис. 1, 1—19). При изготовлении лотков киевские мастера нередко пользовались двумя способами: для крупных частей фигуры лоток прорезался, для мелких — выдавливался и даже процарапывался (например, лапки у птиц). Перегородки внутри лотка передавали рисунок достаточно подробно и тщательно. Конечно, он сильно отличается от рисунка византийских эмалей, который предварительно наносили на золото пунсоном, а затем повторяли, а иногда и совершенствовали тонкой горячей золотой пластинкой. Тем не менее мастер киевлянин, не имея многовековой культуры рисунка, стоявшей за плечами византийского ювелира, без предварительной пунсонной прорисовки смело брался за выполнение сложнейших деталей рисунка — лиц, рук, одежды.

Киевские мастера придавали лицам свой национальный тип, но при этом они, как правило, следовали сложившейся в Византии иконографии изображения того или иного святого. Так, всюду на киевских эмалях Христа изображали с волнистым контуром волос, с пробором посредине, с прядью на лбу и с бородой, разделенной надвое¹². Однако в проработке рук киевские эмалиеры так и не сумели овладеть высокой техникой своих учителей. Г. Ф. Корзухина уже отмечала, что кисти рук, выходящие за общие контуры тела, помещены обычно в своеобразные «рукавицы» — остаток грубо вырезанного по шаблону лотка, заполнявшегося эмалью¹³. Руки, изображавшиеся на фоне одежд, также не удавались киевским мастерам — они неестественно большие и неумело показаны в неправдоподобных ракурсах.

Облачения святых следуют византийской иконографии: Христос в гиматии и хитоне, Богоматерь в мафории и тунике, молодые воины Георгий и Димитрий в сагиях — коротких плащах, затканых листьями плюща (в аналогичных плащах изображались и русские святые — воины Борис и Глеб), Петр — в гиматии и хитоне со свитком, а Павел — с евангелием, архангелы в хитонах с оплечьями, лоранами, в сапожках и с распростертыми крыльями. Тем не менее, как уже отмечал Н. П. Кондаков¹⁴, киевские мастера нередко допускали ошибки в изображениях всех этих сложных и разнообразных деталей. Например, на хитоне у Христа на киевских бармах из клада 1880 г. не обозначен рукав, нет оплечья, клави представлены в виде узкой каймы и т. д. Крайней несообразностью отли-

¹² Н. П. Кондаков. История византийской эмали, стр. 265.

¹³ Г. Ф. Корзухина. О технике тиснения..., стр. 53.

¹⁴ Н. П. Кондаков. Русские клады, т. I, стр. 155.

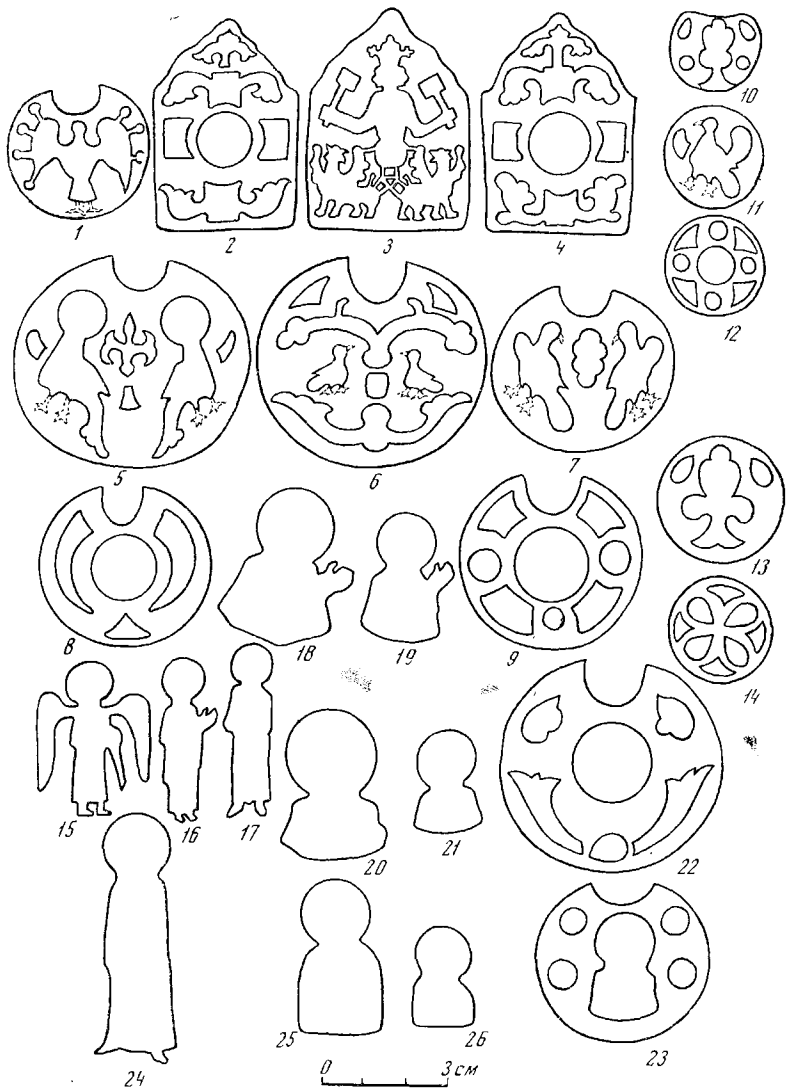

Рис. 1. Шаблоны эмалевых вещей из кладов Киева, Рязани, Владимира, Новгорода
 1 — Княжа гора, 1896; 2-4 — Сахновка, 1900; 5, 6 — Киев, 1842; 7, 8 — Киев, 1846 (?); 9 —
 Киев, 1906; 10 — Киев, 1906; 11, 12, 14 — Киев, 1887; 13 — Киев, 1880; 15-17 — Киев, 1889;
 18 — Каменный Брод, 1903; 19 — Сахновка, 1900; 20, 21 — Рязань, 1822; 22 — Владимир, 1865;
 23 — Владимир, 1896; 24 — Новгород; 25, 26 — оклад Мстиславова евангелия

чаются одежды архангелов на киевской диадеме из клада 1889 г.; на ней же Иоанн Предтеча изображен в хитоне и гиматии вместо обычной одежды пустычника. Одежда Предтечи на киевских деисусных композициях аналогична одежде Богоматери¹⁵. Это объясняется тем, что рисунки были сделаны по одному зеркально перевернутому шаблону (каменнородская цага, бармы с Княжей горы из клада 1891 г., киевские бармы из клада 1880 г.). Список отступлений от иконографических канонов можно бы и продолжить, но важно отметить еще одну весьма значительную чисто техническую особенность киевских эмалей — трактовку складок одежды. Моделировка складок необходима в эмалях технологически: складки разбивают большую поверхность одноцветной одежды на дополнительные ячейки, что способствует лучшему скреплению эмали лотком. К тому же, умело исполненные, они передают движение фигуры и рисунок одежд. Укладка тонких многочисленных перегородок составляла одну из самых больших трудностей в производстве, так как требовала от мастера умения рисовать. Киевские мастера прекрасно поняли практическую цель складок. Однако их эстетическую роль, по-видимому, не всегда сознавали или же просто их не умели передать. Пытаясь решить эту проблему, киевские мастера копировали византийские приемы, а иногда изобретали и свои (рис. 2, 1—3). Параллельные линии и слочку, взятые у византийцев, они схематизировали, придав им излишнюю геометричность. Их рисунок иногда совершенно не соответствовал естественному направлению складок одежды: на ниспадающих ее частях киевлянин изображал горизонтальные складки (бармы из Сахновки — клад 1900 г.). Собственно киевский прием — замкнутые и незамкнутые параллельные овалы. Он встречен на нескольких вещах и, возможно, свидетельствует об изготовлении их в одной мастерской (каменнородская цага, киевские бармы из клада 1880 г., бармы из Сахновки — клад 1900 г.).

Особенности, характерные для изображений святых, свойственны и для других сюжетов, исполнявшихся киевскими эмальерами. Несмотря на то что изображения птиц-сиринов, растений исполнялись, как и изображения святых, по шаблону, сам шаблон композиционно был более сложным. Например, на диадеме из семи крестов (Сахновка — клад 1900 г.), вероятно, использовано всего три шаблона: один для центрального изображения Александра Македонского, летящего на грифонах, и два — для боковых крестов со сложным геометрическим и растительным узором. Тяжеловесность растительного узора (рис. 1, 2, 4) искупается умелым подчинением орнамента сложной форме крестца. Гармоничное сочетание формы вещи с композицией орнамента на ней свойственно подавляющему большинству киевских вещей (колтам, бляхам цепей, крестам и пр.). Композиционному совершенству шаблонов соответствует совершенство орнаментов, заполняющих внутреннюю поверхность изображений.

¹⁵ Г. Ф. Корзухина. О технике тиснения..., стр. 53.

Перегородками выкладывали мелкие кружки-жемчужинки на теле птиц и сиринов, маленькие пальметки на крыльях, топчайшие городки, плавные изгибы виноградной лозы и т. п. (рис. 2, 4—10). С большим мастерством переданы лица и головные уборы на колтах с изображением сиринов и женских головок в киевскихкладах 1880, 1885, 1887 и 1876 гг.¹⁶

Диадемы и бармы в основном с деисусными композициями были выполнены по индивидуальным заказам. В отличие от них колты и цепи не были уникальными изделиями. Некоторые из них трудно отличимы друг от друга. В других чувствуется штамп, иногда спешка (например, на цепи из сахаровскогоклада 1900 г. не прорисованы лапки птиц). Все они производят впечатление вещей, изготовленных ремесленником не по заказу, а для продажи. В то же время серийность производства этих вещей, многократное повторение одного и того же сюжета способствовали его отработке во всех деталях. А это в свою очередь приводило к созданию совершенных по исполнению экземпляров (цепь из киевскогоклада 1887 г., колты из кладов 1886, 1880, 1885 гг.).

Ни разница сюжетов, ни разница в мастерстве не нарушают стилистического единства вещей, вышедших из мастерской киевских эмальеров. Особенно ярко это единство выражается в цветовой гамме эмалей киевской школы. Для киевских эмалей характерен резкий синий цвет, несвойственный, по мнению Н. П. Кондакова¹⁷, византийской эмали. Он встречается на всех киевских вещах с эмалью. К основным цветам относятся также бордовый, вернее красно-бордовый, — на 85% вещей — и белый — на 72% вещей (рис. 3). Дополнительными цветами киевских эмалей служили зеленый, коричневый, черный, желтый, телесный (в частности, и телесный с фиолетовым отливом). На некоторых эмалях (диадемах и бармах) встречаются бирюзовый и голубовато-пепельный цвета. Эта палитра характерна и для христианских и для светских сюжетов. Однако в изображениях святых пользовались более сдержанной цветовой гаммой, следуя и в этом византийским образцам. Исключение составляют только фигуры архангелов. Впрочем, пестрота их одежд также не выходит за рамки канонической — византийской. Подбор эмалей для светских сюжетов не ограничивался требованиями канопа, и здесь страсть киевских эмальеров к пестроте и яркости нашла полное выражение. Все цвета эмали, использованные при изготовлении данной вещи, брались в одинаковой пропорции. Этот прием достижения пестроты можно считать специфически киевским.

Характерные черты киевской эмальерной школы были прослежены на 52 вещах, обнаруженных в киевскихкладах (начиная склада 1824 г. и

¹⁶ Из этой совершенной по исполнению серии вещей выпадают колты из киевскогоклада 1824 г. с птицами и грифонами. Изображения не вписываются в форму колта (круга), а внутренняя разделка перегородками превращена в бессмысленный орнамент. Эти колты интересны тем, что представляют собой, видимо, изделия другой мастерской, ремесленники которой овладели мастерством, но не искусством.

¹⁷ Н. П. Кондаков. Русскиеклады, т. I, стр. 182.

Рис. 2. Трактовка складок одежды и деталей орнамента на эмалевых вещах из кладов Киева, Рязани, Владимира, Новгорода

1 — Каменный Брод, 1903; 2 — Сахновка, 1900; 3 — Киев, 1880; 4 — Киев, 1887; 5 — Киев, 1876; 6 — Киев, 1846 (?); 7 — Киев, 1827; 8 — Киев, 1907; 9 — Киев, 1887; 10 — Киев, 1907; 11, 12 — Рязань, 1882; 13 — Владимир, 1865; 14—16 — оклад Мстиславова евангелия; 17, 18 — Новгород

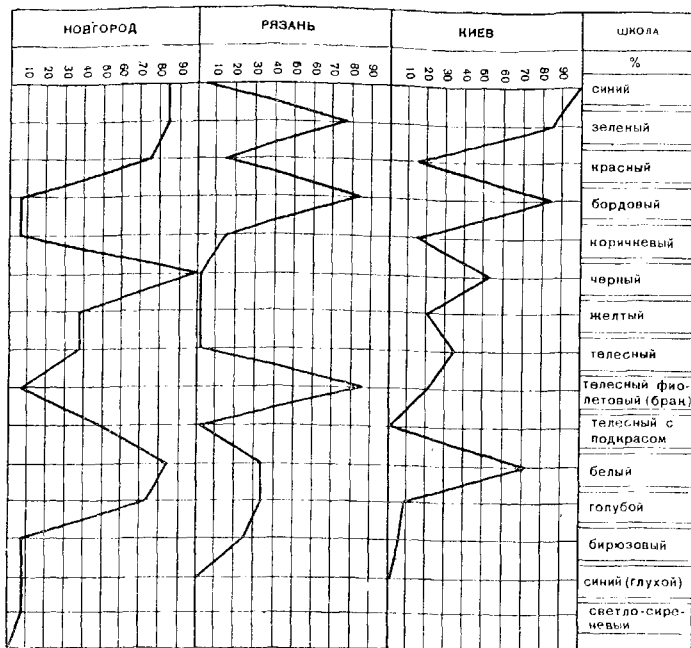

Рис. 3. Цветовые гаммы эмалей Киева, Рязани, Новгорода
По горизонтали даны цвета эмалей, по вертикали — % вещей, на которых употреблен данный цвет

кончая кладом 1948 г.). Для выделения эмальерных центров других городов мы располагаем значительно меньшим материалом. Тем не менее мы можем ставить вопрос об эмальерном деле Рязани, Владимира и Новгорода, потому что стилистически эмали этих городов стлчаются как друг от друга, так и от киевских.

Рассмотрим рязанские эмали из клада 1822 г., в который входили знаменитые рязанские бармы, и клада 1887 г. с несколькими бляшками. На неремониальных вещах княжеского или боярского облачения изображены, как и на киевских предметах того же назначения, святые. Однако они изображены фронтально и не составляют деисусной композиции, как на киевских эмалях. Борис и Глеб, Богоматерь, Варвара, Ирина, очевидно, были патрональными святыми владельцев вещей. Существенная особенность рязанских эмалей, ни разу не встреченная на киевских эмалевых вещах этой группы, состоит в том, что в их композиции включены восходящие к язычеству растительные мотивы (крины по бокам Бориса и Глеба).

Шаблоны рязанских эмалей, передающие только общий контур нимба и фигуры, проще киевских (рис. 1, 20—21). Тем не менее рисунок внутри лотка не уступает по тщательности исполнения киевским, а иногда и превосходит их. Округлые русские лица святых на рязанских вещах проработаны очень умело и детально, а руки, изображенные на фоне одежд, довольно пропорциональны. В иконографии святых допущены некоторые специфические для Рязани отступления. Мафорий у Богоматери на бармах напоминает чепец, а Богоматерь на медальоне-тельнике изображена в плаще, застегнутом на груди фибулой, на голове у нее также подобие чепца (рис. 2, 11); обе фигуры даны в позе Оранты. Головной убор Варвары — венец с прикрепленным к нему ниспадающим на левое плечо покрывалом — не встречен ни на одном женском изображении на эмалях (рис. 2, 12). Точную аналогию этому убору мы знаем на фреске Варвары из Нередицы¹⁸ — это девичий головной убор, вероятно распространенный на Руси в XII в.

В трактовке складок одежды рязанские эмальеры не следуют киевским образцам. Складки обильны и даны по-разному: ломаными линиями показана спокойно лежащая ткань, прямыми, но не строго параллельными — ниспадающие складки, полуоколами — драпировки, перекинутые через плечо. В целом перегородки расположены значительно менее геометрично, чем на киевских эмалях, что придает статичным фронтальным фигурам некоторую живость (рис. 2, 11, 12).

Рязанские эмали свидетельствуют не только о незаурядном мастерстве эмальера, но и об индивидуальности его «почерка».

Еще больше своеобразие рязанских эмалей сказывается в их цветовой гамме (рис. 3). Почти на каждой рязанской эмалевой вещи есть зеленый, бордовый и бракованный телесный цвет с фиолетовым оттенком. Бордовый и телесный цвета — вспомогательные, использовавшиеся для окантовки нимба, для лиц и рук, зеленый — основной цвет одежды. Характерно, что дополнительными цветами на них были голубой и бирюзовый. Таким образом, цветовая гамма рязанских эмалей построена на сочетании близких по тональности цветов — зеленого, голубого, бирюзового.

Сдержанностью цветовая гамма рязанских эмалей отличается от пестрой киевской и приближается к византийской¹⁹.

Во Владимире было найдено еще меньше вещей с эмалями, чем в Рязани. Это две пары колтов с изображениями патрональных святых владимиросуздалских князей — Георгия и Дмитрия (клады 1865, 1896 гг.)²⁰. Прежде всего в этих колтах поражает грубость исполнения, сказывающаяся в общей композиции, в деталях и в цвете. Рассмотрим сначала наиболее

¹⁸ История русского искусства, т. II. М., 1954, стр. 103.

¹⁹ Н. П. Кондаков. Русские клады, т. I, стр. 88.

²⁰ Другие вещи с эмалью, найденные во Владимиро-Суздальской земле, пока трудно связывать с какой-либо определенной школой эмальерного дела.

примитивную пару колтов из клада 1896 г. Мастер, делавший их, не сумел разместить изображения на круглой поверхности колта. Он наивно решил, что, разместив по бокам фигур святых кружкѣ с пальметками, справится с этой задачей (рис. 1, 23). Этот же прием он повторил и на оборотной стороне колта, поместив кружкѣ вокруг центрального круга. Достаточно сравнить эту композицию с композицией любого круглого киевского изделия с эмалью (барм, колтов, звеньев цепей), чтобы понять, насколько примитивно подошел к решению задачи владимирский мастер. Киевский эмальер размещал в круге самые разнообразные фигуры, умело подчиняя их форме изделия; владимирский же не смог разместить на круглом колте даже сочетания кругов. Несовершенство композиции, т. е. недостаток художественного мастерства, дополняется недостаточным техническим мастерством. Мастер, видимо, пытался при изготовлении эмали обойтись как можно меньшим числом перегородок и фигур, ими образованных. Это называется, как уже заметил Б. А. Рыбаков, в манере оставлять соединительную ленточку между двумя концептрическими кружками²¹, в простоте геометрического узора, в грубости лиц и, наконец, в многочисленных художественных и иконографических ошибках в изображении одежд. Согласно христианской иконографии оба святых изображены в сагиях, затканых листьями плюща, и в хитонах. Однако вместо того чтобы прикрыть плащом одно плечо, как требовала каноническая иконография, здесь сагий прикрывает два плеча, а листья плюща вытянуты по обеим сторонам в ровные ряды. Сагий обычно застегивался фибулой на правом плече; на владимирских колтах он изображен вообще без застежки (внакидку). Хитон, видный только на груди, дан без единой складки, а рука неестественно высовывается как бы из прорези сагия. Примитивны эмали и с точки зрения колорита: цвета тусклы, сочетания их не гармоничны. Синий, зеленый, бордовый и желтый употреблены примерно в одинаковых пропорциях, а плохой (зеленоватый) телесный цвет и незначительное количество белого не оживляют цветовой гаммы.

Все эти черты свойственны и другой паре колтов (из клада 1865 г.), рисунок на которых композиционно несколько более сложен (рис. 1, 22). На круглом колте здесь расположены значительные более разнообразные фигуры, прототипы которых мы находим на киевских вещах: овалы-зерна, симметричные лапы ветвей, треугольнички с городками, центральный круг с четырьмя пальметками. В изображении святого сделана попытка детализовать одежду: на гиматии и хитоне видны складки. Правда, они переданы толстыми перегородками, располагающимися то горизонтально, то под острым углом (рис. 2, 13). Несомненно какая-то путаница в изображении креста — он висит над рукой на фоне тавлия. В результате неточностей непонятно даже, кто изображен на колте. Только кудрявые волосы

²¹ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 391.

и безбородое лицо позволяют думать, что это Георгий или Дмитрий. Цветовая гамма, как и на первой паре колтов, бедная. Это впечатление не изменяет и дополнительный пещельно-голубой тон (нимб, хитон). Несовершенство работы эмалиера усугубляется крайне небрежно выполненным лицом святого и кирпично-оранжевым цветом тела, явно неудавшимся мастеру. Кроме того, и сам колт сделан неумело. Пластинам, из которых монтируется колт, не придана правильная сферическая форма, желобок для жемчужной обнизки слишком глубокий и без петьель, дужка припаяна к колту квадратными золотыми заплатами.

Таким образом, владимирские эмали не идут ни в какое сравнение с киевскими и рязанскими. В них чувствуется рука не очень умелого провинциального мастера.

Новгородские эмали известны по дробницам оклада Мстиславова евангелия, а также по двум уникальным иконкам с изображениями святых Ипатия и Георгия²².

Эмали Мстиславова евангелия выполнены на шести киотцах, пяти квадратных и двух прямоугольных дробницах. На прямоугольных дробницах изображены в рост святые Яков и Варфоломей. Сделаны они с необычайным мастерством и изяществом, что не вызывает сомнения в их византийском происхождении (правильные пропорции тела, тонкие лица, руки и ноги, совершенство в изображении одежд, прекрасная шлифовка поверхности, правильные греческие надписи). Остальные дробницы сделаны русскими мастерами, по всей вероятности двумя разными.

Первая серия новгородских эмалей, изготовленная, очевидно, рукой одного мастера, представлена шестью дробницами в форме киотцев. На них изображены Христос, Георгий, Димитрий, Федор, Борис и Глеб. Фигуры развернуты фронтально, и лоток для них вырезан по одному весьма примитивному шаблону (рис. 1, 26). Дно лотков было серебряным с насечкой. Внутренний рисунок фигур (лиц и одежд) сделан довольно тщательно — перегородки на одежде выполнены в виде волнистых, плавно изогнутых линий, хорошо передающих естественное расположение складок (рис. 2, 14, 15). Прием этот, изредка встречающийся в эмалях других городов, здесь использован как основной. Очень своеобразна иконография изображений, более всего свидетельствующая о руке одного мастера. Лица святых продолговатые, с длинными носами, толстыми губами-сердечками, густыми черными бровями, черными глазами и волосами. Все они белолицые (телесный цвет превосходный), с наведенным красной кашлей эмали румянцем. Подчеркнуто южный тип позволяет думать, что мастер-новгородец

²² Дата и происхождение десяти эмалей с иконы Знамение Богородицы в Новгороде (В. Д. Лихачева. Десять русских эмалей XII в. Новгородского историко-художественного музея.— Новгородский исторический сборник, вып. 10, 1961, стр. 245—252) представляются нам спорными, поэтому в небольшой статье рассматривать их нам кажется нецелесообразным.

старался подражать византийским образцам. Подтверждает это и еще одна любопытная деталь — дужка на шее, не встреченная нигде в русских эмалях. Такими дужками византийцы подчеркивали возмужалость изображенного. Новгородский мастер повторил этот прием при изображении Христа, Федора и Бориса (рис. 2, 15), возмужалость которых обычно подчеркивалась на иконах бородой. Здесь же не только у Бориса и Федора, но даже у Христа бороды нет. Это не единственная ошибка в иконографии, допущенная новгородцем. Димитрий и Федора он одел в хитоны и гиматии, а не в традиционные сагии. Оба держат в руках кресты, изображенные на фоне тавлиев, неправильно понятых мастером как евангелия. По контрастности сочетаний цветов эти шесть киотцев приближаются к киевским, хотя цветовая гамма у них иная. В одинаковых пропорциях в них употреблены синий и ярко-красный, зеленый, белый и голубой цвета. Полутонов, свойственных рязанским эмалям и некоторым киевским, нет.

В той же яркой цветовой гамме исполнены и пять квадратных дробниц, сделанных мастером, техническое превосходство которого над первым несомненно. На них изображены престол господен, Богоматерь, Предтеча, Петр и Павел, составляющие композицию престола с предстоящими святыми. «Престол уготованный» — не новый сюжет для искусства Новгорода XII в.²³ Руку русского мастера неопровержимо доказывает русская надпись на дробнице: **престл гн.** Правда, Н. П. Кондаков считал, что надпись была нанесена русским мастером на эмаль, сделанную византийцем, позднее, после доставки эмалей на Русь. Предположение это не выдерживает критики — надпись исполнена тем же интенсивно красным цветом, какой был характерен для всех новгородских эмалей, и так же тщательно отшлифована, как и все остальное изображение. Кроме того, вторичное нанесение надписи на уже готовую вещь невозможно технологически: при высокой температуре, необходимой для плавки эмали, вторично расплавленное основное изображение неизбежно потеряло бы цвет и блеск.

Остальные четыре эмали явно сделаны тем же мастером, что и престол. Об этом говорят общие стилистические и технические особенности изображений. Все четыре изображения изготовлены по одному четкому шаблону. Сейчас трудно определить, выдавлен ли лоток по шаблону в золотом листе или вырезан. Очевидно только, что руки Предтечи и Богоматери, выходящие за пределы общего очень простого шаблона, не вырезаны, а вдавлены в лист (рис. 2, 16), поскольку они не заключены в грубый контур, так называемую рукавицу — типичнейшую деталь киевских эмалей. Отсутствие «рукавицы» сближает эти эмали с византийскими,

²³ Близкий иконографический престол изображен на нескольких иконах ГТГ новгородской школы XIII в.; Спас на престоле и Никола со святыми — на полях иконы XII—XIII вв. — Каталог древнерусской живописи, т. I. М., 1963, табл. 31, 38.

только там ни разу не встречено таких больших рук, изображенных к тому же в неверных ракурсах и разной величины. Заставляют вспомнить византийские эмали и общий типаж лиц — чернобровых и черноволосых, тонкие и осмысленные перегородки на одеждах, орнаментация нимбов. В то же время немыслимые для византийца ошибки в одеждах (мафорий на голове у Богоматери дан другим цветом, а гиматий Петра спущен с правого плеча и отделан каймой) и построенная на контрастах цветовая гамма свидетельствуют о русском происхождении этих эмалей. Как уже говорилось, цветовая гамма квадратных дробниц аналогична гамме дробниц в иконалах. Она отличается некоторой упрощенностью, основана на сочетании чистых и ярких красок: красной, синей, зеленой, голубой, белой, черной (рис. 3). Интересно, что та же цветовая гамма характерна и для живописи Новгорода²⁴. По этому важному признаку эмали Мстиславова евангелия органично увязываются со всей школой новгородской живописи.

Две остальные новгородские эмали, очевидно, не связаны с деятельностью мастеров, делавших дробницы на Мстиславово евангелие. Обе эти эмали безусловно русские: на одной из них русская надпись ЮОРГИ (Юрий), на другой греческая надпись АΓΙΟΣ ΗΛΙΑΣ выполнена с явной ошибкой²⁵. Изображение Ипатия нанесено на медную пластинку, однако по тонкости работы не уступает эмалям, сделанным на золоте. Общий контур фигуры передает движение (рис. 1, 24), умело поставленными перегородками удачно переданы лицо и одежда (рис. 2, 18). Укороченность фигуры святого, непропорционально большие руки и ноги вновь заставляют нас обратиться к новгородской живописи, для которой подобное нарушение пропорций весьма характерно.

Необыкновенной тщательностью исполнения характеризуется и маленькая (2 см) фигурка Юрия, изображенного в рост. Святой представлен здесь русским воином: в кольчуге, из-под которой видна белая рубаха, в расшитых золотом штанах, цветных сапожках и длинном корзно. В руках у Юрия копьё (рис. 2, 17). Это один из самых удачных примеров типичного для русского искусства сочетания в образе Георгия мученика и воина²⁶.

Обе эти эмали интересны еще и потому, что резко отличаются по цветовой гамме от эмалей Мстиславова евангелия. Их гамма более сдержанная, построенная на полутонах (синий, белый, пурпурный — у Ипатия и бирюзовый, синий, розоватый — у Юрия). Это обстоятельство позволяет предполагать, что в Новгороде были еще один или даже два мастера, изготовлявшие эмали по заказам богатых горожан.

²⁴ В. Н. Лазарев. Живопись и культура Новгорода.— История русского искусства, т. II, стр. 93, 100.

²⁵ В имени Ипатий ошибочно вместо Π поставлена буква Λ; ΑΓΙ ΟΣ — в частом для русских вещей написании без Ο.

²⁶ Т. В. Николеева. Произведения мелкой пластики XIII—XVII вв. в собрании Загорского музея. Загорск, 1960, стр. 20.

Таким образом, несмотря на крайнюю немногочисленность известных в настоящее время новгородских эмалей, они говорят нам о крупном центре эмальерного искусства, со своими художественными особенностями и техническими приемами.

* * *

Возникнув в XI в., русское эмальерное дело в XII в. достигло расцвета, в то время как византийское производство в империи переживало уже упадок²⁷. Русское эмальерное дело, подобно византийскому времени его расцвета, распространилось из Киева в стольные города наиболее крупных княжеств Руси. Мы попытались выделить из массы русских эмалей четыре наиболее яркие группы, свидетельствующие об этом процессе. Безусловно, новые находки и более углубленное исследование эмалей помогут уловить и другие местные художественные мастерские эмальерного дела, сейчас только намечающиеся.

²⁷ Н. П. Кондаков. История византийской эмали, стр. 93.

КРЕСТИКИ С ЭМАЛЬЮ

В. А. Мальм

В археологических памятниках древней Руси встречаются медные литые крестики с желтой выемчатой эмалью. Они представлены четырьмя различными типами: трехлопастноконечными (рис. 1, 1); овалноконечными (рис. 1, 2) с концами, украшенными стилизованными пальметками; круглоконечными (рис. 1, 3) и прямоугольноконечными (рис. 1, 4). Нам известно 62 крестика, найденных на территории древней Руси. Конечно, эта цифра не является исчерпывающей и в дальнейшем может быть пополнена. К сожалению, не все крестики, которыми мы располагаем, имеют точный паспорт. Известно место находки 46 крестиков из 29 пунктов (рис. 2), сведения об остальных ограничиваются пределами района или даже области.

Значительная часть крестиков с выемчатой эмалью (27 экз.) найдена в районе Среднего Приднепровья. Особенно часто их находят в Киеве, на Княжей горе, в Витичеве, Вышгороде и на других городищах. Очевидно, в Киеве, а может быть, и в других городах, расположенных в его ближайшем окружении, находились мастерские, в которых наряду с другими изделиями отливались и крестики с эмалью, затем далеко распространявшиеся от места своего производства. Так, единичные крестики обнаружены в Белоозере, на Рюриковом городище, в окрестностях Костромы, Старой Рязани и других отдаленных от Киева пунктах. Находки крестиков с эмалью известны и за пределами древней Руси. Они есть в прибалтийских странах и в Приуралье¹.

Наибольшую группу крестиков (47 экз.) составляют крестики трехлопастноконечные, или, как их иначе называют, крестики с эмалью обычного типа. Их размеры колеблются в следующих пределах: ширина 26—34 мм, длина 34—42 мм. Крестики этого типа бывают двусторонние и односторонние. Найдены они более чем в 20 пунктах².

¹ Э. С. Мугуревич. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965, стр. 63, табл. VIII, 1—3, 5; X, 3; МАР, № 26, 1902, табл. VIII, 11.

² Белоозеро (ГИМ, инв. № 82858); курган 55 близ дер. Большие Поля Ленинградской области (МАР, № 29, 1903, табл. XXIV, 4); Витичев Киевской области (ГИМ инв. № 49576); Вышгород Киевской области (ГИМ, инв. № 43862, 79542); курган 2 близ дер. Глыбов Гомельской области (РСИА АН СССР, вып. 104, 1965, стр. 122, рис. 45, 4); Дрогичин (Леопардов и Чернев. Сборник снимков с предметов древ-

Крестики овальноконечные известны нам в количестве пяти экземпляров. Все они двусторонние, одинакового размера (27×35 мм), возможно отлитые в одной форме. Найдены они в пяти пунктах, расположенных далеко один от другого: с. Песочня Калининской области, с. Казаричи Брянской области, дер. Обабково Ивановской области, с. Липлява Полтавской области и, вероятно, Киев³.

Крестики круглоконечные все двусторонние с неодинаковым орнаментом на круглом или приближающемся к квадрату средокрестии. Одна сторона средокрестия разделена крестом на четыре сектора, заполненных желтой эмалью, оборотная же сторона внутри имеет меньшей величины окружность, и все свободное пространство залито эмалью. Их размеры:

ностей, находящихся в Киеве в частных руках, вып. I. Киев, 1890, табл. VI, 12); курган 81 близ дер. Жилые Горы Московской области (ЗОРСА, т. VII, вып. 1. СПб., 1905, стр. 131); курган 1 близ дер. Иворова Ивановской области (МАНГР, т. III. М., 1899, стр. 190; табл. VI, 3); курган 7 близ дер. Козловка Московской области (Тр. X АС. М., 1899, стр. 23); селище близ дер. Крицковщина Смоленской области (КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 107, рис. 41, 3); Киев (ГЭ, $\frac{637}{318} \cdot \frac{828}{13}$); Княжа гора Киевской области

(ГЭ, $\frac{827}{7}$); с. Липлява Полтавской области (ГЭ, $\frac{741}{318} \cdot \frac{741}{319} \cdot \frac{741}{320} \cdot \frac{741}{321} \cdot \frac{741}{322} \cdot \frac{741}{344} \cdot \frac{741}{345} \cdot \frac{741}{661}$);

погребение 2 кургана 29 близ дер. Новая Ленинградской области (ГИМ, инв. № 32778;

МАР, № 18, 1895, табл. VII, 4); Новогрудок (СА, 1962, № 1, стр. 249, рис. 8, 3); курганы 2 и 9 близ дер. Пеньки Ивановской области (ГЭ, $\frac{624}{162} \cdot \frac{624}{184}$; МАНГР, т. III, стр. 169—

170); курган 14 близ дер. Пещериха Костромской области, (ГЭ, $\frac{624}{1064}$; МАНГР, т. III стр. 203); Рюриково городище Новгородской области (ГИМ, инв. № 43968); Старая

Рязань (ГИМ, инв. № 45804); с. Тростянце Киевской области (Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности русские. Кресты и образки, вып. 2. Киев, 1900, табл. XXI, 241); низовья р. Руси (ОАК за 1903 г., стр. 145); курганы 6 и 70 близ дер. Харлапово Смоленской области (Материалы по изучению Смоленской области, вып. 2. Смоленск, 1957, стр. 276, 280); городище Ярополч Залеский близ с. Пирыво Городищи Владимирской области (КСИА АН СССР, вып. 96, 1963, стр. 49, рис. 12, 5); Владимирские курганы (ГИМ, инв. № 54746; ИАК, вып. 15, 1905, стр. 143, рис. 206); Киевская область (КГИМ, инв. № $\frac{4554}{187} \cdot \frac{4554}{189} \cdot \frac{4554}{190} \cdot \frac{4554}{191}$; ИАК, вып. 40, 1911, стр.

57, рис. 24; Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности русские. Кресты и образки, вып. 1. Киев, 1899, табл. XII, 137).

³ ИАК, вып. 6, 1904, стр. 48; Б. А. Рыбаков. Радзіміччэ.— Прапы, т. III. Менск, 1932, стр. 92, 93, табл. VI, 20; ГИМ, инв. № 32884; ГЭ, 624/397, 741/343; Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности русские. Кресты и образки, вып. 2, табл. XXI, 244. В литературе утвердилось мнение, что крестик из кургана 63 близ с. Казаричи — золотой. См.: Н. П. Журжалина. Датировка древнерусских привесок-амулетов.— СА, 1961, № 2, стр. 132. Этот крест находится в ГИМ (инв. № 32884). На самом деле он бронзовый, как и остальные четыре креста этого типа.

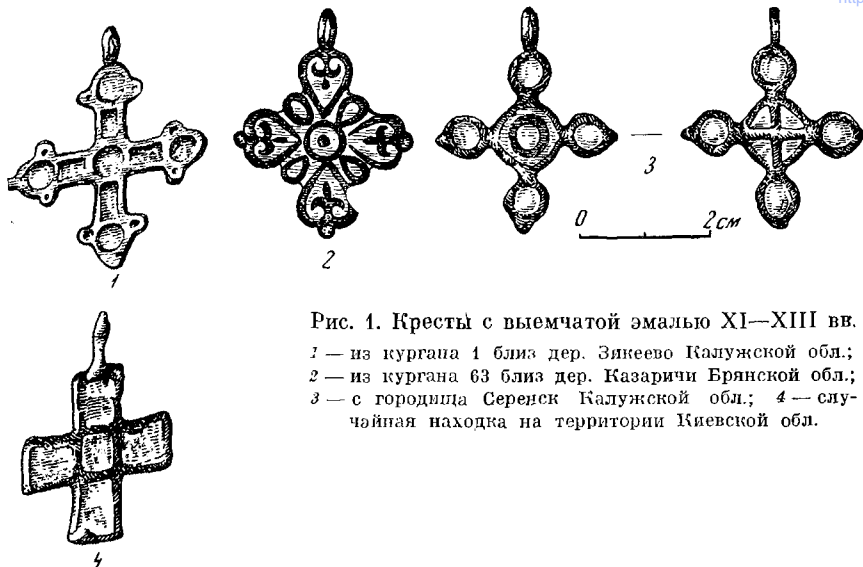

Рис. 1. Кресты с выемчатой эмалью XI—XIII вв.

1 — из кургана 1 близ дер. Зинеево Калужской обл.;
 2 — из кургана 63 близ дер. Казаричи Брянской обл.;
 3 — с городища Серенск Калужской обл.; 4 — случайная находка на территории Киевской обл.

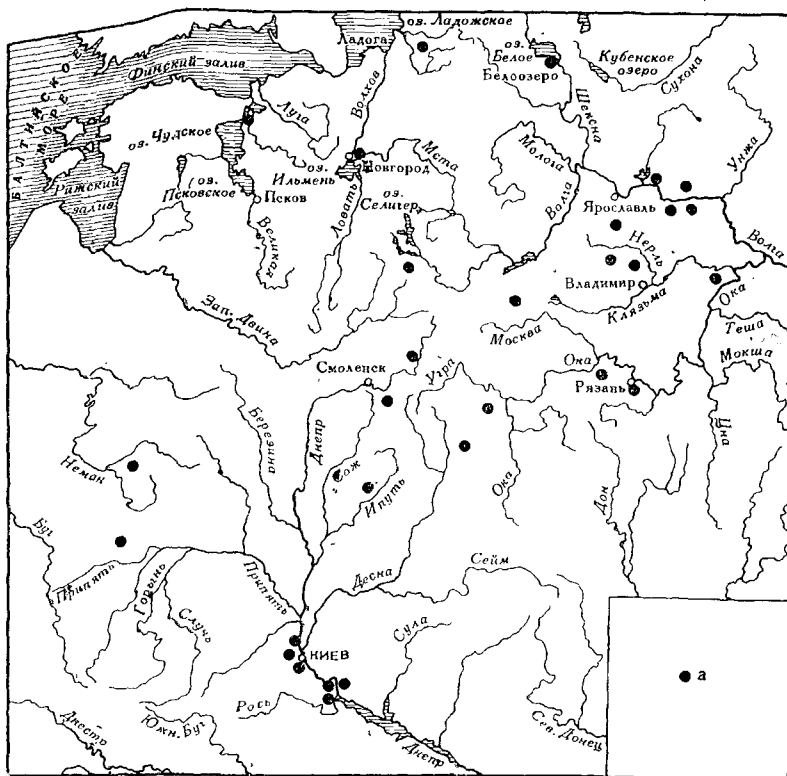

Рис. 2. Находки крестов с выемчатой эмалью на территории древней Руси
 а — места находок

ширина 26—28 мм, длина 32—36 мм. Этот тип крестиков на Руси представлен шестью экземплярами. Они обнаружены во владимирских курганах (дер. Городище, курган 2630), в Витичеве Киевской области, в с. Лишлява Полтавской области, на городище Серенск Калужской области и два экземпляра — в Киевской области⁴.

Прямоугольноконечные крестики все двусторонние. Размеры: ширина 19—22 мм, длина 32—35 мм. Они несколько отличаются друг от друга: у одних в средокрестии имеется круглая ячейка для эмали у других — прямоугольная. Крестики этого типа встречены в окрестностях Киева и Новогрудка⁵ в количестве четырех экземпляров.

Крестики с выемчатой эмалью, так же как и крестики других типов, встречаются не только в городах и на поселениях сельского типа, но и в погребениях. Находки крестиков в погребениях особенно интересны, так как расположение на костях позволяет решить вопрос об их назначении и использовании.

Прежде всего следует отметить, что обычно крестики бывают в погребениях женщин и лишь в виде редкого исключения — мужчин. Чаще всего крестики в качестве привесок мы находим в составе ожерелий из бус (в 9 погребениях из 16). В двух случаях они были обнаружены на плече, дважды — у черепа, два раза — на груди и в одном погребении положение креста осталось невыясненным. По-видимому, в качестве христианского символа использовались лишь кресты, находившиеся на груди. В остальных случаях их носили в качестве украшений или амулетов-оберегов. Использование крестов как оберегов подтверждается включением их в состав набора различных амулетов. Так, например, в кургане 70 близ дер. Харлапово Смоленской области трехлопастноконечный крестик с эмалью был подвешен вместе с медным ключом и гребешком к одной цепочке, находившейся у левой плечевой кости⁶.

Погребальные комплексы, в которых найдены крестики с эмалью, дают возможность определить их дату. Мы располагаем 13 трехлопастноконечными крестиками из 12 погребений и 3 овальноконечными из 3 погребений. Трехлопастноконечные крестики найдены вместе с вещами, датируемыми XI—XII вв.: грушевидными бубенчиками с крестовидными прорезями и с нарезкой в нижней части, шаровидными бубенчиками со

⁴ ИАК, вып. 15, 1915, стр. 143, рис. 208; Б. И. и В. Н. Хапченко. Древности русские. Кресты и образки, вып. 1, табл. VI, 82; ГИМ, инв. № 35615; КГИМ, инв. № $\frac{741}{93}$, 14975; ГЭ, $\frac{741}{323}$.

⁵ КГИМ, инв. № в1451, $\frac{в4554}{213}$; ИАК, вып. 40, 1911, стр. 57, рис. 25.

⁶ Е. А. Шмидт. Курганы XI—XII вв. у дер. Харлапово в Смоленском Подпенье. — Материалы по изучению Смоленской области, вып. 2, 1957, стр. 276.

щелевидной прорезью и линейным пояском, височными браслетообразными кольцами с завязанными концами, височными кольцами с тремя напускными узловатыми бусинами, витыми шейными гривнами с раскованными концами, сердоликовыми биширамидальными и 14-гранными бусинами, золотостеклянными бочковидными и хрустальными шарообразными бусинами и монетами, одна из которых саксонская (Этельред II, 978—1016 гг.) и другая — англосаксонская (Герман, герцог Саксонский, умер в 1086 г.). На основании такого сочетания материала трехлопастнокопечные крестики можно датировать XI—XII вв. Однако по находкам в городах время их распространения охватывает и XIII в.

К XI в. относятся овалноконечные крестики. В кургане 63 у с. Казаричи Брянской области крестик этого типа был найден совместно с дирхемом-привеской и шейными гривнами с гранеными головками (одна — витая, другая — трехгранного сечения), а в кургане 5 близ с. Песочня Калининской области — вместе с шаровидными бубенчиками со щелевидной прорезью и линейным пояском и свинными битрапецидными бусинами.

Случайные обстоятельства находок круглоконечных крестиков (за исключением одного — из кургана близ дер. Городище Владимирской области) не дают оснований для определения их даты. Однако по материалам Латвии время их применения укладывается в рамки XII в.⁷

Прямоугольноконечные крестики можно датировать по материалам раскопок в Новогрудке и памятникам Латвии XII в.⁸

Таким образом, изготовление крестиков с выемчатой желтой эмалью было налажено на Киевщине в XI в. Расцвет их производства относится к XII в., а в XIII в. они постепенно выходят из употребления.

⁷ Э. С. Мугуревич. Указ. соч., стр. 63.

⁸ Там же.

О ДАТИРОВКЕ БЕЛЕВСКОГО КЛАДА

Н. Г. Недошивина

В 1891 г. в Государственный исторический музей поступил клад, найденный при неизвестных обстоятельствах в бывшем Белевском уезде Тульской губернии и получивший поэтому название Белевского. Целиком Белевский клад не был опубликован, хотя уже давно известен в литературе¹. Не вошел он и в полную сводку русских кладов домонгольского времени из-за того, что еще раньше был датирован XIV в.²

Клад состоит из женских украшений. В него входят 17 височных колец — 1 семилопастное простое, 3 семилопастных простых с тремя кольцами у основания дужки, 2 пятилопастных кружевных³ и 11 трехлопастных кружевных (рис. 1); 2 гривны (рис. 2) из сложного витого жгута с припаянными наконечниками и замком в виде двух петель (одна из них имеет плетеный жгут 2×3 , другая — 2×4); 7 витых браслетов — тройной петлекопечный, четверной петлекопечный, четверной с напаянными мицдалевидными наконечниками, витой 3×3 и 3 витых 3×4 (рис. 2); 1 перстень тонкопластинчатый широкосрединный; 2 хрустальные бусины — шарообразная и бипирамидальная. Кроме того, в клад входят два круглых предмета с углублениями и отверстиями в середине — по-видимому, детали подсвечников (рис. 2). Аналогичные вещи известны из раскопок Хойновского в усадьбе Трубецкого в Киеве в 1892 г., на Бородинском городище в Смоленской земле, в Минске и других местах⁴.

Все вещи, за исключением браслетов, перстня и деталей подсвечников, которые сделаны из бронзы, — серебряные.

Как уже говорилось, Белевский клад датировали XIV в. Основанием для столь поздней датировки послужили витые браслеты сложных форм.

¹ ГИМ, инв. № 23629—23648; А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 54, рис. 46, 47; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 552.

² Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв. М.—Л., 1954; А. В. Арциховский. Указ. соч., стр. 137, 150.

³ Термин «пятилопастные» вместо общепринятого «пятиязычковые» предложен В. П. Левашевой.

⁴ ГИМ, инв. № 43068—43; В. В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли.— МИА, № 92, 1960, рис. 61, II; В. Р. Тарасенко. Древний Минск.— Материалы по археологии БССР, т. I. Минск, 1957, стр. 249, рис. 53; Б. И. и В. Н. Хапенко. Древности Приднепровья, вып. V. Киев, 1908, табл. IX, 237, 238, 240, 243.

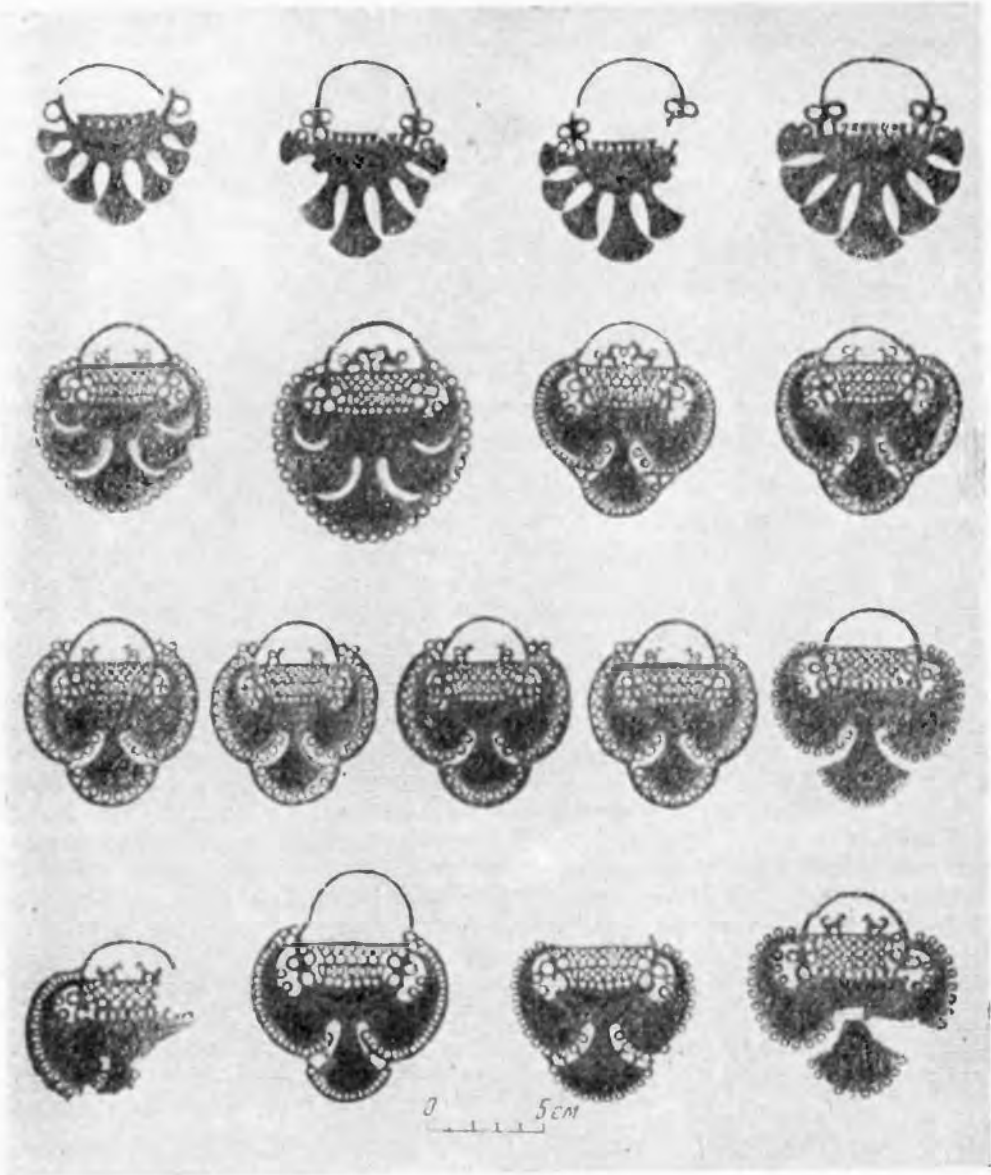

Рис. 1. Височные кольца Белевского клада

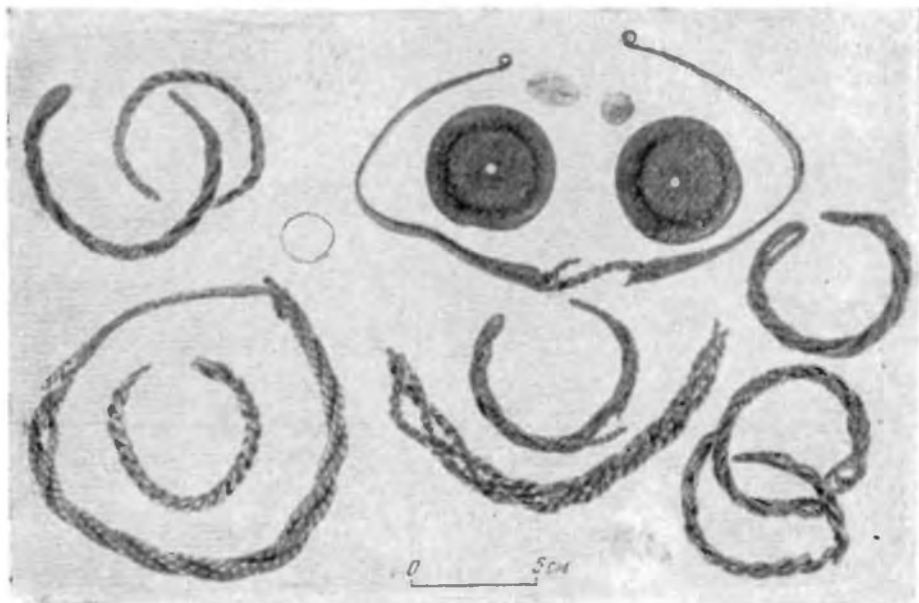

Рис. 2. Гривны, браслеты, перстни, бусы и бронзовые бляхи Белевского клада

Однако в последнее время большинство исследователей приходят к выводу, что витые сложные браслеты следует относить к более раннему времени, чем это делалось до сих пор, а именно к XII—XIII вв.⁵ Тем же временем датируются витые тройные браслеты с напаянными миндалевидными наконечниками⁶. Сейчас считается, что гривны из витого сложного жгута с припаянными наконечниками (гривны этих типов найдены в нашем кладе) были распространены на Руси в XII и начале XIII в.⁷ Шарообразные и бипирамидальные хрустальные бусы встречаются в русских курганах X—XII вв., а в витических захоронениях — и в XIII в.⁸ Сложные производные формы вятических семилопастных височных колец — пятило-

⁵ Е. А. Шмидт. Указ. соч., стр. 212; Т. В. Равдина. О датировке вятических курганов.— СА, 1965, № 1; В. П. Левашева. Браслеты.— Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Тр. ГИМ, вып. 43, 1967. Витой (2 × 3) браслет найден, например, в кладе № 171 (середина XII — середина XIII в.); Г. Ф. Корзухина. Указ. соч., стр. 148.

⁶ Г. Ф. Корзухина. Указ. соч., стр. 26.

⁷ М. В. Фехнер. Шейные гривны.— Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Тр. ГИМ, вып. 43, рис. 1967.

⁸ М. В. Фехнер. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни.— Тр. ГИМ, вып. 33, 1959, стр. 156.

пастные и трехлопастные ажурные и подзорчатые — встречаются в курганах Московской области с витыми четверными и сложными браслетами, сердоликовыми бипирамидальными и хрустальными шарообразными бусами, монетовидными привесками и другими вещами XII—XIII вв. и, следовательно, также могут быть отнесены к XII—XIII вв.⁹ Косвенным доказательством более ранней даты белевских височных колец может служить, кроме того, орнаментация их фигурками животных (собачки, кони). Полное стилистическое единство «собачек» с изображениями на височных кольцах, найденных в курганах XII—XIII вв. у сел Иславское и Царицыно, позволяет предположить, что и те и другие были изготовлены в одно время¹⁰.

Интересно остановиться и на технике изготовления отдельных вещей. Так, височные кольца отлиты по восковой модели. Некоторые из колец имеют с обратной стороны следы лощения каким-то острым инструментом для придания выпуклости лопастям кольца. Литье по восковой модели было хорошо известно и в деревне. Однако необычайная тонкость и тщательность работы позволяют считать эти изделия произведением городских мастеров¹¹. Обращает на себя внимание удивительное стилистическое единство формы и орнамента всех височных колец. Это дает возможность предположить, что височные кольца клада вышли из одной мастерской. Ремесленник, обладавший бесспорно большим художественным вкусом, стремился к тому, чтобы придать вещам особое изящество, легкость и разнообразие. Любопытно, что среди 17 височных колец почти нет абсолютно идентичных — они отличаются друг от друга хотя бы небольшими деталями.

Произведениями городских мастеров можно считать и гривны клада, а также браслет с припаянными миндалевидными цитками на концах. Известно, что пайка — довольно сложный технический прием — была доступна лишь городским ремесленникам. Поэтому вполне естественно предположить, что височные кольца, гривны и браслеты вышли из одной мастерской. Этот вывод важен для уточнения датировки клада. Если учесть, что поздние формы семилопастных височных колец еще встречались в конце XII—XIII в. и что гривны с припаянными наконечниками перестали изготавливаться в начале XIII в., можно считать, что в целом Белевский клад относится не к XIV в., а к концу XII — началу XIII в. Очевидно, он был зарыт, как и большинство русских кладов, во время татаро-монгольского нашествия.

⁹ Села Иславское (курган 5), Богдановка, Никоново (курган 1) Московской области и др. ГИМ, инв. № 56412, 76418.

¹⁰ Височное кольцо с решеткой в верхней части, аналогичное иславскому, найдено в Новгороде в слое XII в., так что дата эта лишней раз подтверждена новгородской хронологией.

¹¹ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 554.

КУЗНЕЦЫ ЖЕЛЕЗУ, МЕДИ И СЕРЕБРУ ОТ ВЯТИЧ

Т. Н. Никольская

Раскопки последних лет дополнили наши представления о развитии ремесла в одной из отдаленных от Киева областей древней Руси — земле вятичей. И раньше можно было предполагать, что в этой «глухой» и лесной стороне существовали все предпосылки для развития ремесла и торговли, средоточием которых становились города. Однако подтвердить это фактическим материалом было трудно, так как раскопки городских поселений в земле вятичей почти не велись¹. Богатый и разнообразный материал, полученный при раскопках на древнерусских городищах в бассейне верхней Оки в последние годы, проливает свет на историю вятических родов домонгольской поры.

Наиболее интересные результаты были получены при раскопках двух памятников — городища у дер. Слободка (летописный Домагощ) и у дер. Серенск (летописный город того же названия). Остатки ремесленных мастерских, производственных сооружений (сыродутный, кузнечный и медеплавильный горны), находки полуфабрикатов и отходов производства — металлических и кузнечных шлаков, отходов литейных и ковочных работ², инструментарий ремесленников и, наконец, огромное количество разнообразных предметов из черного и цветного металла — все это является свидетельством развития местного ремесленного производства.

В свое время на основании письменных и вещественных источников Б. А. Рыбаков составил список профессий городских ремесленников, разделив их на 11 групп по производственному принципу³. Нас интересуют только две первые группы этих профессий, куда входят «кузнецы железу, меди и серебру».

Металлографический анализ железных предметов Серенского городища показал, что в основе технологической схемы конструкции изделий лежал принцип разностороннего сочетания железа и стали. Как правило, это

¹ Исключением являются раскопки В. А. Городцова и А. Л. Монгайта в Старой Рязани. Однако Старая Рязань, подобно Киеву и Чернигову, была большим городом — столицей княжества, а в настоящей статье речь идет о рядовых городских поселениях вятичей в бассейне верхней Оки.

² Шлифы и анализы металлургических кузнечных шлаков и сплавов цветных металлов произведены в лаборатории Института археологии О. Ю. Круг.

³ В. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 508—509.

была торцовая наварка стального лезвия на железную основу клинка с последующей тепловой обработкой. Встречаются орудия, технология изготовления которых сложна и трудоемка: например, некоторые серпы имеют трехслойный клинок, в середине которого проходит стальная полоса почти до самой спинки. Известны предметы, целиком изготовленные из стали. Во всех исследованных инструментах железо и сталь хорошо освобождены от шлаковых включений. Таким образом, вся кузнечная продукция изготовлена специалистами кузнецами-ремесленниками, в совершенстве владеющими техникой металлообработки, ничем не отличающейся от общерусской XII—XIII вв.

Для характеристики местного ремесленного производства очень важны инструменты для обработки черного металла, найденные на городищах Слободка, Серенск и на некоторых других объектах: молоты-кувалды, зубила, пробойники, напильники и др. Наиболее важным орудием кузнеца служил гяжелый молот-кувалда. На древнерусских поселениях этот инструмент попадает очень редко⁴, однако в раскопках вятических городищ он встречен уже дважды: один — в составеклада железных и бронзовых вещей, обнаруженных в одном из погребов Серенского городища, другой — на городище Слободка. Размеры и вес этих молотов почти те же, что и у кувалды с городища Княжа гора, описанной Б. А. Колчиным⁵.

Судя по находкам, в городах земли вятичей работали также специальные кузнецы-инструментальщики, изготавливавшие тонкие и сложные орудия ювелира (пинцеты, ювелирные молоточки, напильники, ножницы для резки металла), инструменты столяра и плотника (топоры, тесла, долота, резы, сверла, скобели, молотки-гвоздодеры) и т. п.

Особенно интересны инструменты, найденные в жилище — мастерской плотника, возможно даже «ладейника», открытой на городище Слободка: большое перовидное сверло, применявшееся для высверливания точных отверстий большого диаметра (например, при изготовлении ладей), молоток-гвоздодер, разметчик (инструмент, напоминающий крючок типа кошки) и большое массивное долото.

Найдены на городищах втульчатые долота типа ручных резцов для художественной резьбы по дереву (подобные обнаружены в Новгороде в слое XII в.)⁶ и массивные проушные тесла, насаживавшиеся на прямую длинную рукоятку и предназначенные для крупных изделий (лодки-долбенки, корыга и т. д.). Металлографический анализ одного тесла из Серенска показал, что стальное лезвие было наварено на железную основу. Известны и более совершенные инструменты, применявшиеся для изготовления раз-

⁴ Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси.— МИА, № 32, 1955, стр. 59.

⁵ Там же.

⁶ Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого.— МИА, № 65, 1959, стр. 45, рис. 29, 1.

нообразной деревянной посуды и предполагавшие наличие токарного станка: это токарные резцы, некоторые с прямым черенком и крючкообразным лезвием довольно значительных размеров.

Высокую квалификацию кузнецов характеризует также производство различных сельскохозяйственных орудий, в частности сошников, плужных лемехов и чересел, найденных в культурных слоях обоих вятических городищ. Таковы два лемеха с городища Слободка и лемех и чересло с Серенского городища. Лемехи Слободки почти одинаковы по размеру, массивны. У одного из них сильно закругленное лезвие, у другого, более остроугольного, на середине внешней поверхности и на лезвии наварены стальные полосы. Серенский лемех, входящий в состав клада железных вещей, найденных в небольшой хозяйственной яме, — треугольный. Он больше по размерам, но легче, чем лемех Слободки, так как сделан из одного куска железа (без наварки). Лемех Слободки можно сравнить с плужным лемехом, найденным в Рязанской земле на Вышгородском селище⁷, а лемех Серенска — с найденным в Пронске⁸.

Очевидно, что и многочисленные предметы вооружения вятических воинов изготовлены в земле вятичей. Во всяком случае стрелы, копья, стрелена, шпоры ковались местными кузнецами. Характерно, что наконечников копий в слоях попадаетея немного, лю-видимому, это объясняется использованием слэманных наконечников копий в качестве сырья для изготовления других мелких поделок. Железные наконечники стрел, обычной для всех древнерусских памятников XI — первой половины XIII в. формы, делятся на две группы: плоские и граненые — бронебойные, численно преобладающие над плоскими. Основными типами наконечников копий были боевые — ланцетовидные и пиковидные. Копье типа пики становится господствующим на всех древнерусских памятниках XII—XIII вв., что связывают с изменением военных условий (участившиеся конные битвы) и прогрессом в защитном вооружении⁹. Довольно частые находки стремья и шпор на вятических памятниках также свидетельствуют о значительной роли конницы в вятическом войске.

Высокого мастерства достигли не только «кузнецы железу», но и кузнецы «меди и серебру». Богата и разнообразна их продукция, изготовленная из серебра, меди, биллона и других металлов: браслеты, перстни, привески к ожерелью, семидошастные и трехбусинные височные кольца, колты и т. д. Остатки медислитейного горна, шлаки цветных металлов, куски листовой меди, свинца и инструменты ювелиров — неоспоримое свидетельство местного производства этих украшений.

Помимо перечисленных выше инструментов ювелира, изготовленных

⁷ А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1964, стр. 259, рис. 108.

⁸ Там же, стр. 264, рис. 109, 5.

⁹ А. Н. Кирилчиков. Древнерусское оружие. Мечи и сабли, вып. 2.— САИ, Е1-36, 1966, стр. 20, 21.

местными кузнецами, к ним можно отнести также небольшую желзную сковородку с длинной ручкой, которая ставилась на раскаленные угли вместе с изделиями, подлежащими спайке, а также бронзовые весы, использованные ремесленниками для взвешивания металлического лома при составлении сплавов¹⁰. Кроме того, для характеристики ювелирного дела интересны каменные имитационные литейные формы, в которых изготавлились различные полые украшения — колты, бусы, трехбусинные височные кольца — с помощью хорошо известного древнерусским литейщикам приема литья «навывплекс»¹¹. Имеющиеся в нашем распоряжении двусторонние литейные формы для изготовления колтов, к сожалению, уцелели не полностью, и поэтому изображение на них можно реконструировать приблизительно. На одной стороне литейной формы были две сопоставленные птицы (сюжет довольно частый на киевских золотых и серебряных колтах с эмалью и чернью), на другой — по-видимому, хищная птица или сказочный пёс — Симаргл (рис. 1, 1)¹².

Подобные находки свидетельствуют не только об овладении техническими приемами ювелирного мастерства, но и о больших художественных навыках мастеров, которые умели создавать довольно сложные композиции из птиц и зверей, подчинять их форме предмета, используя разноцветные эмали и техпику черни. Зооморфные изображения были не чужды и народному искусству земли вятичей, опиравшемуся на более древние традиции, уходившие корнями в эпоху языческих верований. Литейные имитационные формы для изготовления других украшений, например трехбусинных височных колец, найденные на поселениях, известны и по материалам вятических курганов¹³. Имитационные литейные формы знаменуют более высокую ступень в развитии ремесленного производства. Присоединяясь к

¹⁰ На Бородинском вятическом городище Смоленщины найдены также ювелирная наковальня и волочило (В. В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли.— МИА, № 92, 1960, стр. 109, рис. 54, 1, 7). В Переяславле Рязанском известна костяная ювелирная наковальня (А. Л. Монгайт. Рязанская земля, стр. 299, рис. 135, 1). Возможно, что вятические ювелиры, так же как и новгородские, пользовались еще и деревянными наковальнями, но они не сохранились.

¹¹ Н. Н. Стоскова. Литье способом навывплекс в древней Руси.— Вопросы истории естествознания и техники, № 1. М., 1956, стр. 155—156; Н. В. Рындина. О древнерусском литье «навывплекс».— СА, 1962, № 3, стр. 91.

¹² Б. А. Рыбаков. Русали и бог Симаргл-Переплут.— СА, 1967, № 2, стр. 93, рис. 2. Изображения двух сопоставленных птиц или одной хищной птицы известны на некоторых серебряных колтах, найденных и в кладах бассейна верхней Оки (Тереховский клад). См.: Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв. М.—Л., 1954, стр. 139, № 154; А. С. Гуцун. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. Л., 1936, табл. XIV, 1, 3 и 4, 6.

¹³ Каменная литейная форма для трехбусинного височного колечка (одна половинка) вместе с литейными формами для крестиков и монетовидной подвески была найдена в вятическом кургане XIII в. у с. Митяево в погребении девочки. См.: А. В. Арциховский. Митяевские литейные формы.— Техника обработки камня и металла. М., 1930, табл. IX.

мнению исследователей древнерусского ремесла¹⁴, мы можем констатировать, что в XII—XIII вв. «кузнецы меди и серебру» обширной земли вятичей начинают переходить от работы на заказ к производству изделий на рынок¹⁵.

Самым излюбленным украшением вятических женщин были браслеты. Помимо огромного количества стеклянных браслетов, обломки которых в раскопанных нами городских поселениях (Серепск) исчисляются тысячами, многочисленны и разнообразны металлические браслеты: витые, ложновитые, крученые, кольчужные, пластинчатые, круглопроволочные и т. п. Все они хорошо известны по материалам вятических курганов. Очевидно, браслеты, так же как височные кольца и перстни, изготовлялись и городскими, и деревенскими ремесленниками на продажу.

Уникальной находкой является литейная форма для изготовления широких серебряных створчатых браслетов с чернью киевского типа. Рельефные арки делят створку браслета на три части: в центре изображена плясунья с распущенными рукавами, справа и слева от нее — скоморохи, один — с кубком в руке, другой — с музыкальным инструментом (рис. 1, 2) — волышкой. Манера изображения и характер сюжета заставляют вспомнить широкий створчатый браслет из Киева, опубликованный Б. А. Рыбаковым¹⁶, и один из серебряных браслетов с чернью из клада, найденного А. Л. Монгайтом в 1966 г. в Старой Рязани¹⁷. Использование подобного сюжета говорит не о простом заимствовании у мастеров Киева или Старой Рязани, но прежде всего об общности народных обычаев, отраженных в этом сюжете и связанных с игрищами, плясуньями и скоморохами. Во всех известных нам случаях воспроизведения этих сцен нет абсолютной их повторяемости ни в рисунке, ни в композиции. Каждый мастер, создавая литейную форму для браслета, привносил свои индивидуальные особенности. На одних браслетах рисунок более схематичен, а не совсем удачные композиции мастер пытается уравновесить орнаментальными дополнениями, на других, как на браслете из Старой Рязани, художник создает выразительную, почти реалистически переданную сцену с довольно точным воспроизведением костюмов, утвари, музыкального инструмента, не уступая в мастерстве художникам, украшавшим древние рукописи. Эти

¹⁴ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 271; Г. Ф. Корзухина. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания.— СА, XIV, 1950, стр. 218; М. К. Каргер. Древний Киев, т. 1. М.—Л., 1958, стр. 381.

¹⁵ Т. Н. Никольская. К истории древнерусского Серепска.— КСИА АН СССР, вып. 113, 1968. Однако я не склонна преувеличивать роль товарного производства в XII—XIII вв. Полагаю, что в городах вятичей, как и везде на Руси, в то время преобладала работа на заказ.

¹⁶ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 269, рис. 61; он же. Русалии и бог Смаргль-Переплут, стр. 109, рис. 12.

¹⁷ А. Л. Монгайт. Сокровища княжеского дворца.— Наука и жизнь, 1966, № 11, стр. 96—97; В. П. Даржович, А. Л. Монгайт. Старорязанский клад 1966 года.— СА, 1967, № 2, стр. 213, 221.

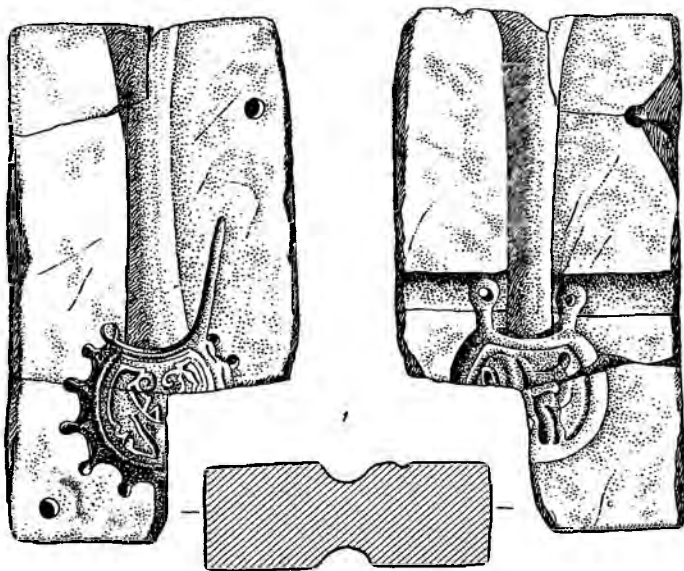

Рис. 1. Литейные формы

1 — для изготовления колтов «навыплеск»; 2 — для изготовления створчатого браслета

жанровые сцены на браслетах объединены прежде всего смыслом изображения, а не общностью канона в его воспроизведении. Об этом же говорит и найденная нами совершенно оригинальная литейная форма из Серенска. Мастер проявил себя здесь искусным рисовальщиком, не повторив рисунок других изделий. И хотя созданные им образы плясуньи, скomorоха и музыканта решены в довольно условной манере, они отличаются большой выразительностью и отлично вписаны в традиционную трехчастную композицию предмета.

Подражением дорогим серебряным створчатым браслетам были биллоновые и бронзовые браслеты, выполненные в литейных формах¹⁸. На Серенском городище найдены створки от двух бронзовых браслетов, украшенных ложной зернью тонкой работы (рис. 2, 9).

Пластинчатые браслеты, как правило, изготавливались из тонко выкованного бронзового листа. Поверхность их покрывалась чеканным орнаментом в виде ромбов с кружочками (рис. 2, 2), косых крестов, плетенки, пунктирных линий, нанесенных зубчатым колесиком, резцами и пунсонами (рис. 2, 15, 16). Встречаются и литые пластинчатые браслеты, иногда довольно оригинальной формы. Интересен обломок браслета, изготовленного из широкой пластины с волнистыми краями и рельефным изображением львиной головы на конце (рис. 2, 7). Кроме того, известны литые пластинчатые браслеты с рельефным орнаментом на концах в виде геральдических лилий — кринокопечные (рис. 2, 13) с продольными валиками на лицевой стороне (рис. 2, 14).

Найденные на городских поселениях бронзовые и биллоновые перстни, так же как и браслеты, многочисленны и разнообразны (рис. 2, 1, 17). Интересны два серебряных печатных квадрифолийных перстня, найденных в Серенске. Печать одного из них орнаментирована очень тонким геометрическим узором (рис. 2, 3), на другом изображение стерто. Квадрифолийные перстни попадаются очень редко, причем из семи найденных ранее экземпляров три обнаружены на землях вятичей¹⁹. Как и квадрифолийный перстень из Новгорода²⁰, вятические серебряные перстни, очевидно, отлиты по восковой модели. Пластинчатые и рубчатые перстни отливались в каменных формах. Известна литейная форма для изготовления рубчатых перстней (рис. 3, 1) и колтов (рис. 3, 3). Найденны на городищах и выполненные в ней перстни. Ажурные, монетовидные, крестовидные, плоские привесочки (рис. 2, 4—6, 12) сопровождаются и литейными формами для их изготовления (рис. 3, 2), что свидетельствует о несомненно местном производстве всех этих мелких украшений.

¹⁸ Г. Ф. Корзухина. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания, рис. 4, 2; М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.).— МИА, № 65, 1959, стр. 246, рис. 8, 14—19.

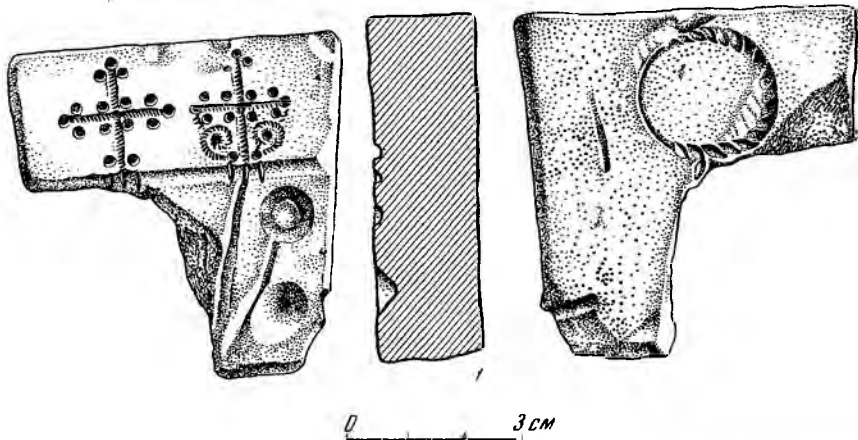
¹⁹ А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 79, рис. 75—77, стр. 87.

²⁰ Н. В. Рындина. Технология производства..., стр. 240.

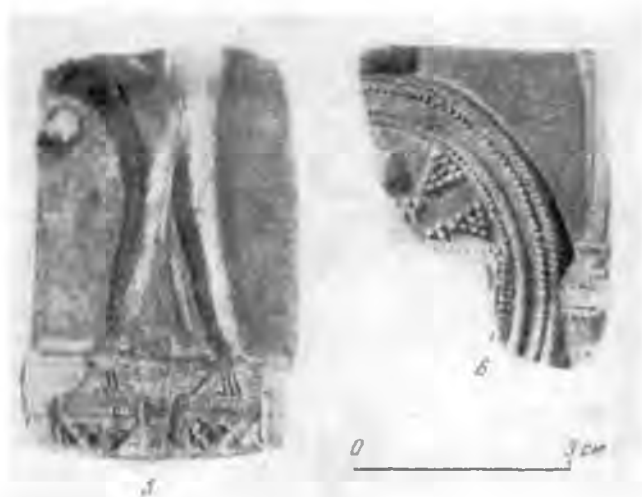
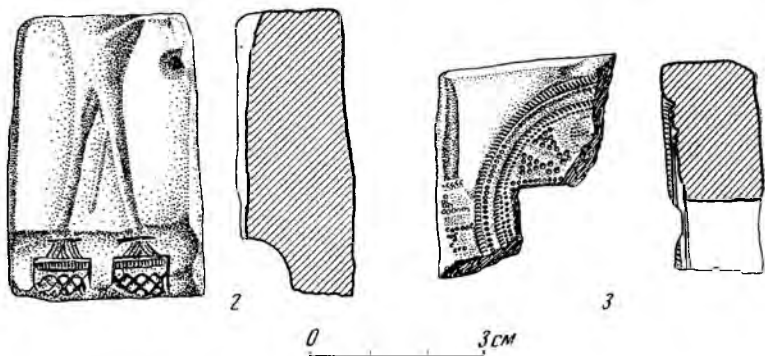
Рис. 2. Украшения и матрицы

1, 17 — бронзовые перстни; 2 — серебряный браслет; 3 — серебряный квадрифолльный перстень; 4—6, 12 — бронзовые подвески к ожерелью; 7, 14—16 — части браслетов; 8 — бронзовая матрица для изготовления амулета; 9 — часть створчатого браслета; 10, 11 — бронзовые матрицы для изготовления бус и колтов; 13 — бронзовый браслет

4

Рис. 3. Литейные формы и оттиски украшений, сделанных в них
1 — двусторонняя литейная форма; 4 — оттиски украшений, сделанных в литейных формах

Литейные формы и оттиски украшений, сделанных в них
2 — литейная форма для изготовления привесок; 3 — литейная форма
для изготовления колтов; 5—6 — оттиски украшений,
сделанных в литейных формах

Кроме литья, местным «златокузнецам» хорошо была известна и техника тиснения серебряных и золотых вещей на матрицах. Медные чечевицеобразные матрицы из Серенска служили для тиснения серебряных колтов, украшенных на черном фоне выпуклым рисунком геральдического зверя (рис. 2, 11). Были найдены и серебряные колты с изображением геральдического зверя, выполненные в подобной технике (Слободка, клад серебряных вещей)²¹. Известны медные плосковыпуклые овальные матрицы различных размеров для тиснения серебряных полых бус (рис. 2, 10)²² и плоская круглая медная матрица с изображением фантастического зверя, кусающего себя за хвост, — сюжет довольно известный в древнерусском прикладном искусстве (рис. 2, 8).

Мы затронули лишь некоторые вопросы, связанные с развитием железообрабатывающего ремесла и ювелирного дела в городах земли вятичей. На отдельных примерах мы пытались показать, что и в этой земле, которую историки еще недавно считали глухой окраиной, также существовало развитое специализированное ремесло. Разнообразная продукция, изготовленная из черного и цветных металлов, найденная в этих городах, свидетельствует о том, что местные мастера, работавшие не только на заказ, но и на рынок, были квалифицированными специалистами, овладевшими необходимыми техническими навыками, известными в древней Руси.

²¹ Т. Н. Никольская. К вопросу о феодальных «замках» в земле вятичей. — Культура древней Руси. М., 1966, стр. 188, рис. 3, 1, 2.

²² Большие серебряные овальные бусины довольно часто встречаются вкладах бассейна верхней Оки, например в Тереховском (Г. Ф. Корзухина. Русские клады..., стр. 140), Шмаровском (там же) и у с. Кресты (там же, табл. IX, 8, 9).

ДРЕВНИЕ БРОНЗОВЫЕ УКРАШЕНИЯ ИЗ ТУШКОВА ГОРОДКА

М. Г. Рабинович

Городище Тушков Городок в верховьях Москвы-реки, на правом ее берегу (Можайский район Московской области), имеет довольно мощный культурный слой. Раскопками, которые велись в течение трех полевых сезонов, установлено, что этот слой делится на два горизонта: верхний отложился в XIV—XVI вв., а нижний — в XI—XIII вв. Судя по тому, что под древний вал уходит лишь тонкая полоска культурного слоя, Тушков был неукрепленным поселением очень недолго и вскоре стал городом и крепостью¹. Через центр поселка протекал в древности ручей, который сыграл в дальнейшем большую роль при устройстве крепости. В начальный период существования Тушкова, в XI в., ручей, с его пологим левым и крутым правым берегами, видимо, делил городок на две части. В то время через ручей был перекинут деревянный мост.

При расчистке остатков этого моста между досками нашли часть сильно коррозированного бронзового украшения², оказавшегося длинной фигурной бляшкой с приливами в виде колечек по краям (рис. 1, 1). Центральная ее полоса занята орнаментом, имитирующим плетение. Бляшка того же типа, но более крупная, ажурная (рис. 1, 2), найдена значительно западнее Тушкова, на Бородинском городище³. Гораздо ближе типологически к тушковской находке бляшка из раскопок Н. И. Репникова в Старой Ладогe (рис. 1, 3)⁴. Г. П. Гроздилов и П. Н. Третьяков считают эту вещь «северо-восточной», указывая аналогии среди находок в бассейне Камы и в поздних погребениях Котловского могильника⁵. Однако в Котловском могильнике нет сколько-нибудь близкой аналогии бляшкам из Старой Ладогы и Тушкова, о которых идет речь в данном случае. Мы нашли их в известной коллекции Теплоуховых, опубликованной А. А. Спицы-

¹ М. Г. Рабинович. Крепость и город Тушков.— СА, XXIX—XXX, 1959. Публикуемо здесь материалы не вошли в указанную статью.

² Описание № 177/158 хранится в музее Истории и реконструкции г. Москвы.

³ В. В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли.— МИА, № 92, 1960, стр. 115, рис. 60, 4.

⁴ Старая Ладога. Л., 1948, табл. XII, 5.

⁵ Г. П. Гроздилов, П. Н. Третьяков. Описание находок из раскопок в Старой Ладогe, произведенных Н. И. Репниковым в 1909—1913 гг.— Старая Ладога, стр. 83—84.

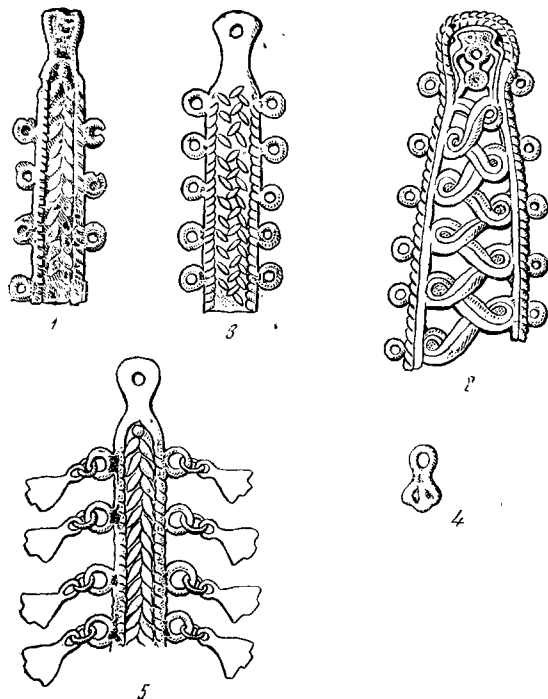

Рис. 1. Бронзовые украшения

1 — фигурная бляшка из Тушкова Городка; 2 — бляшка с Бородинского городища; 3 — бляшка, найденная в Старой Ладоге; 4 — привеска из Тушкова Городка; 5 — финно-угорская бляшка с привесками

ным в «Древностях камской чуди»⁶. Одно такое украшение найдено у дер. Михалевой Чердынского уезда Пермской губернии, другое — у с. Рождественского на р. Обве. А. А. Спицын называет их «костыльками» для прикрепления подвесок. Дата обоих «костыльков» — XI в.⁷ Бляшка из Тушкова относится к нижнему пласту культурного слоя XI—XIII вв. и также может быть датирована XI в. Староладожское украшение было найдено во втором слое Земляного городища, т. е. в слое XI—XIII вв. В курганах Южного Приладожья есть украшения, не тождественные этим бляшкам-«костылькам», но близкие им по характеру. Это продолговатые орнаментированные щитки с колечками по сторонам, к которым прикреплены

⁶ А. А. Спицын. Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых.— МАР, № 26, 1902.

⁷ Там же, табл. XIII, 14; XVIII, 13; стр. 37.

цепочки с копоушками и разными миниатюрными предметами на концах. «Из некоторых находок видно,— пишет Н. Е. Бранденбург,— что они носились в составе нагрудных украшений». Судя по находкам в одном из погребений вместе со шпиками просверленных дирхемов VIII и X вв., дата их — не позднее XI в.⁸

Итак, приведенные аналогии позволяют предполагать, что в Тушкове и Старой Ладогe найдены части нагрудных украшений — центральные бляшки, к которым прикреплялись различные привески. О том, какого характера были эти привески, можно судить по другому украшению, найденному в Тушкове неподалеку от первого, на берегу древнего ручья. Это литая бронзовая привеска в виде гусиной лапы (рис. 1, 4), какие часто встречаются среди финно-угорских вещей X—XI вв. А. А. Слицын пишет, что они появляются в X в., распространены в XI и исчезают в XII в.⁹ Такие привески могли соединяться с центральной бляшкой при помощи короткой цепочки или одного только проволочного колечка, продававшегося в отверстия привески и бляшки, как это показано на рис. 1, 5. Все три бляшки — из Тушкова, с Бородинского городища и из Старой Ладогы — сломаны и не имеют нижнего конца. Поэтому реконструировать украшение полностью не представляется возможным. Вероятно, во все колечки вставлялись привески, не обязательно одинаковой формы (цепочки, бубенчики, гусиные лапы и т. п.), а на конце могло быть какое-нибудь острие, как у копоушек, или такая же привеска, как и по бокам. Словом, описываемые нами находки относятся к типу так называемых шумящих привесок, характерных для финно-угорских племен.

То обстоятельство, что в Тушкове и на Бородинском городище найдены части этих украшений, немаловажно. Оба эти памятника находятся в области славянской колонизации. В. В. Седов, обнаружив среди вещей Бородинского городища семипалестные височные кольца, отмечает, что эти места были колонизованы вятичами¹⁰. Материал из Тушкова Городка — сплошь древнерусский. Но, видимо, в ранний период существования поселка, в конце XI — начале XII в. (может быть, даже до постройки первых укреплений), славянское население его было связано с северо-восточными и северо-западными финно-угорскими племенами. О северо-западных связях свидетельствует найденный в том же горизонте под валом наконечник копья, имеющий точные аналогии в приладожских курганах¹¹.

⁸ Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. — МАР, № 18, 1895, табл. V, 2, стр. 49, 131, 132.

⁹ А. А. Слицын. Указ. соч., стр. 38.

¹⁰ В. В. Седов. Указ. соч., стр. 113.

¹¹ М. Г. Рабинович. Указ. соч., стр. 267—268.

ТИПОЛОГИЯ И ХРОНОЛОГИЯ ЛОПАСТНЫХ ВИСОЧНЫХ КОЛЕЦ

Т. В. Равдина

По современной классификации древнерусских украшений, «эволюционный ряд семилопастных височных колец состоит из 13 типов, генетически друг с другом связанных»¹. 1 тип — простые, остальные 12 — более сложные: сростнозубцовые, решетчатые, подзорчатые, ажурные («и подзорчатые и решетчатые») кружевные, семязычковые, простые, семязычковые подзорчатые, семязычковые ажурные, пятилопастные простые, пятилопастные подзорчатые, пятиязычковые кружевные, трехлопастные кружевные².

Простые семилопастные височные кольца встречаются одинаково часто в вятических курганах всех трех стадий, датированных А. Б. Арциховским XII, XIII и XIV вв. Сложные лопастные височные кольца датированы А. В. Арциховским XIII или XIV в.³ Когда создавалась эта типология, на 565 простых семилопастных колец одного типа было известно лишь 48 экземпляров остальных 12 сложных типов, причем 13 из 48 происходили из одногоклада (Белевского). К настоящему времени простых семилопастных височных колец известно вдвое больше⁴, а сложных — лишь на несколько экземпляров и то за счет пятилопастных и сростнозубцовых. Сложные лопастные встречаются в погребениях очень редко. Многочисленные же простые семилопастные подразделяются на виды, очень отличающиеся друг от друга (рис. 1). Впервые различие внутри простых семилопастных височных колец заметил Б. А. Рыбаков: «Интересно развитие семилопастных височных колец: древнейшие из них с округлорасширенными лопастями сменяются секировидными лопастями»⁵. Я хочу более подробно обосновать положение о типологическом и хронологическом различии внутри простых семилопастных височных колец.

¹ А. В. Арциховский. Основные вопросы археологии Москвы.— МИА, № 7, 1947, стр. 17.

² А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 49—55.

³ Это ясное положение Арциховского было неверно понято: «В вятических курганах семилопастные кольца простого типа датируются XII в.; в курганах XIII—XIV вв. они встречаются реже, чем семилопастные кольца других типов» (М. В. Седова. Ювелирные изделия Новгорода (X—XV вв.).— МИА, № 65, 1959, стр. 224).

⁴ Т. В. Равдина. Царицынские курганы.— СА, 1963, № 4.

⁵ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 554, примечание 38

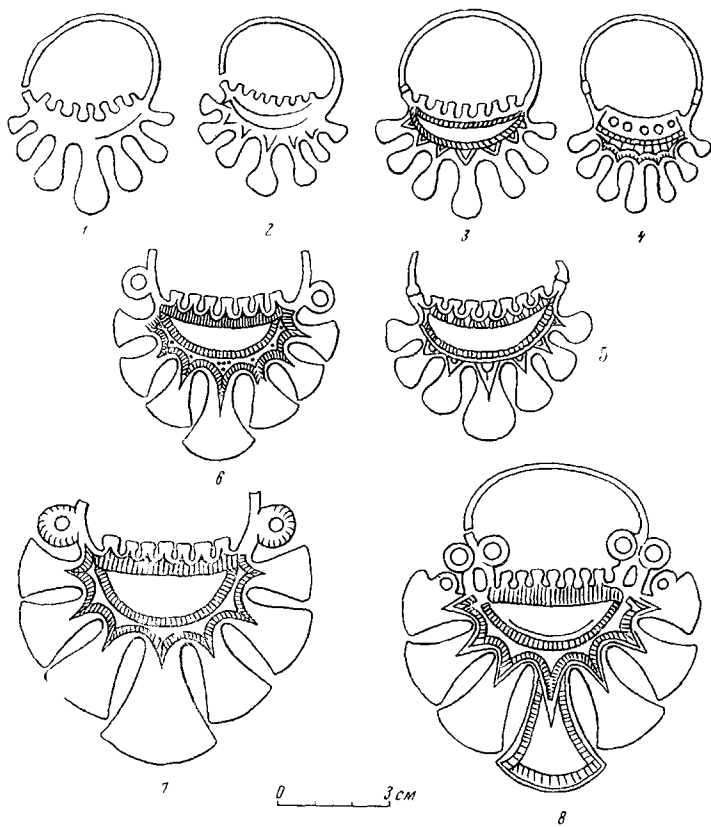

Рис. 1. Виды «простых» семилопастных височных колец

- 1 — Черемушки, 1—2; 2 — Черный ручей; 3 — Шишимрово, 21;
 4 — Купанское; 5 — Беседы, 2; 6 — Царицыно, 5; 7 — Дубки, 5;
 8 — Лихвинский клад (АИЗ, 1895, т. VI, стр. 186, фото 11)

Вятические курганы с семилопастными кольцами датируются XII—XIII вв.⁶ Но в пределах этих двух столетий существовали более ранние и более поздние виды простых семилопастных колец.

Для ранней даты семилопастных важное значение имеет то обстоятельство, что с монетами XI в. они ни разу не встречены. Поэтому я считаю правильным тезис А. В. Арциховского о том, что «вятическая I стадия

⁶ А. В. Арциховский. Курганы вятичей; Т. В. Равдина. О датировке вятических курганов.— СА, 1965, № 1.

«в целом моложе погребений с монетами XI в. и сама она не может быть древнее XII в.»⁷

Семилопастные височные кольца редко, но встречаются вместе с такими вещами XI в., как золоченые и серебряные стеклянные бусы и бубенчики с крестовидной прорезью.

Золоченые и серебряные бусы характерны для XI — начала XII в., что доказано неоднократно⁸. В Гнездовских курганах X — начала XI в. ни разу не встречены золоченые бусы; в вятических курганах XII—XIII вв. они встречаются редко. Новгородская хронология подтверждает датировку золоченых бус XI — началом XII в. Бубенчики с крестовидной прорезью датируются X—XI вв.: в Гнездовских курганах найдены бубенчики только с крестовидной прорезью, на Екимауцком городище X в. — тоже. Эти же бубенчики абсолютно преобладают и в радимических курганах XI в. По новгородской хронологии, бубенчики с крестовидной прорезью существовали в X—XI вв. В вятических курганах XII—XIII вв. уже абсолютно преобладают более поздние бубенчики со щелевидной прорезью. В 262 известных мне погребениях икладах с лопастными височными кольцами золоченые бусы встречены 16 раз, бубенчики с крестовидной прорезью — 8 раз и 1 раз встречены те и другие вместе. Какие же именно семилопастные кольца встречены вместе с этими наиболее ранними видами вещей в вятических погребениях?

Самым ранним семилопастным кольцом, очевидно, нужно считать то, что было положено в погребение вместе с бубенчиком с крестовидной прорезью и с ожерельем из золоченых и серебряных бус, — это кольцо из кургана у Черного ручья Ельнинского района Смоленской области (рис. 1, 2).

Такой же формы семилопастные кольца найдены в кургане 2 Черемушкинского могильника (рис. 1, 1), кургане 9 в группе Ступенки I, кургане 5 у Бочарова, кургане 25 у Харлапова, в Шишимрове (рис. 1, 3), в погребении 2 Купанского могильника (рис. 1, 4)⁹. Эти ранние семилопастные кольца все небольших размеров, не имеют боковых колечек, лопасти их каплевидной формы, расставлены далеко друг от друга и не орнаментированы; орнамент на щитке не всегда четкий, в лопасти заходят одинарные или двойные треугольники. Этот орнамент на щитке я обозначаю как первый орнамент (рис. 1, 2, 3, 5).

Горшки из погребений, где обнаружены эти семилопастные кольца, имеют острый или неутолщенный венчик и орнамент на большей части

⁷ А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 148.

⁸ М. В. Фехнер. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. — Тр. ГИМ, вып. 33, 1959, стр. 160; Т. В. Равадина. Шишимровские курганы. — Культура древней Руси. М., 1966, стр. 225—226.

⁹ Чтобы не обременять текст статьи сносками на инвентарные музейные паспорта тех вещей, которые здесь упоминаются, ссылаюсь на свою картотеку курганных вещей, которая хранится в ИА АН СССР. В ней есть выходные данные каждой вещи и каждого кургана.

тулова. Они обычно датируются XI в. По сопутствующим ожерельям из хороших золоченых бус и по горшкам XI в. архаические семилопастные кольца из Черного ручья, Ступенок и Шишимрова можно датировать XI в. Но имея в виду, что вместе с семилопастными кольцами ни разу не встречены монеты XI в., датой архаических семилопастных колец нужно считать конец XI или рубеж XI—XII вв. Подтверждение этой дате дает архаическое семилопастное кольцо из Купанского могильника: вместе с ним был пайдеп нож, сделанный по технологии рубежа XI—XII вв.¹⁰

Все остальные семилопастные кольца, встреченные в погребениях вместе с золочеными бусами¹¹, кроме колец из кургана I—1 у Матвеевской, имеют небольшие размеры, первый орнамент, лопасти уже не каплевидные, а скругленные, и, как правило, не имеют боковых колечек (рис. 4, 4). Сопровождающие их единичные золоченые бусы — небольшие и плохого качества — являются эпитомами золоченых бус XI в. и твердо датируются началом XII в., т. е. временем, когда оканчивается изготовление золоченых стеклянных бус. Дата равных семилопастных колец подтверждается их корреляцией с бронзовыми витыми браслетами. По относительной хронологии витых из одной проволоки браслетов мы знаем их последовательность от старших к младшим типам: тройные, четверные, 2×3 , 2×4 , 3×3 , 4×3 . Если витые тройные браслеты очень редко встречаются вместе с золочеными бусами, то витые браслеты остальных типов с вещами XI — начала XII в. не встречаются. Из 17 погребений, где встречены вместе семилопастные височные кольца и золоченые бусы, витые браслеты найдены только в двух: в Ступенках, курган I—9 — тройной браслет — и в Матвеевской, курган I—1 — браслеты четверной и 4×3 . В первом случае при полновесных золоченых бусах и архаических семилопастных кольцах витой тройной браслет является равным (я доказывала в статье «О датировке вяжических курганов», что тройные витые браслеты появились на рубеже XI—XII вв., а не в XIII в., как считалось до сих пор). Во втором случае, где семилопастные кольца имеют развитые формы и найдены вместе со сложными витыми браслетами, шесть золоченых плохого качества бус являются анахронизмом.

Семилопастные кольца, встреченные вместе с бубенчиками с крестовидной прорезью¹², имеют перлый орнамент, скругленные лопасти и почти все они без боковых колечек. Ни в одном из девяти названных в примечании 12 погребений нет витых браслетов.

Мы разобрали все семилопастные височные кольца, найденные в погребениях вместе с архаическими для XII в. вещами: золочеными стеклян-

¹⁰ А. В. Куза, А. Л. Никитин. Славянский могильник в пос. Купанское близ г. Переславля-Залесского. — КСИА АН СССР, вып. 104, 1965.

¹¹ Беседы, курганы 2, 8, 24, 22, 24, 29, 32; Блошино; Матвеевская, курганы I—1 и II—3а; Никольское, курган 4; Трашкочичи; Ушмары, курган 3.

¹² Беседы, курганы 15-а, 23, 30; Никольское, курган II—1; Одинцово, курган VII—17; Савино, курган 11; Спас-Тушино, Царицыно, курган 2; Черный ручей.

ными бусами, бубенчиками с крестовидной прорезью, горшками XI в., и выяснили, что они имеют формы, изображенные на рис. 1, 1—5, и не встречены с витыми браслетами. Формы на рис. 1, 1—4 — самые ранние, относящиеся к концу XI—рубежу XI—XII вв. Формы на рис. 1, 5 встречены и с архаическими вещами, но в большинстве случаев без них, и они могут быть датированы первой половиной XII в. Как правило, они с витыми браслетами не встречаются.

На следующей ступени развития семилопастных колец на щитке появляется второй орнамент. Он представляет собой заштрихованную полосу, заходящую в каждую лопасть острыми городками (рис. 1, 6—8). Самой поздней чертой семилопастных колец явилась секировидная форма лопастей. Как правило, секировидные лопасти и второй орнамент связаны друг с другом, но есть редкие кольца со скругленными лопастями и со вторым орнаментом (Беседы, курган 11; Покровское, курган 15).

Семилопастные простые кольца со вторым орнаментом на щитке, с секировидными лопастями, с обязательными боковыми колечками (по одному, редко по два-три с каждой стороны) и с размерами большими, чем у семилопастных колец начала XII в., найдены вместе с витыми браслетами (в частности, все сложновитые браслеты встречаются только с этими семилопастными) и никогда не сопровождаются золочеными бусами, бубенчиками с крестовидной прорезью и завязанными браслетами. В кургане 8 Митяевской группы с такими семилопастными кольцами найдено овальное кресало середины XII—XIII в. В Новгороде обнаружено два развитых семилопастных кольца в слоях конца XII — начале XIII в.¹³ Эти развитые семилопастные кольца (рис. 1, 6—8), как и сложновитые браслеты, относятся к стадиям II—III вятических курганов. Их можно датировать второй половиной XII—XIII в. Изредка развитые семилопастные кольца сопровождаются более ранними формами (Волково, курган 31; Серенск, раскопки 1966 г., погребение 5; Матвеевская, Серафимо-Эпаменский скит; Палецкие, курган 4). Такие погребения можно датировать в пределах середины — второй половины XII в.

Семилопастные развитые (и производные от них трехлопастные) наибольших размеров являются позднейшими среди лопастных (Дубки, курган 5; Орешково, курган 3; Никольское, курган I—10; Иславское; Саларево; Зюзино; Лобаново; Чертаново, курган 4) и бесспорно относятся к XIII в. Косвенным подтверждением этой даты служит замечание В. И. Сизова — А. В. Арциховского о том, что изображения на квадрифолийных перстнях из Шмаровского клада и Никоновского кургана (где найдены семилопастное ажурное и трехлопастные кружковые кольца) напоминают фантастических животных владими́ро-суздальского зодчества первой половины XIII в.

¹³ М. В. Седова. Указ. соч., стр. 224, 225.

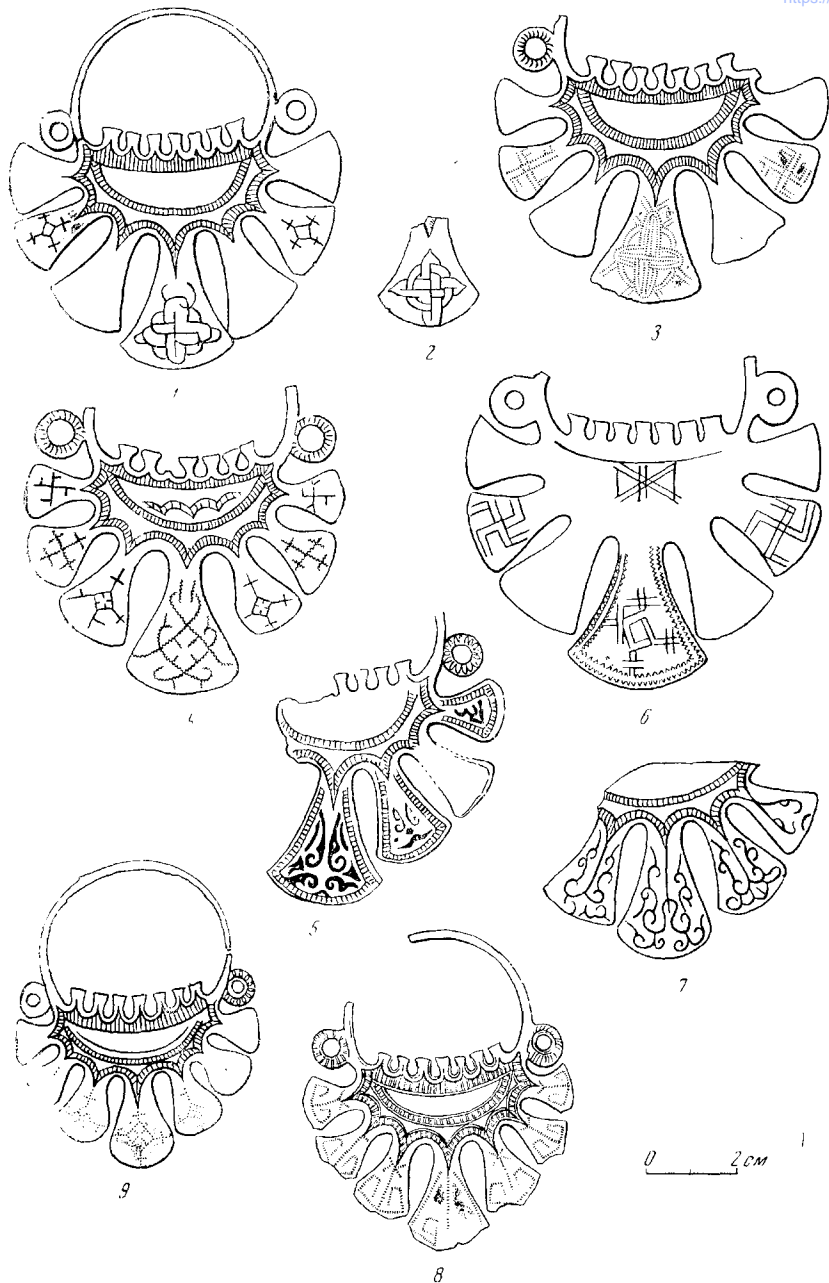

Рис. 2. Орнаментированные семилопастные височные кольца

1 — Дубки Царицынские; 2 — Матвеевская; 3, 4 — Зюзино; 5 — Веригино; 6 — Дубки; 7 — Никольское, 10; 8 — Царицыно, 5; 9 — Покровское, 15

Сложные лопастные кольца — производные от простых развитых семилопастных — (решетчатые, подзорчатые, ажурные и кружевные) большей частью сопровождаются простыми семилопастными кольцами развитого вида. Из 19 погребений и 2 (Шмаровского и Белевского) кладов, в которых встречаются дериваты простых семилопастных колец, 4 погребения и Шмаровский клад содержат только сложнлопастные кольца, без простых, а в остальных 15 погребениях и Белевском кладе сложные лопастные кольца сопровождаются простыми семилопастными развитых форм. Очевидно, они датируются XIII в.

Пятилопастные простые височные кольца не являются поздними производными от простых семилопастных. В основном пятилопастные кольца найдены в погребениях вместе с более ранними семилопастными, без витых браслетов и без сложных лопастных колец: из 12 погребений с простыми пятилопастными кольцами витые браслеты встречены в трех, причем в двух случаях это ранние витые браслеты — тройные. В третьем случае пятилопастное простое кольцо попало в погребение Ивино 1 вместе с пятилопастным подзорчатым кольцом, с развитыми семилопастными кольцами и со сложновитыми браслетами. Еще в 1940 г. было высказано соображение о том, что простые пятилопастные кольца следует датировать не XIII, а XII в.¹⁴ Простые пятилопастные кольца в памятниках XIII в. не встречаются.

Несколько десятков семилопастных колец имеют орнамент на лопастях или (реже) в центре щитка (рис. 2). Большей частью это прочерченный и реже литой орнамент. Очевидно, В. И. Сизов неправильно считал литой «арабский» орнамент более ранним по отношению к обычному русскому второму орнаменту на щитке¹⁵. Ведь все кольца с орнаментом на лопастях или в центре щитка обязательно имеют второй орнамент. Как правило, дополнительно орнаментируются развитые крупные семилопастные кольца самого позднего вида.

¹⁴ И. В. Савков. Курганы с. Черемушки.— Сборник научных студенческих работ, вып. II, М., 1940, стр. 76. В статье «Основные вопросы археологии Москвы» А. В. Арпиховский согласился с И. В. Савковым относительно датировки черемушкинских курганов началом XII в. и, следовательно, с датировкой пятилопастных колец тем же временем, поскольку такое кольцо было в одном из курганов.

¹⁵ В. И. Сизов. О происхождении и характере курганных височных колец преимущественно так называемого московского типа.— АИЗ, III, 1895.

О КЕРАМИКЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

И. П. Русанова

Памятники середины и начала второй половины I тысячелетия н. э., известные к настоящему времени в бассейне верхнего и среднего течения Днепра, четко делятся на три локальные группы. Это, во-первых, памятники типа Колочина — Тушемли в Верхнем Поднепровье, Подесенье и бассейне Березины, во-вторых, памятники типа Корчак, распространенные на правобережье Днепра, южнее Припяти (Житомирщина и Вольтынь), и, в-третьих, памятники типа Пеньковки, занимающие области по Днепру вплоть до Надпорожья и по верховьям Южного Буга (рис. 1). Различия между этими локальными группами проявляются прежде всего в самом массовом и характерном материале — в лепной керамике. Остальные стороны материальной культуры изучены еще не в должной мере и судить об их локальных особенностях пока трудно.

Различные типы лепных сосудов этого времени имеют четко очерченные ареалы, в каждом из которых господствуют удивительно единообразные формы сосудов. На севере, в Верхнем Поднепровье, в бассейнах Десны и Березины распространены высокие тюльпановидные сосуды с раструбообразной верхней частью и усеченно-копической нижней и сосуды с такой же нижней половиной и почти цилиндрическим верхом. Обе эти формы очень близки, различие между ними состоит лишь в более резком перегибе, образующем ребро в средней части сосудов второй формы. Сосуды обеих форм имеют всегда наибольшее расширение в средней части тулова, у них совсем нет плечиков.

П. Н. Третьяков делит территорию распространения сосудов этого типа на две культурные области: в южной части Верхнего Поднепровья и по Десне были распространены, по его мнению, памятники типа Колочина, которые он считает славянскими, а в северной части — памятники типа Тушемли, принадлежавшие балтам. Различие между керамикой северной и южной областей П. Н. Третьяков видит в отсутствии сосудов с ребром в верхнем слое городища Тушемля, хотя и признает близость в керамике и в общем характере сооружений между городищами Тушемля и Колочин¹. Но городища Тушемля и Колочин датируются несколько по-разному:

¹ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966, стр. 269, 277; П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древнейшие городища Смоленщины. М., 1963, стр. 30.

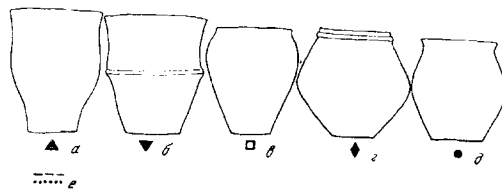
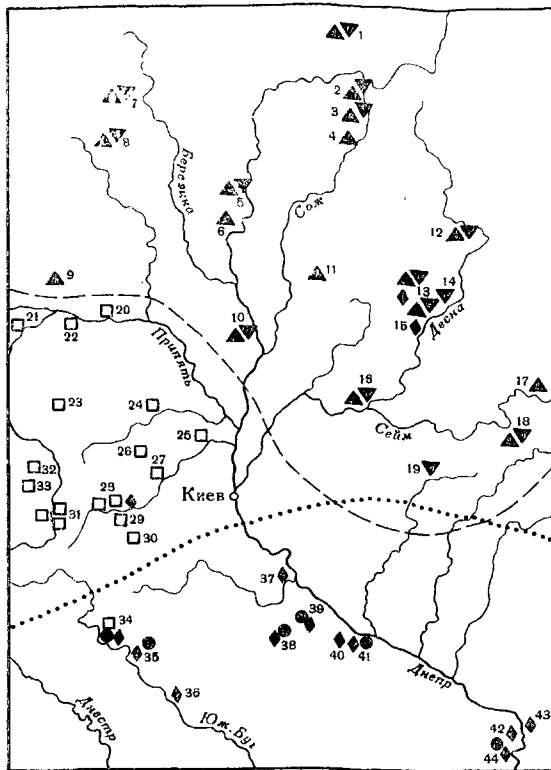

Рис. 1. Схема распространения различных типов сосудов третьей четверти I тысячелетия н. э.

1 — Акатово; 2 — Демидово; 3 — Лахтево; 4 — городище Тушемля; 5 — Новый Быхов; 6 — Нижняя Тощица; 7 — Вегомль; 8 — Банцеровщина; 9 — Вирки; 10 — Колочин; 11 — Демьянки; 12 — Смолинь; 13 — Посудичи; 14 — Макча; 15 — Кветунь; 16 — Сосница; 17 — Авдеевка; 18 — окрестности Суджи; 19 — Артюховка; 20 — Петриков; 21 — Хотомель; 22 — Хильчицы; 23 — Зубовичи; 24 — Селец; 25 — Приборск; 26 — Стырты; 27 — Коростышев; 28 — Корчак; 29 — Тетеревка; 30 — Лука-Райковецкая; 31 — Мирополь; 32 — Кануны; 33 — Киянка; 34 — Семенки; 35 — Самчинцы; 36 — Гайворон; 37 — Канев; 38 — Пастерское; 39 — Степовка; 40 — Пеньковка, урочище Молочарни; 41 — Пеньковка, урочище Луг; 42 — Волошское; 43 — Игрень; 44 — Узонеще

а — тюльпановидные сосуды; б — сосуды с цилиндрическим верхом (а, б — тип Колочина — Тушемля); в — сосуды типа Корчак; г — биконические сосуды типа Пеньковки, д — округлобокие сосуды типа Пеньковки; е — границы археологических культур

Колочинское городище относится к VI—VIII вв.², верхний слой городища Тушемля — к IX в.³ Этим, очевидно, и объясняется различие в их керамике. На памятниках, одновременных Колочину, распространенных в северной части Верхнего Поднепровья, на Смоленщине, реберчатые сосуды хорошо известны (Ляхтеевское и Демидовское городища, городище и могильник у с. Акатово). Е. А. Шмидт, исследовавший Акатовский могильник и Демидовское городище под Смоленском, находит ближайšie аналогии сосудам из этих памятников среди керамики из верхнего слоя городища Тушемля и Колочинского городища⁴. В верхнем слое Банцеровщинского городища под Минском, керамику которого П. Н. Третьяков сближает с керамикой верхнего слоя Тушемля, наряду с тюльпановидными сосудами тушемлинского облика известны и сосуды с ребром⁵. Таким образом, и в северной, и в южной частях Верхнего Поднепровья распространены однотипные сосуды, однако при этом «изменение форм керамики идет по пути изживления реберчатых форм»⁶, на что совершенно справедливо указывает П. Н. Третьяков.

Материалы верхнего слоя Тушемля связываются с более ранними слоями на этом же городище и с другими ранними памятниками Смоленщины, принадлежавшими несомненно балтскому населению⁷.

Связь этого материала с более поздней славянской культурой не прослеживается. Поэтому П. Н. Третьяков считает, что «группировка восточных балтов, обитавшая в Верхнем Посожье, была потеснена, а может быть, и разгромлена славянским населением»⁸. В результате этого разгрома в середине или конце VIII в. городища балтов были сожжены, а на местах их славяне стали хоронить своих покойников в длинных курганах. «Керамика, происходящая из длинных курганов, совсем не похожа на посуду местных балтов. Это сосуды с отчетливо профилированной шейкой, передко орнаментированные по плечикам гребенчатыми штампами»⁹. Такая же картина наблюдается в Акатове, где над могильником с керамикой, близкой посуде Тушемля и Колочина, были насыпаны курганы, содержавшие совсем другую, хорошо профилированную посуду¹⁰.

Такой же разрыв между культурой типа Колочин — Тушемля и достоверной славянской роменско-боршевской культурой существует и в южной части Верхнего Поднепровья. Так, в Колочине «посуда позднейшего вре-

² Э. А. Симонович. Городище Колочин I на Гомельщине. — МИА, № 108, 1963, стр. 135.

³ П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Указ. соч., стр. 17.

⁴ Е. А. Шмидт. Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тысячелетия н. э. — МИА, № 108, 1963, стр. 54, 62.

⁵ Материал хранится в Институте истории АН БССР в Минске.

⁶ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне..., стр. 270.

⁷ П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Указ. соч., стр. 25—26.

⁸ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне..., стр. 282.

⁹ Там же, стр. 282.

¹⁰ Е. А. Шмидт. Указ. соч., стр. 56—67.

мени, видимо, принесенная чуждыми племенами, разорванными городище, также резко отличается своими особенностями от обоих типов горшков середины I тысячелетия н. э.»¹¹ Эта посуда позднейшего времени представлена горшками с хорошо выраженными плечиками и сковородками роменского облика¹². Завоевателям, принесшим эту посуду, принадлежала и полуземлянка с печью-каменной, открытая Э. А. Сымоновичем около Колочинского городища. Точно так же керамика могильника у с. Кветунь на Десне, аналогичная колочинской, по мнению П. Н. Третьякова, заметно отличается от роменской¹³. Следовательно, и в южной части Верхнего Поднепровья в последних веках I тысячелетия н. э. происходит смена населения, что признает и Э. А. Сымонович¹⁴. Здесь, так же как и в северной части Верхнего Поднепровья, культура местного, дославянского, населения вытесняется пришлой славянской культурой.

Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья, бассейнов Сожа, Десны и Березины позволил В. Н. Топорову и О. Н. Трубачеву прийти к выводу, что с самой отдаленной древности основным этническим компонентом на исследуемой территории вплоть до бассейна Припяти и Сейма на юге были балты¹⁵. Значительное количество балтийских гидронимов и сплошной, довольно равномерный характер их распределения свидетельствуют об относительно недавнем пребывании балтов на этой территории — еще в первых веках II тысячелетия н. э. Постепенно это балтское население было ассимилировано славянами¹⁶. Этот вывод лингвистов полностью согласуется с археологическими материалами: во всем Верхнем Поднепровье до последних веков I тысячелетия н. э. существуют единообразные памятники, а затем распространяется отличная от них культура славян.

Археологические памятники середины и начала второй половины I тысячелетия н. э., характеризующиеся сосудами типа Корчак, были распространены на правобережье Днепра, южнее Припяти, до Западного Буга. Сосуды типа Корчак представлены высокими стройными горшками с коническим туловом, слегка суженным горлом и коротким, почти прямым венчиком. В отличие от посуды типа Колочина и Тушемли все горшки корчакского типа имеют наибольшее расширение в верхней части тулова и у них определено выражены плечики. Но наиболее существенной особенностью керамики типа Корчак является ее непосредственная генетическая связь с более поздней, несомненно славянской керамикой конца I — нача-

¹¹ Э. А. Сымонович. Городище Колочин I на Гомельщине, стр. 135.

¹² Э. А. Сымонович. О связях лесных и лесостепных раннесредневековых культур Поднепровья.— СА, 1966, № 3, стр. 257.

¹³ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне..., стр. 257.

¹⁴ Э. А. Сымонович. О связях лесных и лесостепных раннесредневековых культур Поднепровья, стр. 40.

¹⁵ В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, стр. 232.

¹⁶ Там же, стр. 236.

ла II тысячелетия н. э. Эта преемственность хорошо прослеживается по материалу городища Хотомель¹⁷ и ряда памятников, раскопанных в последние годы в окрестностях Житомира. Здесь, около с. Корчак, исследовано несколько поселений с очень однородной и наиболее типичной керамикой ранних форм. На более поздних поселениях у сел Буки и Тетеревка наряду с типичной корчакской керамикой появляются сосуды с более отогнутым венчиком, сильно выраженными плечиками, иногда несколько призмистые. На этой керамике изредка появляется ямочный орнамент по венчику и волнистый по тулову. На еще более позднем поселении в урочище Шумск на р. Гнилопяти, относящемся уже к концу I тысячелетия н. э., господствуют сосуды развитых форм, с сильной профилировкой верхней части (керамика типа Луки-Райковецкой). На этом же поселении появляются примитивные типы гончарной посуды, которые позднее распространены на памятниках времени Киевской Руси.

Ранние сосуды типа Корчак на правобережье Днепра, отличающиеся строго выдержанной формой и определенными пропорциями, очень близки сосудам пражского типа, распространенным в южной части Польши, в Чехословакии, на территории ГДР, в Югославии и Румынии. Наибольшее сходство обнаруживают самые ранние сосуды пражского типа и типа Корчак, известные далеко не по всему ареалу этой керамики¹⁸. В дальнейшем в различных районах развитие керамики пражского типа шло несколько иными путями, чем развитие корчакских сосудов, но всюду оно привело к созданию средневековой славянской керамики. Различия в посуде проявляются уже в материалах VII—VIII вв., и сосуды типа Луки-Райковецкой имеют аналогии лишь в Болгарии¹⁹ и Румынии²⁰. Поэтому сравнение более поздних и развитых вариантов керамики Украины с сосудами западнославянских земель, ведущее к утверждению различий между пражской и корчакской керамикой²¹, неправомерно. Однородность пражской и корчакской керамики была большей в ранний период; позднее, в VII—IX вв., становится заметно разделение славянской керамики на локальные группы, а не нивелировка ее, как считают П. Н. Третьяков и Э. А. Сымолович²².

Последовательная преемственность керамики типа Корчак и достоверно славянской посуды конца I — начала II тысячелетия н. э., которая про-

¹⁷ Ю. В. Кухаренко. Средневековые памятники Полесья — САИ, вып. Е1—57, 1961, стр. 8—10.

¹⁸ *Kultur und Kunst der Slaven in Deutschland vom 7. bis 13. Jahrhundert*. Berlin, 1965.

¹⁹ Ж. Вължарова. Славянски и славянобългарски селища в Българските земи VI—XI век. София, 1965.

²⁰ К. Poredt. *Ceramica slavă din Transilvania*.— *Studii și cercetări de istorie veche*, т. II. București, 1951.

²¹ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне..., стр. 251—252.

²² Там же, стр. 254; Э. А. Сымолович. О связях лесных и лесостепных ранне-средневековых культур Поднепровья, стр. 39.

слеживается и по типологическому развитию керамики, и по стратиграфическим наблюдениям, тесная связь этой керамики с культурой западных славян, распространение корчакских памятников на территории с древней славянской гидронимикой²³ — все это несомненно доказывает славянскую принадлежность памятников с керамикой типа Корчак.

Э. А. Симонович сближает корчакские сосуды с сосудами из городища Колочин²⁴. Помимо «общего стиля» керамики, который выражается в наличии «удлиненно-баночных форм», что само по себе еще очень неопределенно, он указывает на отдельные формы биконических сосудов и сосудов с валиком под венчиком, встреченные в Корчаке. Первая из этих форм представлена в Корчаке сравнительно низкими и широкими сосудами с резко выраженной биконичностью. Она не имеет ничего общего с колочинскими высокими сосудами с ребром в средней части тулова и почти цилиндрическим верхом. Вторая особенность — валик под венчиком сосуда — встречается в Корчаке на горшках с выпуклыми плечиками и туловом, а не на баночных, почти непрофилированных сосудах, как в Колочине. «Плечистость» сосудов из Корчака имеет гораздо большее значение, чем склонен думать Э. А. Симонович, так как это один из характерных признаков поздней славянской керамики. Сосуд корчакского профиля, который упоминает Э. А. Симонович, был найден около Колочинского городища и принадлежал именно завоевателям, уничтожившим это городище; никакого отношения к керамическому комплексу Колочина он не имеет. Но самое существенное различие между корчакской и колочинской керамикой заключается в их дальнейшей судьбе: развитие сосудов типа Корчак привело к возникновению средневековой славянской керамики, тогда как развитие колочинской керамики было прервано распространением чуждой культуры.

Южнее ареала памятников типа Корчак, в Среднем Поднепровье и по верхнему течению Южного Буга в начале второй половины I тысячелетия н. э. были распространены памятники третьей группы — типа Пеньковки. На наиболее ранних памятниках этой группы (в урочище Молочарня на р. Тясмин, на некоторых поселениях Надпорожья, у сел Семенки и Гайворон на Южном Буге и др.) основной формой керамики являются сосуды с округлым или биконическим туловом²⁵. В отличие от двух предшествующих групп керамики у сосудов типа Пеньковки высота почти равна их наибольшему диаметру, поэтому они не кажутся такими удлиненными, как сосуды типа Корчак или Колочин. Наибольшее расширение у пеньковских

²³ В. В. Седов. Из истории восточнославянского расселения.— КСИА АН СССР, вып. 104, 1965, стр. 3—5.

²⁴ Э. А. Симонович. О связях лесных и лесостепных раннесредневековых культур Поднепровья, стр. 43—44.

²⁵ Д. Т. Березовец. Поселение уличей на р. Тясмине.— МИА, № 108, 1963; В. П. Петров. Стецовка, поселение третьей четверти I тысячелетия н. э. (по материалам раскопок 1956—1958 гг. в Потясминье).— Там же; П. И. Хавлюк. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга.— Там же.

сосудов обычно находится на середине высоты, а диаметры дна и горла у них почти равны, от этого сосуды производят впечатление или шаровидных или, при выраженном перегибе тулова, ребристых²⁶. Большинство сосудов имеет короткий и прямой или отогнутый наружу венчик, а биконические сосуды часто бывают совсем без венчика. Некоторые сосуды под горлом украшены налпным валиком.

В целом округлые и биконические сосуды типа Пеньковки коренным образом отличаются от вытянутых и почти непрофилированных сосудов типа Колочина и Тушемли. Однако отдельные формы с ребром и сравнительно слабо выраженной профилировкой, известные на некоторых памятниках типа Пеньковки, а также несколько биконических сосудов, найденных на Десне (Кветунь, Посудичи), позволяют говорить о взаимном влиянии культур северного и южного ареала. Особенно ощутимы связи этих культур на левобережье Днепра, где в последнее время открыт ряд новых памятников в бассейнах Сулы и Псла. Пеньковские сосуды проникают на левобережье далеко на восток, найдены они и при раскопках салтовского могильника на Северском Донце²⁷. Точно так же памятники северного ареала продвигались к югу и, возможно, с этим движением связаны находки в Поднепровье северных балтских вещей с выемчатыми эмальями²⁸. Несмотря на некоторые точки соприкосновения, различия керамических комплексов Пеньковки и Колочина — Тушемли настолько велики, что нельзя согласиться с П. Н. Третьяковым в том, что «реберчатая керамика, характерная для ранних тясминских, надпорожских и верхнебугтских поселений, могла иметь лишь верхнеднепровское происхождение»²⁹. Этому выводу П. Н. Третьякова противоречит еще то обстоятельство, что пеньковская керамика, по-видимому, имела некоторые местные корни.

Многие исследователи отрицают полностью связь между керамикой типа Пеньковки и керамическим комплексом черняховской культуры⁵⁰. Однако среди лепной керамики черняховской культуры значительное место занимают сосуды с округлым и биконическим туловом, в общих чертах близкие пеньковским. Особенно часто эти сосуды встречаются в северных районах распространения черняховских памятников — в северной части Среднего Поднепровья, бассейнах Южного и Западного Буга (Компанийцы, Журовка, Косаново, Бовшив, Рипшев и др.). Черты сходства между черняховскими и пеньковскими памятниками суммированы Э. А. Сьмоно-

²⁶ Д. Т. Березовец. Указ. соч., стр. 161, рис. 9, 2, 3, 5—9; В. П. Петров. Указ. соч., стр. 220, рис. 5.

²⁷ Раскопки С. А. Плетневой у с. Дмитровское Белгородской области.

²⁸ Х. А. Моора. О древней территории расселения балтийских племен.— СА, 1958, № 2, стр. 27—28.

²⁹ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне..., стр. 271.

³⁰ См.: П. Н. Третьяков. О древностях середины и третьей четверти I тысячелетия в южных частях Верхнего Поднепровья.— СА, 1965, № 4, стр. 66.

вичем³¹. Следует отметить, что в черняховских комплексах сосуды, близкие пеньковским, составляют лишь незначительную часть и никогда не бывают представлены в чистом виде. По-видимому, только часть населения, оставившего черняховскую культуру, приняла впоследствии участие в создании культуры типа Пеньковки. Население начала второй половины I тысячелетия восприняло лишь некоторые местные черты, в частности биконические формы керамики. Точно так же славянские племена на западе и северо-западе славянского мира восприняли биконические сосуды эпохи переселения народов и создали своеобразные формы керамики, например торновский тип сосудов, характерный для лужичан в междуречье Одера и Эльбы³², и ребристые формы сосудов в северной части Польши³³.

На нескольких памятниках типа Пеньковки встречены единичные сосуды, относящиеся к типу Корчак, например на поселении у с. Семенки на Южном Буге³⁴. Гораздо больше на пеньковских памятниках керамики типа Луки-Райковецкой. Она появляется на сравнительно ранних поселениях (Луг I и II около Пеньковки), сосуществует с типично пеньковскими биконическими и округлобкими сосудами в одних комплексах и постепенно вытесняет их. На более поздних памятниках (поселения у сел Самчинцы, Коржовка, Макаров Остров) лепные и гончарные сосуды типа Луки-Райковецкой господствуют, хотя изредка еще попадаются старые биконические формы. Так как керамика типа Луки-Райковецкой типологически не связывается с пеньковской посудой, а имеет прямые генетические корни в керамике типа Корчак, то приходится признать, что более северная славянская культура постепенно проникает в область распространения пеньковских памятников и подчиняет их себе. Дальнейшее развитие славянской культуры южного ареала было прервано в конце I тысячелетия нашествием кочевых племен.

Различия в керамике трех локальных групп памятников середины и начала второй половины I тысячелетия н. э., известных в Верхнем и Среднем Поднепровье, нельзя объяснить разным уровнем развития культуры и экономики, как это пытается делать Э. А. Сымонович³⁵. Каждая из этих групп отличается особенностями материальной культуры, имеет особое происхождение, свой путь развития и находится в определенных отношениях со славянской культурой конца I — начала II тысячелетия н. э., что является решающим при постановке вопроса об этнической принадлежности археологических культур второй половины I тысячелетия.

³¹ Э. А. Сымонович. О связях лесных и лесостепных раннесредневековых культур Поднепровья, стр. 45—50.

³² Y. Neustupný. Příspěvek k datování hradištní keramiky u Polabí.— *Slavia Antiqua*, т. I. Požnaň, 1948.

³³ W. Lega. Kultura pomorza we wczesnem średniowieczu na podstawie wykopalisk. Toruń, 1930.

³⁴ П. И. Хавлюк. Указ. соч., стр. 324, рис. 5, I.

³⁵ Э. А. Сымонович. О связях лесных и лесостепных раннесредневековых культур Поднепровья, стр. 45.

АМУЛЕТЫ-КОПЬКИ ИЗ ДРЕВНЕРУССКИХ КУРГАНОВ

В. В. Седов

Зооморфные привески-амулеты не являются специфичными деталями восточнославянского женского костюма. Количество курганных захоронений, в которых они найдены, по сравнению с числом исследованных древнерусских курганов очень невелико (менее 1%). На восточнославянских землях зооморфные привески распределены крайне неравномерно. Почти все они встречены в курганах северной части древнерусской территории, там, где славяне соприкасались с изоязычным населением, и совсем неизвестны в южнорусских землях (Киевщина, Волынь, Поднестровье). Часть зооморфных амулетов, снабженных бахромой из шумящих подвесок («утиные лапки», бутылкообразные бубенчики), принадлежит к числу типичных финно-угорских украшений. Их появление в древнерусских курганах обусловлено контактом славян с финноязычными племенами и связанным с ним ассимиляционным процессом¹.

Однако в коллекции вещей из древнерусских курганов имеются зооморфные украшения — амулеты, по-видимому, не связанные с финно-угорским миром. К ним принадлежат, в частности, пластинчатые привески в виде копытка (рис. 1). Форма их стандартна: на голове стилизованные уши, хвост загнут вверх и образует колечко для подвешивания, ноги согнуты. Тело копытка всегда украшено циркульным орнаментом. Стандартная форма этих привесок и сосредоточение их на Смоленщине дали основание Б. А. Рыбакову высказать предположение об изготовлении их в одном центре — в Смоленске или поблизости от него².

Рассматриваемые копычковые привески обычно встречаются вместе с другими амулетами, среди которых наиболее часты бронзовые привески-ложечки (свыше 20), бубенчики (около 20), просверленные зубы животных (более 10) и косточки сливы или иных плодов. Реже копычковые привески сопровождаются бронзовыми привесками — гребнями, ключами, игольниками и крестиками. Эти амулеты носили обычно на груди на специальных цепочках, реже в составе ожерелий. Пожалуй, цепочка являлась почти обязательной составной частью амулетных привесок. Длина цепочек

¹ В. В. Седов. Финно-угорские элементы в древнерусских курганах.— Культура древней Руси. М., 1966, стр. 246—251.

² Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 458.

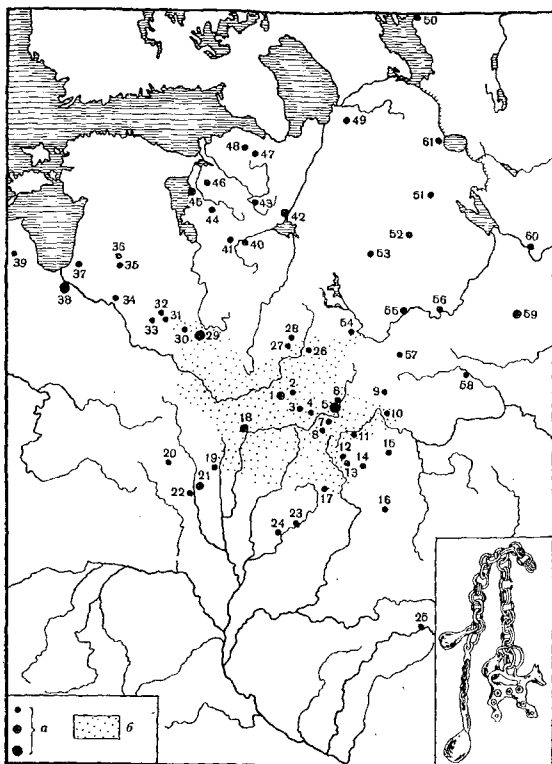

Рис. 1. Распространение коньковых амулетов

1 — Саки; 2 — Слобода; 3 — Новоселки; 4 — Мазиново; 5 — Харлапово; 6 — Трухоново; 7 — Мутышино; 8 — Бородино; 9 — Паново; 10 — Бочарово; 11 — Акули Бор; 12 — Кокханы; 13 — Трашковицы; 14 — Коляно; 15 — Серенск; 16 — Радовице; 17 — Сукромля; 18 — Грозивец; 19 — Эсьмоны; 20 — Селище; 21 — Вирнов; 22 — Устиж; 23 — Влазовичи; 24 — Смяличи; 25 — Гочево; 26 — Угрюмово; 27 — Бенца-Барузда; 28 — Горопецкий район; 29 — Остенец; 30 — Плакутица; 31 — Лудзас Одукалис; 32 — Кивты; 33 — Делпудере; 34 — Пливию Радзес; 35 — Рауна; 36 — Трикатас Лубумуйка; 37 — Чиекури; 38 — Даугмале; 39 — Талсы; 40 — Каменка; 41 — Дубовно; 42 — Новгород; 43 — Удрай; 44 — Полицы; 45 — Калиховщина; 46 — Савиновщина; 47 — Вошша; 48 — раскопки Л. К. Ивановского; 49 — Щуковщина; 50 — Чельмужи; 51 — Крестпы-Городок; 52 — Сорогожа; 53 — Федово; 54 — Вацлавское; 55 — Андреевское; 56 — Глинники; 57 — Жилые Горы; 58 — Беседы; 59 — Исаково; 60 — Вовдженье; 61 — Мятно-Зворыкино

Не нанесены на карту шведская, пермская и тартуская находки, а также три конька из Владимирских курганов (пункты неизвестны)

а — пункты находок амулетов-коньков (малый кружок — одна находка, средний — две-три находки, большой — три-четыре находки); б — ареал днепро-двинской культуры (субстрат смоленско-полодских кривичей)

различна — от весьма длинных (свыше 1 м)³ до коротких, состоящих из трех — пяти звеньев. Цепочки прикреплялись к одежде при помощи одного из звеньев, которое, видимо, продевалось сквозь ткань. Лишь в очень редких случаях для закрепления цепочек на одежде использовали пряжки (Бочарово, Гочево, Щуковщина)⁴ или черепашковидные фибулы (Апера-

³ Самая крупная цепочка с коньковой привеской происходит из Прибалтики. Она состоит из девяти рядов, длина каждого из них равна 1,1 мм (РК, стр. 67, табл. 12, 1).

⁴ Н. И. Булычов. Раскопки по среднему течению р. Угры. — Записки Московского археологического института, т. XXXI, 1913, стр. 71—72; Д. Я. С а м о к в а с о в. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии. М., 1915, стр. 28; Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. — МАР, № 18, 1895, стр. 111.

ден)⁵. В составе шейных ожерелий коньки-привески встречены лишь дважды. В Людинском могильнике ожерелье, в которое входил коньковый амулет, состояло из раковин каури и бубенчиков⁶. В ожерелье из кургана в Виркове, кроме конька, входили бронзовые бусы и монетовидные привески⁷. Иногда коньки привешивались при помощи кожаных ремешков.

Как правило, амулеты помещали на груди с левой стороны. Исключения немногочисленны. В одном из курганов Ярославского Поволжья (Воздвиженье) амулет, состоящий из конька рассматриваемого типа, ложечки, ключа и бубенчиков, был найден у тазовых костей погребенного с правой стороны⁸. Такое же положение цепочки с амулетами — коньком, ложечкой и плодовой косточкой — отмечено еще в одном кургане Волго-Южлязьминского междуречья (Исаково)⁹. Обе эти находки обнаружены в древней мерянской земле. Такие типично финно-угорские привески, как полые уточки и некоторые шумящие подвески, финское население носило ниже пояса. Можно думать, что расположение коньковых амулетов в воздвиженском и исаковском погребениях среди тазовых костей обусловлено местной финно-угорской традицией.

Монетные находки дают основание для точной хронологии коньковых привесок рассматриваемого типа. Наиболее ранние из них на древнерусской территории происходят из Пановских курганов и Федовского грунтового могильника, где коньки найдены в комплексе с монетами X в.¹⁰ И то и другое захоронения с коньковыми амулетами датируются, по-видимому, первой половиной XI в. К X в. относится аналогичная коньковая привеска из Ашераденского могильника¹¹. Не исключено, что такие привески были в X в. и у славян, но из-за господства обряда трупосожжения не сохранились до наших дней. Одна из новгородских находок стратиграфически датируется началом XI в.¹² С монетами XI в. коньковые привески найдены пять раз (Воздвиженье, Калихновщина, Каменка, Саки, Щуковщина)¹³.

⁵ РК, стр. 67, табл. 12, 1.

⁶ А. А. Спицын. Людинский могильник.— МАР, № 14, 1893, стр. 26 (приложение).

⁷ Архив ЛОИА, д. АК, № 1892/69, л. 21.

⁸ Археологические исследования в РСФСР за 1934—1936 гг. (М.—Л., 1941, стр. 80.

⁹ А. С. Уваров. Меряне и их быт по курганным раскопкам.— Тр. I АС, т. I. М., 1874, стр. 822, 823.

¹⁰ А. А. Спицын. Отчет о раскопках С. А. Гатцука в Смоленской, Московской и Тульской губерниях.— ЗОРСА, т. V, вып. 1. СПб., 1905, стр. 116, 117. Архив ЛОИА, д. АК, № 1903/93, лл. 43, 60.

¹¹ РК, стр. 67.

¹² М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.).— МИА, № 65, 1959, стр. 230.

¹³ Археологические исследования в РСФСР за 1934—1936 гг., стр. 80; А. А. Спицын. Гдолские курганы в раскопках В. Н. Глазова.— МАР, № 29, 1903, стр. 103, 104; он же. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И. С. Абрамовым в Смоленской губернии.— ЗОРСА, т. VIII, вып. 1. СПб., 1906, стр. 200, 201; Н. Е. Брандербург. Курганы Южного Приладожья, стр. 114; Архив ЛОИА, д. АК, № 1899/107, лл. 7, 10.

К XII в. и, может быть, к началу XIII в. относятся подобные находки из захоронений в подкурганных могильных ямах (Акулин Бор, Бочарово, Грозивец, Харлапово, Вирков, Воздвиженье)¹⁴ и из жальничных погребений (Полицы, Савиновщина)¹⁵. Коньковая привеска из жальничного погребения в дер. Савиновщина найдена в комплексе с витым четверным браслетом (XII—XIII вв.). К началу XIII в. относится конек-амулет рассматриваемого типа (но без циркульной орнаментации), найденный в Новгороде¹⁶. Таким образом, изучаемые предметы были распространены в течение нескольких столетий — от X до XIII в.

Ареал амулетов-коньков охватывает северные земли восточнославянской территории, а наибольшая концентрация их наблюдается в области расселения смоленско-полоцкой группы кривичей (рис. 1). С территории Смоленской и Полоцкой земель происходит около $\frac{2}{3}$ курганных находок коньковых амулетов. О том, что такие амулеты были характерны почти исключительно для смоленских кривичей и полочан, можно судить и по анализу сопровождающих украшений. Хотя в области расселения радимичей, дреговичей и северян найдены единичные амулеты-коньки, они ни разу не были встречены совместно с этноопределяющими украшениями этих племен. Вятический курганный инвентарь вполне определенно свидетельствует о нехарактерности коньковых амулетов для этого племени. Зато в комплексе с браслетообразными завязанными височными кольцами рассматриваемые амулеты встречены не менее 12 раз (Андреевское, Бенцы, Вашловское, Жилые Горы, Калихновщина, Колчино, Мазиново, Полицы, Саки, Удрай, Харлапово)¹⁷. У псковских кривичей браслетообразные

¹⁴ Н. И. Савин. Раскопки курганов у Дарагабуским і Ельнінским паветах Смоленской губернии.— Працы, т. II. Минск, 1930, стр. 234; Н. И. Булычов. Раскопки по среднему течению р. Угры, стр. 71, 72; Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг. СПб., 1908, стр. 200; Археологические исследования в РСФСР за 1934—1936 гг., стр. 80; Е. А. Шмидт. Курганы XI—XIII вв. у дер. Харлапова в Смоленском Поднепровье.— Материалы по изучению Смоленской области, вып. 2, 1957, стр. 259, 260; Архив ЛОИА, д. АК, № 1892/69, л. 21.

¹⁵ И. Г. Данилов. Раскопки слушателей археологического института.— Сборник Археологического института, кн. 3. СПб., 1880, стр. 32; А. А. Спицын. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова, стр. 79.

¹⁶ М. В. Седова. Указ. соч., стр. 230.

¹⁷ А. К. Жизневский. О раскопках курганов Тверской губернии в 1882—1883 гг.— Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. XLIX, вып. 5. М., 1890, стр. 504; Я. В. Станкевич. К истории населения Верхнего Подвизья в I и начале II тысячелетия н. э.— МИА, № 76, 1960, стр. 316; А. А. Спицын. Отчет о раскопках С. А. Гагдука..., стр. 123; он же. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова, стр. 103—105; он же. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И. С. Абрамовым в Смоленской губернии, стр. 200, 201; он же. Раскопки 1910 г. в Лужском уезде Петроградской губернии.— ИАК, вып. 53, 1914, стр. 83; Н. И. Булычов. Раскопки по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги. М., 1903, стр. 31; А. П. Ляуданскі. Археолёгічныя досьледы ў Смаленшчыне.— Працы, т. III. Минск, 1932, стр. 34; И. Г. Данилов. Указ. соч., стр. 32; Е. А. Шмидт. Указ. соч., стр. 249—251, 259, 260; Коллекции ГИМ, планшеты 69/186.

завязанные височные кольца не получили распространения. В их курганах, характеризующихся зольной прослойкой в основании, найден только один коньковый амулет (Калихновщина, курган 70)¹⁸.

Почти совсем нет коньковых амулетов и в курганах Поильменя — центральной части территории новгородских словен. По-видимому, коньковые привески не были свойственны и этой этнической части восточного славянства. Правда, в шести курганах коньковые амулеты найдены совместно с ромбоштитковыми височными кольцами (Каменка, Новоселки, Саки, Селище, Угрюмово, Харлапово). Но почти все эти находки происходят из тех восточнославянских областей, где появление ромбоштитковых височных колец, по всей вероятности, обусловлено территориальным смешением словен с кривичами вследствие инфильтрации первых в области кривичского расселения.

Находки коньков-амулетов в северных и северо-восточных районах древнерусской территории не противоречат предлагаемому выводу, поскольку все они происходят из тех областей Восточной Европы, где кривичская колонизация несомненна. Кроме древнерусской территории, аналогичные амулеты в количестве 14 экземпляров найдены в Прибалтике¹⁹, главным образом на памятниках древних латышских племен. Одна коньковая привеска рассматриваемого типа найдена в Скандинавии²⁰, одна — в Пермском крае²¹. Не исключено, что последние две находки попали в отдаленные от Смоленска и Полоцка земли в результате торговых взаимоотношений. Что касается прибалтийских находок, то их распространение, по-видимому, обусловлено несколько иными обстоятельствами.

При решении вопроса, почему коньковые амулеты получили распространение только у части кривичей, нужно обратить внимание на причины, приведшие к дифференциации этого племени. Членение кривичей на смоленско-полоцких и исковских обусловлено наличием различных субстратов.

Анализ курганных материалов и картографические сопоставления вполне определенно свидетельствуют, что смоленско-полоцкие кривичи как

¹⁸ А. А. Спицын. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова, стр. 103, 104.

¹⁹ Лудзас Одукалнс (А. А. Спицын. Люциньский могильник, табл. I, 4); Ашераден (RK, табл. 12, 7); Рауна (там же, табл. 18, II); Даугмале (Latviešu vēsture, s. I, d. 1. Rīgā, 1938, стр. 151, рис. 4; в Музее истории Латвийской ССР имеются четыре находки из этого городища: А 9964: 3196, 6483, 6651, 7138); Талси (Latviešu vēsture, стр. 151, рис. 5); Плявию Радзес и Трикатас Лубумуйжа (Э. С. Мугуревич. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965, стр. 91, рис. 39); Чиекури около Бирини (Музей истории Латвийской ССР); Кивты (Лудзенский музей, LdNM, № 1191); Лелпудере (Резекненский музей, инв. № 1280); Н. П. Журжалина сообщает, что такая находка есть еще в музее Тарту (Н. П. Журжалина. Древнерусские привески-амулеты и их датировка.— СА, 1961, № 2, стр. 130).

²⁰ E. M a n k e r. Lapparnas heliga ställen. Uppsala, 1957, рис. 14.

²¹ I. R. A s p e l i n. Antiquités du Nord Finno-Ougrien, т. II. Helsinki, 1877, рис. 642.

отдельная этнографическая единица восточного славянства сформировались в результате расселения славян на территории одной из племенных групп древних балтов (потомков носителей днепро-двинской культуры) и ассимиляции последних. Формирование псковских кривичей связано с прибалтийско-финским субстратным элементом²².

В связи с этим возникает предположение о субстратном происхождении коньковых амулетов смоленско-полоцких кривичей. Некоторое своеобразие курганов с находками таких амулетов, кажется, свидетельствует в пользу этого предположения. Так, среди курганов с находками коньковых привесок имеется немало насыпей, содержащих захоронения на специальной подсыпке (Жилые Горы, Харлапово, Трухоново, Калихновщина, Шуковщина). Такие курганы известны главным образом в тех областях, где в формировании славянского населения активное участие принимали балты. Два кургана с находками коньковых амулетов (Калихновщина, Селище)²³ имели каменный покров того типа, который характерен для западнобалтских племен. В большинстве могильников с находками рассматриваемых амулетов встречены захоронения с восточной ориентировкой (Бочарово, Вирков, Влазовичи, Грозивец, Калихновщина, Колчино, Коханы, Паново, Полицы, Селище, Смяличи, Сукромля, Трашковичи, Трухоново, Устиж, Федово, Харлапово, Эсьмоны). Следовательно, эти находки происходят в значительной степени из могильников, где имеются погребения славянизированных балтов²⁴. Наконец, нагрудные цепи, постоянно находимые в захоронениях с коньками-амулетами, являются специфически прибалтийским украшением.

В курганах тех древнерусских областей, где славяне не соприкасались с древнебалтским населением, эти украшения, как правило, не встречаются.

Известно, что культ коня был весьма популярен у древних балтов²⁵. Возможно, ношение коньков-амулетов смоленскими кривичами и полоцкими было связано с древним балтским культом коня.

В этой связи становится понятным распространение коньковых амулетов курганного типа в памятниках древних латышских племен. Распространяясь путем торговли, эти привески оседали там, где для них была благодатная почва. Латгалы, судя по всем археологическим данным, были ближайшим и, по-видимому, родственным племенем днепро-двинской племенной группы балтов. Поэтому основная часть прибалтийских нахо-

²² В. В. Седов. Кривичи.— СА, 1960, № 1, стр. 47—62.

²³ А. А. Спицын. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова, стр. 105; К. Тышкевич. О курганах в Литве и Западной Руси. Вильна, 1865, стр. 47—49.

²⁴ В. В. Седов. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах древней Руси.— СА, 1961, № 2, стр. 103—121.

²⁵ В. Н. Перцов. Культура и религия древних пруссов.— Ученые записки Белорусского университета, вып. 16. Серия историческая. Минск, 1953, стр. 347.

док коньков курганного типа происходит именно с латгальской территории.

Предположению о происхождении коньковых привесок курганного типа под воздействием балтского субстрата, на первый взгляд, противоречит то обстоятельство, что в памятниках днепро-двинских балтов I тысячелетия н. э. неизвестны их прототипы. Этот факт, с одной стороны, можно объяснить полной неизученностью погребальных памятников этого субстратного населения, а с другой — тем, что коньковые привески могли появиться уже у славяноязычного населения, не имея прототипов в памятниках местных балтов.

Появление этих амулетов могло быть связано не с древней производственной традицией, а с религиозными языческими представлениями субстратного населения.

НАХОДКА 1928 г. у г. НОВЫЕ СЕНЖАРЫ (По материалам обследования А. К. Тахтая)

А. Т. Смиленко

Среди памятников Среднего Поднепровья VI—VIII вв. одной из наиболее ярких групп являются клады драгоценных изделий. Из поднепровских кладов, составляющих несколько хронологических и типологических групп, могут быть выделены памятники, представляющие собой не клады в прямом смысле слова, а остатки погребений. К ним относится и так называемый Ново-Сенжарский, или Зачепиловский, «клад», найденный в 1928 г. на Полтавщине.

Обнаруженные в составе «клада» византийские монеты были сразу же определены Н. П. Бауером и впоследствии несколько раз упоминались в нумизматической литературе¹. Остальные вещи остались неопубликованными. Тем не менее Ново-Сенжарский (Зачепиловский) «клад» привлекался исследователями в ряде археологических работ. В. А. Гринченко рассматривает его как погребение и ссылается на него при перечислении аналогий вещам из Вознесенки². Г. Ф. Корзухина зачисляет находку в группу богатых кочевнических погребений³. М. Ю. Брайчевский относит эту находку к числу восточнославянских кладов, содержащих большое количество привозных изделий⁴. Наконец, мы привлекали этот «клад» в качестве аналогии в публикации Глодосского памятника⁵.

В связи с тем, что вещи Ново-Сенжарской находки погибли в период Отечественной войны, единственным источником для суждения о них являются архивные материалы, хранящиеся в Научном архиве Института археологии АН УССР⁶. К описанию вещей приложены фотографии 6 монет и 12 вещей (двух серег, подвески, перстня, пряжки, наконечника ремня и шести бляшек), а также рисунок наконечника стрелы. Фотографии

¹ В. В. Кропоткин. Клады византийских монет на территории СССР.— САИ, Е4—4, 1962, стр. 36.

² В. А. Гринченко. Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запорожжі.— Археологія, т. III. Київ, 1950.

³ Г. Ф. Корзухина. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э.— СА, XXII, 1955, стр. 68.

⁴ М. Ю. Брайчевський. Стародавні східні слов'яни.— Нариси стародавньої історії Української РСР. Київ, 1957, стр. 340.

⁵ А. Т. Смиленко. Глодоські скарби. Київ, 1965, стр. 340.

⁶ А. К. Тахтай. Ново-Санджарівський скарб 1928 р. Фонд ВУАК, № 109/17а.

Рис. 1. Новосенжарские вещи

1, 7 — серьги; 2—4, 6 — бляшки; 5 — перстень-печать; 8, 9 — наконечник ремня;
10, 11 — бляшки от сбруи; 12 — стеклянный кубок

остальных вещей, очевидно, утеряны. Опись предметов находки имеется также в Полтавском музее⁷. Две фотографии (одна — 44 вещей в крупном масштабе и другая — стеклянного сосуда) хранятся в архиве Ленинградского отделения Института археологии АН СССР⁸.

Вещи были найдены на окраине с. Зачепиловки, в 3 км от г. Новые Сенжары Полтавской области.

Изделия из золота (темно-желтого цвета, высокой пробы 92—96). Две серьги (парные) представляли собой несомкнутое проволочное кольцо с утолщением в нижней части и отростками вверх и вниз кольца (рис. 1, 7). На нижний отросток над утолщением кольца надеты и пришпаяны к нему два колечка из шести спаянных шариков зерни. Ниже колечек на отросток в свое время была, очевидно, надета бусина, как и на верхний короткий отросток. Диаметр серег 1,8 и 2,2 см, вес 3,75 и 3,63 г.

Две другие (парные) серьги также представляли собой несомкнутое проволочное кольцо с утолщением в нижней части, но имели не два, а три отростка (рис. 1, 1). Верхний, внешний, отросток сильно изогнут. Два нижних отростка расходятся в противоположные стороны от утолщенной части кольца. Внутрь кольца направлен короткий отросток с загнутым концом вниз от кольца отходит длинный прямой отросток, на который была надета, по словам находчиков, бусина из аметиста (сдана отдельно от серьги). По-видимому, в свое время бусы были надеты и на два других отростка. Диаметр серег 2 и 2,5 см.

Серьги, возможно, имели подвески⁹. Конструктивную основу подвесок составляют ажурные треугольные рамки (рис. 2, 2). Изготовлены они из литой фигурной проволоки, отдельные участки которой имеют шарообразную или биконическую форму. Боковые стороны подвесок состоят из двух подобных фигурных проволок и третьей гладкой, проходящей между ними. Фигурная проволока опущена также и с вершины подвесок до половины их высоты. На месте вершин треугольной рамки впаяны три круглых цилиндрических гнезда. Такие же два гнезда впаяны посередине основания рамки; сверху к ним пришпаяно третье гнездо яйцевидной формы. К гнездам, размещенным на основании рамки, подвешены на шарнирах (стерженьках, продетых в две петельки) конусообразные гнезда. Основания этих гнезд с лицевой стороны подвески имели оправы для вставок. Оправа центрального гнезда — высокая цилиндрическая, боковых гнезд — в виде низкого проволочного валика. Внизу гнезда оканчивались небольшими отростками (сохранились на двух гнездах одной из подвесок). Во всех гнездах подвесок вставки отсутствуют. На гладкие проволоки боковых сторон под-

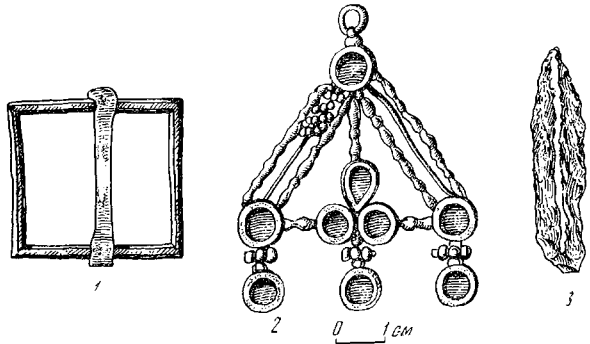
⁷ Каталог музея, инв. № 3792—3836, 3988—3991.

⁸ Архив ЛОИА, ф. 6 (А. А. Спицына), д. 330, лл. 279, 280.

⁹ В таком положении украшения, естественно, не носили. По-видимому, они были соединены подобным образом для удобства хранения. На фотографии в архиве ЛОИА украшения сняты в соединенном виде, на фотографии в архиве ИА АН УССР — в разрозненном, как на рис. 2, 2.

Рис. 2. Новосенжарские вещи

- 1 — пряжка; 2 — подвеска;
3 — наконечник стрелы

весок были надеты подвижные колечки из шести спаянных шариков зерни. Сохранилось четыре колечка на одной из проволок. На лицевой стороне шарики зерни были припаяны также к основанию ушка на вершине подвески, между тремя центральными гнездами и на петельках шарниров. Общая высота подвесок (без серег) 6,4 см, ширина основания 4,6 см, вес 26,21 и 25,24 г¹⁰.

Два массивных проволочных браслета с несомкнутыми расширенными концами и валикообразным утолщением посередине. Диаметры 7 и 6,8 см, вес 42,01 и 44,24 г.

Проволочный перстень с низким кольцевидным гнездом, украшенным по бокам двумя парами спаянных шариков зерни (вставка в гнезде не сохранилась). Диаметр 2,2 см, вес 3,8 г.

Перстень-печатка в виде массивного кольца, украшенного «бисерной резьбой», к которому на шарике зерни припаяна шестилепестковая розетка с полусферической чашечкой внутри (рис. 1, 5). Край чашечки окружен проволочным валиком и имеет два штифтика — лапки для закрепления камня. Диаметр кольца 2,4 см, высота перстня вместе с гнездом 3,5 см, вес 19,29 г.

Наконечник на ремень щитовидной формы. Спаян из двух пластинок — нижней плоской и верхней с загнутыми краями. У середины нижнего края есть отверстие для гвоздика, крепившего ремень, истлевшие остатки которого частично сохранились. С обеих сторон наконечник украшен тисненым орнаментом (рис. 1, 8, 9). На лицевой стороне — волнообразный узор в виде «бегущей спирали», на тыльной стороне в центре помещено «сердце», заполненное чешуйчатым орнаментом, окруженное треугольниками, полумесяцами, изображениями «летающих птиц». Размеры 2,8 × 3,2 см, вес 12,05 г.

¹⁰ Надо полагать, что указанный вес включает вес серег, к которым были подвешены подвески, поскольку вес серег с аметистовыми бусами отдельно не отмечен.

Семь кусков узкой витой ленты, возможно нагрудного украшения, общей длиной 97 см, весом 28,01 г.

Полусферическая подвеска с пластинчатым JI-образным ушком, диаметром 1,2 см, весом 0,7 г.

Накладные бляшки, большей частью поврежденные, тонкие листовые с загнутыми краями; многие имеют по две-три дырочки для прикрепления к предметам, которые они украшали. Среди бляшек пять трехлепестковых — $2,5 \times 2$ см (рис. 1, 6); три овалоподобные — $2 \times 1,5$ см; одна овальная — $3,1 \times 1,2$ см (рис. 1, 2); одна прямоугольная в двух обломках, с тисненым «цветочным» орнаментом, в рубчатой рамке — 4×3 см (рис. 1, 4); одна сегментовидная (фрагментированная) с тисненым орнаментом, в рубчатой рамке — $2,6 \times 1$ см; одна ромбовидная с закругленными концами, с тисненым орнаментом в виде псевдозерни — $4,5 \times 1,5$ (рис. 1, 3); две ромбовидные (в семи обломках) с закругленными концами — 5×2 см; шесть фрагментов аморфных бляшек. Общий вес бляшек 11,97 г.

Семь византийских солидов хорошей сохранности (рис. 3): один — Фоки (602—610 гг. н. э.), четыре — Ираклия с сыновьями (631—641 гг. н. э.), два — Константа II (641—668 гг. н. э.). Монеты Константа II чеканены, вероятно, до 646 г. н. э.¹¹

Изделия из серебра. Пряжка в виде квадратной рамки, округлой в сечении, с подвижным четырехгранным язычком, с клювовидно загнутым концом (рис. 2, 1). Размеры $3,5 \times 3,8$ см. Вес 18,2 г.

Бляшки-накладки на сбрую (18 целых и 2 обломка). Из них 16 полусферических диаметром 2 см и высотой 1,4 см (рис. 1, 10) и 2 полусферические с удлиненной «втулкой» диаметром 2—3,2 см (рис. 1, 11). Край бляшек загнуты в середину и плотно прилегают к внутренней поверхности стенок, выложенных тонкой листовой бронзой. На двух бляшках сохранились остатки бронзовых JI-образных петель, припаянных к верхушке бляшки изнутри и служивших для прикрепления бляшек к ремню. Сохранилось также пять подобных петелек отдельно от бляшек. Общий вес бляшек 73,75 г.

Изделия из бронзы. Обломок зеркала, с одной стороны гладко отполированного, а с другой — украшенного рельефным орнаментом в виде окружности, внутри и извне которой проходят изогнутые линии, образующие многоугольную звезду. Диаметр около 6 см.

Изделия из железа. Обломки сабли шириной 2,5 см с остатками деревянных ножен. На обломке рукоятки, на головке гвоздика, сохранился кусочек листовой золотой накладки.

Наконечники стрел (15 и несколько обломков) трехлопастные, черепковые, большей частью поврежденные (рис. 2, 3). Из них 10 — узкие, длиной 4—7 см, 5 — широкие, длиной 3—4 см. Последние — с дырочкой

¹¹ В. В. Кропоткин. Указ. соч., стр. 36.

Рис. 3. Византийские монеты. Новосенжарская находка
1-4 — Ираклий с сыновьями; 5 — Фока; 6 — Константин II

в нижней части сегментовидных лопастей (свистящие в полете). На некоторых из стрел сохранились остатки древка.

Мелкий обрывок кольчуги из круглых колец.

Части массивных удил (пять фрагментов): половина удила с остатками костяного псаля (?), и средней петлей второй их половины; обломок внешней части удила с остатками двух бронзовых петелек; две подобные бронзовые петельки.

Части двух стремян. Одно из них с широкой ровной подножной пластинкой шириной 3,5 см, которая загибается под прямым углом вверх и на половине высоты переходит в круглую в разрезе дужку. Дужка вверху изогнута в виде петли. Подножная пластинка имеет снизу продольный рельефный валик. Высота 16 см. От другого стремени сохранилась подножная пластинка шириной 2,5 см.

Пряжки от сбруи (шесть трапециевидной формы, сильно поврежденные, разных размеров). Из них три большие высотой 4 см, на одной сохранились остатки ткани, на другой — ремня и бронзового щитка (?); одна несколько меньше, высотой 3,5 см, с остатками бронзового щитка (?); две — небольших размеров, одна из них высотой 2,5 см, от другой сохранился обломок со следами щитка (?).

Массивная прямоугольная пластинка поврежденная, с остатками ткани с одной стороны, размерами 9 × 4,5 см.

Мелкие обломки неопределенной вещи. Один из них представляет удлиненную пластинку размерами 5 × 2,5 см, с загнутым краем, украшенную рядом рельефных концентрических кружков, обрамленных двумя парами рельефных линий.

Стеклянные и другие изделия. Полусферический граненый кубок из белого стекла с желтоватым оттенком (рис. 1, 12). Поверхность сплошь украшена вогнутыми гранями: шестиугольными (верхних три ряда), пятиугольными (четвертый ряд), округлыми (пятый ряд у дна). Дно представляет собой вогнутый диск. Высота 9 см.

Горло и днище сосуда, по-видимому кувшина, из тонкого зеленого стекла, округлобокого, с коротким горлом, переходящим в высокий фигурный венчик, с вогнутым днищем. По свидетельству находчиков, сосуд имел «ушко». Высота около 22 см, высота горла 8 см, диаметр горла 4 см.

Стеклянные, смальтовые и карнеоловые бусы (всего 17). Стеклянные: 3 мелкие синие чечевицевидные, синяя цилиндрическая, зеленоватая биконическая. Смальтовые: мелкие чечевицевидные (2 — черного цвета, 2 — кирпичного); 6 — с белыми «глазками» (шарообразная черная, цилиндрическая темно-серая, бочонкоподобная коричневая, 3 цилиндрические кирпичного цвета, из них две соединены). Карнеоловые желтого цвета — круглая и полукруглая. Большая сферическая халцедоновая (?) бусина черепашьего цвета с темными полосами диаметром 3,5 см.

Рядом с вещами обнаружены истлевшие кости коня: всего свыше 30 обломков (5 коренных зубов, 2 обломка нижней челюсти, скалистая часть

височной кости, фрагмент ребра, 2 обломка деформированного предплечья — все перечисленные кости имели следы зеленой окиси от лежавших рядом металлических вещей, 2 фрагмента надколенной чашечки, 2 эпифиза голени, 3 эпифиза путового, венечного и копытного суставов)¹².

* * *

Ново-Сенжарские находки можно разделить на пять категорий: 1) предметы личного убора (серьги, подвески, браслеты, перстни, пряжка и наконечник ремня, бусы) и туалета (зеркальце); 2) оружие (сабля, наконечники стрел, обрывок кольчуги); 3) предметы конского снаряжения (удила, стремена, пряжки и бляшки сбруи); 4) посуда (стеклянные кубок и кувшин); 5) византийские монеты. Золотые бляшки относятся либо к первой, либо ко второй категориям.

Вещевой комплекс, включающий оружие и конское снаряжение, а также кости коня, свидетельствует против интерпретации находки как клада; он характерен для погребального инвентаря, в частности погребального инвентаря воина. Поэтому наиболее вероятно предположение, что Ново-Сенжарская находка представляет собой остатки захоронения. Отсутствие среди остеологического материала костей человека можно объяснить по-разному. Костяк человека мог не сохраниться или, будучи плохой сохранности, остаться незамеченным. Отсутствие костей человека можно объяснить и особым характером памятника (кенотаф с захоронением коня?). Ценные золотые украшения и предметы убора, золотые монеты, перстень-печатка, сабля — знак воинского достоинства, дорогие в то время стеклянные сосуды — все эти вещи говорят о том, что их владельцем был знатный дружинник. Не должны нас удивлять и украшения. Эти памятники изобразительного искусства свидетельствуют, что в эпоху раннего средневековья знатные мужчины носили ожерелья, серьги и другие украшения.

Монеты, бывшие в составе инвентаря, чеканенные в период от 602 по 668 (646?) г. н. э., датируют погребение концом VII в. н. э. Хронологически и типологически находка относится к группе памятников перещипинского типа (Малое Перещипино, Макуховка, Келегей, Вознесенка, Глудосы). Обстоятельства открытия и состав этих богатейших находок Украины свидетельствуют о том, что по крайней мере часть из них происходит из погребений.

Предметы дружинного убора и снаряжения, а также украшения относятся к типам изделий, широко распространенным в Поднепровье и Северном Причерноморье, на Северном Кавказе и в Венгрии, а в отдельных случаях и за пределами этих областей. По-видимому, значительная их часть была изделиями местных мастеров. К числу привозных изделий относятся

¹² Кости были определены врачом Полтавской ветеринарной амбулатории Ф. В. Ильчинским.

византийские монеты, очевидно, стеклянные сосуды и перстень-печать. Аналогичные два перстня известны в составе Мерсинского клада византийских изделий, найденного в Малой Азии¹³.

Как уже упоминалось, находку у г. Новые Сенжары связывали и с кочевниками¹⁴, и со славянами¹⁵. Определить с достаточной точностью, представителю каких племен принадлежало захоронение, трудно из-за широкой распространённости вещей типа найденных. Кроме того, недостаточно ясны детали погребального обряда.

¹³ П. Кондаков. Русские клады, т. I. СПб., 1896, стр. 190, рис. 99, 100, табл. XVII, 4, 5.

¹⁴ Г. Ф. Корзухина. Указ. соч., стр. 68; В. В. Кропоткин. Указ. соч., стр. 10.

¹⁵ М. Ю. Брайчевский. Указ. соч., стр. 340. В. А. Гринченко колебался, отнести ли памятник к славянам или хазарам (В. А. Гринченко. Указ. соч., стр. 62—63).

ДРЕВНЯЯ РУСЬ И ВОЛЖСКАЯ БОЛГАРИЯ

А. П. Смирнов

Проблема мирных отношений между волжскими болгарами и Русью получила разрешение только благодаря археологическим исследованиям. Летописец этому вопросу уделял мало внимания, останавливаясь главным образом на внешнеполитических событиях и характеризуя преимущественно военные столкновения этих государств. Под 1006 г. отмечен торговый договор Киева и болгар, дошедший до нас в передаче Татищева¹, да упомянут привоз хлеба из Волжской Болгарии в Суздальскую землю в 1024 г.² У Татищева есть указание на переселение болгар в Суздальскую землю³. Можно напомнить также сведения о привозе строительного материала с Волги из Болгарских земель⁴ и об участии болгарских мастеров в строительстве замечательных соборов Владимира. Известен факт династических связей болгар с русскими князьями: супруга Андрея Боголюбского была болгаркой. В летописи отмечен еще один случай мирных отношений болгар и Руси: в 1229 г. болгарский князь отправил великому князю Юрию 30 насадов пшеницы, получив в ответ ценные ткани и украшения⁵. Все остальные сведения русской летописи касаются военных столкновений между болгарскими и русскими князьями. Это были обычные феодальные распри, характерные для того времени. Организаторы походов ставили своей задачей захватить ценности и «ополониться» челядью. Систематические военные столкновения между Русью и Волжской Болгарией на протяжении 400 лет застопорили мирные культурные связи между этими народами.

За последние десятилетия, главным образом в связи с постройкой крупных водохранилищ, в Среднем Поволжье были произведены большие археологические исследования. Они дали богатый материал, освещающий проблему культурных взаимосвязей Руси и болгар в домонгольское и послемонгольское время (X—XV вв.).

Этому периоду истории обоих государств предшествовала эпоха, в которую налаживались и укреплялись связи населения Поднепровья с на-

¹ В. Н. Татищев. История Российская, т. II, 1768, стр. 88, 89.

² ИСРЛ, т. II, вып. I, М., 1962, стб. 134.

³ В. Н. Татищев. Указ. соч., т. III, стр. 79.

⁴ В. Доброхотов. Древний Боголюбов город. М., 1952, стр. 70.

⁵ В. Н. Татищев. Указ. соч., т. III, стр. 454—455.

родами и племенами Среднего Поволжья. В числе вещей, документирующих эти связи, можно назвать ажурную подвеску IV—VII вв. из собрания Моршанского музея, украшенную выемчатой эмалью⁶ и напоминающую аналогичные вещи Киевщины или Мощинского городища. Большой интерес представляет чуждый культуре Поволжья Рождественский могильник (Татарская АССР). По обряду погребения (трупосожжения в урнах) он весьма близок славянскому Вольщевскому могильнику VIII—IX вв., расположенному в лесостепи, на самой границе с причерноморскими степями (Сумская область), где кочевали болгарские орды. В материале ранних поселений болгар Поволжья, например селища Криуши на берегу р. Тушны в Ульяновской области⁷, была обнаружена керамика, напоминающая по форме и орнаментации вольщевскую. Жилища на этом поселении — прямоугольные полуземлянки с глинобитными печами в углу — аналогичны славянским жилищам лесостепной полосы не только VIII—IX вв., но и последующих столетий. Такие же жилища были обнаружены на Троицком городище и в урочище Ага-Базар близ г. Болгара (одна полуземлянка)⁸.

Таким образом, тесные, по-видимому мирные, взаимоотношения волжских болгар с лесостепным славянским населением Поднепровья прослеживаются уже на материалах конца I тысячелетия н. э.

Особенно активизировались связи Волжской Болгарии с Русью в период развитого средневековья — во II тысячелетии н. э. На многих поселениях сельского типа и в городах нередко находки русских шиферных пряслиц, принесенных в Поволжье коробейниками. В культурных слоях этих поселений масса гончарной посуды курганного русского типа, которая выделяется из массы болгарской керамики. По-видимому, ею пользовались русские переселенцы, ушедшие в Поволжье.

Древнерусские вещи встречаются в большом количестве в западной части Болгарского государства, на поселениях болгар по казанскому течению Волги, на городищах Великие Болгары и Джуке-Тау. В то же время их почти нет в восточных районах Болгарии (в Бияльс, Суваре и на других менее крупных поселениях).

Особенно многочисленны находки русских вещей в Великих Болгарах. Здесь, помимо грубой серой гончарной и более поздней беловатого тона посуды, нередко обломки сосудов с поливой киевского типа. Эта посуда распространена по всему правобережью Волги на городищах домонгольского времени. Ее находили в Криушах, на Андреевском и Тигашевском городищах, в Хулаше. Чрезвычайно часто находят наряду с пряслицами

⁶ П. П. Иванов. Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Моршанск, 1952, стр. 9.

⁷ Н. В. Тухтина. Раскопки 1957 г. близ с. Криуши Ульяновской области.— МИА, № 80, 1960, стр. 146, 147.

⁸ К. А. Смирнов. Раннеболгарская землянка в урочище Ага-Базар.— МИА, № 80, 1960, стр. 155.

и керамикой бипирамидальные и призматические сердоликовые бусы. В отличие от русской посуды эти бусы встречаются и значительно восточнее, например в Суваре⁹. Следует также отметить находки бронзовых и серебряных типично русских украшений. Так, в одном из богатых домов, расположенных в центральной части городища Великие Болгары, найдены обломки бронзовых крестов и височных трехбусинных колец. Эти находки могут означать, что владельцы домов торговали с русскими, но, кроме того, несомненно, что кресты попадали исключительно в дома христиан. Трудно предположить, чтобы мусульмане-болгары хранили у себя вещи, связанные с христианской религией. Богатыми христианами, пользующимися русскими вещами в болгарском городе, были, вероятно, русские купцы. С пребыванием богатых русских в Великих Болгарах следует связать и каменную резную иконку с изображением двух святителей, одетых в фелони. Икона высотой около 4 см и шириной около 3 см найдена в центральной части городища в 1965 г. У святителей едва намечены нимбы, фигуры переданы в вытянутых пропорциях, головы занимают $\frac{1}{3}$ длины фигуры. Датируется икона, по-видимому, XIII в.

За линией укрепления Великих Болгар в 1953 г. был открыт русский поселок XII—XIII вв.¹⁰ Здесь исследованы жилища-полуземлянки, близкие по размерам и форме древнерусским¹¹. Комплекс вещей, найденных в жилищах, ничего общего не имеет с болгарским. Прежде всего он характеризуется большим количеством русской посуды — горшками курганных типов (с выгнутыми плечиками, утолщенным отогнутым краем, с примесью мелкой дресвы и песка в тесте). В жилищах найдены трехбусинное височное серебряное кольцо, обломки стеклянных коричневых браслетов, четырехконечный каменный крест с отверстием для пошения, шиферные пряслица, роговой топорик, напональный топорик из Любеча и Новгорода¹². Даже состав стада в этом поселке другой, чем на болгарских поселениях: в жилищах встречены кости крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, свиней. На болгарских же поселениях кости свиней отсутствуют. Сначала болгары не разводили это животное потому, что были кочевниками, позднее, после перехода к оседлому образу жизни, — в связи с мусульманством. В культурном слое этого русского предместия Великих Болгар, помимо бытовых вещей и украшений, обнаружены орудия ювелира (небольшой молоточек и долото), опиленные кости, медные накладки для черенков ножей и целые ножи. По-видимому, здесь жил мастер, занимавшийся изготовлением небогатых украшений и предметов быта. Существование ремесленников в русском поселке объясняет причину большого сходства некоторых русских и болгарских украшений. В ли-

⁹ А. П. Смирнов. Сувар.— Тр. ГИМ, вып. 16, 1941, стр. 169.

¹⁰ Т. А. Хлебникова. Древнерусское поселение в Болгарах.— КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 141.

¹¹ Там же, стр. 144.

¹² Там же, стр. 146.

тературе уже отмечалось, что болгарские украшения в исходных формах нередко восходят к русским прототипам. Таковы, например, височные привески в виде колец с нанизанными бусинами, с фигурой утки в центре, близкие к русским трехбусинным кольцам. Среди болгарских украшений попадаются также характерные для русских древностей плетеные браслеты, перстни, украшенные чернью, с орнаментом, напоминающим родовые знаки Рюриковичей, и сканные украшения (звездчатые серьги)¹³. Боевые топорики болгар из Билярска, Куйбышева и Ульяновска выполнены в технике, обычной для древней Руси¹⁴.

Русские селились не только в городах и пригородах. Они сооружали поселки и рядом с деревнями болгар и мордвы. Известны поселки со смешанным русско-болгарским населением. Там среди типичных болгарских вещей, главным образом керамики, нередко встречаются древнерусские вещи. Примером может служить поселение XIII в. у с. Березовка. Жилища там — наземные бревенчатые избы с глинобитными печами и полужемлянками русского типа. Наряду с болгарской керамикой в жилищах обнаружено много типичной древнерусской посуды. Кроме того, на этом поселении найдены энколпион и каменный четырехконечный крестик, который едва ли мог храниться у болгарина или мордвина. Шлаки и крицы в культурном слое поселения не оставляют сомнения в том, что здесь развивалось кузнечное дело, а находки полуобработанных костей и зубила свидетельствуют о существовании косторезной мастерской. Исследователь этого поселка А. Е. Алихова считает его жителей выходцами из Суздальской земли¹⁵.

Большое количество русских вещей встречается на городищах южной части Чувашии, через которую Б. А. Рыбаков, анализируя карту Идриси 1154 г., проецирует путь из Киева в Болгар¹⁶. Есть все основания согласиться с тем, что здесь существовал большой торговый путь. Здесь на городищах встречаются русская керамика (горшки с отогнутым венчиком, украшенные прямой или волнистой линией), поливная посуда зеленоватого тона по красному черепку, найдены каменные четырехконечные крестики, много шиферных пряслиц, сердошковые бипирамидальные и призматические бусы. Особенно интересно, что на городищах Тигашево и Хулаш обнаружены обломки русской плинфы. Это указывает на строительные традиции, приносенные сюда русскими мастерами. К сожалению, Тигашевское городище (древний княжеский замок)¹⁷ и Хулаш (город до-

¹³ А. П. Смирнов. Волжские булгары. М., 1951, стр. 155, сл.

¹⁴ В. А. Городцов. Симбирский древний топорик.— Тр. ГИМ, вып. 5, 1926, стр. 44; А. П. Смирнов. Волжские булгары, стр. 163.

¹⁵ А. Е. Алихова. Русский поселок XIII—XIV вв.— МИА, № 80, 1960, стр. 199—200.

¹⁶ Б. А. Рыбаков. Русские земли по карте Идриси 1154 г.— КСИИМК, вып. XLIII, 1952, стр. 14.

¹⁷ Г. А. Федоров-Давыдов. Тигашевское городище.— МИА, № 111, 1962, стр. 49.

монгольского периода) дошли до нас в сильно разрушенном состоянии. Архитектура этих поселений не сохранилась, и мы не можем судить о ее характере. Однако и имеющиеся данные позволяют говорить о культурной близости поселений с Русью.

Однако, ограничиваясь изучением только влияния Руси на Волжскую Болгарию, мы пришли бы к односторонним выводам. Это влияние, несомненно, было очень весомым, как можно проследить на примере ювелирного искусства болгар, декора архитектурных памятников и производства костяных изделий. Вместе с тем было и обратное влияние, причем не только влияние Востока, шедшее на Русь через Болгарию, но и собственно болгарское. Прежде всего следует вспомнить болгарские сосуды из ранних ярославских могильников (ранний кувшин болгарского типа с лощеной поверхностью в Петровском могильнике и кувшин с горлом эйнохойного типа из Тимеревского могильника)¹⁸. Большое количество болгарской керамики обнаружено при раскопках Суздаля. В большинстве случаев это посуда красноватого тона с вертикальным лощением, характерным главным образом для домонгольского времени¹⁹. Находили болгарскую керамику и в Муроме²⁰, и во Владимире. Болгарские товары, в частности посуда, были распространены и в Рязанской земле. Правда, А. Л. Монгайт считает, что археологические следы торговых связей с волжскими болгарскими очень немногочисленны²¹, но с этим едва ли можно согласиться. Сведения о мастерах, приглашенных в Суздальскую землю, подтверждаются открытием там болгарского гончарного горна с обломками болгарской керамики. Болгарская красная керамика, в частности лощеная, была найдена при раскопках Б. А. Рыбакова в Звенигороде²². Хорошо представлена она и в материале из раскопок Москвы. М. Г. Рабинович отметил здесь типы керамики, сходные с болгарскими, в частности черную лощеную посуду²³.

Черная или серая посуда представлена многочисленными обломками в древностях Болгара. Там она бывает плохого и хорошего обжига, с лощеной и простой поверхностью. Посуда плохого обжига чаще встречается в домонгольских слоях, реже — в золотоордынских. Черная или серая посуда в слоях X—XIII вв. составляет приблизительно четверть всего количества керамических находок²⁴. Именно эта посуда, по-видимому, и яви-

¹⁸ В. А. Малъм. Культурная и бытовая посуда из ярославских могильников.— В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, стр. 23, 49.

¹⁹ А. Ф. Дубынин. Археологические исследования города Суздаля.— КСИИМК, вып. XI, 1945, стр. 95—97.

²⁰ Н. Н. Воронин. Муромская экспедиция.— КСИИМК, вып. XXI, 1947, стр. 139.

²¹ А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1964, стр. 327.

²² Б. А. Рыбаков. Раскопки в Звенигороде.— МИА, № 12, 1949, стр. 128.

²³ М. Г. Рабинович. Московская керамика.— Там же, стр. 61, 63.

²⁴ Т. А. Хлебникова. Гончарное производство волжских болгар X—XIII вв.— МИА, № 111, 1962, стр. 103.

лась прототипом московской черной лощеной посуды. Следует заметить, что московские мастера значительно улучшили качество посуды, придав лощеной поверхности глубину блеска и некоторую зеркальность. Московская черная лощеная посуда известна среди находок из Казани, где она четко отличается от более ранней болгарской XII—XIV вв. и посуды казанского производства XV—XVI вв. По-видимому, кроме лощения, московские гончары заимствовали у болгар и ряд форм, повторяющих ранние болгарские. Здесь следует отметить кувшины низкие с широким основанием и более высокие, вытянутых пропорций. Среди последних некоторые имеют хорошо выраженный слив, напоминающий эйнохойное горло болгарских кувшинов²⁵.

Тесные культурные связи, известные с домонгольского времени, продолжались и в течение всего золотоордынского периода. Это хорошо прослеживается и по керамическому материалу, и по памятникам прикладного искусства. Можно отметить растительный орнамент в трактовке, широко распространенной в русском строительном деле, на обрамлении входа в Малый минарет в Болгаре. Орнаментальная роспись на парусах Красной палаты (к сожалению, уже не существующей) также была вариантом того же орнамента. В золотоордынский период из Волжской Болгарии на Русь попадал чугун, находки которого известны во многих местах, в частности во Владимире и Муроме.

Археологический материал, полученный при раскопках последних десятилетий в Поволжье и древнерусских городах, раскрыл весьма интересную страницу нашей истории, почти не известную по письменной истории: тесные культурные связи между Русью и поволжскими болгарями не вызывают сомнений.

²⁵ Т. А. Хлебникова. Гончарное производство волжских болгар..., стр. 75, рис. 8, 13, 14.

ЖЕЛЕЗНЫЕ ГРЕБЕШКИ С ПОСЕЛЕНИЙ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Э. А. Симонович

Железные гребешки позднеримского времени, находимые на территории СССР, представляют интерес для изучения некоторых видов ремесленного производства, а также для выяснения связей племен, оставивших культуру полей погребений. Гребешки имеют короткие, иногда совершенно сточенные зубцы, слегка закругленную или почти полукруглую спинку, в отдельных случаях приближающуюся к треугольной форме, по середине спинки всегда есть отверстие округлой или полукруглой формы для подвешивания гребешка. Длина железных гребешков колеблется от 7—8 до 10—11 см при толщине пластинки около 2 мм.

В областях, занятых черняховской культурой, все находки железных гребешков происходят с поселений. В настоящее время на Украине и в Молдавии известно девять мест находок подобного рода: Ерколцы¹, Журавка Ольшанская (два экз.)², Кабушка Веке³, Кринички⁴, Лепесовка⁵, Новые Безрадичи⁶, Писаревка⁷, Ягнятин⁸ (рис. 1, 1—7). На приложенной схеме виден широкий ареал находок. Это обстоятельство, несмотря на сравнительно небольшое количество находок железных гребешков, позволяет, как нам кажется, считать их типичными для всех памятников черняховской культуры. Количество таких находок, несомненно, будет увеличиваться по мере расширения работ на черняховских поселениях.

¹ В. Н. Даниленко, А. Д. Столяр. Переяславська маршрутна експедиція.— АП УРСР, т. III. Київ, 1952, стр. 229.

² Э. А. Симонович. Работы на черняховских памятниках в Приднестровье.— КСИА АН СССР, вып. 94, 1963, стр. 80—82.

³ Э. А. Рикман, Г. П. Сергеев. Селище первых веков нашей эры у с. Кабушка Веке (Молдавия).— Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР. Кишинев, 1964, стр. 232.

⁴ Э. А. Симонович. Памятники черняховской культуры в с. Кринички.— МИА, № 82, 1960, стр. 248—249, рис. 7, 2.

⁵ Сообщение М. А. Тихановой в докладе на Пленуме ИА АН СССР 7 мая 1960 г.

⁶ О находке железного гребешка возле с. Новые Безрадичи мне любезно сообщил В. П. Даниленко.

⁷ Г. Луцкевич. Матеріали по карті поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської області.— Археологія, т. II. Київ, 1948, стр. 167—168, табл. I, 2.

⁸ Е. В. Махно. Ягнятинська археологічна експедиція.— АП УРСР, т. III. Київ, 1952, стр. 169, табл. II, 13.

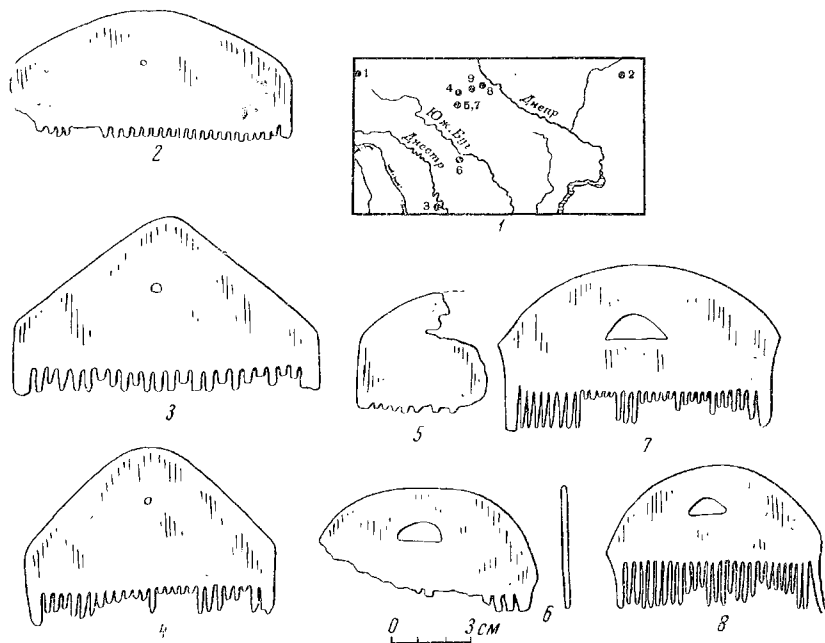

Рис. 1. Находки железных гребешков и схема их распространения в юго-западных областях СССР

1 — схема распространения находок (1 — Лепесовка, 2 — Писаревка, 3 — Кабуска Веке, 4 — Ягнятина, 5, 7 — Журавна Ольшанская, 6 — Кринички, 8 — Новые Безрадичи, 9 — Лепесовка); 2—8 — железные гребешки (2 — из Писаревки, 3 — из Кабуска Веке, 4 — из Ягятина, 5 — из Журавки Ольшанской, 6, 7 — из Криничек, 8 — из Ябары)

На территории СССР железные гребешки встречены как исключение и вне зоны распространения черняховских памятников. Например, неожиданная аналогия большому гребню Журавского поселения (рис. 1, 7) оказалась среди балтийских древностей середины I тысячелетия н. э. На позднейшем участке долговременно существовавшего могильника с типичным балтийским обрядом погребения в каменных оградах, где преобладали трупосожжения, был найден железный гребешок, весьма напоминающий журавский (рис. 1, 8). Вот что писала об этой находке опубликовавшая гребешок М. Х. Шмидехельм: «К V веку следует, по-видимому, отнести и железный гребень, уникальный в Эстонии»⁹. Находка под

⁹ М. Х. Шмидехельм. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э.—V в. н. э.). Таллин, 1955, стр. 104—105, рис. 26, 8.

г. Ровно одночастного гребня с полукруглым отверстием в спинке и тремя циркулярными кружками по бокам как будто намечает пути проникновения подобных предметов на север¹⁰. Поздняя по сравнению с черняховскими находками дата появления железных гребешков в прибалтийских областях, их малочисленность там, а также то, что они оказались в погребальном сооружении, — все это доказывает, что ими пользовалось совершенно иное этнически население, чем на юге¹¹.

Окончательное решение вопроса о путях проникновения железных гребешков в северные и южные области СССР не может быть принято без рассмотрения западноевропейских аналогий. В сводной работе о гребнях З. Томас выделяет железные гребешки в отдельную группу. Не учитывая находок в СССР, юша называет в каталоге 36 мест их обнаружения в Центральной Европе¹². Находки сосредоточены в основном на Ютландском полуострове и в прилегающих областях бассейна Эльбы (рис. 2, 9). Центральноевропейские находки имеют некоторые отличия от восточноевропейских. Так, у одного гребешка была прямоугольная спинка с закругленными углами (рис. 2, 2); во многих случаях на спинках бывает большое число отверстий (рис. 2, 4—8); на одном гребне сочетаются отверстия различной формы, в частности треугольные прорези, неизвестные в области распространения черняховских памятников. Размеры железных гребешков, найденных в Западной Европе, колеблются, по данным З. Томас, от 4,5 до 8,5 см в длину при ширине около 5 см (рис. 2, 1—8). В остальном близость железных гребешков из памятников Центральной и Восточной Европы очевидна. З. Томас справедливо сближает эти железные гребешки с подобными им костяными и одночастными, спинки которых украшены сквозными отверстиями (тип С, по ее классификации). Распространение последних в областях средней и верхней Эльбы, большое количество находок еще южнее — в Чехословакии, на территории обитания кельтского племени боев, на известном Страдонницком городище (время расцвета — I в. до н. э.)¹³ — позволяют искать истоки происхождения подобных гребешков в латенских древностях¹⁴. Тем более странно, что

¹⁰ W. W a r z e n i e s k i. Poszukiwania archeologiczne w Królestwie Polskiem.— Materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne, с. IV. Kraków, 1903, табл. X, 19.

¹¹ По-видимому, для областей Повисленья на территории Северной Польши находки железных гребешков не следует считать типичными. К ним относятся и те гребешки, которые традиция пыталась связать с германскими племенами. Так, в материалах оксывской группы ямных погребений, судя по обобщающим работам Р. Шиндлера, Е. Кмецинского, Ю. Костржевского и других, их нет, хотя костяные гребни с полукруглыми спинками для расчесывания волос встречаются постоянно.

¹² S. T h o m a s. Studien zu den germanischen Kämmen der römischen Kaiserzeit.— Arbeits und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege, с. 3, 1960, стр. 114—118.

¹³ J. L. P i č. Le Hradischt de Stradonitz en Bohême. Leipzig, 1906, стр. 70, табл. XVII, 1—II.

¹⁴ S. T h o m a s. Указ. соч., стр. 68—70.

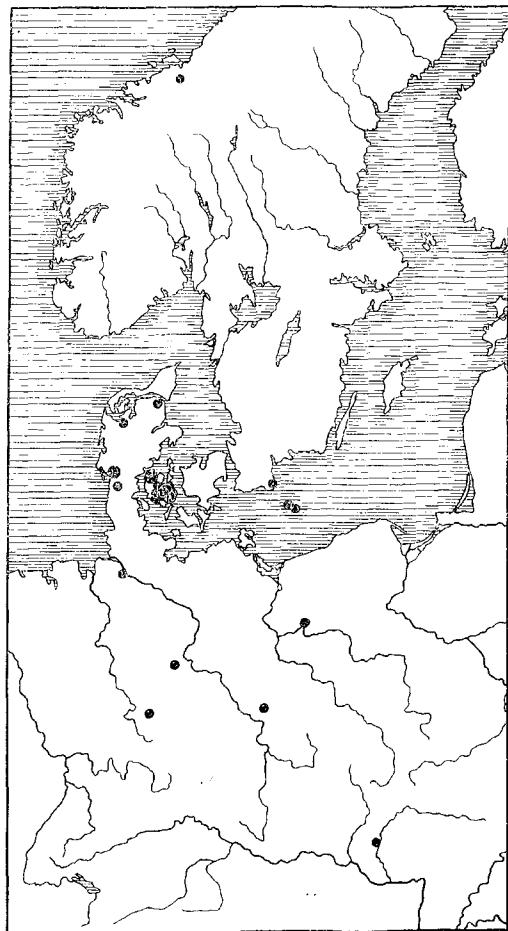
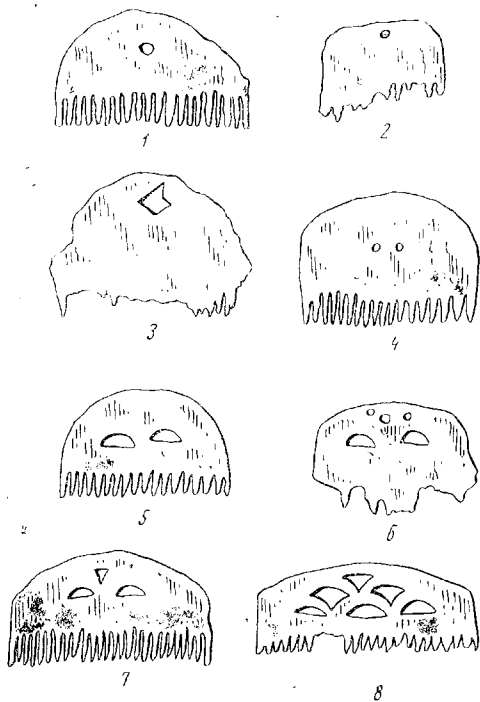

Рис. 2. Типы западноевропейских железных гребешков (1—8) и схема их распространения (9) (по З. Томас)

З. Томас помещает описание предметов такого рода в статью, характеризующую только германские гребни. Мы должны учитывать слова З. Неэдлы о том, что кельтская культура «оказывала сильное воздействие на культуру других народов, расположенных севернее боев и находившихся на более низком уровне развития, в частности на германские племена»¹⁵. Не решая окончательно вопрос о первоначальном месте изготовления железных гребешков, мы во всяком случае не можем согласиться с предложением об исключительно германском характере их.

¹⁵ З. Неэдлы. История чешского народа. М., 1952, стр. 143.

В сводке З. Томас не ставится вопрос о назначении железных гребешков, но описание их среди других, костяных одночастных и многочастных гребней заставляет предполагать, что автор считает их туалетными гребнями. Между тем находки подобных гребней преимущественно на поселениях, их короткие, подчас совершенно сточенные зубцы и специальная, видимо, обработка металла, из которого они изготовлены¹⁶, не позволяют нам видеть в этих предметах обычные гребни для расчесывания волос. Скорее всего эти железные гребешки были деталями ткацкого производства. Они предназначались, вероятно, для расчесывания пряжи. Это предположение, высказанное впервые Б. А. Рыбаковым, в настоящее время получило признание в среде специалистов, исследующих черняховскую культуру¹⁷. Небезынтересно отметить, что из предметов, связанных с прядением, одни, согласно обычаю, клали в могилы (например, пряслица), а другие — нет. Так, например, пирамидальные трузила из глины, связанные с ткачеством и находящиеся в скоплениях на месте стоявшего ткацкого станка, ни разу не были найдены в погребениях. Может быть, и железные гребешки использовались при работе на ткацком станке. Мы знаем очень специфичные ткацкие гребни для прибивки утка. Для них типичны малое количество зубцов и длинная рукоятка. Как бы там ни было, очевидно, что железные гребешки черняховского времени никак не могут рассматриваться в ряду предметов, предназначенных для туалета.

Если железные гребни действительно использовались для расчесывания пряжи, то, судя по этнографическим параллелям, их следует относить к группе так называемых горизонтальных гребней. Их держали за рукоятку и расчесывали пряжу, не закрепляя гребенку в вертикальном положении¹⁸. На землях восточных славян такие гребни особенно широко были распространены у населения юго-западных областей Украины и Белоруссии, а также у литовцев¹⁹.

История прядения и ткачества на Украине в раннем железном веке знает гребни тройного назначения: для вычесывания шерсти у животных, для расчесывания пряжи и ткацкие. По данным древних авторов (Геродот) и на основании анализов остатков тканей, проведенных Б. А. Шрамко, мы знаем, что в скифское время уровень развития прядильно-ткацкого производства был высоким²⁰. Таким образом, распространение новых,

¹⁶ К этому заключению приводят наблюдения Г. А. Вознесенской, исследующей железные предметы на поселениях черняховского типа.

¹⁷ Э. А. Рикман, Г. П. Сергеев. Указ. соч., стр. 232.

¹⁸ В. Ла Бом в сводке, посвященной развитию текстильного производства, приводит изображение на урне гальштатского времени из Венгрии: женщина работает на вертикальном ткацком станке, а руки ее напоминают гребни (см.: W. La Baume. Die Entwicklung des Textilhandwerks in Alteuropa. Bonn, 1955, рис. 154).

¹⁹ Н. И. Лебедева. Прядение и ткачество у восточных славян в XIX—начале XX в.— ТИЭ, в. с., т. 31, 1956, стр. 471.

²⁰ Доклад Б. А. Шрамко на скифо-сарматском секторе ИА АН СССР 10 февраля 1965 г.

более удобных и прочных железных требешков в последующий за скифским период было подготовлено развитием производственных навыков предшествующего времени. В период передвижений народов, наступивший в первые века нашей эры, распространение орудий труда и определенных производственных навыков, в том числе и в области грядильно-ткацкого производства, было очень облегчено. Выработанные достижения одного народа быстро переходили к другим племенам. Поэтому всегда очень трудно определить истоки многих новых, вдруг появлявшихся и широко распространявшихся в эпоху переселения народов орудий труда. Тем более невозможно приписывать их использование только одному народу или племени.

О ДРЕВНЕЙШИХ РУСАХ И ИХ ЗЕМЛЕ

П. Н. Третьяков

Как известно, Русью, или Русской землей, называлась первоначально сравнительно небольшая область Поднепровья, лежащая в полосе лесостепи. Древнейшая Русь являлась, по-видимому, политическим образованием, одним из восточнославянских «княжеств». Затем она послужила основным компонентом Киевского государства и в его рамках в течение некоторого времени занимала особое место. В дальнейшем, в XI—XIII вв., область древнейшей Русской земли сохраняла это имя лишь по традиции, бывшей, однако, весьма прочной и свидетельствующей о том, что в свое время Русская земля была понятием устойчивым и общепотребительным.

Вопросом о древнейших русах и их земле интересовались многие историки, в частности и наши современники. М. Н. Тихомиров суммировал и тщательно разобрал летописные и иные сведения, доказывающие несостоятельность норманской теории происхождения Руси. Он высказался против компромиссной концепции В. А. Брима о двойственном — южном и северном — происхождении Руси, а также против взглядов Л. С. Тивериадского, пытавшегося видеть в русах не одну из группировок восточнославянского населения, а господствующий класс в древнерусском обществе. По мнению М. Н. Тихомирова, на страницах летописи отчетливо видна старая традиция, решительно отделяющая Русь от варягов и помещающая ее в области Среднего Поднепровья, на Киевщине. Многочисленные свидетельства летописи доказывают, что вплоть до XII—XIII вв. ни Новгородские, ни Смоленские, ни Ростово-Суздальские, ни Галицко-Волыньские земли Русью не назывались. В более раннее время за границей Русской земли находились области древлян, вольнян, дреговичей и всех северных восточнославянских группировок. Русью являлась только Киевская земля, где обитали «поляне яже ныне зовомая Русь»¹.

Подобные же соображения были высказаны по данному поводу М. Д. Приселковым и А. Н. Насоновым. Первоначальное ядро Древнерусского государства — Русская земля — это область, лежащая вокруг трех городов — Киева, Чернигова и Переяславля. Раннефеодальная знать этой области в свое время образовала государственный союз. В ходе возникно-

¹ М. Н. Тихомиров. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля». — СЭ, VI—VII, 1947, стр. 60—80.

вения и роста Киевской державы знать Русской земли распространила свое господство на чужие земли: древлянские, вятические, радимичские и др. Население покоряемых земель облагалось при этом данью, а местные социальные верхи ставились в вассальную зависимость или уничтожались. Так, при Ольге были погублены «лучшие мужи иже державу Деревьску землю».

А. Н. Насонов разделял отрицательное мнение М. Н. Тихомирова по поводу предположения, что русы — господствующий слой в древнерусском обществе. Он указывал, что источники говорят как об «имовитых», так и о «неимовитых» русах. Что касается вопроса об отношении населения Русской земли к «племенам» Повести временных лет, то его А. Н. Насонов был склонен решать несколько иначе, чем М. Н. Тихомиров. Он считал, что в пределы древнейшей Русской земли, кроме полян, входили северяне или часть их, часть радимичей и, быть может, какая-то часть уличей на юге и вятичей на севере. Все это были «племена», находившиеся в конце I тысячелетия н. э. под властью хазар, платящие им дань. Этому обстоятельству А. Н. Насонов придавал особое значение. Русская земля — одно из древнейших восточнославянских государственных образований — сложилась в условиях борьбы с Хазарским каганатом².

Наиболее полное освещение вопроса о русах и их древнейшей земле было дано в 1953 г. Б. А. Рыбаковым³. Определенные им пределы Русской земли в основных чертах совпадают с границами, предложенными А. Н. Насоновым, несколько уточняя их. Древнейшая Русская земля — это лесостепная область Среднего Поднепровья, его правобережная часть с Киевом и значительные пространства на левобережье с Черниговом и Переяславом. На севере Русская земля достигала Стародуба и Трубчевска, на северо-востоке — Курска, на западе — Белгорода и Юрьева. «Волость» Русской земли были земли по верховьям Горыни. Южные границы определить трудно, но во всяком случае они охватывали Поросье и, возможно, бассейн Тясмина, где находилась местность, называемая Русской Поляной. Поросье, по мнению Б. А. Рыбакова, было основной частью Русской земли — «Русью внутри Руси».

Выясняя вопрос о Руси, Б. А. Рыбаков обратился к среднеднепровским археологическим материалам третьей четверти I тысячелетия н. э., известным в литературе под наименованием «древностей антов». Такое имя было присвоено им в 20-х годах А. А. Сплицыным⁴. «Древности антов» — это предметы убора и украшений из бронзы и серебра: пальчатые, антропоморфные и зооморфные фибулы, височные кольца, браслеты, подвески,

² М. Д. При с е л к о в. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам. — Ученые записки ЛГУ, вып. 8, 1941; А. Н. Н а с о н о в. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 28—46.

³ Б. А. Р ы б а к о в. Древние русы. — СА, XVII, 1953.

⁴ А. А. С п л и ц ы н. Древности антов. — Сборник в честь А. И. Соболевского. Л., 1928.

поясные наборы. Нередко их находили в виде кладов, они встречались в погребениях и как отдельные находки. Это предметы повторяющихся, вполне определенных типов, в том числе и таких, какие вне пределов Среднего Поднепровья не встречаются. Их время А. А. Спицын определял VI—VII вв. Он указывал, что в комплексе эти древности заметно отличаются от того, чем характеризовалась в то время культура кочевников, и во многих отношениях приближаются к соответствующим древностям славянского средневековья.

За четверть века, отделяющих исследование Б. А. Рыбакова от работы А. А. Спицына, состав «древностей антов» значительно пополнился. На правом берегу Днепра эти древности происходят главным образом из бассейна Роси и Тясмина. На левобережье они рассеяны по всей лесостепной полосе, доходя на востоке до верховьев Северского Донца. Если сравнить область их распространения с картиной расселения антов, нарисованной древними авторами, то они далеко не совпадают. Область спицынских «древностей антов» могла быть не более чем северо-восточной окраиной антской земли. Совсем к другому результату приводит сопоставление карты этих древностей с очерченными выше границами древнейшей Русской земли. Они в основном совпадают. Особенно убедительно их соответствие на правобережье, где совсем недалеко от Киева и Днепра начиналась земля древлян, лежащая за пределами древнейшей Русской земли. На древлянскую территорию находки «древностей антов» не распространяются.

На этом основании Б. А. Рыбаков сделал убедительный вывод о том, что имя «древности антов» было присвоено этим вещам ошибочно. Их владельцами были не анты, бушевавшие в VI в. на Дунае, а одна из группировок днепровского славянства — древнейшие русы, и вещи эти следует называть «древностями русов». В предварительной форме эта мысль была высказана Б. А. Рыбаковым еще в 1949 г., в статье, посвященной новому Суджанскому кладу⁵.

Такому выводу вполне соответствуют хронологические данные. «Древности русов» относятся, как теперь выяснилось, к V—VIII вв., причем большинство находок датируется второй половиной этого периода, т. е. временем, когда объединение антов уже сошло с исторической сцены.

В составе «древностей русов» Б. А. Рыбаков выделил четыре группы предметов. Первую составляют вещи нехарактерные, широко распространенные в то время в южной части Восточной Европы. Это бляшки поясного набора, бусы и др. Далее, имеются вещи, находимые преимущественно в границах Русской земли и отсутствующие в степи. Сюда относятся пальчатые фибулы. Третью группу составляют предметы, характерные в основном для западных частей Русской земли. Это зооморфные и антропо-

⁵ Б. А. Рыбаков. Новый Суджанский клад антского времени.—КСИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 86.

морфные фибулы, а также проволочные височные подвески, один конец которых образует плоскую спираль. Наконец, имеются вещи, встречающиеся лишь в левобережных частях Русской земли: двухспиральные (очковидные) височные подвески и круглые медальоны.

На основании всего этого Б. А. Рыбаков высказал интересную гипотезу о племенном составе древнейшей Руси. Собственно русы, предполагал он, жили на Днепре между полянами и уличами, в поречье Роси и Тясмина. Им принадлежали древности с зооморфными и антропоморфными фибулами. Ими были зарыты знаменитый Мартыновский клад, клады из с. Хацки и из с. Малый Ржавец. Русам принадлежало Пастырское городище в бассейне Тясмина, откуда происходит самая крупная коллекция вещей VII—VIII вв. соответствующих типов. Возможно, что важным центром русов был город Родня.

Восточнее русов, на левобережье, обитала группировка, оставившая после себя древности с двухспиральными височными украшениями. По мнению Б. А. Рыбакова, эти украшения генетически предшествовали северянским височным кольцам XI—XII вв. Здесь, следовательно, жили северяне. Ими были зарыты новый Суджанский и Колосковский клад, клад из с. Новая Одесса и многие другие.

Северными соседями русов были поляне, на территории которых, в частности в Киеве, также известны находки соответствующих древностей. Особенно характерными для древнейших полян, по Б. А. Рыбакову, были вещи с эмалью северных типов. «Жители Киевщины, носители эмалевых фибул (поляне.— *П. Т.*), были связаны с землями радимичей, вятичей, кривичей и литовцев». Тогда как вещи из земли русов свидетельствуют «о постоянных связях со степью, с лежащими по ту сторону степи городами Причерноморья»⁶.

Итак, Русь, по Б. А. Рыбакову,— это первоначально одна из восточнославянских группировок кануна средневековья. «Борьба с гуннами и аvaraми на всей южной границе славянства, а также начавшиеся в VI в. походы и передвижение славян в глубь Византии, перекроили группировки славянских племен. В VI в. юго-западные антские племена были объединены в союз волынян, а на юго-востоке, там, где приходилось прежде всего встречать идущие из степей опасности, сложился союз племен, получивший имя Руси»⁷. В его состав входили сами русы, северяне, поляне и днепровские уличи. Союз этот послужил в дальнейшем ядром Киевского государства.

Выводы, сделанные Б. А. Рыбаковым в 1953 г. на основании изучения «древностей русов», представляли собой, конечно, только гипотезу. В его распоряжении имелся далеко не полноценный материал. Как уже отмечалось, это были в лучшем случае комплексы кладов или инвентарь отдель-

⁶ Б. А. Рыбаков. Древние русы, стр. 94—95.

⁷ Там же, стр. 101.

ных захоронений разного типа, чаще же — отдельные, случайно найденные вещи. Не были известны ни места поселений, соответствующих «древностям русов», ни могильники, которые содержали бы массовый материал, позволяющий всесторонне охарактеризовать культуру. Лишь одно Пастырское городище, исследованное В. В. Хвойкой, можно было связать с данным кругом древностей. Но его раскопки, как известно, были проведены настолько неудовлетворительно, что коллекция вещей из Пастырского городища представляла собой не более чем «случайную находку».

В одной из своих работ (еще до появления работы Б. А. Рыбакова) И. И. Ляпушкин дал весьма суровую оценку «древностям антов». Он писал, что эти вещи «не связаны ни с местами поселений, ни с могильниками оседлого населения, каковыми должно считать антов по данным византийских источников. Поэтому очень трудно судить, в какой мере эти вещи свойственны антской культуре, тем более, что памятники последующей поры (VIII—X вв.) этой территории, так называемые городища роменско-боршевской культуры, принадлежащие бесспорно славянскому населению, т. е. по-видимому, потомкам антов, по своему вещественному составу ни в какой мере не увязываются с ними»⁸. Подобные же мысли в отношении «древностей антов-русов» И. И. Ляпушкин высказывал и позднее. Он предполагал даже, что они, в частности клады, оставлены какими-то бродячими ремесленниками⁹. «Потребители» этих древностей, по мнению И. И. Ляпушкина, не были ни славянами, ни каким-либо другим оседлым населением.

Против такого утверждения, исключавшего «древности антов» из рамок славянской археологии, энергично выступила Г. Ф. Корзухина, много лет занимавшаяся этими древностями, особенно кладами. Она справедливо указала, что «вопрос о неоседлом, кочевом населении... должен быть решительно отброшен... Как показывают многочисленные факты, кочевники никогда не зарывают вещи в виде кладов... Зарытие кладов производится, как правило, не в открытом поле, а подле жилища или поблизости от поселения... Поэтому можно сказать, что топография кладов VI—VII вв. является топографией поселений VI—VII вв.» Г. Ф. Корзухина высказала мысль, оказавшуюся пророческой, что поселения, соответствующие кладам, еще будут отысканы, что они до сих пор не обнаружены лишь потому, что их обитатели использовали «условия местности как-то по-иному, чем население других периодов»¹⁰. Рассматривая состав «древностей русов», Г. Ф. Корзухина еще раз отметила, что эти вещи (кроме поясных наборов) не были свойственны в то время кочевническому населению. По ее

⁸ И. И. Ляпушкин. О датировке городищ роменско-боршевской культуры.— СА, IX, 1947, стр. 134.

⁹ И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа.— МИА, № 104, 1961, стр. 181—186.

¹⁰ Г. Ф. Корзухина. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э.— СА, XXII, 1955, стр. 68—81.

мнению, ряд кладов принадлежит к началу VIII в.: они были зарыты тогда, когда хазары стали проявлять активность в отношении славянских племен. Впрочем, вопрос об этнической принадлежности хозяев «древностей русов» Г. Ф. Корзухина не считала до конца решенным.

Здесь нет возможности вспомнить всех участников дискуссии о среднеднепровских древностях третьей четверти I тысячелетия н. э., которая к тому же имеет сейчас лишь историографический интерес. В течение 50—60-х годов «археологическая обстановка» в Среднем Поднепровье коренным образом изменилась к лучшему. Выяснилось, что «древности русов» отнюдь не случайны и не безродны. Им соответствуют остатки многочисленных поселений и могильники с трупосожжениями.

Клубок начал распутываться после раскопок М. Ю. Брайчевского на Пастырском городище. В 1949 г. на городище был найден богатый клад серебряных украшений начала VIII в.¹¹, что послужило поводом для проведения там новых археологических исследований. До этого времени судьбу городища лишь оплакивали, считая, что оно безнадежно испорчено. К счастью, это ставшее традиционным представление о Пастырском городище оказалось ошибочным. Раскопки, произведенные М. Ю. Брайчевским в разных частях городища, показали, что культурный слой третьей четверти I тысячелетия н. э. пострадал лишь сверху. Он прикрывает основания построек — сильно разрушенных наземных и вполне сохранившихся квадратных полуземлянок. По форме, размерам, расположению печи и другим признакам полуземлянки Пастырского городища не отличаются от жилищ, хорошо известных по раннесредневековым славянским поселениям в нашей стране и за рубежом. В землянках найден разнообразный инвентарь, в том числе украшения «пастырских» типов, что надежно связывает исследованные жилища с комплексом «древностей русов» VII—VIII вв. Многие жилища погибли от пожара, сопутствовавшего, вероятно, военному разгрому, после которого жизнь на поселении уже никогда не возобновлялась¹².

Керамика из жилищ Пастырского городища оказалась весьма своеобразной. Здесь найдены, во-первых, грубые неорнаментированные сосуды, которые могут относиться к славянской культуре; во-вторых, посуда, сделанная на гончарном круге, похожая на салтово-маяцкую и принадлежавшая скорее всего аланским племенам. Вся совокупность данных свидетельствует о том, что на месте городища было не рядовое сельское поселение, а торгово-ремесленный поселок. В своих работах я не раз называл Пастырское городище «эмбрионом ремесленного города», и это, очевидно, справедливо.

¹¹ М. Ю. Брайчевський. Пастырський скарб 1949 г.— Археологія, т. VII. Київ, 1952.

¹² М. Ю. Брайчевський. Работы на Пастырском городище в 1949 г.— КСИИМК, вып. XXXVI, 1951; он же. Исследования Пастырского городища в 1955 г.— КСИА АН УССР, вып. 7, 1957.

Для определения основного этнического лица этого поселка было необходимо выяснить, что представляли собой окружающие его и одновременные с ним сельские поселения. И этот вопрос вскоре нашел разрешение. В бассейне Тясмина и Роси, на берегах Днепра около Киева и в Надпорожье, в смежной части поречья Южного Буга были обнаружены многочисленные остатки поселений третьей четверти I тысячелетия н. э. и последующих веков, а также следы сопутствующих им могильников с трупосожжениями. Характер этих древностей не оставляет никаких сомнений в том, что здесь жило славянское население — предки населения Киевской Руси.

Материалы этих поселений и могильников в значительной части опубликованы Д. Т. Березовцом, В. П. Петровым, В. Н. Даниленко, А. В. Бодянским, П. И. Хавлюком и другими археологами¹³. Они являются наиболее существенным результатом исследований в области восточнославянской археологии за последние десятилетия. Самое непосредственное отношение они имеют к вопросу о древнейшей Русской земле, а также к «древностям русов» — вещам, которые уже не раз были встречены при исследовании этих памятников. Отсюда следует, что «древности русов» — это бесспорные памятники славянской культуры.

Как предсказывала Г. Ф. Корзухина, поселения третьей четверти I тысячелетия н. э. оказались несколько в необычных топографических условиях, нередко очень низко, на всхолмлениях в пойме, даже на речных островах, т. е. там, где их раньше не искали. Повсюду были открыты остатки традиционных для славян жилищ-полуземлянок. Для поселений более ранней группы — VI—VII вв. — очень характерно, что в состав керамики входит значительное число реберчатых сосудов биконических форм. В более позднее время эти формы мало-помалу пропадают; господствующими становятся горшки обычных средневековых форм; вскоре распространяется посуда, сделанная на гончарном круге. На некоторых поселениях были встречены отдельные обломки сосудов салтово-маяцкого типа, похожих на упомянутые выше пастырские. На одном из поселений на Южном Буге найдено височное кольцо, идентичное (может быть, сделанное в той же литейной форме) украшению из Пастырского городища. На другом, побужском поселении, более раннем, найдена фигурка льва (?) такого же точно типа, как вещи из Мартыновского клада¹⁴. На поднепровских и тясминских поселениях найдены фибулы и другие украшения типов «древностей русов».

¹³ В. Н. Даниленко. Славянские памятники I тысячелетия н. э. в бассейне Днепра. — КСИА АН УССР, вып. 4, 1955; Д. Т. Березовец. Поселения уличей на р. Тясмине. — МИА, № 108, 1963; В. П. Петров. Стецовка, поселение третьей четверти I тысячелетия н. э. — Там же; Д. Я. Телегин. Из работ Днепродзержинской экспедиции 1960 г. — КСИА АН УССР, вып. 12, 1962.

¹⁴ П. И. Хавлюк. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга. — МИА, № 108, 1963.

Хуже известны славянские поселения третьей четверти I тысячелетия н. э. на левобережье. Но и там они несомненно имеются, причем также с реберчатой биконической керамикой. Следует вспомнить прежде всего один старый памятник — могильник с трупосожжением у с. Артюховка в верхнем течении р. Сулы, известный еще Н. Е. Макаренко¹⁵. В последние годы остатки дороменских поселений с биконическими формами глиняной посуды обнаружены мной и Д. А. Мачинским на Десне, подалеко от устья Сейма. В. А. Ильишская и А. И. Тереножкин открыли остатки таких поселений в ряде пунктов в верховьях Сулы и Псла, а также на Сейме.

Таким образом, славянские поселения третьей четверти I тысячелетия н. э., спецификой которых является керамика реберчатых биконических форм, имеются на Днестре в районе Киева («киевский тип», по В. Н. Даниленко), на Роси, Тясмине и в прилегающих частях поречья Днестра; ниже по Днестру, в частности в Надпорожье; в области верхнего течения Южного Буга; в верховьях Сулы и Псла; в среднем течении Десны и на Сейме. Нетрудно убедиться, что все эти местности хорошо укладываются в границы древнейшей Русской земли. Сюда относятся и области по верховьям Южного Буга¹⁶. Лишь Надпорожье, кажется, выходит за пределы этих границ. Но выше уже было сказано, что южные границы Русской земли по летописным данным точно определены быть не могут.

Если же обратиться на запад, то в земле древлян, волян и других славянских племен материальная культура третьей четверти I тысячелетия н. э. была несколько иной. Древлянской культуре типа Корчак не была знакома керамика реберчатых силуэтов; такой керамики совсем не знали раннесредневековые славянские племена Воляни, Поднестровья, Верхнего Повисленья.

Из всего этого можно сделать лишь один вывод: славянское население, жившее в границах древнейшей Русской земли, составляло особую локальную группу. Это следует не только из того, что для его культуры был характерен особый набор украшений — «древности русов». Его культура выделялась и по такому, так сказать, «иптимому» и «домашнему» элементу, как лепная от руки керамика, что можно рассматривать в качестве надежного этнического признака. Обитатели древнейшей Русской земли — поляне, северяне, уличи — составляли единую группировку. Соседние древляне были для них чужим племенем.

Мне уже приходилось писать о том, что славянские племена с реберчатой биконической керамикой не были в Среднем Поднепровье автохтонами. Они продвинулись сюда после крушения черняховской оседлости из смежных, более северных областей Поднепровья, лежащих во второй четверти I тысячелетия н. э. за пределами черняховского ареала. В этих областях

¹⁵ Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг.— ИАК, вып. 43, 1914, стр. 118—119.

¹⁶ А. Н. Насонов. Указ, соч., стр. 32, карта «Русской земли».

найлены поселения и могильники с реберчатой керамикой, относящиеся не только к третьей четверти I тысячелетия н. э., но и к предыдущим столетиям. Именно они, эти верхнеднепровские племена, на первых этапах своего расселения к югу принесли в Среднее Поднепровье вещи с эмальми балтийских типов. Они принесли с собой и некоторые другие элементы культуры верхнеднепровского происхождения¹⁷.

Следовательно, общность культуры, связывающая воедино население Русской земли, была результатом общности его происхождения, общности судьбы. Это были племена, расселившиеся в послечерняховский период в плодородных областях Среднего Поднепровья, что в беспокойной обстановке того времени было невозможно без какого-либо союза. И понятно, что этот союз охватывал не только группировки повоселов, но и родственное им население, оставшееся на старых местах. Границы древнейшей Русской земли включали районы Стародуба, Трубчевска, Курска, т. е. охватывали не только Среднее Поднепровье, но и Среднее Подесенье и бассейн Сейма.

Вот какие соображения можно высказать относительно славянского населения древнейшей Русской земли, исходя из новых археологических данных. К сожалению, эти данные не содержат никаких определенных сведений о русах, некогда давших этой земле свое имя. Были ли русы особым племенем — славянским или неславянским, жили ли они между полянами и уличами — на эти вопросы пока нет ответа. Нам пока неизвестно, расселились ли поляне, северяне и уличи в безлюдных областях или, что более вероятно, там имелось какое-то местное население, сохранившееся от черняховского времени. Население восточных черняховских областей, вероятнее всего, было сармато-аланским. Впервые такое предположение было высказано И. И. Ляпушкиным¹⁸. И не принадлежали ли русам (далеким потомкам роксалапов, росомопов?) остатки материальной культуры аланского (салтово-маяцкого) облика из Пастырского городища и поясной набор с сарматскими по происхождению «знаками Рюриковичей» из Мартыновскогоклада?

¹⁷ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М.—Л., 1966, стр. 254—273.

¹⁸ И. И. Ляпушкин. Из истории Левобережной Украины в эпоху железа.— СА, XI, 1949, стр. 389; он же. Памятники культуры «полей погребений» Днепровского левобережья.— СА, XIII, 1950, стр. 27—28.

ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПОГРЕБЕННЫХ В СОПКАХ ВОЛХОВСКОГО ТИПА

Н. В. Тухтина

В нашей статье будут рассмотрены лишь сопки с каменными кладками, расположенные на р. Волхов. К сожалению, памятники, привлечшие наше внимание, изучены довольно плохо, что объясняется трудоемкостью их раскопок, а также тем, что исследователи прошлого века не оставили подробных отчетов о результатах своих археологических изысканий. Впервые две сопки с каменными кладками были раскопаны близ Старой Ладogi З. А. Ходаковским в 1824 г. Исследователь оставил лишь краткое сообщение о том, что найдены каменные кладки и кальцинированные кости в урнах, а также железный наконечник стрелы¹. Подобного же характера краткие публикации имеются о раскопках сопок А. Колмогоровым в местности Горбиничи на р. Сясь². Снабжены хорошей документацией лишь памятники, раскопанные Н. Е. Бранденбургом на Волхове³. Он раскопал 13 сопок, из которых 11 были расположены близ городища Старая Ладога и 2 — выше по реке, близ дер. Лопино и с. Михаил-Архангел⁴.

Отличительные особенности рассматриваемых сопок следующие: сопки, как правило, расположены на берегу реки; все они содержат внутри каменные кладки; характерно помещение остатков трупосожжений в урны. Количество сопок подобного типа невелико. Все они хорошо известны благодаря своим внушительным размерам, достигая иногда в высоту 10 м⁵.

Трупосожжения, как правило, совершали вне сопок. Некоторые из сопок содержали по одному сожжению, при этом кальцинированные кости

¹ З. А. Ходаковский. Отрывок из путешествия Ходаковского по России.— Русский исторический сборник, т. III, кн. 2, 1838, стр. 148.

² А. Колмогоров. Тихвинские курганы.— Тр. XV АС в Новгороде. М., 1914, стр. 411.

Одна сопка с каменной кладкой исследована Е. В. Барсовым на р. Оять. Кроме кладки, ничего не обнаружено, подробных данных в отчете нет (Е. В. Барсов. Отчет о раскопках в Приотьяской Чуди.— Антропологическая выставка 1879 г., т. II).

³ Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья.— МАР, № 18, 1895.

⁴ Там же, стр. 135. К памятникам этого типа отнесены 15 курганов, но 2 из них (133 и 134) расположены на р. Ладожке; они не содержат каменных кладок и являются обычными курганами приладожского типа. В дальнейшем нумерация курганов дана по указанной публикации Н. Е. Бранденбурга.

⁵ Н. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки.— МИА, № 6, 1941, стр. 93. Н. Н. Чернягин помещает список всех памятников, как раскопанных, так и не подвергнутых раскопкам.

были помещены в урнах, поставленных вверху насыпей (курганы 132, 135); другие — по два сожжения. В кургане 139 две грудки кальцинированных костей найдены на материке, в кургане 145 одно сожжение обнаружено на глубине 1 м, другое — на материке. В кургане 142 обнаружено три сожжения под дерном кургана, в кургане 140 — четыре сожжения (на глубине 70 см, на глубине 1,4 м в урне, накрытой плитой, еще ниже — урна с костями, помещенная в нише стенки из валунов, и, наконец, — на материке рядом с ритуальным кострищем). 5 курганов из 13 не содержали погребений (131, 137, 138, 141, 144). Кроме того, в одном кургане (143) обнаружены остатки труположения. Одна насыпь (курган 136) покрывала следы как трупосожжения, так и труположения, причем оба обряда были совершены одновременно, так как и кальцинированные кости, и остатки человеческого скелета найдены на материке. Часть кальцинированных костей была помещена в горшок, рядом с урной было еще одно скопление человеческих костей. Погребенный в этом кургане лежал головой на запад, при нем находился только нож. В кургане 143 валуны и плиты лежали в виде двух перекрещивающихся под прямым углом линий, между которыми обнаружены кости человеческого скелета.

Кроме кальцинированных человеческих костей, в сопках обычно встречаются кальцинированные кости животных: коровы, лошади, росомахи, медведя и др. Они обнаружены в урнах и среди скоплений человеческих костей. Чаще всего попадались ногтевые фаланги медведей.

Вещи в погребениях очень немногочисленны. Помимо глиняных горшков, служивших урнами, найдены бусы, гребень, крупный бронзовый бубенчик, спиралька, колечко, обрывок бронзовой цепочки, бронзовые бляхи, наконечники от пояса, железный футляр для трута, обломок костяной вещи с резьбой, железные ножи, оселок. Самым богатым среди рассматриваемых памятников оказался курган 140, в котором найдены три бронзовые бляхи, одна трехконечная⁶, два наконечника от пояса⁷, ножи⁸.

Особенностью волховских сопок являются каменные кладки в их насыпях. Они были сложены из валунов и плит. В основании кургана 132 Н. Е. Бранденбург отметил четыре каменные площадки, выложенные в два ряда из валунов⁹: две площадки были в виде прямоугольников, две другие имели треугольные очертания. В кургане 135 прослежено два настила: один — на глубине 70 см от поверхности, другой — на материке, причем длина этого нижнего настила с севера на юг составляла более 8 м¹⁰. Курган 145, расположенный у с. Михаил-Архангел, был одним из самых

⁶ Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья, табл. VI, 11.

⁷ Там же, табл. VI, 13, 20.

⁸ Там же, табл. VIII, 10.

⁹ Там же, рис. 23, стр. 135.

¹⁰ Н. Е. Бранденбург опубликовал планы вымоств только к курганам 132, 135, 140, 145 (планы двух урусов вымоств).

высоких среди раскопанных Н. Е. Бранденбургом (9,6 м). В этом кургане имелось три яруса каменных вымосток: первая — на глубине 3,5 м от вершины — состояла из отдельных высоких помостов с плоской поверхностью; на глубине 5,6 м шел второй ярус настилов из камней, уложенных в два слоя в форме неправильных прямоугольников; наконец, на материке было еще семь каменных площадок, некоторые из них представляли собой помосты высотой более 2 м и площадью в основании в несколько квадратных метров (точных размеров Н. Е. Бранденбург не дает). Кроме этих трех ярусов каменных кладок, внутри насыпи по подошве прослежен еще каменный цоколь шириной 1,5 м. Наружная сторона этого цоколя была выложена из огромных валунов, а внутренняя — из плит. Между наружной и внутренней стенами имелась забутовка из мелкого камня. Сверху эта стена была покрыта плоскими плитами. В кургане 142 на материке находилась полукруглая стенка из валунов. Кладки в кургане 140 располагались так: пастил из валунов шел на глубине 1,4 м, ниже — кладка из валунов высотой 0,7 м в форме круга с нишей и урной¹¹.

К сожалению, в настоящее время уже невозможно определить, имелись ли в рассматриваемых нами курганах впускные погребения и были ли все сожжения в одной насыпи одновременными. Зачастую нельзя также определить пол погребенных. Кроме того, вряд ли каждая кучка кальцинированных костей представляла собой отдельное захоронение. Возможно, что кости, собранные с кострища после сожжения одного трупа, раскладывались несколькими грудками. Такое явление было отмечено исследователями Тимеревского могильника Ярославской области¹².

Определить синхронность отдельных погребений волховских сопкок трудно из-за удивительной бедности инвентаря. По этой же причине редко удается установить и пол погребенных. Например, трупосожжения в курганах 136, 142 (погребения 1 и 2) и два комплекса в кургане 140 представляют собой, по-видимому, остатки захоронений женщин, так как в составе погребального инвентаря встречены бусы. В урне в кургане 140, очевидно, погребен прах мужчины: среди кальцинированных костей найден бубенчик крупного размера — принадлежность конской сбруи. Всего из 15 погребений, исследованных в волховских сопках, 5, вероятно, являются захоронениями женщин и лишь 2 — мужчин. Самое богатое погребение группы (в кургане 140), несомненно, было мужским: здесь найден набор разнообразных бляшек. Вероятно, часть этих блях прикреплялась к ремням

¹¹ Эта стенка образовывала полукруг в восточной части основания насыпи, остальная часть круга была просто как бы отмечена отдельными валунами (Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья, рис. 25, стр. 138). В северной части этого каменного кольца имелась еще треугольная каменная площадка. А рядом с последней — ритуальный костер.

¹² М. В. Фе х н е р. Тимеревский могильник. — В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, стр. 5.

конской упряжи, так как среди кальцинированных костей встречены и конские.

Скудость погребального инвентаря в рассматриваемых памятниках затрудняет и их датировку. По набору бляшек из кургана 140 исследователи обычно датировали его VII—VIII вв., ссылаясь при этом на находки аналогичных вещей в пермских могильниках и в Финляндии¹³. Нам представляется, что волховские сопки могут быть отнесены к IX—X вв., исходя из того, что, кроме бляшек, здесь найдены такие вещи, как футляр для фитиля и бубенчик от ковской сбруи, известные в памятниках X в. Кроме того, в волховских сопках при господстве обряда кремации имеется два захоронения, совершенных по обряду ингумации. Как известно, эта смена погребальной обрядности относится к рубежу X—XI вв. В пользу датировки этих сопок IX—X вв. говорит и то, что каменные кладки треугольной формы, аналогичные волховским, в Швеции получили основное распространение в X в.¹⁴

Большинство авторов связывают волховские сопки со славянами. Этой точки зрения придерживался исследователь указанных памятников Н. Е. Бранденбург, а также А. А. Спицын, Н. И. Репников, Я. В. Станкевич, П. Н. Третьяков¹⁵. В. И. Равдоникас, основываясь на расположении рассматриваемых погребальных памятников на важнейших торговых путях той эпохи, склонен был признать их норманскими¹⁶. Правда, этот же довод послужил решающим и для Н. Е. Бранденбурга, который, как мы отметили, считал сопки славянскими. Шведский археолог А. Стендер-Петерсен полагает, что сопки оставлены богатыми шведами, а основная масса приладожских курганов (бассейны рек Паши, Сяси, Ояти, Тихвинки) — шведскими крестьянами¹⁷. Однако при исследовании сопок обнаружено очень незначительное количество вещей, в то время как приладожские курганы, содержащие скандинавские вещи, отличаются богатством инвен-

¹³ Я. В. Станкевич. Керамика нижнего горизонта Старой Ладogi.— СА, XIV, 1950, стр. 202.

¹⁴ M. Stromberg. Untersuchungen zur jungeren Eisenzeit in Schonen, т. I. Lund, 1961, стр. 68.

¹⁵ Н. Е. Бранденбург. О признаках курганных могил языческих славян в северной полосе России.— Тр. VII АС в Ярославле, т. I. М., 1895, стр. 1; А. А. Спицын. Дополнительные замечания.— МАР, № 48, 1895, стр. 143 (А. А. Спицын впоследствии изменил отношение к волховским сопкам и в различных работах неизменно называл их норманскими памятниками. См.: А. А. Спицын. Сопки и жалыники.— ЗРАО, т. XI. СПб., 1899, стр. 149; он же. Археологические разведки. СПб., 1908, стр. 16); Н. И. Репников. Старая Ладога.— Сборник Новгородского общества любителей древности, вып. VII, 1915, стр. 1; Я. В. Станкевич. Хронологическая классификация курганов Юго-Восточного Приладожья IX—XII вв.— Канд. дисс. Рукопись, стр. 20; П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 230.

¹⁶ V. Raudonikass. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930, стр. 140—141; В. И. Равдоникас. Доисторическое прошлое Тихвинского края. Тихвин, 1924.

¹⁷ A. Stender-Petersen. Varangica. Aarhus, 1953.

таря. Большинство исследователей считают, что последние оставлены представителями местной знати¹⁸.

Нам кажется, что волховские сопки оставлены скандинавами, жившими в Старой Ладоге, и именно этим объясняется и малочисленность рассматриваемых памятников и их отличие от остальных курганов Приладожья.

Обряд сооружения каменных кладок, которые встречаются в волховских сопках, не находит аналогий на нашей территории. В скандинавских же странах, особенно в Швеции, подобные сооружения были широко распространены. Традиция создания каменных погребальных сооружений в Швеции восходит еще к каменному веку, она продолжала существовать в эпоху бронзы, в римский период и во времена викингов¹⁹. В Швеции, Норвегии, а также в прибалтийских странах в VI—VII вв. и частично в более позднее время встречаются бескурганные могильники, края которых были обложены крупными камнями в форме корабля²⁰. В таких могильниках всегда находят погребения, совершенные по обряду сожжения. В ладьях сжигали лишь наиболее знатных людей, и такие захоронения преимущественно были распространены в Швеции (в Упланде).

В период викингов в Швеции и соседних с ней странах распространился обряд захоронения в курганах, в которых археологи очень часто обнаруживают каменные выкладки. Подобные сооружения в форме треугольника, прямоугольника и круга особенно хорошо исследованы на территории средней Швеции (Шоонен). Исследовательница этих памятников М. Стромберг отмечает, что выкладки в форме треугольника появились в Швеции только в период викингов²¹. Кладка подобной формы известна и в курганах Норвегии, единичные памятники имеются в Польше. На территории Северной Швеции прослежены случаи, когда плиты в кургане поставлены вертикально, образуя сооружения для помещения сожжений. Как и в курганах средней части Швеции, в северных могильных насыпях встречаются каменные кладки треугольной и четырехугольной форм, внутри которых обнаружены кострища с кальцинированными костями. Иногда в одной насыпи находят по два захоронения — мужчины и женщины. В Швеции имеются и захоронения в урнах, и погребения, сопровождаемые небольшим количеством вещей, а также совсем без погребального инвентаря. Среди человеческих костей обычно находят кальцинированные кости животных. Следовательно, идентичность шведского погребального обряда и обряда на Волхове несомненна.

¹⁸ В. И. Равдоникас. Указ. соч., стр. 132—134; Я. В. Станкевич. Указ. соч., стр. 208.

¹⁹ P. Chailu. The Viking Age, т. I. London, 1899.

²⁰ M. Stromberg. Указ соч., т. II, табл. 17.

²¹ Там же, т. I, стр. 68.

Не случайно, что исследуемые сопки сконцентрированы именно близ Старой Ладogi, которая, по предположению исследователей, была опорным пунктом сначала веси, а впоследствии славянского населения²². Население этого города с IX в. постоянно поддерживало тесные контакты со странами Скандинавии. Ярким доказательством этого являются находки большого числа скандинавских изделий в курганах приладожской веси. В настоящее время вряд ли кто из исследователей станет отрицать, что в Старой Ладoge постоянно присутствовал какой-то процент шведского, финского и порвежского населения, которое являлось посредником в обширной торговле между странами Скандинавии, Русью и Востоком.

²² Г. Ф. Корзухина. О времени появления укрепленного поселения в Ладoge.— СА, 1961, № 3, стр. 84. В Литве известны также курганы с каменными кладками и вымостками. См.: А. А. Спицын. Предполагаемые древности Черной Руси.— ЗРАО, т. XI, вып. 1-2. СПб., 1899, стр. 303. М. В. Витов отмечает антропологическую близость населения бассейна Волхова к жителям Северной Европы, в частности Скандинавии: «Это объясняется не только географической близостью, но весьма вероятной варяжско-скандинавской примесью у русских северо-запада. Районы Поволожский и Волховский близки среднему типу шведов, по данным Лундборга и Липндерса. Это хорошо согласуется с историческими свидетельствами о связях Ладogi со Скандинавией и с Поморьем» (М. В. Витов. Антропологические данные как источник истории колонизации Русского Севера.— История СССР, 1964, № 6, стр. 97).

ДРЕВНЕРУССКОЕ КРЕСТЬЯНСКОЕ ЖИЛИЩЕ ПО МАТЕРИАЛАМ СЕЛИЩ

А. В. Успенская

Жилище всегда являлось одной из важных и характерных черт материальной культуры общества. По размерам жилищ, их устройству и планировке, а также по характеру хозяйственных построек можно судить о социальных и семейных отношениях в различные исторические периоды. В древние эпохи жилище больше, чем другие элементы культуры, зависело от естественно-географических условий и исторических традиций. Вышедшие за последние годы работы по древнерусским жилищам посвящены преимущественно городским жилым постройкам. Наибольший интерес представляет работа П. И. Засурцева, посвященная жилым постройкам и усадьбам Новгорода. Что же касается крестьянских жилищ, то до последнего времени они мало изучались.

В нашей статье использован полученный за последние годы материал и привлечены архивные данные по жилищам из раскопок сельских поселений. В настоящее время мы располагаем материалом из раскопок 45 сельских поселений Горьковской, Рязанской, Калужской, Орловской, Брянской, Владимирской, Московской, Ярославской, Калининской, Смоленской и привлечены архивные данные по жилищам из раскопок сельских поселений, показавших распространение наземных и углубленных в землю жилищ (рис. 1). Наряду с материалами, полученными из раскопок селищ, привлекаются материалы по жилищам из раскопок древнерусских городов, поскольку принципиальных различий, как нам удалось выяснить, в конструкции городских и деревенских жилищ в период раннего феодализма не существовало. Население городов постоянно пополнялось выходцами из деревни, которые принесли свои традиции и приемы домостроительства на новые места поселения.

Надо сказать, что изучение древних поселений сельского типа связано со значительными трудностями. Культурный слой таких поселений, как правило, не превышающий 35—40 см, часто разрушен многолетней распахкой. Поэтому редко удается проследить как планировку поселения, так и характер жилых сооружений, особенно если жилища были наземными. Углубленные в землю жилища-полуземлянки обнаружить гораздо легче. Изучение материалов сельских поселений древней Руси показало, что на большинстве этих поселений жилые постройки располагались в один или два ряда вдоль берега реки, оврага или надпойменной террасы. Такая пла-

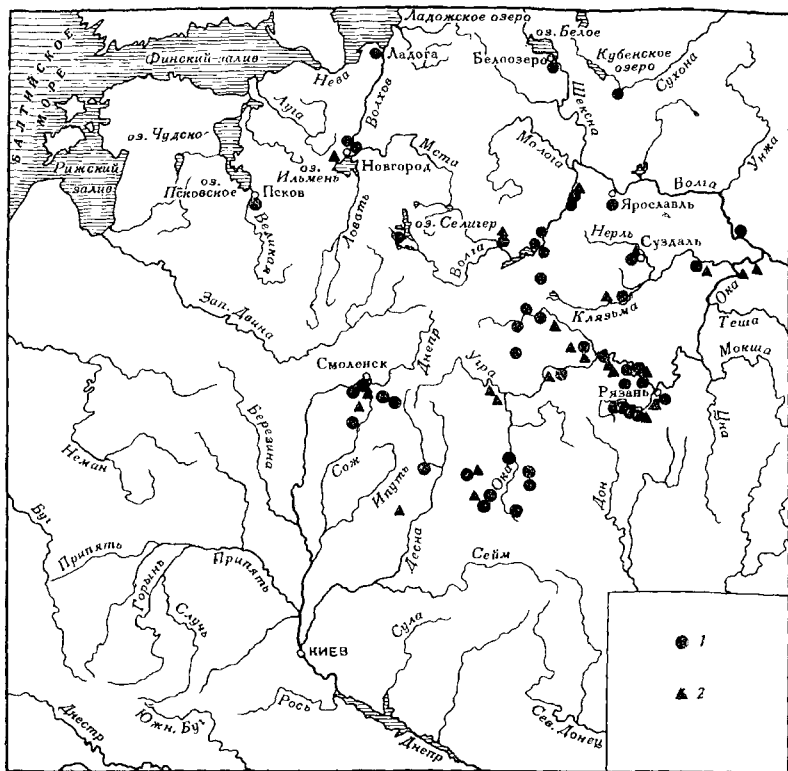

Рис. 1. Распространение древнерусских крестьянских жилищ

1 — наземные жилища; 2 — жилища, углубленные в землю

нировка зафиксирована на селищах близ Грехова ручья, у с. Золоторучье Ярославской области¹, у деревень Дросенское и Яновское Смоленской области.

Наземные жилища представляли собой деревянные срубы из горизонтально положенных бревен. Нижние венцы сруба ставились в большинстве случаев не прямо на землю, а на разные подкладки, заменяющие фундамент. Одним из характерных приемов в деревенском домостроительстве была постройка нижней части сруба на столбы-стулья — вертикальные

¹ М. В. Фехнер. Селища Ярославского Поволжья XI—XIII вв. — Красневские записки, вып. 11. Ярославль, 1957, стр. 185; она же. Раскопки селища близ Грехова ручья. — Тр. ГИМ, вып. 37, 1959, стр. 157.

столбы длиной около 1 м, вкопанные вровень с землей (иногда немного выше) под углами сруба². При раскопках остатки таких столбов прослеживаются в виде ям в материке, заполненных темной землей с отдельными углями и камнями. Подобный прием возведения фундамента прослежен также в постройках XII—XIII вв. на Вицижском городище³. Одновременно применялся и другой прием: венцы дома устанавливались на сплошную вымостку из камней или горбылей⁴. Известны также жилища, где нижние венцы срубов лежали прямо на земле или на незначительной прослойке из песка⁵. Для предохранения нижних венцов от сырости и сохранения тепла внутри помещения вокруг срубов возводились завалинки. Так, при раскопках жилищ Белоозера и Старой Ладogi было обнаружено, что параллельно основному срубу на земле лежали длинные бревна; иногда рядом с ними находились остатки столбов, придерживавших бревна. Пространство между этими бревнами и срубом засыпало землей.

Относительно количества венцов в срубе деревенского жилища данных нет. На некоторых поселениях, как выяснено раскопками, нижние венцы сруба состояли из бревен диаметром 25—20 см (на Тупиковом Городке в жилище XII в., в жилищах Пирова селища). А на других поселениях (Беницы Калужской области, на Борисоглебском I селище Рязанской области) диаметр бревен не превышал 20 см. Отдельные хорошо сохранившиеся срубы новгородских построек насчитывали 14—15 венцов при толщине бревен 20—22 см. Пазы между бревнами в крестьянских жилищах промазывались, как правило, глиной. Куски глиняной обмазки с отпечатками бревен часто встречаются при раскопках селищ и городищ⁶. В городских домах для этой цели использовали мох (Новгород, Белоозеро, Старая Ладога, Вициж).

Судя по сохранившимся остаткам, крестьянские жилища X—XIII вв. в плане имели форму, приближающуюся к квадрату. Длина их стен составляла от 3 до 5 м. Следует отметить, что размеры изб северных районов России в XVI—XVII вв. не превышали в среднем размеры древнерусских жилищ⁷.

² Постройки на столбах-стульях открыты на селищах и городищах Смоленщины (Воициане, Дросенском, Яновском, Крицковщинском), на селище Беницы Калужской области, на селище Грехов ручей (жилище 4), на Успенском селище Московской области, на поселении Дубна, на Кимрском селище, на Пронском и Казарском городищах.

³ Б. А. Рыбаков. Стольный город Чернигов и удельный город Вициж.— В кн.: По следам древних культур. М., 1953, стр. 118.

⁴ Такие вымостки обнаружены при раскопках жилищ на Золоторучьенском селище, в Новгороде, Старой Ладoge и Дмитрове.

⁵ На селище Введенском Ярославской области, на Пяровом селище и в городах Звенигороде и Белоозере.

⁶ На селищах Беницы и Золоторучье, на Рюриковом и Жокинском городищах, на поселении Дубна.

⁷ Н. Д. Чечулин. Русские деревянные жилые постройки в XVI в.— ЗРАО, т. VI. М., 1893, стр. 304.

Часто при раскопках прослеживаются остатки полов, причем характер устройства пола не зависел от конструкции жилища. Полы в наземных бревенчатых домах, как деревенских так и городских, часто были глинобитными или земляными. В то же время в полуземляночных жилищах полы нередко настилались из тщательно пригнанных друг к другу досок или горбылей⁸.

На существование окон в деревенских постройках указывают находки фрагментов слюды около домов. В новгородских и старолadoжских домах XI—XIII вв. окна были волоковые или косячатые, затянутые слюдой или рыбьим пузырем. Слюда найдена также в жилищах на селнице Беницы, в полуземлянках Перыни. Интересны открытые на раннеславянском поселении у дер. Карачевка близ Харькова остатки жилищ с хорошо сохранившимися оконными проемами. В верхней части одной из стен полуземлянки обнаружен трапецевидный вырез для окна. Стенки этого выреза были облицованы деревом, впоследствии обгоревшим⁹.

Фрагменты верхних частей древнерусских жилищ — перекрытия, кровли, потолков — редко сохраняются в земле. Судя по отдельным находкам, кровельным материалом служил тес; чаще дома крыли соломой. На селнице Росва (Калужская область) были обнаружены остатки обгоревшей соломенной крыши. Остатки таких же крыш найдены и в развалах жилищ Вщижа¹⁰, Старой Рязани, Старой Ладого и Белоозера.

Печи расположены, как правило, или в центре жилища, ближе к противоположной входу стене, или в углу; устье печи для облегчения выхода дыма из жилища всегда было обращено в сторону двери. Археологически существование дымоходов прослежено только на одном памятнике — Вщижском городище — в жилище XII в.¹¹ Первое письменное упоминание о дымоходах в Новгороде относится к 1560 г.¹² Строились печи из глины, из камня или из камня и глины вместе. К сожалению, печи сохраняются обычно очень плохо, и поэтому почти невозможно воссоздать их первоначальный облик. В тех случаях, когда глинобитные печи возводились на деревянном каркасе, в развалах печей попадались обломки печины с отпечатками брусев и бревен. Такие глинобитные печи известны в жилищах XII—XIII вв. на рязанских городищах Казарском, Мубянском, Ижеслав-

⁸ Остатки деревянных полов обнаружены в жилищах следующих поселений: на селнице Лебедка и городище Зайцево Орловской области, на Широком селнице Владимирской области; в Тушковом Городке, Дмитрове и Коломне Московской области, в Старой Рязани, Пронске, на Казарском городище Рязанской области, в Белоозере, Старой Ладого, Новгороде, а также в полуземляночных жилищах Перыни близ Новгорода и на городище Спас Калужской области.

⁹ Б. А. Шрамко. Новые детали устройства раннеславянских жилищ. — СА, 1960, № 3, стр. 319.

¹⁰ Б. А. Рыбаков. Раскопки во Вщиже. — КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951, стр. 38—41.

¹¹ Б. А. Рыбаков. Стольный город Черпигов и удельный город Вщиж, стр. 118.

¹² ПСРЛ, т. III. СПб., 1841, стр. 160.

ском, а также в Старой Рязани¹³. Старорязанские глинобитные печи, по реконструкции В. А. Городцова, были четырехугольными с плоским верхом и прямыми боковыми стенками без трубы. Часто при раскопках жилищ среди остатков глинобитных печей находят камни со следами обжига. Так, при раскопках селища Беницы в развалах печей каждого жилища встречено много камней. В этнографической литературе есть указание на использование камней при сооружении глинобитных печей¹⁴. Такие печи сильнее прогреваются и дольше сохраняют тепло.

Глинобитные печи в древнерусских домах иногда сооружались непосредственно на грунте. В таких случаях перед устьем печи выкапывалась предпечная яма, в которую хозяйка спускалась во время стряпни. Более распространены были печи на возвышении над полом — опечке, который устанавливался на столбах. Следы таких столбов обнаружены в двух жилищах на селище Беницы. Наряду с глинобитными печами в Северо-Западной и Северо-Восточной Руси широко применялись печи-каменки. Камни в них иногда скреплялись глиной или укладывались без связующего материала. При раскопках селищ Калужской, Смоленской, Владимирской областей на одном и том же поселении в одних жилищах печи были глинобитными, а в других, синхронных, — каменными (например, городище Спас, селища Беницы, Пирово, Грехов ручей, Введенское и др.).

Картографирование остатков жилищ из раскопок поселений Северо-Западной и Северо-Восточной Руси показало, что наряду с наземными срубными домами население здесь строило жилища, углубленные в землю, — полуземлянки. Они представляли собой деревянные жилые помещения, нижняя часть которых находилась в земле на 0,5—1,5 м. Верхняя, большая часть жилища возвышалась над землей. Перекрытие в таком жилище держалось на столбах, следы которых заметны на дне землянок. Для входа в помещение служили ступеньки, врезанные в землю, иногда облицованные деревом. Надо сказать, что полуземляночные жилища X—XIII вв. по размерам, внутренней планировке, отдельным элементам постройки (двери, печи, окна, полы и т. д.) почти совсем не отличались от наземных домов. В полуземляночных жилищах в Перыни близ Новгорода сохранились фрагменты бревенчатых срубов, дощатых полов и остатки слюдяных окон¹⁵. Печи в них были глинобитными и каменными.

Полуземляночные жилища не являлись исключительной особенностью сельских поселений. В древнерусских городах Суздале, Старой Рязани, Твери, Прюске в XI—XIII вв. наряду с наземными домами существовали и полуземлянки. Однако в северных районах древней Руси полуземляноч-

¹³ А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1961, стр. 202—203.

¹⁴ Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. — Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956, стр. 260.

¹⁵ В. В. Седов. Поселение XII — начала XV в. в Перыни. — КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 110.

ные жилища были менее распространены. Видимо, они сооружались в основном в тех местах, где почвенные и климатические условия позволяли углублять жилища в землю. Например, селище у Грехова ручья и поселение Перынь под Новгородом были расположены на высоких и песчаных местах. На наш взгляд, неправы те исследователи, которые считают, что конструктивно отличающиеся жилища связаны с различными этническими группами на поселениях¹⁶. Высказанное Е. И. Горюновой предположение, что открытые в Суздале полуземляночные жилища принадлежали славянскому населению, в то время как меря строила наземные бревенчатые дома, основано на том, что в полуземлянках найдены стеклянные браслеты, перстни и славянская керамика. Однако с этим мнением трудно согласиться, так как такие же вещи были обнаружены и в подпольных ямах наземных домов¹⁷. Полуземляночные жилища на Руси во многих местах продолжали сооружать и в более позднее время. В Перыни полуземлянки датируются XIV—XV вв. В некоторых районах Рязанской, Воронежской, Костромской областей полуземляночные жилища сохранились в виде отдельных исключений до XVII в.¹⁸

На основе археологических материалов, добытых из раскопок сельских и городских поселений Северо-Западной и Северо-Восточной Руси, можно говорить об одновременном строительстве наземных и полуземляночных жилищ в X—XIII вв. на этой территории. Что касается количественного преобладания тех или других жилищ в разных районах древней Руси, то об этом пока говорить преждевременно, так как число исследованных сельских поселений на севере древней Руси незначительно по сравнению с изученными поселениями центральных и южных районов. Определенно утверждать можно лишь то, что конструкция жилища не связана с особенностями племенных культур восточных славян. Жилище чрезвычайно устойчиво по формам. Полуземляночные жилища не являются свидетельством примитивности материальной культуры. Устойчивость некоторых конструктивных приемов (например, углубление нижней части жилища в землю) объясняется их практической целесообразностью, связанной не только с географическими условиями, но также с исторической традицией, длительным строительным опытом населения.

¹⁶ Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья.— МИА, № 94, 1961.

¹⁷ А. Ф. Дубынин. Археологические исследования Суздаля.— КСИИМК, вып. XI, 1945, стр. 96—98.

¹⁸ Е. Э. Бломквист. Материалы по истории жилищ придонских районов Воронежской области.— СЭ, 1934, № 5, стр. 50.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА РАННИХ СЛАВЯН В КАРПАТО-ДУНАЙСКИХ ЗЕМЛЯХ (VI—IX вв. н. э.)

Г. Б. Федоров, А. А. Полевой

Впервые на Карпато-Дунайские земли славяне попали, видимо, уже в первые века нашей эры в составе носителей черняховской культуры. Об этом свидетельствуют и косвенные данные, имеющиеся в некоторых латинских источниках¹. Однако более широкое проникновение славян на эту территорию началось в VI в. н. э., что явствует из прямых свидетельств византийских историков², а также из многочисленных археологических памятников, открытых здесь в основном за последние годы.

После гуннского нашествия материальная культура в большей части Карпато-Дунайских земель переживала упадок. Сравнительно нормальное развитие продолжалось только в Трансильвании. Значительные области, в особенности южные и восточные, подвергались непрерывным набегам кочевников, опустошительным нападениям византийских войск. Малочисленное население жило здесь в условиях жесточайшего экономического и культурного кризиса, неустойчивости в развитии всех областей хозяйства и общественных отношений. Земледельческие славянские племена, продвинувшиеся в равнинные области в VI в., а в горные — в начале VII в., принесли стабилизацию общественной и экономической жизни. Славянский элемент с VI в. сыграл существенную роль в культурной и этнической истории населения Карпато-Дунайских земель и послужил наряду с древним гето-дакийским и собственно романским элементом одним из трех основных слагаемых восточнороманской народности. На протяжении второй половины I и первых веков II тысячелетия н. э. материальная культура этой территории сочетала как славянский, так и неславянский элементы, которые свидетельствуют о том, что носителями этой культуры были и славяне, и другие племена, видимо романизованное население.

История славянской материальной культуры в Карпато-Дунайских землях распадается на несколько периодов. В нашей статье рассматривается первый период (VI — начало IX в. н. э.) — время становления здесь славянской культуры.

¹ Обзор этих источников см.: Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. — МИА, № 89, 1960, стр. 9—15, 54—56.

² Обзор этих свидетельств см.: Там же, стр. 173—184.

Раньше всего славянские памятники появились в Молдове, северо-восточной Мунтении и Добрудже. В Молдове ранние славянские поселения лучше всего изучены в Сучаве, в частности в пригороде ее — Шипоте³. При раскопках поселения в Шипоте открыто около 20 прямоугольных полужемлянок с печами-каменками или очагами, обложенными камнями. Двускатные, видимо, кровли опирались на центральный и угловые столбы. Вещей в жилищах мало — это преимущественно бытовые предметы: железные ножи, костяные проколки, глиняные пряслица, одна бронзовая пальчатая фибула, бронзовые бляшки, костяная пластинка с циркульным орнаментом, бусы и обломки лепной грубой посуды (рис. 1), в основном горшков округлой или вытянутой вверх формы, желтого или коричневого цвета, без орнамента, изредка с защипами или косыми насечками по краю венчика. Реже встречаются обломки глиняных сковородок. Бронзовые пальчатые фибулы найдены и во многих других местах Молдовы, в Мунтении и Добрудже. В Тырпешть (Молдова) на раннеславянском поселении VI—VII вв. в одной из хозяйственных ям наряду с обломками типичной раннеславянской посуды есть и фрагменты горшков банкообразной формы с налипшими валиками, которые могут быть связаны как со славянской, так и с гето-дакийской традицией.

Наиболее значительный раннеславянский могильник — Сэрата-Монтеору — расположен возле г. Бузеу, в северо-восточной Мунтении⁴. Раскопано

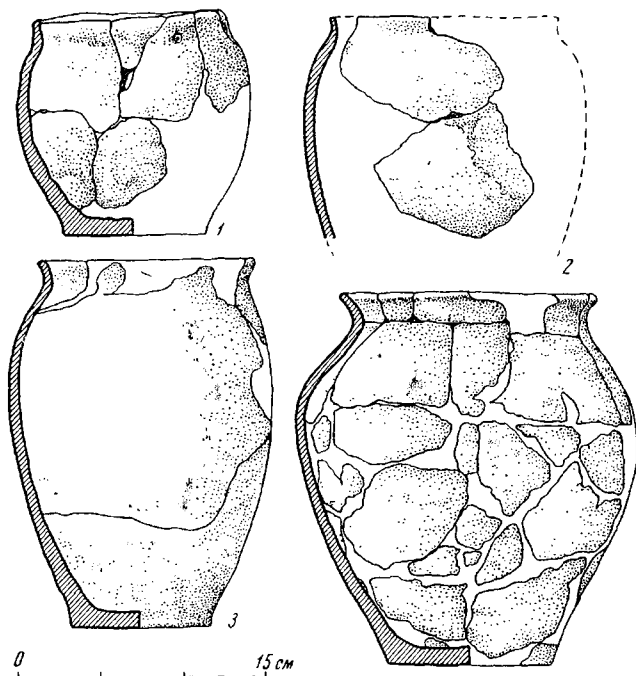

Рис. 1. Славянская керамика Карпато-Дунайских земель (VI—VIII вв.)
1, 2 — Сучава, Шипот; 3, 4 — Сэрата-Монтеору

³ M. Matei. Contribuții arheologica la istoria orașului Suceava. București, 1963, стр. 13—34.

⁴ I. Nestor. La nécropole slave de l'époque ancienne de Sărata-Monteoru.— Dacia, n. s., I, 1957, стр. 289—295; см. также: Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья..., стр. 193—197.

свыше 1500 погребений. Единственным обрядом погребения была кремация, причем существовало несколько вариантов захоронений. Кремированные останки помещали просто в ямы, во многих случаях — в урны, иногда — в несколько урн. Реже пережженные раздробленные человеческие кости частично помещали в урны, а частично — в могильную яму рядом с урной. Иногда в могильные ямы вместе с остатками сожженных, золой и углем ставили горшок, а чаще там вообще не было керамики. Ямы располагались группами, видимо, концентрировались погребения членов одной семьи. Эти семейные группы объединялись в большие комплексы, возможно кладбища большой патриархальной семьи, объединявшей индивидуальные семьи. В могилах найдено сравнительно немного предметов; иногда погребения вообще не содержат никаких вещей, кроме горшков. Среди предметов, найденных в погребениях, пальчатые бронзовые и серебряные фибулы VI—VII вв., железные ножи, гвозди, зеленые, желтые, синие и полихромные стеклянные бусины, серебряная круглая литая бляшка, калачевидные железные кресала, железные и бронзовые поясные пряжки, три железных трехлопастных наконечника стрел аварского типа. Среди массы примерно однородных по инвентарю погребений очень редко встречаются богатые. В одном из них, вероятно женском, найдена золотая византийская лунница, украшенная шестью рельефными полушариями, множество синих и многоцветных стеклянных бусин, стеклянный византийский сосуд для благовоний в серебряной оправе.

Урнами служили обычные раннеславянские горшки VI—VII вв. (рис. 2). Однако здесь встречаются и единичные экземпляры, изготовленные на подставке — прототипе гончарного круга или даже на примитивном круге. Но в массе это лепные горшки, корпус которых плавно расширяется в верхней части, с невысокими венчиками, иногда украшенными по краю защипами или косыми насечками. Такие горшки встречаются во всем ареале славянской культуры VI—VII вв. н. э. Это так называемая керамика пражского типа, или типа Корчак. Изредка встречаются лепные горшки баночной формы. Известны также горшки вытянутых пропорций с хорошо заглаженной серой поверхностью, сформованные на гончарном круге. Они украшены полосами врезных волнистых и горизонтальных линий. По форме, технике выделки и цвету они не типичны для славянской посуды того времени и находят аналогии в провинциальной византийской керамике. Судя по гончарной посуде, могильник использовался не только в VI, но и в VII в.

Весь облик материальной культуры славянских памятников VI—VII вв. н. э. Карпато-Дунайских земель показывает, особенно в керамике, ее чрезвычайную близость с современными ей славянскими памятниками Юго-Запада СССР, в частности Среднего и Нижнего Поднепровья и Поднепровья. Раннеславянские карпато-дунайские памятники непосредственно примыкают к ареалу этих памятников на территории Молдавской ССР и правобережной Украины, составляя с ними общий массив.

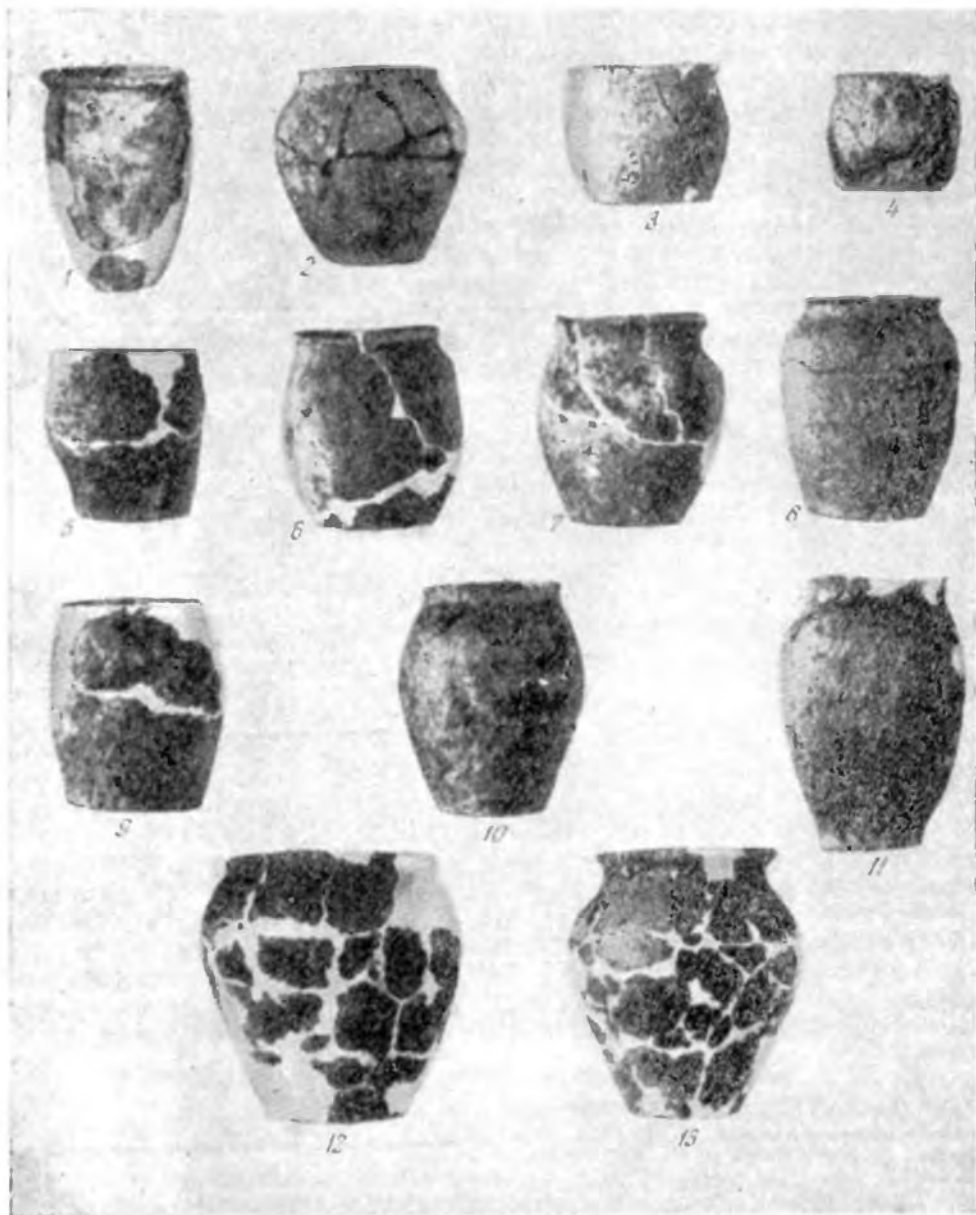

Рис. 2. Славянская керамика Карпато-Дунайских земель (VI—VIII вв.)

1 — Доробанцу; 2—13 — Сэрата-Монтеору

Переселение с северо-востока непрерывно пополняло славянское население Карпато-Дунайских земель. В результате раннеславянская культура VI—VII вв. переросла в более позднюю культуру VIII—IX вв., известную под названием культуры поселений типа Хлинча I. Поселения этого типа известны также в Молдове и в восточной Мунтении. В VIII—IX вв. они, как и в предшествующий период, располагались на пологих склонах долин или у самой поймы, близ реки или ручья, среди богатых земледельческих и скотоводческих угодий. Жилищами служили прямоугольные полуземлянки, которые отапливались печами, сделанными из камня или глины, или очагами. Возле жилищ располагались ямы для хранения зерна и других припасов. Жилища на поселениях обычно размещались группами или гнездами. Видимо, в каждом из таких гнезд обитала патронимная семья. Подобное расположение жилищ гнездами характерно и для древнерусских поселений Поднестровья⁵.

Славянские жилища VIII—IX вв. на поселениях типа Хлинча I так же бедны находками, как и жилища предшествующего времени. Обычно в них находят глиняные пряслица, костяные наконечники стрел, проколки, железные ножи, долота, каменные точильные бруски и многочисленные обломки глиняной посуды. Вначале на памятниках VIII—IX вв. еще полностью преобладала лепная керамика, близкая к посуде VI—VII вв. Однако она в большинстве случаев уже была украшена насечками или вдавлениями по венчику. На протяжении существования памятников произошел процесс постепенного вытеснения лепной керамики посудой, сделанной на примитивном гончарном круге. Формы сосудов в основном оставались теми же, но качество улучшилось: они стали симметричными, тонкостенными, украшались врезными горизонтальными и волнистыми линиями, покрывавшими большую часть корпуса горшка. Улучшилось и качество обжига. Сковородки по-прежнему лепились от руки. Появились и новые виды глиняных изделий: большие прямоугольные толстостенные жаровни и миски.

Славянские могильники того времени известны по памятнику, открытому у с. Кордень в Молдове. Это — могильник VIII—IX вв., в котором погребения совершались по обряду кремации.

Славянские памятники VIII—IX вв. типа Хлинча I по всем категориям изделий прочно связаны с восточнославянскими памятниками Молдавской ССР и правобережной Украины, составляя с ними единый этнокультурный комплекс.

В X в. восточнославянская культура в Карпато-Дунайских землях была отеснена на задний план южнославянской, так называемой Балкано-Дунайской, в связи с укреплением Первого Болгарского царства

⁵ Г. Б. Федоров. Древнерусский город на Днестре.— Вестник Академии наук ССР, 1960, № 10, стр. 41—42.

и его экспансией на северо-восток. Элементы этой новой культуры, в частности в керамике, появились уже на поселении Спиноаса.

Другой значительный поток славянского переселения на Балканы шел из Центральной Европы, огибая Карпаты с запада. Славяне проникали также в Трансильванию, вероятно, с северо-запада, по долине р. Сомеш. Первые немногочисленные славянские переселенцы в Трансильвании появились уже в начале VII в., увлеченные сюда движением аваров. Аваро-славянские элементы прослеживаются в смешанных могильниках местного и пришлого населения Трансильвании (Бандул, Ношлак и др.)⁶. Собственно славянские поселения в Трансильвании появились несколько позже, с середины VII в. Перемещаясь большими массами на юг, славянские племена частично продвинулись также в Олтению и Мунтению. В западной части Олтении у Балта Верде, на левом берегу Дуная, открыт славянский могильник второй половины VII в. н. э. Сохранились и были исследованы только два погребения⁷. Остатки кремации, смешанные с большим количеством угля и золы из погребального костра, зарыты в неглубокие могильные ямы, куда были положены и некоторые бытовые предметы и керамика — обычные славянские горшки, лепные и сформованные на круге. В первом погребении найдены бронзовая поясная пряжка аварского типа, втулка железного копья, обломок железного наконечника стрелы, обломок точильного бруска, фрагменты железных предметов и глиняных сосудов. Во втором погребении были литые бронзовые кольца, обломки бронзового перстня славянского типа. Лепная керамика из Балта Верде очень близка к славянской керамике пражского типа, гончарная — также славянская. Она украшена поясами из врезных горизонтальных и волнистых линий. В юго-западной части Олтении найдены пальчатые фибулы VI—VII вв. На славянских поселениях середины VII—VIII в. Безид и Сэлапурь в Центральной Трансильвании раскопаны прямоугольные и округлые полуземлянки, которые отапливались печами-каменками или очагами, обложенными камнями. Здесь найдено много глиняной посуды, как лепной, так и гончарной. Эта посуда очень близка к славянской керамике из могильника VII—VIII вв. Девинска Нова Вес в Словакии⁸.

Переселение славян из Центральной Европы на Балканы постоянно пополняло население Трансильвании, и к VIII—IX вв. здесь была уже довольно густая сеть их поселений. Помимо поселений, существовавших с VII в., в VIII в. появилось много новых, как, например, Морешть и Чи-

⁶ K. Nordt. Contribuții la istoria Transilvaniei sec. IV—XIII. București, 1958. стр. 61—108.

⁷ D. Berciu, E. Comsa. Săpăturile arheologice de la Balta Verde și Gogoșu (1949 și 1950).— Materiale și cercetări arheologice, т. II. București, 1956, стр. 402—405; см. также: Г. Б. Федоров. Поселение Прутско-Днестровского междуречья..., стр. 197—198.

⁸ J. Eisner. Devinska Nova Ves. Bratislava, 1952.

пзу, а также славянские могильники Нушфалеу⁹, Апахида и Сомешень¹⁰ в северо-западной части Трансильвании. На поселениях найдена как лепная, так и гончарная западнославянская керамика VIII—IX вв. н. э. Поселения изучены слабо. Гораздо лучше исследованы в Кришане и Трансильвании западнославянские могильники того времени. В могильнике Нушфалеу остатки кремации погребены под курганными насыпями внутри дощатого прямоугольного сруба, который затем перекрыт пастилом из досок или каменными плитами. Вместе с остатками кремации сюда положены деревянные ведро, железные ножи, поясные бронзовые бляшки и украшения. В могильнике есть группы погребений, где остатки кремации помещены в урны, которыми служили обычные славянские глиняные горшки. В этих погребениях рядом с урнами находились остатки захоронений коней. Там же были железные стремена, серпы, ножи и т. д. Погребения в подобных срубках — домовинах широко известны у славян второй половины I тысячелетия н. э. и являются одной из отличительных черт славянского языческого погребального обряда. Глиняная посуда, найденная в могильнике, главным образом горшки обычных западнославянских типов, изготовлена на гончарном круге и орнаментирована поясами врезных горизонтальных и волнистых линий, встречающихся в различных сочетаниях. Могильник Нушфалеу довольно ярко свидетельствует о росте имущественного неравенства. Самый высокий курган, называемый «Мовила маре» (Большой курган), окружен шестью курганами поменьше, составляющими вместе с ним отдельную группу, расположенную в западной части могильника. Вероятно, эти курганы — могилы племенной знати, а самый большой из них — племенного вождя. От величины курганов зависят и размеры деревянного сооружения — домовины, количество и качество вещей, положенных вместе с погребенными.

Другой западнославянский курганный могильник — Сомешень — также относится к рубежу VIII—IX вв. По обряду захоронения он, хотя и очень близок к могильнику Нушфалеу, однако имеет и некоторые различия. Остатки кремации помещали здесь на своеобразных деревянных помостах (вид домовины), под которыми были неглубокие прямоугольные ямы. На помосты, обычно в центре, ставили глиняные горшки-урны с остатками кремации (рис. 3) или клали просто кучки пережженных раздробленных человеческих костей, золы, угля. Тут же бросали черенки сосудов, разбитых в ритуальных целях, ставили деревянные ведро, клали серебряные и

⁹ K. Tompa. A limes dacicus jelso része. Budapest, 1880, стр. 110—112; М. К я ш а с я - К о м ш а. Некоторые исторические выводы в связи с несколькими археологическими памятниками VI—XII вв. н. э. на территории РНР.— Dacia, н. с., I, 1957, стр. 314—315.

¹⁰ M. Macrea. Necropola slava de la Someşeni.— Materiale și cercetări arheologie, т. V. Bucureşti, 1959, стр. 519—527; он же. Şantierul arheologic Someşeni — Cluj.— Materiale și cercetări arheologie, т. VI. Bucureşti, 1959, стр. 515—522; Г. Б. Ф е д о р о в. Население Пруско-Днестровского междуречья..., стр. 198—200.

Рис. 3. Урны с остатками трупосожжений из могильника Сомешень

медные бляшки с литым рельефным растительным орнаментом, поясные пряжки аварского типа и т. д. В некоторых курганах найдены впускные погребения — горшки-урны с остатками кремации, закопанные уже после сооружения насыпи. Возможно, что в каждом кургане хоронили членов одной семьи или умершего с зависимыми от него людьми.

Оба западнославянских могильника содержат элементы культуры, особенно керамики, несколько более развитой, чем аналогичные изделия из частично одновременных им поселений. В то же время их инвентарь очень близок вещам из могильников и поселений в Южной Словакии и Венгрии. Вероятно, появление в Трансильвании памятников типа Нушфалеу—Сомешень отражает прилив новой группы западнославянского населения. Эта группа славян имела довольно близкие связи с аварами и их обычаями. Об этом свидетельствуют находки конских костей в некоторых погребениях могильника Нушфалеу, а также найденные в захоронениях специфические поясные пряжки со стилизованными птичьими головами и поясные бляшки аварского типа (Кестхей). К концу IX — началу X в. в Трансильванию, однако меньше, чем в Молдову и Мунтению, начали проникать памятники все более распространявшейся с юга Балкано-Дунайской культуры.

Своеобразной была материальная культура на значительной части территории Мунтении в VI—VII вв. н. э. В своем движении к югу славяне,

обогнув с востока и запада Карпаты, хлынули на Придунайскую низменность в Мунтению и Олтению. Здесь они, видимо, встретились с остатками местного населения. В результате происшедшего культурного и этнического смешения в VI—VII вв. н. э. между Карпатами и Дунаем появились поселения со своеобразной культурой. Основная часть их располагается на севере и в центре Мунтении. Отдельные поселения известны в западной части Мунтении и в Олтении. По первым раскопанным поселениям эта своеобразная смешанная культура получила название Ипотешть-Кындэшт¹¹. В настоящее время известно более 30 поселений этого типа. Они обычно располагаются на высоких террасах речных долин. Жилищами служили прямоугольные полуземлянки с печами (из глины и камня) или очагами. Иногда печи вырыты в стене полуземлянки, видимо для экономии внутреннего пространства, как это делалось и в некоторых жилищах славянского поселения Алчедар на территории Молдавской ССР. Жилища довольно бедны находками. Это в основном мелкие предметы домашнего обихода (глиняные пряслица, железные ножи, долота, поясные пряжки), а также известняковые жернова, точильные камни из песчаника, различные украшения (стеклянные разноцветные бусы, серебряные шейные гривны и др.). Изредка встречаются и бронзовые пальчатые фибулы VI—VII вв. Редки находки оружия, в основном это костяные наконечники стрел.

Больше всего найдено глиняной посуды. Она делится на две большие группы: лепную и изготовленную на круге. Лепная посуда — горшки и сковородки обычных славянских типов. Изредка они орнаментированы косыми пасечками или зацепами по краю венчика. В этой группе есть сосуды, очень близкие по форме к сосудам из могильника Сэрата-Монтеору — к раннеславянской керамике пражского типа (Корчак). Второй тип лепной посуды, представленный немногочисленными образцами, — горшки вытянутых пропорций. Полагают, что они близки к горшкам гето-дакийской традиции¹². Вытянутые вверх горшки действительно встречались в гето-дакийской керамике последних веков до нашей эры. Однако их отделяет от культуры Ипотешть-Кындэшт свыше 500 лет, а кроме того, горшки подобных пропорций обычны и для раннеславянской культуры, распространенной в тот же период, что Ипотешть-Кындэшт, и на той же территории. Видимо, в более поздних горизонтах культурного слоя этих поселений встречается и более развитая, типично славянская форма посуды: горшки, расширяющиеся кверху, с выпуклыми плечиками, также близкие к горшкам из могильника Сэрата-Монтеору и к горшкам из восточнославянских земель.

¹¹ V. Teodorescu. Despre cultura Ipotești-Cindești în Lumina cercetărilor arheologice nord-estul Munteniei (regiunea Plocești). — studii și cercetări de istoria veche, т. 15, № 4. București, 1964, стр. 485—503.

¹² Там же, стр. 497—501.

На поселениях типа Ипотешть-Кындэшь в значительном количестве встречается и керамика, изготовленная на гончарном круге. Особенно много этой посуды на поселениях, расположенных ближе к Дунаю, к границе с Византийской империей, где находились многочисленные византийские города и крепости, переживавшие в VI в., особенно при Юстиниане, период бурного расцвета всех видов материальной культуры, в том числе и гончарного ремесла. Посуда, найденная на этих поселениях, сформирована на гончарном круге, обожжена в гончарных горнах (ни один из которых пока здесь не найден), поверхность ее серого или красноватого цвета. Горшки имеют четкую форму, они симметричны, покрыты поясами из врезных горизонтальных и волнистых линий. Высокая техника изготовления и формы показывают, что эта керамика выполнена в римско-византийских, вернее в византийских традициях. Орнамент же из врезных волнистых и горизонтальных линий обычен для некоторых форм черняховской (большие корчаги для хранения припасов) и почти всех горшков славянской традиции. В ареале памятников типа Ипотешть-Кындэшь найдены византийские монеты VI—VII вв., бронзовые пальчатые фибулы (на поселениях у оз. Тей близ Бухареста, Дэмэроайа, Бутиману и в самом Бухаресте), характерные византийские звездчатые серьги (Ипотешть).

Памятники этого типа оставило, видимо, смешанное население. Судя по характеру культуры, в частности по существованию различных типов керамики, ее посетителями были славяне и местное население. Кроме того, в этой культуре прослеживается сильное византийское влияние. Культура поселений типа Ипотешть-Кындэшь не получила длительного развития, просуществовав в основном до конца VII в. Причины этого лежат в конкретной исторической ситуации того времени. Именно в ареале этой культуры происходили основные славяно-аварские столкновения с Византией, сопровождаемые разрушительными походами с обеих сторон. Наконец, прорыв славянами византийской границы на Дунае привел к появлению в этой области новых больших масс славянского населения и к продвижению его на юг. В течение VII в. количество населения между Карпатами и Дунаем уменьшилось. Во второй половине VII в. через эти земли прошли кочевые орды тюрк-болгар во главе с Аспарухом, которые, вероятно, также увлекли с собой в византийские земли часть местного населения. В VIII—первой половине IX в. в Мунтении и Олтении существовали разрозненные редкие поселения. Новый подъем материальной культуры связан здесь с укреплением мощи Первого Болгарского царства и расширением сферы его экономического и политического влияния и культуры, получившей в литературе название Балкано-Дунайской.

КРЕСТОВИДНЫЕ ПРИВЕСКИ «СКАНДИНАВСКОГО» ТИПА

М. В. Фехнер

При археологических раскопках на территории Восточной Европы нередко находят подвески в виде равноконечного креста с рельефным орнаментом на лицевой стороне. Расширенные концы их перекладин украшены тремя выпуклыми дисками, а средокрестие имеет узор, состоящий из концентрических кругов (рис. 1, 2) или, что встречается значительно чаще, из ромба с вписанными внутри него крестом (рис. 1, 5) или кругами; в ряде случаев углы ромба вытянуты вдоль лучей и снабжены перехватами (рис. 1, 1). У некоторых привесок в средокрестии изображена многоконечная звезда с крестом в центре (рис. 1, 4). Иногда по ободку расположена еще кайма из маленьких кружков (рис. 1, 6). Кроме того, среди этой группы привесок встречаются также единичные экземпляры, на лицевой поверхности которых имеется глубоко врезанное очертание креста (рис. 1, 3).

Крестовидные подвески сделаны из бронзы или серебра и все без исключения выполнены в технике литья. Размеры их колеблются в следующих пределах: длина (вместе с ушком для подвешивания) 2—5 см, ширина 1,6—5,4 см. Кресты крупного размера (5,4 × 6 см; 4,7 × 5,6 см) встречаются редко. Для них характерен орнамент в виде концентрических кругов на перекрестии, который, как правило, не встречается на крестовидных подвесках небольшого размера.

В археологической литературе за описанными привесками прочно утвердилось название «крестики скандинавского типа», данное им. А. А. Спицыным¹. Основываясь на том, что аналогичной формы кресты чаще встречаются на территории Швеции, чем в киевских древностях, исследователь рассматривал их как вещи скандинавского импорта XI—XII вв.

Действительно, в Среднем Поднепровье находки подобных крестовидных подвесок немногочисленны. Известны лишь четыре случайные находки близ Киева и на территории Киевской области. Они относятся к разновидностям креста с тремя выпуклостями на концах (рис. 1, 1, 2). Однако на остальной территории древней Руси привески-кресты так называемого скандинавского типа обнаружены более чем в 32 пунктах в количестве

¹ ИАК, вып. 15, 1905, стр. 117.

Рис. 1. Кресты «скандинавского» типа

1 — из кургана 829 близ дер. Вельково; 2 — из кургана близ дер. Вель; 3 — из кургана 970 близ дер. Вельково; 4 — из кургана 4 у дер. Паны; 5 — из кургана у дер. Красная Слобода; 6 — из клада близ дер. Крыжово

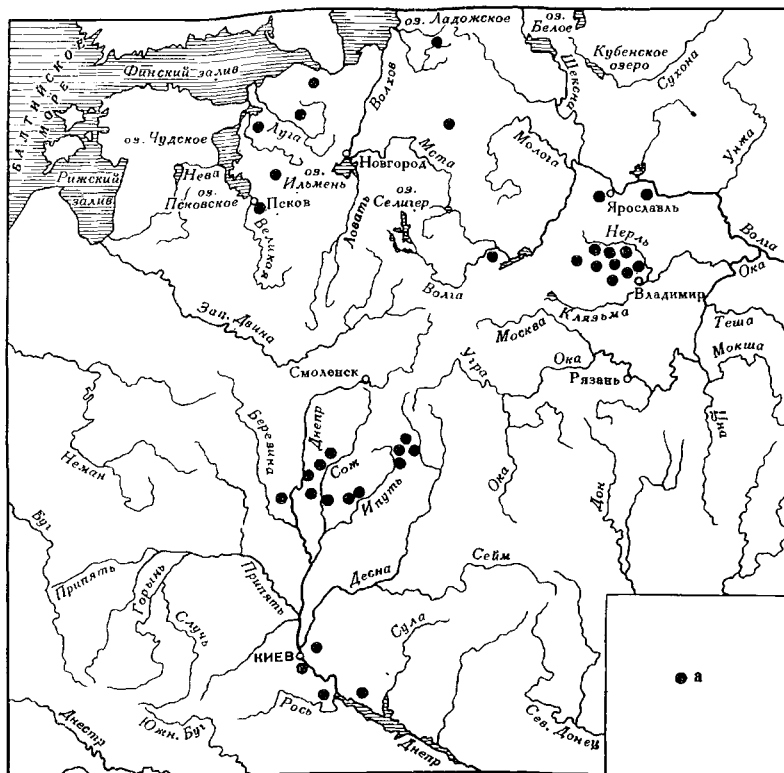
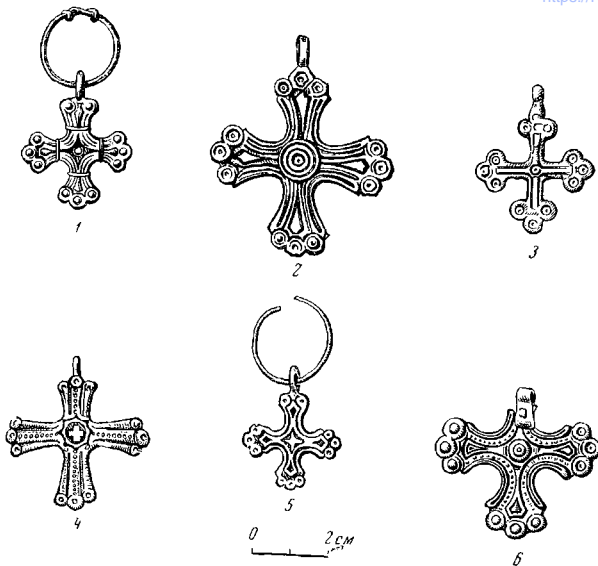

Рис. 2. Распространение крестов «скандинавского» типа на территории древней Руси

а — место находки

69 экземпляров. Они найдены в курганах ², в составе клада ³, при раскопках городов ⁴. При этом находки крестиков сконцентрированы в основном в бассейнах верхнего Днепра, Сожа, Ипути, т. е. в радимической земле (рис. 2). Судя по тому, что крестики находились только в женских захоронениях, можно заключить, что они связаны с украшениями женского костюма. Так, в курганах близ деревень Влазовичи, Казаричи, Красная Слобода, Пильня, Христово крестики входили в состав ожерелий из бисера и бус в количестве от 1 до 8 экземпляров. Вероятно, они играли роль магических оберегов. Все найденные здесь крестовидные привески небольшого размера и имеют в средокрестии орнамент в виде фигуры ромба (рис. 1, 1 и 5). В погребениях им сопутствуют украшения, характерные для XI в., — ширококорогие лунницы, шейные гривны из дрота плоско-треугольного сечения или витые с многогранными головками на концах, золотостеклянные бусы.

Аналогичные кресты известны из курганов, содержащих остатки женских захоронений, близ деревень Тимерево Ярославской области, Левоча Новгородской области, Беседа и Алеховщина Ленинградской области. По погребальным комплексам, в составе которых эти привески найдены, их можно также датировать XI в. Исследования этих курганов позволяют выяснить различные способы использования крестовидных подвесок в женском костюме. Их не только носили в ожерельях, но и прикрепляли к поясу и подвешивали на длинной цепочке к правому плечу. Сравнительно много крестиков найдено и во владимирских курганах (13 штук). В них

² В курганах у деревень Весь, Городище (курган 2515), Матвейцево (курган 219), Паны (курган 4), Романово и в других пунктах Владимирской области из раскопок А. С. Уварова (ГИМ, инв. № 54746); у деревень Влазовичи (курган 41), Казаричи (курган 48), Пеклино Брянской области (ГИМ, инв. № 32884; ИАК, вып. 15, стр. 117); у сел Веточка, Гадилевичи, Грамызи, Залесье, Каменка Гомельской области (Г. Ф. Соловьева. Отчет о работе Радимичского отряда Приднепровской экспедиции. Архив ИА, Р — I, № 2824; Б. А. Рыбаков. Радимичи. — Труды, т. III, Минск, 1932, стр. 93); у дер. Пеньково Костромской области (П. Н. Третьяков. Костромские курганы. — ИГАИМК, т. X, вып. 6-7, 1931, стр. 20); у деревень Алеховщина (курган 1), Беседа (курган 103), Патреева Гора, Тяглино (курган 19) Ленинградской области (ГИМ, инв. № 35322; МАР, № 20, 1896, стр. 96; МАР, № 29, 1903, стр. 76—77; V. Raudonikas. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930, стр. 73, рис. 61); у дер. Красная Слобода Могилевской области (ГИМ, инв. № 22940—944); у дер. Левоча Новгородской области (Н. В. Тухтина. Об этническом составе населения бассейна р. Шексны в X—XII вв. — Тр. ГИМ, вып. 40, 1966, стр. 122, рис. 1, 3); у деревень Пильня, Сукромля и Христово Смоленской области (Труды, т. III, Минск, 1932, стр. 15, 16, 19, 21, 22); близ деревень Веськово, Городище, Кабанское, Старово, Тимерево (курган 422) Ярославской области (ГИМ, инв. № 54746; ИАК, вып. 15, стр. 117, рис. 212; Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, стр. 37, 125, рис. 21, 13).

³ Клад близ с. Крыжово Псковской области (ГИМ, инв. № 43891).

⁴ В Пскове на территории Довмонтова города (В. Д. Белецкий. Отчет Псковской археологической экспедиции за 1965 г. Архив ИА, Р — I, № 3038, рис. 28, 5); в Белой Веже (М. И. Артамонов. Белая Вежа. — СА, XVI, 1952, рис. 13); в Калинине — случайная находка (ГИМ, инв. № 22999).

встречены все перечисленные выше варианты подвесок «скандинавского» типа (рис. 1).

Материал владимирских курганов помогает уточнить дату украшений этого вида. Так, например, крестик, абсолютно идентичный крестовидным подвескам из радимических погребений XI в. и из курганов XI в. близ деревень Тимерево, Левоча, Беседа, Алеховщина, найден в кургане близ дер. Кабанское в трупосожжении X в.⁵ Это дает основание отнести появление данного варианта крестовидной подвески к концу X — началу XI в. Тем же примерно временем можно датировать крестик, у которого на средокрестии изображена многоконечная звезда с крестом внутри (рис. 1, 4). Он найден в кургане 4 у дер. Паны вместе с круглой двухскорлупной фибулой второй половины X в., золотостеклянной зонной и лимонovidными бусами X — начала XI в.⁶

Интересен серебряный большой крест (рис. 1, 2) с концентрическим узором в средокрестии из кургана близ дер. Весь. Это единственный известный нам экземпляр крестовидной подвески, найденный в Восточной Европе, у которого орнаментирована не только лицевая, но и оборотная сторона. Кресты с таким орнаментом на лицевой стороне редки на нашей территории; они относятся, вероятнее всего, к концу XI — первой половине XII в. Так, аналогичный крест найден у с. Кутьжово Псковской области в кладе, который был зарыт в конце XI — начале XII в.⁷ На территории Довмонтова города (Псков) серебряный крест с концентрическим узором обнаружен под остатками пола храма Дмитрия Солунского, сооруженного в 1144 г.⁸ В Ленинградской области близ деревень Тяглино и Патреева Гора, в двух курганах, которые величиной и погребальным инвентарем выделялись среди окружающих насыпей, подобные кресты обнаружены не в женских захоронениях, а в мужских — они лежали на груди погребенных. Этот факт наталкивает на мысль, не являлись ли такие кресты в отличие от маленьких, принадлежащих к числу женских украшений или амулетов, знаком христианской символики.

Вне территории древней Руси крестики «скандинавского» типа найдены в Швеции, Норвегии, Финляндии, Латвии, Литве, Эстонии. В виде исключения один крест обнаружен на Балканском полуострове (в Боснии), единичные экземпляры — в Западной Украине и близ Перми⁹. Следует

⁵ А. С. Уваров. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1872, стр. 63.

⁶ ГИМ, инв. № 54746.

⁷ Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв. М.—Л., 1954, стр. 99.

⁸ В. Д. Белецкий. Указ. соч.

⁹ M. Stenberger. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit, т. II. Lund, 1947, стр. 183, 213, 248—249; табл. 255, 2; 256, 1; 260, 1; т. I. Stockholm, 1958, стр. 178—181; табл. 4, 4; 32, 1; 51, 7; E. Kivikoski. Die Eisenzeit im Aurafussgebiet. Helsinki, 1939, стр. 167; Э. С. Мугуревич. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965, стр. 65; табл. IX, 1—4; Древности камской чуди.— МАР, № 26, 102, табл. VIII, 8.

заметить, что в Швеции и на острове Готланд в кладах и погребениях XI в. обнаружено всего шесть крестов этого типа, из которых три, подобно экземпляру из кургана близ дер. Вель, имели двусторонний орнамент в виде концентрических кругов. В крупнейшем шведском могильнике Бирка IX — начала XV в. таких привесок совсем нет. В Норвегии найдены две такие крестовидные привески.

По-видимому, более широко кресты этого типа распространены в Финляндии, где они встречаются уже в памятниках X — XI вв., и в Прибалтике — еще и в XII в.

Таким образом, находки крестов «скандинавского» типа ограничиваются территорией Северо-Западной и Северо-Восточной Руси, Северной Европы и Советской Прибалтики (рис. 2). В пределах этой территории и надо искать место изготовления данных привесок. Е. Кивикоски, основываясь на широком распространении этих крестиков, предполагает, что их могли изготавливать одновременно в нескольких местах. Скандинавский исследователь М. Штенбергер считает местом возникновения крестовидных привесок этого типа северо-запад России. По его мнению, таким центром мог быть Новгород. Однако в Новгороде следы производства таких привесок, как и сами привески-крестики, еще не обнаружены. На основе имеющегося в нашем распоряжении материала, по-видимому, трудно решить вопрос, где, в каком русском городе находилась родина этих изделий. Одно лишь представляется ясным, что они не привозились на Русь из скандинавских стран.

РЕМЕННЫЕ БЛЯШКИ СО ЗНАКАМИ РЮРИКОВИЧЕЙ ИЗ БИРКИ И ГНЕЗДОВА

С. С. Ширинский

Более 20 лет назад С. В. Киселев обнаружил на ремешковой бляшке, найденной в одном из курганов Приладожья, изображение знака Рюриковича. Позднее Б. А. Рыбаков опубликовал тождественные бляшки, отлитые в той же литейной форме, но происходящие из кургана под Суздалем, и определил возможную принадлежность изображенного на них знака князю Ярославу (Георгию) Владимировичу¹. Не приходится говорить о важности подобных наблюдений. Тамга князя на бляхах, украшавших пояс его дружинников, превращает такие курганские находки в особенно интересный исторический источник.

Можно указать еще два курганных комплекса, в которых встречены бляшки со знаками Рюриковичей. Один из них происходит с о. Бюрке из могильника древнешведского города Бирки. Здесь среди пережженных костей основного погребения кургана 93 вместе с другими вещами были найдены бронзовые накладки, когда-то украшавшие походную сумку: квадратная бляха с диагональной прорезью (рис. 1, 1) и три, по словам Х. Арбмана, «щитовидные бляшки со стилизованным растительным орнаментом» (рис. 1, 2)².

Эти последние бляшки и заслуживают более подробного рассмотрения. На их щитке изображен не растительный узор, а княжеский знак. Еще И. И. Толстой отмечал сходство тамг Рюриковичей в парадном варианте с некоторыми деталями растительной орнаментики³. Естественно поэтому, что и исследователи, впервые публиковавшие ремешковые бляшки с княжескими знаками, сравнивали их изображения с византийским или арабским декором⁴. В данном случае присутствие на трех бляшках из Бирки именно «знамени» Рюриковича подтверждается располагающимся на щитке

¹ Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв.—СА, VI, 1940, стр. 240—241, рис. 39, 40.

² Н. А. Г р а б м а н. Birka. Die Gräber. Tafeln. Uppsala, 1940, табл. 94, 7; он же. Birka. Die Gräber. Text. Uppsala, 1943, стр. 41—42.

³ И. И. Толстой, Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. IV. СПб., 1891, стр. 172.

⁴ П. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья.—МАР, № 18, 1895, стр. 52, табл. VI, 4; В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии.—МАР, № 28, 1902, стр. 46, табл. III, 21.

Рис. 1. Ремennые бляшки со знаками Рюриковичей
1, 2 — из кургана 93 Бирки; 3, 4 — из кургана 26 Гнездова

вокруг знака бусинным обрамлением: в точно таком обрамлении княжеская тамга помещалась на сребрениках и печатях Руси X — начала XI в.⁵

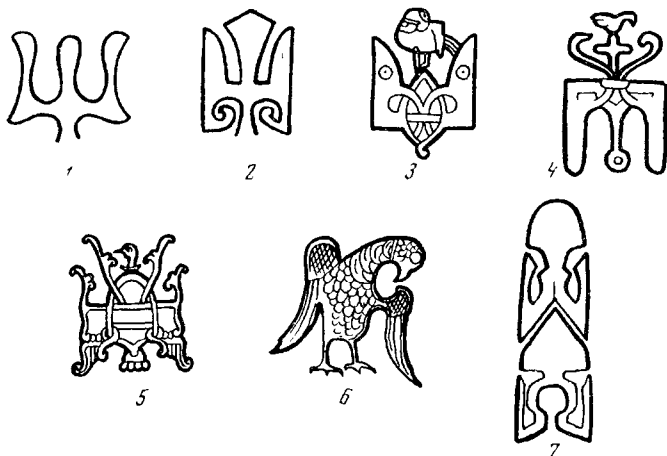
Определение принадлежности помещенного на бляшках знака не вызывает затруднений. Необходимо только учесть, что для X — начала XI в. развитие княжеских знаков за счет изменений основания средней мачты не наблюдается, и у одного и того же князя эта часть тамги могла иметь различную форму или украшаться дополнительными деталями. Так, на сребрениках Владимира Святославича основание средней вертикальной мачты знака имеет не менее шести вариантов начертания⁶. На известных трапециевидных подвесках со знаком Ярослава Владимировича основание тамги дополнено в каждом конкретном случае декором в виде изображений крестов, меандров, растительного узора или фигур птиц⁷. По-видимому, и на бляхах из Бирки горизонтальную черту, связанную со средней мачтой знака, считать специальным «отпятнышем» также не следует. Во всех осталь-

⁵ И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского. СПб., 1882; Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. LIII, 14; В. Л. Янин. Древнейшая русская печать X века. — КСИИМК, вып. 57, 1955, рис. 11.

⁶ И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты...; см. также: А. В. Орешников. Денежные знаки домонгольской Руси. М., 1936, табл. I, 5—13.

⁷ Отчет С. А. Гатцука о раскопках, произведенных в 1902 г. в Тверской губернии. — ИАК, вып. 6, 1904, стр. 37, табл. V, 6; Б. А. Рыбаков. Знаки собственности..., рис. 31—36; Э. С. Мугуревич. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965, рис. 34.

Рис. 2. Знаки на бляшках, подвесках и ножках
 1 — на бляшке из Бирки; 2 — на бляшках из Гнездова; 3 — знак Ярослава на подвеске из Киева; 4 — знак Ярослава на подвесках из Белгорода и Киева; 5 — знак Владимира на ножках из Кримулдас; 6 — изображение «вещей» птицы на турьем роге из Черной могилы; 7 — фигурка божка на ремennom наконечнике из Гнездова

ных деталях эта тамга (рис. 2, 1) повторяет подобные ей изображения на сребрениках Владимира Святославича⁸, на кирпичях Десятишной церкви в Киеве⁹ и на биллоновой трапецевидной подвеске, найденной в Новгороде в слое начала XI в.¹⁰

Русские летописи подробно повествуют о борьбе, разгоревшейся в 977—980 гг. между наследниками Святослава Игоревича. Сообщают они и о бегстве Владимира Святославича из Новгорода «за море», а затем и о войне Ярополка Святославича с Владимиром, закончившейся для киевского князя гибелью от мечей приведенных младшим братом наемников-варягов¹¹. Вероятно, что воин, погребенный в кургане 93 в Бирке вместе с сумкой, увенчанной тамгой младшего Святославича, также входил в эту варяжскую дружину. Владимир после захвата великокняжеского престола распустил часть наемников¹², и швед — хозяин изукрашенной сумки — возвратился на родину.

Еще один совершенно оригинальный знак Рюриковича отмечен на ремennых бляшках из кургана 26, исследованного в 1882 г. у дер. Гнездово

⁸ И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты...; он же. Древнейшие русские монеты X—XI в. СПб., 1893; А. В. Орешников. Денежные знаки..., табл. IV—VI; Н. Д. Мещ. Сребреники из с. Митьковки.—СА, 1960, № 1, рис. 1; она же. Незданные сребреники Государственного исторического музея.—НСФ, I. Киев, 1963, стр. 98—101, рис. 1, 3; А. А. Медынцева. Сребреник из Заречья на Стугне.—СА, 1965, № 1, рис. 1.

⁹ М. К. Каргер. Древний Киев, т. 1. М.—Л., 1958, стр. 455—456, табл. LXXXI—LXXXIII.

¹⁰ В. Л. Янин. Вислые печати из новгородских раскопок.—МИА, № 55, 1956, стр. 158, табл. V. а.

¹¹ ПВЛ, т. I. М.—Л., 1950, стр. 53—55.

¹² Там же, стр. 56.

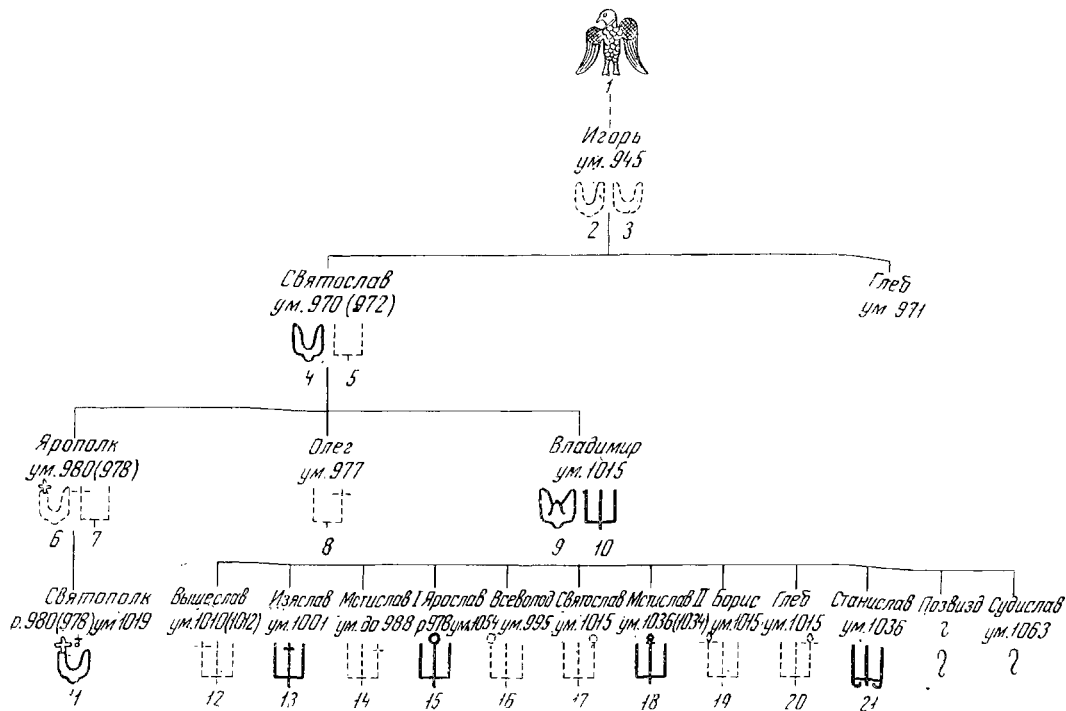

Рис. 3. Знаки на златниках и сребренниках I типа Владимира Святославича

Знаки показаны в том повороте, в каком они изображены. Даты в скобках указывают различия по В. Н. Татищеву. Пунктиром показаны реконструируемые автором знаки

В. Д. Соколовым (рис. 1, 3)¹³. Фигура знака образована из трех вертикальных параллельных мачт, связанных общим горизонтальным основанием так, что две крайние мачты продолжены еще за основание и загнуты крючками внутрь (рис. 2, 2). Знак изображен в так называемом парадном варианте и встречен на бляхах в кургане с языческим сожжением. Оба эти обстоятельства независимо друг от друга позволяют предварительно датировать знак X — началом XI в.¹⁴ Типологически тамга восходит, очевидно, к «знамени» Владимира Святославича. Учитывая все это и анализируя схему развития древнейших княжеских знаков Руси IX — начала XI в., можно представить и вероятную принадлежность гнездовской тамги.

¹³ Российский исторический музей. Указатель памятников. М., 1893, стр. 98.

¹⁴ А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. — ИАК, вып. 15, 1905, стр. 7—8; Д. А. Авдусин. Отчет о раскопках гнездовских курганов. — Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск, 1957, стр. 183; В. Л. Янин. Древнейшая русская печать X века, стр. 40.

До недавнего времени наиболее ранним атрибутированным знаком русских князей оставалось «знамя» Владимира Святославича. Сложившееся в прошлом веке убеждение, что этот знак в его графическом оформлении не мог быть исходным в системе развития личных тамг Рюриковичей, вызвало различные гипотезы о существовании до тамги Владимира другого, более древнего и реального прототипа русских княжеских «знамен». Каким только не представляли его исследователи: греческим светильником, голубем — символом «святого духа», монограммой из греческих букв или скандинавских рун, трезубцем, порманским вороном, кораблем и т. д.¹⁵ Находка в Саркеле — Белой Веже схематизированной тамги Святослава Игоревича (рис. 3, 4)¹⁶ все эти предположения свела на нет. Общеизвестным остается вывод, что знаки Рюриковичей представляют собой вариант личных или семейных «знамен», развившихся из известных у многих народов в эпоху первобытнообщинного строя родовых знаков собственности¹⁷.

В этой связи особое значение приобретают описанные Б. А. Рыбаковым металлические трапециевидные подвески-пайдзе со знаком Ярослава Владимировича. На некоторых из них среди богатого декоративного обрамления княжеской тамги встречаются изображения птицы в различных вариантах (рис. 2, 3, 4)¹⁸. О неслучайном появлении этого сюжета рядом с княжеским «знаменем» XI в. свидетельствует своеобразно исполненный знак Владимира Святославича на наконечнике ножен сабли-меча, найденном в 1960 г. в могильнике Кримулдас в Латвии¹⁹.

Такие наконечники проникают в Прибалтику из Поднепровья в конце X — начале XI в., очевидно, вместе с возвращающимися на родину воинами-балтами из дружины киевских князей²⁰. Сохранив стилистические особенности древнерусских княжеских «знамен» в парадном варианте, тамга Владимира на этом наконечнике превращена в изображение птицы (рис. 2, 5). Таким образом, трапециевидные подвески со знаком Ярослава и фигур-

¹⁵ Н. П. Лихачев. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики, вып. 2. Л., 1930, стр. 46—57.

¹⁶ М. И. Артамонов. Саркел — Белая Вежа. — МИА, № 62, 1958, рис. 52.

¹⁷ А. В. Орешников. Новые материалы по вопросу о загадочных фигурах на древнейших русских монетах. — АИЗ, т. X, 1894, стр. 302, 306; он же. Денежные знаки..., стр. 11, 33—38; А. А. Ильин. Топография кладов древних русских монет X—XI вв. и монет удельного периода. Л., 1924, стр. 5, 9; Н. П. Лихачев. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики, стр. 56—57; Б. А. Рыбаков. Знаки собственности..., стр. 228; В. Л. Янин. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей. — КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 3.

¹⁸ Б. А. Рыбаков. Знаки собственности..., стр. 238—240, рис. 32—36.

¹⁹ Э. Тыниссон, Я. Граудонис. Раскопки ливских курганов в Кримулде. — Известия АН Латвийской ССР, вып. 10, 1961, стр. 48—49, рис. 7—8.

²⁰ Ф. Ф. Корзухина. Из истории древнерусского оружия XI в. — СА, XIII, 1950, стр. 71—74, 89; Б. А. Рыбаков. Военное дело — ИРДР, т. I. М.—Л., 1948, стр. 404; P. Paulsen. Schwertortbänder der Wikingerzeit. Stuttgart, 1953, стр. 95; Э. С. Мугуревич. Указ. соч., стр. 50—51.

кой птицы, сопоставленные с тамгой на ножнах из Кримулдас, констатируют существование на Руси в X — первой половине XI в. традиции, связывающей в представлении людей княжеский знак и птицу воедино.

Объяснение этому явлению дает этнография. История возникновения и развития у народов мира знаков собственности показывает, что древнейшим видом тамг были изображения предков рода — тотемов-животных²¹.

С развитием социальных отношений и изменением религиозных представлений тамги — реальные изображения родовых тотемов — постепенно схематизируются и приобретают все больше значение знаков собственности. Однако прежний смысл изображений предков-покровителей они сохраняют еще долгое время²². В языческой Руси в условиях развивающегося феодализма тамга князя — в прошлом символ существа, «помогавшего» членам родовой группы, продолжает «охранять» теперь сюзерена и его вассалов. Вероятно поэтому бляшки со «знаменем» Владимира Святославича украшали именно сумку-кошель дружинника из кургана 93 в Бирке. На поясных же бляхах из кургана 27 в Гнездове «охранную» нагрузку княжеского знака как бы усиливал наконечник этого ремня с выявленной на нем Б. А. Рыбаковым фигурой языческого бога в виде оранта (рис. 1, 4 и 2, 7)²³.

Таким образом, происхождение знаков киевских князей от еще более древней родовой тамги подтверждается как данными этнографии, так и археологическим материалом. Сюжетом этой тамги служило изображение неизвестной нам хищной птицы. Следует добавить, что подобный вывод не дает оснований возвращаться к предположению Кене, искавшего сходство знаков Рюриковичей с изображениями датского ворона²⁴. Сохранившиеся к X в. представления с «вещей» птице — покровителе черниговских полян (рис. 2, 6)²⁵ — позволяют предполагать такую же местную традицию и для полянского Киева.

²¹ П. С. Ефименко. Юридические знаки.— ЖМНП, ч. 126, 1874; Н. Н. Харузин, Этнография, IV. СПб., 1905, стр. 55—84; А. Золотарев. Памятники тотемизма у народов Сибири. Л., 1934, стр. 8; В. Н. Чернецов. К истории родового строя у обских угров.— СЭ, VI—VII, 1947, стр. 161—163; Ю. Б. Симченко. Тамги народов Сибири XVII в. М., 1965, стр. 3—5; Ю. И. Семенов. Как возникло человечество. М., 1966, стр. 418—432. Следы тотемических представлений прослеживаются и у славян.

²² П. С. Ефименко. Указ. соч., стр. 284—285; Н. Н. Харузин. Медведья присяга. Тотемические основы культа медведя у остяков и вогулов. М., 1899, стр. 43, 57—58; В. Н. Чернецов. Указ. соч., стр. 167, 172.

²³ Ближайшие аналогии этому изображению см.: В. И. Сизов. Указ. соч., табл. XI, 16; J. Poulík. The Latest Archaeological Discoveries from the Period of the Great Moravian Empire.— *Historica*, I, Praha, 1959, рис. IX, 2, V. Denkstein. K ikonografii mikilčického nákonči.— *Památky archeologické*, т. LIII, вып. 2. Praha, 1962, рис. 1.

²⁴ А. Куник. О русско-византийских монетах Ярослава Владимировича с изображением Георгия Победоносца. СПб., 1860, стр. 52—53.

²⁵ Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне.— СЭ, VI—VII, 1947, стр. 91—92, 95; он же. Древности Чернигова.— МИА, № 11, 1949, стр. 48—51; И. П. Русанова. Курганы полян X—XII вв. М., 1966, табл. 18.

Отсутствие какой-либо исключительности в происхождении знаков Рюриковичей объясняет и дальнейшее развитие уже схематизированных тамг киевских князей. Как и многие другие знаки собственности, они изменяются, подчиняясь бытовавшим в древности правилам, обуславливающим связь тамг отцов и сыновей всегда с учетом «знамен» старших братьев при обязательной четкости и простоте отпятишней²⁶. Поэтому можно представить, что неизвестная нам тамга Игоря Старого, убитого древлянами в 945 г., возможно, выглядела, как знак его сына Святослава (рис. 3, 4)²⁷, но без зубца, противоположного вертикальным мачтам (рис. 3, 3). В равной степени вероятно, что рано осиротевший Святослав мог и без изменений сохранить для себя тамгу отца (рис. 3, 2)²⁸. Известные знаки Святослава Игоревича и Святополка Ярополковича (рис. 3, 11)²⁹ позволяют достаточно точно реконструировать «знамя» старшего из сыновей Святослава — Ярополка. Отсутствие средней мачты, перекрестие на левой мачте и выносной значок в тамге Святополка показывают, что знаки собственности Владимира Святославича (рис. 3, 9, 10) и Святополка непосредственно между собой не связаны. Очевидно, для своих современников Святополк юридически оставался сыном Ярополка³⁰. Варьирующей частью тамги Святополка — ее отпятишнем от знака отца — были крест, полумесяц или фигура, совмещающая эти понятия. Следовательно, знак Ярополка как среднее звено между тамгой Святополка и «знаменем» Святослава Игоревича отличался от последнего перекрестием на левой мачте (3, 6, 7). Естественно предположить, что в той же системе отпятишней при сохранении основы тамги отца знак меньшего брата Ярополка — Олега — должен был выглядеть в виде двузубца с перечеркнутой правой мачтой (рис. 3, 8)³¹. Система простейших отпятишней-перекрестий, реконструируемая на материале тамг Святослава, Ярополка, Святополка, практически исчерпала себя уже на знаке Олега. Поэтому-то, очевидно, «знамя» младшего Святославича

²⁶ П. С. Ефименко. Указ. соч.; А. В. Орешников. Новые материалы..., стр. 306—307; Б. А. Рыбаков. Знаки собственности..., стр. 229, 231; В. Н. Чернецов. Указ. соч., стр. 169—170, табл. 4; В. Л. Янип. Княжеские знаки..., стр. 3—4.

²⁷ П. Лихачев. Материалы..., стр. 173; он же. Сфрагистический альбом, табл. III, 14; Б. А. Рыбаков. Знаки собственности..., рис. 37; В. И. Довженок. Розкопки древнего Вишгорода.— АП УРСР, II. Київ, 1952, табл. 17; М. И. Артамонов. Указ. соч., рис. 52.

²⁸ Такие случаи в этнографии известны. См.: В. Н. Чернецов. Указ. соч., стр. 170—171. Когда настоящая статья находилась в издательстве, автору удалось обнаружить в Орловском областном музее серебряную бляху, точно соответствующую реконструируемому варианту знака Игоря на рис. 3, 3. Бляха происходит из кургана с трупосожжением у дер. Лебедки Орловской области и может быть датирована первой половиной X в. Эта находка будет опубликована особо.

²⁹ В. Л. Янип. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956, стр. 162—168.

³⁰ Впоследствии, отмечая двусмысленность происхождения Святополка, летописи включили его в список сыновей Владимира.

³¹ Такие зеркальные варианты начертаний княжеских знаков были известны на Руси и в позднейшее время.

ча — Владимира — и получает к основе знака отца дополнительную среднюю мачту (рис. 3, 9, 10), а позднее на тамге Святополка, сына Ярополка, вынужденно появляется выносной значок.

Выяснение начертания «знамен» сыновей Владимира Святославича усложняется многочисленными противоречиями летописных свидетельств³². Поэтому решающее значение для такого анализа приобретают уже выявленные и атрибутированные тамги наследников Владимира. Так, после раскопок 1953 г. в Новгороде стал известен знак второго сына Владимира — Изяслава³³. Сохранив основу «знамени» отца, тамга Изяслава изменилась за счет простейшего перекрестия на средней мачте (рис. 3, 13). Отсюда следует, что старший брат Изяслава — Вышеслав³⁴ — так же, как в свое время старший из сыновей Святослава, получил, вероятно, отпятныйш в виде перекрестия на левую мачту знака отца (рис. 3, 12). Как убедительно показано Д. С. Лихачевым, третьим сыном Владимира, упомянутым летописью под 980 г., был Мстислав I. Имя этого рано умершего князя лишь мелькнуло на страницах летописи, и уже в перечне сыновей Владимира 988 г. его нет³⁵. Достаточно серьезные свидетельства источников о выделении русскими князьями еще совсем юным наследникам отдельных уделов³⁶ позволяют предположительно отнести к Мстиславу I знак собственности, повторяющий тамгу его отца, но с перекрестием на правой мачте (рис. 3, 14). Так же, как это ранее произошло у сыновей Святослава, развитие знаков наследников Владимира при помощи отпятныйшей-перекрестий с появлением тамги Мстислава I прекратилось. Появляется необходимость в создании новых видов отпятныйшей, меняется и прежний порядок расположения последних на знаке-основе. Иллюстрируют это положение известные в настоящее время знаки Ярослава (рис. 3, 15) и Мстислава II Тмутараканского (рис. 3, 18)³⁷, нанесенные на прилагаемую схему в том порядке, который предлагает для старшинства сыновей Владимира летописная статья 988 г.³⁸ Анализ схемы показывает, что на тамгах первых десяти сыновей великого князя очередной отпятныйш нового вида появляется у каж-

³² А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших летописных сводах. СПб., 1908, стр. 34—36, 88—90, 136—138; ПВЛ, т. II. М.—Л., 1950, стр. 325—326, 342—343; Н. Н. Ильин. Летописная статья 6523 года и ее источники. М., 1957, стр. 105, 194—197.

³³ ПВЛ, т. I. М.—Л., 1950, стр. 83; НПЛ, стр. 159, 551; В. Н. Татищев. История Российская, т. II. М.—Л., 1963, стр. 63; В. Л. Янин. Древнейшая русская печать X века, стр. 39—43, рис. 11.

³⁴ ПВЛ, т. I, стр. 83; НПЛ, стр. 159, 161; В. Н. Татищев. Указ. соч., т. I, стр. 113, 373; т. II, стр. 63.

³⁵ ПВЛ, т. I, стр. 56, 83; т. II, стр. 325; НПЛ, стр. 128.

³⁶ ПСРЛ, т. I. М., 1962, стб. 431; т. VII. СПб., 1856, стб. 28; ПВЛ, т. I, стр. 49, 50, 56; НПЛ, стр. 121.

³⁷ Н. П. Лихачев. Материалы..., рис. 163—166; Б. А. Рыбаков. Знаки собственности..., рис. 31—36, 39—41; Э. С. Мугуревич. Указ. соч., рис. 34.

³⁸ ПВЛ, т. I, стр. 83; т. II, стр. 342—343; НПЛ, стр. 159.

дого четвертого последника. До Ярослава (его отпятныйш повый — в виде круга) летопись в своем перечне помещает Вышеслава, Изяслава и Мстислава I. Следующий новый отпятныйш — ромб с перекладной — логично приходится в схеме именно на Мстислава II, предшественниками которого, начиная от Ярослава с его необычным знаком, были также три князя. Вряд ли подобное явление можно объяснить случайностью. Скорее всего, старшие сыновья Владимира применяли в каждом конкретном случае одишарные отпятныйши на одной из трех мачт отцовского знака-основы. Поэтому после очередных трех наследников приходилось менять и форму отпятныйша. Меняется, начиная с Ярослава, очевидно, и сам порядок присвоения новых отпятныйшей. Если последники Святослава и первые три сына Владимира получали свой отпятныйш по старшинству, с левой мачты знака, то Ярослав, а за ним позднее и Мстислав Тмутараканский помещают новую разновидность отпятныйша на центральную мачту тамги. Можно предполагать, что в таком случае их младшим братьям оставалось только разделить приобретенные отпятныйши по крайним мачтам своих знаков (рис. 3, 16, 17, 19, 20).

Тамги девяти старших сыновей Владимира при существующей системе отпятныйшей практически исчерпывали возможности дальнейшего развития отцовского знака путем изменения вершин вертикальных мачт³⁹. Исключительная по характеру тамга из Гнездова (рис. 2, 2) получает свой, отличный от знака Владимира рисунок за счет развития его горизонтального основания. При такой своеобразной форме это «знамя» могло принадлежать только одному из младших сыновей Владимира, упоминаемых летописью с 988 г. Из них наиболее вероятным хозяином гнездовской тамги, по-видимому, является десятый сын Владимира — Станислав (рис. 3, 21). По сведениям позднейших летописей, Станислав после 988 г. был посажен Владимиром в Смоленске. Здесь он и умер, по сообщению греческого хрониста, в 1036 г.⁴⁰ Наблюдения над возможной схемой развития знаков Рюриковичей, своеобразии тамги из Гнездова и, наконец, место находки блях с этой тамгой в кургане с сожжением вблизи Смоленска как будто подтверждают свидетельство источников.

Настоящая работа не претендует на окончательное решение всех поставленных в статье вопросов. Дальнейшие находки и анализ знаков собственности на Руси в IX—XIII вв. несомненно позволят исследователям сделать новые выводы относительно происхождения, развития и применения «знамен» русских князей, распространивших свои владения, а также и тамги по всей Восточной Европе.

³⁹ Результат этого — появление у потомков Владимира уже в XI в. отпятныйшей совершенно иных форм.

⁴⁰ ПСРЛ, т. V. М., 1925, стр. 120; т. XV. М., 1965, стр. 114; т. XXVII. М., 1962, стр. 215, 314; т. XXVIII. М., 1963, стр. 18, 172; В. Н. Татищев. Указ. соч., т. I, стр. 373; А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 89—90, примечание 2.

О СМОЛЕНСКИХ ДЛИННЫХ КУРГАНАХ

Е. А. Шмидт

Кривичи — самый большой союз племен, существовавший накануне образования Древнерусского государства и занимавший значительные пространства в верховьях Днепра, Волги и Западной Двины. Письменные источники, освещающие начальную историю Древнерусского государства, кроме кратких сведений о локализации кривичей, почти ничего о них не сообщают. В связи с этим многие вопросы истории кривичей можно осветить только на основании археологических источников. Такими источниками являются археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э., расположенные в верховьях Днепра, Западной Двины и Волги, в первую очередь длинные курганы. Исследование их продолжается уже более 100 лет¹, но степень изученности пока невелика, а выводы весьма разноречивы.

Большинство исследователей рассматривают длинные курганы на всей территории их распространения как единое целое, оговаривая лишь некоторые локальные различия. Высказана также гипотеза о трехступенчатом развитии южной территориальной группы длинных курганов из псковских (более северных), т. е. их рассматривают как хронологические ступени развития одной и той же культуры, принадлежащей одному этническому массиву².

Уже более 50 лет тому назад было установлено, что длинные курганы не однородны на всей территории своего распространения, что на северо-западе европейской части СССР можно выделить три основных района — Смоленский, Псковский и Сестрорецкий — и соответственно три группы длинных курганов. Эти три группы существенно отличаются друг от друга по особенностям погребального обряда и сопровождающему инвентарю; кроме того, они, видимо, не одновременны. В археологической литературе имеется сравнительно полная характеристика смоленских³, псковских⁴ и

¹ Брант. О древних могилах в Витебской и Псковской губерниях. — Журнал Министерства внутренних дел, ч. 33, 1851.

² В. В. Седов. Кривичи. — СА, 1960, № 1, стр. 51 и сл.

³ Е. А. Шмидт. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории Смоленской области. — Материалы по изучению Смоленской области, вып. 5. Смоленск, 1963, стр. 93—114.

⁴ С. А. Тараканова. Длинные и удлиненные курганы. — СА, XIX, 1954, стр. 77—110.

сестрорецких⁵ длинных курганов. Опубликованный материал показывает, что общим признаком всех этих курганов являются обряд трупосожжения и форма земляных насыпей, воздвигнутых над остатками сожжения. Все остальные признаки настолько различны, что закономерно встает вопрос, есть ли основание относить все эти курганы к единому целому? Нам представляется, что достаточных оснований нет, так же как, например, нельзя объединять все сферические курганы Восточной Европы с трупосожжением только по двум признакам (форме и обряду). При таком объединении в одну группу попали бы курганы славян, литовцев, скандинавов и т. д. Длинные курганы, видимо, нужно рассматривать как особую форму погребальных сооружений, возникшую в I тысячелетии н. э. у целого ряда племен и отражающую одинаковый уровень их социально-экономического развития, причем эти племена этнически могут и отличаться друг от друга. Так, например, полагают, что сестрорецкие курганы были оставлены финскими племенами⁶. Псковские и смоленские длинные курганы большинство исследователей считают кривичскими, но есть мнение, что смоленские являются памятниками балтских племен⁷. По-видимому, было бы целесообразно заменить общий термин «длинные курганы» территориально-хронологическими наименованиями отдельных культур.

В последние годы на территории Смоленской области проведены значительные работы по изучению длинных курганов. Полученные материалы ставят вопрос о пересмотре самого понятия «длинные курганы» применительно к памятникам Смоленской земли. На верхнем Днепре, как и на смежных территориях в бассейне Западной Двины, не существует курганных групп, состоящих из значительного количества только длинных курганов. Здесь курганные группы наряду с длинными включают курганы удлинённые, округлые и других форм. По инвентарю и деталям погребального обряда каждое отдельное захоронение из длинного кургана ничем не отличается от захоронений из курганов других форм. Большинство длинных и удлинённых курганов на Смоленщине с двумя или большим числом захоронений насыпаны не сразу, в один прием, а сооружены постепенно, по мере совершения новых захоронений⁸. Первоначальной формой таких насыпей был курган округлой формы, а затем в зависимости от количества захоронений и характера их расположения он становился либо удлинённым, либо длинным. Если же в курган прекращали помещать новые трупосожжения, то он оставался сферическим или слегка удлинённым. И такой курган может быть древнее, чем иной длинный.

⁵ С. Гамченко. Исследование Сестрорецких курганов в 1907 г.— ЗОРСА, т. VIII, вып. 2. СПб., 1909, стр. 44—134.

⁶ С. Гамченко. Указ. соч., стр. 134.

⁷ Архив А. А. Сплицына в ЛОИА, ф. 5, д. 61, л. 7.

⁸ Лишь в курганной группе у дер. Акатово насыпи были возведены в один прием над несколькими погребениями. Здесь основу насыпи составлял ярус, заполненный землей (Е. А. Шмидт. Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тысячелетия н. э.— МИА, № 108, 1963, стр. 56).

Наши наблюдения показывают, что смоленские длинные, удлинённые и округлые курганы с трупосожжениями, составляющие единые группы, являются памятниками одной археологической культуры и механическое их разделение на хронологические группы в соответствии только с формой насыпи неправомерно. Все это заставляет уточнить и само понятие «длинные курганы» применительно к памятникам Смоленской земли. С нашей точки зрения, под термином «смоленские длинные курганы» следует понимать погребальные памятники VIII—X вв., содержащие одно или несколько захоронений остатков трупосожжений со строго определенными деталями погребального обряда и имеющие своеобразный погребальный инвентарь, включающий украшения балтийских типов. При этом форма насыпи может варьировать от округлой до весьма длинной.

В Смоленской области курганы такого типа распространены в бассейнах рек Сожа, Днепра и Западной Двины примерно до линии Сафоново — Дорогобуж — Ельня — Починок — Хиславичи. Эта линия служит восточной границей их распространения. Западнее, вне пределов Смоленщины, такие курганы встречаются на сравнительно неширокой полосе, вдоль бассейна Западной Двины и правых притоков Днепра вплоть до района Полоцка и бассейна Немана, до границы Литовской ССР. Возможно, в дальнейшем в пределах этой территории будут выделены локальные группы. Пока же об этих курганах приходится судить главным образом по наиболее изученным смоленским курганам. Здесь, как правило, курганные группы, включающие насыпи различных форм — от длинных до круглых, сооружались на каком-либо обжитом месте — в большинстве случаев на месте солища третьей четверти I тысячелетия н. э. Поэтому в насыпях курганов встречаются фрагменты разнообразной глиняной посуды и отдельные предметы, не имеющие отношения к погребальным комплексам. Иногда эти предметы очень трудно выделить, так как они во время сооружения насыпи вместе с грунтом попадали прямо на кострище. Ориентировка длинных и удлинённых насыпей относительно стран света весьма разнообразна, но в некоторых группах такие курганы бываю ориентированы перпендикулярно берегу водосёма.

Основу погребального обряда составляет трупосожжение, которое в большинстве случаев происходило на стороне, вне кургана, но иногда умершего сжигали и на месте сооружения насыпи. Интересной особенностью обряда был обычай посыпать чистой глиной площадку, на которой либо сжигали труп, либо помещали часть праха, принесённую со стороны. Во втором случае на рассыпанной глине до помещения останков разводили огонь — эта глина всегда бывает обожжена. Толщина глинистой подсыпки колеблется от 0,5 до 3 см.

Другой особенностью, прослеженной в значительном количестве мужских погребений, мы считаем сожжение умершего вместе с конем. В захоронениях встречаются обломки пережженных костей лошади и иногда металлические части узда.

После сожжения умершего часть праха помещали в урну, которую иногда ставили вверх дном. Как правило, урны были глиняными, но встречены также и берестяные. Можно предполагать, что урна служила обязательным элементом обряда, однако берестяные урны не всегда сохраняются. Поэтому мы встречаем погребения без урн. Иногда ставили и другие глиняные сосуды. Если сожжение происходило на месте сооружения кургана, то остатки трупосожжения (угли, косточки и т. д.) сгребали в кучу к центру, причем предварительно в центре выкапывали небольшую округлую ямку, которую также заполняли этими остатками. Если покойника сжигали на стороне, то, кроме остатков сожжения, положенных в урну, некоторое количество пережженных костей насыпали на ровную площадку иногда также со специальной ямкой. Ямка в материке или в подсыпке имеет обычно форму баночного сосуда; в принципе это тот же сосуд, но не из глины, а выкопанный и оформленный руками в грунте.

Сложилось мнение, что инвентарь длинных курганов чрезвычайно беден, потому что либо захороненные были бедны, либо их сжигали без вещей. Однако, как показали раскопки курганов в Смоленской земле, это далеко не так. Бедность инвентаря в длинных курганах является следствием того, что трупосожжение в большинстве случаев происходило на стороне, а в курган попала только незначительная часть сильно фрагментированных и попорченных огнем предметов. Там, где трупосожжение произведено на месте сооружения кургана, в захоронениях встречается много вещей⁹. В целом инвентарь смоленских длинных курганов однообразен. Все женские украшения составляют элементы убора и наряда, характерных для восточнобалтийских племен (латгалов и восточных литовцев). Это — головные венки, височные подвески, шейные гривны, ожерелья из бус и спиралей, спиральные браслеты и т. п.¹⁰

Время насыпания длинных курганов обычно определяют суммарно для всего северо-запада европейской части СССР. Отсутствие датирующих вещей в отдельных группах весьма осложняет эту задачу. Поэтому среди исследователей нет единого мнения. В. И. Сизов датировал смоленские длинные курганы VI—VIII вв.¹¹ Тем же временем Н. Н. Чернягин датирует все длинные курганы¹². П. Н. Третьяков расширяет хронологические рамки длинных курганов, отводя им период от IV—V до IX—X вв.¹³ С. А. Тараканова считает длинные курганы еще более древними, относя их ко II—III вв., а возможно, и к более раннему времени¹⁴. Доказатель-

⁹ Е. А. Шмидт. Длинные курганы у дер. Цурковки в Смоленском районе.— СА, 1958, № 3, стр. 162—169.

¹⁰ Е. А. Шмидт. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории Смоленской области, стр. 104 и сл.

¹¹ В. И. Сизов. Длинные курганы в Смоленской губернии.— Тр. XVI АС в Киеве, 1899 г., т. II, М., 1902, стр. 81.

¹² Н. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки.— МИА, № 6, 1941, стр. 95.

¹³ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 233.

¹⁴ С. А. Тараканова. Указ соч., стр. 107.

Сосуд из кургана I
У дер. Шугайлово

ства раннего появления длинных курганов, приводимые С. А. Таракановой, не совсем убедительны, так как она рассматривает отдельные элементы украшений в отрыве от всего комплекса вещей, находя им самые ранние аналогии. А. А. Спицын, по мере появления нового материала, пересматривал свою точку зрения. В одной из последних работ он предполагает, что это памятники VI—XI вв.¹⁵, однако здесь же оговаривается, что, возможно, будут найдены и более поздние памятники. А. Н. Лявданский, анализируя материалы из длинных курганов района Полоцка, пришел к выводу, что они сооружены в VIII—XI вв.¹⁶ В. В. Седов считает наиболее древними лсковские длинные курганы, возникновение которых он относит к IV—VI вв. н. э.¹⁷ Смоленскую группу он рассматривает как более позднюю и датирует ее VII—IX вв.¹⁸ Мы датировали смоленские длинные курганы временем от конца VII до конца IX в.¹⁹ Однако материалы последних лет заставляют уточнить датировку. Время появления таких курганов, видимо, следует определять рубежом VII и VIII вв., по элементам этой культуры встречаются в курганах и позднее IX в.

Раскопки длинных курганов у дер. Шугайлово дали материалы, включающие наряду с обычными вещами обломки шейной гривны, изготовленной из массивного бронзового граненого прута с насечками на внешних гранях. Замок гривны имел седловидную и костыльвидную форму.

¹⁵ Архив А. А. Спицына в ЛОИА, ф. 5, д. 61, л. 7.

¹⁶ А. Н. Лявданский. Археологічныя досьледы ў Полацкай акрузе.— Працы Менск, 1930, стр. 195.

¹⁷ В. В. Седов. Кривичи.— СА, 1960, № 1, стр. 51.

¹⁸ Там же, стр. 57 п. сл.

¹⁹ Е. А. Шмидт. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории Смоленской области, стр. 93.

Такие гривны характерны для прибалтийских комплексов X в.²⁰ Серповидные височные кольца с трапециевидными подвесками типологически могли развиваться только как подражание плоским шейным гривнам. Появление подвесок на шейных гривнах относится к рубежу I и II тысячелетий н. э. В одном из погребений найден глиняный гончарный кувшинчик (рис.), который по технике изготовления, составу и цвету глины скорее всего относится к местным изделиям и датируется X в. Таким образом, обычай хоронить в смоленских длинных курганах сохранялся и в X в. Это относится не только к курганам у Смоленска. Так, в курганах под Полоцком, где встречены типичные для длинных курганов вещи, найден глиняный сосуд — урна, изготовленная на гончарном круге. Этот сосуд датируется концом X — началом XI в.²¹ На границе Литовской ССР у дер. Стакай раскопан курган с височными кольцами и другими предметами культуры длинных курганов; сосуды там также выделаны на гончарном круге и датируются XI в.²²

Все эти данные убедительно показывают, что культура длинных курганов кое-где развивалась и в течение X в., а местами сохранилась как пережиток и в самом начале XI в.

²⁰ Литовское народное искусство. Украшения древних литовцев. Вильнюс, 1958, стр. 352, рис. 372, 374.

²¹ Г. В. Штыхов. Раскопки курганов под Полоцком.— Вопросы истории и археологии. Минск, 1966, стр. 218.

²² Раскопки А. З. Таутовичуса. Материалы хранятся в Вильнюсском историческом музее.

МАСТЕРСКАЯ СТЕКЛОДЕЛА В ДРЕВНЕМ ЛЮБЕЧЕ

Ю. А. Щапова

В 1957 г. в Любече был открыт и исследован производственный комплекс (мастерская и печь рядом с ней), связанный с изготовлением стеклянных браслетов¹.

Мастерская представляла собой полуземлянку, углубленную в материк на 0,5—1,6 м. Вход в помещение располагался со стороны, обращенной к городищу. Напротив входа находилась печь. Печь прямоугольная, размерами 1,25 × 2,24 м. Стенки сложены из булыжника на глиняном растворе. Судя по остаткам, она была обычной печкой-каменной. Стратиграфия завала печи весьма примечательна. Он состоял из чередующихся слоев угля и глины. Печь была двухъярусной: в разрезе хорошо видны три слоя обожженной глины, разделенные тонкими угольными прослойками. Топка располагалась ниже, в углублении, заполненном жирным углем. По-видимому, в печи были две рабочие площадки. В глиняных прослойках прослежено круглое отверстие диаметром 40 см. В печи (в верхнем слое) найдены куски гончарной керамики и сплавившегося стекла. В непосредственной близости от них найдена бочонковидная гирька. По всей вероятности, гирька прямого отношения к производству не имела. Как мы увидим, мастеру, работавшему здесь, специально не нужно было ничего взвешивать.

На полу мастерской в северо-западном углу открыто скопление стеклянных браслетов, рассеянных во множестве и по полу всего помещения. Здесь же найдены обломок византийского синего сосуда, монетовидная привеска, медный плетеный перстень. Все эти вещи — гирька, перстень, монетовидная привеска — свидетельствуют, по мнению Б. А. Рыбакова, о ранней дате комплекса, о рубеже XI—XII вв. Правильность этой даты подтверждается и стратиграфически: остатки мастерской перекрыты сначала слоем пожара, а затем настилом (пол сооружения 2), на котором найдены керамика XII—XIII вв., обломок стеклянного браслета и трубчатый замок XII в.

¹ Б. А. Рыбаков. Любеч — феодальный двор Мономаха и Ольговичей. — КСИА АН СССР, вып. 99, 1964, стр. 21; он же. Отчет о раскопках Южно-Русской экспедиции в Любече (Черниговская область). Архив ИА АН СССР, Р-1, № 1601, 1602, стр. 8—13. Пользуясь случаем поблагодарить Б. А. Рыбакова за разрешение обработать и опубликовать этот интересный материал.

В настоящей статье мы попытаемся прежде всего доказать справедливость атрибуции комплекса как стеклоделательного. Не меньшее значение имеют уточнение даты комплекса и его происхождения, установление района сбыта продукции мастерской и связи производства браслетов с любечским производством поливной посуды².

Принятый в литературе термин «производство на месте» определяет лишь географию любого производства, не отвечая на вопрос, кто его осуществлял. Открытие остатков производственного комплекса решает только географическую часть проблемы. Очевидно, что Любеч принадлежал к городам, в которых существовало производство стеклянных браслетов.

Вопрос — кто изготавливал любечские браслеты — вполне закономерен, поскольку на Руси уже известны три производственные школы в стеклоделии: греков, некогда приехавших в Киев и осевших там; древнерусских мастеров, унаследовавших от греков технологию изготовления простейших свинцово-кремнеземных стекол; и других древнерусских мастеров — изобретателей хрустали — калиево-свинцово-кремнеземного стекла. К середине XI в. все три линии развития хорошо представлены источниками³. Что касается производства стеклянных браслетов, то оно в середине XII в. перестало быть киевской монополией. Это производство стало широко распространяться по Руси: мастера-браслетчики известны в Киеве и Новгороде⁴, Смоленске и Полоцке⁵, в маленьком городке Воищица⁶, в Рязани⁷, наверное, во Владимире. Замечательно, что стеклянные браслеты в разных городах изготавливались из сырья разного происхождения, кроме того, разные мастера обладали разными производственными традициями и применяли разную рецептуру. В Смоленске, Воищице и Полоцке производились только свинцово-кремнеземные стекла, в Рязани — только хрустали, в Новгороде — и то и другое, в Киеве — древнерусские хрустали и так называемые античные (греческие).

С какой же школой связано производство Любеча — столичной (в двух вариантах — греческом или русском) или провинциальной? Ответить на этот вопрос помогает массовый спектральный анализ обломков браслетов, найденных у печи и на городище.

² Т. И. Макарова. Поливная керамика древней Руси. Автореф. канд. дисс. М., 1966.

³ Ю. Л. Шапова. Применение качественного спектрального анализа к изучению истории стеклоделия древней Руси.— СЛ, 1960, № 1, стр. 94—101.

⁴ М. Д. Полубояринова. Стеклянные браслеты древнего Новгорода.— МИА, № 117, 1963.

⁵ Ю. Л. Шапова. Стеклянные браслеты древнего Полоцка.— СЛ, 1965, № 1, стр. 225—235.

⁶ В. В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли.— МИА, № 92, 1960, стр. 78—79.

⁷ А. Л. Монгайт. Старая Рязань.— МИА, № 49, 1955, стр. 131, 175—176.

Результаты спектрального анализа обломков браслетов

№ п/п	Состав стекла	Мастерская		Городище		Группы	Аналогии в мастерской Лавры
		число	%	число	%		
1	K — Pb — Si	115	55,5	46	57,3	I	+
2	K — Pb — Ca — Si	59	28,5	21	26,5	II	+
3	Pb — Ca — Mg — Si	9	4,3	1	1,25	V	—
4	Pb — Mg — Ca — Si	9	4,3			V	—
5	Pb — Si	3	1,5			IV	+
6	Pb — Ca — Si	2	0,96	1	1,25	V	—
7	K — Na — Ca — Pb — Si	2	0,96	2	2,5	III	—
8	K — Pb — Ca — Mg — Si	2	0,96			II	+
9	Na — Si	1	0,5			VII	+
10	K — Mg — Si	1	0,5			VI	+
11	K — Mg — Pb — Si	3	1,5			II	+
12	Na — K — Mg — Ca — Si	1	0,5	5	5,2	VIII	—
13	Na — Ca — Mg — Si	—	—	4	5	IX	—
Всего . . .		207	100	80	100		

Всего было исследовано 287 обломков — количество достаточное, чтобы с допустимой достоверностью судить о целом, насчитывающем 1000 находок. 207 обломков взяты из скопления в мастерской, а 80 — с городища.

Полученные результаты можно представить в виде таблицы (табл. 1).

Прежде всего обращает на себя внимание размер списка. В нем 13 различных составов, которые можно объединить в девять групп: стекла калиево-свинцово-кремнеземные (1), калиево-свинцово-известково-кремнеземные (2, 8, 11), калиево-натриево-свинцово-известково-кремнеземные (7), свинцово-кремнеземные (5), свинцово-известково-кремнеземные (3, 4, 6), калиево-известково-кремнеземные (10), натриево-кремнеземные (9), натриево-калиево-известково-кремнеземные (12), натриево-известково-кремнеземные (13).

Стекла группы II различаются видом используемого известкового сырья, рецепт же один — к калиево-свинцово-кремнеземному стеклу добавлена известь. Так же различаются стекла группы V. Остальные стекла различаются не только по виду сырья, но, кроме того, и по рецепту стекловарения.

Почти такая же картина открылась при изучении остатков производства в стеклоделательной мастерской Киево-Печерской лавры. Там тоже обнаружилось 11 разных, но других, чем в Любече, вариантов нескольких основных составов⁸.

В любечской мастерской стекол строго калиево-свинцово-кремнеземных более половины; если к этому же стеклу прибавляли известь, сократив количество свинца, то получался новый класс стекол, который составил почти треть. Итого стекол калиево-свинцово-кремнеземных и калиево-известково-свинцово-кремнеземных оказывается более трех четвертей (85,6%, а в доверительных интервалах 82—91%). Второе место занимают бесщелочные свинцово и свинцово-известково-кремнеземные стекла. Их вместе 11% (в доверительных интервалах 7—16%).

Все остальные стекла, в изготовлении которых не участвует свинец (щелочно-известково-кремнеземные), составляют 2,5% (в доверительных интервалах 1—5%).

В мастерской в Лавре у одних и тех же горнов почти одновременно работали мастера греки и русские. Последние в практике стекловарения, ориентируясь на изготовление калиево-свинцово-кремнеземных стекол, допускали некоторые отклонения, поэтому иногда появлялись стекла калиево-известково-свинцово-кремнеземные, калиево-известково-кремнеземные или натриево-известково-кремнеземные⁹. Есть в Лавре и свинцово-кремнеземные стекла.

Основные массы стекол русского производства в Лавре и в Любече по химическому составу сходны. В Любече разные варианты составов древнерусских стекол составляют 99%. Следовательно, брашлетная мастерская в Любече основана русскими мастерами.

Что могла представлять собой сама печь, какое место она занимала в производстве брашлетов и имела ли она к нему отношение?

Весь процесс производства стеклянных изделий распадается на два цикла: варка стекла и выработка из него изделий.

Поскольку составляющие стеклянной массы известны (окись свинца, поташ, песок), мы вправе ожидать хоть каких-то остатков запасов сырья. Ведь именно так было в мастерских на Подоле в Киеве и в Лавре. В Любече нет ни свинца, ни песка (поташ растворился и мог исчезнуть без следа). Следовательно, нет оснований связывать комплекс с производством стекла.

Рассмотрим последовательность изготовления стеклянных изделий¹⁰.

⁸ В. А. Богусевич. Мастерские XI в. по изготовлению стекла и смальты в Киеве.— КСИА АН УССР, вып. 3, 1954; Ю. Л. Щапова. Новые материалы к истории мозаик Успенского собора в Киеве (в печати).

⁹ В Лавре стекла Na—Si мы отнесли на счет греческих промахов (Ю. Л. Щапова. Новые материалы к истории мозаик Успенского собора в Киеве).

¹⁰ Технология стекла. Под ред. И. И. Китайгородского. М., 1961.

Сначала из горячей массы формуются изделия. На этом этапе производства необходим горн, где стекло варится, а затем ведется первоначальная формовка¹¹. Затем следует закалка и отжиг готовых изделий. Готовая продукция, предварительно нагретая до 500°, постепенно остывает. В это время со стеклами происходят определенные изменения: наружная поверхность изделий нагревается до температуры расплава, и поэтому образуется тонкая пленка, защищающая изделие от действия воды, воздуха, различных химических реагентов. Естественно, что отсутствие такой пленки и разрушение стекла тесно связаны между собой.

Браслеты, найденные рядом с печкой, очень плохо сохранились: снаружи они серые, матовые, так что истинный их цвет неопределим — он скрыт плотной пленкой, которая легко снимается концентрированной соляной кислотой. Поверхность очищенного стекла пористая, нередко сохранилась лишь очень тонкая сердцевинка. Не значит ли это, что браслеты, сложенные в углу мастерской и у печки, не прошли еще стадии закалки и отжига? По-видимому, здесь находились браслеты, лишь подготовленные к прохождению этого цикла. Таким образом, дошедшие до нас остатки производственного комплекса можно предположительно расценивать как печь для отжига браслетов, которые складывались возле печи в ожидании отжига. По всей вероятности, мастер накапливал необходимое количество браслетов для заполнения всей рабочей площади печи. Таким путем достигали наиболее рационального использования печи — сооружения, необходимого в производстве.

Небезынтересно рассмотреть браслеты, найденные на городище, и сравнить их с теми, которые были в мастерской. По химическому составу они распадаются на шесть групп. Одна группа браслетов (IX, 13) известна только на городище, в мастерской их нет. Это браслеты синие, крученые, гладкие (всего 5%), натриево-известково-кремнеземные. Браслеты из такого стекла изготавливались византийцами или в метрополии, откуда их привозили на Русь¹², или в самом Киеве¹³.

Браслетов группы VIII (12) на городище более 6%, а в мастерской 0,5%. Их могли изготавливать киевские греки. В Любеч такие браслеты поступали скорее всего из Киева. Следовательно, 11% браслетов, безусловно, привезены в Любеч из Киева или через Киев из Византии. Состав остальных 89% браслетов, найденных на городище, имеет аналогии в мастерской. Однако это еще не значит, что все они изготовлены на месте: часть калиево-свинцово-кремнеземных браслетов могла быть также привезена из Киева. Хотя браслеты городища и по составу, и по величине

¹¹ Е. О л ь ч а к. Производство стеклянных перстней на славянской территории в средние века. — СА, 1959, № 3, стр. 89.

¹² Ю. Л. Щ а п о в а. Стеклянные браслеты Киевщины. — Археология, т. XXI. Київ, 1968.

¹³ Ю. Л. Щ а п о в а. Древнерусские стеклянные изделия как источник по истории русско-византийских отношений XI—XII вв. — ВВ, XIX, 1961, стр. 60—75.

доли каждой группы составов (см. табл. 1) подобны браслетам из мастерской, тем не менее утверждать, что они изготовлены в Любече, мы пока не можем. Нужно рассмотреть цветовую гамму любечских браслетов, поскольку местное производство браслетов могло значительно изменить ее по сравнению с киевским стандартом. Нельзя забывать, какую важную роль играла местная традиция колорита женской одежды. Ею, видимо, определены различия цветовой гаммы браслетов Райковецкого городища¹⁴, Минска¹⁵ или Новогрудка¹⁶.

Таблица 2

Деление браслетов по цвету (%)

Место находки	Коричневые	Зеленые	Синие	Бирюзовые	Фиолетовые	Желтые	Всего
Любеч (мастерская)	19	45,4 * ¹	2,7	21,1	1,6	3	93 * ²
В доверительных интервалах	14—24	40—52	1—5	15—26	0—4	1—6	
Любеч (город)	48	14,6 * ³	10,6	14,5	5,3	3,9	97 * ²
Киев (в доверительных интервалах)	27—33	10—14	11—15	9—13	25—31	4—7	
Предполагаемый киевский ввоз	46	6	10	10	5	3	

*¹ В мастерской три четверти всех зеленых браслетов имеют специфический оттенок — сероватый; их 33% от общих 45,4%.

*² Цвет браслетов, составляющих остальные 7 и 3%, установить не удалось.

*³ На городище серо-зеленых браслетов около трети от всех зеленых, что составляет 6 %.

В мастерской было найдено несколько сот обломков браслетов, из них детально исследовано 207. Эти образцы были взяты без всякого выбора прямо из лотка, так что случайность принципа взятия выборки не нарушена. По цвету браслеты разделились следующим образом (табл. 2)¹⁷.

¹⁴ Ю. Л. Щапова. Стеклянные браслеты Киевщины.

¹⁵ Ю. Л. Щапова. Стеклянные браслеты Полоцкой земли.— ИСИА АН СССР, вып. 104, 1965, стр. 48.

¹⁶ Благодарю Ф. Д. Гуревич за разрешение пользоваться неопубликованными материалами.

¹⁷ Анализы 139: 7—24; 140: 1—21; 147: 11—24; 148: 1—24; 149: 1—17; 151: 6—24; 160: 17—24; 161: 1—24; 162: 1—24; 163: 1—24 (по книге регистрации результатов спектрального анализа. Хранится на Кафедре археологии МГУ) — браслеты из мастерской.

Обратим внимание на данные табл. 2 относительно браслетов с городища. Синих и фиолетовых браслетов найдено на городище значительно больше, чем допустимо связывать с мастерской. Излишек надо отнести за счет привоза. Относительно желтых и бирюзовых браслетов очевидно одно: они никак не характеризуют интересующую нас проблему. Количество браслетов зеленых и коричневых в мастерской и на городище разное. Увеличение числа коричневых браслетов на городище можно связать с привозом их из Киева, но объяснить, почему меньше зеленых, труднее. Все-таки зеленых браслетов в Любече больше, чем в Киеве, — очевидна роль местного производства. Итак, фиолетовые, синие и коричневые браслеты в основном в Любеч привозились, как, вероятно, и часть бирюзовых, зеленых и желтых. А часть коричневых, зеленых и бирюзовых браслетов производили на месте. Весь вопрос заключается в том, какую именно часть?

Серовато-зеленые браслеты можно встретить в разных местах, но нигде они не составляют столь огромной массы (в мастерской — $\frac{1}{3}$ всех браслетов, а на городище едва $\frac{1}{16}$ — 33% и 6%). Видимо, можно допустить, что основная масса серо-зеленых браслетов попала на городище из собственной мастерской. Вместе с серо-зелеными на городище попадали и браслеты хорошего зеленого цвета. С учетом этого обстоятельства можно сделать еще одно допущение: браслеты местного производства на городище должны быть подобны найденным в мастерской. Исходя из этих двух допущений, можно рассчитать объем зеленых браслетов местного производства¹⁸. Их около 8%.

Пятая часть изготовленных в мастерской зеленых браслетов могла бы осесть на городище. Допустим, что и от всего объема выпускаемой продукции только пятую часть сбывали на месте. Тогда мы получим следующие доли: коричневых — 2%, бирюзовых чуть больше — 4%, доли фиолетовых и желтых ничтожны. В сумме оказывается около 15%. Вычитая вероятный объем местного производства, мы получим объем ввоза и его характеристику по цвету. Данные оказываются близкими к новгородским или полоцким.

Независимо от наших расчетов ясно, что деятельность мастерской пока едва заметна. Уместно вспомнить, что особенности цветовой гаммы браслетов складываются не сразу. До яруса 16 повгородские браслеты по-

Анализы 138 : 1—24; 139 : 1—5; 158 : 19—24; 159 : 1—3; 6—24; 160 : 3—15; 168 : 22—24; 171 : 23, 24; 280 : 1—14 — браслеты с городища.

¹⁸ $\frac{12,4}{33} = \frac{x}{6}$. В этой пропорции учтены доли и серо-зеленых и зеленых браслетов в %. $x = \frac{12,4 \cdot 6}{33} = 2,25\%$. Значит, 8,25% (6+2,25 = 8,25) зеленых браслетов могли быть изготовлены на месте, а 6,35% (14,6—8,25 = 6,35%) — привезены из Киева.

хожи на киевские. Браслеты Новоградка становятся своеобразными в конце XII в. Эти две параллели несколько повышают доверие к приводимым выше расчетам.

Наконец, самый существенный вопрос — время возникновения и существования мастерской. Наблюдения над топографией и стратиграфией комплекса и вещевые находки, казалось бы, бесспорно датируют его временем не позднее рубежа XI—XII вв. Однако мы знаем, что стеклянные браслеты стали широко известны лишь во второй половине XII в. В первой половине XII в. их совсем мало. Судя по новгородским находкам, самые ранние браслеты киевского производства достигают Новгорода в 20—30-е годы XII в. В это время браслеты в Киеве производились, но в очень еще небольшом количестве. Встречаемость браслетов в Новгороде с яруса 20, мостовая которого построена в 1116 г., изменяется от 0,001 до 0,003 (ярус 19—1134 г.) и затем до 0,02 к 1160 г.¹⁹

Несмотря на чрезвычайную редкость находок с яруса 19 наблюдаются признаки собственного производства браслетов из свинцово-кремнеземного стекла²⁰. Следовательно, браслетная мастерская в Новгороде появляется немного позже, чем в Киеве. Возможно, что в этот отрезок времени, вряд ли намного раньше, появляется мастерская и в Любече. Ранее второго десятилетия XII в. браслеты из Киева вряд ли вывозились, поскольку их производство еще не существовало. Отсюда следует, что дата основания любечской мастерской перемещается с рубежа XI—XII вв. во второе или третье десятилетие XII в.

Как мы видели, возникновение собственного производства браслетов в Любече лишь в незначительной степени изменило их характеристику. Это обстоятельство косвенно свидетельствует, что мастерская функционировала недолгое время. С другой стороны, за все время производства браслетов мастерам было достаточно одной печи. Срок службы такого сооружения невелик: 5—10 лет.

Мастерская перекрыта слоем угля, связанным с пожаром 1141 г.²¹ Отняв 5—10 лет, мы получим опять-таки 30-е годы XII в. Очевидно, наше предположение о появлении в Любече производства браслетов в 30-х годах XII в. правильно.

Почти одновременно с производством браслетов начинается в Любече изготовление поливной посуды²². Часто в качестве поливы использовались свинцово-кремнеземные и свинцово-известковые смеси, которые иногда шли и на браслеты. Следовательно, на подготовительных этапах производства браслетов и поливы могли иметь место совместные работы.

¹⁹ М. Д. Полюбоярнова. Указ. соч., стр. 174, 176.

²⁰ Ю. Л. Щалова. Стекло Киевской Руси (рукопись).

²¹ Б. А. Рыбаков. Любеч — феодальный двор Мономаха и Ольговичей.

²² Т. И. Макарова. Поливная керамика древнего Любеча.— СА, 1965, № 4, стр. 230 (анализ 274: 1—18).

Возможно, что посуду с поливой обжигали в тех же печах-горнах, где варили и стекло. Совмещение процессов, проходящих в условиях высоких температур, естественно повлекло отделение процесса отжига готовых браслетов от стекловарения и от их изготовления. Таким образом, производство браслетов было, видимо, тесно связано с изготовлением поливной посуды.

Из всего сказанного следует, что процесс развития древнерусского стеклоделия во второй четверти XII в. заметен пока что в таких городах, как Новгород, Любеч, может быть Смоленск. Здесь этот процесс обнаруживается ранее, чем в Полоцке и, наверное, в большинстве других древнерусских городах. Раннее появление мастерских в этих городах, значительно опережающее процесс распространения стеклянных браслетов, может, видимо, свидетельствовать о решительном желании любечского, новгородского или смоленского князей иметь в своих городах собственные стеклоделательные мастерские. Вероятно, именно это обстоятельство определило исключительное положение перечисленных городов в истории русского стеклоделия.

БРОНЗОВЫЙ ВОДОЛЕЙ ИЗ ПЕРЕЯСЛАВЛЯ РУССКОГО

Р. А. Юра

В фондах Переяслав-Хмельницкого исторического музея хранится бронзовый водолей в виде фигуры льва (рис. 1), который нашли рабочие в 1963 г. во время рытья траншеи для водопровода (ул. Ленина, д. 17)¹. Это место находится приблизительно в 40 м к северо-востоку от апсид церкви XII в., раскопанной в 1953 г. М. К. Каргером на посаде древнего Переяславля.

От долгого пребывания в земле фигура льва покрылась зеленой патиной. Задняя правая лапа отломана еще в древности, на задней левой лапе имеются два отверстия. Внутри фигура льва полая. Она отлита по восковой модели и проработана затем резцом. Длина фигуры 23 см, наибольшая высота 28 см, вес 2795 г, толщина отливки 2 мм, емкость 760 куб. см.

Лев изображен стоящим на вытянутых лапах и с поднятой кверху головой. Уши округленные и настороженные. Миндалевидные глаза расположены под очень высокими надбровными дугами, которые обозначены двумя бороздками и поперечными штрихами. Нос выделан довольно грубо. Толстые губы обрамлены врезной линией и покрыты короткими штрихами, которые, видимо, изображают усы. Зубы переданы в виде квадратных блоков; по бокам расположены конические клыки. Грива разделена на рельефные листовидные пряди, которые прочерчены густыми штрихами. Дистальные части лап льва расчленены. На внешней поверхности лап расположены по две продольные параллельные бороздки. Сзади на передних лапах короткими косыми штрихами обозначена шерсть. Рельефный хвост проходит между задними лапами, по левому бедру поднимается кверху и заканчивается кисточкой, покрытой поперечными черточками. Над спиной льва расположена ручка в виде дракона или аспида, который впился зубами и когтями в загривок льва, а хвостом упирается в заднюю часть его спины. Туловище дракона украшено гравировкой. На верхней части головы льва расположено квадратное отверстие, которое

¹ Сведениями о водолее и знакомством с ним я обязан директору Переяслав-Хмельницкого исторического музея М. И. Сикорскому, которому приношу благодарность.

Рис. 1. Бронзовый водолей из Переяславля Русского

закрывается укрепленной на шарнире крышечкой. Из открытой пасти льва выдается трубчатый носик — слив.

Металлические, преимущественно бронзовые водолеи в виде различных реальных или фантастических животных, всадников, голов людей и т. п. употреблялись в средневековье (XI—XIV вв.) как для омовения рук священников во время богослужения, так и в быту феодальных кругов, главным образом на ширах. Разграничить водолеи на церковные и светские не представляется возможным, так как различия между ними, видимо, не существовало.

Водолеи в виде различных животных, в частности и львов, были наиболее распространенными. Ареал водолеев этого типа очень обширен: они найдены во многих странах Западной и Восточной Европы. Большинство их относится к XII—XIII вв. Вопрос о происхождении этих водолеев пока еще разработан неудовлетворительно. Большинство исследователей, занимавшихся изучением водолеев, считают, что они изготовлялись преимущественно в Германии, а также в Бельгии, Франции, Скандинавии и Англии.

Неразработанность вопроса о центрах изготовления водолеев, как и других произведений прикладного искусства, до некоторой степени может быть объяснена общностью стилей прикладного искусства европейских стран в эпоху средневековья. Все же по ряду признаков среди произведений прикладного искусства можно выделить отдельные родственные группы, происходящие, очевидно, из различных, но связанных между собой культурных центров Западной Европы. Такие общие признаки можно найти и у водолеев в форме львов с ручками в виде драконов.

Ближайшей известной нам аналогией переяславскому водолею может служить водолей, найденный в Магдебурге². Композиционно и стилистически он очень близок к переяславскому, но отличается от него рядом деталей. Магдебургский лев имеет более тяжеловесную голову, более длинные лапы, дистальные части задних лап у него не расчленены, конец хвоста покоится на правом боку туловища, на задних лапах выгравирован пальметочный орнамент, напоминающий ромашские книжные заставки. На фигуре льва сохранились следы позолоты. Автор публикации датирует этот водолей второй половиной XII в. и считает, что он был отлит в Магдебурге.

Довольно близкой аналогией нашему сосуду является водолей, обнаруженный в Крухове (Польша)³. По композиционной схеме он повторяет переяславский и магдебургский водолей, но отличается от них значительной примитивностью работы. Все то, что имеется на описанных выше водолеях, повторяется и здесь, но в более условной и грубой форме. Голова льва напоминает собачью, рот закрыт, загнутый конец хвоста, проходящего между задними лапами, находится под животом. В качестве аналогий приведем также водолей в виде львов, найденные в замке Лаис, рас-

² E. Nickel. Ein romanisches Gießgefäß aus Magdeburg.— Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte. T. 16. Varia Archaeologica. Berlin, 1964, стр. 347—349, табл. 54.

³ J. Kostrzewski. Z dziejów badań archeologicznych w Wielkopolsce. Wrocław, 1958, стр. 14, рис. 7.

положенном севернее города Тарту⁴, около Вильнюса⁵, в Чернигове⁶ и где-то на Кавказе⁷.

Водолеи в виде львов имеют черты сходства между собой, но отличаются в деталях, а также по мастерству исполнения. Это вполне объяснимо, если учесть, что их отливали в глиняных формах по так называемому способу с потерей воска, при котором восковая модель уничтожалась. Поэтому нельзя встретить совершенно одинаковые экземпляры.

Анализ стилистических особенностей переяславского водолея указывает на его германское, вероятнее всего, нижнесаксонское происхождение. Датируется он первой половиной XIII в.⁸ Этот водолей является свидетелем широких культурных и торговых связей одного из древнейших городов Руси — Переяславля Русского.

⁴ M. Ebert. Führer durch die vor- und frühgeschichtliche Sammlung Dommuseum. Riga, 1914, стр. 77—78, рис. 81.

⁵ В. П. Даркевич. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.).— САИ, Е1—57, 1966, № 71, табл. 5, 5, 6.

⁶ Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V. Киев, 1902, табл. X, 255.

⁷ Я. И. Смирнов. О бронзовом водолее западноевропейской работы, найденном в Харьковской губернии, и о других подобных находках в пределах России.— Тр. Харьковского предварительного комитета по устройству XII АС, т. I. Харьков, 1902, стр. 511.

⁸ Происхождение и датировка водолея определены В. П. Даркевичем, которому приношу здесь искреннюю благодарность.

ИСТОРИЯ

О РАСПРОСТРАНЕНИИ ТОПОНИМОВ «МЕЖА» И «РУБЕЖ» В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

А. В. Алексеев

В сравнительно малоизученной средневековой топонимике Восточной Европы встречаются термины, как будто бы относящиеся к какому-то граппцам, — «Межа» (Межево, Межник) и «Рубеж» (Рубежно, Рубежевичи). Когда они могли возникнуть и что отражали?

Еще Н. П. Барсов пытался строить историко-географические выводы на современных названиях деревень Межа, Рубеж, Сутоки и на близких к ним. Однако он их не расчленил хронологически и даже, по-видимому, специально не картографировал, что и не дало ему возможности прийти к какому-либо убедительным выводам¹. К топонимам Рубеж, Рубежевичи уже в наше время прибегал и А. Н. Насонов, пытаясь определить восточные границы Полоцкой земли².

Топонимы Межа, Межник в Восточной Европе распространены довольно широко, но, как показывает карта, неповсеместно. Судя по спискам населенных мест, термин этот встречается только в северо-западных областях Руси: в Полоцкой и Новгородской землях. Псковщине, Смоленщине — и почти неизвестен в северо-восточных. Он происходит, таким образом, из земель, некогда населенных этнически близкими между собой кривичами и словенами новгородскими.

Судя по письменным источникам, слово «межа» (восходящее к индоевропейскому корню, обозначающему «лес») — наиболее древнее. Впервые его можно найти в Правде Ярославичей краткой редакции (конец 60-х годов XI в.): «А иже межу переореть»³; в пространной ее редакции (начало XIII в.): «Дуб... межный»⁴; в Повести временных лет под 1097 г.: «Довльть нама на межи своей стати»⁵, где он впервые означает границу княжества. В грамоте Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю на рель у Волхова, в которой установлены границы между Юрьевым и Пантелеймоновым монастырями (1125—1137 гг.), также встречается термин «межа»⁶.

¹ Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885, стр. 88.

² А. Н. Насонов. «Русская Земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 156—158.

³ М. Н. Тихомиров. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953, стр. 83.

⁴ Там же, стр. 103.

⁵ ПВЛ, т. I. М.—Л., 1950, стр. 179.

⁶ ПРЦ, вып. II. М., 1953, стр. 103.

Его же можно найти в грамоте Антония Римлянина (не позднее 1147 г.)⁷, в летописи под 1180 г.⁸ и даже значительно позднее — в купчей Михаила Федоровича Крюка (конец XIV — 1410 г.)⁹ и т. д.

Я уже показывал на примере Полоцкой земли, что топонимы Межа, Межник распространены в Восточной Европе не хаотически, а в строгом порядке, как бы окружая какие-то территории, границы которых они, очевидно, и отмечали¹⁰. В Северной Белоруссии эти названия отражали государственную территорию Полоцкой земли XI—XII вв.: по уточненным данным, 33 подобных наименования либо расположены по ее периметру, представляющему зигзагообразную замкнутую кривую (внешняя граница земли), либо такой же линией рассекают ее на две части — западную и восточную (что соответствует историческому факту — в конце XII в. восточная часть Полоцкой земли временно отходила к Смоленску). Даже неоднократный переход Орши и Копыси с их окружением то к Полоцку, то к Смоленску также нашел отражение в топонимике, и «Межи» оказались не только на правой, но и на левой, смоленской стороне Днепра (рис. 1).

Границы Смоленского княжества не оконтурены «Межами» столь четко, как это было в Полоцкой земле. Однако эти наименования, и именно только у исторических границ, мы встречаем и здесь (см. рис. 1). Западная граница Смоленщины очерчена ими дважды. Основная линия «Межей» проходила от устья р. Межа на юг до междуречья Свислочи и Птичи (всего девять наименований). Какое-то время она отклонялась, как сказано, на запад от Орши (одно наименование). Вторая ломаная линия «Межей» отражает переход восточной части Полоцкой земли (Витебского и Друцкого княжества в конце XII в.) временно под эгиду Смоленска. Эта линия образуется из 11 наименований. Она начинается северо-восточнее Полоцка и проходит, сильно изгибаясь и захватывая верховья Березины, к уже отмеченному пункту междуречья Свислочи и Птичи (см. рис. 1). «Межи» оконтуривают смоленскую границу с юга и востока; правда, здесь до нашего времени сохранилось всего пять названий. Важно, что они в точности следуют за всеми изгибами смоленской границы, детально выясненной А. Н. Насоновым по письменным источникам. С известным приближением отражают «Межи» и северную границу Смоленского княжества.

В Новгородской и Псковской землях наименований типа Межа встречается множество. Картографируя их, мы наблюдаем следующую картину. Все течение р. Великой с притоками вплоть до Пскова окружено плотным кольцом топонимов Межа, которых здесь насчитывается 22. На юге линия, образуемая этими наименованиями, не совпадает с линией полоцких «Межей», а на востоке — с линией «Межей» новгородских. По-видимому,

⁷ ПРП, вып. II, стр. 105.

⁸ ПСРЛ, т. I, вып. II, М., 1962, стб. 404.

⁹ ПРП, вып. II, стр. 191.

¹⁰ Л. В. Алексеев. Полоцкая земля. М., 1966, стр. 77—80.

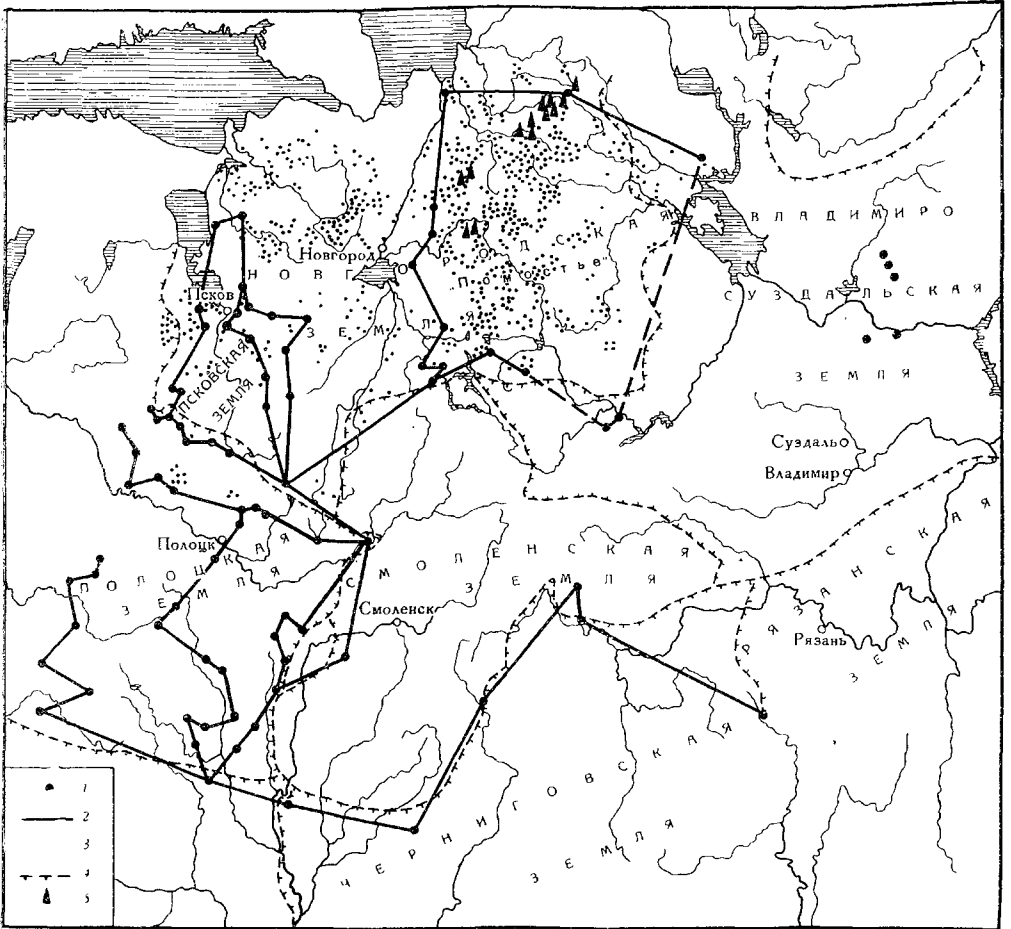

Рис. 1. Распространение топонимов «Межа» и «Межно», «Межник», «Конец» в Восточной Европе и границы земель (по А. Н. Насонову)

1 — «Межа», «Межно»; 2 — линия, условно их соединяющая; 3 — жальник (по Н. Репникову); 4 — границы земель; 5 — «Конец»

псковские «Межи» возникли здесь в тот начальный и недолгий период, когда Псковская земля не была еще поглощена Новгородом и ее границы, расширяясь, еще не вошли в непосредственное соприкосновение с полюдскими и новгородскими, а между ними и псковскими границами еще сохранилась неохваченная феодальной дабью свободная зона. Так как Псков окончательно перешел к Новгороду в 30-х годах XI в., то возникновение этих границ следует отнести к более раннему времени, возможно, к середине или даже к первой половине X в.

В Новгородской земле также сохранились топонимы Межа (помимо граничащих с Псковщиной, их еще 19). Однако характер их распространения здесь несколько неожидан и требует дополнительных выяснений. Деревни с названием Межа, Межник расположены на западе собственно Новгородской земли, на левобережье верховьев Шелони (одно название на правобережье), параллельно линии псковских «Межей», но на известном расстоянии от них, занятом в древности, очевидно, «ничьим» лесом. Вторая группа этих топонимов тянется длинной зигзагообразной полосой к востоку от верховьев Волхова, оз. Ильмень и низовьев Ловати (восточнее р. Полы). От оз. Селитер, где проходила граница Новгородской земли, топонимы поворачивают на восток почти вдоль нее и, не дойдя до р. Тверцы, обрываются. Никакой «государственной» границы к востоку от линии Волхов — Ильмень — Ловать в Новгородской земле не существовало. Граница между Шелонской и Деревской пятнами проходила по р. Ловати и была от этих «Межей» далека. Что же отражают эти наименования? Обратим внимание, что от последнего, наиболее северного топонима Межа на правобережье Мсты в районе Тихвина (восточнее него) тянется линия топонимов Конец. Особенно много их между Тихвином (восточнее) и верховьями Паши. Здесь же, кстати, имеется и еще один топоним типа Межа. Эта окраинная территория почти примыкает к границе Новгородских и Владимиро-Суздальских земель. Итак, наименования Межа, дополненные на севере наименованиями Конец, соединили две новгородские границы (на юге и на северо-востоке) и оградил большую территорию в юго-восточном углу Новгородской земли. Территория эта была когда-то отделена от центральных новгородских земель особой границей. Зона на северо-западе, где эта территория кончалась, но где границы не требовалось, все же получила отражение в топонимике в виде 16 деревень с наименованием Конец. Что же это за территория, когда она представляла какую-то самостоятельную единицу и когда была подчинена Новгороду?

Основной водной артерией этой территории была р. Мста, ее северную часть занимали волоки Мологско-Сясьского междуречья, а южную — Мологско-Мстинского междуречья. Как показал А. Н. Насонов, словене, племенным центром которых был Новгород, «заселяли первоначально западную сторону Ильменя»¹¹. «Если эта сторона озера была сильно заселена,—

¹¹ А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 69.

писал исследователь, — то на восточной его стороне долго сохранялись значительные лесные пространства»¹². «Не только в X, но и в XII в. Помостье оставалось сравнительно глухим районом, — писал А. Н. Насонов, — к XII в. Мста уже была достаточно заселена»¹³. В XII в. Помостье засвидетельствовано летописью как особый податной район¹⁴.

Обратимся к археологии.

Судя по распространению сопок¹⁵, во второй половине I тысячелетия в Новгородской земле было три наиболее густо заселенных района: район к западу и северо-западу от оз. Ильмень, захватывающий верховья Луги и низовья Шелони, территория к югу от этого озера, включавшая бассейн верховьев Ловати и все ее течение вплоть до устья и, наконец, обширнейшая область к востоку от оз. Ильмень. На юго-западе в нее входило среднее течение р. Полы (главным образом ее правобережье), на западе — все течение Мсты, исключая ее низовья, а также верхнее течение Мологи вплоть до верховьев Чагоды. Итак, заселение Помостья началось значительно ранее, чем предполагал А. Н. Насонов, и во второй половине I тысячелетия там было уже сравнительно много поселений новгородских словен. Так как археологическая карта новгородских земель еще не составлена, и мы не можем по распространению курганов судить о заселенности Помостья в следующую эпоху — X—XII вв. (как это можно было сделать относительно Полоцкой земли)¹⁶, мы вынуждены обратиться к карте новгородских жальников, составленной Н. И. Репниковым¹⁷. Будучи более поздними памятниками, чем курганы (которым они и пришли в XIII—XIV вв. на смену), жальники отражают, безусловно, заселенность страны в более позднее время, однако и по их распространению кое-что можно уяснить. Судя по этим данным, в XIII—XV вв. в Новгородской земле особенно были заселены территории верховьев р. Луги и главным образом Помостье (несколько выше устья Мсты), а также прилегающие с севера территории между Помостьюем и верховьями р. Сяси и с юга — вплоть до оз. Селигер (см. рис. 1). С запада и с юга территорию жальников Помостья ограждали, по-видимому, леса с деревьями, именуемыми Межа, в районе которых жальников почти нет.

Сопоставляя карту жальников XIII—XV вв. с картой сопок новгородских словен второй половины I тысячелетия, замечаем, что, несмотря на значительное изменение концентрации заселенности, общий ее характер остается почти неизменным: более заселенной оказывается лишь область

¹² Там же, стр. 75.

¹³ Там же, стр. 76.

¹⁴ Там же, стр. 77.

¹⁵ Н. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки. — МИА, № 6, 1941, карта, стр. 134.

¹⁶ См.: Л. В. Алексеев. Указ. соч., стр. 70—73.

¹⁷ Н. И. Репников. Жальники Новгородской земли. — ИГАИМК, т. IX, вып. 5, 1931.

верховьев Сяси, куда распространилось население, вероятнее всего, из Северного Помостья. Итак, приведенные археологические данные выделили обширную, издавна заселенную территорию Помостья, распространившуюся вплоть до верховьев Сяси на севере и оз. Селигер на юге. Очевидно, топонимы Межа, возникшие в западной части этого заселенного массива, древнее многих аналогичных наименований раннефеодального времени, обозначающих пределы древнерусских земель. Они возникли в ту отдаленную эпоху, когда Помостье только лишь образовалось как единый массив новгородских словен, экономически еще не было связано с Новгородом и не было ему подчинено. Леса, сохранившиеся к западу от него, служили, по-видимому, естественной преградой, отделявшей еще свободное от дани Помостье от территории, освоенной новгородской дадью.

В заключение отметим, что на правом берегу Волги, несколько ниже Костромы, на левом берегу Костромы и на Унже имеется еще несколько наименований Межа. Их историческое осмысление — дело будущего. Вероятно, их появление связано с переселением.

Топонимы Рубеж, Рубежник распространены, судя по карте, на тех же территориях, но вовсе не обязательно там, где топонимы Межа. Первоначально это слово означало, по-видимому, лишь пограничную пошлину, которая «отрубалась» от провозимого товара. Так, в договоре 1229 г. Смоленска с Ригой значилось: «А рубежа им (проезжавшим купцам. — Л. А.) не деяти»¹⁸; в III (1270 г.) договорной грамоте Новгорода с великим князем Ярославом Ярославичем предлагалось «гости нашему гостити по Суждальской земли без рубежа»¹⁹. Итак, топоним Рубеж более поздний. Нанесение его на карту показывает, что в большинстве случаев он распространен у границ русских и литовских земель и, следовательно, для определения пределов княжеств домонгольской поры непригоден.

Так наблюдения над распространением топонимов указанных двух типов в Восточной Европе позволяют сделать некоторые первичные исторические выводы, полезные для изучения прошлого нашей страны.

¹⁸ Смоленские грамоты XIII—XIV вв. М., 1963, стр. 38.

¹⁹ ПРП, вып. II, стр. 141.

К РЕКОНСТРУКЦИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ХОРВАТИИ

Ю. В. Бромлей

Попытки реконструкции раннесредневековой административно-территориальной структуры зарубежных славянских народов уже давно занимают важное место в работах славистов-медиевистов. При этом, однако, обычно почти все внимание уделяется так называемой «жупной» организации¹. Другие же административно-территориальные ячейки, не считая, разумеется, сельских общин, характеризуются, как правило, весьма бедно. Между тем исследование таких «промежуточных» ячеек не лишено интереса. Во-первых, оно может несколько восполнить пробелы в существующих представлениях о политическом строе раннесредневековых славянских государств; во-вторых — и это пожалуй, более важно — пролить дополнительный свет на ту роль, которую в генезисе политического строя этих государств играли институты, как восходящие к доклассовому обществу, так и возникшие уже в классовых условиях.

Представляется, в частности, важным в первую очередь продолжить исследование внутренней структуры основных административно-территориальных единиц раннесредневековой Хорватии — жупаний, или жуп². Такая первоочередность диктуется главным образом состоянием источников. Даже сам факт существования «жупной» организации для большинства зарубежных славянских народов доказывается (и к тому же далеко не всегда бесспорно) на основе косвенных данных, в качестве которых обычно фигурирует упоминание жупанов в средневековых памятниках. Некоторое исключение представляют лишь сербские и хорватские земли, где сохранились прямые свидетельства существования жупаний (жуп).

¹ Подробнее см.: В. П. Грачев. К вопросу о жупах и жупанах.— Первый конгресс балканских исследований. Сообщения советской делегации. М., 1966, стр. 1—12.

² Жупам, или жупаниям, раннесредневековой Хорватии посвящено немало страниц в югославской историографии. См.: F. Rački. Nutanrnje stanje Hrvatske prije XII. stoljeća.— Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti (далее — Rad JAZU), кн. 99. Zagreb, 1890, стр. 105; F. Zlatković. Topografičke crtice o starohrvatskim županijama u Dalmaciji i starim gradovima na kopnu od Velebita do Neretve.— Starohrvatska prosvjeta (далее — SP), I, № 1—4. Knin, 1895; II, № 1—4. Knin, 1896; III, № 1—4. Knin, 1897; O. Mandić. Bratstvo u ranosrednjovjekovnoj Hrvatskoj.— Historijski zbornik (далее — HZ), ежегодник V № 3—4. Zagreb, 1952, стр. 277—280; Новији радови на друштвеној проблематици средњовековне Хрватске.— Годишњак Историјског друштва Босне и Херцеговине, X. Сарајево, 1959, стр. 341—342; N. Klaić. Problem Slavca i Neretljanske krajine (kneževine).— Zgodovinski časopis, XIV. Ljubljana, 1960, стр. 131.

При этом для раннего средневековья (до XII в.) явно преобладают как прямые, так и косвенные показания источников о жупаниях (жупах) в Хорватии, точнее говоря, в ее далматинской части. Но если о самих хорватских жупаниях имеются прямые свидетельства, то для суждения об их внутренней структуре исследователи располагают лишь косвенными показаниями источников. Не случайно в исторической литературе вопрос о внутренней структуре жупаний решается главным образом на основании содержащихся в хорватско-далматинских актах XI в. сведений о должностных лицах, в первую очередь о поджупанах (*podjuppus*, *podsuppus*, *podsuppi*). При этом мнения специалистов о числе поджупанов в жупаниях расходятся. Так, еще в конце XIX в. Ф. Рачки, а за ним В. Клаич полагали, что в каждой жупании было несколько поджупанов, управлявших небольшими округами (котарами)³. Это представление в начале XX в. попытался развить и аргументировать Л. Елич⁴. Иную позицию в данном вопросе в 30—40-х годах занял М. Ланович, считавший, что в каждой жупании было лишь по одному поджупану⁵.

Однако до сих пор вопрос о числе поджупанов по существу остается открытым. Об этом, в частности, свидетельствует работа Д. Янковича по истории государства и права народов Югославии в раннее средневековье. В ней автор ограничился лишь упоминанием о двух противоположных точках зрения по интересующему нас вопросу, сославшись, с одной стороны, на Ф. Рачки, с другой — на М. Лановича⁶.

Ф. Рачки пришел к заключению о существовании в жупаниях нескольких поджупанов на основе показаний пространной грамоты хорватского короля Петра Крешимира, датированной 1069 г. (далее — ПР ПК 1069). По его мнению, в той части перечня свидетелей этой грамоты, в которой сказано «*Chruchonna Drasen postjuppo de Blata*»⁷, имеются в виду два поджупана: Крукона, неоднократно именуемый поджупаном в других грамотах, и Драсен. При этом Ф. Рачки полагал, будто бы прозвище «*de Blata*» означает, что резиденцией Драсена было Блато около Рогова в жупании Сидрага⁸. Л. Елич к этому добавлял: Крукона же

³ F. Rački. Указ. соч., стр. 179; V. Klaič. *Povijest Hrvata*, тетрадь I. Zagreb, 1899.

⁴ L. Jelić. *Povjestno-topografski crtice biogradskog primorja*.— *Vjestnik hrvatskoga arheološkoga društva*, n. s. Zagreb, 1898, стр. 136.

⁵ M. Lanović. *Ustavno pravo Hrvatske narodne dinastije*.— *Rad JAZU*, кн. 266. Zagreb, 1939, стр. 28—29 (104—105).

⁶ D. Janković. *Istorija država i prava naroda Jugoslavije*, I. Beograd, 1960, стр. 63.

⁷ *Documenta historiae Croatiae periodum antiquam illustrantia*. Collegit, digessit, explicuit Fr. Rački.— *Monumenta spectantia historiam slavorum meridionalium*, т. VII. Zagrabiae, 1877 (далее — *Dok.*), № 406, стр. 54.

⁸ F. Rački. Указ. соч., стр. 179. В. Клаич не привел никаких аргументов в пользу деления жупаний на поджупы, очевидно, в данном случае он просто повторил мнение по этому вопросу Ф. Рачки.

был поджупаном одной из составных частей жупании Сидрага — Мирани⁹.

Возражая Ф. Рачки, М. Ланович проводит аналогию между поджупаном и франкским «*viscomes*»-ом и уже на основе этой аналогии заключает, что каждый жупан имел всего одного поджупана¹⁰. Рачки, по мнению Лановича, пришел к противоположному выводу вследствие неправильного толкования формулы «*Drasen postippo de Blata*». «Мы склонны полагать, — пишет М. Ланович, — что Блато рядом с именем поджупана Драсены приведено лишь для указания либо места, из которого он родом, либо — как местонахождение в целях лучшего обозначения личности»¹¹. Совершенно очевидно, что аналогия с франкскими «*viscomes*»-ами не может служить достаточным аргументом для обоснования тезиса, выдвигаемого М. Лановичем. Его же попытка объяснить, почему имя поджупана Драсены в ПР ПК 1069 сопровождается топонимом «*de Blata*», в конечном счете неизбежно влечет за собой признание одновременного существования двух поджупанов в одной и той же жупании. С одной стороны, Крукона, фигурирующий в этой грамоте, судя по всему, был поджупаном жупании Сидрага¹², с другой — связанный с Драсеном топоним «*Blata*» несомненно также относится к территории той же жупании¹³.

Мнение Л. Елича, будто в жупании Сидрага наряду с Драсеном — поджупаном Блата — Крукона был поджупаном Мирани, не находит подтверждения в источниках. Хотя в нескольких актах Крукона действительно упоминается среди свидетелей при отчуждении недвижимости в Мирани¹⁴, однако это не дает никаких оснований для заключения о том, что Крукона — поджупан именно Мирани. Дело в том, что Крукона не раз

⁹ L. Jelić. Указ. соч., стр. 36, 108.

¹⁰ M. Lanović. Указ. соч., стр. 29 (105).

¹¹ Там же, стр. 29 (105), примечание 386.

¹² На это, в частности, косвенно указывает тот факт, что в одном акте среди свидетелей поджупан Крукона назван непосредственно вслед за жупаном Сидраги Юраной (Dok., № 43). Показательны также сведения, содержащиеся в двух смежных актах картулярия монастыря св. Иоанна Евангелиста в Биограде (Kartular samostana sv. Joanna Evangelista u Biogradu). Этот картулярный в исторической литературе именуется по-разному. Для обозначения той части его рукописи, которая содержит краткие акты, относящиеся к XI в., мы употребляем в дальнейшем сокращение КИБ (КИБ). Акты КИБ опубликованы Ф. Рачки (Dok., № 133, стр. 161—174) и С. Любичем (Starine JAZU, кн. XXIII. Zagreb, 1890, стр. 158—171), поэтому в дальнейшем при ссылках на акты КИБ в числителе указывается номер, данный цитируемому нами акту Ф. Рачки, в знаменателе — С. Любичем.

В упомянутых смежных актах фиксируется отчуждение недвижимости *in Sidraga* (КИБ, № 19/41, 20/42). В первом из них в качестве градента выступает жупан Юрана; во втором — основным свидетелем является поджупан Крукона.

¹³ Об этом свидетельствуют историко-топонимические показания ряда кратких актов КИБ.

¹⁴ Л. Елич при этом ссылается на Dok., № 40b и 91. Кроме того, Крукона упомянут среди свидетелей при отчуждении земли в Мирани также в акте КИБ, № 11/27.

выступает свидетелем и в других населенных пунктах¹⁵. Весьма спорно, на наш взгляд, и утверждение М. Лановича, будто наряду с Крукэпой в одном и том же документе упомянут в качестве свидетеля другой поджупан — Драго¹⁶. Основанием для этого служит следующая формула заключительной части дарственной некоего Чрничча (1076 г.): «Drago et Cruchana postiuppo»¹⁷. Но, судя по всему, интересующий нас термин употреблен здесь в единственном числе. Об этом свидетельствует целый ряд раннесредневековых актов, которые, явно имея в виду одного поджупана, употребляют форму «postiuppo»¹⁸. Но даже если принять утверждение М. Лановича, что в дарственной Чрничча идет речь о двух поджупанах, то и в таком случае, очевидно, не будет достаточных оснований считать, будто бы оба поджупана — представители одной жупании. Это соображение целиком относится к прямому (правда, незамеченному М. Лановичем) упоминанию двух поджупанов в одной дарственной Петра Крешимира — монашью св. Степана близ Сплита¹⁹.

Из всех рассмотренных документов только один — ПР ПК 1069 — может быть использован как свидетельство существования в раннесредневековых хорватских жупаниях нескольких поджупанов, ибо это единственный известный документ, содержащий сведения о наличии двух поджупанов в одной жупании. Кстати сказать, среди всех хорватских документов, датированных XI в., лишь в данной грамоте имя поджупана сопровождается топонимом²⁰. Между тем уже давно общепризнано, что ПР ПК 1069 — грубый фальсификат²¹. Не случайно в краткой редакции той же дарственной Петра Крешимира от 1069 г. — документе, достоверность которого не вызывает сомнений, — среди свидетелей отсутствует поджупан Драсен. И так, отпадает главный и, по существу, единственный аргумент, приводимый в доказательство того, что жупании раннесредневековой Хорватии подразделялись на поджупании.

Наряду с поджупанами среди должностных лиц хорватских жупаний акты XI в. неоднократно называют сотников (setnic, sitnic, setenic, setinic). При этом сотники фигурируют, как правило, в качестве свидетелей королевских дарений или же свидетелей по различным сделкам (продажа земли, сервов)²², что заставляет думать о наличии у них административ-

¹⁵ См.: КИБ, № 7/19 (в Доллани), 8/20 (там же), 20/42 в (Сидраге), № 50/30 (в Набресе).

¹⁶ M. L a n o v i ć. Указ. соч., стр. 25, примечание 385.

¹⁷ Dok., № 91.

¹⁸ Dok., № 40 b, 58; Supetarski kartular (далее — SK), № 32; КИБ, № 7/9, 8/20, 11/27, 20/42, 50/30.

¹⁹ Dok., № 58.

²⁰ См.: Ю. В. Бромлей. Становление феодализма в Хорватии. М., 1964, стр. 55.

²¹ На это обратил внимание еще М. Ланович (см.: M. L a n o v i ć. Указ. соч., стр. 29).

²² См.: Dok., № 60, 62, 84, 111. Кроме того, сотники упоминаются в № 64, 69, но достоверность этих документов сомнительна (см.: Ю. В. Бромлей. Становление феодализма в Хорватии, стр. 56—66).

ных функций. Историко-сравнительные материалы позволяют предполагать исполнение ими также военных обязанностей²³. В том, что хорватские сотники в раннее средневековье исполняли военные и административные функции, был уверен еще Ф. Рачки²⁴. Такого же мнения придерживались и последующие исследователи общественно-политического строя раннесредневековой Хорватии. Общим для исследователей является представление о том, что в жупаниях имелось несколько сотников²⁵. Акты XI в., насколько нам известно, не содержат показаний, противоречащих такому представлению. Более того, упоминание среди свидетелей отдельных актов наряду с одним жупаном двух сотников²⁶ как будто говорит в пользу распространенной точки зрения. Принятие же ее дает некоторые основания полагать, что уже в XI в. жупании Далматинской Хорватии делились на отдельные округа — «сотни», следы существования которых обнаруживаются в более поздних источниках²⁷.

Помимо поджупанов и сотников, привлекает внимание фигура «дворника» (dvornic), упоминаемого в хорватских документах. Правда, некоторые исследователи склонны считать, что этим термином в хорватских раннесредневековых источниках обозначался высший разряд придворных служилых людей²⁸. Однако для такого представления нет достаточных оснований. Более правы те авторы, которые считают, что дворники занимали низшее положение в служебной иерархии²⁹. Во всяком случае они стояли ниже жупанов: в сохранившихся актах XI в. дворники среди свидетелей неизменно указываются после жупанов. Иногда в этих актах дворник выступает рядом с сотником³⁰, притом обычно после него³¹.

Дворники и сотники упоминаются вместе также и в более поздних хорватских источниках (XII—XIV вв.)³². При этом в подавляющем большинстве случаев дворники, как и в раннесредневековых документах, по-

²³ См.: Ю. В. Бромлей. К вопросу о сотне как общественной ячейке у восточных и южных славян в средние века.— История, фольклор, искусство славянских народов. М., 1963, стр. 73—76.

²⁴ F. Rački. Указ. соч., стр. 102—103.

²⁵ M. Lanović. Указ. соч., стр. 29; D. Janковиć. Указ. соч., стр. 63.

²⁶ См.: Dok., № 60, 62 (II).

²⁷ См.: Ю. В. Бромлей. К вопросу о сотне..., стр. 83—84.

²⁸ См.: V. Mažuranić. Prinosi za hrvatski pravopovjestni rječnik. Zagreb, 1918—1922, стр. 295.

²⁹ См.: M. Lanović. Указ. соч., стр. 226.

³⁰ См.: Dok., № 61a, b; 111, стр. 128 (SK, № 5).

³¹ Правда, в Dok., № 117 в числе свидетелей перед сотником, возможно, назван дворник (во всяком случае так читает рукопись Ф. Рачки), но документ этот — грубый фальсификат. См.: V. Novak. Notae diplomaticae.— SK, стр. 207.

³² См.: Monumenta historico-juridica Slavorum meridionalium (далее — MHJSM), т. IV. Zagrabiae, 1890, стр. 5.

Небезынтересно отметить, что в русских позднесредневековых документах часто рядом друг с другом фигурируют дворецкий и сотский (см.: АСВР, т. I, № 29; АФЭХ, ч. I, № 96, 123, 145, 172, 212, ч. II, № 3, 4, 14, 17, 18, 39, 45, 55, 62, 63, 79, 87, 103, 115, 130, 133, 137, 171).

мещаются после сотников³³. Упоминания дворников перед сотниками встречаются только в документах, относящихся ко владениям князей Франкопанов. Так, во введении к Винодольскому закону 1288 г. назван «дворник всега Винодола», и лишь затем перечисляются «сотники» — представители винодольских «градов»³⁴. Подобное же соотношение встречается и во Врбанском статуте XIV—XVI вв. (о-в Крк)³⁵. Однако во владениях Франкопанов существовали, видимо, две категории дворников: в нескольких сохранившихся документах XIV—XV вв., относящихся к их владениям, дворники фигурируют после сотников³⁶. Во всяком случае несомненно, что в XII—XIV вв. положение дворников в отдельных частях Хорватии было далеко не одинаковым. Разными, следовательно, были их функции. И это обязательно надо иметь в виду, используя соответствующие показания источников XII—XV вв. в качестве ориентиров при выяснении функций дворников в раннесредневековой Хорватии. А без привлечения этих показаний обойтись трудно, хотя они и чрезвычайно скудны.

Относительно многочисленны данные источников XII—XV вв., как и XI в., лишь о выполнении дворниками функций свидетелей³⁷. Все остальные показания носят единичный характер. Наиболее существенное из них, пожалуй, сообщение одного акта конца XII в. об исполнении дворником обязанностей судебного пристава: в качестве такового он вводит монастырь во владение присужденными землями³⁸. В этой связи обращает на себя также внимание употребление одним актом начала XIII в. формулы «curiae dvornicus»³⁹. Врбанский статут причисляет дворников вместе с сотниками к числу «вищников», т. е. членов общинного веча (Врбанской общины). Каставский статут конца XV в. указывает на исполнение дворником обязанностей глашатая и посыльного⁴⁰; но это уже явная деградация функций дворников, подобная той, которая здесь в то же время имела место и у сотников⁴¹.

В источниках XI в. наиболее отчетливое сообщение о деятельности дворников (не считая, разумеется, данных об осуществлении ими свидетельских обязанностей) содержит акт № 6 Супетарского картулярия (да-

³³ См.: Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae. Collegit et digessit T. Smičiklas (далее — CD), т. III. Zagrabiae, 1905, № 44, стр. 48—49; MHJSM, т. VI. Zagrabiae, 1898, стр. 88, 130; V. Mažuranić. Указ. соч., стр. 296.

³⁴ MHJSM, т. IV. Zagrabiae, 1890, стр. 5.

³⁵ Там же, стр. 156, 157.

³⁶ См.: V. Mažuranić. Указ. соч., стр. 296.

³⁷ См., например: CD, т. II, № 12, стр. 17; № 14, стр. 18; № 206, стр. 218; CD, т. III, № 44, стр. 48, 49; MHJSM, т. IV, стр. 156.

³⁸ CD, т. II, № 206, стр. 218.

³⁹ CD, т. III, № 44, стр. 48, 49.

⁴⁰ MHJSM, т. IV, стр. 157, 189.

⁴¹ См.: D. Klen. Ustanova «sotnika» i «čete» s naročitim obzirom na te ustanove u Barbanu.—Jadranski zbornik, III. Rijeka — Pula, 1958, стр. 203.

лее — СК). В этом акте дворник Продан выступает вместе со всеми жителями с. Тутари против земельных притязаний крупного вотчинника⁴². Судя по всему, именно данное сообщение СК навело исследователей на мысль, что дворник — сельский староста⁴³. Однако такое представление трудно совместить с некоторыми показаниями источников XI в., в том числе самого СК. Так, например, дворник Продан не только выступает вместе со всеми жителями с. Тутари, но и свидетельствует вместе со всеми жителями с. Зренани⁴⁴. СК дает некоторые основания для предположения, что в пределах основной, охватываемой этим картулярием территории (т. е. примерно Полицы), действовал одновременно лишь один дворник. В картулярии упоминаются всего три дворника: уже известный нам Продан, а также Драгонег и Даворадо. Последний фигурирует только в одном акте, где он выступает в качестве свидетеля по делу, относящемуся к территории, которая находится далеко за пределами Полицы (район Солина)⁴⁵. Иными словами, есть основания полагать, что Даворадо не был местным, полицким дворником. Что же касается Продаша и Драгонег, то они, судя по СК, вероятно, действовали в разное время. По наблюдениям В. Новака, акты, в которых упоминается Продан, хотя и расположены в разных частях картулярии (№ 5, 6 и № 87, 88, 96), однако относятся примерно к одному и тому же времени — после 1079—1080 гг.⁴⁶ К сожалению, в четырех актах, засвидетельствованных Драгонегой, нет данных, которые могли бы служить опорой для их датировки. Тем не менее, тот факт, что все эти акты расположены в картулярии компактно (№ 18, 19, 21, 23)⁴⁷ и вместе с тем обособленно от актов, где выступает Продан, как будто говорит в пользу разновременной деятельности этих дворников. Не исключено также, что акт № 76 СК, характеризующий некоего Продана как сына Драгонег, имеет в виду как раз этих двух дворников⁴⁸.

Для выяснения характера и масштабов территориальных единиц, в пределах которых в раннее средневековье осуществляли свои основные функции хорватские дворники, существенное значение имеют показания КИБ о дворнике Славиче.

⁴² СК, № 6, стр. 215.

⁴³ См.: P. Skok. *Lingvistička analiza*.— СК, стр. 293; O. Mandić. Указ. соч., стр. 275; М. М. Фрейденберг. Структура феодального владения в Далматинской Хорватии XI—XII вв.— Славянский сборник. Великие Луки, 1963, стр. 31.

⁴⁴ СК, № 96, стр. 228.

⁴⁵ СК, № 81, стр. 224. См.: Ю. В. Бромлей. Ставление феодализма в Хорватии, стр. 282—286.

⁴⁶ См.: V. Novak. Указ. соч., стр. 195—198, 205—206.

⁴⁷ СК, стр. 217—218. М. М. Фрейденберг ошибочно указывает, что дворник Драгонег упоминается в СК девять раз. (М. М. Фрейденберг. Указ. соч., стр. 31).

⁴⁸ СК, стр. 223. Между прочим, В. Новак относит акт № 76 к последнему десятилетию XI в., т. е. ко времени, когда, по его же наблюдениям, действовал в качестве дворника Продан (см.: V. Novak. Указ. соч., стр. 204).

Нам уже приходилось в другой связи подробно рассматривать данные КИБ о Славиче и возглавленной им группе свидетелей (по классификации Л. Хауптмана, группа А). Здесь достаточно лишь напомнить, что группа А охватывает 11 актов КИБ и включает 16 человек. В КИБ этой группы противостоят еще три группы свидетелей: В, С и D (по классификации Л. Хауптмана и Н. Клаич). Группа В насчитывает 5 актов и 11 свидетелей. Отличительная особенность группы С, включающей 5 актов, — наличие уже известного нам подкушана Кружоны. Наконец, группа D, охватывающая тоже 5 актов, состоит, как ~~не~~ без основания полагает Л. Хауптман, из горожан, жителей Биограда на море ⁴⁹.

КИБ позволяет установить примерные масштабы территории, в пределах которой действовал группа А: в этом картулярии содержится отдельные сведения о местонахождении недвижимости, отчуждение которой засвидетельствовано группой А. Таковы топонимы: Храстани (Раштани) ⁵⁰, Горица ⁵¹, Ясено ⁵², Дубровица ⁵³, Севишане (Сервишане) ⁵⁴, Нарач ⁵⁵. Из этих шести топонимов по крайней мере четыре первых — наименования сел.

Доступные нам историко-топографические данные позволяют заключить, что топонимы, связанные с группой А, относятся к северо-западной части территории, входившей в сферу деятельности всех четырех перечисленных нами выше групп свидетелей кратких актов КИБ. Легче всего определяется местоположение Горицы, которая и в настоящее время находится в 4 км к юго-востоку от Галовца ⁵⁶. Несколько южнее, напротив Надинского болота, были расположены Храстани (Раштани) ⁵⁷, в настоящее время состоящие из хуторов, из которых несколько примыкают к Горице ⁵⁸. Входящее в группу А с. Дубровица (Dubrovičaij), очевидно, должно быть отождествлено с современным поселением Дуброва, находящимся в 3 км к юго-западу от Галовца ⁵⁹. Что касается с. Ясено, то его под названием Гасенице упоминает в своей работе об исторической топографии Биоградского приморья Л. Елич, полагавший, что оно находилось

⁴⁹ См.: Ю. В. Бромлей. Становление феодализма в Хорватии, стр. 87—88.

⁵⁰ КИБ, № 4/14, 12/31, 16/35, 45/15.

⁵¹ Там же, № 14/33.

⁵² Там же, № 15/34.

⁵³ Там же, № 17/36.

⁵⁴ Там же, № 18/37.

⁵⁵ Там же, № 44/23, 48/25.

⁵⁶ См.: F. Zlatković. Topografičke crtice..., I, № 4, стр. 213, а также немецкую военно-топографическую карту 1943 г. (Deutsche Heereskarte (m. 1:50000). Blatt № 72/3 (Novigrad).

⁵⁷ См.: F. Zlatković. Topografičke crtice..., I, № 4, стр. 213, а также карту, составленную Л. Еlichem и Ф. Шипичем (L. Lelić, F. Šišić. Historijsko-topografska karta kraljevstva Hrvatsko-dalmatinskoga (bez Slavonije) oko godine 1100.— В кн.: F. Šišić. Priručnik izvora Hrvatske historije. Zagreb, 1914, приложение).

⁵⁸ См. указанную выше немецкую военно-топографическую карту.

⁵⁹ См. там же.

близ Бабины⁶⁰, расположенной в 9 км к западу от Галовца⁶¹. Для локализации двух остальных топонимов мы, к сожалению, не располагаем достаточными данными. Но и имеющиеся в нашем распоряжении сведения не оставляют сомнений, что территория, в пределах которой действовала группа А, насчитывала по меньшей мере 40—50 кв. км.

Возможно, что эта территория входила в состав жупании Сидрага. Для такого предположения некоторые основания дает непосредственная близость самого южного из сел группы А (Храштани) к Тиню — центру жупании Сидрага. Но вместе с тем обращают на себя внимание показания КИБ о некоторой обособленности группы А от остальных упоминавшихся выше групп свидетелей, две из которых (В и С) несомненно действовали в пределах жупании Сидрага. Одна из отличительных особенностей группы А, в частности, заключается в том, что ее поименно названные члены, в том числе дворник Славича, ни разу не упоминаются при отчуждении недвижимости в населенных пунктах, где свидетелями выступали лица из групп В и С. С другой стороны, показательно, что подкупаном Сидраги Круконой не засвидетельствовано ни одного акта, относящегося к территории, где действовала группа А⁶².

Наконец, интересно отметить, что единственный акт группы А, в котором в роли дворника выступает не Славича, а некий Симолли, является хронологически самым поздним в этой группе⁶³. Иными словами, основанное на показаниях СК предположение, что в пределах территории, охватывающей несколько сел, в каждый данный момент действовал лишь один дворник, находит подтверждение в КИБ.

В совокупности приведенные материалы заставляют усомниться в равномерности представления о дворниках раннесредневековой Хорватии как о простых управляющих королевскими доменными владениями («дворами») ⁶⁴; очевидно, что обязанности каждого дворника распространялись на территорию, далеко выходящую за пределы двора-усады. И все же, на наш взгляд, было бы неверно отрицать связь дворников с королевскими «дворами». На это, хотя и косвенно, но достаточно убедительно указывает явная этимологическая зависимость термина «дворник» от хорошо известного хорватским средневековым памятникам термина ««двор», ко-

⁶⁰ L. Jelić. Указ. соч., стр. 36.

⁶¹ См.: D. Zbožinek. Karta Jadranske obale. Zagreb, 1935.

⁶² Вместе с тем, например, при отчуждении недвижимости в Набриске в одном случае (КИБ, № 50/30) в качестве свидетелей выступает группа С, а в другом — группа В (КИБ, № 54/44).

⁶³ Все акты, в которых фигурирует дворник Славича, относятся ко времени, когда аббатами монастыря св. Иоанна Евангелиста были Петр и Луло, т. е., по определению Ф. Рачки, примерно до 1085 г. (см.: Dok., стр. 164—171); акт же, засвидетельствованный дворником Симолли (№ 48/25), приходится на время деятельности аббата Мадия — преемника Луло (см.: Dok., стр. 171—172).

⁶⁴ См.: M. Barada, L. Katić, J. Šidak. Hrvatska povijest za VIII, razred srednjih skola, тетрадь I. Zagreb, 1941, стр. 68; Ю. В. Бромлей. Становление феодализма в Хорватии, стр. 154, примечание 106.

торый, по наблюдениям В. Мажуранича, имел по крайней мере два основных значения: «aula» и «curia»⁶⁵. Нетрудно заметить, что последнее значение термина «двор» полностью снимает все противоречия между указанной этимологической взаимосвязью⁶⁶ и тем, что нами установлено о характере и масштабах административных функций дворников.

Для выяснения места дворников в административной структуре раннесредневековой Хорватии весьма существенно также определить соотношение между связанными с ними округами и другими административно-территориальными единицами. Судя по преобладанию в средневековых хорватских источниках случаев фиксации дворников непосредственно вслед за сотниками, можно как будто предположить, что интересующие нас округа либо совпадали с сотней, либо были меньше ее. Но более вероятным представляется принципиально иное решение вопроса. Известное основание для этого дают сведения КИБ как относительно особой обособленности округа, связанного с группой А, так и о том, что в пределах территории, к которой относятся все краткие акты КИБ, существовал лишь один округ, где в качестве основного свидетеля выступал дворник. Иными словами, не исключено, что в раннесредневековой Хорватии существовала двойная система административно-территориального деления: жупании, подразделявшиеся в свою очередь на сотни, и возглавляемые дворниками округа, которые были асимметричны жупанийско-сотенной структуре, а возможно, вообще находились за пределами древних жупаний.

В пользу данной гипотезы говорят и некоторые сведения, относящиеся к Полице, т. е. к той территории, на которую приходится основная масса актов СК. Есть основания говорить об обособленности этой территории⁶⁷, в пределах которой, как мы видели, в XI в. одновременно функционировал лишь один дворник. Показательно также, что территория Полицы, именовавшаяся в позднее средневековье «жула Поелична»⁶⁸, была значительно меньше, чем жупании раннесредневековой Хорватии⁶⁹.

Итак, судя по всему, в Хорватии XI в. существовало две системы местного административного управления: одна — древняя, жупанийско-сотенная, уходящая своими корнями к первобытнообщинному строю, другая — более поздняя, связанная с дворниками, являвшимися, по-видимому, представителями королевской власти на местах.

⁶⁵ V. M a ž u r a n i ć. Указ. соч., стр. 293.

⁶⁶ Весьма показательно, что в одном документе начала XIII в. употребляется, как уже говорилось, формула «curiae dvornicus».

⁶⁷ Вопрос о принадлежности этой территории в XI в. уже давно является дискуссионным. Одни исследователи полагают, что Полица входила в состав Хорватского королевства, другие считают, что она была составной частью Неретлянского княжества. Этот вопрос обычно связывается с решением так называемой проблемы Славца. Новейшая литература по этому вопросу: N. K l a i ć. Указ. соч., стр. 96 и сл.; L. K a r a š a n. O nekim pitanjima hrvatske povijesti do XIII st.— HZ, XV, стр. 262—268.

⁶⁸ См.: МНЈСМ, т. IV, стр. 113, 121, 123.

⁶⁹ Ср.: O. M a n d i ć. Указ. соч., стр. 280.

ИЗ ИСТОРИИ МОСКОВСКОГО ВОССТАНИЯ 1682 г.

В. И. Буланов

Московское восстание 1682 г., получившее в научной литературе ошибочное название «Хованщины», освещается в актовых источниках, летописных записях, повестях и описаниях современников. Особое место среди них занимают сводные записи, составившиеся в Разрядном приказе, который в XVI и XVII столетиях был одним из главнейших органов внутреннего управления. В нем велись различные рода книги — разрядные, записные и другие, в которых описывались события при царском дворе, служба служилой знати России на гражданском и военном поприщах. Нередко эти записи сопровождаются более или менее подробным пересказом соответствующих документов, иногда документы включаются в текст целиком. Учитывая факт гибели многих подлинных документов того времени, значение таких сводных записей Разрядного приказа трудно переоценить.

Часть сводных разрядных записей опубликована в одном из изданий Археографической комиссии и в приложении к тому 13 известного труда С. М. Соловьева¹. В так называемом разряде без мест царя Федора Алексеевича приводятся сведения о событиях с 12 февраля до 27 апреля 1682 г. Среди записей о пожалованиях в чины бояр, окольныхчих и других, о назначениях должностных лиц и т. д. в них встречаются сведения о члелобитие стрельцов на своих начальников 24 апреля, смерти царя Федора 27 апреля и др. В следующем источнике — «книге записной» Разрядного приказа — описаны в основном придворные события с 27 апреля по 24 мая. В нем говорится о волнениях стрельцов полка А. Карандеева 27 апреля при целовании креста возведенному на престол юному Петру I, о возвышении Нарышкиных, А. С. Матвеева, о стрелецком челобитие 29 апреля, наказании и смене стрелецких полковников и др. Но события 15—17 мая 1682 г., т. е. времени кульминации восстания, не освещаются, так как им посвящена третья, наиболее интересная записка, которая носит название «Смутное время». В ней довольно подробно рассказывается о приходе восставших в Кремль 15—17 мая, переговорах с ними представителей правящей верхушки, о требованиях восставших, об их расправах с ненавистными деятелями из царского окружения. Описываются в ней

¹ Дополнения к АИ, т. 10. СПб., 1867, № 4, 9, 15; С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, кн. VII. М., 1962, стр. 311—348.

и события московского восстания с мая по декабрь 1682 г., но уже менее подробно. Несомненно, эта приказная записка составлялась несколько позже самого восстания, так как в некоторых случаях в ней перепутаны даты. Так, знаменитый извет на Ховавских в Коломенском 2 сентября здесь датируется 20 августа, а декабрьские волнения в стрелецком полку П. Бохина — октябрем².

Наконец, «книга записная» царей Ивана и Петра Алексеевичей включает менее интересные записи о придворных событиях с 26 мая по 29 июня.

Этими публикациями не исчерпывается сохранившийся комплекс разрядных записей о событиях московского восстания 1682 г. Дело в том, что хотя опубликованные записи охватывают время с апреля по декабрь 1682 г., в ряде случаев в них встречаются большие пропуски, в частности за лето и осень того же года. Эти пропуски заполняются сохранившимися в Центральном государственном архиве древних актов разрядными записями, которые, правда, нередко тоже носят отрывочный характер. Так, в столбцах Новгородского стола Разрядного приказа сохранились списки (неполные) придворных, которым велено было ходить за образами в московские и подмосковные соборы и монастыри 8 июля или быть «в походе» с царями в с. Коломенское с 20 августа³. Последний список (от 20 августа) продолжен в столбцах Приказного стола⁴. Вслед за ним в столбцах Приказного стола идут подробные записи за конец августа — начало октября 1682 г., которых нет в других источниках. Приводится подробная запись о делегации московских стрельцов, направленной к царям в с. Коломенское 23 августа. Выборные из всех полков пятидесятники, десятники и рядовые «лучшие люди» просили царей не верить «ложным словам» о том, что будто у них учинились «смятение» и «злой умысел» на бояр и на ближних людей и будто они снова хотят прийти в Кремль с ружьями. Стрельцы, таким образом, пыггались отвести от себя обвинение в подготовке нового выступления против властей, царского двора и уговорить царский двор вернуться в Москву⁵.

Интересна запись за 1 сентября. По принятому тогда летосчислению в этот день начинался новый год. Каждый год 1 сентября в Москве патриарх совершал «действие», на котором обычно присутствовали цари. В этот же раз в связи с неспокойной обстановкой цари и двор предпочли отсидеться в Коломенском, а совершать «действие» в столице указали патриарху Иоакиму с освященным собором. Сами же цари слушали литургию в коломенской церкви Казанской пречистой богородицы⁶. В составленной позже записке «Смутное время», упоминавшейся выше, более кратко го-

² С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 336, 338.

³ ЦГАДА, ф. 240. Столбцы Новгородского стола, д. 319, лл. 462, 4138.

⁴ Там же, Столбцы Приказного стола, д. 609, л. 1.

⁵ Там же, лл. 1—2.

⁶ Там же, л. 3.

ворится о том, что цари «к Москве на действия не ходили», а затем акцентуруется внимание на поведении князя И. А. Хованского: «А велели быть ему, князь Ивану Хованскому, и он ослушался и на действия не ходил»⁷. Ясно, что эта запись является результатом позднейшего осмысления событий, в то время как неопубликованная запись составлена по свежим следам событий, когда не могло быть и речи о критических высказываниях в адрес Хованского, которого поддерживали всеильные стрельцы.

Записи за 2—13 сентября носят краткий характер (сведения о переездах царского двора по подмосковным селам и монастырям, церковных службах и т. д.)⁸. Правда, в записке «Смутное время» события этих дней освещены еще более скудно, но у С. Медведева и других современников мы находим более подробные и интересные данные, например о знаменитом извете на Хованских от 2 сентября, подкинутом в с. Коломенское, и др.⁹

Далее в столбцах приводятся отсутствующие в других источниках черновики трех грамот в Москву князю И. А. Хованскому с вызовом его с сыном в с. Воздвиженское к царскому двору, помещена также грамота боярину А. С. Шеину. Аналогичные грамоты были посланы и другим боярам, окольным и «думным людям»; приводится их список из 40 человек¹⁰. Все это говорит о срочных мерах, принятых властями в Воздвиженском для скорого суда над Хованскими и их казни.

Пункты обвинения Хованских, которые они выслушали в день казни 17 сентября, излагаются здесь очень кратко; у С. Медведева приводится подробный текст «указа и сказания вины»¹¹.

Из текста архивных записей следует, что расследование вины Хованских проводилось в их отсутствие, а приговор был утвержден Софьей и боярами после чтения коломенского извета от 2 сентября. Арестованных Хованских привезли в Воздвиженское и остановили у передних ворот «государева двора». Здесь им и прочитали указ о смертной казни. «Для того» боярам велено было «за те ворота идти всем»; они вышли и сидели по скамьям во время чтения указа Ф. Л. Шакловитием. Казнили Хованских 17 сентября «на площади у большой московской дороги»¹².

17 же сентября вместо И. А. Хованского главой московских властей на время отсутствия царского двора назначили боярина князя Ф. Ф. Курякина. В тот же день в Москву патриарху Иоакиму, властям, в стрелец-

⁷ С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 336. См. также: С. Медведев. Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяно во гражданстве.— ЧОИДР, 1894, кн. 4 (171), отд. II, стр. 97—98.

⁸ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, д. 609, лл. 4—5.

⁹ С. Медведев. Указ. соч., стр. 98 и сл.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, д. 609, лл. 6—19.

¹¹ Там же, л. 21; С. Медведев. Указ. соч., стр. 106—111.

¹² ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, д. 609, л. 23.

кне и солдатские толки послали грамоты о «воровстве и измене» Хованских, их казни. Черновики грамот приводятся здесь же¹³, в других источниках их нет. Стрельцов в этих грамотах уговаривали, чтобы они «никаким ево (князя И. А. Хованского. — В. Б.) и детей, и родственников его прелесным и лукавым словам и писмам не верили и на себя нашия великих государей опалы и никаковаго гневу не опасались и никакова сумнения в том не имели, потому что нашего великих государей гневу на вас нет»¹⁴. В одной из грамот — от 17 сентября — правительство, выдавая свое беспокойство по поводу возможных выступлений стрельцов в столице, указывает московским властям писать в Воздвиженское «с нарочным посельщиком тотчас», если «в тех полках (московских стрельцов. — В. Б.) против тех наших великих государей грамот говорить учнут»¹⁵.

После описания бегства из Воздвиженского в Москву И. И. Хованского и «смятения» в столице, о чем здесь рассказано менее подробно, чем в записке «Смутное время» и у С. Медведева¹⁶, приводятся отсутствующие в последних источниках грамота (черновик) от 18 сентября из Воздвиженского восставшим с новыми увещаниями прекратить «смятение», «отписка» царям из Москвы И. Сухотина с сообщением о поведении стрельцов, черновики грамот в стрелецкий полк С. Янова от 19 сентября (уже из Троице-Сергиева монастыря, куда переместился перепуганный событиями в Москве царский двор), патриарху Иоакиму и московским стрелецким полкам от 20 сентября¹⁷. Все эти документы дают возможность изучить детали сентябрьских событий в Москве, с. Воздвиженском и Троице-Сергиевом монастыре, ход переговоров правительства с восставшими и т. д. Эти данные значительно дополняют указания других источников.

Вслед за этим в столбцах Приказного стола идет большой пропуск — после записей от 20 сентября следующие датируются только 2 октября. Правда, в столбцах Московского стола Разрядного приказа сохранились отрывки записей за 24 и 25 сентября, но они малоинтересны — посвящены царским выходам на молебны и пожалованиям в чины¹⁸.

В записях же в столбцах Приказного стола от 3 октября сообщается о шедших к тому времени к завершению переговорах правительства с представителями восставших, о капитуляции последних¹⁹. Заключаст записи полный текст известных статей от 3 октября 1682 г., содержавших

¹³ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, д. 609, лл. 24—41.

¹⁴ Там же, лл. 38—39.

¹⁵ Там же, л. 31.

¹⁶ Там же, лл. 42—44; ср.: С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 337; С. Медведев. Указ. соч., стр. 111—113.

¹⁷ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, д. 609, лл. 45—84.

¹⁸ Там же, Столбцы Московского стола, д. 635, лл. 783—784.

¹⁹ Там же, Столбцы Приказного стола, д. 609, лл. 85—89; ср.: С. Медведев. Указ. соч., стр. 134—138.

описание событий «смуты» и условия ее прекращения. Эти статьи приводятся также в труде С. Медведева²⁰.

Наконец, в столбцах Новгородского стола Разрядного приказа хранятся записи от 25 октября 1682 г. о денежных и земельных наградах дворянам — участникам «троицкого похода»²¹. В Троицком монастыре и его окрестностях, а также в разных пунктах Подмосковья правительство собрало большое дворянское войско, которое и сыграло решающую роль в благоприятельном для правительства исходе «смуты» 1682 г. Здесь же приводятся царский указ холопам с похвалой за лояльное поведение во время восстания, указ об охране царского дворца, порядка и спокойствия в Москве²². Далее в записях от 27 октября — 3 ноября сообщается о возвращении царского двора из Троицы в столицу²³.

Таким образом, неопубликованные сводные записи разных столов Разрядного приказа в ряде случаев дополняют известия подобных же изданных источников, а также описания современников новыми ценными сведениями по истории московского восстания 1682 г. Особо следует отметить, что в записях Разрядного приказа помещен полностью ряд подлинных документов — грамот и «отписок» (в черновиках и беловиках), — представляющих большой научный интерес. Все данные из этих записей займут, несомненно, почетное место при изучении истории одного из самых сильных народных движений «бунташного» XVII столетия.

²⁰ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Приказного стола, д. 609, лл. 91—119; ср.: С. Медведев. Указ. соч., стр. 141—151.

²¹ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Новгородского стола, д. 319, лл. 163—169, 172—179; ср.: С. Медведев. Указ. соч., стр. 160—162.

²² ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Новгородского стола, д. 319, лл. 180—187; ср.: С. Медведев. Указ. соч., стр. 162—163.

²³ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Новгородского стола, д. 319, лл. 188—193.

ГЕОГРАФИЯ БОЯРЩИН НА НОВГОРОДСКОМ СЕВЕРЕ В XV в.

М. В. Витов

Изучение феодальных вотчин, в частности вотчин новгородских, имеет долгую традицию¹. Не все стороны вопроса, однако, исследованы равномерно. Например, с территориальной, пространственной стороны новгородские вотчины не рассматривались. Между тем использование историко-географической методики должно помочь уяснению конкретных особенностей феодального землевладения в России XV в.

Еще в середине 30-х годов XIX в. прозвучал призыв к разработке историко-географических приемов: «Первой страницей истории должна быть географическая ландкарта», — писал Н. И. Надеждин². Впрочем, о непосредственной тематической и методологической преемственности в историко-географическом изучении сельского расселения Новгородской земли можно говорить лишь после появления известного сочинения К. А. Неволлина³. Неволлин составил оригинальную карту, на которую нанес границы новгородских пятин и локализовал центры погостов-округов. Одной из задач автора было стремление «приурочить имена главных селений погостов к названиям, ныне показываемым на картах»⁴, иными словами, основной прием К. А. Неволлина состоял в сопоставлении географических наименований документов XVI в., в частности писцовых книг, с картографическим материалом, преимущественно современным ему. Карта Неволлина сыграла существенную роль в исторической географии, будучи первой из серии подобных карт. Приходится отметить, однако, что, имея очень ограниченную нагрузку, она давала историку сравнительно небольшие возможности для локализации населенных мест, упоминаемых в тех или иных памят-

¹ А. И. Никитский. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893; А. М. Гневушев. Сельское население Новгородской области по писцовым книгам 1494—1505 гг. Киев, 1915; Б. Д. Греков. Новгородский дом Св. Софии. СПб., 1914; А. А. Савич. Соловецкая вотчина XV—XVII вв. Пермь, 1927; Л. В. Данилова. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955; В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.—Л., 1961.

² Н. И. Надеждин. Опыт исторической географии русского мира.— Библиотека для чтения, т. XXII, отд. III. СПб., 1837, стр. 27.

³ К. А. Неволлин. О пятнах и погостах новгородских в XVI в.— Записки Русского географического общества, кн. VIII. СПб., 1853.

⁴ Там же, стр. 20.

никах письменности. Неволин признавал недостаточность картографической части сделанного им исследования, считая ее лишь «первым периодом работ». Второй период он видел в «точнейшем определении подробностей»⁵.

Определением историкогеографических «подробностей» Новгородской земли занялись уже в начале XX в. архимандрит Сергей (Тихомиров) и Н. Н. Нордман. Архимандрит Сергей в приложении к своему исследованию⁶ дает общую карту одной из новгородских пятин, а также карты отдельных погостов. Прием составления карт заключался в сопоставлении названий поселений в писцовой книге 1500 г. с современной автору географической номенклатурой. Таким образом удалось наметить границы погостов, но, как замечает автор, «главная масса бывших деревень до нашего времени не сохранилась в качестве деревень; нет поэтому этих деревень и на карте»⁷.

Н. Н. Нордман в своей работе над картой части Шелонской пятины⁸ также исходил из приема прямого сопоставления данных письма 1498 г. и современной ему крупномасштабной карты. Естественно, что оба названных исследователя не смогли локализовать большую часть поселений, перечисленных в писцовых книгах.

А. М. Андрияшев⁹ добился по сравнению со своими предшественниками значительно больших результатов. И главное здесь не в количественной стороне дела, т. е. в размерах картографированной территории и числе населенных мест конца XV в., положенных на карту¹⁰. Хотя большой исследовательский труд А. М. Андрияшева назван очень скромно «Материалами по исторической географии», на самом же деле, помимо огромного фактического содержания по исторической микрогеографии, там были предложены новые приемы исследования. А. М. Андрияшев разработал более совершенную, чем прежде, методику использования писцовых материалов как источника для составления карт поселений соответствующей эпохи. Андрияшев не ограничился непосредственным сопоставлением источника XV—XVI вв. с современной ему картой, а использовал в качестве дополнительного или «промежуточного» источника карты Генерального межевания. Сличение писцовых материалов с картами Генерального меже-

⁵ Там же, предисловие, стр. VII.

⁶ Архимандрит Сергей. Черты церковно-приходского и монастырского быта в писцовой книге Водской пятины 1500 г. (в связи с общими условиями жизни). СПб., 1905.

⁷ Там же, стр. 368.

⁸ Н. Н. Нордман. Географическое положение погостов-округов Шелонской пятины по писцовым оброчным новгородским книгам 1498 г. СПб., 1908.

⁹ А. М. Андрияшев. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498—1576 гг. М., 1914.

¹⁰ Совсем недавно в книге М. Н. Тихомирова картографический опыт А. М. Андрияшева был назван даже научным подвигом (см.: М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии. М., 1962, стр. 7).

вагия дает, несомненно, возможность локализовать значительно большее число поселений, так как со времени проведения Генерального межевания, т. е. со второй половины XVIII в., могла исчезнуть добрая сотня сел и деревень даже в пределах одного погоста. Исследование Андрияшева не может, однако, полностью удовлетворить современным требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Основной его недостаток заключается в известном антиисторизме картографической части сочинения. На составленную карту поселений Шелонской пятины наносились данные различных пасцовых книг¹¹, т. е. разновременные показания источников. Не исключена поэтому возможность того, что одни и те же поселения, изменившие со временем свои названия, попали на карту не один раз. Такую возможность допускал и сам автор. А так как случаи изменения названий поселений встречаются чрезвычайно часто, прием сведения на одну карту поселений из разных описаний нельзя считать в настоящее время удовлетворительным.

В 30—40-е годы XX в. в исторической географии Новгородской земли основные научные результаты были достигнуты в изучении домонгольского периода. Имею в виду прежде всего исследования Б. А. Рыбакова и А. Н. Насонова. Б. А. Рыбаков составил подробную карту населенных мест домонгольского времени, которая включает и новгородские земли¹². Карта эта послужила исходным пунктом для целого ряда исследований. Еще в 30-е годы Б. А. Рыбаков, исследуя процесс складывания новгородской территории, предложил оригинальную гипотезу, сопоставив позднейшие пятины с делением на сотни в XIII в.¹³

Огромное значение для исторической географии Новгородской земли представляет и капитальный труд А. Н. Насонова¹⁴, где впервые на тщательно выверенном материале показан рост русской государственной территории (и в частности — Новгородской земли) в IX—XII вв.

Исторической географии Новгородской земли позднейшего времени (XV—XVII вв.), а именно путям сообщения в новгородских владениях, была посвящена статья И. А. Голубцова¹⁵ с приложением древней русской карты (середины XVII в.)¹⁶.

¹¹ А. М. Андрияшев. Указ. соч., стр. XI—XVII.

¹² Б. А. Рыбаков. Схематическая карта населенных пунктов домонгольской Руси.— ИГДР, т. I, М., 1948, стр. 30.

¹³ Б. А. Рыбаков. Деление Новгородской земли на сотни в XIII в.— Исторические записки, т. 2, 1938.

¹⁴ А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, главы V и VI.

¹⁵ И. А. Голубцов. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI—XVII вв. и отражение их на карте середины XVII в.— Вопросы географии, сб. 20, М., 1950.

¹⁶ В рамках этой статьи, посвященной исторической географии Новгородской земли, я вынужден оставить без внимания серьезные историкогеографические исследования по смежным территориям: Ю. В. Готье (Замосковский край в XVII в. М.,

При составлении приложенной к статье карты новгородских боярщин конца XV в. (см. вкладку)¹⁷ были использованы приемы, уже изложенные мною ранее¹⁸, поэтому ограничусь здесь общими положениями.

Для выполнения карт поселений по ранним писцовым книгам XV—XVI вв. непосредственное сопоставление содержания этих источников с современными географическими картами (или картами XIX в.) недостаточно. Не может полностью помочь локализации поселений XV в. и привлечение данных самой ранней сплошной географической съемки России — материалов Генерального межевания, так как в течение двух-трех столетий большое число населенных мест изменило свои названия. Единственно надежным представляется длительный путь составления целого ряда промежуточных карт, основанных на дополнительных источниках. Только таким способом можно добиться локализации всех населенных мест, упоминаемых в исследуемом источнике, в частности в писцовой книге XV или XVI в. Правда, определить точное местоположение отдельных населенных мест XV в. бывает в отдельных случаях невозможно. Напомню в связи с этим слова А. М. Андрияшева о том, что «строгие требования картографии к историко-географическим работам по писцовым книгам вообще не приложимы»¹⁹.

Основным источником для карты новгородских боярщин послужила писцовая книга 1563 г. А. Лихачева²⁰, в которой сохранились, в частности, описания Кижского, Толвуйского, Шунгского, Выгозерского и Чельможского погостов, входивших в заонежскую половину Обонежской пятины. По Шунгскому погосту в качестве основного источника было использовано письмо 1496 г. Ю. К. Сабурова, сохранившееся в копии XVII в.²¹ И в «письме» Сабурова, и в «письме» Лихачева перечень деревень XV—XVI вв., так сказать «перезиточно», ведется по владениям новгородских бояр, которых в это время уже, конечно, не существовало. Однако консерватизм делопроизводства XVI в. донес до нас ценные сведения, которые были бы утеряны при более гибкой постановке писцового дела.

1906), М. К. Любавского (Образование основной государственной территории великорусской народности. М., 1929), неизданное до сих пор историко-географическое наследие С. Б. Веселовского, многочисленные карты И. А. Голубцова (см. автореф. его дисс.: «Вопросы исторической географии, архивоведения, археографии и источниковедения». М., 1963), карты, приложенные к исследованию А. И. Копанева (История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.—Л., 1951), монографию Л. В. Алексеева (Полоцкая земля. М., 1966) и некоторые другие работы.

¹⁷ Приложенная карта составлена с помощью И. В. Власовой и картографов Т. П. Ильиной и Н. М. Львовой. Выражаю им свою благодарность.

¹⁸ См. мою работу «Приемы составления карт поселений XV—XVII вв. по данным писцовых и переписных книг» (Проблемы источниковедения, вып. V, 1956).

¹⁹ А. М. Андрияшев. Указ. соч., стр. XLII.

²⁰ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.

²¹ Там же.

Итак, в документах московского времени «пережиточно» сохранились перечни деревень с именами их прежних владельцев — новгородских бояр, «сведенных» из Новгорода задолго до составления самих документов.

Техника составления карты вкратце была такова. На современную географическую основу были перенесены селения с карты Генерального межевания. Составленная таким образом карта конца XVIII в. была исходной для локализации поселений, упоминаемых в предшествующих описаниях. Перечень поселений каждого предшествующего описания сопоставлялся с последующим: т. е. перечень населенных мест по ревизии 1720 г. определялся по карте Генерального межевания, перечень по переписной книге 1678 г. — с составленной перед этим картой 1720 г., перечень по переписной книге 1646 г. — с составленной картой 1678 г. и т. д. Были составлены, таким образом, промежуточные карты на 1788²², 1720²³, 1678²⁴, 1646²⁵, 1628²⁶, 1619²⁷, 1583²⁸ гг., полностью охватывающие исследуемую территорию.

Основная трудность в сопоставлении названий деревень из разных источников заключалась в том, что эти названия время от времени в течение двух столетий изменялись. Для отождествления деревень, носящих в разных писцовых книгах разные названия, использовались различные приемы: сопоставление состава крестьянских дворов (например, сравнение названий отдельных деревень с именами и прозвищами жителей с соответствующим текстом предшествующего описания), сопоставление размера обожного обложения; принимались во внимание порядок перечисления деревень в разных документах, указания на географические ориентиры (озеро, губу, реку и пр.). В ряде случаев приходилось прибегать и к акто-
вому материалу²⁹.

* * *

Изготовленная карта охватывает довольно большую территорию от побережья Белого моря до южной оконечности Заонежского полуострова; на ней нанесено около 4 тыс. поселений. Почвенные и климатические усло-

²² Карты Генерального межевания по Олонецкой губернии. Генеральные уездные планы Повенецкого и Петрозаводского уездов 1788 г. ЦГАДА, ф. 33, № 60—70, 74.

²³ Ревизия по Олонду. ЦГАДА, ф. 350, № 2542 (а).

²⁴ Переписная книга 1678—1679 гг. И. Аничкова, И. Аничкова и И. Венюкова. ЦГАДА, ф. 350, № 2541.

²⁵ Переписная книга 1646—1647 гг. И. Писемского, Л. Сумина и Я. Ефимова. ЦГАДА, ф. 129, № 980.

²⁶ Писцовая книга 1628—1629 гг. Н. Панина и С. Копылова. ЦГАДА, ф. 1209, № 308.

²⁷ Дозорная книга 1619—1920 гг. М. Лыкова и Я. Гневашева. ЦГАДА, ф. 1209, № 979.

²⁸ Писцовая книга 1583—1584 гг. А. Плещеева и С. Кузмина. ЦГАДА, ф. 1209, № 963.

²⁹ Подробнее см. мою статью «Севернорусская топонимия XV—XVIII вв. К постановке топонимического источниковедения» (Вопросы языкознания, 1967, № 4).

зия северной части рассматриваемой территории (к северу от Выгозера), которая относится к Беломорскому бассейну, и условия средней и южной ее части, входящей в бассейн Балтийского моря, различаются довольно существенно. Естественно ожидать отражения этих различий и в общей картине размещения сельских поселений XV в. Действительно, легко заметить значительно большую заселенность бассейна Онежского озера (см. рис. 1, врезка). Почвенные и климатические различия несомненно должны были оказывать особенно существенное влияние на размещение земледельческого населения. Северную часть картографированной территории занимал Выгозерский погост. Границы его, принимая во внимание, конечно, всю условность этого понятия при наличии огромных незаселенных пространств, проходят по естественным рубежам: морскому берегу на севере и водоразделам на юге и востоке. Весь погост принадлежал известной фамилии Борецких, а позднее значительная его часть перешла во владение Соловецкого монастыря. Особняком стояла группа промысловых деревень на крайнем севере — в устье Выга и Шижни, принадлежавшая разным владельцам.

Размещение выгозерских деревень и расположение самого погоста дают возможность отчетливо наметить пути освоения этого района. Первоначальная русская колонизация из бассейна Онежского озера выходила через водораздел на верховья р. Выг, попадала на крайнюю юго-восточную часть Выгозера, где и возник Выгозерский погост, а затем меняла свое направление и с восточного берега Выгозера через водораздел выходила на систему озер Корачозеро — Пулозеро — Сумозеро, а оттуда по Суме — на беломорское побережье. Тот факт, что основная колонизационная дорога проходила не по нижнему Выгу, а по Суме, подтверждается и тем, что передвижению по Выгу должны были препятствовать пороги. Кроме того, судя по актам XV—XVII вв., по Выгу с русскими издавна соперничали карелы: сошлюсь на известное спорное дело о рыбных ловлях (первая половина XV в.)³⁰. На нижнем Выге упоминаются карелы (а частично и лопари) и в других документах³¹.

Иной характер, как это видно из карты, имели боярщины, расположенные в бассейне Онежского озера. Только в небольшом Челможском погосте размещение боярщин строго локализовано: северная часть погоста была в руках Семена Ермолина и его детей, а южная — во владении Спасо-Хутийского монастыря. Владения эти географически четко отграничены одно от другого и от боярщин соседних погостов. Сопоставляя территорию Челможского погоста, восстановленную на карте по писцовой книге 1563 г.,

³⁰ Материалы по истории Карелии, № 2. Петрозаводск, 1941, стр. 100.

³¹ См.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова (далее — Грамоты). М. — Л., 1949, № 291, 297, 302, 304, 322, 328, 298, 348, 303, 304, 286, 287, 312. Нерусское население Выга зафиксировано также Соутемом и Спарком в 1566 г. (Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1938, стр. 83).

с материалами еще более раннего времени, в частности с Челможской обводной грамотой, которая содержит описание границ боярщины Григория Семеновича³², заключаем, что обводная охватывает почти всю заселенную часть территории погоста по письму 1563 г.

В отличие от сравнительно простого состава Челможского погоста для боярщин наиболее плотно заселенной части Обонежья — современного Заонежского полуострова — характерна чересполосица владений. В одном только Кижском погосте³³ деревнями владели 13 бояр, не считая владений монастырей и своеземцев. Таким образом, несоответствие между погостами-округами и боярщинами проступает здесь особенно ярко. Отмечу здесь некоторые общие черты, присущие всем трем погостам Заонежского полуострова (Кижскому, Толвуйскому, Шунгскому).

Заонежский полуостров несет на себе яркие следы ледника. И сам полуостров, и разрезающие его длинные заливы и озера вытянуты под действием ледника с северо-запада на юго-восток. Водоразделы между этими заливами, озерами, реками не непроходимы, но естественным направлением расселения человека в этих условиях могло быть только направление вдоль этих удобных для передвижений водных путей. В этой связи становится понятным своеобразный характер границ погостов.

Основные центры размещения населения находятся на побережье полуострова: на крайнем юге (Кижский погост), востоке (Толвуйский погост) и севере (Шунгский погост). Три этих гнезда поселений расположены сравнительно недалеко друг от друга, в прибрежной части полуострова. От этой населенной части полуострова в северо-западном направлении, т. е. вдоль берегов озер и заливов, тянутся территории погостов-округов со сравнительно редкими деревнями. Особенно характерна земля Шунгского погоста: все поселения сконцентрированы в южной его части, между Верхним озером и устьем Святой губы, а дальше в северо-западном направлении вытянута остальная, большая часть территории, почти совершенно пустовавшая (на ней было всего несколько деревень). Примерно та же картина с размещением поселений Кижского погоста: основной ступок на юге, на нескольких островах Великой губы; огромная же территория к северо-западу заселена незначительно — вдоль нескольких заливов Онежского озера и на островах Санда и Лижмоозера не больше 40 поселений. Территория небольшого Толвуйского погоста, хотя также была вытянута

³² Грамоты, № 89, стр. 146.

³³ Этот раздел карты требует двух оговорок. Во-первых, описание Кижского погоста в писцовой книге 1563 г. дошло неполностью. Хотя из сопоставлений с последующими книгами видно, что не сохранилась очень небольшая часть, по все же в этой части карта страдает неизбежной неполнотой. Во-вторых, в локализации поселений по Сенной губе наметилась неожиданная трудность: на современных картах она расположена в западной части острова, а на карте Генерального межевания — в южной. На составленной карте сенногубские деревни размещены в соответствии с картой Генерального межевания.

с юго-востока на северо-запад, но будучи отгорожена Шунгским погостом, не получила «выхода» в пустующие внутренние земли полуострова.

Сопоставляя карту с документом середины XV в.³⁴, перечисляющим жителей Шунгского погоста и, по-видимому, отражающим картину расселения в середине XV в., убеждаемся, что в более раннее время заселена была только южная часть погоста (неподалеку от погоста-места).

Специфика сельского расселения новгородского севера оказывается в строгом соответствии с направленностью хозяйства: на беломорском севере основные сгустки деревень расположены в устьях промысловых рек; на Заонежском полуострове главные сгущения деревень, что видно при сопоставлении с почвенной картой, приходится на сравнительно плодородные шунгитовые почвы.

Рассматривая соотношение размеров погостов со степенью их заселенности, А. Н. Насонов пришел к заключению, что «размеры погостов нередко обратно пропорциональны плотности населения»³⁵. Вывод этот был сделан на материалах А. М. Андрияшева по Шелонской пятине: оказалось, что небольшие погосты расположены по течению Шелопи; чем они дальше отстоят от реки, тем больше становятся по размерам. Прилагасмая карта позволяет распространить этот вывод и на повгородский север: относительно густо заселенные в XV в. погосты Заонежского полуострова контрастируют с редко населенным огромным Выгозерским погостом.

Интересно также сопоставление погостских территорий с размещением владений бояр и монастырей. Как видно на составленной карте, только владения Марфы Борецкой в Выгозерском погосте и Вязицкого монастыря — в Толвуйском, образуют единое целое. Большинство боярщин разбросано на огромных просторах, часто в различных погостах, и отражает длительный процесс захвата отдельных кусков погостской земли.

Более детальный историкогеографический обзор размещения отдельных сельских поселений и феодальных владений, возможный с помощью составленной карты в сочетании с прямыми свидетельствами источников, позволяет конкретизировать и уточнить наши сведения по истории Новгородской земли конца XV в.

³⁴ Материалы по истории Карелии, № 44, стр. 120.

³⁵ А. Н. Н а с о н о в. Указ. соч., стр. 95.

ОПЫТ СОСТАВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ КАРТ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ СЕРПУХОВСКОГО И ОБОЛЕНСКОГО УЕЗДОВ ПО ПЕРЕПИСИ 1678 г.

Я. Е. Водарский

Исследование многих важных социально-экономических и политических проблем истории России XVII в. тормозится слабой изученностью исторической географии того времени, в частности географии населения, внешних и внутренних границ, землевладения и т. п. Отсутствие карт России XVII в. (как составленных тогда, так и исторических) затрудняет и замедляет порайонное исследование экономических проблем, которое В. И. Ленин считал принципиально необходимым¹. Между тем еще в XIX в. была выяснена возможность составления порайонных исторических карт на основе писцовых и переписных книг и составлены карты размещения населенных пунктов нескольких отдельных уездов. Эта работа велась и в начале XX в. и была продолжена на новой теоретической основе советскими историками².

Наиболее значительные и сохранившие свою научную ценность — это карта Тульского уезда (Е. Н. Щепкиной), карта административно-территориального деления Замосковского края (Ю. В. Готье), карта землевладения Белозерского уезда (А. И. Коланева), карты Заонежских погостов (М. В. Витова) и некоторые другие³.

Задача создания исторического атласа СССР поставила вопрос о разработке социально-экономических и демографических исторических карт и картограмм по XVII в. Однако создать такие карты и картограммы возможно только на основе карты административно-территориального деления России в XVII в. Основным источником для этой и других карт являются писцовые и переписные книги, содержащие списки селений, экономические и демографические сведения.

¹ См.: В. К. Яцунский. Вопросы экономического районирования в трудах В. И. Ленина.— Вопросы географии, сб. 31. М., 1953, стр. 8—9; он же. Историческая география как научная дисциплина.— Вопросы географии, сб. 20. М., 1950, стр. 14 и др.

² См. тезисы моего доклада (К вопросу о составлении исторических карт России XVII в. по писцовым и переписным книгам) в Московском филиале Географического общества СССР 10 марта 1967 г.

³ Е. Н. Щепкина. Тульский уезд в XVII в. М., 1892; Ю. В. Готье. Замосковский край в XVII в. М., 1906—1937; А. И. Коланев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.—Л., 1951; М. В. Витов. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. М., 1962.

Но как выяснить границы уездов по писцовым и переписным книгам? Один из способов состоит в локализации волостных центров, что дает приблизительные очертания уездов (предложено М. В. Витовым для поморских уездов). Но такой способ не подходит для центральных и прочих уездов, так как в писцовых и переписных книгах далеко не всегда обозначены центры станом и волостей. Здесь необходима локализация всех или почти всех селений, упомянутых в источнике, что даст приблизительные очертания уездов.

В трудах дореволюционных и советских историков доказана возможность массового картографирования селений по писцовым и переписным книгам и разработана методика этой очень кропотливой и трудоемкой работы. Она заключается в том, что составляются списки селений на разные даты, а затем эти селения локализируются на позднейших картах. Полученные подробные уездные карты имеют чрезвычайно важное самостоятельное значение как для исследования общих для всей страны проблем, так и для изучения местной истории. Составленные таким образом карты послужат, как я попытаюсь показать в настоящей статье, основой для карт исторического атласа и для исторических карт отдельных районов России.

В историческом атласе предполагается создать карты на три даты: по писцовым описаниям 1620—1630-х годов, по переписи 1646 г. и по переписи 1678 г. Размер данной статьи вынуждает ограничиться описанием работы только над картой двух уездов на 1678 г.

Выбор уездов не был случайным. Если М. В. Витов обнаружил, что в Шунгском погосте подавляющее число старых поселений в промежутке между серединой XVII в. и концом XVIII в. было переименовано или исчезло совсем, то Е. Н. Щепкина нашла большинство селений Тульского уезда XVII в. на карте второй половины XIX в. Поэтому моей первой задачей было проверить положение в ряде центральных уездов. Большинство селений Московского уезда по переписи 1646 г. было мною найдено в списках селений и на картах XIX в. Но Московский уезд мог быть не характерен, так как это был столичный уезд. Следовало взять какой-либо другой уезд. Серпуховский уезд представлял в этом отношении преимущества: он был невелик, находился в центре и границы его были показаны на карте Замосковского края Ю. В. Готье (1646 г.), что давало возможность проверки. Затем было целесообразно взять один из пограничных с Серпуховским уездов, не показанный на карте Ю. В. Готье. Таким оказался Оболенский уезд. Все же в выборе имелся и элемент случайности, так как можно было остановиться и на других уездах. Но элемент случайности, на мой взгляд, не имеет тут отрицательного значения.

Сличение списков селений, составленных по переписным книгам Серпуховского и Оболенского уездов 1678 г. (списки селений и земледельцев с указанием поместий, вотчин и числа душ мужского пола в них по этим переписным книгам были составлены Р. Е. Крупновой), со списками на-

селенных мест по сведениям 1859 г.⁴ показало, что подавляющее большинство селений XVII в. существовало и в середине XIX в. и может быть локализовано на карте. Из 221 селения на карту нанесено 191, что составляет 86%.

Большинство селений сохранило свои названия, по некоторые названия изменились. Так, в Оболенском уезде дер. Супорова стала называться Сапыревилль, с. Хростом — Хрустали, дер. Тинина — Тиньковкой, дер. Суворово — Сугоровой, дер. Почередино — Подчеревинной и т. д.⁵

Очертания Серпуховского уезда, обрисованные нанесенными на карту селениями, совпали с границами, указанными Ю. В. Готье. Границы же Оболенского уезда могут быть окончательно определены только после составления подобных же карт соседних с ним уездов.

Рассмотрим размещение населения, поместий и вотчин в Серпуховском и Оболенском уездах.

По итогам переписной книги 1678 г.⁶, в Серпуховском уезде был город, состоявший из острога и нескольких слобод, образовавших посад (всего 304 двора, 1046 чел.)⁷. В остроге находилось 17 осадных дворов разных владельцев, в которых жили 47 «дворников» (в том числе в 12 дворах было 33 дворника посадских людей), 34 двора, 146 чел. посадских людей, 4 двора, 11 чел. бобылей. На посаде в Троицкой слободе (улице) возле острога было 116 дворов, 418 чел. посадских людей, 1 двор, 1 чел. бобыль, и 5 дворов разных владельцев, в которых в дворниках было 14 чел. посадских людей. Кроме того, в слободах у р. Нары и за нею было 114 дворов, 415 чел. посадских и 10 дворов, 25 чел. бобылей.

В Серпуховском уезде было два стана, — Окологородный и Теминский. Название последнего, по Ю. В. Готье, произошло от р. Теминки (Теменки), на которой ранее находилась волость Темпа, принадлежавшая в XIV в. князю А. И. Серпуховскому.

В Окологородном стане в поместьях было 26 селений, в которых насчитывалось 68 дворов, 345 чел. крестьян, 22 двора, 403 чел. бобылей и 20 дворов, 66 чел. холопов (задворных и деловых людей), итого 110 дворов 514 чел. В вотчинах светских феодалов было 13 селений, 77 дворов, 473 чел. крестьян, 32 двора, 129 чел. бобылей и 24 двора, 70 чел. холопов, итого 133 двора, 672 чел. В вотчинах духовенства было 25 селений, 377 дворов, 1610 чел. крестьян, 46 дворов, 239 чел. бобылей и 25 дворов, 76 чел. различных зависимых людей (холопов-разночинцев), а также 14 чел. в монастырских дворах, итого 448 дворов, 1939 чел.

⁴ Списки населенных мест Российской империи. Т. XV. Калужская губерния. СПб., 1863; Т. XXIV. Московская губерния. СПб., 1862.

⁵ Возможно, что писцы допускали неточности в названиях селений.

⁶ ЦГАДА, Поместный приказ, ф. 1209, кв. 10320, лл. 1—152.

⁷ Во всех цифровых источниках, на которых основывается данная статья, имеются в виду лишь мужчины («души мужского пола»).

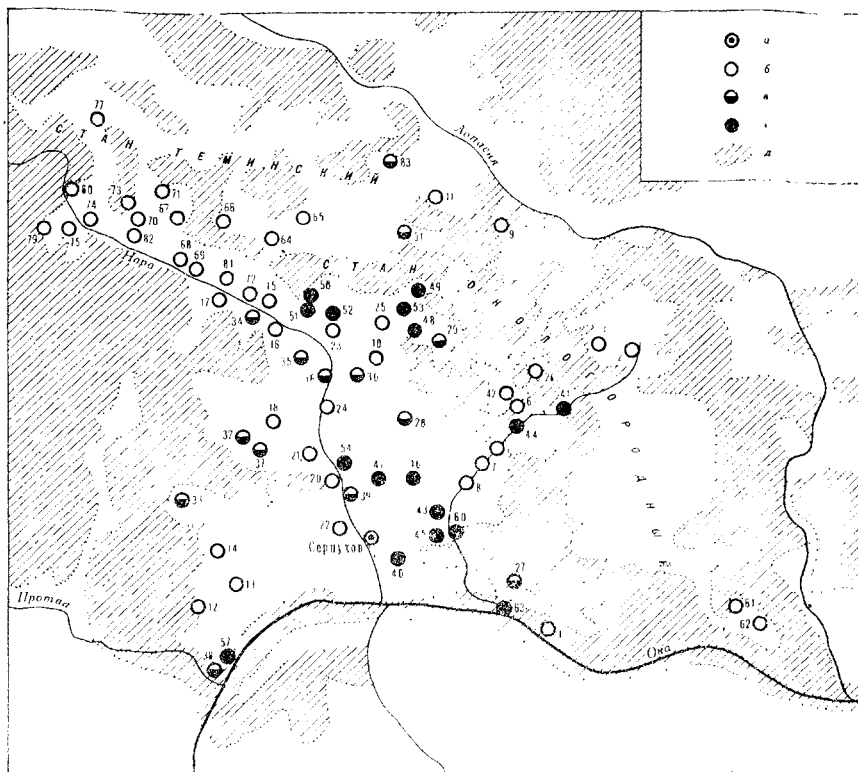

Рис. 1. Селения Серпуховского уезда

а — уездный город; б — поместья светских феодалов; в — вотчины светских феодалов; г — вотчины духовенства; д — леса (даны по состоянию на 1872 г.) Цифры обозначают номера селений, перечисленных в Приложении. Технически схема исполнена Т. П. Ильиной по моему эскизу

В Теминском стане в поместьях было 19 селений, 127 дворов, 493 чел., в вотчинах — 2 селения, 25 дворов, 102 чел. и 1 погост (10 дворов, 46 чел.), итого 162 двора, 641 чел.

Всего в Серпуховском уезде (без Серпухова) было в поместьях 45 селений, 137 дворов, 1007 чел., в вотчинах светских феодалов 15 селений, 158 дворов, 774 чел., итого 60 селений, 295 дворов, 1781 чел., в вотчинах духовенства 26 селений, 458 дворов, 1985 чел. Всего в уезде было 86 селений, 853 двора, 3766 чел. Этот итог, конечно, источен так как не исправлены ошибки писцов, которые могли быть ими допущены при подсчете населения отдельных владений. Кроме того, итоги писцов неполны, так как не учитывают все население, запечатанное в переписные книги (напри-

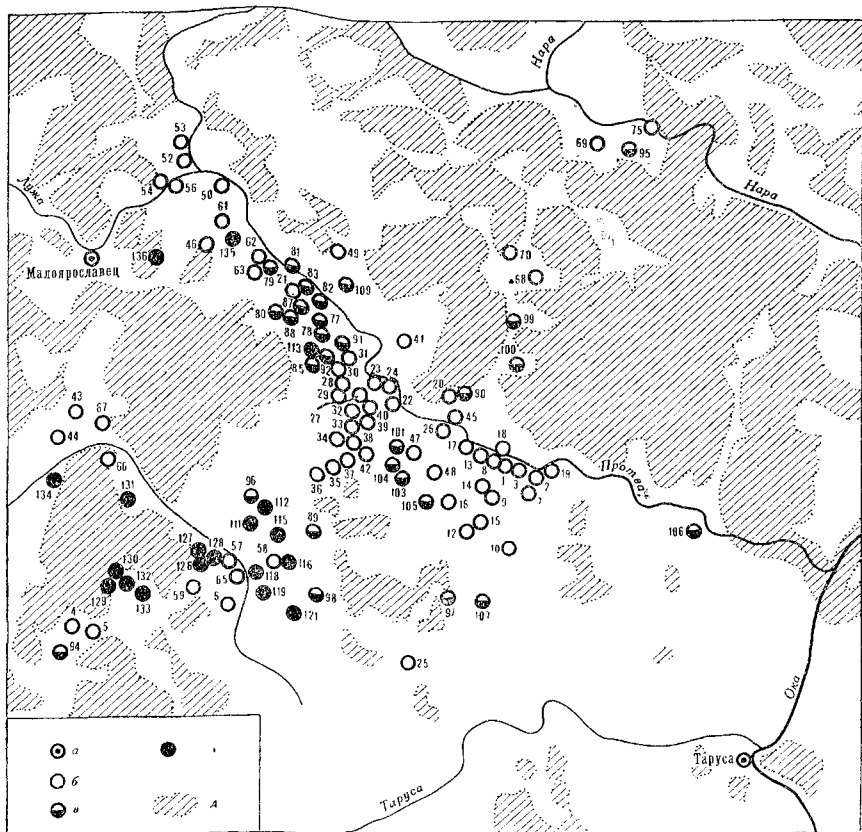

Рис. 2. Селения Оболенского уезда

а — уездные города; б — поместья светских феодалов; в — вотчины светских феодалов; г — вотчины духовенства; д — леса (даны по состоянию на 1872 г.)
(См. примечание к рис. 1)

мер, холопов во дворах помещиков и вотчинников)⁸. Тем не менее для моей задачи необходимо использовать именно их, так как размещение селений показывает только переписная книга.

Если нанести на карту поместья и вотчины светских феодалов и духовенства, то бросается в глаза, во-первых, преобладание поместий и, во-

⁸ По переписной книге крестьян и бобылей было 784 двора, 3540 чел. Более точный итог всего уезда — 982 двора, 4160 чел., в том числе крестьян и бобылей 826 дворов, 3599 чел. Как видим, крестьяне и бобыли подсчитаны писцами почти точно, а холопы и разпочинцы учтены менее полно.

вторых, вотчин духовенства. При этом в Теминском стане были почти исключительно поместья, располагавшиеся по левому берегу р. Нары. Светское землевладение в уезде было мелким: из более чем 70 землевладельцев только трое имели от 105 до 134 душ мужского пола. Из духовенства вотчинников было всего четверо, два монастыря и две церкви. Высоцкий монастырь, находившийся под Серпуховом, имел 1867 душ мужского пола, Пафнутьев Боровский монастырь — 117 душ, церкви — 46 и 16 душ.

Селения располагались по рекам Наре и Речме и по дороге из Москвы в Серпухов.

В Оболенском уезде ни города, ни посада, ни станов не было. В поместьях было 78 селений, 3929 чел., в вотчинах светских феодалов — 35 селений, 1026 чел., в вотчинах духовенства — 27 селений, 1546 чел., всего — 140 селений, 6501 чел.⁹ Как и в Серпуховском уезде, в Оболенском преобладали поместья и вотчины духовенства, но в отличие от первого здесь было крупное землевладение и у светских феодалов. Из 40 владельцев наиболее крупным был князь И. Б. Репнин, владевший 23 селениями, 1015 чел. За ним шли князь М. И. Лыков (639 чел.), И. К. Нарышкин (553 чел.), князь Ю. А. Долгоруков (469 чел.), князья К. О. и И. О. Щербатовы (469 чел.), князь Ф. А. Долгоруков (157 чел.), князь Г. В. Тюфякин (152 чел.) и князь А. И. Хованский (135 чел.). Все они были помещиками. Владения И. Б. Репнина и М. И. Лыкова образовали крупные массивы, занимая относительно значительные территории (особенно у первого). Вотчины духовенства принадлежали двум монастырям: Новодевичьему (25 селений, 1421 чел.) и Пафнутьеву Боровскому (125 чел.).

Селения располагались в основном по р. Протве и по дороге из Москвы в Калугу.

Таким образом, нанесение на карту селений Серпуховского и Оболенского уездов позволяет показать: 1) совпадение очертаний Серпуховского уезда с границами, указанными Ю. В. Готье; 2) примерную границу станов Серпуховского уезда; 3) предположительную границу Оболенского уезда; 4) характер расселения населения; 5) устойчивость селений, сохранившихся в большинстве до конца XIX в.; 6) территориальное размещение поместий и вотчин; 7) характер землевладения.

⁹ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 10320, лл. 171—376. Итоги подсчитаны мною. По общему итогу переписной книги — 1574 двор, 6641 чел.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК СЕЛЕНИЙ СЕРПУХОВСКОГО И ОБОЛЕНСКОГО УЕЗДОВ ПО ПЕРЕПИСНЫМ КНИГАМ 1678 г.*

Серпуховский уезд (рис. 1)

Стан Окологородный

Поместья: 1 — Лужки **; 2 — Новинки; 3 — Воскресенки; 4 — Арупова; 5 — Костино; 6 — Входы; 7 — Малахово (Ящурово); 8 — Левашово; 9 — Манихино; 10 — Васильевское; 11 — Кулаково; 12 — Иваново; 13 — Калиново; 14 — Новинки; 15 — Клеменова **; 16 — Ивантино; 17 — Шахово; 18 — Злобина; 19 — Лещанова; 20 — Пущина; 21 — Гавшино; 22 — Глазечня **; 23 — Городецкая; 24 — Адашево (Рыболово); 25 — Родионова; 26 — Пелрихино.

Вотчины: 27 — Карновская; 28 — Лукино; 29 — Фенина; 30 — Телятьево; 30 — Волосово; 32 — Мокрое; 33 — Шатово; 34 — Игнатьево; 35 — Семеновское; 36 — Языкова; 37 — Окулова; 38 — Тишкова; 39 — Скрылье.

Вотчины духовенства: 40 — Заборье; 41 — Арнеева; 42 — Покровское; 43 — Бутурлино; 44 — Мартьяново; 45 — Борисова; 46 — Нефедова; 47 — Ивановская; 48 — Петровская; 49 — Рыжикова; 50 — Велеми Верхнее; 51 — Велеми Нижнее; 52 — Глубокая; 53 — Кузминское; 54 — Глазово; 55 — Грабони; 56 — Новоприбылая; 57 — Дракина; 58 — Нижняя Новоприбылая слободка; 59 — Верхняя Новоприбылая слободка; 60 — Палехово; 61 — Енино; 62 — Микифорова; 63 — Погост Михаила Архангела.

Стан Теминский

Поместья: 64 — Радутино **; 65 — Останино (Милягино); 66 — Капустино; 67 — Березники; 68 — Нестеровка; 69 — Вихоревка; 70 — Бобыкино; 71 — Мерлево; 72 — Новоселок; 73 — Васино; 74 — Дубровки; 75 — Свирино; 76 — Солодовка; 77 — Ростовка; 78 — Ядрова (Иванчикова); 79 — Сидоренки; 80 — Жуковнина; 81 — Лисий овраг; 82 — Лопина.

Вотчины: 83 — Шараново; 84 — Дулова.

Вотчина духовенства: 85 — Спасский погост.

Оболенский уезд (рис. 2)

Поместья: 1 — Пречистенское (Оболенское); 2 — Кольшово; 3 — Волицы; 4 — Доброе; 5 — Ушаково; 6 — Мамоново; 7 — Шошино; 8 — Тинково; 9 — Бозовка; 10 — Чеусово; 11 — Софонтьево; 12 — Шабаново; 13 — Никоново; 14 — Карпово; 15 — Гарсуки; 16 — Алтухово; 17 — Тимошово; 18 — Высокинич; 19 — Караулцово; 20 —

* Составлен Р. Е. Крушновой.

** Часть селения является вотчиной.

Красное; 21 — Бужениново **; 22 — Ильинское; 23 — Овчино; 24 — Новая слободка; 25 — Шахов конец; 26 — Горная; 27 — Марьино; 28 — Зыбалово; 29 — Каншино; 30 — Пургасово **; 31 — Лукошино; 32 — Нестеровка; 33 — Тимохино; 34 — Васильчикова; 35 — Ахматово; 36 — Кузнецово; 37 — Тяпкина; 38 — Демгино; 29 — Лябино; 40 — Дадоровка; 41 — Черная грязь; 42 — Филиповка; 43 — Ярденово; 44 — Старое; 45 — Ивановское; 46 — Старое Кривоносоло; 47 — Лапино; 48 — Стехино; 49 — Дубровка; 50 — Спасское; 51 — Лужа **; 52 — Ратманово; 53 — Потрусово; 54 — Анисимово; 55 — Сосновка; 56 — Шемякино; 57 — Казариново; 58 — Кожухово; 59 — Кобылина; 60 — Зарубино **; 61 — Митино; 62 — Почередино; 63 — Городенки; 64 — Тяпкино; 65 — Кудиново; 66 — Ажегино; 67 — Хростом; 68 — Тростье; 69 — Колодези; 70 — Комарово; 71 — Вехово; 72 — Страхова; 73 — Кошкино; 74 — Конышенное; 75 — Митинское; 76 — Василево.

Вотчины: 77 — Трубино-Воскресенское; 78 — Меркульцева; 79 — Глубокий овраг; 80 — Супорова; 81 — Лаптева; 82 — Ивашковичи; 83 — Федоровское; 84 — Дулово; 85 — Кувшиново; 86 — Качарово; 87 — Фатеево; 88 — Налескино; 89 — Никольское; 90 — Щиголево; 91 — Кутепо; 92 — Храпьево; 93 — Поликалово; 94 — Фоминская; 95 — Маринское; 96 — Чухлома; 97 — Григорьевская; 98 — Жохово; 99 — Троянова; 100 — Макарова; 101 — Антоновское; 102 — Гинина; 103 — Тишково; 104 — Андреевская; 105 — Уткино; 106 — Ершово; 107 — Лопатино; 108 — Меркулово; 109 — Стрелкова.

Вотчины духовенства: 110 — Горнее; 111 — Дурной Клип; 112 — Селивакино; 113 — Куликовка; 114 — Капыхина; 115 — Исаково; 116 — Шатеево; 117 — Алферово; 118 — Григорьевское; 119 — Алешково; 120 — Кожухово; 121 — Новое; 122 — Булгаковка; 123 — Савельевская; 124 — Суворово; 125 — Вознесенское; 126 — Дворцы; 127 — Кудрявцево; 128 — Дорохино; 129 — Шишкино; 130 — Олтунино; 131 — Воткино; 132 — Муромцы; 133 — Прокудино; 134 — Ивановская; 135 — Тресвяцкое; 136 — Карпово.

МАЗУРИНСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ КОНЦА XVII в. И ЛЕТОПИСАНИЕ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

В. И. Корецкий

Краткие русские летописцы почти не изучены. Между тем они открывают новые перспективы как в историографическом плане, так и в плане выявления новых фактов и источников XVI—XVII вв., а возможно, и более раннего времени. Большим подспорьем для исследователя служит их описание, предпринятое М. Н. Тихомировым¹. Мазуринский летописец конца XVII в.² довольно сложен по составу. В начале его помещены легендарные сказания о Словене и Русе, Лалохс и Лахерне, Александре Македонском, а также многочисленные известия о мучениях христианских святых, вселенских соборах и других событиях церковной истории, почерпнутые из прологов, святцев, Хронографа 1512 г. Более или менее связанное изложение событий русской истории начинается с рассказа о княжении Игоря и его убийстве дрселянами. Но и в дальнейшем заметен постоянный интерес к византийской и русской церковной истории. Составитель обращается к Киево-Печерскому патерику, житиям русских святых, в том числе к житию митрополита Филиппа Новгородского, Четьям-Минеям, «Книге о вере», приговорам церковных соборов, синодикам.

В основу повествования до конца XVI в. положены Степенная книга, на которую есть в тексте прямая ссылка, и Никоновская летопись с добавлениями из хронографов и кратких летописцев. С конца XVI в. использованы Новый летописец, хронографы, летопись о многих мятежах, «дворцовые разряды». Приводя известия по истории западных славян, составитель ссылается на летописцы «чешские и польские», Писание Мефодия Патарского, Хронику Стрыйковского. Конечно, не всеми этими источниками составитель воспользовался в подлинниках. Многие почерпнуто им из Свода 1652 г., откуда взято и заглавие «Книга, глаголемая летописец великия земли Российския великого языка словенского, отколе и в кои лета начаша княжити», Новгородской Забелинской летописи, Синописа. Мазуринский летописец заканчивается уникальным Сказанием о стрелецком восстании

¹ М. Н. Тихомиров. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962.

² Там же, стр. 51—52; ЦГАДА, Мазур., № 522. Водяной знак — голова шута с семью лопастями — имеет аналогию, датируемую 1680 г. Палеографические данные не противоречат этому предположению и позволяют отнести составление Мазуринского летописца ко времени не позднее 90-х годов XVII в.

1682 г., обрывающимся на словах: «И сошли с верху к ним (восставшим стрельцам, явившимся в Кремль.— В. К.) от великих государей окольников Венедихт Андреевич Змеев, а с ним сошел тот жа думный дьяк...» Сказание опубликовано М. Н. Тихомировым³.

Помимо этого Сказания, в руках составителя были и какие-то другие ценные источники. Так, рассказывая о посвящении в митрополиты киевские Максима Грека и о перенесении митрополичьей кафедры из Киева в Москву «ради татарские обиды и непокою», он ссылается на свидетельство «харатейных древних летописцов». Помещенные в Мазуринском летописце известия о походе Игоря Святославича на половцев и о нашествии татар восходят к Лаврентьевской или какой-либо близкой ей летописи; ранние новгородские известия — к Новгородской первой летописи младшего извода и первой Софийской. Большой интерес представляет упоминание составителя о находившемся в его распоряжении летописце Сидора Сназина. Упомянув о нашествии Батыя, он замечает: «А подлишно обо всем ево похождениях и о войне писано в другом летописце, в моем же, Сидора Сназина» (л. 114). Фамилия детей боярских Сназиных известна по Новгороду. Из нее вербовались в XVII в. приказные новгородских митрополитов⁴. В связи с этим обстоятельством необходимо отметить постоянный интерес Мазуринского летописца к Новгороду (помещенные Сказания о разгроме Новгорода Иваном Грозным в 1570 г., упоминания новгородских святых, чудес, происходивших в церкви Вознесения на Павлове улице в Новгороде, и др.). Новгородские известия чередуются с московскими.

Составитель мазуринского летописца располагал каким-то оригинальным сочинением о «смуте». Кратко сообщив о первом самозванце, его бегстве в Литву и вторжении в Россию, он пояснил: «И то все писано в подлинной книге о московском разорении» (л. 254 об.). Говоря далее о выборе царем Василия Шуйского и о целовании им креста боярам, он снова упоминает, что «то писано в подлинной книге о московском разорении» (л. 258 об.). Обращаясь к Своду 1652 г. и Новгородской Забелинской летописи, мы обнаруживаем в них отсутствие соответствующих отсылок. Они представляют собой компиляцию из Нового летописца, Сказания Авраамия Палицына, «Иного сказания», Хронографа 1617 г. Следовательно, составитель Мазуринского летописца ни к Своду 1652 г., ни к Новгородской Забелинской или близким к ним компиляциям не прибегал, а действительно черпал сведения из какой-то бывшей у него «подлинной книги о московском разорении». Что это за «книга»? Конечно, наиболее естественно предположить, что у него был Новый летописец, где имеются главы о самозванце и о взятии у Шуйского крестоцеловальной записи. Но если составитель Мазуринского летописца и пользовался Новым летописцем,

³ М. Н. Тихомиров. Записки приказных людей конца XVII в.— ТОДРЛ, т. XII. М.— Л., 1956, стр. 448—456.

⁴ ЦГАДА, ф. Поместного приказа, Новгород, ст. 43741, ч. 1, д. 8, л. 6.

делая выборку, то он располагал одной из ранних его редакций. Как ни сильно проводилось сокращение, но все-таки отдельные следы первоначального текста сохранились, по крайней мере в заголовках. В этом нетрудно убедиться, сравнивая рассказ нашего летописца о воцарении Федора Борисовича с печатным изданием Нового летописца.

Мазуринский летописец

О наречении царевича Федора Борисовича на царство московским царем Российского государства по благословению патриарха Иова и всего освященного собору. И бояря, и все людие крест ему, государю, целовали (л. 257 об.).

Новый летописец

О наречии царевича Федора на царство и о посылке под Кромь. На Москве же бояре и все люди нарекоша на царство царевича Федора Борисовича и крест ему целоваша⁵.

Приведенная в заголовке Мазуринского летописца версия о вступлении на престол Федора Борисовича существенно отличается от версии Нового летописца. Наречение Федора Борисовича происходит «по благословению патриарха Иова и всего освященного собору». Это важное указание на роль Иова в политических событиях, особенно возросшую в обстановке смуты, охватившего правящие круги после смерти Бориса Годунова. В заголовке Нового летописца о патриаршем благословении не сказано ни слова. Из текста Нового летописца следует, что судьбой Федора Борисовича распорядились сами бояре и «все люди», которые «нарекли» его на царство.

Подчеркивание роли Иова в событиях начала XVII в. в Мазуринском летописце заставляет уделить особое внимание такому оригинальному сочинению о «смуте», как История Иосифа, келейника патриарха Иова⁶. История Иосифа — одна из загадок русского летописания, над решением которой исследователи бьются уже долгое время. Впервые это сочинение было введено в научный оборот В. Н. Татищевым, приобретшим его сравнительно поздно, когда работа над «Историей Российской» продвинулась далеко вперед.

О своем приобретении В. Н. Татищев сообщает Шумахеру в июльском письме 1745 г. Здесь он пишет о «Гистории, сочиненной монахом Иосифом, О разорении российском, для политических во оной патриарха Иова рассуждений, а паче многих дел, которых иной никто не упоминает, памячатания достойна; которую тако ж намерен изъяснить, сию тако ж, яко

⁵ ИСРЛ, т. XIV. М., 1965, стр. 64.

⁶ В других известных современных сказаниях о «смуте» факты, сообщаемые Иосифом, как правило, отсутствуют.

сокровище храню»⁷. В этом письме В. Н. Татищев указывает на то, что в *Истории Иосифа* значительное место уделено патриарху Иову, его участию в политической жизни, обоснованию тех или иных его действий. Вместе с тем В. Н. Татищев, знакомый к тому времени со *Сказанием Авраамия Палицына*, *Новым летописцем*, хронографами, считал нужным подчеркнуть уникальность и драгоценность известий *Иосифа* («многих дел, которых иной никто не упоминает»).

Об этой редкостной рукописи В. Н. Татищев напоминал Шумахеру в письме от 30 марта 1749 г.^{7а}

Краткая характеристика нового источника дана им также в «Предъизвещении», предпосланном «*Истории Российской*». Делая обзор источников, использованных при ее написании, В. Н. Татищев среди «участных» историй, принадлежавших перу современников — участников событий, упоминает и сочинение *Иосифа*, теперь как будто сомневаясь в его авторстве: «*Иосиф*, келейник *Иова* патриарха, или сам *Иов* некоторые дела одного ж государя (*Ивана Грозного*. — *В. К.*) поседния 24 года [описал], но весьма кратко, а по нем до избрания царя *Михаила* довольно пространно»⁸. Хронологические рамки *Истории Иосифа* обрисованы довольно точно: она начинается с 1560 г. известиями о царствовании *Грозного* и с 1584 г. превращается в пространный сводный рассказ, доведенный до 1613 г. Авторство *Иова*, возможность которого предусматривалась В. Н. Татищевым, отвергается, таким образом, простым указанием на факт смерти патриарха в марте 1607 г.

Сложнее обстоит дело с вопросом о том, какое же сочинение имел в виду В. Н. Татищев, когда писал о «*Истории*» *Иосифа* «О разорении российского». Дело в том, что рукопись сторела во время пожара в имении В. Н. Татищева в с. Болдино. Сохранилось лишь упоминание о ней в описи библиотеки историка, составленной вскоре после его смерти⁹. Здесь она значится как «*Иосифа* история о разорении русском». Отсюда исследователи заключают, что В. Н. Татищев действительно имел сочинение о «разорении русском», которое он приписывал иноку *Иосифу* — келейнику патриарха *Иова* — или самому патриарху.

Поскольку перед тем как охарактеризовать в «Предъизвещении» *Историю Иосифа*, В. Н. Татищев упомянул Летописец начала царства, вошедший в *Никоновскую летопись*, С. Ф. Платонов склонен был видеть в *Истории Иосифа* Новый летописец, продолжающий в ряде списков *Никоновскую летопись* до 1630 г.¹⁰ Против этого предположения решительно

⁷ Материалы для истории Академии наук, т. VII. СПб., 1895, стр. 492.

^{7а} Исторический архив, т. VI. М.—Л., 1951, стр. 286.

⁸ В. Н. Татищев. История Российская, т. I. М.—Л., 1962, стр. 84.

⁹ П. Пекарский. Новые известия о В. Н. Татищеве. СПб., 1884, приложения, стр. 56.

¹⁰ С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник. СПб., 1913, стр. 312—313.

высказалась Е. Н. Кушева. Она указала на то, что Новый летописец был известен В. Н. Татищеву и описан далее в обзоре источников при характеристике Никоновской летописи¹¹. По мнению Е. Н. Кушевой, «ни одно из мест, приведенных Татищевым со ссылкой на произведение Иосифа или патриарха Иова, не совпадает с Новым летописцем, не совпадают и хронологические рамки»¹². Последнее соображение бесспорно. Однако утверждение Е. Н. Кушевой о полном несовпадении Истории Иосифа в изложении В. Н. Татищева с Новым летописцем вызывает сомнения.

М. Н. Тихомиров сближал Историю Иосифа с Временником Ивана Тимофеева на том основании, что там кратко рассказывается «о царствовании Ивана IV, начиная с опричнины вплоть до избрания Михаила»¹³. Однако в этих двух памятниках совпадают лишь хронологические рамки. Ни по составу известий, ни по стилю отождествить столь самобытные произведения не удается.

Попробуем свести воедино все прямые ссылки В. Н. Татищева на Иосифа или Иова, разбросанные в его сочинениях. Таких отсылок, включая и его письма, можно насчитать десять¹⁴. Наиболее ранние из них (о лечении Бориса Годунова врачом Строгановых и о религиозном диспуте Ивана IV с Поссевином¹⁵) относятся к концу 1581 — началу 1582 г. Тем самым подтверждается указание В. Н. Татищева на то, что в Истории Иосифа были кратко описаны последние годы царствования Грозного. Краткие летописцы о приезде Поссевина к государю говорят в виде отдельного упоминания¹⁶, либо связывают это событие с ростовским архиепископом Давыдом, обвиненным в «латинской» ереси и сосланным в монастырь «под начал, дондеже в чувство придет»¹⁷. До нас дошло, наконец, церковное сказание о соборе на Давыда, где говорится и о пренки царя с польским послом, происходившим якобы на одном из заседаний собора¹⁸.

В этом сказании причудливо соединены реальные события начала 80-х годов XVI в. Иван Грозный говорил с Поссевином «о вере», но не на

¹¹ В. Н. Татищев. Указ. соч., т. I, стр. 124—125.

¹² Е. Н. Кушева. К истории холопства в конце XVI— начале XVII в.— Исторические записки, т. 15, 1945, стр. 77.

¹³ М. Н. Тихомиров. О русских источниках «Истории Российской».— В кн.: В. Н. Татищев. Указ. соч., т. I, стр. 42.

¹⁴ Е. Н. Кушева. (Указ. соч., стр. 77) пишет о девяти, но она использовала и глухие ссылки, сделанные В. Н. Татищевым в то время, когда он, на мой взгляд, Историей Иосифа еще не располагал. Некоторые же прямые ссылки Е. Н. Кушевой не были известны.

¹⁵ В. Н. Татищев. Указ. соч., т. II. М.— Л., 1963, стр. 230; Архив АН СССР, ф. 95, оп. 5, № 21, л. 4.

¹⁶ ГИМ, Ув. 25, 8^о, л. 25 об.

¹⁷ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IX. СПб., 1821, примечание 627.

¹⁸ ЧОИДР, 1847, кн. 3, стр. 24—30.

церковном соборе, а на приеме в Грановитой палате¹⁹. Еще в начале XVIII в. в архиве приказа Тайных дел хранился «сыск» при Иване IV про ростовского архиепископа Давыда «о кресте и богохульных словах по дописительному письму симоновского архимандрита Исайи»²⁰. Фигура ростовского архиепископа Давыда заметная. Он присутствовал на церковных соборах 1580—1581 гг. По П. Строеву, он даже участвовал в каком-то церковном соборе 1578 г. Он упоминается в источниках вплоть до 1583 г., когда был лишен сана; в соборном приговоре 1584 г. об отмене тарханов его подписи нет²¹. Архиепископию Ростовскую и Ярославскую тогда уже представлял Евфимий. Зато есть подпись архимандрита Симонова монастыря Исайи. Все это вполне подтверждает плачевный для Давыда исход дела.

Интерес к разговору Грозного с Посевеином, в котором затрагивался вопрос о папской власти, со стороны писателя-монаха, близкого к первому патриарху, вполне понятен. Возможно, что Иосиф сообщал и о деле Давыда Ростовского.

Следующая по времени ссылка на Иосифа сделана В. Н. Татищевым в связи с рассуждением о первом на Руси выборе государя (Бориса Годунова), приведшем к «великому государьству разорению». Одновременно В. Н. Татищев ссылался на свидетельства иностранцев — Петрея, Пуффендорфа, Гваньини и других, а из русских — на Авраамия Палицына²². Иосиф, сообщая много об Иове, постоянно имел в виду и Бориса Годунова, проследившая его карьеру еще с тех времен, когда он находился в приближении у Грозного. Интересовали Иосифа и личные качества Бориса Годунова, обеспечившие ему торжество над политическими противниками. Причем в этих высказываниях, как справедливо заметила Е. Н. Кушева, виден современник событий конца XVI — начала XVII в.: «Монах Иосиф скажет, что он (Борис Годунов.— В. К.) тому, которого погубить намеревался, наиболее ласкал и за великого приятеля почитал, а, погубя, со слезами лицемерно сожалел и тяжкою клятвою свою невинность утверждал: толико тайно людей погубил украдчи, что и до днесь никто не знает, где делось и как украдены»²³.

Отличительной чертой Истории Иосифа было пристальное внимание к социальным событиям, особенно к процессу закрепощения. Если Авраамий Палицын трактовал закрепощение в бытовом плане как ряд насилий помещиков над крестьянами и холопами, то Иосиф рассматривал этот процесс как государственную политику, отмечая колебания Бориса Годунова при ее проведении. Ссылаясь на Иосифа, В. Н. Татищев пишет, что Борис

¹⁹ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. X. СПб., 1871, стр. 175—301.

²⁰ ЗОРСА. СПб., 1864, стр. 25.

²¹ П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877, стр. 163; СГГИД, ч. I. М., 1813, № 200.

²² ЦГАДА, Портфели Миллера, № 46, лл. 12—13 об.

²³ См.: Н. Попов. В. Н. Татищев и его время. М., 1861, стр. 787.

Годунов, издав указ 1601 г. о крестьянском выходе, «принужден паки вскоре переменить и не токмо крестьян, но и холопей невольными зделал»²⁴.

Особняком стоит известие Иосифа о «великом в холопех смятении» и о подаче ими царю Василию Шуйскому челобитья, «чтоб не быть рабами»²⁵, ставшее предметом специального изучения в интересной работе Е. Н. Кушевой по истории холопства в конце XVI — начале XVII в.

Крупное место в Истории Иосифа, надо думать, заняло и изложение событий, связанных с появлением и торжеством первого самозванца. Иосиф не мог пройти мимо факта падения Годуновых и Иова. Говоря о Лжедмитрии I, он сообщает сведения, отсутствующие у других писателей — современников «смуты». Он подчеркнул роль русских вельмож, особенно Басманова, якобы воспитавшего самозванца, в подготовке его победы: «И вельможи, хотя совершенно знали, а наипаче Басманов, у которого оной Отрепьев взрос, да мстя погубление государей и знатнейших родов, оному пристали и прежде, нежели знали, кто он, его писмами к тому поощряли и вельмож польских уверяли, как монах Иосиф показывает»²⁶. Очевидно, в Истории Иосифа шла речь о тонениях Бориса Годунова на бояр и об ответной реакции русских вельмож при появлении Лжедмитрия I.

Последнее обстоятельство и привлекло внимание В. Н. Татищова, настроенного против современных ему русских вельмож.

История Иосифа служила В. Н. Татищеву источником и при показе того пагубного влияния, которое оказало взятие крестоцеловальной записи у Шуйского боярами и аристократическое засилье во времена «семибоярщины» на развитие событий, приведших к усилению иностранной интервенции и «крайнему разорению» Московского государства. «По свержении Лживодимитрия, или Григория Отрепьева, при беззутном и коварном избрании Шуйского, — пишет В. Н. Татищев, — некоторые вельможи к великому государственному вреду вымыслили взять на него запись, которою вся власть отнята, а поручена в совет Сената, и тако монархию совокупили с аристократиею, а по лишении его престола все правление поручили семи бояром, следственно, сущая аристократия учинена. В сем правлении Мстиславский был старший, которого два раза избирая, на царство просили, но он безнаследия ради отрекся, 2) Воротынский, 3) Лыков, 4) Трубечкой, 5) Князь Василий, 6) Князь Иван Голицыны, 7) Салтыков. И сии последние три так помощю поляк усилились, что прочие никакой власти не имели. От сего беспутного правительства вскоре государство в такое крайнее разорение и упадок пришло, что едва на части не разделилось, а поляки всем не овладели. Однако ж шведы и поляки многие пределы оторвали,

²⁴ Судебник государя царя и великого князя Иоанна Васильевича и некоторые сего государя и ближних его преемников указы, собранные... В. Н. Татищевым. М., 1768, стр. 62.

²⁵ В. Н. Татищев. Указ. соч., т. I, стр. 361.

²⁶ См.: Н. Попов. Указ. соч., стр. 790.

о чем монах Иосиф или паче Иов патриарх в Истории описал, и я при случае несогласия о правительстве 1730-го Верховному Тайному Совету в представлении пространно изъяснил»²⁷. Конечно, рассуждения о «совокуплении монархии с аристократией» в результате взятия с царя крестоцеловальной записи и об учинении «сущей аристократии» при «семибоярщине», а также наименование «совет Сената» принадлежат самому В. Н. Татищеву. Но в изложении событий от свержения Лжедмитрия I до засилья в Московском государстве поляков и шведов он следовал Истории Иосифа. Примечательно, что В. Н. Татищев заявляет о своей солидарности с Иосифом и в оценке пагубности ограничения царской власти аристократией, сделанной им в записке 1730 г., когда История Иосифа у него еще не было и он придерживался Нового летописца. Впоследствии, однако, как явствует из приведенных текстов, История Иосифа по богатству сообщаемых в ней данных о «смуте» вытеснила в сознании В. Н. Татищева Новый летописец и прочно заняла первенствующее место в ряду русских источников, повествующих о событиях конца XVI — начала XVII в.

Сопоставление выдержек из Истории Иосифа в изложении В. Н. Татищева с Мазуринским летописцем конца XVII в. показывает, что в них говорится и о Григории Отрепьеве, и о взятии с Василия Шуйского крестоцеловальной записи. Совпадает и название Истории Иосифа — «О разорении российском» (или «русском») и той «подлинной книги о московском разорении», которой пользовался составитель Мазуринского летописца. В свою очередь История Иосифа в этих же пунктах пересекается и с Новым летописцем, что заставляет с осторожностью отнестись к мнению Е. Н. Кушевой о независимости друг от друга этих произведений. Отсюда можно заключить, что составитель Мазуринского летописца использовал при своей работе либо Новый летописец ранней редакции, в которой в части до 1613 г. сохранились ссылки на «подлинную книгу о московском разорении», либо непосредственно Историю Иосифа. Это тем более вероятно, что, как удалось установить, История Иосифа была привлечена Тихоном Желтоводским при создании в 70-х годах XVII в. Латухинской степенной²⁸.

* * *

Мазуринский летописец сохранился без конца, что затрудняет установление времени и места его создания, социальной принадлежности составителя. Однако некоторые предварительные соображения на этот счет хотелось бы высказать. Постоянный интерес к церковной истории обличает в составителе Мазуринского летописца лицо если не духовное, то во всяком

²⁷ В. Н. Татищев. Указ. соч., т. I, стр. 367.

²⁸ Вопросу об использовании Истории Иосифа в Латухинской степенной я намерен посвятить особую статью.

случае весьма близкое к церковным кругам. Использование харатейных летописцев, Истории Иосифа, келейника патриарха Иова, летописца Сидора Сназина, возникшего в среде софийских приказных, Новгородской Забелинской летописи, в которой одни исследователи склонны видеть Иоакимовскую летопись²⁹, а другие, отрицающие эту точку зрения, — все-таки произведение, возникшее в окружении патриарха Иоакима³⁰, постоянный интерес к новгородской истории, факты которой даются в сочетании с событиями московскими, уникальное сказание о стрелецком восстании в Москве 1682 г. — все это, на мой взгляд, ведет нас к окружению патриарха Иоакима (патриаршим приказным или справщикам Печатного двора). В связи с этим необходимо напомнить, что Иоаким до его поставления в патриархи был с 1672 по 1674 г. новгородским митрополитом. В его окружении наблюдался интерес как к стрелецкому восстанию 1682 г. (в умиротворении стрельцов принимал участие сам Иоаким), так и к составлению обширных компиляций «от потопа» до событий правления царевны Софьи Алексеевны³¹.

²⁹ Л. В. Черепнин. «Смута» и историография XVII в. — Исторические записки, т. 14, 1945, стр. 127; С. К. Шамбинаго. Иоакимовская летопись. — Исторические записки, т. 21, 1947, стр. 254—270.

³⁰ С. Н. Азбелев. Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1960, стр. 63.

³¹ С. Н. Браиловский. Один из пестрых XVII столетия. — Записки Академии наук, т. V, № 5. СПб., 1902, стр. 80, 324—329.

ЕЩЕ РАЗ О МЕСТОНАХОЖДЕНИИ ГОРОДА ДЕДЯКОВА

Е. И. Крупнов

Давно известны отдельные факты из истории взаимосвязей древней Руси с народами Кавказа, в частности со средневековыми аланами, «овсами», или «ясами», — прямыми предками современных осетин¹. К сожалению, эти данные очень ограничены. По справедливому замечанию Е. Г. Пчелиной, из 11 упоминаний в русских летописях о ясах только в трех случаях (за 1277, 1278 и 1318 гг.) можно признать в них те яские племена, которые действительно некогда обитали в районах центральной части Северного Кавказа². Остальные известия не имеют к ним прямого отношения.

Особый интерес для истории Кавказа представляет и тот факт, что одновременно авторы этих показаний — русские летописцы XIII и XIV вв. — засвидетельствовали существование на Северном Кавказе «славного яского города Дедякова» (Тетькова, Титякова, или Тютякова). Упоминание эпитета «славный» безусловно доказывает, что речь идет о хорошо известном на Руси крупном городе Северного Кавказа. Но, к сожалению, это важное известие не сопровождается абсолютно точными географическими ориентирами. И это обстоятельство очень осложняет задачу поисков и определения точного местонахождения этого города.

События XIII в., связанные с городом Дедяковым, отражены в более поздних летописях — XIV—XVI вв.³ Общепризнано, что первое, наиболее древнее и более или менее подробное описание фактов, связанных с Дедяковым, содержится в Симеоновской летописи⁴. Там говорится: «В лето 6785 (1277) поидоша князи в Татары, князь Борис с княгиней и с детьми, князь Глеб Ростовский с сыном с Михаилом, князь Федор, князь Андрей и инии князи многие... Князь же Ростовский Глеб Василковичь е братаничем своим с князем Костянтином, князь Федор Ростиславичь, князь Анд-

¹ Этнонимы «аланы» известны по римским и византийским источникам, «осы», или «орсы», — по грузинским, «ясы» — по русским летописям.

² Е. Г. Пчелина. О местонахождении яского города Дедякова по русским летописям и исторической литературе. — МИА, № 114, 1963, стр. 152—161.

³ А. А. Шахматов. Симеоновская летопись XVI в. и Троицкая начала XV в. — Известия Отделения русского языка и словесности, т. V, кн. 2. СПб., 1900, стр. 517.

⁴ В. А. Кучкин. Где искать яский город Тютяков? — Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института, т. XXV. Орджоникидзе, 1966, стр. 169.

рей Александровичъ и инши князи мнози с бояры и слугами поехаша на войну с царем Менгутемером и Поможе бог князем Русским, взяша славный град Яськый Дедеяков, зиме месяца февраля в 8, на память святого пророка Захарии, и полон и корысть велику взяша, а супротивных без числа оружием избйша, а град их огнем пожгоша. Царь же почтив добре князей Русских и похвалив велми и одарив, отпусти во своеси с многою честью кождо в свою отчину»⁵. Не менее обстоятельно все перипетии этого события излагаются и в Воскресенской летописи⁶. Особенно ценным свидетельством, содержащимся в этих летописях, является не только первое упоминание яского города Дедеякова, но и сообщение об овладении им с боем войсками русских князей, возглавляемых татарским ханом Менгутемером. Чрезвычайно важны и другие подробности: после нелегкого штурма город, содержавший многочисленный гарнизон, был разграблен и сожжен; победителям досталась богатая добыча и множество пленных. Эти данные также свидетельствуют о том, что Дедеяков был не рядовым, а крупным и богатым городом ясов, хорошо известным ша Руси.

Третий источник, содержащий географические ориентиры и потому привлечший наибольшее внимание историков, это Никоновская летопись. Она повествует об убийстве татарами в их ставке под Дедеяковым тверского князя Михаила Ярославича 22 ноября 1318 г., а не 1319, как считалось. По тексту Никоновской летописи, это произошло «за рекою за Теркою, под великими горами под Яскими и Черкасскими, у града Титякова, на реце Сивинце, близ Врат Железных, у болвана медяного, у златые главы у Темиревы, у богатыревы могилы»⁷. Наиболее ценно в этой летописи указание более или менее точного местоположения города Дедеякова — за Терекком, под яскими, т. е. осетинскими и черкасскими (черкесскими) горами, вблизи Железных Ворот (несомненно, Дарьяльского прохода, ведущего в Закавказье), неподалеку от реки «Сивинца», которую обычно отождествляют с р. Сунжей, притоком Терека. Но оказывается, далеко не все отмеченные географические показатели равноценны. Так, три последних ориентира, отмеченных в самом конце текста, — «у болвана медяного, у златые главы, у Темиревы, у богатыревы могилы», — судя по последним разысканиям В. А. Кучкина⁸, являются позднейшей вставкой и не могут служить достоверным источником для определения местоположения Дедеякова.

Таковы исходные данные русских летописей, на основании которых ученые вот уже около 200 лет пытаются установить место, где когда-то находился Дедеяков. Почти каждый исследователь, произвольно интерпретируя нечеткие показания летописей, старается привлечь и другие, даже кос-

⁵ ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913, стр. 75.

⁶ ПСРЛ, т. VII. СПб., 1856, стр. 173.

⁷ ПСРЛ, т. X. СПб., 1885, стр. 184.

⁸ В. А. Кучкин. Указ. соч., стр. 172.

венные данные. Тем не менее основной вопрос,— где же находился Десяков,— пока остается открытым. Руководствуясь историческими свидетельствами, разные ученые называют восемь пунктов или мест на Северном Кавказе (от Дагестана до Кабардино-Балкарии), которые якобы имеют право на отождествление с городом Десяковым. Подробный перечень этих пунктов и критический анализ предложенных гипотез даны в обстоятельной статье Е. Г. Пчелиной⁹. Это избавляет меня от необходимости подробно излагать историю изучения вопроса. Отмечу только, что наибольшее число исследователей с XIX в. (Ю. Клапрот и Х. Д. Френ) до нашего времени (Л. П. Семёнов и В. Ф. Минорский) находили возможным связывать летописный Десяков с большим городищем, находящимся на южной окраине г. Орджоникидзе, на правом берегу р. Терек. Известно, что на территории городища расположен аланский катакомбный могильник VIII—IX вв. Само же городище еще не исследовано¹⁰.

В последние годы было возрождено и дополнительно аргументировано старое мнение П. Г. Буткова, отождествлявшего Десяков с огромным городищем на левом берегу Терека, напротив сел. Эльхотово¹¹. Ныне городище называется Верхний Джулат, или Татартуп¹². Его венчает хорошо сохранившийся кирпичный минарет XIV в.¹³ Л. И. Лавров¹⁴ привел ценное свидетельство об этом городе турецкого путешественника XVII в. Эвлия Челеби.

Описывая развалины города, который он называл «Ирак Дядьяпом» (очевидно, связано с «Десяков»), Челеби отметил в нем руины сотен каменных зданий¹⁵. Аргументируя мнение о местоположении Десякова на Тереке, у так называемых Эльхотовских ворот, М. Г. Сафаргалиев¹⁶ привлек и восточные источники, впервые обратив внимание на следующее. Там, где можно резонно предполагать местоположение яского города Десякова по русским летописям, историки Тимура (Низам-ад-дин Шали, Шераф-ад-дин Йезди) помещают город Джулат, который упоминается и в источнике XVI в. «Дербент-Нами» под названием Шахри-Татар¹⁷ М. Г. Сафаргалиев резонно допускает, что уже с XIV в. город Десяков изменил

⁹ Е. Г. Пчелина. Указ. соч., стр. 153—156.

¹⁰ Л. П. Семёнов. Из истории города Джауджикау. Джауджикау, 1947, стр. 6.

¹¹ О. В. Милорадович. Некоторые исторические сведения о древних городищах Татартупа и Джулата.— Записки Горского научно-исследовательского института, т. II. Ростов-на-Дону, 1929.

¹² Л. П. Семёнов. Татартупский минарет. Джауджикау, 1947.

¹³ О. В. Милорадович. Средневековые мечети городища Верхний Джулат.— МИА, № 114, 1963, стр. 66.

¹⁴ Л. И. Лавров. Происхождение кабардинского народа и заселение нынешней территории.— СЭ, 1956, № 1, стр. 26.

¹⁵ Там же, стр. 27.

¹⁶ М. Г. Сафаргалиев. Где находился золотоордынский город Десяково.— Ученые записки Мордовского педагогического института, вып. IV. Саранск, 1950, стр. 128.

¹⁷ М. Г. Сафаргалиев. Указ. соч., стр. 128.

название, дожившее до наших дней в виде местного осетинского этнонима «Дзлат» (Джаулат) и Татартуп¹⁸.

Мне все эти соображения об отождествлении Дедякова с Верхним Джулатом — Татартупом представляются достаточно убедительными, и вот почему. Многие исследователи, касавшиеся изучаемого вопроса, подчеркивали большое значение археологических материалов для его решения. Но до последнего времени историческая наука не располагала такими данными. Поэтому аргументацией в пользу признания того или иного объекта Дедяковым разным исследователям служили уже упомянутые исторические свидетельства и в первую очередь упоминание р. Сивинца. В наши дни академик М. Н. Тихомиров¹⁹, говоря о постройке Терского городка на р. Сунже Московским государством в 1567 г., находил возможным связывать этот факт с существованием на р. Сунже Дедякова; и это несмотря на то, что первые сведения о Дедякове на 250 лет древнее появления здесь гребенского казачества. Очевидно, М. Н. Тихомиров не придавал особого значения тому, что Дедяков был яским городом, а не русским.

В пользу расположения Дедякова на Сунже склоняется и Е. Г. Пчелина. Больше того, из ряда известных, но археологически не исследованных городищ в бассейне Сунжи она склонна отдать предпочтение огромному городищу Алхан-кала, на левом берегу Сунжи, недалеко от Грозного²⁰. Но ни мои двукратные обследования этого городища, ни раскопчные работы Г. Ю. Подгаецкого (1938 г.) и В. Б. Виноградова (1965—1967 гг.) не обнаружили в мощных культурных напластованиях (сармато-аланского времени) позднесредневекового культурного слоя XIII—XIV вв.²¹ Среди добытого В. Б. Виноградовым материала не оказалось ни одной находки монгольского периода, т. е. того времени, когда Дедяков стал местом событий, описанных в летописях. Следовательно, этот объект из числа претендентов на отождествление с Дедяковым нужно исключить.

Я, как и некоторые другие исследователи, считаю, что упоминание в тексте летописи, повествующей об убийстве Михаила Тверского, реки Сивинца (Сунжи) является просто неточностью московского летописца. Эта ошибка возникла, очевидно, потому, что князь Михаил первоначально прибыл в татарскую ставку на Сунже и, прокочевав с ней несколько дней, оказался где-то за Терекон, где и был убит 22 ноября 1318 г. Поэтому в летописи названы и Терек и Сунжа.

¹⁸ Вместе с тем глубоко ошибочно признание М. Г. Сафаралиевым только одного Джулата, в то время как в действительности на Тереке существуют два огромных городища: Верхний Джулат — на левом берегу Терека, напротив сел. Эльхотово, и Нижний Джулат — почти на 50 км по течению ниже, на правом берегу Терека, напротив железнодорожной станции Котляревской. Ныне оба городища частично исследованы и являются ценными историческими источниками по обсуждаемой теме.

¹⁹ М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии. М., 1962, стр. 517.

²⁰ Е. Г. Пчелина. Указ. соч., стр. 159.

²¹ Сб.: Археологические открытия 1966 г. М., 1967, стр. 62.

Следует также отметить, что местоположение любого городища в бассейне Сунжи (и Алхан-калы в том числе) не соответствует той географической ситуации, какая сопутствует упоминаниям Дедякова в летописи. На Сунже нет яских и особенно черкесских гор, а «железные врата», под которыми здесь пужно подразумевать не Дербентский проход, а Дарьяльское ущелье, находятся на значительном расстоянии. Но все эти основные летописные ориентиры имеются в окрестностях городища Верхний Джулат (Татартуп), действительно расположенного в долине речки Арга, почти на границе Осетии и Кабарды («Пятигорские черкасы», по Книге Большому чертежу)²², на левом берегу Терека, в так называемых Эльхотовских воротах, образованных Терекком. Через эти ворота, окаймленные очень крутыми склонами довольно высоких лесистых хребтов, и проходит древнейший путь из предкавказских степей во Владикавказскую равнину и в Дарьяльское ущелье. Здесь же его пересекал другой торговый путь по Тереку от Каспия на запад к Восточному Причерноморью — путь работоторговли, существовавший до XVIII в.²³ Это был важнейший узел древних и средневековых связей и взаимоотношений народов Кавказа с окружающим миром.

Одновременно Эльхотовские ворота всегда были и важнейшим стратегическим пунктом района, сыгравшим положительную роль даже в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. В течение десяти дней в октябре 1942 г. советские воины отразили здесь пять танковых атак немецко-фашистских войск, рвущихся через Эльхотовские ворота к грозненской нефти, заставив их отказаться от прорыва в этом пункте²⁴.

Занимая столь важное стратегическое положение во все времена, этот район не случайно стал одним из самых значительных культурных очагов края и по концентрации памятников (от эпохи бронзы до позднего средневековья), и по их научно-исторической значимости. Именно поэтому Объединенная Северокавказская археологическая экспедиция Института археологии АН СССР и Северо-Осетинского научно-исследовательского института, планируя полевые работы (с 1957 г.), остановила свой выбор прежде всего на археологических объектах этого района Северной Осетии. Здесь были открыты и исследованы, а затем частично изданы некоторые интереснейшие памятники. Впервые были произведены научные раскопки и на городище Верхний Джулат²⁵. Они обогатили нас новыми материалами, которые значительно усиливают аргументацию в пользу признания городища Верхний Джулат яским городом Дедяковым.

²² Книга Большому чертежу. М., 1950, стр. 50, 88.

²³ В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа.— МИА, № 106, 1961, стр. 129.

²⁴ В. Закрыткин. Кавказские записки. М., 1954, стр. 263—264; А. А. Гречко. Битва за Кавказ. М., 1967, стр. 141—143.

²⁵ Археологические раскопки в районе станицы Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961; Средневековые памятники Северной Осетии.— МИА, № 114, 1963.

Прежде всего топографическая съемка и тщательное обследование территории городища установили его огромные размеры — около 3 кв. км. Раскопки вскрыли в разных пунктах городища площадь 2000 кв. м. Довольно мощный культурный слой местами превышал 1,5 м и состоял из двух горизонтов: нижнего — аланского, сходного по материалу со Змейским катакомбным могильником XI—XII вв., и верхнего — монгольского времени (XIII—XIV вв.). В процессе раскопок неоднократно отмечены значительные прослойки угля — следы прошлых, иногда опустожительных пожаров. Многочисленные хозяйственные ямы с остатками зерна, развалины жилых строений (из самана) и особенно остатки различных ремесленных производств (гончарные печи, металлические шлаки, косторезные и другие отходы) доказывали интенсивность жизни на городище в прошлом.

Исключительным по значению объектом явилась булыжная мостовая XIII в., расчищенная, очевидно, на городской площади, в окружении ряда монументальных памятников христианской и мусульманской архитектуры XIII—XIV вв. Их существование здесь чрезвычайно важно для исторической интерпретации и датировки этого городища. Храмы и их развалины были известны еще по описаниям Эвлия Челеби, русско-грузинских миссионеров 1745 г.²⁶, Клапрота и Гюльденштедта²⁷. До раскопок руины на городище считались поздними — XVI—XVII вв. Только тщательное полевое исследование всех строительных остатков, произведенное О. В. Милорадович²⁸, В. А. Кузнецовым²⁹ и мною³⁰, позволили передатировать и точно установить истинное время их сооружения и использования. Здесь были открыты и исследованы три христианских храма, заложенных в аланском культурном слое X—XIII вв. Они были сложены из квадратного кирпича (23—24×23—24×5 см). Их оштукатуренные стены некогда были расписаны фресками. Сама планировка и особенности найденного при раскопках материала позволили связать эти храмы с широким византийско-древнерусским христианским миром и датировать их XII—XIII вв. Вокруг храмов располагались отдельные христианские гробницы-саркофаги и целые кладбища, содержавшие захоронения XIII—XV вв. Были исследованы и две мусульманские мечети, мавзолей и кладбища XIII—XIV вв. Мусульманские архитектурные памятники были сложены из иного квад-

²⁶ М. М. Блиев. Осетинское посольство в Петербурге 1749—1752 гг. Орджоникидзе, 1961, стр. 15.

²⁷ J. A. G u l d e n s t ä d t. Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge, I, SPb., 1787, стр. 503.

²⁸ О. В. Милорадович, В. А. Кузнецов. Археологические исследования в Северной Осетии в 1958 г.— КСИА АН СССР, вып. 84, 1961, стр. 107; вып. 86, 1961, стр. 95; О. В. Милорадович. Исследование городища Верхний Джулат в 1960 г.— КСИА АН СССР, вып. 90, 1962, стр. 56.

²⁹ В. А. Кузнецов. Раскопки аланских городов на Северном Кавказе.— КСИА АН СССР, вып. 98, 1964, стр. 107.

³⁰ Е. И. Кручков. Христианский храм XII в. на городище Верхний Джулат.— МИА, № 114, 1963, стр. 48.

ратного кирпича (21—25 × 21—25 × 4—5 см). Пол в большой мечети (у сохранившегося Татартупского минарета) был выложен также другим кирпичом (40×40×5,5 см), со следами голубой поливы у михраба. В другом месте обнаружен и раскопан грунтовой могильник с языческим обрядом погребения XI—XIII вв.

Такая концентрация разнообразных и столь выразительных для городского быта памятников доказывает роль и значение городища Верхний Джулат как крупного экономического, политического и культурного аланского центра Северного Кавказа. Квадратный кирпич, планировка храмов, находки каменного кистеня, черепицы с «вавилонами» и со знаками армянского алфавита и другие материалы иллюстрируют широкие связи этого крупного средневекового города с внешним миром (с Закавказьем, древней Русью и Золотой Ордой). Пока ни одно из известных нам городищ Северного Кавказа не имеет подобных данных. Правда, на городище Нижний Джулат также открыты развалины большой (соборной) мечети³¹. Но географическая обстановка этого городища совершенно иная и не имеет тех важных ориентиров, какие упомянуты в русских летописях в связи с Деяковым и представлены в окрестностях Верхнего Джулата.

Получение убедительных доказательств для более правомерного отождествления городища Верхний Джулат со «славным» яским городом Деяковым представляется мне одним из главных достижений наших многолетних раскопок на этом городище. Таким крупным городом, каким сейчас рисуется в свете раскопочных данных Верхний Джулат, мог быть только летописный Деяков. Достойно сожаления, что раскопки этого города Северо-Осетинским научно-исследовательским институтом ныне прекращены.

³¹ История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней, т. I. М., 1965, стр. 95; И. И. Чеченов. Раскопки городища Нижний Джулат в 1966 г.— Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института, т. XXV. Нальчик, 1967, стр. 192.

КТО БЫЛ НАСЛЕДНИКОМ ОСТРОМИРА В НОВГОРОДЕ?

А. В. Куза

События середины XI в. в Новгороде противоречиво и скупо освещены источниками. А время это в истории города имеет особое значение. Именно тогда были заложены основы будущего своеобразного новгородского государственного строя.

В 1052 г. «месяца октября в 4 день в неделю, преставися Володимир, сын Ярославль, старейшии в Новегороде»¹. Лишь под 1054 г. летопись сообщает, что повый киевский князь Изяслав посадил в Новгороде посадника Остромира². Судьба новгородского стола в промежутке между этими годами остается неясной. Но можно предположить, что, следуя установившейся традиции, место умершего брата в Новгороде занял второй по старшинству сын Ярослава — Изяслав. Об этом прямо говорят в рассказе о событиях 1054 г. некоторые новгородские летописи: «Изяславу тогда сущю Новегороде»³. Правда, Ипатьевская летопись и близкие ей списки помещают Изяслава в Турове⁴. В Лаврентьевской и сходных с ней, а также в Новгородской первой летописях место княжения Изяслава до 1054 г. пропущено⁵. Казалось бы, разноречивые сведения источников не позволяют решить вопрос о княжеском уделе Изяслава при жизни отца. Однако соображение летописей, восходящих к III редакции Повести временных лет, о княжении Изяслава в Турове нельзя признать достоверным. Как известно, Повесть в этой редакции вышла из кругов, близких сыну Мономаха — Мстиславу. Он долго княжил в Новгороде, откуда его стремился удалить сын Изяслава Святополк, пытавшийся закрепить город за своей семьей⁶. Вот летописцы Мстислава и постарались лишить наследников Изяслава и Святополка всяких прав на Новгород. Указав местом первоначального княжения Изяслава провинциальный Туров, они действовали вполне продуманно. Именно в Туров из Новгорода отправил в 1088 г. Святополк дед Мстислава Всеволод, освободив новгородский стол для своего внука⁷. По-

¹ НПЛ, М.—Л., 1950, стр. 181.

² ПСРЛ, т. V, М., 1925, стр. 139; т. VII, СПб., 1856, стр. 333.

³ ПСРЛ, т. VII, стр. 333.

⁴ ПСРЛ, т. II, М., 1962, стр. 149.

⁵ ПСРЛ, т. I, М., 1962, стр. 164; НПЛ, стр. 182.

⁶ ПВД, т. I, М., 1950, стр. 182.

⁷ ПСРЛ, т. I, стр. 89; т. II, стр. 276, и сл.; т. VII, стр. 4.

этому данные поздних новгородских летописей следует признать правильными. Тем более, что они подкрепляются свидетельством современника исследуемых событий. Речь идет о приписке к знаменитому «Остромирову евангелию». В ней сказано: «Изяславу же князю тогда предръжящу обе власти: и отца своего Ярослава, и брата своего Владимира»⁸. Хотя Евангелие было переписано в 1056—1057 гг., это не меняет дела. Важен тот факт, что Изяслав наследовал непосредственно своему брату Владимиру и между ними никто другой не занимал новгородский стол.

Уйдя в 1054 г. в Киев на великое княжение, Изяслав оставил в Новгороде, как уже говорилось, посадником Остромира. Под этим же годом в летописи сказано: «И иде Остромир с новгородци на чюдь. И убиша и чюдь, и много паде с ним новгородцев»⁹. Исследователи давно подметили здесь хронологическую ошибку. Согласно записи дьяка Григория, списавшего для Остромира Евангелие, последний жил и здравствовал еще в 1057 г. Целью остроумных догадок А. А. Шахматов доказал, что статья о гибели Остромира была помечена в летописи 1060 г.¹⁰ С его мнением согласен Б. А. Рыбаков¹¹.

Кто же был преемником Остромира в Новгороде? Список новгородских князей, имеющийся в Новгородской первой летописи младшего извода, сообщает следующее: «По преставлении Володимирове в Новегороде, Изяслав посади сына своего Мьстислава и победища на Черехи, бежа к Киеву, и по взятъи города преста рать»¹². Автор списка ошибся, поскольку после Владимира новгородский стол занимал сам Изяслав, посадивший затем там не Мстислава, а Остромира. Сын же Изяслава мог появиться в городе не раньше 1060 г. В. Л. Янин убедительно показал, что в древнейший период посадники и князья не правили в Новгороде вместе¹³.

Смерть Остромира летописи связывают с походом на чюдь. О дальнейшем в них повествуется так: «И пакы Изяслав иде на чюдь и взя Осек Кедиши, сиречь Сльнца Рука»¹⁴. А. А. Шахматов думал, что тогда и посадил княжить в Новгороде своего сына Изяслав¹⁵. Но так ли это было в действительности?

Обращает на себя внимание статья, помещенная в некоторых новгородских летописях под 1060 г.: «Потом же ходи Изяслав на сосолы и дань заповеда даяти по 2000 гривен; они же поручьшесе и изгнаша даньники; на весну же пришедше, повоеваша села о Юрьеве, и город, и хоромы пож-

⁸ Остромирово евангелие 1056—1057 гг. СПб., 1883.

⁹ ПСРЛ, т. V, стр. 139; т. VII, стр. 333.

¹⁰ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 524, 525.

¹¹ Б. А. Рыбаков. Остромирова летопись. — Вопросы истории, 1956, № 10, стр. 50.

¹² НПЛ, стр. 161, 470.

¹³ В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962, стр. 51.

¹⁴ ПСРЛ, т. V, стр. 139; т. VII, стр. 333.

¹⁵ А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 525.

гопа, и много зло створиша, и Плескова доидоша воююще. И издоша противу им плесковице, и новгородци на сечю, и паде Руси 1000, а сосол бецисла»¹⁶. Сосолы — чудское племя, а город «Сльница Рука», захваченный Изяславом, находился в области эстонской чуди¹⁷. Надо думать, в летопись повторно попало описание одних и тех же событий. Так могло случиться, если в руках позднейшего сводчика находилось несколько источников. А. А. Шахматов не включал известие о сосолах в новгородский свод XI в., полагая, что оно было впоследствии заимствовано из псковских летописей¹⁸. В пользу отождествления статьи 1060 г. с записью о гибели посадника Остромира говорит несколько обстоятельств. Во-первых, совпадение дат. Во-вторых, и там и там противником новгородцев являются чудские племена. В-третьих, в обоих случаях указано, что новгородская рать понесла в бою значительные потери. Имеющиеся же расхождения в исследуемых текстах легко объясняются их разными источниками.

Итак, сопоставив все данные, можно восстановить картину интересующих нас событий. Сначала Изяслав яложил дань на чудские племена. Потом они восстали, изгнали данников и напали на новгородские земли. Против них выступила объединенная псковско-новгородская рать во главе с посадником Остромиром. В бою близ Пскова Остромир и многие новгородцы погибли. Лишь новый поход Изяслава восстановил положение.

Однако такое обилие военных действий трудно втиснуть в хронологические рамки одного года. Общим моментом для обеих статей является описание битвы новгородцев с чудью. Надо думать, она-то и произошла в 1060 г. и хорошо запомнилась как в Новгороде, так и в Пскове. Другие же подробности относятся к случившемуся до и после этого кровопролитного сражения. Следовательно, Изяслав в первый раз ходил на чудь в 1059 г., так как сосолы восстали «на весну».

Когда же состоялась вторая экспедиция киевского князя в земли эстонской чуди? Перед рассказом о войне с сосолами новгородские летописи сообщают об общерусском походе на торков¹⁹. Этот поход хорошо известен по Повести временных лет²⁰. В нем приняли участие три старших Ярославича и Всеслав Полоцкий. В 1060 г. русское войско, «бещисленное множество вои», «поидоша, на конях, в лодиях», а значит, по открытой воде, т. е. летом. Несомненно, что столь грандиозное по масштабам предприятие потребовало от великого князя и его братьев серьезной и длительной подготовки. О походах же Изяслава на чудь в это время киевская летопись ничего не знает. Тем больше оснований считать, что в 1060 г. их не было. Ведь битва новгородцев с чудью и торческая экспедиция русских князей

¹⁶ НИЛ, стр. 183.

¹⁷ ПВЛ, т. II, М., 1950, стр. 390; История Эстонской ССР, т. I, Таллин, 1961, стр. 110.

¹⁸ А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 221, 222, примечание.

¹⁹ НИЛ, стр. 183.

²⁰ ПВЛ, т. I, стр. 109.

произошли почти одновременно. Известие о гибели Остромира могло и не застать Изяслава в Киеве. Во всяком случае ему трудно было предпринять что-нибудь немедленно. Эти наблюдения заставляют расчленить сообщение о смерти Остромира и ответном походе киевского князя на чудь на две части. Первая хорошо датируется 1060 г. Хронология второй неясна, но вряд ли она относится к этому же году.

Некоторые сомнения и путаницу вносит последовательность записей в новгородских летописях, где статья о торках предшествует статье о сосолах. Кроме соображений, высказанных об этом выше, еще одно обстоятельство указывает на искусственность такого соединения. А. А. Шамхатов установил, что в распоряжении новгородского сводчика XII в. находились как местные, так и киевские источники. Причем сведения, заимствованные из вторых, сводчик регулярно вплоть до 1115 г. ставил на первом месте, не забывая об их действительном соотношении с новгородскими известиями²¹.

Суммируя все факты, можно прийти к важному выводу о том, что между гибелью Остромира и вторым походом Изяслава на чудь прошел довольно длительный срок. Этому не противоречит конструкция летописной статьи, где оба события связаны посредством туманного определения «и пакы Изяслав иде...» и т. д., не содержащего никаких конкретных указаний на точную дату. Следовательно, Мстислав Изяславич появился в Новгороде спустя какое-то время после смерти посадника. Очевидно, в этот промежуток в городе не было киевского наместника.

Что же тогда происходило в Новгороде? Письменные источники сохранили мало данных. Но некоторые сведения, позволяющие ответить на поставленный вопрос, все-таки есть. Так, под 1064 г. большинство летописей сообщает о бегстве Ростислава Владимировича вместе с Пореем и Вышатой в Тмутаракань²². Никоновская летопись и Тверской сборник отмечают, что они бежали «из Новгорода»²³. Сомнения С. М. Соловьева и М. С. Грушевского в точности этой ссылки вряд ли имеют основания. Имя Ростислава впервые появляется здесь на страницах летописи. О его прошлом нам ничего неизвестно²⁴. Отец Ростислава — новгородский князь Владимир Ярославич — умер в 1052 г. очень молодым, в возрасте 32 лет. Его сын должен был быть еще юным и мог не получить никакого княжения. Логично предположить, что и после смерти отца он оставался в Новгороде, ожидая ре-

²¹ А. А. Ш а м х а т о в. Указ. соч., стр. 204, 205.

²² ПВЛ, т. I, стр. 110; НПЛ, стр. 184 и др.

²³ ПСРЛ, т. IX, М., 1965, стр. 92; т. XV, М., 1965, стр. 154.

²⁴ Ряд избыточных сведений приводит в своей «Истории» В. П. Татищев (История Российская, т. II, М.—Л., 1963). Так, он сообщает, что Ростислав родился в 1038 г. и в крещении был назван Михаилом (стр. 78). После смерти отца он получил Ростов и Суздаль, а затем дяди перевели его во Владимир-Вольнский (стр. 81, 83). Источник этих известий неясен. Достоверность их вызывает сомнение, так как они противоречат другим летописным данным, в частности о разделе Руси между сыновьями Ярослава (НПЛ, стр. 160).

шения своей участи²⁵. Этот вывод подкрепляется присутствием среди спутников Ростислава Вышаты, сына новгородского посадника Остромира.

Еще более интересные подробности добавляет Тверской сборник к статье 1061 г. о поставлении Новгороду епископа Стефана. Там сказано: «А в Новгороде лета того еще князь Ростислав Владимирич²⁶ [по-видимому, опущено «сидел» или «княжил»]. По словам Д. С. Лихачева, в первой части Тверского сборника «была использована летопись, близкая к Синопальному списку Новгородской первой летописи, но иногда в виде более исправном»²⁷. А. А. Шахматов возводил Тверскую летопись к ростовской компиляции XV в., а через нее к общерусскому своду 1423 г., источником которого был новгородский свод 1167 г.²⁸ Последнему и принадлежали многие важные сведения по истории Новгорода. Правда, исследователь не решился отнести известие о княжении Ростислава к древнему новгородскому своду XI в., так как имя этого князя отсутствует в перечне новгородских князей²⁹. Но выше было отмечено, что именно для середины XI в. список новгородских князей не отличается особой полнотой и достоверностью. Поэтому сообщение Тверской летописи заслуживает самого серьезного внимания.

Княжение Ростислава в Новгороде, таким образом, падает на промежуток от гибели Остромира до 1064 г. и длится более трех лет. Сразу возникает несколько недоуменных вопросов. Главный из них: как Ростислав стал новгородским князем? Ведь судьбой Новгорода по традиции распоряжался киевский князь. Об этом прямо сказано в приписке к «Остромирову евангелию»: «Сам же Изяслав князь правляше стол отца своего Ярослава Кыеве. А брата своего стол поручи правити близокоу своему Остромиру Новеороде»³⁰. Следовательно и после смерти Остромира его преемника должен был назначить Изяслав. По летописи, он посадил в Новгороде своего сына. Если же сначала новгородским князем был сделан Ростислав, то почему он поспешно бежал из города?

Интересную догадку высказал В. В. Мавродин, предполагавший, что бегство Ростислава связано с неудачной попыткой части новгородского боярства посадить у себя князя-изгоя и тем отделиться от Киева³¹. Этой гипотезе нельзя отказать в убедительности. Новгородские летописи донесли до нас лишь глухой отзвук минувшего, но их идейная направленность вполне согласуется с изложенным ходом событий. Прежде всего имеется

²⁵ Этого же мнения придерживался Н. М. Карамзин (История государства Российского, т. I, II, СПб., 1851, стр. 76).

²⁶ ПСРЛ, т. XV, стр. 154.

²⁷ ПВЛ, т. II, стр. 172, 173.

²⁸ А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 235—245.

²⁹ Там же, стр. 240, примечание 2.

³⁰ Остромирово евангелие 1056—1057 гг.

³¹ В. В. Мавродин. Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940, стр. 161, 162.

в виду реконструированный А. А. Шахматовым новгородский свод 1050 г.³² Впоследствии Б. А. Рыбаков внес ряд существенных поправок в первоначальную реконструкцию и опроверг сомнения, возникшие у некоторых исследователей³³. Но что особенно важно — Б. А. Рыбаков вскрыл глубокий политический смысл, вложенный авторами свода в свой труд. Они последовательно и целенаправленно противопоставляли Новгород Киеву, умаляя и замалчивая значение последнего. Под пером новгородских книжников их родной город получил роль общерусского центра, отодвинув на второй план южную столицу. «Новгородское боярство почти за столетие до восстания 1136 г. уже выступило с изложением как своего взгляда на исторические события, так и своей политической программы, сводившейся к добровольному приглашению или «выкармливанью» бесправных князей, ограниченных грамотами и обязанных не столько управлять, сколько оборонять Новгород»³⁴. Те же мысли легко угадываются в выразительной приписке дьяка Григория к Евангелию Остромира. В ней правление Владимира в Новгороде сравнивается с правлением Ярослава в Киеве. Задним числом власть великого князя сопоставляется с властью его сына. Посадничество в Новгороде Остромир рассматривает почти как соправительство³⁵. Словом, и летопись, и Евангелие ясно свидетельствуют о зрелости новгородской общественной мысли, о том, что идея независимости Новгорода уже стала политической программой местного боярства.

События 1060—1064 гг. показали, что слова в Новгороде не расходились с делом. Теоретически обосновав право на самоопределение, новгородские феодалы приступили к проведению его в жизнь. Успех задуманному предприятию мог сопутствовать лишь в том случае, если бы новый новгородский князь не был тесно связан с тремя старшими Ярославичами, поделившими управление Русской землей. Тогда, обязанный своим возвышением новгородцам, этот князь стал бы послушным орудием их политики. Искать претендента долго не пришлось. Ведь в Новгороде уже давно томился по милости дядей без дела и без княжества возмужавший Ростислав Владимирович. С его отцом, судя по летописи, новгородские «нарочитые мужи» хорошо ладили. Недаром «Остромирово евангелие» называет Новгород властью Владимира Ярославича, а не киевского князя. Воспользовавшись удобным моментом, когда Изяслав и другие князья ушли в поход, а посадник погиб, новгородцы посадили у себя в 1060 г. Ростислава. Причем в оправдание своих действий они могли ссылаться на возвращение новгородского стола его законному наследнику.

Правление Ростислава длилось около четырех лет. В 1064 г. он вместе с ближайшими соратниками был вынужден бежать в Тмутаракань. По-ви-

³² А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 611—629.

³³ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 46—59.

³⁴ Там же, стр. 59.

³⁵ Там же, стр. 50.

димому, решительное противодействие Изяслава новгородским планам заставило сторонников молодого князя отказаться от своих намерений. Ведь укрепление на новгородском столе представителя старшей линии в семье Ярославичей недвусмысленно угрожало власти братьев-триумвиров. В памяти современников еще живы были победы северных дружин во главе с новгородскими князьями над их южными соперниками. Ростиславу, а потом и его детям, с оружием в руках пришлось отвоевывать себе место в русских землях. Их родственники упорно стремились избавиться от опасных конкурентов.

Судя по легкости, с которой Ростислав выгнал из Тмутаракани Глеба, его сопровождала большая дружина. Однако противостоять натиску Киева сторонники новгородской вольности не могли. Ставка части новгородского боярства на князя-изгоя оказалась бита. Дата бегства Ростислава указывает и время второго похода Изяслава на чудь. Великий князь в 1064 г. хотел не только наказать взбунтовавшиеся чудские племена, но прежде всего вернуть Новгород в лоно своих владений. Узнав о приближении киевского войска, Ростислав и его приспешники предпочли бежать, чем принять бой, выиграть который у них не было сил. Так неудачей кончилась одна из попыток Новгорода освободиться от власти Киева. Мстислав Изяславич сел на княжение в городе, а дружина его отца огнем и мечом прошла по землям эстонской чуды.

ИНДИКТЫ НАЧАЛЬНОЙ ЛЕТОПИСИ (К вопросу об авторе Повести временных лет)

А. Г. Кузьмин

В летописных списках и исторической традиции сохранились совершенно ясные указания на то, что к началному нашему летописанию имели отношение монах Киево-Печерского монастыря Нестор и игумен Выдубицкого киевского монастыря Сильвестр. Имя Нестора имеется в заголовке Повести временных лет в Хлебниковском списке Ипатьевской летописи. По сообщению В. Н. Татищева, оно читалось также в Раскольниковом и Голицинском списках, имевшихся у него¹. О Несторе-летописце говорит также Киево-Печерский патерик, причем особенно выделяют Нестора Кассиановские редакции XV в.² Вместе с тем в летописях, сходных с Лаврентьевской, после статьи 6618 (1110) г. помещена следующая запись, совершенно бесспорно свидетельствующая об участии Сильвестра в составлении Начальной летописи: «Игумен Сильвестр святаго Михаила написах книги си летописець, надеяся от бога милость прияти, при князи Володимере, княжащю ему Кысве, а мне в то время игуменящю у святаго Михаила, в 6624 г, индикта 9 лета; а иже четьть книги сия, то буди ми в молитвах»³.

О летописце Сильвестре также знала позднейшая традиция. Под 6624 (1116) г. распространенный вариант приведенной выше записи помещен в Никоновской летописи⁴. По данным В. Н. Татищева, запись, аналогичная Лаврентьевской, читалась в Голицинском списке и в летописи Вольтынского, а запись, сходная с припиской в Никоновской летописи,— в Кирилловом летописце (без имени)⁵. В ряде летописей северо-восточной традиции Сильвестр упомянут в качестве первоначального киевского летописца под 1409 г.⁶

Таким образом, позднейшая традиция Печерского монастыря считала автором Повести временных лет Нестора. Летописание Северо-Восточной

¹ В. Н. Татищев. История Российская, т. I. М.—Л., 1962, стр. 123—124.

² Д. И. Абрамович. Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. СПб., 1902, введение.

³ ПСРЛ, т. I. М., 1962, стр. 286.

⁴ ПСРЛ, т. IX. М., 1965, стр. 149.

⁵ В. Н. Татищев. Указ. соч., т. II. М.—Л., 1963, стр. 258, 260.

⁶ ПСРЛ, т. XV. М., 1965, стб. 185 (Рогожский летописец); т. XVIII. СПб., 1913, стр. 159; т. XI. М., 1965, стр. 241.

Руси, получившее Начальную летопись в составе переяславских сводов⁷, напротив, знало только Сильвестра.

Со времен В. Н. Татищева и А. Шлецера создание первого исторического труда приписывалось Нестору. Но со второй четверти XIX в., когда впервые были сопоставлены разные данные о Несторе и рассмотрены бесспорно ему принадлежавшие сочинения, большинство историков стали склоняться к отрицанию за Нестором права считаться Колумбом русской истории⁸. Правда, Нестор нашел и защитников, среди которых следует назвать прежде всего А. А. Шахматова и Д. И. Абрамовича. Именно трудами этих ученых имя Нестора связывается с созданием Повести временных лет.

Здесь не место ставить сложный вопрос о времени написания Нестором житий (Чтение о Борисе и Глебе и Житие Феодосия). С. А. Богуславский отнес их к началу XII в., ко времени после 1108 г.⁹ А. А. Шахматов соглашался с тем, что «если Чтение о Борисе и Глебе и Житие Феодосия составлены Нестором около 1108 г., то он не может быть признан летописцем»¹⁰. Но А. А. Шахматов составление житий относил к 80-м годам XI в. Он пришел к следующему заключению: «Если Нестор был действительно летописцем, если он составил Повесть вр. лет, то в такое время, которое отделено от первых литературных его опытов промежутком в 25 лет. Приемы его творчества за это время могли измениться и усовершенствоваться»¹¹.

Из заключения А. А. Шахматова можно видеть, что отождествить личность летописца и автора житий можно только при допущении, что приемы творчества сочинителя изменились. Слово «усовершенствовались» в данном случае не подходит. Нельзя сказать, чтобы Житие Феодосия стояло в художественном отношении ниже соответствующих рассказов о Феодосии в летописи. Они просто написаны в разной манере.

И А. А. Шахматов и Д. И. Абрамович не сомневались в том, что Начальная летопись является летописным сводом, составленным на основе памятников предшествующего летописания и других источников. Естественно поэтому, что оба автора не приписывали Нестору всей летописи. Речь шла об отдельных конкретных текстах. По мнению Д. И. Абрамовича, «в состав предполагаемой Несторовой летописи входили: Сказание что ради прозвася Печерский монастырь; Слово о первых черноризцах Печерских; Слово о перенесении мощей преп. Феодосия; несколько мелких заметок, наур.

⁷ См.: А. Н. Насонов. Об отношении летописания Переяславля-Русского к Киевскому.— Проблемы источниковедения, вып. VIII. М., 1959.

⁸ П. С. Казанский. Еще вопрос о Несторе.— Временник ОИДР, кн. I, отд. I, 1849; Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, пол. I. М., 1880, стр. 643—647; А. И. Соболевский. В каком году крестился Владимир?— ЖМНП, ч. 257, 1888, стр. 398; С. Богуславский. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора.— ИОРЯС, т. XIX, кн. 1, 3. СПб., 1914; и др.

⁹ С. Богуславский. Указ. соч., кн. 1, стр. 174.

¹⁰ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I. Пг., 1916, стр. 69 (введение).

¹¹ Там же, стр. 77.

о проречении преп. Феодосия и внесении имени его в синодик, о погребении Яневой и др.»¹²

Д. И. Абрамович указал как раз те статьи, в которых присутствует личный момент, т. е. автор, не называя себя, говорит о себе. Хотя не все записи, в которых проявляется личность летописца, можно связать с одним и тем же автором, в названных известиях заметна одна рука. По мнению исследователя, это рука Нестора. А. А. Шахматов первоначально придерживался сходного мнения, еще более ограничивая участие Нестора в летописной работе и относя ее еще к концу XI в.¹³ Позднее А. А. Шахматов стал считать Нестора создателем первой редакции Повести временных лет. Однако все статьи с личным моментом, т. е. те статьи, которые только и приписывал Нестору Д. И. Абрамович, А. А. Шахматов отнес теперь к составителю так называемого Начального свода 1095 г.¹⁴

Таким образом, А. А. Шахматов и Д. И. Абрамович сходятся лишь в признании Нестора летописцем. Но они столь различно оценивают его место в составлении летописи, что их концепции в сущности взаимоисключают друг друга.

Летописный рассказ от первого лица, напоминание о себе естественно предполагает, что летописец где-то называет себя. Это должно быть сделано либо в начале, либо в конце. Разные редакции Начальной летописи и содержат имя летописца либо в начале, либо в конце. При этом имя Нестора упоминается как бы в третьем лице: кто-то со стороны говорит о том, что составителем летописи является Нестор. Имя Сильвестра совершенно явно и подчеркнуто записано в первом лице. Можно, конечно, допустить, что и предполагаемый А. А. Шахматовым Начальный свод содержал авторскую запись, которая не дошла до нашего времени. Однако такое допущение можно будет принять лишь в том случае, если статьи с личным элементом действительно составлены в XI в.

Для решения вопроса о составителе Начальной летописи значительный интерес могут предоставить статьи с индиктным счетом лет.

Счет лет по индиктам — 15-летним отрезкам времени — распространенное явление в греческой хронографии. Время от времени он встречается и в русских памятниках письменности. Русские писцы, однако, не всегда понимали, что это такое. В ряде случаев они путают индикт с неделей. В большинстве текстов, летописных и внелетописных, этот счет вообще не употреблялся. Видимо, индиктный счет был отражением пачитанности в византийской исторической литературе и, может быть, некоторого грекофильства.

¹² Д. И. Абрамович. Нестор.— Русский биографический словарь, т. II. СПб., 1914, стр. 256—257.

¹³ А. А. Шахматов. Житие Антония и Печерская летопись.— ЖМНП, ч. 316, 1898, стр. 117, 128—131, 133, 148.

¹⁴ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. 197—270.

В одной из ранних работ А. А. Шахматов, анализируя некоторые даты Новгородской первой летописи, пришел к заключению, что «составитель Начального свода не был знаком со счетом по индиктам»¹⁵. А. А. Шахматов, как известно, считал, что Новгородская первая летопись отразила Начальный свод 1095 г. Оставляя в стороне этот вопрос, можно отметить, что Новгородская первая летопись действительно не знает тех известий, в которых отразился счет по индиктам. Исключение составляет известие 6623 (1115) г. о перенесении останков Бориса и Глеба. В Новгородской летописи в этом случае кратко изложен пространный рассказ Ипатьевской¹⁶.

Трудно сказать, были ли известия с индиктным счетом в источнике Новгородской первой летописи. Неясно, например, почему этот счет отразился лишь в относительно позднем известии, которое в Лаврентьевской летописи дано кратко и без индикта¹⁷. Но введение статей с индиктным счетом в реконструкцию так называемого Начального свода 1095 г. А. А. Шахматову следовало бы как-то обосновать. В этом случае он противоречит не только своим прежним высказываниям, но и своим критериям для выделения Начального свода.

Известий с индиктным счетом лет в составе Начальной летописи сравнительно немного. С индиктом дается исходная дата летосчисления — 6360 г.¹⁸, договоры 6420 (911) и 6479 (971) гг.¹⁹, кончина Феодосия в 6582 (1074) г. и перенесение его мощей в 6599 (1091) г.²⁰, эпитафия Всеволоду Ярославичу под 6601 (1093) г.²¹ Под 6615 (1107) г. летописец упоминает индикт, кажется, лишь потому, что в этом году заканчивался индиктный круг²².

В Лаврентьевской летописи последняя датировка с индиктом относится к цитированной выше записи Сильвестра. В Ипатьевской летописи с индиктом, кроме того, даны начало 6620 (1112) г.²³, а также упомянутая выше статья 6623 (1115) г.

Разумеется, не может быть уверенности в том, что все статьи с индиктным счетом принадлежат одному автору. Так, в изложении договорного текста 911 г. автор спутал индикт с неделей. Эту путаницу содержат в равной мере и Лаврентьевская и Ипатьевская летописи. Следовательно, такая путаница имела уже в одной из ранних редакций Повести временных лет. Но в целом известная закономерность использования индиктного счета прослеживается. Помимо договорных текстов, с индиктным счетом да-

¹⁵ А. А. Шахматов. Хронология древнейших русских летописных сводов. — ЖМНП, ч. 340, 1897, стр. 467, примечание.

¹⁶ Ср.: ПСРЛ, т. II, М., 1962, стб. 280 и ИЛ, М. — Л., 1950, стр. 204.

¹⁷ ПСРЛ, т. I, М., 1962, стб. 290.

¹⁸ ПСРЛ, т. I, стб. 17; т. II, стб. 12.

¹⁹ ПСРЛ, т. I, стб. 37, 72; т. II, стб. 28, 60.

²⁰ ПСРЛ, т. I, стб. 188, 241; т. II, стб. 178, 203.

²¹ ПСРЛ, т. I, стб. 245; т. II, стб. 207.

²² ПСРЛ, т. I, стб. 281; т. II, стб. 258 — текст испорчен.

²³ ПСРЛ, т. II, стб. 273.

ются рассказы о кончине Феодосия и перенесении его останков из пещеры в монастырь. Иными словами, индиктный счет оказывается тесно связанным с тем комплексом известий, который Д. И. Абрамович относил к Нестору, а А. А. Шахматов в последнее время — к летописцу конца XI в.

Для вопроса об отношении Нестора к Начальной летописи особое значение имеет текст бесспорно ему принадлежащего сочинения — Жития Феодосия. Выше указывалось, что А. А. Шахматов признавал серьезные стилистические расхождения в манере изложения Жития и соответствующих статей Начальной летописи. Но дело не только в литературных особенностях текстов. Характеристика важнейших событий дается с такими расхождениями, будто авторы пишут о разных вещах.

На фактические расхождения текстов Жития и летописи неоднократно обращалось внимание. Они касаются основания монастыря, получения студийского устава с Афона, поставления Стефана, отношения к Никону. Создается впечатление, что автор Жития и летописец пользовались совершенно разными источниками и не знали друг друга или по крайней мере сочинений друг друга. Оба автора смутно представляли себе основание Печерского монастыря и начало деятельности Феодосия. По летописи, основание монастыря относится ко времени после 1051 г. В Житии приводится дата основания Нового Печерского монастыря — 1062 г. Несторово Житие не упоминает даты основания старого монастыря, а летопись — нового.

Сопоставляя данные Жития и летописи, В. А. Чаговец пришел к выводу, что Феодосий родился около 1036 г., стал игуменом в возрасте 26 лет и умер, следовательно, 38 лет²⁴. Едва ли пужно говорить о невероятности такой хронологии. В позднейших летописях есть указание на приход Феодосия к Антонию в пещеру в 1032 г.²⁵ Устюжский летописный свод возраст Феодосия определил в 82 года²⁶. Так или иначе, данные позднейших летописей об основании Печерского монастыря представляются более вероятными. Вполне возможно, что они были заимствованы из Жития Антония, мало известного и скоро утерянного²⁷. И летописец, и автор Жития питались, по всей вероятности, устной традицией. При этом они по существу не идут далее времени Изяслава. Они его не помнят.

Летописная статья 1051 г., рассказывающая об основании Печерского монастыря, заканчивается известным сообщением летописца о его приходе к Феодосию: «И прият мя лет ми сущю 17 от роженья моего»²⁸. Прямое же свидетельство Нестора в Житии Феодосия говорит о том, что он «прият бых в нь (монастырь. — А. К.) преподобнымь игуменомь Стефанъмь и яко же

²⁴ В. А. Чаговец. Преподобный Феодосий Печерский, его жизнь и сочинения. Киев, 1901, стр. 27—28, 38.

²⁵ Новгородские летописи. СПб., 1879, стр. 180 (Новгородская III летопись); ПСРЛ, т. III, стб. 266 (Густинская летопись).

²⁶ Устюжский летописный свод. М.—Л., 1950, стр. 42.

²⁷ Ср.: А. А. Шахматов. Житие Антония и Печерская летопись.

²⁸ ПСРЛ, т. I, стб. 160.

от того острижен быв, и мнѣншскыя одежа съподоблен»²⁹. Историкн не раз пытались примирить процитированные тексты. Но, как отметил еще К. Н. Бестужев-Рюмин, «несогласимость этих двух прямых показаний ясно ведет к тому, что они написаны двумя разными лицами»³⁰. С этим мнением, как отмечалось, должен был в конце концов согласиться и А. А. Шахматов.

А. А. Шахматов не случайно пришел к заключению, что все три главные статьи, рассказывающие о Феодосии под 1051, 1074 и 1091 г., написаны летописцем, жившим несколько ранее Нестора. Летописец по крайней мере знал Феодосия лично и о его смерти говорит как очевидец. Нестор Феодосия не знал вообще. Он писал лишь со слов очевидцев, да и то их было немного. Нестор называет Федора и Илариона, причем о юности Феодосия мог рассказать только Федор, который в свою очередь узнал об этом от самого Феодосия. Очевидно, в окружении Нестора не было людей, помнивших молодого Феодосия, и не исключено, что писал он тогда, когда и свидетелей последних дней основателя монастыря оставалось немного.

В свое время В. Н. Татищев полагал, что Нестор кончил труд в 1093 г., а далее его продолжал Сильвестр. А. А. Шахматов склонен был считать, что в 1093 г. заканчивался Начальный свод, который продолжил и расширил Нестор. При этом добавления, по А. А. Шахматову, коснулись почти исключительно древнейшей части летописного введения. Сильвестру, по схеме А. А. Шахматова, оставалась в сущности роль переписчика.

Между тем маловероятно, чтобы статьи 1051, 1074 и 1091 гг. были написаны еще в XI в. В статье 1074 г. летописец как об отдаленном прошлом рассказывает о монахе Печерского монастыря Исакии, умершем во времена игуменства Иоанна (после 1088 г.). «Тацѣ ти быша черноризци Феодосьева монастыря, — заключает летописец, — иже сияють и по смерти, яко светила, и молятъ бога за сѣе сущюю братью и за мирьскую братью, и за приносяща в монастырь, в нем же и доныне добродетельное житѣе общи вси вкупе...»³¹ Под 1091 г. летописец говорит о близости Феодосия к Яню и «к подружью его Марьи», рассказывает, как сбылось предсказание Феодосия о том, что Марья будет погребена там же, где и Феодосий³². Под 1106 г. летописец сообщает о смерти и самого Яня, от которого он «много словеса слышах, еже и висах в летописаньи семь». Как более позднее припоминание звучат и слова: «Его же и гроб есть в Печерьском монастыри, в притворе, иде же лежит тело его»³³.

Таким образом, нет оснований считать, что автор трех сказаний о Феодосии и Печерском монастыре писал в XI в. Он был очевидцем описывае-

²⁹ Житие Феодосия. Подг. О. Бодянским.— ЧОИДР, 1858, кн. 3, отд. III, л. 31.

³⁰ К. Н. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868, стр. 9.

³¹ ПСРЛ, т. I, стб. 198.

³² ПСРЛ, т. I, стб. 211—212.

³³ ПСРЛ, т. I, стб. 281.

мых событий. Но свой труд он оформлял уже в XII в. Как было отмечено, в статьях 1074 и 1091 гг. употреблен индиктный счет. Нестор индиктного счета не употреблял. Он вообще мало внимания уделял хронологии. В Житии Феодосия приведены лишь дата основания Нового Печерского монастыря (1062 г.) и дата кончины Феодосия, причем в отличие от летописи в этом случае не указан не только индикт, но и час события.

Следы позднего редактирования можно заметить и в статье 1093 г., которую А. А. Шахматов также включил в состав Начального свода. Статья начинается с сообщения о кончине Всеволода, и в этой связи дается индикт. Летописец при этом уточняет: «Недели суци того страстней»³⁴. Едва ли не после 1113 г. был написан и текст, прославляющий Владимира и в известной степени противопоставляющий его Святополку. Летописец заметил также, что разумный совет Владимира перед битвой с половцами поддержали «смыслении мужи Янь и прочии»³⁵. Возможно, это один из тех текстов, который летописец внес со слов Яня. Любопытно, что и в этой статье сохраняется личный момент: «Се бо аз грешный, — говорит летописец, — и много и часто бога прогневаю, и часто согрешаю по вся дни»³⁶. «По вся дни» — тоже элемент позднейшего редактирования, вернее элемент, отделяющий автора от того времени, которое он описывает.

Как можно видеть, все статьи с индиктным счетом, относящиеся ко второй половине XI в., были написаны или по крайней мере редактировались в XII в. В этой связи нельзя не обратить внимание на то, что индиктным счетом пользовался определенно Сильвестр. Статьи 1051, 1074, 1091, 1093 и 1106 гг., как это в сущности отметил еще Д. И. Арбамович, написаны одним автором. В большинстве отмеченных статей присутствует авторское „я“. Авторское „я“ в полной мере звучит и в знаменательной записи Сильвестра.

В другом месте автор настоящей статьи высказал предположение о том, что содержащая индикт дата 6360 г. также могла быть введена Сильвестром взамен иной, читавшейся ранее³⁷. Вполне вероятно, что той же руке принадлежат и тексты договоров, несомненно вставленные в первоначальный летописный текст. Но в последнем случае требуется объяснение причины смешения индикта с педелей. Сильвестр, несомненно, пользовался индиктным счетом вполне сознательно.

Вопрос об отношении Сильвестра к Повести временных лет поднимался неоднократно, и это неудивительно: перед нами редкий случай, когда летописец сам оставил довольно обстоятельную запись, в которой заявил себя автором всего летописного текста. Но Сильвестру не повезло. Так, с легкой руки М. Д. Приселкова, игумен печерский Иоанн, живший в конце XI в.,

³⁴ ПСРЛ, т. I, стб. 246; т. II, стб. 207.

³⁵ ПСРЛ, т. I, стб. 249; т. II, стб. 240.

³⁶ ПСРЛ, т. I, стб. 225; т. II, стб. 246.

³⁷ А. Г. Кузьмин. Хронология Начальной летописи.— Вестник МГУ, серия IX (в печати).

был объявлен создателем в сущности основной редакции Повести временных лет, хотя нет никаких данных в пользу участия его в летописании вообще. Сильвестру же, заявившему претензии на всю Начальную летопись, оставляют в лучшем случае роль редактора, а то и просто переписчика чужого труда. Между тем трудно себе представить, чтобы игумен крупного монастыря, близкого Мономаху, был простым переписчиком, и совершенно невероятно, чтобы Сильвестр решился заявить о своем авторстве, не имея на то права: сам Владимир Мономах и, очевидно, его окружение не гнушались литературными занятиями. Вероятно, интересовались они и летописанием. В таких условиях плагиат легко был бы разоблачен.

Сопоставляя данные за и против Сильвестра, К. Н. Бестужев-Рюмин видел лишь одно серьезное препятствие в признании Сильвестра автором Начальной летописи: почему так мало известий о Михайловском монастыре³⁸. Думается, ответ на этот вопрос дают рассмотренные статьи: Сильвестр до поставления игуменом мог быть монахом Печерского монастыря. По источникам хорошо известно, что из Печерского монастыря выходили многие высшие церковные иерархи: епископы и игумены.

В тексте приписки Сильвестра следует обратить внимание на слова: «А мне в то время игуменяю». Прямой смысл этой фразы говорит о том, что запись Сильвестр делал уже будучи епископом переяславским, которым он стал в 1118 г. В записи он, следовательно, говорит, что летопись была им написана в 6624 (1116) г., когда он был еще игуменом. Теперь, очевидно некоторое время спустя (между 1118 и 1123 гг. — годом смерти Сильвестра) уже в Переяславле, он снова обращается к этой летописи. Трудно сказать, перерабатывал ли он летопись на этот раз. Но, очевидно, только на этот раз появилась известная приписка Сильвестра. Так или иначе, очевидно, не случайно традиция Лаврентьевской летописи, где сохранилась приписка, восходит к летописанию Переяславля Русского.

Таким образом, прямой смысл приписки говорит не только о том, что Сильвестр был автором летописи, но и о том, что он обращался к ней дважды. Весьма вероятно, что Ипатьевская летопись также имеет в основе труд Сильвестра, очевидно, то его сочинение, которое было написано в 1116 г. и которое, возможно, вообще не имело авторской приписки. Это может объяснить, почему так называемые редакции 1116 г. (Лаврентьевская летопись) и 1118 г. (Ипатьевская летопись) настолько близки друг другу, что Б. А. Рыбаков считает правильным «не столько противопоставлять друг другу, сколько рассматривать их как почти две одинаковые книги»³⁹.

В Начальной летописи мало сведений о Михайловском Выдубицком монастыре. Но в ней есть сведения, которые могли представлять для Сильвестра больший интерес, чем сведения о монастыре, постриженником которого он не являлся. Сильвестр проявляет известное внимание к Лазарю —

³⁸ К. Н. Бестужев-Рюмин. Указ. соч., стр. 27.

³⁹ Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963, стр. 285.

своему предшественнику и по Михайловскому монастырю, и по Переяславской епархии. Так, рассказ о перенесении мощей Бориса и Глеба в 1072 г. летопись заканчивает сообщением: «И бе тогда держа Выпегород Чюдш, а церковь Лазорь»⁴⁰. Сообщение об освящении церкви Михаила под 1088 (6596) г. сопровождается замечанием: «А игуменство тогда держацю того манастиря Лазьреви»⁴¹. Под 1105 г. летописец говорит о поставлении Лазаря в Переяславль⁴². В этой связи можно вспомнить и то, что есть основания считать Лазаря автором «анонимного» сказания о Борисе и Глебе⁴³. В летописи дан текст как раз близкий «анонимному» сказанию, а не «Чтению» Нестора.

Изложенные наблюдения дают основания предполагать, что Сильвестр был составителем той летописи, которая дошла до нас в составе Лаврентьевской и отчасти Ипатьевской летописей. Специальный анализ статей с его авторским комментарием может позволить определить характер работы Сильвестра над источниками, выделить тексты, являющиеся продуктом его собственного творчества и, наконец, дать нам образ летописца с его взглядами и интересами. До сих пор большинство исследователей стремились охарактеризовать деятельность Нестора, исходя из текстов определенно ему принадлежавших житий и материала ему не принадлежавшей летописи. Нужно отдать каждому свое, и мы получим двух авторов с весьма различающимися взглядами и стилями.

Позднейшая традиция Печерского монастыря приписывала Нестору написание какой-то летописи. Не исключено, что Нестор оставил труд, в котором Печерский монастырь был представлен полнее, чем в Начальной летописи. Примечательно, что упоминаемый в Киево-Печерском патерике «летописец старый Ростовский» давал больше сведений о выходцах из Печерского монастыря, чем известные редакции Повести временных лет. Возможно и то, что Нестор работал над Начальной летописью после Сильвестра. Ведь его имя значится лишь в списке Ипатьевской традиции. Однако объем работы Нестора установить нелегко. В Ипатьевской летописи чувствуется рука редактора, близкого Мстиславу Владимировичу. Едва ли это рука Нестора. Что же касается самих данных о редактировании летописи около 1118 г., то они могут быть связаны и с Сильвестром, с его второй редакцией: ведь данные о редакции 1118 г. извлекаются и из Ипатьевской, и из Лаврентьевской летописей.

Следует оговориться, что, призывая Сильвестра автором Начальной летописи, необходимо смотреть на него именно как на сводчика. Он, несомненно, пользовался во многом готовыми материалами, в том числе материалами предшествующего летописания.

⁴⁰ ПСРЛ, т. I, стб. 182.

⁴¹ ПСРЛ, т. I, стб. 207.

⁴² ПСРЛ, т. I, стб. 281.

⁴³ Н. Н. Ворониин. «Анонимное» сказание о Борисе и Глебе, его время, стиль и автор.— ТОДРЛ, т. XIII. М.— Л., 1957.

АРХИВЫ СТОЛЬНИКА А. И. БЕЗОБРАЗОВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

А. Ф. Кузьмина

Документы частных вотчинных архивов XVII в. являются ценным источником для изучения экономической, социальной и бытовой истории России того времени. Частично они опубликованы, другие дожидаются выявления и публикации. В областных музеях и архивах есть еще невыявленные материалы вотчинных архивов. Например, в Калужском областном музее хранится коллекция документов вотчинного архива стольника И. И. Киревского конца XVII — начала XVIII в.

Частные архивы составили источниковедческую базу ряда исследований и публикаций дореволюционных и советских ученых. М. И. Семевским в 1869 г. были опубликованы документы ростовского помещика Мещеринова¹. Через два года И. Е. Забелин издал работу о хозяйстве боярина Б. И. Морозова².

В начале XX в. были опубликованы материалы из семейного архива Арсеньевых последней четверти XVII в.³ В 1903 г. Ю. Арсеньев издал интересную переписку боярина князя Н. И. Одоевского с его галицкой вотчиной с. Покровским (1650—1684)⁴.

Частично сохранились и изданы документы архива Я. К. Черкасского⁵.

В 1917 г. вышли в свет работы А. И. Заозерского о дворцовом хозяйстве Алексея Михайловича⁶, С. Гатцука об архиве Борцовых⁷.

В советское время широко развернулась работа по изучению сохранившихся вотчинных архивов XVII в.

С. Я. Фрязинов опубликовал архив Волженских⁸.

¹ См.: ЧОИДР, 1869, кн. 4, разд. V.

² И. Е. Забелин. Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве. — Вестник Европы, 1871, № 1, 2.

³ ЧОИДР, 1901, кн. 4, разд. IV.

⁴ ЧОИДР, 1903, кн. 2, разд. IV.

⁵ См.: И. М. Катарсов, А. К. Кабанов. Описание актов собрания графа А. С. Уварова. М., 1905.

⁶ А. И. Заозерский. Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве. Пг., 1917. Вторым изданием эта книга вышла под названием «Царская вотчина в XVII в.» (М., 1937).

⁷ С. Гатцук. Архив Борцовых (Опыт использования фамильных бумаг). Чернигов, 1917.

⁸ Тр. Костромского научного общества по изучению местного края, вып. XIII, второй исторический сборник, 1919.

В 1927 г. вышла работа Ф. А. Рязановского о хозяйстве Мещериновых⁹.

Наибольший интерес по полноте и разнообразию документов XVII в. представляют собой архивы Б. И. Морозова и А. И. Безобразова. Архив Б. И. Морозова, самого крупного землевладельца середины XVII в., сохранился в составе фондов Московской оружейной палаты (бывший Дворцовый архив), в настоящее время хранится в ЦГАДА¹⁰.

Второй крупный частный архив XVII в., насчитывающий около 2500 листов различных документов, принадлежал стольнику А. И. Безобразову. В 1690 г. он был осужден и казнен как причастный к делу Ф. Л. Шакловитого. Все его имущество, в том числе и переписка, было опечатано и конфисковано. Вероятно, переписка поступила в Приказ розыскных дел, который помещался рядом с Разрядом и был связан с последним через боярина Т. Н. Стрешнева, ведавшего обоими приказами. Поэтому переписка сохранилась и дошла до нас в составе других фондов ЦГАДА. В библиотеке имени В. И. Ленина имеется небольшая часть переписки А. И. Безобразова¹¹, попавшая туда в составе фонда И. Д. Беляева. Небольшая часть обширной переписки А. И. Безобразова была опубликована А. А. Востоковым¹², И. Д. Беляевым¹³, а также в «Розыскных делах о Ф. Л. Шакловитом»¹⁴. Документы в архиве А. И. Безобразова сохранились неравномерно: за период с конца 60-х годов до 1689 г. По некоторым владениям материалы за отдельные годы совсем не сохранились, по другим — с пробелами. Материалы архива А. И. Безобразова использованы в монографии А. А. Новосельского¹⁵ и в статье Л. М. Курлаева¹⁶.

Институт русского языка АН СССР издал частную переписку А. И. Безобразова с родственниками и друзьями¹⁷. Два тома хозяйственной переписки А. И. Безобразова с приказчиками, выборными крестьянами и т. д. подготовлены к печати Институтом истории АН СССР.

⁹ Ф. А. Рязановский. Крестьяне Галичской вотчины Мещериновых в XVII—XVIII вв. Галич, 1927.

¹⁰ Архив опубликован — см.: Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова, ч. 1—2. М.—Л., 1940—1945.

¹¹ ГБЛ, Отдел рукописей, собрание И. Д. Беляева, д. 1639. Это отдельные отписки приказчиков, росписи, грамоты А. И. Безобразова, которые, помимо новой карандашной валовой нумерации, имеют старую, причем разрозненную. Переписка А. И. Безобразова, находящаяся в собрании И. Д. Беляева, является составной частью стб. 599 Московского стола Разряда в ЦГАДА.

¹² Русская старина, 1890, т. 2.

¹³ Временник ОИДР, IX, 1851; XVII, 1853; XXI, 1855; ЧОИДР, 1888, кн. 1.

¹⁴ Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках, т. 2, СПб., 1885.

¹⁵ А. А. Новосельский. Вотчинник и его хозяйство в XVII в. М.—Л., 1929.

¹⁶ Л. М. Курлаев. Положение крепостных крестьян в боярском вотчинном хозяйстве в XVII в.— Сборник статей студентов исторического факультета МГПИ им. Либкнехта. Кн. 3. Работы по истории СССР. М., 1939.

¹⁷ Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (Из фонда А. И. Безобразова). М., 1965.

Ниже дается краткий обзор материалов архива А. И. Безобразова. Для сравнения иногда привлекаются документы из других вотчинных архивов.

Землевладельцы, находясь на царской службе, часто жили в Москве или в других городах, отдаленных от их земельных владений. Оттуда они переписывались с приказчиками своих владений. Вся документация, шедшая от помещика к приказчику, например у князя Черкасского, проходила через канцелярию, которая носила название «писцей избы» («приказчицей избы») ¹⁸. В этой избе сидели подьячие; они либо были «застольными», либо получали «месячину». Имеются отдельные указания на получение ими денежного жалования. В 1662 г. они просили дать им прибавку, так как «на Москве почало быть все дорого», и сделать так, как было заведено у Морозова; давать по 2 деньги с каждого крестьянского двора дополнительного сбора в пользу подьячих. Черкасский согласился и утвердил этот сбор также и на последующие годы.

У Безобразова на московском дворе не было подобного учреждения ¹⁹. Он сам вел переписку с каждым деревенским приказчиком, но, разумеется, писали его распоряжение наиболее опытные и близкие к нему столичные приказчики.

Отправлялись бумаги с оказией, сразу по нескольку. Нарочные посылались редко. В большинстве случаев письма передавались с жителями вотчин, приезжавшими в Москву: с крестьянами, священниками, с самими приказчиками. Письма доставлялись обычно через несколько дней (иногда через 5—8 дней). Но иногда бумаги из Москвы до места назначения доходили нескоро, причиной этому могли быть распутица, разливы рек, метели, болезнь посыльного. Любопытно, что в одном из частных писем Н. И. Одоевского, относящемся к 1687 г., упоминается, что «грамотки ваши к нам высылали с своими чрез почту» ²⁰. В архивах же Безобразова, Одоевского, Черкасского, Морозова мы не находим подобных сведений. Обычно помещики пользовались оказией или специальными «ходаками» ²¹.

Значительную группу документов частно-вотчинных архивов составляют памяти-наказы и грамоты вотчинника представителям местной вотчинной администрации. Посылая приказчика в свое владение, вотчинник обычно давал ему инструкцию, а крестьянам посылал «наказ». Такой «наказ» имеется, например, в переписке одного из Одоевских ²². Подобные же указы есть и в переписке боярина Б. И. Морозова. У А. И. Безобразова они называются «памятями», или «наказными памятьми» ²³. Памяти из архива Безобразова более полно освещают круг деятельности приказчиков по

¹⁸ И. М. Катаев, А. Ю. Кабанов. Указ. соч., стр. 451.

¹⁹ А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 51.

²⁰ ЧОИДР, 1859, кн. 2, разд. V, стр. 49.

²¹ ЦГАДА, ф. 1257, стб. 3, лл. 201, 236—239, 270, 271 и др.

²² Ю. Арсеньев. Ближайший боярин кн. П. И. Одоевский и его переписка с Галицкой вотчиной (1650—1684 гг.) — ЧОИДР, 1903, кн. 2, разд. I, стр. 56.

²³ ЦГАДА, ф. 1257, стб. 6, лл. 137—142, 173—181 и др.

сравнению с аналогичными документами из архива Одоевского. В памятях давались указания о том, что обязан был делать приказчик (следить за крестьянами, собирать налоги, отсылать их в Москву, следить за целостью боярских лугов и лесов и т. д.). В наказных памятях вотчинник давал более конкретные задания на определенный срок (починить мельницу, почистить пруд, вырубить лес, заготовить кирпич и т. д.). Наказные памяти посылались довольно часто. В переписке Морозова тоже имеются подобные памяти. Эти памяти очень близки по своему содержанию к грамотам вотчинника. Но грамота была обычно ответом на отписку приказчика, и поэтому помещик в грамоте излагает сначала содержание полученного донесения, а затем дает ответ и делает свои распоряжения. А памяти он начинает словами «Памяти человеку моему...» и затем дает сразу же указания и различные распоряжения²⁴.

Указания и распоряжения как в памятях, так и в грамотах даются одни и те же, они касаются управления хозяйством, деревней, сбора налогов и других вопросов.

В архиве А. И. Безобразова сохранилось довольно много черновиков, грамот и памятей, которые начинались так: «Отписать человеку моему...», а далее делались всевозможные указания приказчикам, старостам и выборным крестьянам. Большинство черновиков писалось на оборотах уже ранее написанных писем и имеет много собственноручных исправлений и дополнений А. И. Безобразова²⁵. По-видимому, с этих черновиков переписывались «грамоты» и отсылались приказчикам. Эти разновидности документов очень интересны тем, что они ярко рисуют роль владельца в руководстве всем хозяйством.

В наибольшем количестве дошли до нас отписки приказчиков. На корреспонденцию помещика приказчики, старосты и выборные крестьяне отвечали отписками²⁶, в которых отражалась вся хозяйственная жизнь русских сел и деревень. Приказчики не имели права самостоятельно решать вопросы продажи, покупки, обмена, сдачи в аренду земель, мельниц. Они должны были все согласовывать с владельцем. Приказчик обязан был доносить о всех случаях неповиновения крестьян, их бегстве из вотчины, о всех стихийных бедствиях (неурожаях, засухах, граде, пожарах и т. д.), влиянии их на крестьян. В переписке имеются сведения о боярской запашке, оброках, о сельскохозяйственных орудиях²⁷, бедственном положении крестьян²⁸.

²⁴ Там же, стб. 5, лл. 17, 21 и др.

²⁵ Там же, стб. 3, лл. 99 и др.

²⁶ Там же, стб. 3, лл. 127, 196—196 об., 197 и др.

²⁷ Там же, стб. 3, лл. 73 об., 120 и др.

²⁸ Так, приказчики писали, что митинские крестьяне «все пошли в мир, не спрашиваючи» (там же, л. 173), а «подчерневские мужики ходят по деревням, подбираются хлебом и сеном» (там же, л. 125), а часть крестьян бежала (там же, лл. 73 об., 181, 185 и др.).

Иногда свои «грамотки» приказчики называют «письмами»²⁹, но такие случаи встречаются редко; чаще же всего свои послания они именуют «отписками»³⁰.

Эти документы являются важным источником для изучения положения крестьян, организации хозяйства вотчины и т. д.

К отпискам и «грамоткам» очень часто для учета прилагали росписи. Сохранились росписи «столового обиходу», «высеченного леса», «заемного хлеба», об изготовлении лавок, колод, росписи, «с ково что взято за подводы денег с суздальских крестьян», росписи раздачи кур крестьянам «для разводу», росписи, «что взято с белевских крестьян оброчного и вытного мяса», росписи посеянного на боярина ярового хлеба, выдачи месячины дворовым людям и др.³¹ В свою очередь в Москве на боярском дворе при приеме «столового запаса», оброка и т. д. московские приказчики составляли приемочные росписи. Очень часто эти росписи имеют собственноручные пометы владельцев, например А. И. Безобразова, о приеме зерна, холстов, кож.

Росписи составлялись и при приеме имущества новым приказчиком от предыдущего, при смене старост³².

У Безобразова существовал еще один вид росписей — ссудные. Он давал крестьянам на семена гречу, овес, рожь³³, а они должны были возвращать ему осенью с процентами. У Морозова существовали книги с записями о хлебных ссудах крестьянам³⁴. Росписи крестьянского скота и количества их посевов встречаются гораздо реже.

В вотчинных архивах сохранилась небольшая группа документов, исходящая от крестьян, — их челобитные. Они имеются в архивах Безобразова, Морозова, Одоевского, Волежских и др. Челобитные содержат, пожалуй, наиболее яркие факты, свидетельствующие о тяжелом положении крестьян в XVII в. Крестьяне просят отсрочить платежи, уменьшить оброк, перевести в бобыли, жалуются на притеснения администрации. В них говорится о том, что положение крестьян было настолько тяжелым, что им

²⁹ «Да послал я х тебе, государь Андрей Ильич, ходака с письмами...,— писал приказчик с. Никольского,— а ко мне он не бывал и писем не принашивал» (там же, стб. 3, л. 201).

³⁰ «А в Мицулинском, государь, селе и з деревнями крестьяне по сю отписку дал бог здарова» (там же, л. 279).

³¹ Там же, стб. 3, лл. 194, 200, 202, 219, 221—223 об., 241—251, 287 и т. д.

³² Так, например, в архиве Безобразова имеется роспись о приеме боярского имущества новым старостой у прежнего. Эта роспись большая по размеру и штемпельная по содержанию, так как она дает важные сведения о всестороннем хозяйстве любимой боровской вотчины А. И. Безобразова — с. Курилова (Спасского). В роспись включается все от «боярского хлеба и судов деревянных и склянных и всякой рухляди» до скота, топоров и пилы (ЦГАДА, ф. 4257, стб. 3, лл. 215—218). Иногда встречаются менее подробные росписи (там же, лл. 119 и др.).

³³ Там же, стб. 3, лл. 287—290.

³⁴ Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова, ч. 1. М.—Л., 1940, стр. 100.

приходилось питаться травой³⁵, поэтому они просят своих владельцев разрешить им идти кормиться «в мир» или снять с них на несколько лет тягло³⁶. Эти документы относятся в основном к голодным 70-м годам XVII в., когда крестьяне не могли сводить концы с концами и вынуждены были покидать насиженные места. В 1673 г. одни «крестьяншика в мир кормитца разбрелися», другие «выбежали и живут на Ватрасе»³⁷ (вотчина Одосевских).

Встречаются и различные другие документы: «распросные речи» крестьян или приказчиков по всякого рода конфликтным вопросам, «распросные речи» — отчеты холопов, посылаемых владельцем для проверки деятельности вотчинной администрации. Последние интересны тем, что в них часто выявляются злоупотребления деревенских должностных лиц³⁸.

Среди переписки находятся также поступные записи детей боярских на пустоши, пашни и т. д., изветные челобитные старост и приказчиков, допросные и пыточные речи, приговоры, копии царских грамот воеводам о землевладениях, копии выписок из Разряда по вопросам тяжб вотчинников с соседями (например, Безобразова с Ловчиковыми), сказки крестьян, намятки (мелкие заметки для памяти), полюбовные росписи братьев Ф. И. и А. И. Безобразовых по Ржевскому уезду и т. д.

Материалы вотчинных архивов дают возможность исследовать многие важные стороны социально-экономической истории, в частности изучить процесс развития помещичьего и крестьянского хозяйства, положение и формы эксплуатации крестьян и холопов, виды феодальной ренты, быт крепостного крестьянина и помещиков, организацию аппарата феодального угнетения. Эти документы приводят данные о состоянии земледелия в XVII в.

Важны они и для изучения истории живого русского языка. По яркости языка и близости его к живой разговорной речи русских людей XVII в. документы вотчинных архивов являются незаменимым источником для лингвистов.

Краткий обзор документов частновладельческих вотчинных архивов показывает их большую важность для исследования социально-экономических процессов, происходивших в Русском государстве в XVII в.

³⁵ ЧОИДР, 1903, кн. 2, разд. IV, стр. 96, 98, 99.

³⁶ ЦГАДА, ф. 1257, стб. 3, л. 73, 93 и др.

³⁷ ЧОИДР, 1903, кн. 2, разд. IV, стр. 67.

³⁸ ЦГАДА, ф. 1257, стб. 3, лл. 133—135, 212—214 и др.

ПОДДЕЛКИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ИЛИ МНИМЫЕ?

В. А. Кучкин

Более 30 лет назад С. Н. Валк в работе о начальной истории древнерусского частного акта в качестве подтверждения своей мысли о подложности ряда древнейших русских частных актов указал на данную Саввы Дмитриевича Сюзева нижегородскому Благовещенскому монастырю на пустошь селище Спасское на р. Куллюсерме в Курмышском уезде с «бортым ухажеем» «промеж Урги и Уронги и Мигины»¹.

О фальсификации данной, по мнению С. Н. Валка, говорило прежде всего ее странное начало: «Лета 6907. Божиею милостию се яз Сава Дмитриевич Сюзев...» По наблюдениям С. Н. Валка, дата в частном акте вообще появляется в конце XV в., а дата, стоящая в начале акта, — явление еще более позднее. К тому же при принятии даты грамоты срок настоятельства упомянутого в ней архимандрита Малахии должен был бы исчисляться по меньшей мере 37 годами, что исследователю представлялось маловероятным. Необычна и формула «божиею милостию», встречающаяся лишь в митрополичьих (а впоследствии — и царских) грамстах. Накопец, как полагают ученые, на подложность данной указывало само ее происхождение. Подлинник грамоты не сохранился. Древнейшая копия дошла в составе известного сборника копий грамот русской митрополии и патриархии, в настоящее время хранящегося в Синодальном собрании ГИМ под № 276 (далее — ГИМ, Синод, № 276). Копия данной С. Д. Сюзева была сделана весьма поздно. Ее нет ни в основном тексте 10-й главы сборника, содержащей нижегородские акты, ни в первой группе приписок к основному тексту. Она есть только во второй группе приписок. Подлинника не было по крайней мере уже в 1621 г., когда при земельном споре с черемисами (мари) власти Благовещенского монастыря предъявили не подлинник данной, а лишь заверенную патриархом Иовом ее копию, снятую с текста грамоты, помещенной в упомянутом сборнике (ГИМ, Синод, № 276)².

¹ С. Н. Валк. Начальная история древнерусского частного акта.— Сб. Вспомогательные исторические дисциплины. М.— Л., 1937, стр. 315—316. Данная С. Д. Сюзева цитируется по изданию АФЗХ, т. I. М., 1951, № 246 с поправками, указанными в АСВР, т. III. М., 1964, № 295.

² В настоящее время правая грамота, выданная нижегородскому Благовещенскому монастырю после 3 апреля 1622 г., которую имел в виду С. Н. Валк, напечатана: АФЗХ, т. III. М., 1961, № 64, стр. 108—115.

Причину подделки С. Н. Валк объяснял заинтересованностью властей нижегородского Благовещенского монастыря в исходе земельного спора с местными черемисами. Источником же фальсификата исследователь считал жалованную грамоту 1423 г. великого князя Василия Дмитриевича Благовещенскому монастырю на ряд земель, среди которых были упомянуты и пустоши Саввы Сюзева.

Таковы были наблюдения С. Н. Валка, заставившие его сделать вывод о подложности данной Саввы Сюзева и о составлении ее по образцу митрополичьих грамот при канцелярии главы русской церкви.

Продолжительное время данная С. Д. Сюзева не была предметом специального изучения. Издавший ее в 1951 г. по сборнику ГИМ, Синод., № 276 Л. В. Череннин не снабдил акт никакими примечаниями³. Отношение издателя к опубликованному им документу осталось невыясненным. То же можно сказать и относительно издания грамоты И. А. Голубцовым в третьем томе капитальной публикации «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси»⁴.

Лишь сравнительно недавно к анализу данной С. Д. Сюзева обратился А. А. Зимин⁵. Он полностью поддержал мысль С. Н. Валка о ее подложности. Более того, в обширной статье о фальсификации актовых материалов в России в XVI—XVII вв. А. А. Зимин наряду с данной С. Д. Сюзева причислил к фальсификатам и данную Митрофана Филиньева сына Изинского тому же нижегородскому Благовещенскому монастырю на пустошь на Платинском овраге⁶. К такому выводу исследователь пришел на основании следующих соображений: «Обе грамоты написаны по одному шаблону, резко отличающемуся от формуляра актов конца XIV — начала XV в.; например, начальные слова «божией милостью» — напоминают грамоты митрополитов XVI в., но отсутствуют в данных конца XIV в. В начале же грамот помещена дата, и притом весьма точная, хотя частные акты конца XIV — нач. XV в. обычно не датируются; в более позднее время (XVI в.) датировка помещается в конце документа. Архимандритом Малахий был, несомненно, позднее конца XIV в. Оба разбираемых акта отсутствуют в основном тексте копийной книги актов московских митрополитов 30-х годов XVI в. (Синод., № 276) и фигурируют в качестве приписок, сделанных в начале 90-х годов XVI в.»⁷ В копийной книге нижегород-

³ АФЭХ, т. 1, № 246. Как отметил И. А. Голубцов, текст издан не вполне точно. См.: АСВР, т. III, № 295, примечание.

⁴ АСВР, т. III, № 295.

⁵ А. А. Зимин. К изучению фальсификации актовых материалов в Русском государстве XVI—XVII вв. — Тр. Московского государственного историко-архивного института, т. 17, 1963, стр. 400—404.

⁶ Списки и издания данной М. Ф. Изинского приведены у А. А. Зимина (А. А. Зимин. Указ. соч., стр. 400, примечание 6).

⁷ В примечании 8 к этому месту указано, что «почерк приписок тот же, что и почерк грамоты 7096 г. с приписью 7099 г. (ср. л. 371)».

ского монастыря (и в списке с грамоты Саввы Сюзева, хранящемся среди Грамот Коллегии Экономии) указано, что списки с обоих разбираемых актов сделаны с патриаршей книги крепостей и заверены патриархом Иовом (не ранее 1589 г.). В то же время все другие древнейшие нижегородские акты помещены в копияной книге Благовещенского монастыря снятыми с митрополичьих книг. Получается противоречие: грамоты записаны в патриаршую книгу в начале 90-х годов XVI в., тогда же с них по этой книге сняты были копии для нижегородского монастыря. Если бы имелись подлинники, то копии были бы сняты именно с них, — очевидно, подлинников не было, а записи в патриаршей книге сфальсифицированы. Можно назвать и основания для подделки: это грамота великого князя Василия Дмитриевича от 1423 г., где упомянут и архимандрит Малахий и пустоши монастырские на Лыскове и на Курмыше, Савины Сюзева пустоши да Митроховская пустошь⁸.

Как видно, аргументация С. Н. Валка о данной Сюзева почти полностью повторена А. А. Зиминим. Но распространяя характеристику особенностей формуляра грамоты С. Д. Сюзева, данную С. Н. Валком, на формуляр грамоты М. Ф. Изинского, А. А. Зимин допустил некоторую неточность. В данной М. Ф. Изинского нет слов «божиею милостию», и поэтому считать, что «обе грамоты написаны по одному шаблону», нельзя. Хотя в работе о фальсификациях в Русском государстве XVI—XVII вв. и нет новых наблюдений над формуляром грамот С. Д. Сюзева и М. Ф. Изинского, однако здесь приведены данные, уточняющие их происхождение. Прежде всего, А. А. Зимину удалось определить время, когда в сборник ГИМ, Синод., № 276 попали копии обеих грамот. Он обратил внимание на то, что данные С. Д. Сюзева и М. Ф. Изинского написаны тем же почерком, что и грамота от 31 марта 1588 г. царя Федора Ивановича нижегородскому воеводе князю Ф. И. Кривоборскому по челобитью властей Благовещенского монастыря с «приписью» 1590/91 г. Следовательно, копии с обеих данных были занесены в копияную книгу не ранее начала 90-х годов XVI в. А. А. Зимин указал также, что в 1588 г. при споре с черемисами власти Благовещенского монастыря ссылались не на грамоты С. Д. Сюзева и М. Ф. Изинского, а на писцовую книгу 1559/60 г. Следовательно, в 1588 г. грамот у монастыря не было. Грамоты появились скорее всего после размежевания монастырских и черемисских земель 1588/89 г., которое монастырь не удовлетворило. «Поскольку споры с черемисой не уменьшались, — пишет А. А. Зимин, — монахи стремились обеспечить свои претензии на спорные земли хотя бы видимостью правовой документации»⁹. Источником данных С. Д. Сюзева и М. Ф. Изинского, по мнению А. А. Зимина, послужила писцовая книга 1559/60 г.

⁸ А. А. Зимин. Указ. соч., стр. 401—402.

⁹ Там же, стр. 402.

Таковы дополнительные соображения о подложности грамоты С. Д. Сюзева, а также М. Ф. Изинского, выдвинутые А. А. Зиминим. Не вполне ясной остается лишь его точка зрения на место подделки. Из утверждения, что «записи в патриаршей книге сфальсифицированы», можно как будто понять, что фальсификация произведена в патриаршей канцелярии, к чему склонялся и С. Н. Валк. Но из замечания о том, что монахи стремились обеспечить свои права «видимостью правовой документации», следует, что подделыватели — старцы нижегородского Благовещенского монастыря.

Таковы существующие в настоящее время в литературе аргументы относительно подложности данных С. Д. Сюзева и М. Ф. Изинского. Все аргументы можно свести к двум основным: необычности формуляра грамот и существованию лишь списков грамот при отсутствии подлинников. С вопроса о происхождении списков и следует начать анализ обоих упомянутых актов.

Как показали исследования С. Н. Валка и А. А. Зимина, древнейшие тексты данных С. Д. Сюзева и М. Ф. Изинского сохранились в копиях в сборнике русской митрополии и патриархии (ГИМ, Синод., № 276)¹⁰. Помещены они в 10-й главе сборника среди других актов нижегородского Благовещенского монастыря. С. Н. Валк вполне справедливо пишет о том, что грамота С. Д. Сюзева (А. А. Зимин добавляет — и М. Ф. Изинского) относится ко второй группе приписок к основному тексту 10-й главы. Ознакомление со сборником ГИМ, Синод., № 276 показывает, что грамоты, изданные в 1 томе АФЗХ под № 230—240 включительно, написаны одним почерком и по всем показателям — самым ранним (лл. 272—278). Вторым почерком написаны грамоты, опубликованные в том же издании под № 241—243 включительно (лл. 278—279об.), и, вероятно, грамота № 229 (лл. 271об.—272). Наконец, третьим почерком, довольно небрежной скорописью, в сборнике скопированы тексты грамот № 244—246 включительно (лл. 279 об.—280 об.), а также, как верно указал А. А. Зимин, тексты на лл. 371—373 об., теперь напечатанные в III томе АФЗХ под № 21 и 25. Речь, следовательно, должна идти о помещении в копиями книгу не только данных С. Д. Сюзева и М. Ф. Изинского, а целого комплекса актов Благовещенского монастыря. В этот комплекс, помимо данных С. Д. Сюзева и М. Ф. Изинского, упомянутой выше грамоты царя Федора Ивановича нижегородскому воеводе от 31 марта 1588 г., входят указная с прочетом грамота Ивана Грозного от 2 сентября 1547 г. и выписка из писцовой книги 1590/91 г. писцов С. Горышкина и В. Спиридонова на вотчину Благовещенского монастыря дер. Плотинскую. Эту выписку А. А. Зимин определил как «припись» к грамоте от 31 марта 1588 г., по это отдельный

¹⁰ Другие списки и публикации данной С. Д. Сюзева указаны А. А. Зиминим (А. А. Зимин. Указ. соч., стр. 400, примечание 6) и И. А. Голубцовым (АСВР, т. III, № 295, легенда и примечания).

документ, и Л. В. Черепнин с полным основанием напечатал его отдельно от грамоты царя Федора. Все указанные документы были, таким образом, внесены в копияную книгу после 1590/91 г., вероятнее всего, после получения патриаршей канцелярией писцового описания вотчины Благовещенского монастыря дер. Плотинской, так как следующие за выпиской в книге акты написаны уже другими почерками. То, что весь комплекс документов кончается писцовой выпиской, объясняет его происхождение. Становится очевидным, что все остальные акты комплекса, в том числе данные С. Д. Сюзева и М. Ф. Изинского, были представлены властями Благовещенского монастыря писцам при производстве писцовых работ в 1590/91 г. и вместе с материалами описания отправлены в Москву в канцелярию патриарха (Патриарший дворец).

Регистрация старых крепостей на землю, производившаяся при писцовых описаниях, к концу XVI в. стала уже давней и широко распространенной практикой. Хорошо известны и факты включения в писцовые книги или приложения к ним старых документов, особенно когда речь шла о спорных землях. Подобный случай имел место и в отношении актов нижегородского Благовещенского монастыря. Как явствует из челобитной архимандрита этого монастыря Максима, пересказанной в царской грамоте от 31 марта 1588 г., благовещенскими землями — с. Мигиным с деревнями, деревней Плотинским врагом, «усадищем» Спасским на реке Суре и Обакумовским «бортным ухोजеем» — владели черемисы Ядринской волости, а монастырскими рыбными ловлями на р. Суре — василегородский городской приказчик Несвитай Василисов¹¹. Поэтому писцы и взяли из монастырского архива документацию на спорные владения: указную грамоту с прочетом от 2 сентября 1547 г., в подтверждении которой от 17 мая 1551 г. упоминались сурские воды; данную М. Ф. Изинского на пустошь на Плотинском овраге; данную С. Д. Сюзева на пустошь селище Спасское с прилегающим к нему «бортным ухोजеем» и, наконец, царскую грамоту от 31 марта 1588 г., где за Благовещенским монастырем были записаны те его земли, леса и воды, о которых бил челом архимандрит Максим. Таким образом, появление в копияной книге копий с грамот С. Д. Сюзева и М. Ф. Изинского не представляло собой ничего экстраординарного. Наоборот, включение в патриарший сборник копий, к тому же с целого комплекса актов, вполне отвечало сложившейся практике.

Указание на то, что Благовещенский монастырь до 1588 г. не имел в своем распоряжении данных С. Д. Сюзева и М. Ф. Изинского, так как монастырские власти в своей челобитной ссылались не на данные, а на писцовые книги, нуждается в уточнении. Такое указание обосновывается на уже упоминавшейся грамоте с прочетом царя Федора Ивановича нижегородскому воеводе князю Ф. И. Кривоборскому от 31 марта 1588 г. Здесь

¹¹ АФЗХ, т. III, № 21, стр. 40.

действительно имеется ссылка на писцовые книги 1559/60 г., а также на книги 1587/88 г. и 1577/78 г. Но ссылки эти принадлежат не монастырским властям. Анализ грамоты от 31 марта 1588 г. показывает, что ее основной текст состоит из трех частей. Первая представляет собой пересказ челобитной Благовещенского архимандрита Максима. Трафаретное выражение: «И нам бы Благовещенского монастыря архимарита Максима з братиею пожаловати...» и т. д. указывает на окончание этого пересказа. В самом пересказе ссылок на какие-либо грамоты или писцовые книги нет. Вторая часть грамоты — выписки из писцовых книг 1559/60, 1587/88 г. и 1577/78 г. По сути, это справки, сделанные в одном из центральных приказов, о спорных вотчинах Благовещенского монастыря, также совершенно обычный прием русской делопроизводственной практики при рассмотрении поземельных дел. Третья часть грамоты — постановляющая. Очевидно, что указания на писцовые книги принадлежат не челобитчикам — монастырским властям, а правительству. Поэтому было бы неосторожно на основании грамоты 1588 г. делать вывод об отсутствии в то время в архиве Благовещенского монастыря данных С. Д. Сюзева и М. Ф. Изинского.

Не должно смущать и отсутствие подлинников обеих данных. Как ни парадоксально, но именно наличие подлинников этих грамот явилось бы компрометирующим обстоятельством. Дело в том, что ни один акт нижегородского Благовещенского монастыря до середины XVI в. в подлиннике не дошел¹². От второй половины XVI в. в подлинниках сохранились лишь два акта¹³. Характерно также, что ни один документ, даже конца XVI в., входивший вместе с данными С. Д. Сюзева и М. Ф. Изинского в перечисленный выше комплекс актов, в подлиннике не сохранился. Впрочем, это особенность не только актов митрополичьего (позднее — патриаршего) Благовещенского монастыря. Это судьба всего митрополичьего архива. Древнейшая часть митрополичьего архива была утрачена довольно рано, по-видимому, в конце XVI — начале XVII в. Во всяком случае, в описях патриаршей казны 1634 и 1658 гг. уже не упоминается ни одного подлинного акта, относящегося ко времени до XVI в.¹⁴ Таким образом, отсутствие подлинников данных С. Д. Сюзева и М. Ф. Изинского лишь отражает общую закономерность и не может служить доводом в пользу подложности обоих актов.

¹² Л. В. Черепнин полагал, что в подлиннике дошла жалованная грамота великого князя Дмитрия Юрьевича Шемяки нижегородскому Благовещенскому монастырю от 14 марта 1446 г., хранящаяся в ГИМ, Увар. карт. 41/49 (XV), № 47 (АФЗХ, т. III, стр. 379, примечание 1). Однако в самом тексте грамоты указано, что это «список с книг с митрополичих» (АСВР, т. III, № 297).

¹³ Напечатаны в АФЗХ, т. III, № 6 и 32.

¹⁴ См.: АФЗХ, т. III, стр. 372—377. Как видно из документов 1621 и 1628 гг., власти Благовещенского монастыря к тому времени имели у себя только списки с древних актов (АФЗХ, т. III, № 64; АСВР, т. III, № 294, 297).

Конечно, может возникнуть вопрос, почему же данные С. Д. Сюзева и М. Ф. Изинского, если они подлинные и ранние, не сразу попали в митрополичий копияный сборник. Ответить можно ссылкой на жалованную грамоту князя Бориса Константиновича нижегородскому Благовещенскому монастырю, данную 8 декабря 1393 г. на рыбные ловли по р. Суре. Грамота не вызывает сомнений в подлинности. Она является древнейшим актом Благовещенского монастыря. И тем не менее она попала в митрополичий сборник позднее первоначальных копий благовещенских грамот. Приведенный пример, конечно, не есть прямой ответ на поставленный вопрос. Он только показывает, что при составлении древнейшего ядра копияной книги ГИМ, Синод., № 276 учитывались лишь основные документы на монастырские владения. В частности, основным документом на пустоши С. Д. Сюзева и М. Ф. Изинского были признаны не их данные, а жалованная грамота великого князя Василия Дмитриевича от 20 февраля 1423 г. (или 1424 г., если 6931 год грамоты — мартовский), закреплявшая за Благовещенским монастырем вклады двух нижегородских феодалов.

Приведенный материал показывает, что происхождение данных С. Д. Сюзева и М. Ф. Изинского не является ни смнительным, ни загадочным. Их судьба теснейшим образом связана с судьбой всего комплекса актов, включенных в копияный сборник ГИМ, Синод., № 276 в 90-х годах XVI в., с судьбой других актов нижегородского Благовещенского монастыря и с историей архива русской патриархии (ранее — митрополии) в целом.

Обратимся теперь к формуляру грамот. В 30-е годы XX столетия, когда С. Н. Вайк работал над статьей о древнерусском частном акте, далеко не все акты XIV—XV вв. были известны. Но в настоящее время, благодаря изданиям последних лет, можно составить почти исчерпывающее представление о русском актовом материале указанного периода. И сравнение опубликованного материала с данной С. Д. Сюзева показывает, что целый ряд данных, деловых и жалованных грамот светских лиц начинался в XV в. словами «милостью божиею», почти так же, как и данная С. Д. Сюзева («божиею милостию») ¹⁵. Можно думать, что патриарший писец, переписывавший данную С. Д. Сюзева в копияную книгу, допустил перестановку слов. Для него, несомненно, более привычным было сочетание «божиею милостию». Что этот писец работал не вполне внимательно и делал ошибки при переписывании, свидетельствует его копия с указной грамоты от 2 сентября 1547 г., адресованной «по городом наместником, и волостелям, и мытчиком, и по городом тамошником, и по мытом мытчиком»:

¹⁵ См.: АФЗХ, т. I, № 41 (данная В. К. Гуся-Добрыньского первой четверти XV в.); № 95 (данная И. В. Минина около 1448 г.); АСВР, т. I, № 279 (жалованная данная грамота княгини Анастасии 1458/59 г.); № 475 и 476 (деловые князей Телятевских около 1470 г.); АСВР, т. III, М., 1958, № 140 (жалованная грамота князя Михаила Андреевича 1448—1470 гг.). Жалованная грамота рязанского князя Олега Ивановича (около 1371 г.) начинается словами «Милосердемьс божьимь» (АСВР, т. III, № 322).

«Мытчики» почему-то упоминаются в грамоте дважды. Повторение свидетельствует об ошибке. А сравнение с другой копией той же грамоты подтверждает сделанный вывод: мытчики действительно упоминались в грамоте только один раз¹⁶. Итак, начало данной С. Д. Сюзева при сопоставлении с другими актами XV в., в том числе и с данной первой четверти XV в., не может уже казаться странным и удивительным.

Наиболее сложен и труден вопрос о датах обеих данных. Прежде всего следует заметить, что дата в частном акте появляется не в конце XV в., как в свое время полагал С. Н. Валк, а раньше. Так, точную дату (24 января 1420 г.) имеет данная митрополита Фотия переяславскому Горицкому монастырю на село Славитинское и деревни Ивашево и Софоново¹⁷. Фотий, конечно, занимал положение вполне официальное, но указанный документ он дал как частное лицо. Однако наличие даты в данных С. Д. Сюзева и М. Ф. Изинского перед текстом, а не после него, как совершенно правильно отметили С. Н. Валк и А. А. Зимин, — явление исключительное. Впрочем, оно необычно по отношению к данным не только XIV—XV вв., но и XVI — начала XVII в. И если бы данные С. Д. Сюзева и М. Ф. Изинского являлись подделками, то они должны были бы быть составлены по образцу данных конца XVI — начала XVII в., хорошо знакомых фальсификаторам. Но данные конца XVI — начала XVII в. кончались датой, а не начинались ею¹⁸.

Как же объяснить наличие в данных С. Д. Сюзева и М. Ф. Изинского дат в начале текста? Интересную параллель представляет собой грамота местного нижегородского князя Даниила Борисовича. Она была дана «мана в 8 того лета, коли князь великий Данило Борисович вышол на свою отчину от Махметя царя в другой ряд»¹⁹. Последняя грамота дошла в составе древнейших копий актов нижегородского Благовещенского монастыря, помещенных в сборнике ГИМ, Синод., № 276. Копия даты не имела. Но в другой копии XVI в., подписанной митрополитским дьяком Савлуком Турнеевым и хранившейся в 1628 г. в Благовещенском монастыре, стояла точная дата — 6950 г.²⁰ Отсутствие даты в одной копии и наличие ее в другой объясняется, по-видимому, тем, что дата была на обороте грамоты. По всей вероятности, данные С. Д. Сюзева и М. Ф. Изинского также имели даты на оборотах. При копировании текста сначала

¹⁶ АФЗХ, т. I, № 244; т. III, № 5. Если один из оригиналов дошедших копий грамоты был подлинником, то другой — списком с подлинника, равнозначным в юридическом отношении подлиннику. Дело в том, что обе копии имеют подтверждения, но эти подтверждения совершенно различны. Оригинал № 244 имел на обороте подтверждение от 17 мая 1551 г., а оригинал № 5 — подтверждения Бориса Годунова и Михаила Федоровича.

¹⁷ АСВР, т. III, № 94.

¹⁸ См.: данные-вкладные, опубликованные в «Актах, относящихся до юридического быта древней Руси» (т. I. СПб., 1857, стб. 449—458).

¹⁹ АФЗХ, т. I, № 233.

²⁰ АСВР, т. III, № 294.

были списаны даты с оборотов, а затем текст с лицевой стороны, почему в копиях даты и оказались перед текстом. При отсутствии подлинников трудно решить, ставились ли даты писцами данных или же позднее хранителями монастырского архива.

Но как бы то ни было, даты все равно вызывают сомнения. Данная С. Д. Сюзева помечена январем 6907 (1399) г., а данная М. Ф. Изинского — 6925 (1417) г. Оба документа упоминают архимандрита Благовещенского монастыря Малахия. Этого Малахия Е. Э. Гранстрем отождествляет с чернцом Малахией Философом, в 1381 г. приехавшим на Русь из Византии, и считает, что Малахий прожил в Руси более 60 лет²¹. Но выводу о столь долгом сроке пребывания в России Малахия, а также датам, имеющимся в этих данных, противоречат показания грамоты нижегородского князя Александра Ивановича Благовещенскому монастырю, выданной «июля того лета, коли князь Александр Иванович сел на своей отчине на Новгороде». Грамота должна быть датирована временем после 1414 г.²², а скорее всего — июлем 1419 г., когда Александр после женитьбы 5 февраля 1419 г. на дочери великого князя Василия Дмитриевича Василисе²³ и мог получить Нижегородское княжество из рук тестя. Грамота князя Александра Ивановича была дана не названному по имени игумену Благовещенского монастыря. Следовательно, архимандрит Малахий мог настоятельствовать только после июля 1419 г., и вклады С. Д. Сюзева и М. Ф. Изинского могли быть сделаны только после этого времени. Жалованная грамота великого князя Василия Дмитриевича, которая закрепила пустоши Саввы Сюзева и Митроховскую (Митрофана Изинского) пустошь за Благовещенским монастырем, была выдана архимандриту Малахию 20 февраля 1423 г. (или 1424 г.)²⁴. Следовательно, данные С. Д. Сюзева и М. Ф. Изинского должны датироваться временем между июлем 1419 г. (после грамоты князя Александра Ивановича) и 20 февраля 1423 г. (1424 г.). В таком случае имеющиеся в данных даты нужно признать ошибочными. Ошибки могли возникнуть из-за неправильного прочтения дат копиями. В данной С. Д. Сюзева, вероятно, осталась непрочитанной цифра десятков, именно (согласно предложенной датировке) 20 (K) и ее дата — 6927 г. (мартовский)²⁵. В данной М. Ф. Изин-

²¹ Е. Э. Гранстрем. Чернец Малахия Философ.— АЕ за 1962 г. М., 1963, стр. 69—70.

²² Как свидетельствует запись на мощевике князя Ивана Даниловича, в 1414 (6922) г. нижегородским князем был Даниил Борисович. См.: Б. А. Рыбаков. Из истории московско-нижегородских отношений в начале XV в. (мощевик княгини Марии 1410 г.).— МИА, № 12, 1949, стр. 189; ср.: ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863, стб. 486—487.

²³ ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, под 6926 г. Неделя о фарисее, когда была сыграна свадьба, приходилась на 5 февраля 1419 г. Грамота напечатана в АФЭХ, т. I, № 234.

²⁴ АФЭХ, т. I, № 230.

²⁵ Любопытно отметить, что дата 6927 г. стоит в одной из копий данной С. Д. Сюзева (ЦГАДА, ГКЭ, Курмыш 65/6099, л. 66).

ского последняя цифра 5 (Ѣ) могла получиться из цифры 9 (Ѡ), тогда ее дата — 6929 (1421) г. Впрочем, это только предположения, на которых не следует настаивать.

В системе доказательств поддельности того или иного акта особое место должно занимать обоснование желательности или необходимости для фальсификатора такой подделки. На первый взгляд кажется, что те земельные споры, которые в конце XVI — начале XVII в. вел с ядринскими черемисами и другими лицами Благовещенский монастырь, и заставили монастырские власти прибегнуть к подлогу. Но далеко не каждый земельный конфликт сопровождался фальсификацией документов. И в данном случае для старцев Благовещенского монастыря не было необходимости в подделке данных. В их распоряжении была, например, жалованная грамота великого князя Василия Дмитриевича, где упоминались спорные пустоши, документ достаточно старый и авторитетный. Местоположение и границы спорных земель определялись в указной грамоте от 31 марта 1588 г., где были приведены выписи из писцовых книг 1559/60, 1587/88 и 1577/78 гг.

Есть и другие доводы в пользу подлинности данных. Из пересказа челобитной благовещенского архимандрита Максима, помещенного в указной грамоте от 31 марта 1588 г., видно, что центром монастырских владений по рекам Урге, Уронге и Мигине было село Мигино. Именно к этому селу относился «бортный ухжей», о котором спорили власти Благовещенского монастыря с ядринскими черемисами²⁶. Между тем в данной С. Д. Сюзева «бортный ухжей» приписан не к селу Мигину, а к селищу Спасскому. Если бы речь шла о подделке, то фальсификаторы стремились бы доказать исконное положение вещей, сложившееся к моменту спора. Но этого нет. В данной С. Д. Сюзева фигурирует селище Спасское, а не Мигино. И это не случайно. В XIV—XV вв. освоение русскими Нижегородского края шло по рекам, от их устьев к верховьям. Село Спасское на р. Кулюсерме, или просто Серме²⁷, стояло верстах в 10 от устья р. Уронги. Выше по р. Уронге, на ее притоке р. Мигине, стояло с. Мигино²⁸. Из самого географического положения этих сел вытекает, что с. Спасское появилось раньше с. Мигина, и именно оно должно было быть первоначальным центром близлежащих земель. Последнему точно соответствуют показания данной С. Д. Сюзева. Во времена С. Д. Сюзева села Мигина еще не было. Оно впервые упоминается в грамоте князя Даниила Борисовича, которая датируется 8 мая 1442 г.²⁹ В грамоте же великого князя Василия Дмитриевича от 20 февраля 1423 (или 1424) г., с которой списана грамота

²⁶ «А к тому де селцу Мигину лес бортной ухжей промежь речки Уронги да Урги» (из грамоты 21 марта 1594 г.). — АФЗХ, т. III, стр. 51.

²⁷ См.: Нижегородская губерния. Список населенных мест. СПб., 1863, № 1807.

²⁸ Там же, № 1809. См. также карты Нижегородской губернии.

²⁹ АФЗХ, т. I, № 233; АСВР, т. III, № 294.

князя Даниила, это село не пазвано. Следовательно, с. Мигино появилось после того, как С. Д. Сюзев передал свои пустоши Благовещенскому монастырю (по грамоте 1423 г. пустоши С. Д. Сюзева уже у монастыря). Поэтому-то оно и не упомянуто в данной С. Д. Сюзева. Содержание данной показывает, таким образом, что это подлинный документ.

Подобная картина получается и при рассмотрении данной М. Ф. Изинского. Прежде всего ее нельзя считать составленной на основании писцовой книги 1559/60 г. Кроме сходных, но не тождественных выражений «пустошь на Платинском враге по обе стороны» и «пустошь Безымянное на реке на Черной, по обе стороны Плотинского врашка»³⁰, указанных А. А. Зиминым, тексты данной и писцовой выписи не имеют ничего общего. В конце XVI в. спор между монастырскими властями, с одной стороны, и ядринскими черемисами и курмышскими детьми боярскими — с другой, шел за пахотную землю, луга и леса, расположенные между р. Черной, сврагами Малым и Плотинским³¹. Данная же М. Ф. Изинского не говорит о пахотной земле и лугах (только косвенно — в стереотипной формуле «по ка мест плуг и коса и топор ходил»). В ней определены лишь границы бортного леса: «А межа лесу от реки от Волги врагом, а словет Переволока, на Мутовку враг на речку на Имзу, а за Имзою речка Босмановка, да речка Липовка, а от Имзы Теплой враг, а от Теплого врага Крутой враг»³². Характерно, что ни один из перечисленных здесь топографических ориентиров не фигурирует в спорных делах Благовещенского монастыря, относящихся к концу XVI — началу XVII в. Огромные размеры леса, указанные в данной (от р. Волги за р. Имзу), свидетельствуют, что грамота М. Ф. Изинского весьма древняя по происхождению и написана тогда, когда район между реками Волгой и Имзой только осваивался. В конце же XVI в. здесь наряду с владением Благовещенского монастыря были владения детей боярских Остреневых, Толочановых, Вельяминова и других³³. Содержание данной М. Ф. Изинского не может быть выведено из земельного спора конца XVI — начала XVII в., оно имеет черты значительно более древние.

Итак, анализ данных С. Д. Сюзева и М. Ф. Изинского показывает, что ни их происхождение, ни особенности их формуляра и содержания не дают повода считать оба акта поддельными, хотя существовавшая до сих пор их датировка и нуждается в уточнении. За данными С. Д. Сюзева и М. Ф. Изинского должно быть сохранено значение источников по истории Нижегородского края первой четверти XV в.

³⁰ АФЗХ, т. I, № 245; т. III, № 21, стр. 41.

³¹ АФЗХ, т. III, № 21, 28, 29, 42, 43, 51.

³² АФЗХ, т. I, № 245.

³³ АФЗХ, т. III, № 28, 29, 42.

О ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ ВЛАДИМИРСКОГО ЛЕТОПИСЦА

А. А. Муравьева

В недавно опубликованном памятнике русского летописания XVI в. — Владимирском летописце — привлекает большое внимание Повесть временных лет¹. Установленное М. Н. Тихомировым близкое родство этого летописца с утраченным первым общерусским сводом XV в. — так называемой Троицкой летописью — определяет главное его значение². «Повесть» Троицкой летописи наиболее сходна с текстом «Повести» в Лаврентьевской летописи, представляющей список второй редакции знаменитого памятникa XII в. Отметим, что сходство Владимирского летописца с Лаврентьевской летописью, так же как и Троицкой, начинается Повестью временных лет и продолжается до ее окончания, т. е. до 1305 г.; с 1177 по 1390 г. Владимирский летописец близок к Симеоновской летописи (за вычетом большого комплекса специально новгородских известий, имеющих аналогию в Новгородской четвертой летописи)³. Далее во Владимирском летописце идут отдельные краткие записи (до 1523 г.). Троицкая летопись не тождественна Лаврентьевской, в том числе и ее «Повесть», и имеет свои характерные особенности, связанные с древними традициями. Большой труд М. Д. Приселкова по восстановлению Троицкой летописи увенчался реставрацией ее текста до 906 г. (по данным вариантов к Лаврентьевской летописи, составленных Чеботаревым и Черепановым на основании подлинного текста памятника) и реконструкцией до конца «Повести» (по списку Лаврентьевской летописи, выпискам Карамзина и указаниям Тимковского). Владимирский летописец, не известный М. Д. Приселкову и поэтому не использованный им, представляет возможность, по мнению М. Н. Тихомирова, в ряде случаев более точно восстановить некоторые тексты Троицкой летописи. Это относится прежде всего к «Повести» летописца. Кроме того, анализ и сравнение текстов в части до XII в. включительно позволяют разъяснить отдельные дефектные и неясные места исчезнувшей летописи.

¹ Владимирский летописец издан под редакцией М. Н. Тихомирова. См.: ПСРЛ, т. XXX. М., 1965.

² М. Н. Тихомиров. Летописные памятники б. Синодального (Патриаршего) собрания. — Исторические записки, т. 13, 1942, стр. 257—262; он же. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962, стр. 13, 21.

³ Л. Л. Муравьева. Новгородские известия Владимирского летописца. — АЕ за 1966 г. М., 1967.

Список Начальной летописи Владимирского летописца имеет и самостоятельное значение. Заглавие вводной части летописи необычно, отличается от заглавия в Троицкой: «Повести временных лет от Ноя, от него сынов, како разделиша землю и отколе сталася Руская земля». В соответствии с настоящим заглавием несколько изменено и переключено традиционное построение вводной части «Повести»: вначале, после рассказа о разделе земли между сыновьями Ноя, вместо перехода к истории славян вставлен текст, подводящий итог мировым событиям, с подробным перечислением лет от сотворения мира, т. е. «от Адама до потопа». Это перечисление заканчивается хронологическим расчетом лет по славянской истории, в том числе Руси. Затем следует отдельный фрагмент текста по начальной истории Руси, описывающий путь из «Варяг в Греки». Он вписан под киноварным заголовком «О пути». Этим исчерпывается содержание вводной части списка Начальной летописи Владимирского летописца. После большого отступления в летописце следует с разделением на годы основная часть, вводимая в текст известными словами «в начале царства» Михаила, которым предшествует новый, написанный киноварной вязью заголовок: «Начало Летописца Руския земли». Следует обратить внимание на это заглавие. Не исключено, что оно указывает на недошедший до нас Летописец великий русский 1389 г., в составе которого Троицкая летопись получила «Повесть» и ссылка на который в ней имеется (см. под 1392 г.).

Текст основной части Начальной летописи начинается во Владимирском летописце изложением истории расселения славян, со слов «Бысть язык Словенск, от племени Афетова», далее идут легенда об апостоле Андрее, сведения о Киеве, характеристика славянских племен (в сокращении). В Лаврентьевской летописи эти статьи входят в состав вводной части. Затем следуют летописные статьи с разделением на годы (с пропуском хронологического расчета, который вписан в текст вводной части).

Структура построения «Повести» Владимирского летописца почти до датированных статей не повторяется в Троицкой летописи, так как последняя дефектна в этой части, имеет значительный пропуск, в частности, в ней нет окончания сказания о разделении языков, сказания о «прародине» словен и их расселении, описания пути из «Варяг в Греки» и начала пути апостола Андрея из Синопии до места будущего Киева⁴. Учитывая особую близость Владимирского летописца и Троицкой летописи и прежде всего списков «Повести» в их составе, включая некоторые их общие специфические особенности, нельзя не считаться с построением и содержанием Начальной летописи в первом памятнике при продолжении изысканий и уточнений текстов по несохранившемуся важному источнику XV в. Обращает внимание и сам характер структуры введения и начало основной части, или хроники, как ее характеризует Б. А. Рыбаков, Начальной

⁴ М. Д. Приселков. Троицкая летопись. М.—Л., 1950, стр. 53, примечания 5 и 6.

летописи Владимирского летописца. Изменение названия «Повести», включение в состав вводной части хронологического расчета от сотворения мира до первых русских князей и перенесение всех статей по начальной истории славян во вступление «Летописца Руския земли» придают новую последовательность изложению материала (за исключением статьи, содержащей описание пути «из Варяг в Греки»), определенность и четкость проводимой летописцем здесь идеи о связи истории Руси с общими славянскими и мировыми событиями.

Особо следует отметить содержание хронологического расчета изучаемого списка Повести временных лет. Расчет от сотворения мира начинается после слов: «По сем разыдоша людие по земли на 70 стран и две страны, толико же и язык». В него из библейской легенды введены хронологический отсчет от Адама до потопа и от потопа до разделения языков, византийские статьи по церковной истории, родословие по евангелию. Он занимает восемь листов летописца в рукописи и близок в этой части тексту «Летописца Никифора въскоре»⁵. Интерес представляют в нем хронологические данные по истории славян и Руси, где отсчет лет ведется не только от византийского императора Михаила, но также от Константина и вселенского собора в Константинополе (6296). После общих с «Повестью» Лаврентьевской летописи слов хронологического расчета — от Константина до Михаила «лет 542» — в «Повести» Владимирского летописца читается другой текст, который вновь заканчивается параллельным известием: «От Михайлова царства до первого лета Олгова княжения 29 лет». В ней нет обычного перечня русских княжений после Олега. Имеется только заключение: «И от сих расплодишася князи рустии и великое княжение в Руской земли». Что касается текста хронологического расчета, который отсутствует в «Повести» Лаврентьевской летописи, то в нем содержатся данные, непосредственно связанные со «Сказанием о грамоте Словенской».

Кроме сведений по хронологии «Преложения» книг на славянский язык, во введении «Повести» Владимирского летописца есть хронологические выкладки из истории крещения славян, в том числе «Русской земли»: «От Михаила царя до крещения Болгарския земли 17 лет», «а от крещения Болгарскаго до преложения книг Болгарску языку и Словенску лет 29, а от преложения книг до крещения Русской земли лет 91». Объединение в расчете лет текстов о крещении славян, Руси и славянской грамоте могло быть произведено не рукой летописца XVI в., а иметь более древние традиции. К собственно начальной истории Руси относится затем отсчет: «От начала Михайлова царства до начала Люрикова княжения Руси 10 лет. А от 7 сбора до начала Люрикова княжения Руси 65 лет. Люрик княжил 17 лет, умре. А по нем княжи Олег...»

⁵ М. Н. Тихомиров. Забытые и неизвестные произведения русской письменности.— АЕ за 1960 г. М., 1962, стр. 234—239.

Конец этой записи об Олеге читается так: «Не княжа роду и дасть ему сына своего Игоря на руже, еще обо бе Игорьь детеск малъ». Под 879 г. в статье о смерти Рюрика и передаче княжения Олегу эта часть записи повторяется, но с указанием, что Олег Рюрику «от рода ему суца» (как и в Лаврентьевской летописи). Таким образом, одна запись определяет Олега по князем, а другая — родственником князя или, вернее, определяет принадлежность Олега к роду Рюрика⁶. В Новгородской первой летописи, где отразились более ранние источники, чем «Повесть», Олег тоже назван не князем, а воеводой при взрослом князе Игоре. В последующих статьях «Повести» Владимирского летописца Олег действует, как и по данным других списков этого памятника, в роли князя.

Хронология во введении дана в основном в александрийском исчислении, в ней нет внутреннего соответствия, в том числе болгарской и русской частей (при едином отсчете от 7 собора — 6296). Она составлена по крайней мере из двух источников. Начало царства Михаила определено 857 (6357) г. — почти верно, если учитывать период его самостоятельного правления (с 856 г.)⁷. На один год раньше, т. е. 878 (6378) г., отсчитано и начало княжения Олега, отстоящее, по данным хронологического расчета, на 17 лет от начала княжения Рюрика, который княжил 65 лет спустя после 7 собора⁸. Даты о крещении Болгарской земли, от Михаила до Рюрика и Олега, и другие находятя и при переводе их на византийское летоисчисление вне связи с предыдущими хронологическими показаниями. Вероятно, эти даты приведены из другого источника. Крещение Руси отсчитано от 6405 г. — даты «преложения» книг. К этой дате прибавлен 91 год, и, следовательно, крещение Руси при исчислении от сотворения мира определяется 988 (6496) г. Даты хроники, т. е. второй части «Повести», читаются во Владимирском летописце по византийскому исчислению, кроме, очевидно, первой даты «о начале царства» Михаила, которая дана в александрийском. Это 6362 (862) г. Под 6362 г. положено «начало земли Русской» также в Новгородской первой летописи. Б. А. Рыбаков считает, что исходная дата⁹ хроники «Повести» означает не начало царства Михаила, а становление первых русских княжений и связана с первым упоминанием о Руси в греческих источниках по поводу похода русов на Константинополь в 860 г.¹⁰, который отмечен в начале хроники известных нам списков «Повести». Во Владимирском летописце это известие в связи с перестройкой материала вышло.

⁶ ПВЛ, т. II. М.—Л., 1950, приложения (далее — Д. С. Лихачев. Комментарии), стр. 245.

⁷ Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963, стр. 165.

⁸ Может быть, в расчет берется разница мартовского и ультрамартовского стилей. Мартовский стиль характерен для новгородских летописей.

⁹ В Лаврентьевской летописи 6360 (860) г.

¹⁰ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 164—165.

Что касается географических известий о пути из «Варяг в Греки», то они носят четко выраженный характер вставки, несколько сокращены, имеют следы поздней обработки: Нева уже названа вместо «устья» рекой, после слов «потечет Волхов» вставлен текст «на том Волхове стоит Великий Новгород»¹¹, опущен последний абзац («А Днепр втечет в Понетское море...») с примечаниями, связанными с легендарным путешествием апостола Андрея в Русь, которое читается в хронике изучаемого списка «Повести».

Начальный текст хроники летописца, который отсутствует в Троицкой летописи и посвящен расселению славян, прерывается на словах: «И от тех прозвася грамота Словенская» (здесь нет и описания пути из «Варяг в Греки») — и вновь восстанавливается со слов: «Прилучению, прииде святыи апостол Андреи по Днепру и ста под горами на брезе». В этом месте имеется дополнительная запись о повгородском старейшине Гостомысле (Гостомиле — в рук.), которая связывается с новгородским источником и отсутствует в Лаврентьевской летописи. Подобная запись читается в поздних летописях, но, как принято считать в литературе, по происхождению она довольно древняя¹².

В хронике Владимирского летописца нет начала описания путешествия Андрея в Русь, как и в Троицкой летописи. В обоих памятниках это описание начинается с общих слов: «По мнозех неколице временах и лет, еже есть по воплощении Христове... прилучению...» Здесь кончается большой пропуск в Троицкой, т. е. вновь появляется возможность сравнений с ней Владимирского летописца. В обоих памятниках описание племенных княжений прерывается в одном месте — в рассказе о древлянах («кости вкладаху в сосуд») ¹³, отсутствует текст с описанием попытки хазар подчинить Полянское княжество.

Погодные записи начинаются в летописце 859 (6367) г. со статьи о взимании со славян дани варягами и хазарами. Эта статья сохранилась в Троицкой летописи частично, с указанием об обложении данью («по бе... и по веверици от дыма») полян, северян и вятичей. Неясный текст об установленной хазарами дани во Владимирском летописце читается так: «По белки с дыма и по веверици». Д. С. Лихачев подчеркивает важность правильного прочтения этого места, имея в виду его нечеткую передачу в сохранившихся списках «Повести»¹⁴. В Лаврентьевской и других летописях спорное место изложено словами: «По беле и веверице от дыма». Чтение Владимирского летописца новое и необычное, но оно может быть только правкой неясного текста летописцем XVI в. При перечислении племен, с которых бралась дань варягами, в летописце опущена чужь. На-

¹¹ Такого рода поздние дополнения встречаются в «Повести» летописца неоднократно.

¹² Д. С. Лихачев. Комментарии, стр. 214.

¹³ М. Д. Приселков. Указ. соч., стр. 57, примечание 3.

¹⁴ Д. С. Лихачев. Комментарии, стр. 233—234.

помним, что А. А. Шахматов считал упоминание в списках «Повести» под 859 г. племени чудь вставкой¹⁵.

Под 860 (6368) г. идет сокращенная статья о походе Михаила на Болгарию и крещение Бориса. Этой статьи в Троицкой летописи нет, в Лаврентьевской она дана под 858 (6366) г. Интересно, что поход Михаила помечен 860 г. у Симеона Логофета¹⁶.

Начало статьи 862 (6370) г. о призвании трех братьев варягов совпадает с чтением Новгородской первой летописи¹⁷: «Въста Новгородци и Кривици и Меря и Чудь на Варяги...»¹⁸ В Троицкой и Лаврентьевской летописях в этом месте имеется другой текст: «Изгнаша Варяги за море...» В статье 862 г. Владимирского летописца имеется еще один вариант, которого нет в Троицкой. В общем по сравнению с Троицкой летописью в тексте статьи: «И же сице звахуся Варязи, яко исии, другии зовутся умране...»¹⁹ — в летописце после «звахуся Варязи» опущено слово «Русью». Этот вариант указан Карамзиным как выписка слов Нестора о Руси²⁰. В Новгородской первой летописи нет обоих мест («к Руси» и «Русью»). В той же статье установлен пропуск в Троицкой летописи части текста между словами статьи «земля наша» и «велика и обилпа»²¹. Во Владимирском летописце это место имеет дополнительное слово «добра», и текст читается так: «Земля наша добра и велика и обилпа»²².

В последнем указано также название города, где княжил Рюрик (Новгород). В Троицкой слова «седе Новегороде» являются добавлением к слову «Рюрик»²³. Чтение текста Троицкой: «И от тех прозвася Русьская земля... беша Словене» — взято предположительно в одном из примечаний Карамзина²⁴; эта редакция находит аналогию в летописце. Анализ всех последующих датированных статей Владимирского летописца вплоть до окончания «Повести» (1110 г. в редакции Лаврентьевской летописи) позволяет говорить о их большой близости, в некоторых случаях переходящей в тождественность текстов. И несмотря на сокращение многих статей «Повести» во Владимирском летописце, общая картина сходства обоих памятников не вызывает никаких сомнений.

Хронология Владимирского летописца, как и Троицкой летописи, с 886 (6493) по 945 (6453) г. идет на один год позже по сравнению с Лав-

¹⁵ А. А. Шахматов. Сказание о призвании варягов.— ИОРЯС, т. XI, кн. II, 1904, стр. 317.

¹⁶ Д. С. Лихачев. Комментарии, стр. 233.

¹⁷ В Новгородской IV летописи так же. См.: ПСРЛ, т. IV, вып. 1. Пг., 1915.

¹⁸ В Чертковском списке Владимирского летописца слово «въста» читается «вос-таша», в Новгородской I летописи — «въсташа».

¹⁹ Пропуск «свие» имеется в Троицкой летописи и Владимирском летописце.

²⁰ М. Д. Приселков. Указ. соч., стр. 57, примечание 8.

²¹ Там же, стр. 58, примечание 2.

²² Слово «добра» в этом месте читается также в Новгородской IV летописи.

²³ М. Д. Приселков. Указ. соч., стр. 58, примечание 3.

²⁴ Там же, стр. 58, примечание 4.

рептьевской летописью. В дополнение к указанному выше общим особенностям отметим еще несколько ²⁵.

881 (6388) г. Повторено известие, что Олег оставил в Смоленске «боярина своего» (в Лаврентьевской: «Посади муж своя») ²⁶.

906 (6414) г. Поход Олега на Греки (в Лаврентьевской: 907 (6415) г.). В тексте о дани, требуемой Олегом с греков, одинаковые чтения: «Да бы не воевал гражан по пристанищу», «Запевада Олег... 12 гривен на ключ», «Дань емлют, елико, хотят» ²⁷ (в Лаврентьевской: «Дабы не воевал Грецькие земли», «По 12 гривен на человек», «Емлют, елико хотяче»).

1016 (6524) г. Повторено чтение: «Аще не поидет с нами, то сами его догоуим» (в Лаврентьевской: «Аще кто не поидет с нами, сами шотнем его») ²⁸.

1053 (6561) г. Упоминается пятый сын Ярослава — Игорь — и передача ему Владимира, о котором в Троицкой летописи, по сообщению Карамзина, было написано визизу другой рукой ²⁹ (в Лаврентьевской этого упоминания нет).

1068 (6576) г. Имеется близкое чтение: «А Всеслав седе в Киеве 7 месяць» ³⁰.

При реконструкции Троицкой летописи М. Д. Приселков широко использовал показания «Примечаний» Карамзина, особенно после 906 г., когда они становятся единственным источником подлинного текста утраченного памятника. Но ввиду того, что Карамзин во многих случаях не оставил прямых указаний на используемый им источник, М. Д. Приселкову пришлось провести трудоемкую работу по выявлению текстов Троицкой летописи, в частности, методом сравнений и исключений, ограничиваясь передко только предположением. Многие из них обоснованы и убедительны, другие требуют дополнительных подтверждений. Не последняя роль здесь может принадлежать Владимирскому летописцу. Правда, что касается наших сомнений по поводу тех или иных предположений и утверждений М. Д. Приселкова относительно реконструкции отдельных фрагментов статей летописи (по примечаниям Карамзина, например), то здесь роль Владимирского летописца довольно ограничена из-за его больших сокращений и некоторых дефектов. Владимирский летописец дает новые доказательства принадлежности общерусскому своду XV в. большого комплекса известий и чтений.

²⁵ См. также: М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 258—259.

²⁶ М. Д. Приселков. Указ. соч., стр. 59, примечание 8.

²⁷ Там же, стр. 64, примечания 3, 4, 6. «Запевада Олег... 12 гривен на ключ» читается и в Новгородской IV летописи.

²⁸ М. Д. Приселков. Указ. соч., стр. 128, примечание 4.

²⁹ Там же, стр. 140, примечание 3. В Троицкой летописи эта статья относится к 1054 (6562) г. Известие об Игоре имеется в Новгородской IV летописи.

³⁰ Там же, стр. 147, примечание 3. Это известие в другом изложении имеется в Новгородской IV летописи.

881 (6389) г. Чтение «уведа Олег» вместо распространенного «увиде Олег» (в тексте: «И приидоста к горам Киевским») отнесено М. Д. Приселковым к Троицкой летописи³¹. Это чтение повторено во Владимирском летописце.

986 (6494) г. Текст на 11 листах харатейных списков, извлеченных из Библии, отнесен к Троицкой летописи³². Это извлечение полностью читается в летописце (со слов: «И нача философ глаголати сице»).

1016 (6524) г. Указание на харатейные летописи: «Собрав Варягов 1000, а прочих 40 000» — отнесено к Троицкой летописи³³. Тожественное чтение имеется в летописце.

1019 (6527) г. Указание на летописец: «Он же в немощи лежа, вхопився глаголаше: о се женут» — отнесено к Троицкой летописи³⁴. Очень близкий этому текст дает Владимирский летописец.

1024 (6529) г. Чтение текста: «И пришедшу ему к Судоме реце, Ярослав выиде из Кыева и в седьмые день постиже и ту» — отнесено к Троицкой летописи³⁵. Сходное этому чтение, включая название реки — Судома, содержит и летописец.

Некоторые общие варианты чтений Лаврентьевской и Троицкой летописей, сообщенные Карамзиным, повторяются во Владимирском летописце. Это относится и к сведениям, которые имеют древние традиции в передаче текстов (включая и ошибки). Так, во всех трех памятниках указано, что в 955 (6463) г. протесским царем был Цимисхий. В Радзивилловской и других летописях эта ошибка исправлена (названо имя Константина)³⁶.

Большой интерес может представить сравнение текстов списка «Повести» Владимирского летописца с ее списком Лаврентьевской летописи с целью выявления свойственных первому особенностей и отбора некоторых чтений, которые по характеру могут быть связаны с древними традициями. Но это является темой другой статьи. Первое предварительное сравнение показывает, что список «Повести» Владимирского летописца, как мы видели и по вводной части, имеет самостоятельное значение, поскольку изложение ряда статей дается в иной редакции³⁷; он имеет от-

³¹ М. Д. Приселков. Указ. соч., стр. 60, примечание 1.

³² Там же, стр. 98, примечание 1. В Лаврентьевской летописи извлечение из Библии занимает 71/2 л.

³³ Там же, стр. 127, примечание 5. В Лаврентьевской летописи это статья 1015 (6523) г. В Новгородской IV летописи дается другое чтение.

³⁴ Там же, стр. 130, примечание 4. В Новгородской IV летописи дается другое чтение.

³⁵ Там же, стр. 131, примечание 1. Новгородская IV летопись имеет другое чтение.

³⁶ Там же, стр. 82, примечание 2. В Новгородской IV летописи читаем: «Чемьскы Ивал».

³⁷ Преимущественно несокращенных и незначительно сокращенных статей «Повести».

клонения в их чтениях от близких летописей, свои варианты в датировке известий. В то же время наблюдается сходство чтений с Лаврентьевской и Радзивилловской летописями. Список «Повести» Владимирского летописца представляет новые возможности для изучения прошедших длительную обработку первоначальных текстов Начальной летописи. Безусловно, важно будет определить место списка «Повести» Владимирского летописца в родственной группе ее списков так называемой второй редакции. При этом также необходимо будет обратить внимание на ярко выраженную и систематическую связь всего летописца с новгородским источником типа известий Новгородской четвертой летописи.

КАЗЕННЫЕ КУЗНЕЦЫ НА РУСИ XVII В.

А. В. Никитин

Положение казенных кузнецов — малоизученная сторона экономической и социальной жизни Руси XVII в. Кузнечное ремесло было одним из самых необходимых и широко распространенных в стране. Удовлетворяя насущные потребности населения, оно вместе с тем было тесно связано с государственными интересами, так как кузнецы изготовляли оружие и крепостное снаряжение. Это вызывало к ним повышенный и постоянный интерес правительства. В XVII в. была создана привилегированная группа так называемых казенных кузнецов с особыми правами на посаде.

Стремление правительства обеспечить постоянное выполнение военных заказов привело к возникновению казенных кузнечных слобод. Такие слободки были образованы в Москве и Туле. Вероятно, звание казенного кузнеца не столько было связано с принадлежностью к определенной слободе, сколько носило характер личной воинской службы государству. Об этом свидетельствует, например, грамота, написанная Иваном Пушкиным во времена Михаила Федоровича: «Приехав на твою государеву службу на Тулу велено пересмотреть детей боярских и стрельцов и казаков и всяких тульских жилаецких людей конных и пеших с лицами и со всякими бои и пересмотря велено подать роспись, и места всяким людям указать, где кому в осадное время быть и по твоему государеву указу я, холоп твой, для осаднова времени посылал переписывать на Тулу на посад всяких жилаецких людей, посадного голову Михаила Незнамова, да туленина сына боярскова Михаила Абакумова. И посадный голова Михаил Незнамов, да Михаил Абакумов пришедъ в съезжею избу сказал передо мною, холопом твоим, что казенные кузнецы староста Иванко Раков с товарищи твоего государева указу не послушали, переписывать и себя и детей, и братья и племянников и захребетников для осаднова времени в приход воинских людей по местам быть не дали и их, де, государь, хотели бить и о том, государь, мне холопу своему, вели свой, государь, указ учинить»¹. Совершенно ясно, что казенные кузнецы перечисляются в этой грамоте наряду с военными по льготам и обязанностям.

При постройке Царева Борисова по обычаю XVII в. туда были посланы служилые люди, начавшие строительство города. Вскоре обнаружи-

¹ ЦГАДА. Приказный стол, 51, л. 305.

лась нехватка кузнецов. Федор Сурий торопился сообщить об этом патриарху Никону: «И я, холоп твой, город служилыми людьми строю, а как, государь, город служилыми людьми отделаю и в проезжих, государь, башнях у ворот пробоев и засовов и замков поделать некому, не чем, потому что казенных кузнецов со мною, холопом твоим, не послано, а в Цареве Борисове городище кузнецов нет и железа, государь, купить негде, потому что город стал в степи, от городов далеко и у служилых, государь, людей, которые город рубят, топоры и заступы и скобели и черты и просеки ломаютца, а поделать некому»². И здесь мы видим, что кузнецы рассматриваются как служилые люди, а когда обнаруживается нехватка ремесленников, то это считается упущением в формировании войска. Поэтому не удивительно, что, пополняя войско, московское правительство в список рядом со стрельцами ставит кузнецов. В 1647 г. Игнашке Вередеревскому велено было в Карпове «прибрать... в государеву службу в драгунскую, и в стрелецкую, и в пушкари, и в затинщики, и в казенные кузнецы»³.

Казенные кузнецы и сами смотрели на свою работу как на государеву службу со всеми ее тяготами. В 1667 г., после ухода из тульской казенной слободы нескольких кузнецов, туда был послан представитель Оружейной палаты Викула Извольский с наказом: «В съезжей избе допросить подлинно и меж ими (казенными кузнецами.— А. Н.) разыскать для чего они из кузнецкие слободы вышли, сколь давно». Из расспросов выяснилось, что большинство из кузнецов «отстало» от ремесла из-за того, что «после отцов своих остались малы», одни занялись торговлей, другие были «выведены» из казенной слободы по указу государя, так как не знали своего ремесла. В отписке обращает на себя внимание фраза, в которой один из детей кузнецов говорит: «А службы де с казаками кузнецкую и по се мест не служили и никакова тягла с ними не тянули»⁴. Видимо, к середине XVII в. для рядового жителя казенного посада его профессия часто связывалась с военными государственными обязанностями.

В разряд казенных кузнецов попадали наиболее квалифицированные мастера. Обязанности этих кузнецов, судя по документам, довольно тяжелые, уравновешивались в какой-то степени рядом привилегий. Одной из главных привилегий было полное или частичное освобождение от тягла. В 1630 г. воеводе в Тулу от имени Михаила Федоровича была послана «память»: «Указали мы на Туле тульским оброчным кузнецам, которые живут на оброчных землях и ведомы во Владимирской чети, быти на Туле... И как к тебе ся шаха грамота придет и ты б тульским оброчным кузнецам велел быти на Туле в наших казенных самопальных мастерах и оброку с них впредь имать не велел»⁵.

² ЦГАДА, Белгородский стол, 383, лл. 50—51.

³ ЦГАДА, Белгородский стол, 482, л. 492.

⁴ ЦГАДА, Оружейная палата, оп. 8, д. 11092, разряд 1, картон 52, л. 1.

⁵ ЦГАДА, Оружейная палата, оп. 25, д. 40435, разряд 2, картон 191, л. 1.

Полное или частичное освобождение от обложения оброком, деньгами и натурой было и в том случае, когда на посад из других городов присылались кузнецы для выполнения государственных заказов. Так случилось в 1680 г., когда из Болохова в Севск прислали 12 кузнецов с «лехкою снастью». Вскоре между кузнецами и посадскими людьми начались распри из-за раскладки податей. Обиженные кузнецы обратились в Москву с жалобой на то, что «работали они на Москве на Бархатном и на Пушечном дворе кузнечную всякую работу, да они же де были на службах для ружейные всякие полковые железные работы в полках бояр и воевод по 6 день. А ныне по указу великого государя работают они всякую железную починку по 3 день переменя[ясь] пополам на две половины, а болоховичи посадские люди кузнечную их работу ставят ни во что и верстают их всякими оклады и денежными оброки с собою в ряд. И в Болхове они всякую работу работают почасту»⁶.

Освобождение или значительное облегчение оброка при выполнении казенных работ, видимо, стало одной из традиционных и самых существенных льгот для казенных кузнецов. Об этом говорит грамота 1657 г. князю Ивану Федоровичу Давыдову. К этому времени за тяглицами Бронной слободы накопился значительный долг — около 348 р., из которых они уплатили 248 р. 50 к. Оставшиеся 100 рублей царь «имати с них не велел, потому что они за те оброчные деньги в Оружейном приказе делают всякую государеву оружейную поделку»⁷. Известно, что ремесленные казенные слободы не представляли единых по составу групп, среди них была значительная прослойка людей, не принадлежащих к разряду государевых мастеров. Вероятнее всего, с них и собирали налог в Бронной слободе, а остальная часть жителей освобождалась от него или получала льготы.

У казенных кузнецов был староста, который вел все дела кузнецов с правительством по многим административно-хозяйственным вопросам. Значение старосты, а следовательно, и стоявшего за ним объединения казенных кузнецов к середине XVII в. было настолько большим, что Уложение в главе 24 налагает штраф за нанесение оскорбления старосте самопального кузнечного дела.

Оплата работы казенных кузнецов складывалась из двух видов — натуральной и денежной, причем как та, так и другая была подвержена колебаниям, зависящим и от состояния экономики страны в данном году (цены на продукты, урожай, подготовка к войне и т. п.), и от особенностей положения кузнецов на местах: их численности, величины правительственных заказов, наличия сырья и многого другого. Чаще всего денежная оплата шла за счет питойного сбора, несколько реже — из тамо-

⁶ ЦГАДА, Севский стол, 327, лл. 71—72.

⁷ ЦГАДА, Оружейная палата, оп. 4, д. 3644, разряд 1, № 106, л. 6.

женных поступлений. В этом случае деньги, минуя московские приказы, поступали прямо от кабацких и таможенных голов к кузнецам.

У казенных кузнецов всегда была потребность, кроме выполнения государевых заказов, работать на рынок, и, вероятно всего, правительство в обычное время не могло не считаться с этим желанием. Есть целый ряд документов, указывающих на то, что кузнецы и оружейники продавали в значительном количестве орудия труда и даже оружие. Видимо, правительственные заказы для казенных кузнецов, несмотря на частые войны, не могли загрузить кузнецов полностью, и правительство допускало работу на рынок. Двусторонняя экономическая зависимость кузнецов была фактом, который обычно учитывался правительством. При определении цены государственных заказов прежде всего выяснялась стоимость аналогичных изделий на рынке. Цена на сырье, уголь, дрова и инструмент принималась в соображение при этих сделках. Интересно по этому поводу донесение 1633 г. из Устюжны. Правительство требовало «в день и ночь наспех без всякого мотчания» сковать 100 000 ядер, основываясь на цене прошлых лет, — за шуд 20 ядер 18 алтын. Но кузнецы решительно запротестовали, ссылаясь на повысившиеся цены на железо и отсутствие угля. Требуя повышенной оплаты, они работали «оплошно», утверждая, что «без денег им ковать нечем». Дальше конфликт развивался следующим образом. Воевода купил железо и, выковав из него ядра, убедился, что требования кузнецов справедливы. После этого он послал царю вместе со своим донесением челобитную кузнецов. Конец столкновения неизвестен, но любопытно, что самый чувствительный для обеих сторон вопрос решался с учетом всего многообразия ситуации, а столкновение ее воеводой — без обычных угроз — можно отнести за счет его житейского благоразумия или же затруднительного положения правительства в то время.

Нередко оплата кузнечной работы (как и других видов ремесла) производилась хлебным жалованием. А для мастеров Оружейной палаты выдача государева и хлебного жалования приобрела форму закона. Кроме того, государевым мастерам как привилегированной части нередко к «корму» добавлялось полотно, суконная одежда и т. д. Впрочем, есть свидетельство, что в исключительных случаях правительство прибегало к дополнительным выдачам не только в Москве, но и вне пределов столицы. В Карпове было «новоприбранных пушкарей и загинщиков 28 человек, да казенный кузнец. Дано им в Карпове государева денежного жалования и на дворовые строения по десять рублей человеку... А то государево жалование давано им по государеву указу да по государевой грамоты»⁸.

Зависимость кузнечного ремесла от государева и его потребностей сказывалась и на обучении. При нехватке казенных или вольных кузнецов, особенно во вновь возникавших городах-крепостях, которых так много строилось при Михаиле Федоровиче и его сыне, правительство прибегало

⁸ ЦГАДА, Белгородский стол, 492, л. 82.

к насильственной вербовке учеников из детей не только ремесленников, но и солдат, как это случилось при постройке Троицка в 1701 г. Существовал указ, предписывавший отдавать солдатских детей, которые «недоросли кузнечного ремесла», в службу или в «оружейные кузницы».

Принудительная посылка ремесленников в другие города и вызов их в Москву стали обычным явлением в практике московских приказов: каменщики, кирпичники, скорняки, плотники, иногда портные по приказу правительства высылались из одного города в другой⁹. Но только постоянная потребность в кузнецах, главным образом в военном деле, создала прочную традицию, сложившуюся в систему правил и требований. Если искать общие причины таких своеобразных форм организации ремесленников Московской Руси, то следует обратить внимание на то, что эта практика хорошо согласовывалась со всей системой феодально-крепостнических норм с их характерным стремлением закрепить за феодалами и государством все права над человеческой личностью, прибегая как к экономическому, так и внеэкономическому принуждению.

Подведем итоги:

1. В XVII в. окончательно складываются слободы «казенных кузнецов», занятых выполнением государственных, главным образом военных заказов.

2. Влияние государственных интересов сказывалось на экономических и технических сторонах кузнечного ремесла. Вопросы обучения, наследования профессии, переселение и выход из посада кузнецов контролируются государством с особой строгостью.

3. Связь с военным делом приводила к тому, что часто кузнецы рассматривались как служилые люди с особыми правами и обязанностями. Таким образом, правительство уже в XVII в. начинает создавать при войсках формирования, обслуживающие технические потребности армии. Опыт организации таких формирований особенно пригодился России в XVIII в., когда осуществлялся переход к регулярным войсковым единицам, обслуживавшимся столь же регулярными вспомогательными подразделениями.

⁹ АИ, т. II, № 42; т. IV, № 186; т. VI, № 41; Дополнения к АИ, т. VI, № 21, 41; Акты археографической экспедиции, т. 3, № 310, 317; т. 4, № 102.

ДРЕВНЯЯ РУСЬ И ВЕНГРИЯ

В. Т. Пашуто

Отношения Древнерусского государства с венграми установились, вероятно, еще в пору их кочевания в причерноморских степях, откуда они совершали походы в глубь Европы, например в 862 г.¹; в 892 и 894 гг. венгерские отряды помогали восточнофранкскому императору Арнульфу (887—899) в войне против великоморавского князя Святоплука². Урегулирование отношений с венграми было, по-видимому, делом непростым, ибо как кочевники они не раз тревожили оседлых славян, о чем сохранились свидетельства арабских и персидских авторов IX—X вв.³ Но русско-венгерские отношения существовали и укреплялись: летопись не оставляет сомнений в устойчивых русско-венгерских торговых связях во времена не только Святослава, но и Олега⁴.

В нашей летописи имеется историческая справка (датируемая второй половиной XI в.) о происхождении Венгерского государства, составленная в дружественном духе, легко объяснимом тесными отношениями между двумя странами. Летопись кратко, но отчетливо характеризует общественный строй венгров и отмечает их уход во времена Олега на новую родину, где они создали свое государство. «Идоша угры мимо Киев горою, еже ся зовет ныне Угорьское, и пришедыше къ Днепру, сташа вежами; беца бо ходяще, аки се половци»⁵. Эта запись под 898 г., навеянная топонимическими преданиями, в общем достоверна⁶. Пройдя в конце IX в. через «горы Угорьскыя» на новые места, где издавна жили славяне, затем подчиненные влахами Римской империи⁷, которые «прияша» их землю, венгры в свою очередь «почаша воевати на живущая ту волохи и словени». Они

¹ Hincmari renensis annales.— MGH SS, т. I, стр. 458 (862 г.); Annales Alamani.— Там же, стр. 50 (863 г.).

² Annales Fuldenses.— MGH SS, т. I, стр. 408 (892 г.), 410 (894 г.).

³ В. П. Шушарин. Русско-венгерские отношения в IX в.— Сб. Международные связи России до XVII в. М., 1961, стр. 177; Й. Перени. Взаимоотношения между венграми и восточнославянскими племенами.— Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae, т. II, вып. 1—4. Budapest, 1956, стр. 1.

⁴ А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто. Внешняя торговля Древней Руси.— История СССР, 1967, № 3, стр. 85—87.

⁵ ПВЛ, т. I, М., 1950, стр. 21 (под 898 г.); ср.: стр. 14 («Идоша угре чернии мимо Киева после же, при Олзе»).

⁶ А. А. Шахматов. Повесть временных лет и ее источники.— ТОДРЛ, т. IV. М.— Л., 1940, стр. 83.

⁷ ПВЛ, т. I, стр. 11, 21.

«прогнаша вольхи» и «наследиша землю ту и седоша съ словены, покривше я под ся». Вот «оттоле прозвася земля Угорьская», — заключает летописец.

Мирно миновав со своим народом подвластные Руси юго-западные земли (о чем сохранились сведения и в венгерском придворном предании, изученном В. П. Шушариным)⁸, венгерские короли должны были стать естественными союзниками киевских князей в их византийской, немецкой, чешской и польской политике. Летописец знает, что вновь возникшее государство вступило в борьбу и с Византией, и с Великоморавской державой⁹. В духе этой исторической справки при киевском дворе подобраны и остальные известия из хроники Амартола и его продолжателя о Венгрии. Они отражают тщетные попытки Византии использовать Венгрию против Болгарии: венгры побеждают и болгар, и византийцев. Под 902 г. сказано, что император Лев VI (886—912) «ная угры на болгары [с их царем Симеоном с 894 г. шла война]. Угре же напедше, всю землю болгарску пленоваху», разбили Симеона, который едва успел бежать в Дереспур (Силистрию)¹⁰. Летописец, однако, умалчивает о том, что Болгария уцелела, присоединив часть Македонии и Албании, что результаты болгаро-византийской войны закреплены в договоре 927 г.¹¹ Зато отмечены прямые выступления венгров против Византии в 934 г., когда они впервые пошли на Константинополь и «пленоваху всю Фракию», а император Роман Лакапин (919—944) тогда же, а в 943 г. еще раз заключал с ними мир¹². О победе над венграми в 933 г. войск германского императора Генриха I Птицелова (919—936) и в 955 г. на р. Лехе войском Оттона I (936—973) и чешского Болеслава I (935—967) летописец не сообщает¹³.

Ввиду сказанного не удивительно, что болгаро-византийский поход Святослава в 970 г. проходил в условиях какого-то дружественного соглашения с одним из венгерских предводителей времен короля Таксоны (947—972): венгры сражались в русском войске¹⁴. Контакты продолжались — представители и Руси (Святошолка Святославича), и Венгрии участвовали в 973 г. в Кведлинбургском съезде князей, созванном Оттоном¹⁵. Во времена Владимира Святославича был мир и договоры — «любьы» с ко-

⁸ В. П. Шушарин. Указ. соч., стр. 135 и сл.

⁹ ПВЛ, т. I, стр. 21.

¹⁰ ПВЛ, т. I, стр. 23 (902 г.); т. II, М., 1950, стр. 261.

¹¹ М. В. Левченко. История Византии. М., 1940, стр. 130.

¹² ПВЛ, т. I, стр. 32 (934 г.), 33 (943 г.); т. II, стр. 284, 288.

¹³ Как, впрочем, не сообщает она и о решающей победе венгров над немцами в 907 г. О ней см.: К. Я. Грот. Моравия и мадьяры с половины IX до начала X в. СПб., 1881, стр. 405. Ср.: Э. Иглон. Повесть временных лет о венграх. — Slavia, т. III. Debrecen, 1963, стр. 83—104.

¹⁴ Leo Diaponus. Bonnae, 1828, кн. VI, гл. 42, стр. 108; G. Cedrenus — J. Scylitz a, т. II. Bonnae, 1839, стр. 386; М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 272.

¹⁵ Annales Lamberti. — MGH SS, т. III, стр. 63.

ролем Иштваном I Арпадом (997—1038)¹⁶, чему не противоречит и участие в 1004 г. Венгрии (в союзе с Чехией и Германией) в войне против Польши. Двоюродный брат Ингвана I — герцог Ласло Сар — был женат на русской¹⁷, как полагают, Предславе Владимировне¹⁸.

О тесных связях русской и венгерской дружин свидетельствует и служба венгерской знати при русских княжеских дворах. У ростовского князя Бориса Владимировича был младший дружинник-отрок Георгий «родом сын угърск»; князь его любил и «взложил на нь гривну злату велику» (т. е. пожаловал придворным вассальным чином), в которой тот «спредстояше пред ним»; он погиб на р. Альте, защищая князя¹⁹. Брат Георгия Ефрем служил главным конюшим при том же князе²⁰. Их третьим братом был известный информатор летописца Моисей²¹, вероятно, в числе придворной дружины Предславы Владимировны попавший в польский плен. Не будет слишком смелым предположить, что традиционный суздальско-венгерский союз зародился в это время.

Можно думать, что с догосударственной поры имела связи с венграми Древянская (Деревская) земля (подобно тому как Словешская — со скандинавами и эстами, Радимичская — с поляками и т. д.), и потому ее князь Святослав Владимирович (быть может, даже женатый на венгерской герцогине)²² искал в 1015 г. спасения в бегстве на родину жены, но люди Святополка Святославича схватили его где-то на пути «ко горе Угорьстей»²³, т. е. в Перемышльской земле. Деревская же земля с этого времени прочно вошла в состав собственно Киевской.

В правление Ярослава Мудрого, враждуя с Византией и имея сложные отношения с европейскими соседями, Русь старалась сохранить союз с Венгрией, хотя это не всегда удавалось. В 1016—1018 гг. Русь поддерживала Германию и союзную ей Венгрию в их войне с Польшей²⁴. Охлаждение отношений наступило после заключения польско-немецкого договора в Будишине (1018 г.) и последовавшего за ним польско-венгерского мира. К походу на Русь в 1018 г. Болеслав Храбрый сумел привлечь и венгерскую полутьсячную рать²⁵; и во время польско-немецкой войны

¹⁶ ПВЛ, т. I, стр. 86.

¹⁷ *Scriptores Rerum Hungaricarum* (далее — SRH), т. I (*Chronici Hungarici compositio saeculo XIV*), стр. 344 («Uxorem de Ruthenia dicitur accepisse»).

¹⁸ N. Baumgarten. *Généalogies et mariages. Romae*, 1927, табл. I, № 17.

¹⁹ ПВЛ, т. I, стр. 91; Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, стр. 102.

²⁰ Макарий. История русской церкви, т. I. СПб., 1868, стр. 241; ПВЛ, т. II, стр. 358.

²¹ Патерик Киевского Печерского монастыря, стр. 102.

²² В. П. Шушарин. Указ. соч., стр. 155.

²³ ПВЛ, т. I, стр. 94.

²⁴ *Kronika Thietmara*, ed. M. Z. Jedlicki. Poznań, 1953 (далее — ТМ), кн. VII, гл. 65; В. Д. Корольков. Западные славяне и Киевская Русь. М., 1964, стр. 243.

²⁵ ТМ, кн. VIII, гл. 32.

1029—1031 гг. Русь и Венгрия были в разных лагерях: первая вместе с Германией воевала против Польши, которую поддерживал король Иштван I. Любопытно, однако, что его сын Имре носил титул «русского герцога»²⁶. «Русский герцог» — это, как установил Д. Дьерффи, «*dux exercitus regis*», состоявшего из руссов, а сам термин «русский» (*orosz*) имел в средневековой венгерской традиции значение вооруженного королевского стража²⁷.

Затем отношения с Венгрией наладились. Ярослав Мудрый, не получив помощи Генриха III (1039—1056) в византийском походе, противопоставил его имперской политике свои союзы с Польшей, Венгрией, Скандинавией, Францией и Византией.

В эти годы в Венгрии правил союзный Генриху III король Петр (1038—1041, 1044—1046). Его соперник, сын уже известного нам герцога Ласло, будущий король Андрей I (1046—1061) укрывался вместе с братом Левантом в Польше, затем искал прибежища на Волыни, но тамошний князь (это мог быть Игорь Ярославич) их не принял, видимо, опасаясь Петра, и они ушли к половцам²⁸.

Потом они якобы вернулись в Русь²⁹, откуда Андрей и был приглашен венгерской знатью на трон. Он женился на дочери русского князя, как полагают, Анастасии (Агмунде) Ярославне³⁰, с именем которой связывают основание двух православных монастырей — у Вышгорода и в Тормове (комитат Бихар); в последнем нашли убежище монахи Сазавского монастыря, изгнанные в 1055 г. из Чехии за принадлежность к православию³¹.

Переход власти к союзному Руси королю Андрею I вызвал противодействие Генриха III³², однако начатая им с Венгрией война была проиграна (1052 г.). Когда королем сделался Бела I (1061—1063), венгерский вопрос, кажется, стал предметом каких-то русско-немецких переговоров: спасаясь от преследований, Анастасия Ярославна вместе с сыном

²⁶ *Annales Hildesheimenses*.— MGH SS, т. III, стр. 98. После подписания немецко-венгерского мира в 1031 г. «Генрих (т. е. Имре), сын короля Стефана (т. е. Иштвана), *dux Ruizogum*, погиб горестной смертью, растерзанный на охоте вепрем».

²⁷ Gy. Györffy. Zur Geschichte der Eroberung Ochrids durch Basileios II.— Actes du XII-e Congrès International des Etudes Byzantines, т. II. Beograd, 1964, стр. 152—153.

²⁸ Simonis de Keza *Gesta Hungarorum*.— SRH, т. I, стр. 177.

²⁹ Gy. Moravcsik. *Byzantinoturcica*, т. I. Budapest, 1942, стр. 237—244.

³⁰ Anonimi *Gesta Hungarorum*.— SRH, т. I, стр. 56 (*filia ducis Ruthenorum*); ср.: стр. 337; см. также: *Annales Altahenses majores*.— MGH SS, т. XX, стр. 810—811; об имени княгини см.: *Adamus Bremensis. Gesta Hammaburgensis. Hannoverae et Lipsiae*, 1917, кн. III, гл. 12, schol. 63.

³¹ F. Dvornik. Die Benediktiner und die Christianisierung Rußlands.— *Erbe und Auftrag. Benediktinische Monatsschrift*, 1959, ежегодник 35, тетрадь 4, стр. 304.

³² Hermann von Reichenau.— MGH SS, т. V, стр. 126—127.

Шаламоном нашла убежище в Германии (1061 г.)³³, откуда послы Генриха IV (1056—1106) посещали ее брата великого князя Изяслава³⁴.

В пору борьбы между преемниками Ярослава Мудрого, осложненной обособлением перемышльско-тереховльских князей, мы наблюдаем взаимное стремление Ярославичей и Арпадов использовать союзные отношения в борьбе за власть. Уже будущий король Геца I (1074—1077), выступавший против союзного Германии Шаламона I (1063—1074), направил в 1072 г. на Русь (видимо, к Изяславу Ярославичу) своего брата, будущего короля Ласло, с посольством «спросить помощи своих друзей». Но тогда на Руси назревал новый конфликт Волыни с Черниговом из-за Киева, и помощи он не получил³⁵.

Волынско-киевский великий князь Святополк (1093—1113) дорожил венгерским союзом, который использовал против Перемышля и Тереховля. Едва ли широкие планы тамошних князей относительно Северного Причерноморья радовали венгерского короля. Можно думать, что Святополк и Ласло I (1077—1095) заключили какое-то соглашение по борьбе со степняками, ибо действия Руси против кочевников прямо отражались на Венгрии, которая имела среди них союзников. В войне против Генриха III король Андрей I прибегал к помощи печенежской рати (1052 г.); Геца I использовал рать хана Солтана против поддержанного немцами Шаламона (1074 г.)³⁶. Печенежские и половецкие набеги задевали Венгрию³⁷. Степь интересовала и перемышльских Ростиславичей, и вполне возможно, что именно при их участии половцы в 1092 г. напали на Венгрию³⁸, вызвав поход Ласло I на Русь, закончившийся, по данным хроник XIV в., полной победой короля³⁹.

Ростиславичи, отстаивая самостоятельность своей земли от Киева, не имели мира ни с Польшей, ни с Венгрией; естественно, они тяготели к союзу с Византией, втянутой в тяжелую борьбу с половцами. Зато Святополк, готовясь вооруженной рукой подчинить Перемышль, опирался на польско-венгерский союз. Его сын Ярослав женился (до 1091 г.) на дочери короля Ласло I⁴⁰; прочными были и его отношения с Кальманом (1095—1116). Вот почему, потерпев поражение на Рожни поле, он отправил сына к королю, «квабя утры» на Володаря Ростиславича. Ярослав в

³³ *Annales Altahenses majores.*—MGH SS, т. XX, стр. 810—811.

³⁴ *Annales Lamberti.*—MGH SS, т. V, стр. 219.

³⁵ *Chronici Hungarici compositio saeculo XIV.*—SRH, т. I, стр. 377—378, 381.

³⁶ Д. А. Расовский. Печенеги, торки и берендей на Руси и в Угрии.—*Seminarium Kondakovianum*, т. VI, Прага, 1933, стр. 44.

³⁷ В. Н. Ш у щ а р и в. Указ. соч., стр. 151; SRH, т. I, стр. 366 (1068 г.—половецкий набег), 369—371 (1071 г.—печенеги), 408 (1085 г.—набег на Трансильванию половецкого хана Кутеска), 412—413 (набег половецкого хана Конумьча, сына Кругля).

³⁸ SRH, т. I, стр. 414.

³⁹ Там же, стр. 425.

⁴⁰ M. Wertner. *Az Árpádok családi története* [Дипломатическая история Арпадов]. Nagybecskerek, 1892, стр. 205—210.

1099 г. привел рать Кальмана, с которым были и два епископа — Кунан и Лаврентий. Венгры стали под Перемышлем, где заперся Володарь. Давыд жас Игоревич добрался через его владения до степи и привел 30-тысячную рать хала Боняка. В битве под Перемышлем половцы разбили венгров по частям, что отразилось в победной половецкой песне, обработанной нашим летописцем⁴¹. По слухам, половцы убили до 40 тыс. венгров, в их числе и епископа Кунана, и «от бояр многы». Это событие довольно причудливо отразилось и в более поздних венгерских хрониках⁴². Перемышльско-теребовльская (будущая Галицкая) земля отстояла свою самостоятельность от Киева.

Союз волынского-киевского князя с Венгрией, однако, не пострадал. В 1102 г. была заключена венгерско-хорватская уния, территория, подвластная королю, намного увеличилась, и Венгрия получила выход к Адриатике. Вместе с тем, отстаивая унию, она вступила в вековую борьбу с Византией и поэтому была кровно заинтересована в союзниках против нее на Руси. Вслед за договором 1102 г. с Польшей Святополк Изяславич скрепил в 1104 г. свой союз с Венгрией, выдав дочь Предславу «в Угры за королевичь»⁴³, т. е., видимо, за герцога Альмоша, близкого родственника Кальмана⁴⁴. Поздняя традиция связывает с именем этого короля появление русского отряда королевских телохранителей — «русские [его] королевского величества» (*Rutheni Regiae Majestatis*), которые были поселены в «русском городе» Оросфале; оставаясь лично свободными людьми, они охраняли входы и ворота королевской резиденции⁴⁵. Если это правдоподобно⁴⁶ известие верно, то можно предполагать, что с потерей «русского корпуса» Византией он появился в Венгрии.

Не задаваясь целью решать сложный вопрос о давности русских поселений в Венгрии, хочу обратить внимание на один источник, проливающий свет на присущие им правовые нормы. Речь идет о Варадинском регестре, в котором помещены протоколы за 1208—1235 гг. о случаях

⁴¹ ПВЛ, т. I, стр. 479; М. Д. Присьелков. Летописание Западной Украины и Белоруссии.— Ученые записки ЛГУ. Серия историческая, вып. 7, 1941, стр. 10—11.

⁴² Оно изображено как кара за жестокость короля, не виявшего просьбе Ланки, жены русского князя (быть может, Давыда Игоревича), пощадить народ.— SRH, т. I, стр. 423—424.

⁴³ ПВЛ, т. I, стр. 185.

⁴⁴ О личности Альмоша — сына или брата короля — см.: А. В. Лонгинов. Родственные связи русских князей с угорским королевским домом.— Тр. Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX АС, 1893, стр. 317.

⁴⁵ Miklos Istvanffy [1568—1615]. *Historia regni Hungariae*.— В изд. *Historiarum regni Hungariae*, т. XXXIV. Viennae, 1758, кн. XVI, стр. 168.

⁴⁶ Любезные разъяснения наших коллег профессоров Д. Дьерффи и И. Шинковича позволяют видеть в Оросфале поселение, лежащее на Дунае к северу от Будапешта, севернее Вышеграда, Пограда и Ваца. См. также: Gy. Györfi. *Az Árpádokori Magyarország történeti földrajz, I. k.* [Историческая география времен Арпадов]. Budapest, 1963, стр. 464—465.

«божьего суда» (*judicium Dei*) посредством испытания каленым железом (*Regestrum Varadinense examinum ferri condentis*).

Под 1217 г. в нем зафиксирован такой казус. Несвободные «*castrenses*» села Вап, приписанные к замку Крашна, обязанные снабжать его продуктами и выполнять другие повинности, заявили о группе местных жителей, будто те суть их «*conciues*». Видимо, подзамковая челядь хотела привлечь их к выполнению своих повинностей. Но те ответили, что они — свободные люди, родом русские, и в доказательство сослались на своего родственника по имени *Chedur* (Федор). Дело дошло до суда, по решению которого было прибегнуто к испытанию каленым железом. Федор пронес каленое железо и тем доказал свободное состояние своих сородичей⁴⁷. Заметим, кстати, что испытание каленым железом — норма, хорошо известная и древнерусскому праву⁴⁸.

Итак, русско-венгерские отношения восходят к истокам обоих государств. Сперва Киев, а затем и Волынь находили в Венгрии союзника в соперничестве с черемышльско-тереховльскими князьями. Русско-венгерский союз содействовал борьбе этих стран с Византией за упрочение своих позиций в Причерноморье и на Адриатике; наконец, русско-венгерско-польский союз оказал положительное влияние на исход борьбы Польши и Венгрии с имперской политикой Германии.

⁴⁷ *Regestrum Varadinense*, ed. J. Karácsonyi, S. Borovszky. Budapest, 1903, № 74 («*Illi autem dixerunt se esse liberos et genere Ruthenos et adduxerunt defensorem libertatis sue, nomine Chedor, gente Ruthenorum... qui, dicens illos cognatos suos esse, tenuit libertatem eorum... Chedur... portato ferro iustificatus est, probavit illos liberos esse*»).

⁴⁸ ПРП, вып. I. М., 1952, стр. 110, 117; ср.: Б. Д. Греков. Избранные труды, т. II. М., 1959, стр. 584.

К ВОПРОСУ О ПРИХОДЕ РАДИМИЧЕЙ НА РУСЬ

Г. Ф. Соловьева

Одним из интереснейших вопросов русской истории является вопрос о приходе радимичей и вятичей на Русь. Несомненно, большое влияние на исследователей оказали известные слова летописца о происхождении обоих этих племен «от рода ляхов». В начале повествования о расселении племен летописец указывает, что «бьяста бо два брата в Лясах, Радим, а другой Вятко, и пришедьша седоста Радим на Союю и прозвашася радимичи, а Вятко седе с родом своим по Оце, от него же прозвашася вятичи»¹. Позднее, описывая поход Волчьего Хвоста — воеводы Владимира — на радимичей, он опять подчеркивает, что «быша же Радимичи от рода Ляхов, и ту ся вселиша и платят дань Руси и повоз везуть, и до сего дня»². Детальный анализ сообщения летописца дан в работе Б. А. Рыбакова «Радимичи»³.

В последние годы некоторые ученые вновь возвращаются к истории появления этих двух племен в Поднепровье и пытаются доказать их приход «от ляхов» общностью топонимических названий в Повисленье и левобережье Днепра. Так, Ф. Буяк в статье «Откуда пришли радимичи и вятичи на Русь?»⁴ ставит вопрос о первоначальном месте обитания этих двух племен и полагает, что оба племенных союза жили сначала на Висле, откуда вынуждены были уйти под напором германцев. В своем движении на восток они перешли верхний Днепр и осели затем одни (радимичи) на Союке, другие (вятичи) дальше, на Оке.

Доказательством для Ф. Буяка служит общность топонимических названий, встречающихся как в Польше, так и на территории летописных радимичей и вятичей. Для радимичей такими названиями являются: Будогощ (Budgoszcz)⁵ Хотомиль (Chotymil), Чечерск (Czeczersk), Чериков (Czeruków), Дроков (Droków), Гомель (Gomil), Лучин (Luczyn), Мглин (Mglin), Пропойск (Propost), Радомль (Radymil), Речица (Rieczysa) и некоторые другие. Однако картографирование этих названий показывает, что область, занимаемая ими, намного превосходит территорию радимичей. На-

¹ Ипатьевская летопись. СПб., 1871, стр. 7.

² Там же, стр. 56.

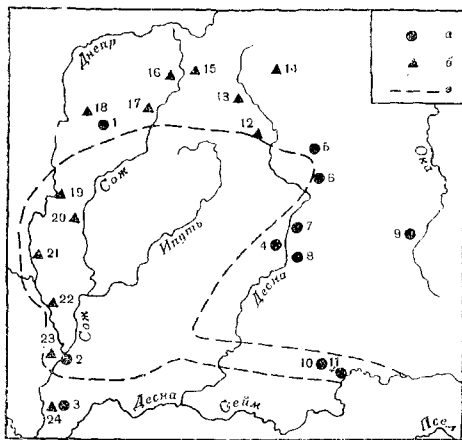
³ Б. А. Рыбаков. Радимичи. — Труды. т. III. Минск, 1932.

⁴ F. Buja k. Skąd przyszli Radzimicze i Wjatytcze na Ruś. — Światowit, с. XX. Warszawa, 1949, стр. 57 и сл.

⁵ В скобках дается название города в Польше.

Рис. 1. Распространение радимичских и кривичских названий в Поднепровье

1 — Радомля; 2 — Радуль; 3 — Радосыи; 4 — Радегощ; 5 — Радига; 6 — Радовица; 7 — Радегощ; 8 — Радегощ; 9 — Радугощ; 10 — Радугощ; 11 — Радубеж; 12 — Криволес; 13 — Кривотынь; 14 — Кривец; 15 — Кривец; 16 — Кривец; 17 — Крево; 18 — Кривель; 19 — оз. Кречаны; 20 — Кривск; 21 — Кривчи; 22 — Кривск; 23 — Кривец; 24 — Кривец
 а — радимичские названия; б — кривичские названия; в — граница радимичей (по Б. А. Рыбакову)

пример, такие названия, как Будгощ, известны и в Новгородской области, а Хотомль — на Припяти и т. д.

Вторым доказательством, по мнению Ф. Буяка, является распространение названий, созвучных наименованию племени радимичей и имени их легендарного вождя Радима. Эти названия в Польше, в бассейне Вислы образуют довольно компактную группу близ г. Гнезно: Radzyń, Radoviska, Radomno, Radziąds, Radomki, Radomin, Radosh, Radomice, Radzymin, Radzanów, Radzimowice, Radzymin, Radzyń.

Ф. Буяк отмечает, что аналогичные названия имеются и в Поднепровье, где радимичи появились позднее, уже после прихода их на Сож. Однако распространение названий, связанных с именем Радима, в Повисленье можно связывать скорее с именем не легендарного Радима (уже забытого в XI—XII вв.), а Радима Гауденция — архиепископа Гнезненского, брата святого Адальберта. Умерший в начале XI в. Радим, как и его брат, почитался святым, покровителем и защитником христиан от язычников. Как отмечал Ф. Буяк, большинство упомянутых им поселений с именем Радима относятся к XI—XII вв., т. е. ко времени наибольшего расцвета славы Радима Гауденция. Расположены эти поселения также все близ Гнезно — резиденции Радима.

Н. П. Барсов также сопоставлял широкое распространение названий с корнем рад на левобережье Днепра с именем радимичей⁶.

И действительно, на первый взгляд, таких названий кажется много (рис. 1). Так, в бассейне Днепра и Сожа мы встречаем следующие названия поселений: Радуга — на р. Проне, между Могилевом и Мстиславлем; Радомля — на р. Проне, южнее Радуги; Радсево — при впадении р. Бс-

⁶ Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885, стр. 154.

седь в Сож; Радево — при впадении Сожа в Днепр; Радуль — близ г. Любеча, на левом берегу Днепра; Радево — севернее Клева, на правом берегу Днепра; Радосын — в междуречье Днепра и Десны.

В бассейне Десны мы встречаем: Радино — в верховьях Сожа и Десны; Радично, Радично, Радинское, Радушно, Радогощ, Радчино, Радутино, Радомка, Радичи — все на правом берегу Десны; Радица, Радовица, Радегощ, Радогощ — на левом берегу Десны. В бассейне Оки количество таких названий убывает. Здесь есть Радомысль — на Клязьме; Радовица — близ Шатуры на Оке; Радомский Стан — близ Медыни; Радугощ и Радушно — на правом берегу верхнего течения Оки. На Сейме мы встречаем Радковичи, Радугощ, Радубеж — на правом берегу Сейма и Радудичи — на левом его берегу. Следует отметить и реки с аналогичным названием: Рада-тащ — правый приток Ржавки, левый приток Днепра; Редагочь — левый приток Ужати, левый приток Болвы, левый приток Десны; Радагочь — правый приток Свапы, правый приток Сейма; Радчинка — правый приток Болвы, левый приток Десны; Радица — левый приток Десны; Радовица — левый приток Вытебети, левый приток Десны; Радея — левый приток Прудков, левый приток Днепра.

Рассмотрим теперь, все ли перечисленные выше названия на левобережье Днепра можно сопоставлять с Радимом и радимичами.

Такие названия, как Радея, Радчино, Радчинка, по-видимому, мы должны связывать с более ранним балтским слоем на этой территории⁷. По всей вероятности, необходимо также исключить из списка и название с суффиксами *-ичи*, *-овичи* как более поздние белорусские словообразования. Таким образом, большинство названий с корнем рад, на которые ссылается Ф. Буяк, по-видимому, не принадлежат радимичам. Из оставшихся наибольший интерес представляют образования с суффиксами *-ля* и *-гощ* (*гост*) как названия местности, происходящие от собственного имени, а также названия с суффиксами *-ица* как славянские. Такими поселениями являются Радомля — поселение, расположенное в верховьях Днепра; Радуль — на левом берегу Днепра, южнее Гомеля; Радосын — на Десне; Радугощ — на правом берегу Десны; Радогощ, Радица, Радовица, Радогощ, Радагочь — на левом берегу Десны; Радогощ и Радубеж — на Сейме; Радугощ — на Оке.

Можем ли мы все эти названия связывать с именем только одного Радима — вождя радимичей?

Как известно, легенда об образовании имени племени от одного прародителя-вождя характерна для всех племен и народов. Мы знаем, что у ляхов был Лех, у чехов — Чех, у хорватов — Хорват; праотцем швабов считался Шваб, гермионов — Гермин, вандалов — Вандал и т. д. Еще

⁷ В. Н. Тоцоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, стр. 203.

П. И. Шафарик в свое время отмечал, что на определенном историческом этапе развития неизвестные вожди получают имя целого народа и воспеваются признательным потомством как отцы его⁸. По-видимому, так произошло и с Радимом. Имя Радим встречается в чешских хрониках X—XI вв. Один из них был военачальником и погиб в 1082 г. в битве с Австрией⁹, другой Радим, как упоминалось выше, — знаменитый епископ Гнезненский¹⁰. В. Н. Татищев упоминает имена еще трех князей, которые, по его мнению, могли быть родоначальниками радимичей. «Имя радимичи, — писал он, — могло от владетеля произойти, понеже в князех словенских подобных ему имен много находится яко Радегаст, Радомысл, Радослав»¹¹. Таким образом, у восточных славян нам известны следующие имена князей или военачальников, которые могли дать свое имя поселениям: Радим — вождь радимичей; Радегаст, Радомысл, Радослав — князья, упоминаемые В. Н. Татищевым.

Если даже признать, что все эти люди действительно существовали, то большинство названий мы скорее должны сопоставлять с именами князей Татищева, нежели с Радимом. Сюда относятся все названия с суффиксами *-гощ* (*гост*) (Радегощ, Радогост и др.), а также и Радомысль. С именем Радима можно связывать только одно поселение — Радомля (был. Радимин), расположенное в устье р. Прони в Могилевской области. Разведки, произведенные И. А. Сербовым¹² на этом городище, обнаружили на нем два слоя: с ранней лепной керамикой и великокняжеский, XI—XII вв. Ни один из этих слоев не может быть сопоставлен с появлением радимичей в Поднепровье, время которого большинство исследователей относят к третьей четверти I тысячелетия н. э.

Территория радимичей, определенная летописцем коротко — «на Соже», была установлена Б. А. Рыбаковым на основании анализа археологического материала¹³. Как показывает картографирование (см. рис. 1), на основной территории радимичей названия с корнем *ра д* почти не встречаются. Они расположены преимущественно вдоль границы Радимичской земли. Причем наибольшее их количество находится на Десне — на границе с вятичами, и на Сейме — на границе с северянами. По-видимому, радимичи не имели твердой границы ни с одним из этих племен и отдельные их группы проникали на территорию вятичей и северян. Пришельцы, а вместе с ними и местность, получали имя своего племени в отличие от абортитенов. Этому мирному проникновению жителей одного племени на территорию другого

⁸ П. И. Шафарик. Славянские древности, т. I, кн. I. 1848, стр. 389.

⁹ Козьма Пражский. Чешская хроника. М., 1962, стр. 148.

¹⁰ Там же, стр. 79, 108, 109, 145, 146.

¹¹ В. Н. Татищев. История Российская, т. IV. М., 1964, стр. 410.

¹² И. А. Сербов. Археологические исследования у вадасбора рек Прони — Ухлясьці ў был. Магилеўшчане. — Працы, т. III. Менск, 1932.

¹³ Б. А. Рыбаков. Указ. соч.

способствовала и та общность обрядов и обычаев, на которую указывал еще летописец: «И радимичи, и вятичи, и северъ один обычай имяху...»¹⁴

Совершенно иную картину представляет граница радимичей на юге и на северо-западе. Ни поляне, ни кривичи не только не пропускали к себе радимичей, но сами теснили их. Это главным образом относится к кривичам, которые постепенно захватывали среднее течение Днепра и Сожа. Так, географические названия, связанные с именем кривичей, узкой цепочкой тянутся по Днепру, почти вплоть до впадения в него Десны. Это Кривотынь, Кривец — в верховьях Десны; Кривец, Кривец, Криволес — в верховьях Сожа; Кривель — на Днепре, близ Могилева; Кривск, Кривчи, Крева — в междуречье Днепра и Сожа; Кривец — в устье Сожа. Кроме того, известны озеро Кречаны близ г. Рогачева Гомельской области и река Кривель, в бассейне Беседи. В 1966 г. я раскопала курганную группу близ с. Новый Кривск. Все раскопанные курганы X и начала XI в. принадлежат радимичам, но в курганах XI и начала XII в. появляются браслетообразные височные кольца, характерные для кривичей. Это дает возможность говорить о первоначальном заселении этого места радимичами и о появлении здесь в XI—XII вв. кривичей, которые и дали название поселению — «Кривск». Все остальные курганные группы вокруг Кривска были радимичские (Гадиловичи, Обидовичи, Веточка и др.). Кривичи здесь были пригильцами.

Анализ топонимических названий с корнем рад в Поднепровье не дает оснований сопоставлять все эти названия с приходом радимичей из Польши. Скорее всего мы здесь имеем дело с вполне определенным обычаем. Как известно, название того или иного народа встречается, как правило, или на границе территории этого народа, или за ее пределами, когда какая-то его часть попадает в чуждую среду. Так, видимо, было с радимичскими поселениями на территории северян и вятичей и кривичскими поселениями на территории радимичей.

Анализ археологического материала, особенно украшений X—XII вв., сближает радимичские курганы скорее с более южными или даже юго-западными районами.

Вопрос о появлении радимичей в Поднепровье, конечно, не может быть решен в этой статье. Но следует обратить внимание на то, что лингвисты отмечают общность гидронимических названий Посожья и Поднепровья¹⁵.

¹⁴ ПСРЛ, т. I. М., 1962, стб. 15.

¹⁵ В. Н. Т о п о р о в, О. П. Т р у б а ч е в. Указ. соч., стр. 244.

«ЛИТОВСКАЯ И ЖМОИТСКАЯ ХРОНИКА» И ЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ХРОНИКАМ БЫХОВЦА И М. СТРЬИКОВСКОГО

Н. Н. Улащик

В Государственной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде хранится рукопись, озаглавленная «Литовская и Жмоитская хроника», а непосредственно перед текстом в ней есть еще один заголовок: «Вывод и початок о Великом о князстве Литовском и Жмоитском, отколь взмоглися и пошли» (отдел рукописей, Ф. IV. 372). «Хроника» написана на плотной белой бумаге желтоватого оттенка, водяные знаки разные, но основу их составляет квадратная рамка, внутри которой находятся буквы РФ. Подобный знак (не совсем совпадающий) есть у Клепикова, по данным которого такая бумага выделялась в начале 40-х годов XVIII столетия на фабрике Гончаровых¹. Написана вся рукопись одной рукой, очень четким почерком, темно-коричневыми чернилами. Переплет картонный XIX в. При переплетении края рукописи были обрезаны, причем частично срезаны и надписи на полях. На обороте переплета карандашная надпись: «Из собрания книг Степана Кулова». Всего в «Хронике» 121 пронумерованный лист (от 484 до 604 включительно), но в начале есть еще один, как бы титульный, на котором и написано заглавие. Наличие такого листа, надпись на котором сделана теми же чернилами, какими писана вся рукопись, говорит, возможно, о том, что «Хроника» с самого начала рассматривалась как самостоятельное произведение, хотя рукопись и начинается с листа 484. Собственно литовская хроника занимает листы 484—571, а на последующих изложена история Польши. Заголовок польской части следующий: «Короткое собрание кройники польской, ведлуг наступованя одного по другом всех княжат и кролев народу того полского, почавши найпервей от Леха першого монархи и справцы поляков аж до кроля Владислава четвертого, заховуючи порадок». В действительности, эта «Хроника» заканчивается на событиях 80-х годов XVI в. Последняя запись озаглавлена: «Повесть о Подкове, господару волоском» (Подкова казнен в 1578 г.). Составитель хроники явно не намеревался продолжать изложение дальше, так как на оставшихся свободными листах 603об.—604 он записал события XII—XIII столетий, озаглавив их так: «Тут позосталыи некоторые речи от кройник веломинаю».

Поскольку в украинских и белорусских хронографах конец обычно за-

¹ С. А. Клепиков. Фигураны и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX вв. М., 1959, № 466.

нимает хроника Литвы и Польши (в начале излагается история всемирная и Киевской Руси), то можно предположить, что и данная «Хроника» тоже представляет собой конец какого-то хронографа. На это же указывают и такие карандашные записи на обороте «титального» листа: «О сивиллах, 179; Александр Великий, 160; Савская парица, 110; Ольга, кн. русская, 420; Ванда Краковская, 574». Видимо, записи эти показывают, на каких листах рукописи говорилось о перечисленных персонажах. Из указанных листов в рукописи есть только 574-й, на котором действительно имеется запись о Ванде, легендарном персонаже польской истории.

В «Хронике» история Литвы излагается от времен легендарных до 1588 г., и этот источник по объему (около 12 печатных листов) значительно превышает все известные хроники, содержащие историю Литовского государства, включая пространную хронику Быховца². Поэтому при чтении «Хроники» сразу возникает вопрос о ее взаимоотношении как с хроникой Быховца, так и с трудом М. Стрыйковского³, поскольку Стрыйковский излагал историю Литовского государства по хроникам или летописям, очень близким к хронике Быховца⁴.

При самом беглом сравнении «Хроники» с хроникой Быховца видно, что прямой связи между ними нет, так как в «Хронике» отсутствуют или переданы совершенно иначе такие характерные для Быховца разделы, как описание последнего сватовства короля Ягайло, описание Грюнвальдской и Клецкой битв, убийства князя Сигизмунда и т. д.

Совершенно иная картина получается при сравнении ее с хроникой М. Стрыйковского, потому что тексты этих источников во многих местах совпадают буквально (в той, конечно, мере, в какой это возможно при сравнении оригинала с переводом). Вот, например, рассказ обоих источников о политическом устройстве Полоцка:

Хроника

Потом теж мел суседство с полочаны и границу прилеглию. Которые в той час волно себе паловали и жадной зверхности над собою не мели, тылько 30 мужов с посродку речи посполитой своей на поточные sprawy судей и сенато-

Хроника Стрыйковского

Potym też miał sąsiedztwo z połoczany i granice przyległe, którzy w tenczas wolno sobie panowali i żadnej zwierzchności nad sobą nie mieli, tylko trzydziestci mężów starców z posrodku rzeczypospolitej swojej na potoczne spra-

² Хроника Быховца издана впервые в 1846 г. (см.: T. Narbutt. Pomniki do dziejów litewskich. Wilno, 1846) и второй раз в ПСРЛ, т. XVII. СПб., 1907. В 1966 г. она вышла в переводе на русский язык отдельным изданием.

³ Первое издание хроники М. Стрыйковского вышло в 1582 г. в Кенигсберге (см.: M. Strykowski. Kronika polska, litewska, żmudzka i wszystkjej Rusi. Królewiec, 1582). В этой работе ссылки даются на варшавское издание 1846 г.

⁴ А. И. Рогов. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. М., 1966, стр. 167, 187, 210.

ров преладали. А наибольшеи за знаком звону великого, который в посрод места был завешаные, где все збиралися, там и о справах своих и о потребах речи посполитое и держав своих радили, бо держали на тои час землю Рускую сами мещане полоцкие (488).

wy i sądy jako senatorów przekładali, a najwięcej za znakiem dzwonu wielkiego, który posród miasta był zawieszony, wszyscy się zbierali, a tam o sprawach i potrzebach rzeczypospolitej swojej i dzierżaw swoich (bo trzymali na ten czas ziemie Ruskiej sami mieszczaństwo na mil kilkudziesiąt) radzili (т. I, стр. 239, 240) *.

* Перевод: Потом также имел соседство с полочанами и границу смежную, которые в то время вольно себе жили и никакой верховной власти над собой не имели, только тридцать мужей, старцев, избранных в своей республике для публичных дел и которые суд, как сенаторы, производили. А наиболее по сигналу колокола большого, который висел среди города, собирались все и там о делах и пундах республики своей и своих имений (потому что в то время Русской землей сами мещане полочапе на несколько миль ведали).

Сравнивая эти отрывки, видим, что «Кроника» представляет буквальный перевод текста Стрыйковского, бессмысленное же слово «преладали» явилось в результате описки (автор «Кроники» просто переписал кириллицей польское слово «прекладали», что означает «перекладывали», но у Стрыйковского оно имеет смысл «производили» или «ведали»).

Еще более показательна зависимость «Кроники» от Стрыйковского в тех местах, где между обоими источниками есть разница. Однажды, плывя Двиной из Витебска в Ригу, Стрыйковский осмотрел один из так называемых Борисовых камней (огромный валун, расположенный посередине Двины, на котором была высечена надпись). В результате осмотра Стрыйковский поместил в своей книге рисунок креста и написал, что он видел камень, «плывя на низ до Риги» (na níz do Ryqi pływąc) (т. I, стр. 241). В «Кронике» помещен рисунок креста, точно такой же, как у Стрыйковского, а далее написано, что крест находится «на низ дорогою едучи» (л. 489 об.). «Дорогою едучи», наехать на камень, расположенный посредине реки, нельзя. Здесь явно вместо «на низ до Риги» написано «на низ дорогою»; рисунок же креста и сама ошибка говорят о заимствовании у Стрыйковского.

Подобные расхождения имеются и в других местах, но они опять-таки показывают, что это просто неудачный перевод или описка. У Стрыйковского, например, сказано, что Ольгерд во время похода на Москву приказал строить дорогу для спешного (spieszego) продвижения (т. II, стр. 11), а в «Кронике» это место передано так: «Росказал Олгерд дороги [строить] для пешшого простого тягнения» (л. 518 об.). Впрочем, вина за эти несуразности ложится, возможно, не столько на самого автора хроники, сколько на переводчика Стрыйковского, так как хронист явно пользовался не печат-

ным изданием, а рукописью, рукопись же, всего вероятнее, представляла собой перевод. Доказательством того, что автор «Кроники» пользовался не печатным текстом, служат неувязки при трехкратных ссылках на листы хроники Стрыйковского. В первом случае сказано (л. 506об.), что об отказе князя Константина Кориатовича сменить православие на католицизм и стать королем польским говорится на листе УОЗ (477), но в первом издании Стрыйковского (на которое только и могла быть дана ссылка) это событие изложено на стр. 427. Далее хронист утверждает (л. 506об.), что о Яне Гусе и Иерониме Пражском у Стрыйковского сказано на листе ФКД (524), а в издании 1582 г. это сообщение находится на стр. 457; в третьем случае сказано (л. 520), что о женитьбе плочкого епископа говорится на листе ФКЗ (527), тогда как в издании 1582 г. об этом сказано на стр. 460.

Однако если в «Кронике» есть места, представляющие просто перевод со Стрыйковского, то рядом имеются и такие расхождения, которые показывают, что хронист пользовался дополнительными источниками, которых Стрыйковский не знал или не передал. Стрыйковский, например, говорит, что ему неизвестно происхождение названия города Вилькомира (т. I, стр. 85). То же сказано и в «Кронике» (л. 485), но на листе 486 приводится легенда о происхождении этого названия (волки в той местности жили в мире с домашним скотом). На том же листе 486 есть объяснение названия озера «Спера», чего у Стрыйковского нет.

Попытку объяснить происхождение названий мог предпринять сам автор «Кроники». Но в других случаях он не мог этого сделать, потому что в рассказах чувствуется очевидец, а описанные события происходили в XIV и XV столетиях. В «Кронике», например, под 1320 г. так описывается обстановка во время голода: люди «голод незносный свои тым усмирили навет: гды ишол хто, любо муж який сам або жона якая, хлопец або девка улицею, выпадали з хат, з дворов иншие люде, хватали а забивали и ели. Которы то голод две лете целых трвал» (л. 499). Не менее примечательны сообщения хроник и о 1445 г. Передав известные сведения о голоде в Смоленске, хронист далее пишет: «Так же и в Литве, для которой дорожны в людех учинилося великое забойство, же в ночи находило убозство сотнями на двори богатых, ба, и в день! А розбивали, и хлеб брали, а солонину, сыр, масло, пшено, и ивиное, що ести, а болш ничего не брали: ни суконь, ни грошей» (лл. 536 об., 537).

Очень часты различия в географических названиях и в написании личных имен. Так, на л. 484 «Кроники» сказано, что предки литовцев, которые плыли из Италии в Литву морем, дошли до реки Кисаги, тогда как у Стрыйковского она называется Шума (т. I, стр. 55). Одно из устьев Немана называется в «Кронике» Гекса (л. 484об.), а у Стрыйковского — Гилия (т. I, стр. 56). Очевидно, так изменены названия, если бы хронист пользовался только работой Стрыйковского, было невозможно.

Очень много расхождений имеется в той части, где говорится о правлении Миндовга и событиях, происходивших вскоре после его смерти.

Говоря о причинах ухода Войшелка от отца, хронист ссылается на нескольких летописцев, тогда как Стрыйковский — на одного. Причина, по которой Войшелк ушел от отца, в обоих источниках названа одинаковая: из-за того, что Миндовг вернулся к язычеству, но в «Кронике» добавлено, что Миндовг сделал это, «не могучи сношения от разных станов терпети», т. е., очевидно, укоров со стороны различных слоев населения. Кроме того, в «Кронике» сказано, что Войшелк жил в Галиче, «маючи вшелякое доволство и честь, яко кролевич, от Данила, короля руского» (л. 493об.), чего у Стрыйковского нет. В «Кронике» сказано, что Войшелк не дошел до Святой горы «за розбоями» (л. 493об.), тогда, как по Стрыйковскому, — из-за дальнего расстояния (т. I, стр. 297).

Одним из различий между обоими источниками является то, что в «Кронике» гораздо чаще приводятся данные о числе воинов, участвовавших в том или ином сражении, хотя следует сказать, что цифры эти нельзя признать даже и отдаленно соответствующими истине. В особенности неумеренны показатели «Кроники» о количестве бойцов, участвовавших в Грюнвальдской битве (в польской армии было 500 тыс. бойцов, кроме обслуги, а в литовской — 257 тыс., тоже исключая обслугу).

Еще больший разнобой получается при датировке событий. «Кроника» начинает сообщать даты с середины XIII столетия. Так, разгром литовцев Ярославом Всеволодовичем произошел в 1257 г. (л. 486об.), основание Новогрудка Ердвиллом (Радивилом) — в 1258 г. (лл. 486об.—487), разгром татар при устье Припяти — в 1263 г. (л. 487об.). В 1265 г. Полоцк был завоеван литвой (л. 488об.). В 1268 г. умер князь Мингайло (л. 488об.). Всех этих дат у Стрыйковского нет, когда же годы появляются, они резко расходятся с датами «Кроники», причем Стрыйковский сообщает гораздо более реальные даты, хотя и его хронология тоже достаточно путаная.

Битва с татарами у Койданава, по «Кронике», произошла в 1272 г. (л. 490об.), а по Стрыйковскому — в 1221 г. (т. I, стр. 247); крещение и коронация Миндовга — соответственно в 1286 г. (лл. 492, 492об.) и в 1252 г. (т. I, стр. 288). Поход Миндовга на Мазовию по первому источнику происходил в 1289 г. (л. 493), а по второму — в 1262 г. (т. I, стр. 296). В последующие годы разрыв в датах становится меньшим, но все же он очень велик. Лишь на событиях 1328, 1329 гг. и в конце обе хроники сходятся. Как бы ни рассматривать это явление, нужно признать, что если бы составитель хроники просто переводил текст Стрыйковского, подобных расхождений не могло бы быть.

Весьма существенна разница и в том, что в «Кронике» содержится странная повесть о Куликовской битве, заимствованная из «Синописа», тогда как у Стрыйковского этому событию посвящено несколько строк, да и то лишь с целью объяснить причину похода Ольгерда на Москву. Повесть о Куликовской битве, прославляющая Дмитрия Донского, находится в полном противоречии с остальным текстом «Кроники», пролитовским и антимосковским.

Также велика разница между «Кроникой» и Стрыйковским при описании сватовства и женитьбы великого князя Александра на Елене Ивановне, дочери великого князя московского, потому что в «Кронике» об этом имеется целый красочный рассказ, а у Стрыйковского сказано предельно кратко. Радзивилла Стрыйковский ничем не выделяет среди других знатных лиц, тогда как в «Кронике» он изображен в качестве родоначальника литовской великокняжеской династии. В сущности, в обоих источниках события описаны одинаково, но, по Стрыйковскому, предком Миндовга, великого князя литовского, был Ердвил; в «Кронике» же он называется Радвиллом (при первых упоминаниях об этом персонаже он именуется «Ердвил або Радвил», но далее уже только «Радвил»). Столь удобная замена имени едва ли произошла без участия самих Радзивиллов. В связи с этим, возможно, приобретают особый смысл ошибки в наименовании города Лужка Слуцком, а князя лужского князем слущим (л. 489), потому что с начала XVII столетия Слуцк стал самым крупным и богатым городом во владениях Радзивиллов, иначе говоря, возможно, что корни этой части «Кроники» тянутся к Слуцку. Автор «Кроники», положив в основу работы хронику М. Стрыйковского, использовал еще ряд источников: Синописис, хроники М. Бельского (по Бельскому изложен конец Ливонской войны) и Гваньини, возможно, работу А. Кояловича, актовые материалы, народные предания и, возможно, еще какие-то источники.

Где в таком случае была написана «Кроника» и кто ее автор?

В 1854 г. при публикации летописи Грябянки⁵ И. Самчевский были напечатаны в виде приложения к этой летописи отрывки из хронографа Боболинского, в том числе «Повесть о Ивоне, господару волоском»⁶ и

⁵ Летопись Григория Грябянки. Киев, 1854.

⁶ Сам Боболинский называл свое произведение «Летописец сии ест кропика» (см.: Летопись Григория Грябянки, стр. III). Впрочем, М. Максимович считал, что Боболинский был не автором, а только переписчиком хронографа (см.: М. Максимович. Сочинения, т. I. Киев, 1876, стр. 167). Эту версию поддерживает и В. Науменко (Хронографы южнорусской редакции.— ЖМНП, ч. 239, 1885, стр. 81).

И. Самчевский, публикуя отрывки из хронографа Боболинского, выбрал, как ему казалось, самые оригинальные и ценные известия («не встречающиеся нигде в наших летописях») из этого источника, и среди них оказались обе «повести» (Летопись Григория Грябянки, стр. VIII). Но в 1890 г. исследователь, подписавшийся инициалами К. М. (Мельник?) (Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, т. I. Киев, 1890, стр. 90, 91), показал, что автором обеих «повестей» (об Ивоне и о Подкове) был поляк Горецкий, работа которого первоначально издана в 1578 г. во Франкфурте и которую (очевидно, в рукописи) знал М. Бельский. Тот же К. М. показал, что хотя в этих «повестях» говорится о совместной борьбе молдаван и казаков, к украинским казакам и вообще к казакам в нашем понимании этого слова «повести» отношения не имеют, так как в XVI столетии казаками называли вообще всех вольных людей любой национальности и страны, принимавших участие в военных походах (там, же стр. 93), явно выраженный польско-шляхетский характер «повестей» вполне соответствует этим замечаниям. Однако автор «Української історіографії» (Київ, 1959, стр. 56) М. И. Марченко утверждает, что в «повестях» «сообщается об общей борьбе молдаван-

«Повесть о Подкове, господару волоском». Текст этих «повестей» почти дословно совпадает с текстом аналогичных «повестей», находящихся в польской части «Кроники». Таким образом, близость «Кроники» и хронографа Боболинского не вызывает сомнений, но сверить тексты обоих источников невозможно, так как после публикации «повестей» конец хронографа Боболинского, в котором была изложена история Литвы и Польши, исчез⁷.

Однако в 1792 г. с хронографа была снята копия, которая сейчас находится в Эрмитажном собрании отдела рукописей ГПБ (№ 320/1, 2, 3). Поэтому для сравнения «Кроники» с Эрмитажной копией необходимо определить, в какой мере копия соответствует оригиналу. Сравнение «повестей», опубликованных И. Самчевским в 1854 г., с «Кроникой» и Эрмитажной копией говорит, во-первых, о том, что при публикации были допущены ошибки (вместо «губы» напечатано «зубы», вместо «входу» — «броду», стр. 282, 285), а, во-вторых, что между «повестями» и Эрмитажной копией гораздо больше сходства, чем между тем же текстом и «Кроникой». Учитывая, что при издании И. Самчевский допустил ряд неточностей, все же можно предполагать, что Эрмитажная копия очень близка к оригиналу.

Обстоятельством, которое сближает опубликованные «повести» с Эрмитажной копией, а вместе с тем создает различие с «Кроникой», являются украинизмы, очень сильные в копии и в «повестях», тогда как язык «Кроники», в особенности за пределами «повестей», близок к языку белорусских летописей, помещенных в т. XVII ПСРЛ. Так, в копии пишется «мыли», «обичай», «лыши», «коси», «Мынск» (лл. 1315об., 1317, 1318об., 1322), а в «Кронике» — «мялыя», «обычай», «лышы», «косы», «Минск» (лл. 488об., 489, 489об., 490).

Хронограф Боболинского создан в 1699 г., «Кроника» — примерно в середине XVIII столетия. Таким образом, «Кроника» могла быть списана с хронографа Боболинского, но языковая разница между ними настолько сильна, что или переписчик «Кроники», переписывая хронограф, сильно изменил язык, или же она списана с какого-то другого оригинала.

В том же отделе рукописей ГПБ имеется еще один хронограф, который в описях называется «южнорусским», текст его совпадает с текстами как Эрмитажной копии, так и «Кроники». На первом листе этой рукописи помечено, что она написана «в Красноярску». Книжный знак ее — герб Амстердама с литерами АР. По данным С. А. Клепикова, такая бумага выделялась в 1720—1740 гг.⁸, а по материалам Е. Хивуда (знаки не совсем

ского народа и украинского казачества против турецкого нашествия». Оценив «повести» как сообщения первозрядного значения для украинской историографии, он ничего не сказал о статье К. М. Если М. И. Марченко считает, что К. М. ошибался, то почему об этом не сказать, а если ошибся Самчевский, приняв давно известное сообщение за новость, то почему эту ошибку повторил Марченко?

⁷ В. Науменко. Указ. соч., стр. 52.

⁸ С. А. Клепиков. Бумаги с филигранями «герба Амстердама». — Записки отдела рукописей ГБЛ в Москве, вып. 20, 1958, стр. 326, 332.

совпадают), дата приходится на 1723—1729 г.⁹ На первом листе рукописи имеется дата, написанная латинскими буквами. Вторая цифра этой даты нечетка (буква d написана как O), но, приняв эту букву за d, будем иметь цифру 1750. Значит, «Кроника» и «Красноярский» хронограф были написаны приблизительно в одно время, возможно, хронограф — несколько раньше. По языку обе рукописи близки, однако в ряде случаев слово, написанное правильно в одной рукописи, искажено в другой и наоборот. Так, в «Кронике» встречается непонятное слово «чигаючи» (л. 497об.), тогда как в хронографе написано «чекаючи», т. е. «ожидая» (л. 160). В то же время в хронографе есть искаженное отчество (Магитовтовичю», л. 243об.), тогда как в «Кронике» оно написано правильно — «Монтовтовичу» (л. 549). В хронографе искажено название города («Мозыров», л. 245об.), а в «Кронике» написано правильно — «Мозыри» (л. 550). При таком положении можно предположить, что оригиналом для обеих служила какая-то третья рукопись, но не хронограф Боболинского. Кроме прочего, «Красноярский» хронограф и «Кроника» различаются и тем, что в хронографе часто встречаются украинизмы, тогда как в «Кронике» во всей рукописи устойчиво дается только украинское «що». Если учесть, что в белорусском Полесье вместо обычного для белорусов «што» употребляется «що», то и этот признак нельзя принять за определенно украинский. Подобный же хронограф обнаружен В. И. Бугановым в Тобольском архиве.

В связи с приобретением нового хронографа, у которого не было конца (рукопись обрывалась на листе 483)¹⁰, в 1885 г. в печати выступил В. Науменко, который считал, что его хронограф является или копией хронографа Боболинского или же что они оба списаны с одного и того же оригинала (он больше склонялся к первой версии)¹¹. Из своего хронографа В. Науменко опубликовал в числе прочих отрывок, содержащий описание битвы между отрядами Федора Острожского и польским, в которой Острожский одержал победу¹². В «Кронике» есть описание той же битвы, но оно отличается от текста хронографа В. Науменко. Это обстоятельство, однако, не может служить показателем, что оба источника говорят о битве по-разному, так как в хронографах битва эта описана дважды: один раз при изложении истории Киевской Руси под 1433 г., а другой — в разделе, посвященном истории Литвы, под 1442 г. Очевидно, дважды она описана и в хронографе В. Науменко, а так как этот автор опубликовал лишь отрывок, датированный 1433 г. (в его хронографе отсутствовали разделы, в которых излагалась история Литвы и Польши), то можно предположить, что «Кроника» и есть конец того хронографа, начало которого было у В. Науменко.

⁹ E. Neawood. Watermarks mainly of the 17 and 18 centuries. Hilversum, 1950, № 405, 407, 408.

¹⁰ В. Науменко. Указ. соч., стр. 57.

¹¹ Там же, стр. 52, 57.

¹² Там же, стр. 48.

Сомнение вызывает лишь то, что листы хронографа В. Науменко были пронумерованы буквами, тогда как «Хроники» — цифрами.

И. Самчевский, публикуя в 1854 г. отрывки из хронографа Боболинского, написал, что раздел, содержащий историю Литвы в этом хронографе, «есть не что иное, как литовская хроника, принадлежащая неизвестному писателю конца XVI или начала XVII столетия, напечатанная Ф. Нарбутом в 1846 г.», т. е. что она списана с хроники Быховца. Далес И. Самчевский писал, что «Боболинский внес ее в свой «Летописец» с небольшими дополнениями, изменив несколько ее язык»¹³. Оба эти положения И. Самчевского были дословно повторены (в подстрочном примечании) А. Н. Пыпиным и В. Д. Спасовичем в 1879 г.¹⁴, а затем В. Науменко¹⁵, и таким образом как бы утвердились в литературе.

Причина, почему Самчевский принял соответствующий раздел хронографа Боболинского за копию хроники Быховца, ясна: М. Стрыйковский (как уже упоминалось) писал разделы своей хроники, касающиеся истории Великого княжества Литовского, по источникам, очень близким к хронике Быховца, в особенности близки были эти источники при изложении печальных этапов истории Литовского государства, в результате чего Самчевский и принял хронику Стрыйковского за хронику Быховца.

Вполне возможно, что автор (или авторы) хронографа Боболинского, созданного на северо-западе Украины, имел под рукой «Хронику» Великого княжества Литовского, написанную во владениях Радзивиллов, предположительно в Слуцке, иначе непонятно, почему православный монах Боболинский приписал Радзивиллам самую пышную из известных родословную и почему он, будучи украинцем, путает Луцк со Слуцком. На последних этапах создания «Хроники» была дополнена материалами, отражающими историю Украины и в частности украинско-молдавские связи.

«Хроника», несмотря на свой компилятивный характер и на то, что она является частью большого труда, представляет собой самостоятельный исторический источник, в ряде мест дополняющий сведения летописей, помещенных в т. XVII ПСРЛ, и поэтому достойна публикации в серии «Полное собрание русских летописей».

¹³ Летопись Григория Грябьки, стр. VII.

¹⁴ А. Н. Пып и н, В. Д. С п а с о в и ч. История славянских литератур. СПб., 1879, стр. 343.

¹⁵ В. Н а у м е н к о. Указ. соч., стр. 58.

К ИЗУЧЕНИЮ «ИСТОРИИ» КНЯЗЯ КУРБСКОГО (О поучении попа Сильвестра)

С. О. Шмидт

1547 год — первый год «Московского царства» — ознаменован был массовым восстанием в Москве. Восстанию предшествовал «великий пожар» 21 июня. Важнейшими моментами восстания были созыв веча, а затем убийство в Кремле дяди царя князя Ю. В. Глинского, расправа над людьми Глинских 26 июня и поход москвичей 29 июня в подмосковное с. Воробьево, где укрылся царь Иван. Советские ученые признают московское восстание крупнейшим явлением политической истории России середины XVI в., во многом определившим дальнейшую правительственную деятельность.

События июня 1547 г. произвели сильное впечатление на современников, даже по прошествии многих лет воспринимались как особо значительные, а описание их тенденциозно использовалось публицистами для обоснования и пропаганды политических или историко-философских взглядов. Это ясно обнаруживается и в сочинениях Курбского и Ивана Грозного.

Курбский в «Истории о великом князе московском» связывал с событиями 1547 г. изменения и в правительственной деятельности Российского государства и в образе жизни Ивана IV. Однако главное внимание в его «Истории» акцентируется не на массовом восстании, а на обличении молодого царя священником Сильвестром. Именно следствием проповеди Сильвестра было, по Курбскому, духовное перерождение Ивана IV и начало деятельности новых его советников — Избранной рады. Поучение Сильвестра — важнейший эпизод и в описании событий 1547 г. и в схеме периодизации правления Ивана Грозного, разработанной Курбским. В настоящей работе предпринята попытка — в значительной степени гипотетическая — рассмотреть этот эпизод «Истории» Курбского в связи с политическими, историко-философскими и литературно-художественными представлениями публициста.

* * *

Боярин князь Андрей Михайлович Курбский (1528—1582), перешедший в 1564 г. на службу к польскому королю, написал «Историю о великом князе московском» не ранее 1573 г. Одним из поводов для ее состав-

ления было выдвижение русского кандидата на польский королевский престол.

«История» Курбского — это остро полемическое произведение, по существу памфлет, направленный против Ивана Грозного и искусно облеченный в форму исторической биографии. Исследователь сочинения Курбского А. Н. Ясинский возражает против такой характеристики «Истории», полагая, что она является «первым русским прагматическим сочинением»¹. Возражение А. Н. Ясинского кажется, однако, недостаточно убедительным. Памфлетная форма, полемическая заостренность, откровенная политическая тенденциозность отнюдь не препятствуют тому, чтобы признать сочинение Курбского одновременно и историко-прагматическим (в том смысле, как понимали подобный характер изложения в средние века)², т. е. описывающим исторические события в определенной причинной связи и последовательности с целью преподать известное поучение.

«История» Курбского, так же как и пространная редакция первого послания к нему Ивана Грозного (1564 г.)³, адресовалась прежде всего читателям Речи Посполитой и в какой-то мере рассматривалась как ответ на послание. Курбский преследовал цель не только противопоставить трактовке Грозным основных событий истории России середины XVI в. иное их толкование, но и опровергнуть конкретные замечания имевшиеся в послании царя. Эти же задачи стояли перед Курбским и при написании ответных посланий царю, особенно второго послания (1577 г.), во многом близкого «Истории». Рассчитывал Курбский, видимо, и на то, что сочинение его станет известным в России.

«История» якобы являлась ответом на неоднократные вопросы «многих светлых мужей» (т. е. панов): «Откуда сия приключишася, так прежде доброму и нарочитому царю..., прежде от всех добрую славу имущему?»⁴ Составление подобного сочинения отвечало и повышенному интересу людей XVI в. к биографиям выдающихся деятелей⁵.

«История» Курбского находится в русле отечественной летописной⁶ и публицистической традиции. В то же время написана она не без воздействия и зарубежных образцов⁷. «История» основана на личных впечатлениях (и в этом плане может рассматриваться как один из первых в России

¹ А. Н. Ясинский. Сочинения князя Курбского как исторический материал. Киев, 1889, стр. 98—100.

² См.: Е. А. Косминский. Историография средних веков. М., 1963, стр. 29 и сл.

³ См.: С. О. Шмидт. К истории соборов XVI в.— Исторические записки, т. 76, 1965, стр. 141.

⁴ Сочинения князя Курбского.— РИБ, т. XXXI. СПб., 1913, стб. 161.

⁵ См.: Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958, гл. 6.

⁶ Летописная традиция прослеживается уже с зачина «Истории», напоминающего зачин Повести временных лет.

⁷ Тема сравнительного рассмотрения «Истории» Курбского и близких к ней по времени других европейских историко-публицистических сочинений еще ждет исследователя. Можно полагать, что в результате такой работы позволительно будет выде-

опытов мемуарной литературы), на рассказах очевидцев и на знакомстве с письменными источниками, прежде всего с современными летописными текстами.

Издавая события июня 1547 г., Курбский пишет о «презельном и воистинну zelo страшном пожаре», оговаривая: «Лице бы по ряду писати, могла бы повесть целая быти, або книжица». У Курбского типично средневековое представление о подобных событиях как о божественном возмездии за грехи, в данном случае за «лютость» молодого Ивана IV и его «человекоугодников». Описывая восстание, Курбский подчеркивает его массовость («возмущение велико всему народу») ⁸. Основная причина восстания — «зло», чинимое ненавистными ему Глинскими и их приспешниками.

Главное место в изображении событий конца июля 1547 г. в «Истории» отведено проповеди Сильвестра. «В то же время... тогда, убо тогда» Сильвестр «претяще ему (т. е. Ивану IV.— С. III.) от бога священными писаньми и... заклинаяще его страшным божим именем..., умыслил, яко и последовало дело: иже душу его (Ивана IV.— С. III.) от прокаженных ран исцелил и очистил был, и развращенные ум исправил, тем и овым представляюще на стезю правую». Курбский пишет, что Сильвестр пытался воздействовать на юного царя какими-то устрашающими чудесами, отмечая, что эти чудеса не «истинные, або так ужасование пуцающе»: «Блаженныи малую прозу присовокупляет благокознению, ею же великое зло целити умыслил» ⁹.

В этом изображении заметны элементы полемики с посланием царя. Грозный напоминал Курбскому о попытках Сильвестра и Адашева «устрасити» его «децкими страшилы» ¹⁰. Курбский не отрицает того, что Сильвестр действительно «для детских неистовых его (Ивана IV.— С. III.) нравов», «буйства его ради» «ужасал» царя «метательными страхи». Но объясняет Курбский этот поступок тем, что Сильвестр («яко и врачеве делает») старался таким способом «великое зло целити».

Эту же мысль — только более подробно — Курбский развивает затем и в «Отвещании» 1579 г. на второе послание Грозного ¹¹. Сравнительное изучение текстов обоих сочинений Курбского позволяет выявить близость не только смысловую, но и стилистическую и даже текстуальную. Подоб-

лить в сочинениях Курбского некоторые доныне не отмеченные черты, сближающие «Историю» с произведениями европейской исторической общественной мысли гуманистического толка.

⁸ РИБ, т. XXXI, стб. 168.

⁹ РИБ, т. XXXI, стб. 169—170. Любопытна сама терминология — употребление слова «гроза», столь характерного для общественной мысли XVI в. О «грозе» писал Пересветов. «Грозным» прозвали царя Ивана IV. Термин этот, впрочем, унаследован от литературы предшествующих веков (его встречаем и в Послании Даниила Заточника).

¹⁰ Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951, стр. 57.

¹¹ РИБ, т. XXXI, стб. 128—129.

ная же близость характерна и для изображения событий июня 1547 г. в первом послании царя Курбскому (1564 г.) и во вставке в Царственной книге, датируемой, видимо, началом 1580-х годов¹². Грозный также, получив «Отвещание» Курбского, счел нужным подробнее снова остановиться на характеристике событий июня 1547 г.

Недавно выявлены источники, позволяющие сделать более детальный исторический комментарий к описанию этого эпизода Курбским. Выяснилось, что на следующий день после пожара у постели больного митрополита Макария состоялось экстренное заседание Боярской думы. В Постниковском летописце читаем: «Царь со всеми бояры к нему (Макарию. — С. III.) на думу приезжали»¹³. К сожалению, на этом текст летописца обрывается. Но в другом памятнике — Повести о московских пожарах — отмечено, что у митрополита говорили о «великом пожаре»: «И много и словеса духовными митрополит тешаше царя государя и великого князя, поучая его на всякую добродетель, елико подобает царем православным быти. Царь же и государь, слушая его духовная словеса и наказание. Поминаше же великому князю о опальных и повинных людях. Царь же и государь, слушая митрополита, во всем опальных и повинных пожаловал» и просил митрополита молиться богу «и всем святым его угодином»¹⁴.

Свидетельство это объясняет нам многое из того, что сознательно нечетко передано и во вставке в Царственную книгу, и в «Истории» Курбского. В покоях митрополита Ивана IV уведали, поучая «елико подобает царям православным быти». Поведение Ивана IV, скакавшего со свитой из города в город, грабившего казну храмов и монастырей, разорвавшего местное население, безрассудно казнившего своих приближенных¹⁵, издевавшегося над челобитчиками (многим была памятна история с новгородскими челобитчиками, которым Иван IV приказал палить бороды), вызывало нарекания, становилось поводом общественного недовольства. Ходили зловенные слухи о предсказании, будто сын Василия III от второго брака будет тираном и насильником, и рождение его принесет несчастье русской земле¹⁶. Поведение молодого царя, казалось, подтверждало пророчество предсказателей.

¹² См.: С. О. Шмидт. Когда и почему редактировались лицевые летописи времени Ивана Грозного.— Советские архивы, 1966, № 1, 2.

¹³ М. Н. Тихомиров. Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533—1547 гг.— Исторические записки, т. 46. М., 1954, стр. 288.

¹⁴ И. А. Жарков. К истории московских пожаров.— Исторический архив, 1962, № 3, стр. 226. Текстуально очень близкое описание событий находим и в сборнике № 1516 Софийского собрания ГПБ (л. 264). Сборник XVI в., возможно, составлен Нилом Курлятевым.

¹⁵ Об этом писал и Курбский в «Истории» (РИВ, т. XXXI, стб. 166—168).

¹⁶ См.: М. Н. Тихомиров. К вопросу о выписи о втором браке царя Василия III.— Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского. Л., 1928; С. О. Шмидт. О времени составления Выписи о втором браке Василия III.— Новое о прошлом нашей страны. Сборник статей памяти академика М. Н. Тихомирова. М., 1967.

Очень вероятно, что поучал царя не столько старик Макарий (вряд ли достаточно оправившийся после падения с кремлевской стены во время пожара), сколько Сильвестр, конечно, известный Ивану IV как священник придворного Благовещенского собора. Это и запечатлено в первом послании царя Курбскому и в «Истории» Курбского. Сильвестр, беспощадный в своих обличениях, мог оказать сильное воздействие на предрасположенного к психическим недугам, болезненно впечатлительного и суеверного юношу Ивана IV.

То, что царь не отрицал впоследствии самого факта обращения Сильвестра к «детским страшилам» (а царь был еще очень юн — ему не исполнилось и 17 лет!), показывает как будто, что это имело место в действительности. И когда царь в писании Стоглавому собору весной 1551 г. напомнил о событиях июня 1547 г. («И от сего бо видне страх в душу мою и трепет в кости моя») ¹⁷, он мог думать не только о пожаре и восстании «черных людей», но и об устрашившей его проповеди Сильвестра.

Не исключено, что проповедь Сильвестра ¹⁸ была публичной и что это способствовало росту влияния Сильвестра на окружающих царя ¹⁹. Участие Сильвестра впоследствии в официальной правительственной деятельности, столь необычное для священника, несомненно: он принимал вместе с А. Ф. Адашевым челобитные, присутствовал на заседаниях Боярской думы. Пискаревский летописец, характеризуя деятельность А. Ф. Адашева, отмечает: «В ту же пору был поип Селливестр и правил Русскую землю с ним заодин, и сидели вместе в избе у Благовещения» ²⁰.

Очень любопытна фраза, связующая в «Истории» описание восстания и рассказ о поучении Сильвестра: «И в то время дивные некая бог руку помощи подал отдохнуть земле христианской, образом сим» ²¹. Именно Сильвестр выступает у Курбского выразителем и толкователем воли бога, наказавшего людей за трех страшным пожаром. В «Отвещании» Ивану

¹⁷ Стоглав. СПб., 1863, стр. 31.

¹⁸ О характере проповедей-поучений в XVI в. см.: П. Ф. Николаевский. Русская проповедь в XV—XVI вв. ЖМНП, ч. 137, 1868.

¹⁹ Передавая содержание проповеди Сильвестра, Курбский опирался, очевидно, не только на воспоминания о проповеди, произнесенной сразу после московского пожара (если проповедь была публичной, Курбский, даже не слышав ее сам, мог знать об этом от очевидцев), но и на текст так называемого Послания Сильвестра царю, написанного уже после июня 1547 г. В Послании приводилось библейское пророчество Исайи о божьем наказании, о внезапном «мятеже» и «разрушении града». Об этом послании см.: Д. П. Голохвастов и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания.— ЧОИДР, 1874, кн. 1, стр. 12—14, 79—80; И. И. Смирнов. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI в. М.—Л., 1958, стр. 236—237; А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 50 и сл.

²⁰ Пискаревский летописец.— Материалы по истории СССР, вып. II. М., 1955, стр. 56.

²¹ РИБ, т. XXXI, стб. 169.

Грозному Курбский идет еще дальше, когда формулирует, что царь «отогнал» Сильвестра от себя «и Христа нашего с ним»²².

Рассказ Курбского и поучении Сильвестра едва ли не навеян библейским образом пророка Нафана, обличающего царя Давида²³. Библейские и вообще историко-церковные ассоциации приобретали в ту пору большую политическую актуальность и широко использовались в изобразительном искусстве и в литературе.

Вполне вероятно, что непосредственное влияние на композицию рассказа Курбского о поучении Сильвестра и на самую трактовку этого сюжета оказало написанное Максимом Греком еще в 1530-е годы «Слове пространнее, излагающе с жалостию нестроения и безчиния царей и властей последнего жития». Его автор горько сетовал, что нет «Нафана, который мудрою притчей исцелил Давида и избавил его от страшного падения»²⁴. Изображение Сильвестра по образу библейского пророка Нафана²⁵ понадобилось Курбскому как зачин в тенденциозном описании деятельности Избранной рады.

Одной из главных задач сочинения Курбского было очернить деятельность Ивана Грозного, приписать значение его личности²⁶. Тем самым находилось и оправдание изменническим поступкам самого Курбского.

Для достижения этой цели Курбский не только особым способом подбирал и толковал исторические факты (не останавливаясь, как и Иван Грозный, перед их сознательным искажением), но также использовал и особые художественно-образительные приемы, в частности свойственную писателям той поры склонность к риторическим эффектам, драматичности повествования и к изображениям правоучительного характера. Эти черты исторического повествования обнаруживаются и в русском летописании, и в византийских сочинениях (знакомых русским публицистам). Они характерны и для библейской традиции, и для римской историографии²⁷.

Архитектоника сочинения Курбского очень продумана и рассчитана на определенное воздействие: «Приклони же уже уши и слушай со прилежением!»; «Ту ми зри со прилежением»²⁸. Рассказ о поучении «льсте-

²² Там же, стб. 129.

²³ Д. П. Голохвастов и Леонид. Указ. соч., стр. 12.

²⁴ В. Ф. Ржига. Опыты по истории русской публицистики XVI в. Максим Грек как публицист.— ТОДРЛ, т. I. Л., 1934, стр. 53—54.

²⁵ Курбский еще во втором письме к старцу Васьяну Муромцеву восклицал: «Где лжи пророк, обличающи неправедных царей» (РИБ, т. XXXI, стб. 396).

²⁶ И в этом плане боярин Курбский отошел от типичных представлений писателей XVI в., склонных обожествлять своего господина. «Сего ради неправедно о царюющем худым многословити, ниже без муки. Иже еще, что порочно, лепотнее бо есть царское безобразие жития молчанием покрыти, якоже ризою»,— писал дьяк Иван Тимофеев (РИБ, т. XIII. Л., 1925, стр. 278).

²⁷ См.: Е. А. Косминский. Указ. соч., тт. II, III.

²⁸ РИБ, т. XXXI, стб. 170, 240. Такими словами предваряются рассказы и о деятельности Избранной рады и о встрече царя с В. Топорковым.

ца истинного» «блаженного» Сильвестра юному Ивану IV — завязка первой части нравоучительного повествования «О великом князе Московском», начало «главной доброты», возвышение Ивана IV²⁹. Завязка второй части повествования — тоже рассказ о поучении, но уже «вселукавого» монаха Вассиана Топоркова, начало «злу», падение Ивана IV.

Из изложения Курбского становится ясным, что благой совет исцелил Ивана IV от нравственной болезни, способствовал его «соединению» с советниками «разумными и совершенными»³⁰ и спас государство от гибели; злой же совет^{31–32} ожесточил Ивана IV, сблизил его с «презлыми ласкателями», привел к «гонениям великим и пожару лютости»³³, к падению единомышленников Курбского (такими изображались в «Истории» участники Избранной рады) и к ослаблению государства от «искры безбожной», которую Топорков «в сердце царя христианского всеял» («во всеи святорусской земли таков пожар лют возгорелся») ³⁴.

Злому советнику Вассиану Топоркову Курбский противопоставляет и еще одного доброго советника — самого «преподобного Максима». Максим Грек во время того же монастырского «объезда» царя 1553 г. также дает Ивану IV совет, «словесы мпожайшими наказуя его». Но царь, «яко гордый человек, упрямяся», пренебрег этим советом, за что и был наказан болюм³⁵. Любопытно, что Курбский оговаривает то обстоятельство, что Максим давал свои советы царю через четырех его приближенных (среди них и автор «Истории»), в то время как Топорков советы свои «начал шептати ему во ухо»³⁶. Таким образом, и здесь опять встречаемся с противопоставлением мудрых и одновременно публичных советов (Максима) злым и одновременно тайным советам, данным по наущению дьявола («силлогизм сотанинский!»). Максим Грек — олицетворение мудрости и добра, Вассиан Топорков — олицетворение зла, «лютости».

В начальной части «Истории» Курбский уже упоминал о «Максима философе» и связывал его деятельность с деятельностью «других святых мужей», которые вместе с С. Ф. Курбским пострадали за то, что, «уподобясь ревностью» Иоанну крестителю, возбраняли Василию III вступить в незаконный брак³⁷. Можно думать, что продолжателем дела этих муд-

²⁹ РИБ, т. XXXI, стб. 169, 170. Ср. стб. 129.

³⁰ Там же, стб. 171.

^{31–32} Там же, стб. 212. Ср. стб. 151: «Яже ти советовал и шептал во ухо не держати мудрейшие рады при себе».

³³ Там же, стб. 259, 276. Ср. стб. 137.

³⁴ Там же, стб. 216. Ненависть к Вассиану Топоркову, возможно, объясняется еще и тем обстоятельством, что именно Вассиан выступал ранее обвинителем Максима Грека, к которому Курбский питал особое уважение. Курбский записывал рассказы «Максима философа», составил его жизнеописание.

³⁵ Там же, стб. 209.

³⁶ Там же, стб. 210, 212.

³⁷ Там же, стб. 164–166.

рых и смелых князей — советников, сподвижников «святых мужей». — и мыслил или хотел представить себя и сам автор «Истории».

Курбский придавал исключительное значение совету, тому, что на языке людей XVI в. называлось «встречей»³⁸ (особенно развивает он эту мысль в «Отвещании» на второе послание царя)³⁹. Тот же государь, который, «возгордев», приравнивает себя к богу и прислушивается к «совету юных», может и «не сохранив своего чина»⁴⁰. Государь должен, по его мнению, быть «любосоветным», ему надлежит «управлятися советом и разсуждением»⁴¹. «Самому царю достоит быти яко главе, и любити мудрых советников своих, яко свои уды!» — именно такой совет обязан был, по мнению Курбского, дать Ивану Грозному инок Вассиан Топорков⁴². По советникам судят о государе, ими он силен и славен, советниками определяется его поведение⁴³. Эти мысли сближают Курбского со старшими его современниками Ф. И. Карповым⁴⁴ и Максимом Греком⁴⁵.

По существу это традиционные представления о государе, долженствующем умело выбирать «смысленных думцев» и прислушиваться к мудрым советам. Такие мысли высказывались еще Даниилом Заточником и боярином-летописцем Петром Бориславичем, которого Б. А. Рыбаков удачно охарактеризовал как «своего рода Андрея Курбского XII столетия»⁴⁶. Если ранее в литературе обычно проводились параллели между Курбским и деятелями последующего времени, то Б. А. Рыбаков показал допустимость подобных исторических аналогий и по отношению к более древним временам. В новых исторических условиях эти традиционные представления, естественно, принимали новые формы.

И. И. Смирнов верно отметил, что события политической истории времени правления Ивана IV «излагаются и освещаются Курбским именно с позиций теории о мудрых советниках»⁴⁷. Влиянием дурных советников, действовавших по наущению дьявола, Курбский и объясняет перемены в характере Ивана IV, отвечая на риторический вопрос, поставленный в начале его сочинения: «Откуды сия приключишася?»

³⁸ А. Н. Ясинский. Указ. соч., стр. 91, 99.

³⁹ Идеал управления, по Курбскому, — «избранные и преподобные мужи», «правду глаголющие», «не стыдяся» (РИБ, т. XXXI, стб. 156; см. также стб. 147).

⁴⁰ Там же, стб. 212, 213.

⁴¹ Там же, стб. 216.

⁴² Там же, стб. 211.

⁴³ Там же, стб. 154—155.

⁴⁴ См.: Н. В. Сицицына. Федор Иванович Карпов — дипломат, публицист XVI в. Автореф. канд. дисс. М., 1966.

⁴⁵ Они близко напоминают рассуждения в дидактическом сочинении Максима Грека «Главы поучительны начальствующим правоверно», написанном им в 1548 г. для Ивана IV (ТОДРЛ, т. I, стр. 42).

⁴⁶ Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М. 1963, стр. 341; см. также стр. 339.

⁴⁷ И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 147.

Акцентируя в изображении событий июня 1547 г. внимание именно на проповеди Сильвестра, Курбский старался этим подкрепить теорию о «мудрых советниках». Свою теорию он противопоставлял антибоярской теории «самодержавства», сформулированной в первом послании к нему царя Ивана. Это-то и предопределило периодизацию правления Ивана Грозного в «Истории» Курбского.

Мысль о «сращении» доброго права на злой была усвоена и составителем второй редакции Хронографа в начале XVII в. и стала основой для характеристики Ивана Грозного в этом сочинении⁴⁸.

Впоследствии рассказ Курбского увлек пафосом внезапного перерождения юного государя историк Н. М. Карамзин, сформулировавший известный тезис: «Для исправления Иоаннова надлежало сгореть Москве»⁴⁹. Описание Курбского шокировало Карамзина с тем большей легкостью, что укладывалось в облюбованную им схему русского исторического процесса, согласно которой «история народов принадлежит царю», а цари способны под влиянием мудрых советников (представление, унаследованное от «Века просвещения») изменять систему государственного управления. Рассказ Карамзина в свою очередь пленил последующие поколения и неоднократно повторялся в трудах историков и литературоведов, надолго сохранивших в своих сочинениях эту мелодраматическую периодизацию времени правления Ивана Грозного.

⁴⁸ Д. С. Лихачев. Указ. соч., стр. 15—16; А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 183.

⁴⁹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VIII. СПб., 1824, стр. 95.

НОВЫЙ ПАМЯТНИК РУССКОГО ПРАВА XV в.

(Запись «О разлучении»)

Я. Н. Щапов

Характерной чертой административно-государственного строя феодального общества как в России, так и в других странах являлось существование отдельных, подчиненных различным органам государственной власти судебных ведомств, судов и связанных с этим судебных органов. Так, уголовные преступления, нарушения права собственности, имущественные дела вообще судились светскими — княжескими, городскими, вотчинными судами. Большое число других дел, касающихся жизни семьи и прав ее членов, относилось к иному, церковному суду, вершителями которого были епископские чиновники, а в отдельных случаях — священники.

В расхождении истории России и русского права XI—XVI вв. находится около десятка судебных книг, в которых с той или иной степенью полноты зафиксированы нормы права и порядок судопроизводства первого ведомства. Это Краткая Правда, общая для всей Руси XII—XIV вв. Пространная Правда, местные установления и записи права XIV—XV вв. — Псковская и Новгородская судные грамоты, Двинская и Белозерская уставные грамоты, наконец, два общерусских судебных кодекса конца XV—XVI вв.

Во всех этих памятниках нет или почти нет норм, которые регулируют наиболее распространенные и универсальные в жизни общества связи — семейные и брачные отношения. Эти отношения регулировались другими, церковными судебными органами. Число таких судебных органов несравнимо с числом светских судебных органов: известен лишь один ранний устав князя Ярослава, специально посвященный регулированию такого рода отношений. Другие княжеские уставы не являются судебными кодексами, но устанавливают лишь пределы юрисдикции церковной власти. Кроме того, известны памятники права особого рода, в которых нормы светского права соединены с отдельными нормами церковного, что было вызвано особым характером судопроизводства, не разделенного, но сосредоточенного в одних, светских или церковных, руках вне основного административно-судебного устройства Руси. Это внешнеторговые договоры Руси XIII—XV вв. и Правосудие митрополичье, являвшееся, очевидно, судебным кодексом Пермской земли, в которой епископ в конце XIV—XV в. был местным представителем центральной власти¹. Наконец, известны иноземные — византийские и южно-

¹ Существуют мнения о принадлежности памятника к XIII в. (Б. Д. Греков), XIII—XIV вв. (С. В. Юшков), концу XIV в. (Л. В. Черепнин), концу XIV—XV в.

славянские — судебники и их переработки, сохранившиеся в составе Кормчих книг и сборников другого рода. Однако степень использования этих памятников в русских церковных судах, очевидно, не была значительной, и сами эти памятники с большой осторожностью могут быть привлекаемы при изучении интересующей нас сферы права.

В этих условиях пополнение библиотеки русских памятников семейного и брачного права феодального периода очень желательно. Оно поможет расширить наши представления об истории права на Руси, преодолев односторонность сведений о ней, которую дают перечисленные выше светские судебники. Этой цели и служит настоящая публикация неизвестного русского памятника права.

Памятник, носящий в рукописях заглавие «О разлучении», обнаружен нами в двух рукописях XVI в.: Барсовской первой (Б I)² и Барсовской второй (Б II)³. В последней рукописи статье «О разлучении» предшествует связанная с ней статья «О невенчании». Обе эти рукописи — сборники (Б I — отрывок сборника) правил для священников. Сборники близки по содержанию и вместе с рукописью Барсовской третьей⁴ восходят к одному архетипному сборнику. Большая часть общих статей сборников раннего происхождения. Это епитимийные правила, поучения к попам, в том числе «Аще двоеженец», поучение к собору епархиального духовенства («Слыши, иерейский преподобный соборе...»), «Заповеди св. отец», издаваемые по этим трем спискам В. Н. Бенешевичем⁵, правила Владимирского собора 1274 г. и др. Наиболее поздняя общая статья Б I и Б II — Послание митрополита Фотия в Новгород 1410 г. Начало записи «О разлучении»: «Но аще же пригодится...», — показывает, что она является продолжением какого-то разговора о браке. Предыдущая статья, с которой наша запись тесно связана, есть только в Б II, а в Б I она и две другие статьи («О игуменѣх», «О брацѣ четвертом»), принадлежащие тому же автору.

(М. Н. Тихомиров), концу XV — началу XVI в. (В. Н. Автократов). Характер памятника, соединившего в себе нормы и светского, и церковного права, заставляет относить его к этой группе судебныхников, действовавших на территориях, но подвластных обычным административно-судебным органам государства. Это подтверждает гипотезу М. Н. Тихомирова о перемском его происхождении, основанную главным образом на анализе состава других статей той же рукописи. См.: М. Н. Тихомиров. Правосудие митрополичье. — АЕ за 1963 г. М., 1964, стр. 44.

² ГИМ, Барсов 163, вторая половина XVI в., полуустав, 75 л., без начала и конца, ветхий. Бумага со знаками грифон, кувшин с буквами АГ, герб с рыцарским шлемом и тремя сердцами, не найденными в справочниках. «О разлучении» — на лл. 64—65 об.

³ ГИМ, Барсов 165, вторая половина XVI в., полуустав, 162 л. Бумага со знаком кабан, по Брике — № 13580, 1556 и 1560 гг. «О невенчании» — на л. 170б.; «О разлучении» — на лл. 18—19об.

⁴ ГИМ, Барсов 164, конец XVI в., полуустав, 148 л. Сборник не имеет послания Фотия в Новгород, но оканчивается посланиями во Псков Фотия (1410—1425) и Дионисия Суздальского (1382), что указывает на связь его со Псковом.

⁵ В. Н. Бенешевич. «Заповеди св. отец» домонгольского периода. — ИОРЯС, т. XXII, кн. 1. Пг., 1917, и отдельное издание: Пг., 1917, стр. 1—6.

опущены. При этом текст статьи «О разлучении» в БІ сохранился лучше, чем в БІІ, с меньшим числом искажений (БІ — *избывая*, БІІ — *избавляя*) и пропусков. Оба сборника восходят к одному архетипу, судя по наиболее поздней общей статье, очевидно повгородского происхождения.

Статья «О разлучении» представляет собой запись норм брачного права относительно разводов по вине жены и мужа. Памятник состоит из двух частей. Статьи 2—6 перечисляют случаи развода супругов по вине жены, статьи 7—11 — то же по вине мужа. Эти две группы статей принадлежат разному времени и имеют различное происхождение.

Первая часть кодекса представляет собой русскую обработку части византийского свода права — Прохирона (XI грань, главы 5—10)⁶. Здесь мы встречаемся уже со второй ступенью обработки этого памятника. В составе Пространной редакции устава Ярослава⁷ находится тот же перечень «вин», оснований для развода, но более близкий к оригиналу — тексту Прохирона⁸. В таком первоначальном виде сохранился этот текст и в Барсовском третьем сборнике. Возможно, что этот сборник донес до нас текст, который был одним из источников публикуемой обработки. В статье «О разлучении» опущена первая «вина» древнерусской обработки византийского памятника — несообщение мужу об известном жене готовящемся покушении «на царя или на князя», которая есть в этом тексте устава Ярослава и перечне «вин» Барсовского третьего сборника. Составитель нашей записи опустил эту статью: очевидно, эта норма не отвечала условиям места и времени его работы.

Возникновение Пространной редакции устава Ярослава и появление кодекса статей о разводах в нем — первой обработки Прохирона — может быть связано с рубежом XII и XIII вв. или с первой половиной XIII в. Текст статей в нашей записи наиболее близок к Основному изводу Пространной редакции. Этот извод сложился в XIV в. на западных, белорусских землях и получил окончательную обработку, очевидно, в начале XV в. в Полоцке⁹. Перечень «вин» в Барсовском третьем сборнике принадлежит к этому же изводу текста. Таким образом, составитель кодекса «О разлучении» имел дело с источником начала XV в. Кроме византийской статьи о государственном преступлении жены, он опустил также древнерусскую статью об ограблении церкви.

Составитель раннего кодекса права развода в составе устава Ярослава ограничил круг разрешаемых церковной властью разводов перечнем пре-

⁶ O Procheiron nomos. Ed. K. E. Zachariae von Lingenthal. Heidelberg, 1837; А. С. Павлов, «Книги законные», содержащие в себе в древнерусском переводе византийские законы земельные, уголовные, брачные и судебные. СПб., 1885, стр. 79—81. Славянский перевод: Мерило праведное по рукописи XIV века. М., 1961.

⁷ ПРЦ, вып. I, М., 1952, стр. 271.

⁸ Я. Н. Щапов, Церковь и государство в процессе феодализации Руси XI—XIV вв. Рукопись.

⁹ Я. Н. Щапов, Указ. соч.

ступлений жены, хотя в Прохироне далее следует такой же подробный перечень поступков мужа, являющихся основанием для развода. Составитель нового кодекса «О разлучении» счел необходимым дополнить свой источник указанием на казусы, являющиеся основанием для развода по вине мужа, и включил в запись перечень этих казусов, однако уже не из переводного памятника, а из собственной, русской практики. Эти добавления — запись норм русского права разводов — наиболее ценны в публикуемом памятнике.

В центр второй части составитель поставил статьи не о моральных поступках членов семьи и связанных с этим конфликтах, а о тех случаях, когда муж и жена оказались принадлежащими к различным социальным группам: муж — холоп, а жена — «свободная», т. е. происходит из семьи, не потерявшей личной свободы.

По нормам русского права, отразившимся в Пространной Правде и памятниках конца XIV — начала XVI в., женитьба свободного на «робе» (холопке), как и выход свободной замуж за холопа¹⁰, вели к превращению и другого, свободного прежде супруга, в холопа, принадлежащего тому же господину. В XII—XIII вв., судя по Пространной Правде, существовал институт «ряда», договора между свободным — женихом — и владельцем невесты — «робы». В таком договоре, очевидно в зависимости от экономических возможностей и социального положения жениха, мог быть оговорен статус его самого и его семьи, прежде всего детей, условия сохранения за ними свободного состояния. Серия памятников конца XV — начала XVI в. не говорит о сохранении института «ряда» в это время. Известна жалованная запись начала XVI в., данная холопу его владельцем, в которой зафиксирован статус детей холопа, женившегося на свободной, наследующих правовое состояние частично отца, частично матери¹¹. Говорить о договоре

¹⁰ «А второе холопство: поиметь робу без рядю; поиметь ли с рядом, то како ся будеть рядил, на том же стоить» (Правда Русская, т. I. М.—Л., 1940, ст. 66, стр. 452). «Ушак Елизаров сын Хвостов поставил паропка Онаньцу... да своего холопа... дочь его девочку Офросиньцу, а [тот паробок] сказал, что он на той девочке женитца по своей воле. И Ушаку Еризарову сыну даютца, в холопе по его робе Офросиньце» (около 70-х—90-х годов XV в.) (АСВР, т. III. М., 1964, № 410, стр. 422). «Бил челом... наместнеку коломенскому Иван Федоров сын Новоктонов, поставя паропка холопа своего Захарца Грядина сына да девуку Овдотьцу...; а сказал, что тот де его человек Захарец полой, а девка волная идет за того его холопа Захарцу, а по его холопи да-лась ему в робы» (около 1497—1505 гг.) (АСВР, т. III, № 439, стр. 435—436). «По рабе холоп, по холопу роба» (Судебники XV—XVI вв. М.—Л., 1952, 1497 г., стр. 28). Ср. также: «А хто бы, ведаючи жонку певолную, хотя человек волный, ее понял, тогда и сам в неволю маеть быти и дети их, будуть мужского або женского стану; тым же обычаем и жонка маеть быти, естли бы за неволного пошла ведаючи, тогда и сама в неволю подается и дети их» (Статут великого княжества Литовского 1529 г. Минск, 1960, XI, 12, стр. 118).

¹¹ «Со яз, Павел Васильев сын Люткин, пожаловал есми своего холопа Оброска, Фидина сына, ослободил есми ему ся женити на слободной, иде за нево дадут; сыновья по отць, а дочкы по матери, а не сынов ему мизини сын на слободу, а не на-

между холопом и его владельцем, естественно, нельзя; что же касается договора свободного жениха с владельцем «робы» — невесты, то документы XV—XVI вв. о нем не упоминают, хотя возможность его существования и в это позднее время остается.

Кодекс «О разлучении» касается случаев нарушения норм брачного права, когда свободная оказывается замужем за холопом без своего ведома, в результате обмана ее мужем. Если она не была согласна перейти в холопство, она могла расторгнуть брак и уйти от мужа-холопа. При этом предполагается два возможных случая. Первый: жених скрыл от невесты свое холопство, и она узнала о нем и о том, что и она сама теряет свободу, лишь придя женой в дом мужа (ст. 8). Второй: муж — свободный — теряет свободу и перейдет в холопство («дасться в белмицу») без ведома жены, а она «не восхоцеть с ним в робы» (ст. 9). В обоих случаях жена может уйти от мужа, и брак расторгается.

Две другие статьи говорят о праве жены уйти от мужа в случаях клеветнического обвинения ее мужем в «злом деле» (ст. 10) и доказанного покушения мужа на ее жизнь (ст. 11). Эти статьи имеют аналогии в упомянутых выше статьях Прохирона, хорошо известных на Руси в XIV—XV вв. по многочисленным спискам Кормчих. Однако они не являются заимствованием из этого памятника, представляя скорее запись местной нормы, сложившейся, возможно, с участием византийского компонента.

Составление записи «О разлучении» может быть отнесено к русским землям XV в.: к XIV — началу XV в. относим мы появление Основного извода устава Ярослава, источника первой части кодекса. Верхней гранью является XVI в. — время создания списков. Более точная датировка памятника представляет немалую трудность и явится, несомненно, предметом исследования историков крестьянства XIV—XVI вв. В северо-западных частях Великого княжества Литовского в XV в. термины «холоп», «роба» не были в употреблении¹².

Исходя из содержания сборников БI и БII, в архетипе которых наиболее поздней статьей было послание митрополита Фотия в Новгород в 1410 г., можно предположить, что запись связана с Новгородом. Пропуск составителем статьи «Аще услышит жена от иных людей, что думают на царя или на князя, а того мужу своему не скажет» может быть отнесен ко времени до присоединения Новгорода к Русскому государству. Это суживает дату создания записи до первой половины — третьей четверти XV в.

Терминология второй части кодекса говорит о широком временном отрезке. Уникальным является термин «белмица», обозначающий полное хо-

добь мне, Павлу, ни моеи жене, ни моим дитем ево жоны, ни ево дочери, ни его сын мизной» (1511/12 г.) (АСВР, т. III, № 242, стр. 263).

¹² В. И. Пичета. Институт холопства в Великом княжестве Литовском в XV—XVI вв. — Исторические записки, т. 20, 1946, стр. 40—41.

лопство. Он тесно связан с терминами «обель» и «обельный холоп», которые известны по Пространной Правде и Рязанской правой грамоте конца XV в. В последнем документе само постоянное написание термина «холопов обелмых» через *ж* близко к нашему термину¹³. В ряде памятников XV—XVI вв. мы встречаемся с другим новым термином, обозначающим полное холопство, — «полница». Очевидно, «белмица» стоит где-то в эволюционном ряду терминов после «обель» и рядом с «полница», сохраняя с первой общую корневую основу, а со вторым имея общую форму слова и общее значение. Термин «доведеет», в смысле *докажет виновность*, тесно связан с терминами «довод» и «доведец» (доведец). Первый известен в документах конца XV в., остальные — с середины XIV и до XVI в.¹⁴ «Уличит» имеет значение близкое к «доведеет» и известно в это же время¹⁵. Наряду с социально-экономическими и юридическими терминами в статье «О невенчании», в введении и второй части записи «О разлучении» часто встречаются церковно-славянизмы, показывающие в авторе знатока памятников церковной литературы. Это слова: *пригодиться*, *ино* (в записи употреблено 6 раз), *восхоцеть* (употреблено 7 раз; в ВП также в форме *восхоцеть*), *жилице*, *приидеть*, *по бсвоьскомоу дблцу*, *избывая*, *помыслить* (в первой части на месте этого термина стоит *подумаеть*). Автор находился в определенной терминологической зависимости от текста перевода Прохирона, источника первой части записи. Он применяет некоторые термины этой части: *вины*, *опроче*, *землем или людми*. Термин *разлучити* в Пространной редакции устава Ярослава был новостью по сравнению с более ранним *роспустили*, принадлежавшим еще архетипу устава XI—XII вв. и известным также по ранним текстам устава Владимира. Здесь, в памятнике XV в., он не имеет уже конкурента.

Статьи о холопстве в нашей записи показывают, что самопродажа в холопы среди источников формирования этой крупной социальной группы в XV в. пользовалась большим распространением. Это вполне соответствует свидетельствам других источников XV—XVI вв., прежде всего полным и докладным грамотам. Эти статьи дают и новые сведения о положении холопов и об источниках холопства. Так, у холопа существовала возможность скрыть до поры до времени от невесты или жещы свой социально-юридический статус. Очевидно, внешне, особенно на первых порах, положение определенных групп холопов не отличалось от положения крестьян, из которых этот холоп вышел. Получив определенную сумму на поддержание хозяйства, холоп мог позволить себе и женитьбу на свободной с расчетом на получение ее приданого. Как видно из наших статей, в опре-

¹³ АСВР, т. III, стр. 380—381 (1483—1500 гг.).

¹⁴ Судебники XV—XVI вв., стр. 20, 25; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950, стр. 12 (1350—1351 гг.); АСВР, т. II, М., 1958, стр. 18 (1392—1404 гг.); Судебники XV—XVI вв., стр. 582 (указатель).

¹⁵ АСВР, т. III, стр. 21 (1397 г.); ПРП, вып. II, М., 1953, стр. 217 (1471 г.).

деленных условиях он мог это сделать без официальных переговоров его владельца с семьей свободной невесты. Впрочем, заинтересованность холоповладельца в расширении числа холопов способствовала сокрытию социального положения жениха его господином.

Запись «О разлучении» показывает, что в XV в. на Руси существовали нормы брачного права, сложившиеся в результате длительной практической деятельности церковных правоведов и приспособления к местным условиям византийских правовых норм и соответствующие развитому русскому феодальному общественному строю. Эти нормы должны были способствовать сохранению семьи, предусматривая только единичные исключительные случаи, когда брак мог быть расторгнут. Согласно нормам феодального права XV в., существовали определенные различия в характере поступков супругов, которые служили достаточным основанием для развода. Это отражало различное социальное положение мужчины и женщины, в частности, их положение в семье. Так, прелюбодеяние жены, засвидетельствованное самим мужем или надежными свидетелями, было таким основанием в отличие от прелюбодеяния мужа. Если обвинение оказывалось ложным, то уже жена со своей стороны имела право расторгнуть брак. Покушение на жизнь и имущество супруга со стороны как мужа, так и жены было достаточным основанием для развода.

Значительное различие в положении холопов и крестьян, которое сохраняется и поддерживается в XIV—XV вв. и стирается лишь позже, заставило русских юристов включить в число оснований для развода также принадлежность в определенных условиях супругов к этим различным группам трудящегося населения. Возможно, что одной из немаловажных причин нераспространенности нашего памятника в более позднее время было ослабление этого различия в ходе развития крепостного права, что делало нормы памятника архаичными для того времени.

Публикуемый памятник не является каким-либо установлением, принятым законодательным путем во изменение существовавших ранее порядков. Это запись норм права, существовавших уже в практике. О таком характере памятника говорит и место его среди правил для священника после статьи «О невенчании», и история его текста, насколько ее удастся проследить. Возможно, что вся она имела место лишь внутри целого ряда списков сборников, три из которых стали нам известными. Эта запись сделана, очевидно, в Новгороде, в первой половине или третьей четверти XV в.

Текст записи «О разлучении» публикуется по спискам Б I (в основе издания) и Б II (в разночтениях). Статья «О невенчании» публикуется по единственному списку Б II. Орфография основных списков сохраняется, только большой юс в Б II передан через у. Выпосные буквы даются курсивом, опущенные буквы — в круглых скобках. Деление на статьи и пунктуация даны нами. Киноварь дается полужирным шрифтом.

[Л. 17об.]

О невѣнчаніи

А оучнуть жити мѣж(ь) с женою невѣнчанны, или жена с мѣжем, ни м(о)литва въ церкви от пола не молвѣна, а похотят разлѣчитис(я)

или *моуж* от жены, или жена от *мѣжа*, ино тѣх разлѣчити, зане *ж(е)*тии бес того [л. 18] блѣдно жили. А которы вѣнчалныи, или поп въ ц(е)ркви бл(а)г(о)с(ло)вилъ, м(о)литвы молвилъ, а тѣх не годится никомѣ разлѣчити.

ГИМ, Барс. 165, лл. 17 об. — 18

[Л. 64]

О разлѣчении

[1] Нъ¹ аще² *ж(е)* пригодится разлоучити *моужа* съ женою, ино сими винами разлѣчити.

[2] Се 1—^а3 вина, аже *моуж* застанеть свою женоу с любодѣем, а з добрыми людьми, с послѣхи, про то разлоучити.

[3] А се 2—^а4 вина, [*аж(е)*]⁵ подѣмает жена на своего *мѣжа* или зелѣемъ, или инѣми людьми, или [л. 64 об.] имеет что вѣдати, еже⁶ *моужа* ея хотят оубити, а *моужю* своему не скажет, а послѣ обѣавится, ⁷про то⁸ разлоучити.

[4] А се 3—^а9 вина, оже без *моужна* слова имеет с чюжими людьми ходити, или пити, или асти, и опрочи домоу своег(о) спати, потомъ обѣавится—разлоучити их¹⁰.

[5] А се 4—^а11 вина, оже имеет опроче¹² *моужа*¹³ ходити по игрищамъ или во дни, или в ноцѣ, а не слоушат(и) имеет—разлоучити.

[6] А се 5—^а вина, оже жена¹⁴ на *мѣжа* наведет¹⁵ тати, или¹⁶ велит покрасти, или сама покрадет, про то разлоучити.

[7] Так же и женам. Аже восхоцет от *моужа*, ино воли¹⁷ не дати ей¹⁷, но сими винами разлоучити.

[8] А хто боудет чѣи холѣп, да оутаивса поимет женоу, а тог(о) не вѣдает жена, чѣи бѣдет холѣп, [л. 65]¹⁸ и тамо с нимъ в жилища его прѣидет^а, аже он холѣп¹⁹, и потомъ жена та не восхоцет с нимъ в робѣ²⁰ быти, ино ей от него поити проч(ь) волно, тѣх разлѣучити.

[9] Так же которы свободныи²¹ поимоутса, да погомъ *моуж* ея²² оутаивса жены да дас(ть)са в белмицѣ²³, а жена не восхоцетъ²⁴ с нимъ в робы, да от него восхоцет²⁴, ино ихъ разлоучити.

[10] Другое, оже *моуж* по какому бѣсовьскомуу дѣлоу не восхоцетъ²⁴ жены, да избываа²⁵ ея²⁶, возведетъ на нее какое²⁷ злое²⁸ дѣло, да потомъ на нее не доведет, а восхоцетъ²⁴ за то жена от него ино си²⁶ волно итти²⁹ от него.

[11] Так же помыслить на свою женоу зелѣемъ или людьми, на живот ея³⁰, и она в томъ оуличит³¹ его, ино ея просто поити от своего *моужа* и³² оже [л. 65 об.]³³ с нимъ жити³⁴ не восхоцетъ²⁴.

[12] А опрочи сихъ винъ нелѣзъ ни *моужѣ* от жены, ни женѣ³⁵ от *моужа*.

ГИМ, Барс. 163, л. 64—65 об.; Барс. 165, лл. 18—19 об.

^адалее, ^бочевидно, ^вопущено: и ^гуведаеть

¹Но ²еж(е) ³черваа ⁴дрѣгаа ⁵аже из БИ, в Б I нет ⁶оже ⁷⁻⁸нет ⁹третиаа (I) ¹⁰нет, но стоит знак + как бы отмечаая место пропуска ¹¹четвергаа ¹²опроче ¹³далее своего ¹⁴⁻¹⁵наведѣтъ на мѣжа ¹⁶нет ¹⁷⁻¹⁷ей не дати ¹⁸⁻¹⁸нет ²⁰рабах ²¹свободные ²²нет ²³бѣльмицю ²⁴восхоцетъ ²⁵избавлса ²⁶ее ²⁷какое ²⁸це доброе ²⁹поити ³⁰ей ³⁰⁻³¹а обличитъ ³²нет ³³⁻³⁴нет ³⁵жепы

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

ЧЕТЫРЕХЛИКАЯ КАПИТЕЛЬ ИЗ БОГОЛЮБОВА

Г. К. Вагнер

Древнерусское искусство оставило нам немало загадок. Я имею в виду не анонимность большинства произведений — к этому уже выработался своего рода «иммунитет» — и не отсутствие точных дат — мы удовлетворяемся атрибуцией по школам и художественным кругам. Гораздо беспокойнее такие загадки, когда непонятно даже назначение, а следовательно, и смысл произведения. Больше всего загадок подобного рода в области прикладного искусства и связанной с ним «архитектурной скульптуры». Правда, здесь очень многое сделано в последнее время, особенно теми исследователями, которые широко привлекают данные смежных наук. История древнерусского прикладного искусства и скульптуры написана по существу впервые¹. Разработаны также некоторые новые приемы исследования (например, метод семантической экстраполяции, когда данные семантики славянского языческого искусства используются для истолкования родственных явлений в искусстве XI—XIII вв. или наоборот). Но загадки все еще остаются. Настоящая заметка посвящена одному трудному сюжету владими́ро-суздальской скульптуры, до сих пор целиком не расшифрованному. Речь идет об известной четырехликой капители из Боголюбова.

Боголюбовская капитель в древнерусском искусстве уникальна. Она представляет собой очень большой четырехгранный блок белого камня (известняка) высотой 104 см и шириной от 70 до 73 см. В верхней части блок имеет абаковидное расширение, сильно деформированное. На каждой из четырех граней во всю их высоту высечена женская голова, окруженная нимбом. Эти головы тоже деформированы. На одной грани голова совсем сколота; на другой остался ее абрис, но черты лица уже не улавливаются; на третьей едва видны следы глаз и только на четвертой можно разобрать рисунок глаз.

Один из первых исследователей капители — А. И. Некрасов — считал, что на ней изображены головы юношей², но это недоразумение. Головы

¹ Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство и скульптура. — ИКДР, т. II. М. — Л., 1951; он же. Прикладное искусство Киевской Руси IX—XI веков и южнорусских княжеств XII—XIII веков. — История русского искусства, т. I. М., 1953; он же. Прикладное искусство Владимиро-Суздальской Руси. — Там же.

² А. И. Некрасов. Очерки по истории древнерусского зодчества XI—XVII вв. М., 1936, стр. 112; он же. Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937, стр. 118.

явно женские, с двумя косами, спускающимися вдоль трапецевидного выреза платья. Вырез, а также нимб украшены рельефными пуговками, имитирующими так называемый шнур перлов.

Рельеф голов даже в полусбитом состоянии довольно высокий — до 15—16 см, прежде он был еще выше. Работа, судя по сохранившимся частям, отличается схематической общенностью, но женским лицам нельзя отказать в определенной художественной выразительности. Они далеки от акулининского идола с его первобытным архаизмом. Пропорции голов подчеркнуто удлиненные. Прическа украшена сверху трехлистной пальметтой, служащей как бы переходом к фону. Этой деталью, а также характером прически лики на капители сближаются с двумя женскими «масками», сохранившимися от фасадного декора боголюбовского дворцового храма Рождества Богоматери (1158—1165 гг.)³. Но фасадные рельефы гораздо меньшего размера и лучшей работы. Женские лики на капители представляют грубое переложение того же мотива в больший размер. Они явно имели другое назначение.

В том, что капитель венчала какой-то столп, не может быть никакого сомнения. Но какой? Поскольку капитель давно потеряла связь с местом первоначального нахождения, ответить на этот вопрос не так легко. Н. Н. Воронин предполагает, что были две такие капители, венчавшие столпы западного притвора боголюбовского храма XII в., который был открыт⁴. Предположение вполне реальное, если бы не одно обстоятельство: для столпов притвора капитель слишком массивна. По сравнению с капителями притвора фасадные женские маски выглядели бы просто ничтожными. Трудно поверить, чтобы владимирские зодчие и скульпторы, которым было свойственно счлен тонкое чувство гармонии, допустили бы такой диссонанс. Трудно допустить также, что вторая капитель пропала, была разбита и т. п. Наконец, капители притвора должны были хотя бы по форме соответствовать фасадным капителям, т. е. быть не призматическими, а суживающимися книзу.

Другое предположение Н. Н. Воронина, что женские лики на капители имеют отношение к Богоматери⁵, гораздо плодотворнее. Развивая эту мысль, можно ближе подойти к вопросу и о назначении капители. В пользу того, что на капители изображена Богоматерь, говорит не только нимб, но и трехлистая пальметта сверху. Все это, т. е. нимб, пальметта и особенно непокрытая голова с косами, сближает женские лики на капители с известным в западноевропейском романском искусстве образом Девы Марии. Одним из ранних памятников является резная плита VI в. из крипты церкви св. Максимиана в Провансе⁶. Особенно много подобных изображе-

³ Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. I. М., 1961, стр. 214—217.

⁴ Там же, стр. 219.

⁵ Там же.

⁶ Н. П. Кондаков. Иконография Богоматери, т. I. СПб., 1914, рис. 64, 65. См.

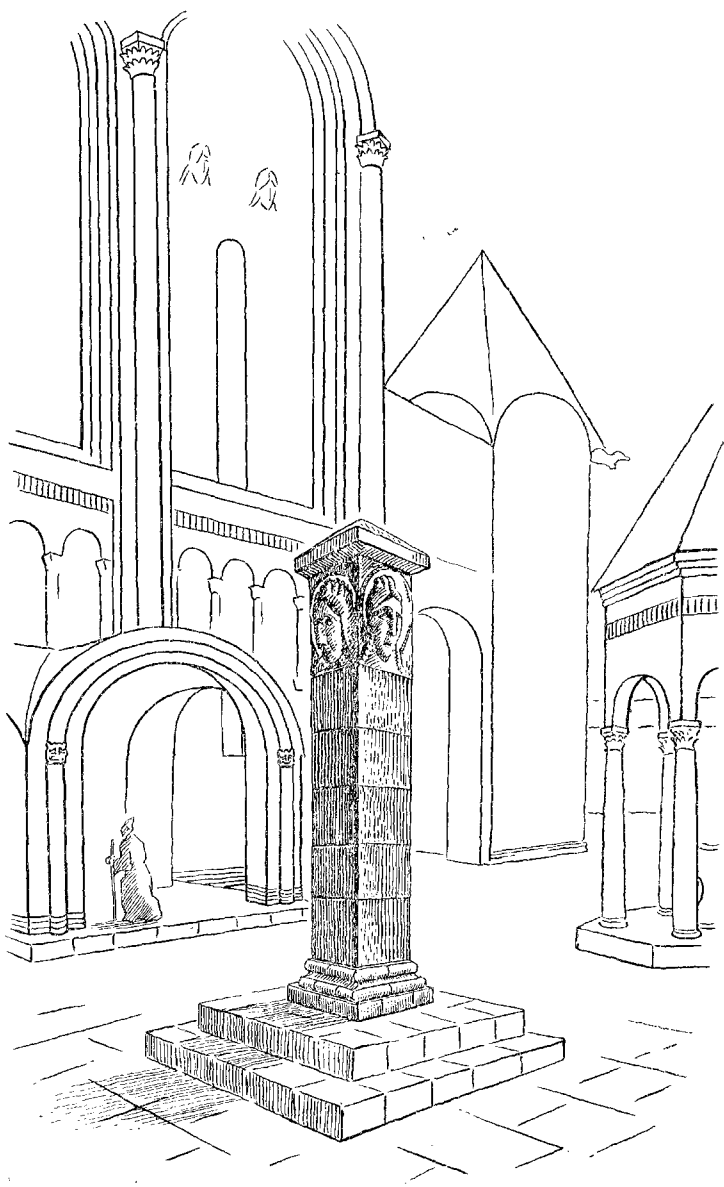

Рис. 1. Четырехликая капитель

ний в немецкой скульптуре⁷. Правда, далеко не всем им свойственна такая интересная деталь, как трехлистая пальметта. Но в конечном счете и она восходит к западноевропейской иконографии Богоматери. В римском искусстве IV—VI вв. Богоматерь изображалась без головного убора, с пучком волос на темени в виде трех прядей, украшенных нередко жемчужинами⁸. Н. П. Кондаков называл этот пучок коронкой и считал такую прическу признаком патрицианского достоинства⁹. Вместе с трехлистыми пальметтами (на лобной части венка) изображались музы и девы¹⁰. Вероятно, из слияния этих признаков и родилась традиция изображать Деву Марию с трехлистной пальметтой на прическе¹¹. В дальнейшем пальметта перешла и на корону Богоматери Царицы¹², что встречается даже в ранней византийской иконографии. Все сказанное позволяет заключить, что женские лики боголюбовской скульптуры, в первую очередь те, которые украшали фасады храма, были занесены во владими́ро-суздальскую скульптуру XII в. западноевропейскими романскими мастерами. В последнее время удалось получить новые данные, подтверждающие это мнение.

Н. Н. Воронин установил, что Андрей Боголюбский в дворцовом строительстве вдохновлялся строительством Соломона в Иерусалиме, как оно было известно на Руси по Хронике Георгия Амартола. Исходя из этого, мастерам были даны соответствующие указания¹³. Получив их, мастера естественно могли привнести в боголюбовское строительство то, что им было известно о соломоновых постройках по западноевропейской иконографии. Здесь и находится разгадка таинственных женских масок, украшавших боголюбовский храм, а затем повторенных на других владимирских богородичных храмах. Подобные маски изображались на архитраве соломонова храма, о чем можно судить по изображениям его на некоторых памятниках западноевропейского искусства¹⁴. Можно установить и их источник. Им была скорее всего мозаика над алтарной аркой римской церкви Марии Маджиоре V в.¹⁵ Правда, вследствие очень плохой сохранности сейчас уже трудно утверждать, что это женские, а не мужские маски, по

также: J. Lafontaine-Dosogne. *Iconographie de l'enfance de la Vierge dans l'empire Byzantin et en Occident*. Bruxelles, 1965, рис. 48.

⁷ Н. Веенкен. *Romanische Sculptur in Deutschland*. Leipzig, 1924.

⁸ Н. П. Кондаков. Указ. соч., т. I, рис. 84.

⁹ Там же, стр. 117.

¹⁰ A. Venturi. *Storia dell'arte Italiana*, т. I. Milano, 1901, рис. 358; В. Н. Лазарев. *История византийской живописи*, т. II. М., 1948, табл. 53.

¹¹ См.: J. Lafontaine-Dosogne. Указ. соч., рис. 59.

¹² Н. П. Кондаков. Указ. соч., т. III. Пг., 1915, рис. 230.

¹³ Н. Н. Воронин. *Зодчество Северо-Восточной Руси*, т. I, стр. 338—339.

¹⁴ M. Zimmermann. *Oberitalische Plastik im frühen und hohen Mittelalter*. Leipzig, 1897, рис. 61; K. Voermann. *Geschichte der Kunst aller Zeiten und Völker*, т. I. Leipzig und Wien, 1905, табл. 13.

¹⁵ См.: Д. В. Айналов. *Детали палестинской архитектуры и топографии на памятниках христианского искусства*. — *Сообщения Палестинского общества*, т. VI. СПб., 1896, рис. 11.

интересно, что их именно семь, т. е. столько, сколько на фасадах церкви Покрова на Нерли и сколько можно предполагать в боголюбовском храме. Число семь связывалось с семисвечием на фасаде иерусалимского храма¹⁶. Известно, что семисвечие символизировало Богоматерь¹⁷.

Такое слияние с символами иерусалимского храма не только не должно нас удивлять, но оно бросает дополнительный свет на боголюбовскую скульптуру. О собственно соломоновом храме в Иерусалиме давно уже не было и помину, и он воспринимался средневековыми людьми через те постройки, которые возникли на его месте тщанием византийских императоров и посвящались главным образом Богоматери, поскольку она была, по легенде, служительницей ветхозаветного храма. Здесь на первом месте стоит громадный храм Богоматери, построенный Юстинианом. Не удивительно, что когда в Западную Европу стали переноситься палестинские «памяти» Богоматери, то это в первую очередь вылилось в строительство больших богородичных храмов¹⁸. Возможно, что первым из них и был храм Марии Маджоре в Риме. Развитие культа Девы Марии сопровождало стремление европейских государств к политическому и церковному суверенитету. То же самое происходило и в Византии. При этом интерес к соломонову строительству сопровождался у европейских правителей присвоением себе наименований «вторых Соломонов»¹⁹. Таким «вторым мудрым Соломоном», как известно, назывался в летописи и Андрей Боголюбский²⁰. Судя по тому, что осталось от дворцового комплекса в Боголюбове, князь Андрей не только шел в фарватере европейской политики, но и точнее воспроизводил традицию.

Из Библии известно, что перед храмом Соломона были поставлены два больших символических столпа. Один символизировал Исправление, другой — Крепость²¹. Эти столпы, как доказано, не входили в композицию портика, а стояли отдельно перед входом в качестве именно символических столпов²². Когда Юстиниан строил в Иерусалиме большой храм Богоматери, то он повторил эту традицию²³, откуда она перешла и в средневековую Европу. Есть данные, что подобные столпы были перед входом в собор в Бюрцбурге²⁴.

Все сказанное позволяет выдвинуть вопрос: не поставил ли Андрей Боголюбский памятный богородичный столп перед храмом, как поставил

¹⁶ Д. В. Айналов. Мозаики IV и V веков. СПб., 1895, стр. 82.

¹⁷ Ср.: Е. К. Редина. Христианская топография Козьмы Индикоплова. М., 1916, стр. 270.

¹⁸ Н. П. Кондаков. Указ. соч., т. I, стр. 149—150.

¹⁹ Ш. Диль. Основные проблемы византийской истории. М., 1947, стр. 71.

²⁰ ПСРЛ, т. I. М., 1962, стб. 368.

²¹ Вторая Книга Паралипоменон, III, 17.

²² А. А. Оленицкий. Ветхозаветный храм в Иерусалиме.— Палестинский сборник, вып. 13. СПб., 1889, стр. 254 и сл.

²³ Н. П. Кондаков. Указ. соч., т. I, стр. 250.

²⁴ А. А. Оленицкий. Указ. соч., стр. 284.

он здесь киворий? В свое время такой вопрос возник перед А. И. Некрасовым, но был решен отрицательно, так как А. И. Некрасов относил капитель к «зидкительному столбу» андреева дворца²⁵. Между тем для любого помещения дворца капитель еще более велика, нежели для наружного притвора.

Выдвинутое нами предположение пока не имеет археологического обоснования, но может быть подкреплено письменными источниками. В летописной Повести об убиении Андрея деятельность погибшего владимирского князя характеризуется такими словами: «И въ Боголюбом и в Володимере городе верх бо златом оустрой и комары позлоти и пояс златом оустрой каменьем оусвети, и столп позлати, и изовну церкви и по комаром поткы золоты и кубькы и ветрила золотомъ оустроена постави, и по всеи церкви и по комаром около»²⁶.

Слова «верх бо златом оустрой» несомненно относятся к золоченым шлемам боголюбовского и владимирского соборов, которые были односторонними, т. е. одноглавыми. Слова «столп позлати» большинство исследователей относят к Успенскому собору Владимира, имея в виду либо барабан главы²⁷, либо древнюю колокольню²⁸. Эти мнения отвергнуты Н. Н. Ворониным²⁹, считающим, что под «столпом» надо понимать башню у одного из западных углов Успенского собора. «Столпом восходным» названа, по мнению Н. Н. Воронина, лестничная башня при боголюбовском храме³⁰. Однако слова «столп позлати» с равным основанием можно отнести не к Владимиру, а к Боголюбову. Но к башне они не имеют отношения, так как при боголюбовском храме, как и при Успенском соборе, была не одна, а две башни³¹. Непонятно, почему Андрей позолотил только одну из них. Помимо того, башни при владимирском и боголюбовском храмах названы в летописях в одном случае «сенями»³², в другом — «теремом»³³. Наконец, слова «столп восходный» правильнее отнести не к башне боголюбовского храма, а к имеющемуся внутри нее столпу, вокруг которого шла лестница наверх и за которым прятался смертельно раненый заговорщиками князь Андрей: «И найдоша по крови блаженного, сядяца за столпом восходным и ту прикончаша его»³⁴.

²⁵ А. И. Некрасов. Очерки..., стр. 113; он же. Древнерусское изобразительное искусство, стр. 119.

²⁶ ПСРЛ, т. II. СПб., 1908, стб. 582—583.

²⁷ В. Т. Георгиевский. Святой благоверный великий князь Андрей Боголюбский. Владимир, 1894, стр. 48, примечание.

²⁸ D. Ainalov. Geschichte der russischen Monumentalkunst, т. I. Berlin und Leipzig, 1932, стр. 74.

²⁹ Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. I, стр. 160.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, стр. 161—164, 166—167, 169, 244—246.

³² ПСРЛ, т. I, стб. 369; т. II, стб. 585—589.

³³ ПСРЛ, т. I, стб. 392.

³⁴ ПСРЛ, т. VII. СПб., 1856, стр. 90.

Таким образом, путем исключения мы приходим к положению, что слова «столп позлати» логичнее всего отнести к действительно стоявшему перед храмом богородичному столпу, увенчанному четырехликой капителю. На первый взгляд это положение кажется невероятным. Но невероятным можно считать и киворий перед храмом, и сам княжеский дворец с его башнями, переходами и пр. Между тем все это является историческим фактом.

Киворий, по преданию, был поставлен на месте «видения» Богоматери князю Андрею³⁵. Но символика кивория не содержала ничего такого, что тесно связывалось бы с Богородицею. Логичнее предположить, что на киворий легенда распространилась после разрушения богородичного столпа. Об интересе в средние века к отдельно стоящим символическим столпам, может быть восходящим к столпам соломонова храма, уже говорилось выше. Возможно, что к этой же традиции, поддержанной эллинистическим наследием, восходят отдельно стоящие столпы-колонны в архитектурных фонах икон. Особенно типичны они для икон Благовещения³⁶. Не отсюда ли идет уподобление Богоматери «церкви столпу неподвижному»³⁷ или «жене, от столпа исходящей»³⁸? Любопытно, что на некоторых иконах капитель столпа имеет антропоморфный облик³⁹. Есть также иконы, где наверху столпа изображена Богоматерь с младенцем⁴⁰. Можно, таким образом, думать, что символический образ Богоматери — столпа был очень устойчив, а это говорит о его древних корнях. Предполагаемый нами богородичный столп в Боголюбове, следовательно, далеко не является плодом фантазии. Его внешний вид можно представить себе в духе столпов, изображаемых на иконах Благовещения (рис. 1).

Распространение в средневековом, в частности и византийском, искусстве четырехликих капителей⁴¹ говорит о том, что этот некогда языческий мотив вошел в новое искусство уже как элемент художественный. Но это отнюдь не исключает и сохранения в нем старой языческой подоплеки, особенно там, где молодое христианство сосуществовало с языческими верованиями. В Старой Рязани, например, четырехликие идолы дожили до XII в.⁴² Во Владимире новому культу Богоматери приходилось рядиться частично в языческие или полужазыческие одежды, чтобы быть понятным

³⁵ Статья Я. Протопопова по «Владимирских губернских ведомостях», 1843, № 34, стр. 139.

³⁶ См., например, иконы конца XIV—начала XV в. в ГТГ (История русского искусства, т. III. М., 1955, цветная вклейка между стр. 96 и 97, а также стр. 121).

³⁷ Служба на Покров по пергаменному сборнику XIV в. Отдел рукописей ГИМ, Синод., III, № 431.

³⁸ Ф. И. Буслаев. Сочинения, т. I. СПб., 1908, стр. 261.

³⁹ И. Грабарь. История русского искусства, т. VI. М., 1915, стр. 93.

⁴⁰ Там же, стр. 368.

⁴¹ A. Grabar. Sculptures Byzantines de Constantinople (IV—X siècle). Paris, 1963, табл. XXVI, 3.

⁴² А. Л. Монгайт. Старая Рязань.— МИА, № 49, 1955, стр. 191—193, рис. 150.

и действенным в языческой среде⁴³. Христианская церковь ничуть не страдала от того, что Богоматерь была изображена с четырех сторон столпа, а для населения это значило очень много. Это отвечало укоренившимся представлениям об охране «со всех четырех сторон»⁴⁴, тем более что трехлистные пальметты на голове Богоматери так живо перекликались с исконным охранительным мотивом четырехконечного крипа⁴⁵. По-видимому, столпу поклонялись как полуязыческому памятнику, а когда он разрушился, то оставшуюся от столпа капитель чтили как местную святыню, над ней была сооружена часовенка. Плохая сохранность женских ликов может объясняться тем, что от них в течение столетий откалывались кусочки, якобы имевшие целебное свойство⁴⁶.

В заключение нужно сказать, что если фасадные женские маски следует считать произведением скорее всего немецких мастеров романского стиля, то относить к их работе четырехликую капитель нет особых оснований. Ее схематизм, а также иконографическая близость к образам старых славянских божеств типа знаменитого Збручского идола⁴⁷, позволяют думать, что здесь пробовали свои силы местные владимирские мастера.

По отношению к памятникам типа Збручского идола реконструируемый нами боголюбовский богородичный столп кажется запоздалым пережитком. Но смотреть на него только под таким углом зрения было бы неправильным. Он почти на 100 лет превосходит такие памятники круглой архитектурной скульптуры (или скульптурной архитектуры), как известный по летописи столп близ галицкого города Холма⁴⁸, увенчанный скульптурным изображением орла. А. И. Некрасов считал, что орел был двуглавым, и рассматривал его как воспроизведение византийского герба⁴⁹. Этой особенностью холмский столп существенно отличается от боголюбовского, но конечное назначение их было одно и то же: утверждать княжескую власть.

Если увенчанный четырехликой капителью боголюбовский столп рассматривать с точки зрения нового художественного содержания, которое в нем несомненно есть, то он будет стоять в начале довольно большого ряда памятников. Трехликие капители Георгиевского собора (1230—1234 гг.) в какой-то степени восходят к боголюбовской капители. Промежуточным звеном здесь были маски суздальского собора 1222—1225 гг. А. Д. Варганов установил, что первоначально их предполагали делать трехликими,

⁴³ Н. Н. Воронин. Из истории русско-византийской церковной борьбы XII в.—ВВ, т. XXVI, 1965, стр. 205—207.

⁴⁴ См. об этом: Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова.—МИА, № 11, 1949, стр. 46—47.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Сообщено А. Д. Варгановым.

⁴⁷ Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство и скульптура, стр. 414—415.

⁴⁸ ПСРЛ, т. II, стб. 845.

⁴⁹ А. И. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство, стр. 115.

о чем можно судить по фрагменту боковой маски на одном из камней. Любопытно, что эта боковая маска, запрятанная в кладку ступы, заметно отличается от фасадных и сближается с ликами боголюбовской капители⁵⁰. По-видимому, уже в начале XIII в. идея многоликой капители быстро теряла все то языческое, что в ней еще содержалось, и превращалась в типично средневековый архитектурный мотив с присущей ему расплывчатой символикой. Не будь татаро-монгольского нашествия, владими́ро-суздальская скульптура увидела бы расцвет резьбы этого вида. Послемонгольские памятники относятся уже не к Владимиро-Суздальской Руси. Судя по Ипатьевской летописи, четырехликие капители были на колоннах церкви св. Иоанна в Холме. Об этом сообщается в летописи под 1259 г.⁵¹ Памятники XIV в. относятся уже к области миниатюр⁵².

Боголюбовская капитель чрезвычайно важна как памятник идеологического синкретизма в культуре домонгольской Руси.

⁵⁰ Сообщено А. Д. Варгановым.

⁵¹ ПСРЛ, т. II, стб. 843.

⁵² В. В. Стасов. Славянский и восточный орнамент. СПб., 1887, табл. LXXII, 1.

О НОВОГОДНИХ РУСАЛИЯХ

(К вопросу о значении фольклорных материалов
в исследовании языческой обрядности)

Н. Н. Велецкая

Еще Л. Нидерле отмечал исключительное значение фольклора для восстановления картины древней языческой религии и сожалел об отсутствии работы, «в которой содержался бы необходимый анализ фольклорного материала и выводы, что в этих материалах является древним, языческим, а что, например в культах, возникло позднее или пришло позднее со стороны»¹. Путь к разработке проблемы — исследование соответствующих обрядов, сохранившихся в фольклорной традиции.

В языческой календарной обрядности центральное место принадлежит новогоднему комплексу. И хотя в целом славянская новогодняя обрядность хорошо изучена, некоторые элементы, важные не только для понимания ее сущности, но и языческих представлений в целом, не раскрыты. В значительной мере это относится к драматизированным игрищам. Для понимания их магической основы существенны некоторые обрядовые действия южных славян, македонских в особенности. Исследование требует комплексного анализа: сущность обряда становится понятной на фоне содержания цикла в целом. Аграрно-магическая основа драматизированных действий раскрывается при анализе святочно-новогоднего комплекса. Основные элементы обрядности: действия домакина в сочельник и Новый год, ритуальная еда, колядование, «полазники», различные виды ряжения. Ритуал направлен на обеспечение благосостояния и нейтрализацию злых сил. Для понимания мировоззренческой основы его особенно важны ритуальный огонь и специальное дубовое полено — «бѣдник», восходящие, очевидно, к священному огню «бадняку», символу небесного огня — солнца, возжигаемого древними славянами в связи с зимним солнцестоянием². Название полена, ритуальные действия, связанные с выбором дерева (заготовлением «бѣдника»), внесением его в дом (обсыпание зерном, обливание вином), возложением в очаг, выниманием и позднейшим употреблением, устойчивая формула: «Пусть родится жито, дети и умножается имущество» — помогают понять функцию его в системе аграрно-магических действий. В ритуальной еде главную роль играют ос-

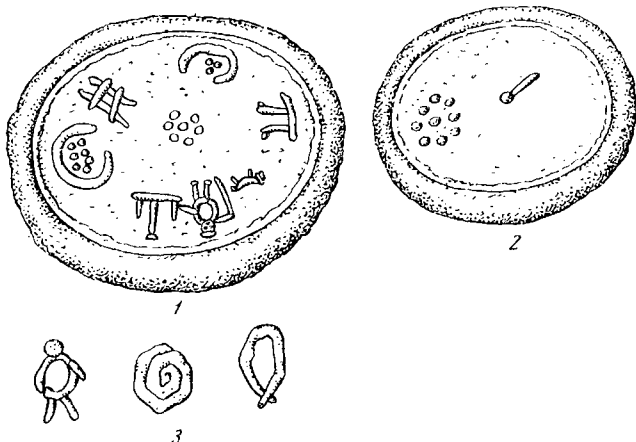
¹ Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр. 270.

² Б. А. Рыбаков. Календарь из земли полян.— СА, 1962, № 4.

новые продукты домашнего хозяйства, а также предметы, связанные с магическими представлениями о плодородии и об оберегах от злых сил. Показательны обрядовые изделия из теста, где способ приготовления, форма, характер узоров и украшений имеют целенаправленный магический смысл (рис. 1)³.

Существенный элемент святочно-новогоднего комплекса составляет борьба против злых сил. В окрестностях Лесковца ряженые, среди которых следует выделить условный зооморфный персонаж с архаической маской

Рис. 1. Македонское сочельническое печенье
1 — «Бадник»; 2 — «Бадников колач»; 3 — «колачинья» (для одаривания колядующих)

и «невесту» (символ плодородия), выгоняли из домов злых духов и пугали их колядовыми песнями, игрой на гайде, звоном колокольчиков, размахиванием саблями и ударами палок⁴.

Особенно важное значение придавалось русалиям. По-видимому, они составляли компонент новогоднего комплекса обрядов древних славян и других балканских народов. Это явствует из анализа древнерусских письменных памятников⁵, фольклора Старой Сербии⁶, македонских, болгарских и сербских преданий о русалийских могилах, аналогий с подобными формами ряжения у румын и албанцев («калушар» и др.)⁷. Несмотря на то, что к изучению обряда обращались крупнейшие слависты и известные специалисты по народному танцу южных славян, не раскрыты в сущности

³ В Кличкова. Божийни обичаи во Скопска котлица.— Гласник на етнолошкиот музеј во Скопје, I, 1960, стр. 203—204.

⁴ Љ. и Д. Јанковић. Прилог проучавању остатака орских обредних игара у Југославији. Београд, 1956, стр. 23.

⁵ А. Н. Веселовский. Генварские русалии и готские игры в Византии.— Сборник ОРЯС, т. 46, 1889; ЖМНП, ч. 241, 1885.

⁶ И. С. Ястребов. Обычаи и песни турецких сербов. СПб., 1886, стр. 26—28.

⁷ М. Арнаудов. Кукери и русалии. София, 1920.

ни генезис русалий, ни место их в обрядовом комплексе. Вопрос действительно сложен. Концепция о происхождении обряда, высказанная Ф. Миклошичем⁸ и поддержанная А. Н. Веселовским, М. Арnaudовым и Л. и Д. Янковичами (возведение к античным розалиям)⁹, не решает вопроса о корнях и идейной сущности святочных русалий.

Не снимая вопроса о преемственности культур, о восприятии македонскими славянами более древнего этнического субстрата, корни обычая, думается, нужно искать в мировоззрении древних славян.

Известно, что новогодняя обрядность языческого календаря связана с зимним солнцеворотом. В основе ее лежали представления о связи разгравания солнца и оживания природы — условия благополучия древнего земледельца. Не случайно в народных календарях январь обозначался солнечным знаком¹⁰.

Анализ источников¹¹ приводит к заключению, что корни русалий генетически связаны с культом солнца и опосредствованными им магическими обрядами — заклятиями. Из описаний обряда явствует, что наиболее характерный для русалиев символ — знак креста. Он находится в центре русалийского знамени; металлические кресты прикреплялись на шапке и на груди, украшенной перекрещивающимися платками; знак креста обозначался мечом на лбу у людей, а также и у жертвенных баранов; скрещивающиеся мечи — характерный элемент русалийского коло; правило ставить ногу на место предыдущего танцора, вероятно, связано со стремлением к фигуре креста, осеняющего землю; русалии крестят мечами двери домов и очаг; над больными перекрещивают мечи для их исцеления; побежденная дружина проходит под скрещенными мечами победителей. С отнесением креста всецело за счет христианства¹² едва ли можно согласиться. Вероятно, крест в русалиях был первоначально солнечным символом. Этот знак распространен в языческой обрядности¹³. В славянских святочных обрядах он дожил до XX в. В качестве аналогии можно привести обычай ставить знак креста на «бѣдняке»; из обуглившегося «бѣдняка» вырезать кресты и раскладывать в доме, в хлеве, на дворе, на дороге; на сочельническом

⁸ Fr. Mikloschitsch. Die Rusalien. Wien, 1864.

⁹ Љ. Јанковић. Русалије.— Гласник етнографског музеја, кн. XVI. Београд, 1939, стр. 20—30; Љ. и Д. Јанковић. Народне игре, кн. IV. Београд, 1948.

¹⁰ В. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 67.

¹¹ К. Шапкарев. Русалий древен и твърде интересен български обичай запазен до днес в южна Македония. Пловдив, 1884; X. Шалдев. Народни обичаи в Боймня.— Македонски преглед, 1930, кн. 1, стр. 101—106; Н. Рачев. Народолисни материали от Гевгелијско.— Македонски преглед, 1926, кн. 4, стр. 123—124; С. Таповић. Српски народни обичаји у Бевгелијској кази.— Живот и обичаи народни, кн. 16. Београд, 1927, стр. 223—226; документальный фильм «Русалије» В. Кличковой (Архив Института фольклора в Скопле).

¹² Љ. Јанковић. Русалије, стр. 21—22.

¹³ В. П. Даркевич. Символы небесных светил в орнаменте древней Руси.— СА, 1960, № 4, стр. 57—59.

столе из зерна делать круг с крестом внутри. Уместно напомнить название прикреплявшегося на воротах медного креста — «sončes», «sonček»¹⁴, а также гаданье по солнечным лучам с помощью перекрещивающихся ножей или кос. В основе крестообразных композиций в ритуальных действиях русалиев, вероятно, лежит характерная для языческого обрядового комплекса установка на предохранение от всякого зла «со всех четырех сторон» и обеспечение всестороннего благосостояния¹⁵. Кстати, косой крест — также распространенный языческий символ, связывающийся специалистами с культом солнца. Аргументом в пользу языческого значения креста служит запрет русалиям креститься и совершать христианские молитвенные действия.

Заключение об основном содержании креста подкрепляется анализом функции другого языческого символа — топора. Действия предводителя — «балтаджии» (наименование происходит от «брадва», «балтия» — топор), показывают, что основная функция его — средоточие совершаемого русалиями культового действия. По-видимому, функции эти в древности возлагались на него волхвом: иначе как христианским переосмыслением трудно объяснить назначение балтаджии церковным настоятелем, как и обычай начинать и завершать обряд перед церковью, заменившей, вероятно, языческое святилище. Перед танцем балтаджия обводит топором по земле вокруг вставших в позицию русалиев (значение круга было, вероятно, двойным: символ солнца и оберег от злых сил). Танцует он в центре коло. Движения и фигуры выделяют его из остальных танцующих. На нем лежит обязанность следить за правильностью танцевального действия. Движением обращенного к небу топора он подает знак к началу и окончанию танца.

Связь магического значения топора с культом солнца имеет разные проявления¹⁶. Для понимания функционального значения топора в русалиях особенно важно свидетельство Иеронима Пражского о почитании железных топоров, с помощью которых солнце якобы освобождается от заключения¹⁷. Из представлений о топоре как надежном обереге и о связях его с аграрной магией выделим три факта: поверье, будто топором бог поражает злых духов; обычай перекидывать топоры через скот крест-накрест; македонский обычай в сочельник топором обводить вокруг людей (над больными — прежде замахнувшись), скотины, сельскохозяйственного ин-

¹⁴ И. Срезневский. Об обожании солнца у древних славян.— ЖМНП, ч. 51, 1846, стр. 47.

¹⁵ В. И. Чичеров. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX веков. М., 1957; Б. А. Рыбаков. Религия и миропонимание первых земледельцев Юго-Восточной Европы.— Доклады и сообщения археологов СССР. М., 1966, стр. 108—109.

¹⁶ В. П. Даркевич. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве.— СА, 1961, № 4.

¹⁷ M. Gimbutas. Ancient Symbolism in Lithuanian Folk Art. Philadelphia, 1958, стр. 24, 25.

вентаря, прежде всего рала. Остается добавить, что на изображении готских игр, аналогии которых с русалиями показаны А. Н. Веселовским, один из ряженных вооружен топором.

Знаком, указывающим на связь обрядности с культом солнца, является красный цвет¹⁸ важнейших предметов реквизита — знамени, перекрещивающихся платков, а также вышивки на костюмах, содержащей, вероятно, солнечные символы (костюм русалиев, к сожалению, описан схематично и не был подвергнут специальному анализу).

Связи магических значений меча и топора с кругом языческих представлений о магических свойствах железа важны для понимания русалийского коло — одного из видов танца с мечами — как типологического явления. Аналогии с русалийским коло прослеживаются у западных славян¹⁹ в средневековых танцах с мечами (круговая форма, одежда белого цвета, новогоднее приурочение).

Зависимость танца с мечами от мифологии отмечалась неоднократно²⁰. Определенную роль в формировании русалийского коло сыграли мифологические представления о солнце. При рассмотрении вопроса о генезисе формы русалийской обрядности в целом и русалийского коло в особенности следует иметь в виду три элемента мифологических верований о солнце. Представление о том, что при солнцевороте, с которым связывались празднества в честь солнца, новогоднем в частности, солнце танцует, скачет, играет²¹. Представление, будто угасание и длительное отсутствие солнца — следствие его борьбы со злыми силами. Солнечное затмение, которое якобы несет людям болезни, неурожай, падеж скота, стихийные бедствия, — результат того, что злым силам удалось одолеть солнце²². И, наконец, представление о солнце, приносящем людям всяческое счастье и избавляющем от болезней²³.

Связи русалий с магией благополучия, плодородия, исцеления от болезней показаны Арнаутовым и Янковичами. Кроме того, характерный элемент русалийского коло — высокие подскоки²⁴, — по-видимому, связан также и с представлениями о подскакивающем солнце. Возможно, к культу солнца восходит специфичность позиции музыкантов (во взгляде, по-

¹⁸ О значении красного цвета как символа солнца см.: A. Václavík. Vyroční obučje a lidové umění. Praha, 1959; V. Podborský. Etnografie a archeologie.— Narodopisné aktuality, 1966, № 1, стр. 6.

¹⁹ Č. Zibrť. Jak se kdy v Čechách tancovalo. Praha, 1960, стр. 90; F. Pospíšil. Mečový tanec na slovanské půdě.— Narodopisný Věstník Československý, 1911, № 2, стр. 26.

²⁰ F. Pospíšil. Указ. соч., стр. 55—56.

²¹ Č. Zibrť. Указ. соч., тл. XIV; И. Срезневский. Указ. соч., стр. 48; H. Biegeleisen. U kolebki. Przed oltarzem. Nad mogiła. Lwów, 1929, стр. 51.

²² H. Biegeleisen. Указ. соч., стр. 51—52.

²³ И. Срезневский. Указ. соч., стр. 39.

²⁴ Е. Г. Кагаров. Религия древних славян. М., 1918, стр. 53; С. С. Лисицян. Танцевальный и театральный фольклор армянского народа. М., 1964, стр. 5.

вороте головы волянщиков, а также в манере держать зурну ясно выражена устремленность к небу).

Символизацией противодействия злым силам, которые могут воспрепятствовать торжеству живительных солнечных лучей, приносящих благоденствие людям, в значительной мере объясняются действия, изображающие борьбу, насыщающие и танец, и обрядность в целом. Для понимания мифологической основы этого существенное значение имеет поверье о «здухачах»²⁵, в особенности такие элементы, как упорная борьба их перед святками и в конце зимы, от исхода которой зависят урожай, изобилие и общее благополучие в покровительствуемом ими крае. Вооружение здухачей — обгорелое полено — вызывает ассоциации с «бѣдняком», вынимавшимся из огня и сохранявшимся в течение года. Подтверждением того, что миф о «здухачах» — не узко локальное явление, служит осетинский миф: души местных колдунов, предводительствуемые богами, ведут тяжелые бои за урожай с подобными им духами на границах своей земли. Значение кавказских материалов для изучения славянской древности известно²⁶; кстати, танец с мечами есть и у осетин.

Предположение о связи структуры русалийской дружины с институтом мужских союзов высказано мною ранее в общей форме²⁷. Анализ показывает, что ею в значительной мере объясняются половозрастные ограничения и запреты, изоляция от общения с родственниками, ритуальное молчание, разделение на постоянные пары, танцы на сельской площади по возвращении из похода.

Вопрос о мужских союзах у древних славян и пережитках их в обрядности современных славянских народов — предмет специального исследования. Заметим лишь, что он не разработан, и под этим углом зрения не рассмотрены даже широко известные источники, например описание мужского дома у «руссов» в сочинении ибн Фадлана²⁸.

Пережиточные элементы, свидетельствующие о том, что в древности русалийская дружина состояла из членов мужских союзов, существенны для понимания значимости зимних русалий в обрядовом цикле: наиболее важные обрядовые и культовые действия составляли компетенцию мужских союзов.

В заключение следует заметить, что первоначально новогодним русалиям, по-видимому, придавалось большее значение. Новогодний цикл вос-

²⁵ П. Ровинский. Черногория в ее прошлом и настоящем, т. II, ч. 2. СПб., 1901, стр. 529—530.

²⁶ K. Moszyński. Znaczenie etnografji Kaukazu dla badań etnologicznych na Balkanach.— Lud słowiański, т. III, тетрадь I. Kraków, 1933. Аналогии в обрядовых танцах любезно сообщила мне С. С. Лисицан.

²⁷ Народы зарубежной Европы, т. I. М., 1964, стр. 476.

²⁸ А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956, стр. 142, абз. 97—98.

принимался как определяющий течение года. Поскольку для календарной обрядности характерна приблизительная полугодовая повторяемость²⁹, летние русалии были, вероятно, в известной мере реминисценцией зимних. Об этом свидетельствует сущность новогодних русалий — заклинание благосостояния общины в целом и всех ее членов, функция русалиев — посетителей благополучия, оказываемый им почет и щедрое одаривание, а также следы совершавшихся в древности жертвоприношений, которые улавливаются в заключающем обряд пируестве, в обычае отдавать собранные дары на нужды церкви или общесельского мероприятия, в действиях с жертвенным бараном³⁰. Для решения вопроса о соотношении зимних и летних русалий необходим специальный сравнительный анализ. Параллели, проведенные Арнаутовым, важны как основа его, но они не раскрывают сущности этих связей и трансформации русальной обрядности на протяжении истории. Некоторые элементы летних русалий (танцы с мечами сербских «кральиц», преимущественно женский характер обрядности и др.) наводят на мысль о том, что обрядность эта дошла до нас в трансформированном и деградированном виде. Реконструкция языческой русальной обрядности составляет одну из существенных задач исследования славянского обрядового цикла³¹.

Таким образом, возведение русалий к античным розалиям, а также положение о позднейшем слиянии их со славянской языческой обрядностью, приходившейся на то же время, представляются не убедительными.

Синтез языческих и христианских элементов в русалиях, как и во многих календарных обрядах, явственно проявляется, по явлению это позднего происхождения.

Генезис обряда связан с идеей кругооборота времени, нового расцвета природы как результата торжества солнца над силами тьмы. Новогодние русалии — явление типологического характера, корни которого лежат в мифологических представлениях и связанных с ними культовых действиях.

²⁹ В. И. Чичеров. Указ. соч.; Б. А. Рыбаков. Календарь из земли полян.

³⁰ Выбор великоленной особи; осенение знаком креста, основным функциональным назначением которого было, вероятно, посвящение солнцу; заклятие по совершении всех обрядовых действий перед пиром.

³¹ Для сравнительного анализа русалий существенны статья Б. А. Рыбакова «Русалии и бог Симаргл-Переплут» (СА, 1967, № 2) и книга И. Иванчапа «Narodni obiçaji koçulanskih kumpanija» (Zagreb, 1967), вышедшие в свет в то время, как настоящая работа находилась в печати.

ГРАФФИТИ 2 ФЕВРАЛЯ 1238 г.

Н. Н. Воронин

Золотые ворота во Владимире сохранили разнообразные граффити. Часть их находится на левом (западном) косяке арочного проема, выходящего на боевой настил над воротным проездом. В свое время я издал эти граффити — большие и малые кресты разной величины и формы. Я высказал тогда и самую общую оценку их как votивных крестов, процарапанных выходящими на боевой настил воинами¹. Среди них выделялись два больших врезанных глубоко и твердо креста. Один, левый — шестиконечный на одноступенчатой «Голгофе» и другой, правый — четырехконечный на странной фигурной подставке (рис. 1). Со временем осыпавшаяся побелка обнажила слева от первого креста ранее не видную, сделанную четким уставом надпись «Гюрнич» (рис. 2). Можно думать, что это отчество не рядового человека, а члена владимирского княжеского дома, где было два поколения Юрьевичей: сыновей Юрия Долгорукого и сыновей Юрия Всеволодовича. Надпись явно связана с крестом и является как бы надгробной, поминальной. В какой связи и когда могла появиться такая надпись на арке, ведшей на боевой настил?

Золотые ворота дважды испытали боевую тревогу. Первый раз — в пору междукняжия и усобицы после убийства в 1174 г. князя Андрея Юрьевича, когда владимирцы выдержали семинедельную осаду боярского ополчения. Второй раз — в 1238 г. во время осады и захвата Владимира татарами. Данные палеографии не позволяют уточнить дату надписи: приметы ее очень общи и могут лишь подтвердить, что она могла быть написана как во второй половине XII, так и в первой половине XIII в. Все же характерные начертания буквы Ч в виде ухвата или чаши и четкое Ю тянут к XIII в., находя ближайшую аналогию в резной надписи 1234 г. князя Святослава Всеволодовича под распятием на фасаде Юрьево-Польского собора². При всей профессиональности, обнаруживающей руку опытного писца, надпись сделана торопливо, как бы наспех: мачты букв Г и И прочерчены ниже «строки», написание буквы Р как бы «сорвалось», мачта скопсилась, а кузов превратился в косую незамкнутую черту.

¹ Н. Н. Воронин. Оборонительные сооружения Владимира XII в.— МИА, № 11, 1949, стр. 208 и рис. 6.

² В. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV вв.— СЛД, Е1—44. 1964, табл. V—VIII, XVI.

Рис. 1. Золотоворотские граффити. Общий вид

Предположить, что под «Гюргичем» разумели строителя Золотых ворот Андрея Боголюбского, гибель которого послужила прологом к усобице, едва ли возможно. Сомнительно, чтобы могущественного князя даже посмертно можно было запросто обозначать отчеством без имени. Графика надписи скорее склоняет к XIII в. К этому ведет и конкретная ситуация, связанная с днями татарской осады Владимира. Напомним ее.

Зимой 1237 г. татаро-монгольские полчища захватили и сожгли Москву. Воевода Филипп Нянка был убит, а сидевший на Москве сын великого

Рис. 2. Золотоворотские граффити. Деталь с именем Георгий и крестом

князя Георгия Всеволодовича — Владимир Георгиевич — попал в плен. Георгий Всеволодович ушел на Сить готовить силы для схватки с завоевателями, оставив «в себе место» во Владимире сыновей Всеволода и Мстислава. 2 февраля 1238 г. татары подошли к Владимиру, надеясь, что он сдастся без боя. Но горожане с юными князьями и воеводой Петром Ослядюковичем затворились в крепости. Тогда татары привели к Золотым воротам пленного князя Владимира Георгиевича и, «приехаша близ к воротом», спрашивали, узнают ли стоявшие на воротах князья и владимирцы своего княжича, «бе бо уныл лицом — изнемогл бедою от нужди». Летописец не жалеет красок, чтобы передать трагизм ситуации: «Всеволод же и Мстислав стояста на Золотых воротах и познаста брата своего Володимера. О, умиленое виденье и слез достойно! — Всеволод и Мстислав с дружиною своею и все граждане плакахуся, зряще Володимера...» Татары выставили пленного княжича как заложника: его освобождение шло в обмен на капитуляцию города. Воевода Петр Ослядюкович отверг предложение князей сделать обреченную на провал вылазку, чтобы отбить брата («Братья!

Луче ны есть умерети перед Золотыми враты за святыю Богородицю!...») ³ Тем самым гибель княжича была преддрешена — город не сдался. Пленного Владимира Юрьевича татары уволокли в свои станы. Можно конкретно представить себе обстановку этого лаконичного драматического диалога владимирцев и татар. Князья и городские воины находились за зубцами бруствера верхней боевой площадки Золотых ворот и за заборолами боевого настила внутри их пролета. Отсюда были прекрасно видны татарские парламентареры с их пленником. С внутренней лестницы южной стены на боевой настил и выводил невысокий арочный проем ⁴, на котором сохранилось интересное нас граффити — горестная номинальная запись о погибшем юном князе.

Можно предположить, что и второй большой крест на рогатом подножии был связан с обстоятельствами февральской драмы 1238 г. Но излагаемое ниже — сылошная «многоступенчатая» гипотеза.

Первоначально казалось, что роговидные отростки в основании креста передают обычный ввиду храмовых крестов полумесяц (рис. 1). Лучший пример этого — крест Дмитриевского собора во Владимире конца XII в. ⁵ Полумесяц, по мнению Г. Д. Филимонова, — конечная форма стилизации символа зла — дракона, попранного крестом ⁶. Корни этого мотива уходят за пределы Руси ⁷. На граффити рога полумесяца различны и несимметричны. К тому же они не примыкают к мачте креста, а вырастают из большой овальной фигуры, образуя рогатую коровью или бычью голову. Внизу она переходит как бы в «шею» и далее в миниатюрное подобие «туловища» с короткими отростками четырех «пог», по две на стороне. Автор граффити водрузил крест на непомерно крупную рогатую «голову», к которой присоединено до смешного крохотное «туловище».

Как объяснить это изображение?

«Демонстрация» татарами пленного княжича Владимира Юрьевича перед Золотыми воротами несомненно была обставлена татарским командованием определенным официальным образом. Это были хотя и ультимативные переговоры, но «на высшем уровне». И поэтому с татарской стороны пленника, конечно, сопровождали не только рядовые воишы-конвоиры, но и облещенный властью парламентар. Не удостоверились ли его пол-

³ ПСРД, т. I. М., 1962, стб. 461—462; т. VII. СПб., 1856, стр. 140.

⁴ Схему см. в моей работе «Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв.» (т. I. М., 1961), рис. 39 и 40.

⁵ С. Строганов. Дмитриевский собор во Владимире на-Клязьме. М., 1849, табл. II.

⁶ Г. Д. Филимонов. Значение лупы под крестом.— Сборник на 1866 г., изданный Обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1866, стр. 157—162.

⁷ В. В. Ставов. Миниатюры некоторых рукописей: византийских, болгарских, русских, джугатайских и персидских. Изд. Общества любителей древней письменности, вып. СХХ, [Б. г.], стр. 62—63, 73—74.

помочия сопровождающим его ханским стягом? По миниатюрам Радзивилловской летописи мы знаем половецкие стяги с двурогими наверхушками⁸. Не было ли таких рогатых стягов и у татаро-монголов? Или не был ли скотский признак — рога — для русских вообще символом кочевой, степной угрозы? Вспомним, как в русской былине Алеша Попович (Ольбег) издевается над обжорством головастого Идолища Поганого (половецкого хана Итларя — «Итларища поганого»):

Как у нашего пона да у Левонтья Ростовского
Как бывала тут коровица-обжорище...
Ела, ела, пила, пила — сама лопнула⁹

Не отразилась ли и в золотоворотском граффити аналогичная сатирическая сентенция? Вообще говоря, большеголовое рогатое существо с тщедушным, как бы «лопнувшим» тельцем очень напоминает былинный образ. Если эти соображения в какой-то степени правомерны, то рогатая голова, попранная большим и стройным крестом, была бы символом веры в конечную победу над поработителями. Рядом с траурным памятным крестом на Голгофе красовался своего рода «победный крест» и звучал пророческий смех древнего владимирца над «печестивыми агарянами».

⁸ Радзивилловская, или Кенигсбергская, летопись, ч. I. Фотомеханическое воспроизведение рукописи. СПб., 1902, лл. 233, 234, 242.

⁹ См. анализ этого сюжета в кн.: Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963, стр. 109—111.

ПОРТРЕТ РУССКОГО ПОСЛА СЕРЕДИНЫ XVII в. В ГАЛЕРЕЕ ПИТТИ

Ю. П. Глушак

В одном из небольших залов флорентийской галереи Питти, в той ее части, где располагались частные покои правителей города Медичи, посетителей останавливает портрет мужчины средних лет, в высокой шапке с собольей опушкой и богатым одеянии весьма необычного для тамошних мест кроя¹. Свободная накидка из роскошной розовой и голубой штофной ткани с растительным орнаментом спадаст широкими складками с довольно грузного тела мужчины. Отвороты накидки расшиты жемчугом, круглый воротник — собольей. Лицо мужчины с несколько настороженным и недоверчивым взглядом глубоко посаженных глаз, слегка монгольского склада. Черные свисающие книзу усы, черная борода.

Мужчина, в котором все говорит, что он пришелец из далеких краев, позирует, опираясь на ручку кресла. Фоном картины служит дверь, задрапированная темно-красной тканью. Под портретом подпись: Джусто Сустерман. Портрет Чемоданова Ивановича (Giusto Susterman. Rittrato di Czomodanof Ivanowich).

Весьма необычна и интересна история этого портрета. Джусто Сустерман (1597—1681), как известно, один из лучших представителей реалистической фламандской школы XVII в. Художник долгие годы прожил во Флоренции, при дворе герцогов Медичи, и создал целую серию портретов этого могущественного флорентийского рода. Его полотна по праву украшают многие залы дворца Питти, особенно те, в которых сохранилось убранство личных апартаментов герцогской семьи. Среди них и портрет Чемоданова, один из первых портретов наших соотечественников, написанный в подлинно реалистической, а не иконописной манере и ярко представляющий живой образ русского человека середины XVII в.

Портрет Чемоданова был написан с натуры в период его короткого пребывания во Флоренции в 1656 г.

Иван Иванович Чемоданов, наместник Переяславля, возглавлял русское посольство, посланное в начале мая 1656 г. царем Алексеем Михайловичем в Венецианскую республику.

Посольство это насчитывало около 30 человек и было ответом на венецианское посольство в Москву во главе с Альберто Вимином да Ченедо.

¹ Портрет см.: Очерки истории СССР. XVII в. М., 1955.

По поручению дождей венецианское посольство должно было склонить Алексея Михайловича на совместное выступление против Турции.

Отчет Чемоданова о его миссии, составленный по приезде для Посольского приказа, был найден Н. И. Новиковым в архиве Министерства иностранных дел и опубликован в 1775 г. в Древней Российской Вивлиофике под названием «Статейный список посольства стольника и наместника переяславского Ивана Ивановича Чемоданова в Венецию в 7164 (1656) году»².

Статейный список — это очень подробный протокольный отчет о посольстве. Из него мы узнаем, что 6 мая 1656 г. Алексей Михайлович приказал Чемоданову идти «на свою государеву службу в немцы, в Винецкую землю ко Францышкису, князю Молину, в посланниках»³. Ввиду тогдашней войны с Польшей посольство Чемоданова вынуждено было отправиться в путь кружным северным путем. Выехав 17 июля из Москвы, посольство миновало Переяславль и Вологду и через месяц добралось до Архангельска. Оттуда после переговоров с английскими корабельщиками на двух кораблях 12 сентября Чемоданов со своими людьми отчаливает к берегам далекой Италии.

Путешествие длится долгие месяцы. Пройдя Гамбург и Бремен, миновав Ирландию, обогнув берега Франции, посольство только в ноябре оказывается наконец в пределах Средиземного моря. 19 ноября Чемоданов достигает острова «Коршика», 25 ноября корабли с послами далекой «Московии» останавливаются на рейде порта Ливорно, откуда русские послы должны были продолжать путешествие по сухопутью. В Ливорно в честь прибытия русской миссии был дан салют, на который ответили пушки кораблей московских посланников. Пребывание в Ливорно длилось около четырех недель⁴. С этого момента к рассказу Чемоданова о пребывании их в Италии прибавляется еще один интереснейший источник. А. Д. Чертков, занимаясь в конце 60-х годов XIX в. во Флорентийском архиве, нашел и опубликовал донесения агентов герцога Фердинанда II Медичи, которым было дано задание следить за каждым шагом русских послов и ежедневно письменно доносить об этом⁵. Одновременно флорентийский герцог решает пригласить русских послов во Флоренцию для установления дипломатических связей с Русским государством. В ожидании приезда послов во Флоренцию Фердинанд II изучает реляции своих агентов из Ливорно.

² Н. И. Новиков. Древняя Российская Вивлиофика или собрание древностей российских, до российской истории, географии и генеалогии касающихся, ч. VII—IX. СПб., 1775.

³ Там же, стр. 217.

⁴ Там же, стр. 217—281.

⁵ Бумаги Флорентийского центрального архива, касающиеся до России. Итальянские и латинские подлинники с русским переводом графа М. Д. Бутурлина, ч. I. М., 1871.

Антонио Серристоры, руководивший слезжкой, подробно описывает состав русского посольства, визиты и переговоры, которые оно вело в Ливорно. Удовлетворяя любопытство великого герцога, Серристоры характеризует образ жизни, привычки, одежду русских людей: «Они объясняются на своем только наречии и одеваются немного различнее от армян, с воротниками и шапками, и отпускают бороду наподобие капуцинов. Одевания их великолепны и унижены на многих местах жемчугом; то же и на воротнике, и на шапке»⁶. В донесении от 13 декабря 1656 г. Серристоры сообщает очень интересную деталь, имеющую непосредственное отношение к созданию портрета, который украшает теперь галерею Питти.

Он пишет: «Вчера я отрядил вслед за господами послами немудрого одного живописца, проживающего здесь, и которому удалось их рассмотреть настолько, что он обещается начертить маленький их очерк, но доставление мне которого я перешлю его к Вашему высочеству, из чего удобнее Вам будет усмотреть их одеяние»⁷.

14 декабря Серристоры доносит: «Тот живописец, на которого я было положился касательно рисунка, оказался еще менее способным, чем я ожидал, но, не взирая на то, я препровождаю оный (рисунок) к Вашему высочеству»⁸. Совершенно очевидно, что в данном случае речь шла о портрете не Сустермана, а какого-то посредственного живописца из Ливорно. Но интерес, проявленный при дворе Медичи к русскому посланнику, был настолько велик, что новый заказ на портрет Чемоданова был сделан теперь уже первоклассному живописцу, каким был Сустерман.

Чемоданов с посольством находился во Флоренции лишь с 25 декабря по 1 января 1657 г.; портрет Сустермана мог быть создан именно в эти дни.

Чемоданов в отчете подробно описывает пребывание во Флоренции и все те почести, которыми было окружено русское посольство. При въезде во Флоренцию 25 декабря за 15 верст до города русских встретила свита, предоставившая гостям, как сообщает Чемоданов, кареты, обитые бархатом⁹. У городских степ Флоренции послов встретил брат Фердинанда герцог Леопольд. Любопытно, что дороги во Флоренцию в то время были закрыты из-за морового поветрия, и великий герцог Тосканский просил разрешения у самого римского папы об открытии их для проезда русского посла. В переговорах, как рассказывает Чемоданов, он всячески восхвалял мощь Русского государства. Не обходится без традиционного русского подарка: Чемоданов дарит Фердинанду 40 соболей, жене его — 10, сыну и брату — горностаев (все это он детально перечисляет в своем отчете, указывая и стоимость меха)¹⁰.

⁶ Бумаги Флорентийского центрального архива..., стр. 158.

⁷ Там же, стр. 154.

⁸ Там же, стр. 162.

⁹ Н. И. Новиков. Указ. соч., ч. VII, стр. 287.

¹⁰ Там же, стр. 310—311.

Фердинанд расспрашивает его о «Московии», ища путей для установления устойчивых дипломатических и экономических контактов.

Чемоданов сообщает, что Фердинанд всячески уговаривал русских послов пробыть во Флоренции дольше, отдохнуть от трудного морского пути. Однако целью поездки Чемоданова в Италию была Венеция, и он спешил покинуть гостеприимный город, пробыв в нем всего шесть дней.

На прощание герцог принял русских гостей во дворце, а его брат проводил русское посольство за городские стены: «И как едучи городом будучи против костела, и говорил княжой брат: тот де костел во имя благовещения пречистые богородицы старого здания, и в том де костеле был осьмый собор»¹¹. При всей строгой протокольности изложения Чемоданов отметил как главную достопримечательность Флоренции кафедральный собор Санта Мария дель Фьоре, где проходил восьмой вселенский собор христианской церкви. Через Болонью и Феррару посольство направилось в Венецию. Уже в Ферраре Чемоданова ждали представители Венецианской республики и кардинал Марк.

11 января Венеция встретила салютом прибытие русского посольства. Церемония встречи проходила на площади святого Марка. В ходе переговоров, как известно, соглашение о совместном наступлении на турок не было достигнуто. Тем не менее визит Чемоданова в Италию сыграл большую роль в развитии политических и экономических отношений Руси с городами-государствами Северной Италии, поскольку он повлек за собой визиты на Апеннинский полуостров ряда других русских посольств. Чемоданов выехал из Венеции 1 марта и через Тревизо направился в Германию. Он посетил Инсбрук, Франкфурт-на-Майне, затем кораблем по Рейну добрался до Кельна. Из Амстердама на большом корабле посольство за пять недель и два дня возвратилось в Архангельск. Всего миссия Чемоданова продолжалась около года.

Такова история появления портрета русского посла во флорентийской галерее Питти. Его следует рассматривать не только как ценное художественное произведение, но и как важный документ в истории русско-итальянских связей.

¹¹ Там же, стр. 391.

О НЕКОТОРЫХ ВИЗАНТИЙСКИХ МОТИВАХ В ДРЕВНЕРУССКОЙ СКУЛЬПТУРЕ

В. П. Даркевич

В эпоху Македонской династии (867—1057) в образованных слоях византийского общества возрождается интерес к античному наследию. В университете Константинополя изучают «семь свободных искусств». Эллинистические романы в переработках византийских авторов получают новую жизнь. Увлечение светской языческой тематикой особенно заметно проявилось в книжной миниатюре и в прикладном искусстве, менее зависимых от жестких требований официального византизма. Наблюдая античные статуи и барельефы, которые украшали дворцы, улицы и площади Константинополя, или любуясь старинными александрийскими рукописями, византийский художник стремился следовать этим образцам. Через посредство константинопольских произведений сюжеты, еще хранящие отзвуки позднеантичной поэзии, проникли в искусство Западной Европы и Руси. Именно благодаря византийским переработкам в древнерусском искусстве появились позднеантичные реминисценции.

В X—XII вв. в мастерских Константинополя изготовляли ларцы для хранения драгоценностей, украшенные резными пластинками слоеной кости. Их отличительный признак — бордюры из розеток в кругах. В орнаментации этих шкатулок оживает искрящийся вселием мир греко-римской мифологии. Пасторальные и вакхические сцены, сирены и музицирующие кентавры, гиппокампы, несущие на волнам nereид, тапцующие пугги, герои гомеровских эпэм сплетаются в пестром хороводе. Сцены ристалищ на арене ипподрома, возможно, навеяны повседневной жизнью византийской столицы. Укротители диких зверей, акробаты, музыканты и танцоры сменяются борцами, гладиаторами и вооруженными всадниками¹.

Византийские ларцы в большом количестве вывозились за пределы империи², например в Италию, где служили моделями для местных скульпторов. Ларец из Музея Чивико Пизы и архивольт церкви Сан Дзено в Вероне (XII в.) украшены одинаковым мотивом звериного гона³. С сюжетами византийской резной кости перекликаются маленькие рельефы север-

¹ Исчерпывающее издание ларцов см.: A. Goldschmidt, K. Weitzmann. Die byzantinischen Elfenbeinskulpturen des X—XIII. Jahrhunderts, т. I. Berlin, 1930.

² В ризнице собора Труа хранится византийский ларец из слоеной кости X—XI вв. См.: J. Ebersolt. Orient et Occident. Recherches sur les influences byzantines et orientales en France avant les croisades. Paris et Bruxelles, 1928, стр. 93.

³ R. Bernheimer. Romanische Tierplastik und die Ursprünge ihrer Motive. München, 1931, рис. 23, 24.

ной стены собора св. Марка в Венеции⁴. Панели с изображением подвигов Геракла на кафедре собора св. Петра в Риме находят параллели в декоре шкатулок⁵. Мраморная плита XI в. со сценой терзания львом лани (Малая Митрополия в Афинах) идентична пластинке от ларца из Национального музея Будапешта⁶.

Византийские ларцы с накладками слоновой кости попадали и в Восточную Европу, в том числе и на территорию Руси (видимо, через портовые города Крыма — Херсонес и Судак). Пластинка с изображением группы танцующих путти найдена в Судакской крепости⁷. Воин в широких штанах с мечом и круглым щитом вырезан на накладке X—XI вв. из Херсонеса⁸. При раскопках около северного зеленчукского храма (пос. Нижний Архыз Карачаево-Черкесии) найдена украшенная розетками узкая пластинка — часть фриза шкатулки⁹. Из раскопок 1958—1959 гг. в Новогрудке происходит накладка с тем же орнаментом из розеток в кругах¹⁰.

Сцены на византийских ларцах, по-видимому, послужили источником композиций на двух известных миферных рельефах из Киева (рис. 1, 1; 2, 1)¹¹. Б. А. Рыбаков датирует эти парные плиты концом XI — началом XII в. В персонаже, который раздирает пасть льва, он видит Геракла или, что менее вероятно, Самсона. Второй «загадочный» рельеф он признает изображением матери богов, фригийской богини Кибелы, едущей на львах¹². Сопоставление с византийскими ларцами позволяет уточнить смысл обоих рельефов¹³. В декоре ларцов видные места занимают изображения Геракла и сцены из цикла Диониса (Вакха).

⁴ Там же, стр. 61.

⁵ O. M. Dalton. *Byzantine Art and Archaeology*. Oxford, 1914, стр. 222.

⁶ A. Goldschmidt. K. Weitzmann. Указ. соч., рис. 29; табл. LXIV, 111.

⁷ М. Тиханова-Клименко. Резная костяная пластинка из Судака. — Сообщения ГАИМК, вып. 3, 1931, стр. 25. Аналогичные фигурки путти находим на пластинке ларца XII в. из Британского музея (A. Goldschmidt, K. Weitzmann. Указ. соч., табл. XXXVII, 58).

⁸ К. К. Косцюшко-Валюжинич. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 г. — ИАИР, вып. 20, 1906, стр. 56, рис. 29. Аналогичные воины вырезаны на ларце X—XI вв. из Метрополитэн Музея Нью-Йорка (A. Goldschmidt, K. Weitzmann. Указ. соч., табл. VI, 12e, d).

⁹ В. А. Кузнецов. Археологические исследования в верховьях Кубани (1960—1961 гг.). — КСИА АН СССР, вып. 96, 1963, стр. 88.

¹⁰ A. Bank. Quelques monuments de l'art appliqué byzantin du IX—XII ss. provenant des fouilles sur le territoire de l'URSS durant les dernières dizaines d'années. — Actes du XIIe Congrès International des Etudes Byzantines, т. III. Beograd, 1964, рис. 1.

¹¹ Первоначальное их место неизвестно. Впоследствии были смонтированы в кладку стены типографии Киево-Печерской Лавры. В настоящее время находятся в церкви Спаса на Берестове.

¹² Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство и скульптура. — ИКДР, т. II. М.—Л., 1951, стр. 439—441.

¹³ На византийские истоки композиции с Гераклом обратила внимание А. В. Банк (Гребень из Саркела — Белой Вежи. — МИА, № 75, 1959, стр. 339).

Рис. 1. «Геракл со львом» в византийском и древнерусском искусстве X—XII вв.
1 — рельеф из Киева; 2 — ларец из Флоренции; 3 — ларец из Ареццо; 4а, б — ларец из Пти Пале (Париж)

Первым подвигом Геракла было его единоборство с немейским львом¹⁴. На шкатулках этот эпизод фигурирует многократно. Он соответствует описанию Аполлодора (вторая половина II в. до н. э.), которое можно считать литературным источником композиции. Подобные сюжеты на ларцах сходны с барельефами саркофагов римского времени¹⁵. Поза Геракла, который, шагнув навстречу хищнику, разрывает ему пасть, и развешивающийся за его спиной плащ сближают киевский рельеф со стеной на шкатулке XI—XII вв. из Национального музея Флоренции (рис. 1, 2)¹⁶. Иногда в композицию Геракл со львом, как и на рельефе, включали дерево, что видим на ларцах X—XI вв. из музея Ареццо¹⁷ и Пти Пале в Париже (рис. 1, 3—4)¹⁸, а также на византийском гребне из слоновой кости XI в. из раскопок Саркела — Белой Вежи¹⁹. Деревья близки по форме своих листьев (рис. 1, 4).

В сцене на второй плите²⁰ представлен Дионис в прямоугольной повозке, запряженной львом и львицей²¹. Литературным источником композиции «шествие Диониса», видимо, послужила эллинистическая поэма о его приключениях²². Аналогичные сцены вырезаны на пластинке слоновой

¹⁴ Образ Геракла в борьбе со львом был выработан классическим искусством V в. до н. э. Он продолжает повторяться на памятниках римского времени (саркофаги). Весь цикл двенадцати подвигов Геракла можно видеть на александрийских монетах II в. н. э. Поединок с немейским львом представлен на коптской ткани IV—начала V в. н. э. (К. С. Ляпунова. Коптская ткань с мифом о Геракле.— Тр. Отдела Востока Государственного Эрмитажа, т. I. Л., 1939, стр. 212 и сл.).

¹⁵ K. Weitzmann. Greek Mythology in Byzantine Art. Princeton, 1951, стр. 157, табл. XLVII, 176, 178.

¹⁶ A. Goldschmidt, K. Weitzmann. Указ. соч., табл. XX, 33b.

¹⁷ K. Weitzmann. Указ. соч., табл. XLVII, 177.

¹⁸ Там же, табл. XLVII, 174—175.

¹⁹ А. В. Банк. Гребень из Саркела — Белой Вежи. Автор считает, что на гребне вырезан Самсон. Однако на византийских шкатулках изображали не Самсона, а Геракла. Тогда находит объяснение присутствие в композиции на гребне второго персонажа — в тунике, с мечом и щитом. Это Иолай, друг и спутник Геракла, который (как на ларце из Ареццо) помогает герою одолеть чудовище.

²⁰ А. И. Некрасов считал рельеф изображением «восточного принца». В стиле он отмечал не византийское, а восточное (?) влияние (А. И. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937, стр. 68).

²¹ Сочетание сюжетов из цикла трудов Геракла и триумфа Диониса находим в искусстве греко-римского Египта. На мозаике Шейх-Зуэда Геракл идет среди спутников бога выводит. На коптской ткани V в. из Эрмитажа вокруг центрального медальона с колесницей Диониса (сопровождаемой Гераклом с палицей) вытканы двенадцать подвигов героя (М. Матые и К. Ляпунова. Художественные ткани Коптского Египта. М.—Л., 1951, стр. 53—55, табл. XVIII, 3). Сближение обоих сюжетов традиционно перешло в византийскую резную кость.

²² Миф о Дионисе был популярен в позднегреческой эпической поэзии. Он включал легенду о покорении Индии, получившую распространение после похода Александра Македонского. Изображение триумфа Диониса — покорителя Индии — было одной из излюбленных тем позднеримского искусства. Диониса в колеснице, запряженной паптерами или кентаврами, в окружении экзотически пляшущих сатиров и вакхов изображали на римских саркофагах и мозаиках, на коптских тканях IV—V вв. (К. С. Ляпунова. Изображение Диониса на тканях византийского Египта.— Тр. Отдела Востока Государственного Эрмитажа, т. III. Л., 1940, стр. 150).

кости конца X — начала XI в. из Музея Чивико в Венеции (рис. 2, 2)²³ и на ларце того же времени из Музея Виктории и Альберта в Лондоне (рис. 2, 3)²⁴. На крышке последнего помещены персонажи из свиты Диониса: два кентавра, играющие на флейте и свирели, и три танцующие менады, близкие фигурам на римских саркофагах из Ватикана²⁵. На ларцах Дионис представлен в образе красивого полуобнаженного юноши. Выющиеся волосы, пряди которых падают ему на грудь, стянуты повязкой. Дионис сидит в повозке, которую везут две пантеры. В правой руке он держит кнут (вероятно, видоизмененный жезл Вакха — тирс)²⁶. Прообразы этой сцены находим в античных памятниках, например на мраморном рельефе Берлинского музея. Здесь Дионис вместе с Ариадной движется в колеснице, в которую впряжены две пантеры. Ему предшествует вереница танцующих менад и сатиров²⁷.

По сравнению со шкатулками в киевском рельефе имеются некоторые отличия. Пантеры замещены львом и львицей, что соответствует мифу о матери Зевса и других олимпийских богов Рея (малоазиатской Кибеле), ездящей на львах²⁸. Лев с мордой, повернутой к зрителю, стал на задние лапы, застыв в «геральдической» позе. Дионис, облокотившись на правую руку, полулежит в повозке с высокой резной спинкой. Его одежда скорее средневековая, чем античная (тушика с очень широкими рукавами и матерчатой вставкой на груди?). Ноги обнажены. На голове появилась диадема.

Трудно сказать, насколько точно следовал местный резчик не дошедшему до нас византийскому оригиналу. Из-за небольшого размера образца фигуры монументальных шиферных рельефов получились деформированными, с сильно искаженными пропорциями (у Геракла непомерно длинные и массивные руки, туловища львов чересчур коротки). Утрачены естественность движений, пластичность моделировки. Их заменили иератическая скованность, плоскостно-графический стиль. Киевский мастер и не стремился к буквальному повторению византийской модели, к анатомически правильной передаче форм. Его задачей было создание монументальных героико-эпических образов — олицетворений силы и триумфа. Черты условности не помешали своеобразной выразительности обеих сцен. Возможно, их воспринимали как последовательный рассказ о легендарном

²³ K. Weitzmann. Указ. соч., табл. XLII, 155.

²⁴ A. Goldschmidt, K. Weitzmann. Указ. соч., табл. X, 21e.

²⁵ K. Weitzmann. Указ. соч., стр. 180, рис. 232.

²⁶ Там же, стр. 129.

²⁷ Там же, стр. 129, табл. XLII, 154.

²⁸ На одной из миниатюр константинопольской школы, иллюстрирующих Кинетику Оппиана (Венеция, Марчана, гр. 479, первая половина XI в.), Рея в образе полуобнаженной женщины едет в прямоугольной повозке, которую везут лев и львица (там же, стр. 129, табл. XLII, 153). Очевидная связь между миниатюрой и сюжетными мотивами на изделиях из резной кости объясняется общностью античного прототипа.

Рис. 2. «Триумф Диониса» в византийском и древнерусском искусстве X—XII вв.
1 — рельеф из Киева; 2 — накладка из Венеции; 3 — ларец из Лондона

Рис. 3. Изображения на византийских костяных ларцах XI—XII вв. (слева) и аналогичные сюжеты во владимиро-суздальской резьбе (справа)

1—8 — Дмитриевский собор во Владимире (1194—1197); 9—10 — Георгиевский собор в Юрьеве-Польском (1234)

1 — орел, терзающий зайца; 2 — лев, терзающий лань; 3 — барс на дереве; 4 — барс; 5 — грифон; 6 — олень; 7 — зани по сторонам дерева; 8 — павлин; 9 — слон; 10 — дракон

герое. В жестокой схватке он побеждает льва, а затем неторопливо движется в колеснице, в которую впряжены усмирненные звери.

Исследователи предполагают, что оба рельефа украшали какое-то светское здание, возможно княжеский дворец в Берестове²⁹. Более вероятно, что они были вмонтированы во внешние стены несохранившейся церкви Печерской лавры (по сторонам западного портала?), где служили апотропеями, оберегавшими от злых сил³⁰. Оформление фасадов храмов рельефами применяли в Византии и главных центрах византийской экспансии³¹ (рельефы над западным входом церкви Малой Митрополии в Афинах, IX—X вв.; рельефы западного и северного фасадов собора св. Марка в Венеции, XI—XII вв.). Светская тематика композиций, возможно утверждавших идею могущества киевского князя, не противоречит культовому назначению исчезнувшего здания (подтверждением этому служат плиты церкви Малой Митрополии с симметричными птицами, грифонами и сфинксами³²; рельефы собора св. Марка, где представлены подвиги Геракла и вознесение Александра Македонского; фрески лестниц Киевской Софии; владимиросуздалская скульптура и т. д.).

Вместе с «гостями из Царягорода», посещавшими Владимиро-Суздальскую Русь³³, и сюда, несомненно, попадали произведения византийского художественного ремесла. Белокаменная фауна Димитриевского собора во Владимире (1194—1197) и Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (1230—1234) свидетельствует о знакомстве мастеров с византийской резной костью³⁴, которая обогащала репертуар древнерусской звериной орнаментики (рис. 3). Композиции на ларцах, помещенные внутри прямоугольных рамок, при сильном увеличении воспроизводились на прямоугольных плитах и легко вписывались в них. На рельефе со слоном (Георгиевский собор) резчик сохранил прямоугольную рамку-валик, которая отсутствует на других рельефах храма³⁵.

При использовании моделей владимирские мастера, сохраняя композицию сцен и контуры фигур (на каждой отдельной плите), видоизменяли стилистику в соответствии с местными вкусами. Так, разработка туловищ

²⁹ А. И. Некрасов. Указ. соч., стр. 68; Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 439.

³⁰ А. Н. Грабар. Светское изобразительное искусство домонгольской Руси и «Слово о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XVIII. М. — Л., 1962, стр. 253.

³¹ См. об этом подробно в статье А. Н. Грабара, стр. 248 и сл.

³² Д. Тальбот Райс. Иранские элементы в византийском искусстве. — III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады. М. — Л., 1939, табл. ХСIII.

³³ ПСРЛ, т. II. СПб., 1908, стб. 591.

³⁴ Знакомство мастеров Георгиевского собора с изделиями византийской резной кости отмечает Г. К. Вагнер (Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Юрьев-Польской. М., 1964, стр. 121).

³⁵ В декоре иранских и византийских шелковых тканей X—XII вв. симметрично сопоставленные слоны, напротив, вписаны в круглые медальоны.

зверей и птиц — суховатая и натуралистически дробная в византийской резной кости — становится лаконичной и условной в Димитриевском соборе, обогащенной растительными мотивами — в Георгиевском. Размещение всей массы фигур на плоскостях стен подчинялось специфически местной системе.

Не исключено, что иногда в качестве «шаблонов» использовались не собственно византийские вещи, а их херсонесские реплики. В XI—XII вв. в Херсонесе, по-видимому, существовали мастерские косторезов, которые, подражая первоначально византийским образцам, наладили собственное производство художественных изделий. При раскопках Херсонеса паходят накладки от ларцов с изображениями птиц и зверей: орлов, львов, грифов, ланей, кабанов, зайцев³⁶. Их количество достигает уже нескольких десятков³⁷. От константинопольских шкатулок они отличаются материалом (кость домашних животных, а не слоновая), разнообразием форм накладок (прямоугольные, треугольные, трапециевидные, круглые), сюжетами (только одиночные животные и птицы, без мифологических сцен), отсутствием бордюров из розеток, более схематизированной и плоскостной трактовкой фигур.

³⁶ К. К. Косцюшко-Валюжинич. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 г.— ИАК, вып. 4, 1902, рис. 40—41; он же. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 г.— ИАК, вып. 16, 1905, рис. 33—35; Г. Д. Белов. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931—1933 гг.— МИА, № 4, 1941, рис. 54, 55; А. В. Банк. Старые находки из Херсонеса в свете некоторых новых данных.— ВВ, IX, 1956. А. Л. Якобсон. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. М.— Л., 1964, табл. XVII.

³⁷ Хранятся в ГИМ, Эрмитаже, Херсонесском музее.

К ВОПРОСУ О ПАМЯТНИКАХ ЗОДЧЕСТВА XII в. В ВОЛКОВЫСКЕ

М. К. Карьер

Весной 1966 г. на Секции славяно-русской археологии Пленума Института археологии, состоявшегося в Минске, был заслушан доклад Я. Г. Зверуго о его раскопках в Волковыске в 1965 г. Среди различных весьма интересных материалов из этих раскопок, проводившихся на трех возвышенностях волковысского комплекса — Шведской горе (156 кв. м), Замчище (180 кв. м) и Муравельнике (100 кв. м), — наше внимание привлекло сообщение об обнаружении на Шведской горе остатков фундамента храма, который, по словам исследователя, «по времени предшествовал храму, заложенному на Замчище (вскрыт раскопками 1965 г.)»¹.

В том же 1966 г. Я. Г. Зверуго в статье «Раскопки в Волковыске в 1965 г.»² опубликовал более подробное описание своей находки. Рассказав о найденных на разных участках раскопок 1965 г. крупном камне с отшлифованной плоской поверхностью, фрагментах бронзового хороса, части костяной иконки-складня и двух застежек от книг, исследователь писал: «Все эти находки позволили нам предположить существование на Шведской горке храма, который по времени, возможно, предшествовал храму, заложенному на Замчище»³. Предположение это, разумеется, нельзя считать убедительным, так как находки частей хороса, иконки и застежек отнюдь не свидетельствуют о существовании храма вообще и тем более на Шведской горе.

Отдельно лежащий «валунный камень с отшлифованной плоской поверхностью», т. е. такой, какие действительно применялись в кладке ряда построек гродненской школы XII в., может рассматриваться как свидетельство о существовании где-то поблизости самой постройки такого типа. Памятью о том, что склад таких подготовленных для строительства камней был обнаружен раскопками предшествующих лет на смежной со Шведской горой территории Замчища, возле фундамента заложенного здесь в XII в.

¹ Я. Г. Зверуго. Раскопки в Волковыске в 1966 г.— Пленум Института археологии АН СССР в 1966 г. Секция славяно-русской археологии (тезисы докладов), стр. 2—3.

² Я. Г. Зверуго. Раскопки в Волковыске в 1965 г.— Вопросы истории и археологии. Материалы I конференции молодых ученых по общественным наукам. Минск, 1966, стр. 320.

³ Там же, стр. 320.

храма, более чем вероятно считать, что и одинокий камень, найденный в раскопках на Шведской горе, мог быть принесен, даже еще в древности, с соседнего Замчища.

Гораздо важнее сообщение Я. Г. Зверуго о том, что в западной части раскопок были обнаружены «остатки фундамента храма». По словам исследователя, «раскопками вскрыта только незначительная часть фундамента. Слой разрушений храма перекрыт слоем пожарища. Под слоем извести, расположенным у фундамента, тоже прослеживается прослойка пожарища»⁴. На основании фотодокументации раскопок, с которой мы имели возможность познакомиться во время Пленума в Минске, существование фундаментов второго волковысского храма не представлялось нам бесспорным. Вместе с тем значение открытия хотя бы фрагментов нового архитектурного памятника гродненской школы было столь очевидно, что по согласованию с Сектором археологии Института истории АН БССР было тогда же решено, что в том же году Архитектурно-археологическая экспедиция ЛЮИА АН СССР, уже несколько лет ведущая исследования памятников древнего зодчества Белоруссии (Полоцк, Новогрудок, Туров), при участии Я. Г. Зверуго осуществит раскопки обнаруженных руин широкой площадью.

В августе 1966 г. раскопки эти были осуществлены. Вскрытие полузабытой западной части траншеи 1965 г. позволило на глубине 1,5 м обнаружить слой серой спекшейся земли с незначительными обломками костей, перегорелые растрескавшиеся куски валуновых камней и несколько небольших обломков плитки XII в. Слой этот в основной части не был разрушен раскопками 1965 г., поэтому углубление раскопа позволило открыть нетронутую стратиграфическую картину участка. Слой лежал на глубине 30—40 см. Так как какая-то часть этого слоя была снята раскопками 1965 г., он, очевидно, был толще. В нижней части слоя было много золы. Ниже зола лежала плотным слежавшимся слоем толщиной 25—30 см. Под ним на поверхности материка обнаружена тонкая промазка белой, плотной спекшейся глины. Ниже слоя глины обнаружены пять округлых в плане ям, вырытых в материке на глубину до 1 м. Диаметр их различен (от 40 до 80 см). Стенки ям были обложены мелкими камнями, частично обвалившимися на дно. Ямы были заполнены рыхлой землей и золой; местами сохранились незначительные остатки древесного тлена. По-видимому, в них стояли столбы, для устойчивости которых края ям утрамбовали мелким камнем. Между двумя наиболее крупными ямами под слоем глины обнаружена совсем маленькая (диаметр 30 см, глубина 18—20 см) ямка, стенки которой не были обложены камнями. Ямка заполнена рыхлой землей с золой. Назначение всего сооружения непонятно. Ясно лишь, что никаких следов каменных фундаментов здесь нет, и вопрос о церкви на Шведской горе следует считать чистейшим недоразумением. Расширение раскопа в восточном направлении позволило установить, что рядом с этим загадочным

⁴ Там же.

сооружением лежит сильно перекопанный городищенский слой без каких-либо остатков каменного сооружения.

Вторая задача нашей экспедиции состояла в исследовании каменного фундамента недостроенной церкви XII в., сохранившегося в Замчице по соседству со Шведской горой. Как известно, остатки этого сооружения были обнаружены раскопками В. Р. Тарасенко и Г. И. Пеха в 1956 г., а в 1958 г. раскопаны Г. И. Пехом, по словам последнего, «с целью завершения исследования фундамента храма и его ближайшего окружения»⁵.

Как сообщает Г. И. Пех, раскопками 1958 г. было выяснено, что «фундамент частично разрушен и камни в нем смещены»⁶. Г. И. Пех объяснил это разрушение «близостью камней фундамента к поверхности земли». Большая часть фундамента была покрыта сверху лишь дерном и тонкой прослойкой земли, подвергнувшейся распахиванию, а местами даже перекапывавшейся. Особенно разрушенной, по словам исследователя, оказалась восточная часть фундамента⁷.

Г. И. Пех опубликовал только генеральный план раскопок 1955—1956 и 1958 гг., на котором план фундаментов церкви занимает менее 1 см. Однако в Волковыском военно-историческом музее имени П. И. Багратиона хранится план фундаментов церкви, сделанный в процессе расчистки их в 1958 г. План этот (рис. 1) свидетельствует о том, что в 1955—1956 гг. фундаменты были раскопаны, а в 1958 г. зачищены лишь по поверхности каменной кладки, без задачи вскрыть их на всю глубину. Только этим можно объяснить ту «россыпь» камней, сквозь которую лишь в некоторой мере проступают основные черты плана здания. Этим же обстоятельством можно объяснить утверждение исследователя, что «все камни... имеют очень неглубокое заложение (0,35—0,4 м), за исключением юго-западного и северо-западного углов»⁸, что «многие камни фундамента в нем смещены»⁹.

Фундаменты волковыского храма после раскопок 1955—1956 гг. и зачисток 1958 г. были оставлены открытыми, зарастая дерном и подвергаясь постепенному разрушению.

В 1959 г. П. А. Раппопорт, занятый изучением остатков оборонительных сооружений Волковыска, произвел внешнее обследование фундаментов (без раскопок) и, опираясь на схематический обмер их (рис. 2), сделал попытку графической реконструкции плана здания¹⁰.

Опасаясь за дальнейшую судьбу волковыских руин, раскопки которых были явно недостаточны, мы произвели дополнительные архитектурно-археологические исследования памятника, позволившие не только с полной

⁵ Г. И. Пех. Раскопки в Волковыске в 1958 г.— СА, 1963, № 1, стр. 231.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 231—232.

⁸ Там же, стр. 232.

⁹ Там же, стр. 231.

¹⁰ П. А. Раппопорт. Раскопки в Волковыске в 1959 г.— СА, 1963, № 1, стр. 239, рис. 3.

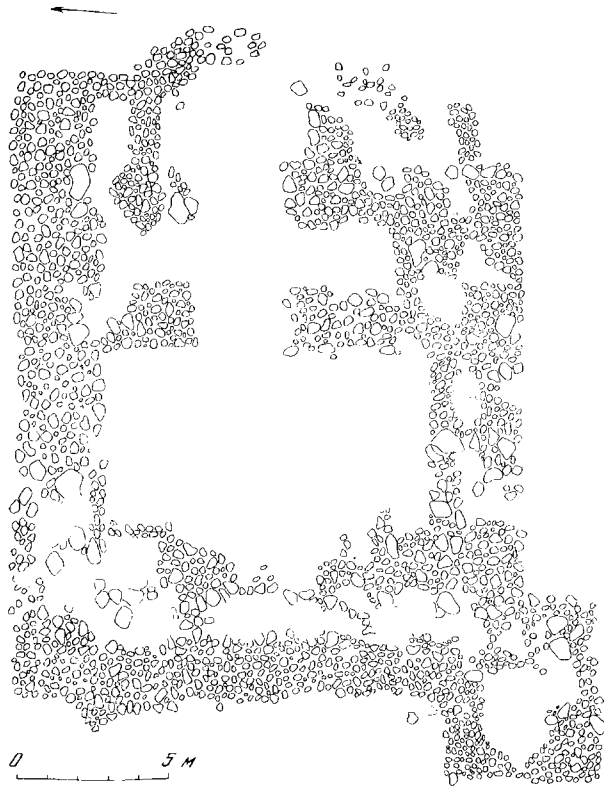

Рис. 1. План фундаментов храма (по обмерам Г. И. Пеха, 1958 г.)

Рис. 2. План фундаментов
храма (по обмерам
П. А. Раппопорта, 1959 г.)

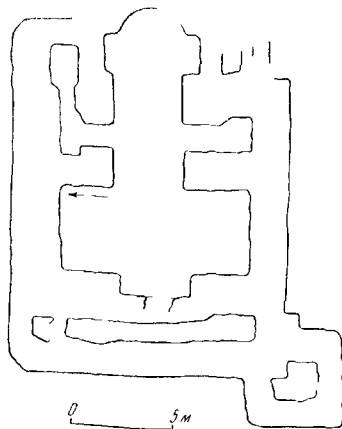

Рис. 3. Фундамент северной стены храма

уверенностью понять план фундаментов, но и выяснить ряд существенных особенностей волковысского храма.

Заросшие травой фундаменты просматривались лишь в основных чертах. Вся площадь храма была покрыта развалом мелких, а отчасти и крупных камней, рассыпавшихся из верхних раскопанных частей фундамента. Разведочные раскопы, заложенные у восточной, западной и северной стен здания, позволили с несомненностью установить, что фундаменты здания сохранились гораздо лучше, чем это думали предшествующие исследователи храма. Только верхние один-два ряда каменной кладки, подвергшиеся раскопкам, оказались местами разрушенными. В нижней части фундаменты стен храма сохранились отлично на всю их глубину. Вопреки утверждению Г. И. Пеха, фундаменты заложены не на 0,35—0,4 м, но в основном на 1 м, а местами и глубже. Фундаментные рвы вырыты в плотном материковом песке и засынены валунными камнями небольшого и среднего размера, уложенными без раствора. Оберегая сохранность фундаментов, мы раскапывали их не на всю глубину (рис. 3) и после исследования и точных обмеров здания снова плотно забивали раскопы песком. На ряде участков восточной, северной, южной и западной стен фундаменты небольшими отрезками протяженностью 1,5—2 м были вскрыты на всю глубину заложения. Фундаменты лежат непосредственно на материковой подошве; никаких дополнительных субструкций в здании нет. На отдельных участках южной стены под подошвой фундамента обнаружены небольшие углубления, заполненные культурным слоем, содержащим золу, угля, кости животных и кружалную керамику XI—XII вв., по-видимому, остатки хозяйственных ям или, может быть, даже жилищ полужемляночного типа.

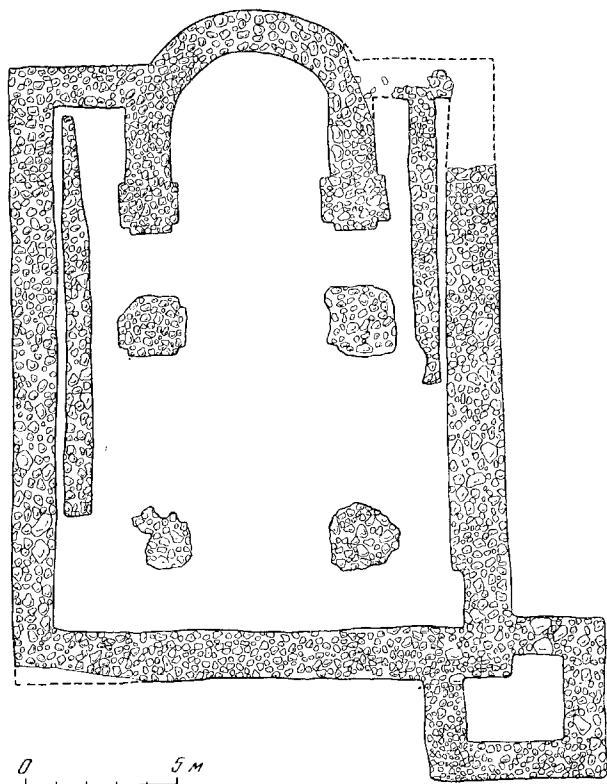

Рис. 4. План храма (по материалам раскопок автора, 1966 г.)

Раскопки фундаментов по внешнему и внутреннему периметру стен здания позволили с несомнешностью установить, что фундаменты стен здания сохранились полностью за исключением юго-восточного угла, где они вышуты на всю глубину (рис. 4). Фундамент апсиды храма, показанный на обмерном чертеже П. А. Раппопорта как почти полностью уничтоженный, в действительности сохранился отлично с верхнего обреза, несколько заросшего дерном, и на всю его глубину.

Значительно хуже сохранились фундаменты столбов храма. В отличие от обмерных планов Г. И. Пеха и П. А. Раппопорта в действительности никаких поперечных ленточных фундаментов под восточной и западной парой подкупольных столбов нет. Показанные на названных планах поперечные фундаменты оказались поверхностной беспорядочной россылью камней. Ниже этой беспорядочной россыли раскопками были обнаружены

фундаменты всех четырех подкуполных столбов, из которых только северо-восточный сохранил свою первоначальную крестчатую форму (рис. 4). Фундамент юго-восточного столба сохранился несколько хуже, а фундаменты западной пары столбов выглядели как аморфные огрызки (рис. 4).

Фундаменты восточной пары столбов, отлично сохранившие свою крестчатую форму, представляют западную часть фундамента полукруглая апсиды.

На обмерных чертежах Г. И. Пеха и П. А. Раппопорта фундаменты северной и особенно южной стен показаны непомерно широкими. Раскопки по внутреннему периметру стен позволили выяснить своеобразную особенность фундаментов этих стен. Ширина фундамента северной стены (около 1,5 м) равна ширине фундамента восточной стены и немного меньше ширины фундамента западной и особенно южной стен. Все эти незначительные колебания в размерах не представляют чего-либо необычного в древнерусской строительной технике домогольского периода и известны в ряде памятников этой поры.

Необычной является другая особенность фундаментов волковысского храма, обнаруженная раскопками. Параллельно фундаментам северной и южной стен почти вилотную к ним были заложены дополнительные более узкие полосы фундамента, из которых северный доходил примерно до линии западной пары подкуполных столбов, а южный обрывался, не доходя до середины подкуполного квадрата. Судя по технике кладки и характеру материалов, эти дополнительные укрепления сделаны вскоре после закладки основных фундаментов и были вызваны необходимостью какой-то конструктивной поправки.

П. А. Раппорт¹¹, как и Г. И. Пех¹², считал волковысский храм шестистолпным одноапсидным зданием с подкуполным квадратом, сдвинутым к западу, близкая этот памятник с Нижней церковью в Гродно, раскопанной Н. Н. Ворониным¹³.

Следует отметить, что П. А. Раппорт несколько усилил сходство волковысского и гродненского храмов тем, что на своей реконструкции волковысского храма показал скошенные углы как самой церкви, так и ее столбов. По словам П. А. Раппорта, он ввел эту характерную для гродненской школы черту, основываясь на наличии такого скоса даже на фундаментах волковысского храма, как это и показано на его обмерном чертеже. Ни малейших признаков таких скосов на углах фундаментов в действительности нет (см. рис. 4). Фундаменты столбов храма, открытые раскопками, явно свидетельствуют об их крестчатой форме. Таким образом, квадратная форма столбов со срезанными углами на реконструкции П. А. Раппорта также лишена каких-либо оснований.

¹¹ П. А. Раппорт. Указ. соч., стр. 239 и рис. 3.

¹² Г. И. Пех. Указ. соч., стр. 232.

¹³ Н. Н. Воронин. Древнее Гродно.— МИА, № 41, 1954, рис. 55.

Рис. 5. «Склад» плинф для постройки

Сказанное отношь не опровергает возможность сближения плана волковысского храма с планом гродненской Нижней церкви. О принадлежности волковысского храма к гродненской школе, как это отмечалось и ранее, свидетельствует, однако, не столько плановая схема обоих зданий, сколько характерные особенности строительной техники недостроенного волковысского храма. Возле фундаментов волковысской церкви обнаружено значительное количество больших гранитных и гнейсовых валунов различного цвета с гладко отшлифованной одной или несколькими гранями. Камни эти, предназначенные для вставок в наружные кирпичные стены храма, не были использованы, так как постройка храма после закладки фундаментов была по неизвестным причинам прервана. Декоративные приемы применения этих камней хорошо известны по ряду архитектурных памятников XII в., сохранившихся в Гродно.

В раскопках прежних лет вблизи фундаментов храма (главным образом к западу от него) обнаружено большое количество плинф, уложенных рядами¹⁴. Это — остатки заготовленных строительных материалов, не ис-

¹⁴ Г. И. Пех. Указ. соч., стр. 232—233.

пользованных ввиду прекращения строительства. На Замчице в 1948 и 1955 гг. были обнаружены и остатки напольных печей с глинобитными сводами, предназначенных для обжига плинфы¹⁵.

В 1966 г. в нескольких метрах к северу от развалин храма удалось раскопать еще один значительный склад плинфы, заготовленной для постройки (рис. 5). Плинфы хорошего обжига были уложены в несколько рядов. На торцах некоторых плинф сохранились различные рельефные знаки. Размеры плинф: $26—28,5 \times 14,7—16,5 \times 3,5—4,4$ см. Склад плинф после расчистки и изучения был вновь засыпан. Наиболее интересные образцы гранитных камней со шлифованными граями были перевезены нами в Волковский военно-исторический музей; ныне они экспонированы на усадьбе музея.

¹⁵ Г. И. Пех. Указ. соч., стр. 233.

«ЕДИНИЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ» И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБОБЩЕНИЕ В РУССКИХ БЫЛИНАХ

Д. С. Лихачев

Развивая точки зрения, высказанные в свое время А. П. Скафтымовым¹, некоторые ленинградские фольклористы много пишут в последнее время о том, что в художественном обобщении былинами русской истории не следует искать конкретные исторические имена и факты. Перед нами в былинах, утверждают они, идеалы, получившие «конкретное художественное выражение в вымышленных формах (вымышленные сюжеты, ситуации, герои)»². Выражение в былинне «вековых идеалов народа» они противопоставляют отражению в ней «единичных событий»³.

Приведу некоторые выдержки из статьи Б. Н. Путилова «Об истории русских былин»: «Сфера действительности, подвластная эпосу, имеет свои границы»; «Эпос не имеет почти никаких точек соприкосновения с летописями»; «Былинные герои — это постоянные типы... Нет никаких оснований видеть за этими типами реальных людей, некогда действовавших в истории. Художественная индивидуальность их также относительна и условна. Она чаще всего — производное от логики сюжетного повествования и характерных коллизий»⁴. Для былин, — утверждает Б. Н. Путилов, — характерно «почти полное отсутствие в них портретных описаний»; «Напрасно искать в истории какие-либо определенные общественные соотнесения отношениям между богатырями и князем»⁵; «Прошлое в былинах конструируется на основе воспоминаний *современного* (последнее слово подчеркнуто мною. — Д. Л.) певцам общественного опыта и живых

¹ А. П. Скафтымов. Поэтика и генезис былин. Очерки. Москва — Саратов, 1924.

² Б. Н. Путилов. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков. М.—Л., 1960, стр. 26.

³ «Былины, — пишет В. Я. Пропп, — отражают не единичные события истории, — они выражают вековые идеалы народа» (В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Л., 1955, стр. 24). Далее В. Я. Пропп пишет о «необходимости изучать эпос не применительно к отдельным частным событиям, а применительно к эпохам, периодам ее развития» (там же, стр. 26). Еще более категоричен Б. Н. Путилов: «Эпос никаких отдельных исторических событий не отражает, и герои его ни к каким историческим прототипам не восходят» (Б. Н. Путилов. Русский историко-песенный фольклор..., стр. 26).

⁴ Б. Н. Путилов. Об истории русских былин. — Сб. Специфика фольклорных жанров. Русский фольклор, т. X. М.—Л., 1966, стр. 119.

⁵ Там же, стр. 116.

(т. е. современных. — Д. Л.) народных идеалов... Неправильно думать, что эпический мир представляет собою некое реальное прошлое, подвергнувшееся идеализации. Перед нами — своеобразная эпическая модель мира, никогда в действительности как целое не существовавшего»⁶. Как видим, художественный мир былин не только «освобождается» от исторической основы, но он приобретает удивительно обедненный и «безликий» характер.

Предлагая прекратить изучение исторических событий или исторических лиц, легших в основу былинных сюжетов и былинных героев, Б. Н. Путилов пишет: «Поиски и блуждания вокруг отдельных имен отвлекают внимание от глубокого изучения исторической атмосферы народной жизни в эпосе, от художественного анализа песен»⁷, и отмечает стремление «современной науки выйти на широкие пути подлинно исторического изучения народного эпоса в его специфике»⁸. Однако за этими декларациями необходимости «подлинно исторического изучения» эпоса следует у Б. Н. Путилова отрицание всякого исторического содержания эпоса. Весь историзм сводится Б. Н. Путиловым к тому, что в эпосе отрицается современная певцу действительность и художественная специфика, современная певцу, «реконструируемая» на основании традиционных мотивов, но не имеющая ничего общего с историей «модель прошлого».

Былинный эпос как бы только пытается быть историческим, реконструировать историю, но на самом деле он, ведомый внутренними законами творчества, никакого отношения к реальной исторической действительности не имеет. Он историчен только в той мере, в какой он создал очень крупный, длительный исторический период, и отражает различные этапы этой исторической действительности. Но в таком случае его историзм не больше историзма любого вида человеческой деятельности, а в некоторых случаях даже меньше, так как творение человека, созданное в конкретный исторический период и не имеющее последующих наслоений, конечно, больше и яснее отражает историческую действительность, чем эпос, который создается длительно и ни к какой точно эпохе не относится. Никто и никогда не сомневался в том, что в былинах заключено художественное обобщение истории. Уверение отдельных фольклористов, что представители исторической школы в фольклористике рассматривали былины только как исторический источник, как документ и не учитывали художественной специфики былин, лишены оснований. Историк-источниковед, изучая документ, принимает во внимание специфику той области, к которой этот документ относится, изучает происхождение документа, историю его создания. Было бы странно, если бы представители исторической школы начисто игнорировали специфику фольклорных произведений, рассматривали их как «документ вообще». Все дело, однако, в том, как опре-

⁶ Б. Н. Путилов. Об истории русских былин, стр. 114.

⁷ Там же, стр. 107.

⁸ Там же, стр. 107, 126.

деляли эту специфику представители исторической школы. Попыток объективно проанализировать их взгляды на эту художественную специфику сделано не было. Эта задача предстоит всем нам.

Вс. Миллер и его последователи достаточно хорошо понимали, что былины заключают вымысел, трансформируют исторические факты, обобщают их, соединяют несколько фактов в один и пр. Но сюжетные линии меняются сильнее и быстрее, чем имена и названия. Это и есть одна из специфических особенностей былинного творчества. Поэтому в выяснении исторического субстрата представители исторической школы уделяли большое внимание именно именам и названиям.

Различие между представителями исторической школы и их противниками состоит в том, что представители исторической школы считают, что обобщение возникает постепенно на основе единичного исторического факта, а их противники — что обобщение, вымышленность сюжета и героев, приходит сразу: сразу дается некий вымышленный сюжет, который затем может меняться, разрастаться, расцветиваться историческими именами и названиями.

Не только «учитывая», но и изучая художественную специфику того или иного произведения эпоса, мы должны помнить об исторической изменчивости художественной специфики. Былина вовсе не обобщает исторические события и историческую действительность так же, как их, допустим, обобщает произведение литературы нового времени. Нельзя думать, что народ сознательно создает в былинах открыто вымышленных героев и открыто вымышленные события так, как их создают авторы литературных произведений в XIX и XX вв. В самом деле, даже в произведениях древней русской литературы, более близких былинам по времени их создания, художественное обобщение во многом отлично от художественного обобщения в литературе нового времени. Русская литература до XVII в. не знает, в частности, открыто вымышленных сюжетов и открыто вымышленных имен героев. Она строит свои обобщения на основе конкретных фактов и конкретных исторических лиц⁹. Нельзя думать, что фольклор эпохи феодализма стоял в этом отношении на более новых позициях, чем литература эпохи феодализма.

В задачу настоящей краткой статьи не может войти рассмотрение всего сложного и обширного вопроса об отношении художественной специфики былевого эпоса к конкретным историческим событиям и историческим именам. Я бы хотел только напомнить некоторые, не учитываемые в полемике факты отношения самих носителей былевого эпоса к исторической сути исполняемых ими произведений. А факты эти очень существенны.

⁹ О характере средневекового историзма и об отношении средневековой русской литературы к историческим именам я подробно писал в главе «От исторического имени литературного героя к вымышленному» в книге «Человек в литературе древней Руси» (М.—Л., 1958, стр. 119—140).

И думаю, что А. П. Скафтымов неправ, когда утверждает, что «только эстетическим обаянием обуславливается живой интерес простого народа к былинам»¹⁰. Для сказителя и его слушателей былина рассказывает прежде всего правду, историю. Художественность, разумеется, не противоречит этой правде, а позволяет ее лучше выявить.

Вот, что писал А. Ф. Гильфердинг в статье «Олонецкая губерния и ее народные рапсоды»: «Без веры в чудесное невозможно, чтобы продолжала жить природною, непосредственною жизнью эпическая поэзия. Когда человек усомнится, чтобы богатырь мог носить налицу в сорок пуд или один положить на месте целое войско, — эпическая поэзия в нем убита. А множество признаков убедили меня, что севернорусский крестьянин, поющий былины, и огромное большинство тех, которые его слушают, безусловно верят в истину чудес, какие в былинах изображаются». Далее А. Ф. Гильфердинг приводит конкретный пример того, как его провожатый крестьянин воспринял пение былины сказителем Андреем Сорокиным, и пишет, заключая: «Словом, мой провожатый слушал всю эту былинку с такой же верою в действительность того, что в ней рассказывается, как если бы дело шло о событии вчерашнего дня, правда необыкновенном и удивительном, но тем не менее вполне достоверном. То же самое наблюдение мне пришлось делать много раз. Иногда сам певец былин, когда заставишьпеть ее с расстановкою, необходимую для записывания, вставляет между стихами свои комментарии, и комментарии эти свидетельствуют, что он вполне живет мыслию в том мире, который воспеваешь. Так, например, Никифор Прохоров сопровождал события, описываемые им в былинах о Михайле Потыке, такими замечаниями: «Каково, братцы, три месяца прожить в земле!», или «Вишь поганая змея, выдумала еще хитрить», или «Вот подумаешь, бабы уловки каковы» и т. д. Когда со стороны какого-нибудь из грамотеев заявляется сомнение, действительно ли все было так, как поется в былинах, рапсод объясняет дело весьма просто: «В старику-де люди были вовсе не такие, как теперь». Только от двух сказителей я слышал выражение некоторого неверия; и тот и другой не только грамотные, но и начетчики, один перешедший из раскола в единоверие, другой недавно «остароверившийся». И тот и другой говорили мне, что им трудно верить, будто богатыри действительно имели такую силу, какая им приписывается в былинах, будто, например, Илья Муромец мог побить сразу 40 тысяч разбойников, но что они поют так, потому что так слышали от отца. Но эти скептики составляют самые редкие исключения. Огромное большинство живет еще вполне под господством эпического мирозерцания»¹¹.

О той же вере сказителей и слушателей в действительность рассказываемых в былинах событий говорят и другие собиратели. Былины — с точ-

¹⁰ А. П. Скафтымов. Указ. соч., стр. 42.

¹¹ А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины, т. I. М.—Л., 1949, стр. 36—37.

ки зрения сказителей — выражают не вымысел, а историческую «быль». Об этом свидетельствуют и замечания, которые сказитель вставляет во время исполнения былины. Собиратель С. И. Гуляев отмечает, что сказитель Леонтий Туницын был убежден в истине того, о чем поется в былинах¹².

Характерно, что когда сказительница М. Д. Кривополенова попала в Москву, для нее Москва была прежде всего городом русской истории, местом, где совершались те или иные события, о которых она знала по историческим песням¹³.

Наше эстетическое сознание позволяет увлекаться созданиями художественного воображения чистого вида — с явно вымышленными героями и явно вымышленным сюжетом. Мы сочувствуем героям, которых мы признаем при этом созданием художественной фантазии. Но для средневекового читателя сомнение в действительности рассказываемого разрушало художественное впечатление. Поэтому в средневековых произведениях до XVII в. так редки открыто вымышленные герои, неисторические имена действующих лиц. Вымысел в средние века претендовал быть правдой. Сходно обстоит дело и в фольклоре. Народ не знал современных форм художественного вымысла, как не знали их и средневековые книжники.

Когда сказитель начинает сознавать, что былина рассказывает «враки», — этим убивается и в чем самом, и в его слушателях художественное впечатление от былины. Сказители-«скептики», о которых говорит А. Ф. Гильфердинг, не менее показательны с этой точки зрения, чем сказители, безусловно уверенные в исторической правдивости всего, о чем рассказывает былина. Ведь сама оценка былины с точки зрения соответствия или несоответствия ее действительности говорит о существовании именно этого момента.

Никто не станет оценивать произведения Чехова или Достоевского с точки зрения степени точности воспроизведения ими реально имевших место фактов или прототипов героев. Но сказитель-«скептик», который говорит про былину — «враки», выражает тем самым и ее оценку. Такого сказителя былина интересует несравненно меньше, чем сказителя, кото-

¹² Былины и исторические песни из Южной Сибири. Записи С. И. Гуляева. Новосибирск, 1939, стр. 33.

¹³ О. Э. Озаровская. Бабушкины старины. М., 1922, стр. 9. «Бабушка здесь в Москве получила оправдание своим песням, и по той огромной радости, с которой она говорила об этом, можно заключить, как дороги были ей ее песни.

Подумайте: всю жизнь пела о Каменной Москве, об Иване Грозном, о Марье Демрюковне, — и все здесь нашлось:

— Уж, правда, камень а Москва: дома каменные, земля каменная...

— Ивана Грозного своими глазами видела (т. е. портрет), знаю, что не врака, а была же, бывало!

Ехать в Замоскворечье — значит ехать к Скарлютке (к дому Малюты Скуратова); Каменный мост — стал „калиновым мостом“.

рый видит в былинке «единичный исторический факт» и конкретные исторические имена.

Напомню и о том, что пишет Р. Липец об отношении М. С. Крюковой к исполняемым ею былинам: «Крюкова относится к былинам, как к неписанной истории. За редким исключением, события былины для нее — подлинная действительность, персонажи их — живые люди»¹⁴.

Таковы важные для решения вопроса об историчности былин свидетельства собирателей былин, исследователей, знавших былинку в непосредственном исполнении и имевших возможность общаться со сказителями.

Возникает вопрос, существовало ли в средние века такое же отношение к былинке, какое существовало в XIX в. при А. Ф. Гильфердинге и при других первых собирателях? На это мы находим в летописях вполне определенные ответы.

Историки летописания выяснили, что многие сведения летописи имеют в своей основе сведения, почерпнутые из былин. Следовательно, летописцы рассматривали былины как своего рода исторический источник и не сомневались в том, что былина рассказывает о действительно имевших место событиях и о действительно существовавших лицах.

Если «историческая школа» в области изучения эпоса видела в записях летописей о героях былин по преимуществу свидетельства о действительно существовавших лицах, то теперь по большей части в этих записях историки летописания усматривают отражение эпоса. Факт этот неоспоримо говорит о том, что «художественное сознание» средневековья видело в богатырях исторических лиц, рассматривало былевой эпос как рассказ о конкретных «единичных событиях» русской истории и о конкретных действительно существовавших лицах.

А. А. Шахматов отметил былинное происхождение рассказа Владимирского полихрона Фотия о «храбрах», принимавших участие в Калкской битве¹⁵. Былинного происхождения многочисленные известия Никоновской летописи о богатырях Родмане, Рагдае Удалом, Могуте, Добрыне и других. Различные и разноречивые сведения об Александре Поповиче в русских летописях (во Владимирском полихроне Фотия, в Тверском сборнике 1534 г., в Никоновской летописи и специальной повести об Александре Поповиче) свидетельствуют о том, что и последний воспринимался как историческое лицо¹⁶. Летописцы отождествляли Сатка Сытинича в Новгородской первой летописи с былинным героем Сатком Богатым

¹⁴ Былины М. С. Крюковой. Записали и комментировали Э. Бородин и Р. Липец. Вводная статья Р. Липец. Редакция и предисловие акад. Ю. Соколова.— Летописи Государственного литературного музея, кн. 6. М., 1939, стр. 25.

¹⁵ А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды XIV—XV вв.— ЖМНП, ч. 338, 1901, стр. 73.

¹⁶ Д. С. Лихачев. Летописные известия об Александре Поповиче.— ТОДРЛ, т. VII. М.— Л., 1949, стр. 17—51.

и приурочивали к определенным годам существования посадника Васьки Буслаева¹⁷.

Приведенные факты говорят о том, что рассматривать «былину» в том же плане, как мы рассматриваем произведение современной художественной литературы с откровенным художественным вымыслом в его основе, нет никаких оснований. Это было бы недопустимой модернизацией исторического сознания сказителей и их слушателей.

Так же точно совершенно невозможны для средневекового сознания различного рода предположения о том, что под видом одной эпохи в былинах или в исторической песне подразумевается другая, под видом одних лиц изображаются другие и т. д.¹⁸ Перенесение современных нам явлений художественной аллюзии в средние века так же точно модернизирует старое художественное сознание.

Художественное обобщение в былинах, как и в русской средневековой литературе, шло от единичного исторического факта, от конкретного исторического лица и конкретного исторического события. Эпическое произведение сперва рассказывало только о том, что было. Это могло быть историческое предание, историческая песнь, слава герою, плач по герою и т. д. Уже в этих первых исторических произведениях была доля художественного обобщения и осмысления истории, ибо рассказ о единичном факте не уничтожает возможности художественного обобщения. Затем, с течением времени события и исторические лица все больше трансформировались, все больше обрастали вымыслом. Произведение переходило в другой жанр, с другой степенью и с другим качеством художественного обобщения. Появлялась былина. Но и былина осознавалась все же как «правда». Народ стремился бережно сохранить имена, географические названия, историческую канву рассказа. Следующий этап нарастания вымысла в сюжете превращал былинку в богатырскую сказку.

¹⁷ Д. С. Лихачев. Народно-поэтическое творчество в годы феодальной раздробленности Руси до татаро-монгольского нашествия (XII — начало XIII в.). — Русское народное поэтическое творчество. Т. I. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X — начала XVIII в. М. — Л., 1953, стр. 230—231. Отмечу попутно, что С. Азбелев в статье «Новгородские былины и летопись» (сб. Русский фольклор, т. VII. М. — Л., 1962, стр. 44—54) спорит со мной по частностям (не всегда точно передавая мои точки зрения), но принимает, не оговариваясь, основные мои выводы об отождествлении летописцем Сатка Сыгинича с Сатком Богатым и о фольклорном происхождении летописной вставки под 1171 г. о посаднике Ваське Буслаеве.

¹⁸ Впервые в былевом эпосе усматривать аллюзии стал С. К. Шамбинаго, предположивший, что былины о Василии Буслаеве возникли в XVI в. как памфлеты на Ивана Грозного (С. К. Шамбинаго. Песни-памфлеты XVI в. — Записки имп. Московского археологического института, т. XXVIII, 1913, стр. 1—266; 2-е издание: Песни времени царя Ивана Грозного. М., 1914). Идеи С. К. Шамбинаго не встретили сочувствия (см.: М. К. Азадовский. История русской фольклористики, т. II. М., 1963, стр. 305).

Выясняя конкретную историческую основу былины и сравнивая историческое событие с его трансформацией в былине, исследователь открывает для себя возможность изучить художественный вымысел, художественное обобщение, исторические идеалы и представления народа.

Все попытки определения эпохи или исторической формации, к которой относится былина, на основе крайне общих соображений, без определения того исходного исторического факта, который имеется в виду былиной, отличаются гораздо большим субъективизмом и произволом, чем разыскания представителей «исторической школы».

Без выяснения конкретных исторических фактов исследователь в определении исторических взглядов народа не может пойти дальше самых общих фраз о патриотизме народа, о его ненависти к врагу-захватчику и решимости оборонять родину, о его ненависти к боярству и пр.¹⁹ Естественно, что этими общими фразами не может удовлетвориться ни историк, ни фольклорист.

Специфика художественного обобщения существует, но, как показывают факты отношения самих носителей былин и их слушателей к исполняемым ими произведениям, она такова, что требует самого широкого привлечения именно историков к изучению русского эпоса. Без участия историков русский эпос изучать бесплодно.

¹⁹ В. Я. Пропп предлагает такой путь исследования: сперва раскрыть замысел и идею фольклорного произведения, а потом выяснить ее историческую основу: «Только после того как будет решен вопрос о замысле, об идее этой песни,— пишет он о былине о Дунае,— могут найти правильное решение и другие вопросы, которые не была в состоянии разрешить буржуазная наука: о степени историчности этой былины, о ее художественной форме, о ее отношении к эпосу других народов, и другие» (В. Я. Пропп. Указ. соч., стр. 130—131). Но выяснение идеи произведения без разрешения ряда предварительных вопросов об отношении произведения к исторической действительности и о его художественной форме совершенно невозможно. Идея произведения — самая важная и самая трудная для изучения сторона произведения. Определение ее должно венчать и завершать собой исследование произведения. И оно может быть сделано только после сбора всего фактического материала о произведении.

ЗАГАДОЧНАЯ НАДПИСЬ НАЧАЛА XI в. ИЗ НОВГОРОДА

А. Ф. Медведев

В 1956 г. в Неревском конце Новгорода во время археологических раскопок, возглавляемых А. В. Арциховским, был найден обломок ребра коровы с загадочной надписью (рис. 1). находка залегала на глубине около 5,5 м в слое 25 строительного яруса¹, который датируется по археологическим и дендрохронологическим данным первой четвертью XI в. Она найдена в 6 м к югу от Козьмодемьянской и в 3 м к западу от Великой улиц древнего Новгорода, на территории усадьбы, которая позднее, в XIV—XV вв., принадлежала боярскому роду Онцифоровичей — потомков героя Невской битвы Миши Новгородца.

Надпись вырезана (процарапана) остро отточенным концом ножа на внешней стороне дистальной половины 4—6 левого ребра коровы. Не исключено, что перед нанесением надписи это ребро подверглось небольшой предварительной обработке — снятию незначительной части слоя для выравнивания поверхности под надпись². Длина обломка ребра с надписью 176 мм, ширина 23—35 мм, толщина 3—7 мм. Перед надписью прочерчена геометрическая фигура в форме конверта. Размер фигуры 34 (ширина ребра) × 22—27 мм.

Надпись состоит из 35 знаков, расположенных в две с половиной строки справа от геометрической фигуры. Среди знаков некоторые аналогичны знакам рунического алфавита. Другие имеют сходство с буквами древнетюркского и древнеславянского алфавитов. Но большинство знаков не имеет аналогий и совершенно отлично от букв упомянутых алфавитов.

Первым впечатлением было, что эта надпись руническая, подобная найденной в Новгороде в 1958 г.³ Но специалисты рунологи и тюркологи⁴, которым была показана надпись, отрицают ее принадлежность к этим письменам. Не похожа она, по мнению М. И. Стеблина-Каменского, и на руническую тайнопись. Г. Ф. Турчанинов высказал предположение, что она, вероятно, представляет собой слоговую славянскую тайнопись,

¹ Пласт 28, квадрат 1180.

² Определение научного сотрудника Зоологического музея МГУ Е. Т. Лебедевой, которой выражаю искреннюю благодарность.

³ Э. А. Макаев. Руническая надпись из Новгорода. — СА, 1962, № 3, стр. 303—341, рис. 2.

⁴ М. И. Стеблин-Камелский и С. Г. Кляшторный.

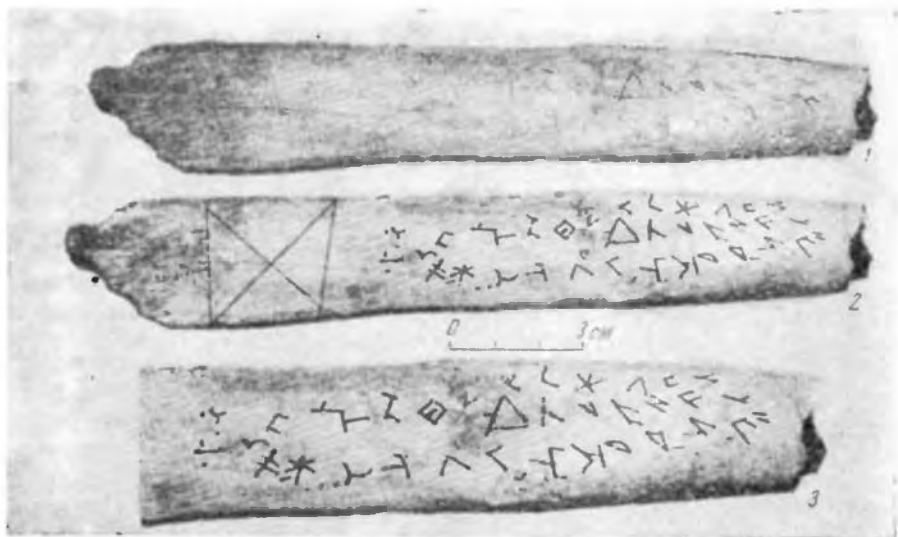

Рис. 1. Загадочная надпись начала XI в. из Новгорода

1 — фотография ребра коровы с загадочной надписью; 2 — то же ребро с прорисованными знаками надписи; 3 — увеличенная прорисовка надписи

существовавшую до глаголицы и кириллицы, но пока еще не расшифрованную. Если это так, то к загадочным аликановским надписям прибавляется еще одна.

И все же некоторые обстоятельства, связанные с находкой, дают основание предполагать, что публикуемая загадочная надпись, вероятнее всего, относится к руническим. Заранее оговорюсь, что я не специалист по надписям и мои доводы по этому вопросу носят только исторический и логический характер.

Надпись сделана на кости животного, как и надпись с руническим алфавитом, опубликованная Э. А. Макаевым. Обе эти надписи были найдены на территории одной и той же усадьбы, в 35 м одна от другой, в ненарушенном слое 25 строительного яруса и датируются первой четвертью XI в. (по дендрохронологии — 1006—1025 гг.). Предположение Э. А. Макаева, что рунический алфавит из Новгорода может относиться к концу XI или даже к XII в., не обосновано убедительными данными и, видимо, ошибочно. Кроме совпадений места находок, даты и материала, обе надписи написаны совершенно аналогичным способом. Едва ли можно считать эти совпадения случайными.

Исторические события в Новгороде в первой четверти XI в. подтверждают нашу точку зрения. По сообщениям новгородских летописей, именно

в тот период в Новгороде находилась многочисленная варяжская дружина, нанятая в 1015 г. новгородским князем Ярославом Владимировичем для борьбы против притязаний его отца — киевского князя Владимира Святославича⁵.

Варяги, стоявшие в Новгороде с 1015 г., стали вести себя бесцеремонно, творить насилие. Возмущенные их безобразиями новгородцы в одну из ночей 1016 г. перебили много варягов на Парамоновом дворе. Часть варягов бежала из города в княжеское село Ракому, где находился князь Ярослав.

Варяжская наемная дружина Ярослава была весьма внушительной. Даже после избиения новгородцами она насчитывала 1000 воинов — четверть всего войска, собранного Ярославом в Новгороде перед походом на Святополка Окаянного⁶. Ярослав разбил Святополка и занял Киев. Через два года Святополк с помощью польского короля Болеслава одерживает победу над Ярославом, и поляки начинают хозяйничать в Киеве и других южных городах Руси. Бежавший в Новгород Ярослав на собранные новгородцами деньги нанимает новую варяжскую дружину, с помощью новгородского войска одерживает победу над приведенными Святополком печенежскими войсками и отнимает у поляков занятые ими русские города⁷. В 1024 г. ему снова приходится нанимать за морем варяжскую дружину для борьбы за Киев, но эта дружина почти полностью была перебита на поле боя северянами Мстислава Тмутараканского⁸.

Как видно из летописей, с 1015 по 1024 г. варяжские дружины в Новгороде находились неоднократно. Особенно долго варяжская дружина стояла в Новгороде в 1015—1016 гг. Поэтому есть все основания предполагать, что найденные в Новгороде руническая азбука и наша загадочная надпись относятся именно к 1015—1016 гг., когда стоявшие здесь варяжские дружинники могли обучать друг друга или новгородцев своей грамоте и изучать славянский язык и грамоту.

Последний раз варяги были наняты Ярославом в 1036 г., когда Киев осадили печенеги. После этого о варяжских войсках в Новгороде летописцы не упоминают, да и вообще о варягах (купцах) не пишут в течение 150 лет, т. е. до второй половины XII в.

Сопоставляя обстоятельства находки загадочной надписи с историческими событиями, мы предполагаем, что эта надпись может относиться к рунической тайнописи. Окончательное решение вопроса о принадлежности и содержании этой надписи — дело специалистов-языковедов.

⁵ НПЛ. М.— Л., 1950, стр. 168.

⁶ Там же, стр. 175.

⁷ ПСРЛ, т. I. М.— Л., 1962, стб. 142—146.

⁸ Там же, стб. 147—148.

ДРЕВНЕРУССКИЕ НАДПИСИ ИЗ ЦЕРКВИ ФЕДОРА СТРАТИЛАТА В НОВГОРОДЕ

А. А. Медынцева

Церковь Федора Стратилата на Ручью, построенная в 1360—1361 гг.¹, — один из известнейших памятников новгородского зодчества. Исключительное значение придает этому памятнику архитектуры фресковая роспись, датируемая различными исследователями 60—70-ми или 70—80-ми годами XIV в.² Роспись была открыта под побелкой в 1910 — 1911 гг.³ Очевидно, тогда же были расчищены многочисленные древнерусские надписи — граффити, прочерченные по фресковой штукатурке. В отчетах о реставрации живописи о них ничего не говорится. Лишь в путеводителе по Новгороду, изданном М. В. Муравьевым, упомянуто, что на стенах храма много еще не изученных граффити⁴. В настоящее время⁵ надписи сохранились на стенах каменной лестницы, ведущей на хоры, на западной стене хор, на откосах оконных проемов и на южной стене, вдоль которой деревянный переход вел с полатей в придел Симеона-Дивногорца. Топография надписей объясняется сохранностью фресковой росписи. Обширность материала заставляет нас ограничиться публикацией лишь некоторых надписей XIV — первой половины XV в.

* * *

Надпись 1 процарапана по фресковой штукатурке на западной стене хор на высоте около 180 см от уровня пола (рис. 1, I; 2, I).

Текст надписи с разделением на слова (в круглых скобках даются буквы, сохранившиеся частично, в квадратных — утраченные совсем):

¹ НПЛ. М.—Л., 1950, стр. 366—367.

² В. Н. Лазарев. Феофан Грек и его школа. М., 1961; М. К. Каргер. Новгород Великий. М.—Л., 1966.

³ Н. Л. Окунев. Вновь открытая роспись церкви Федора Стратилата в Новгороде.— ИАК, вып. 39, 1911; А. А. Анисимов. Реставрация фресок церкви Федора Стратилата в Новгороде.— Старые годы, 1911, № 2; он же. Новооткрытые фрески Новгорода.— Старые годы, 1913, № 12.

⁴ М. В. Муравьев. Новгород Великий.— Комитет популяризации художественных изданий при ГАИМК. Л., [Б. г.], стр. 38.

⁵ Значительные повреждения были причинены фресковой живописи фашистами в период временной оккупации Новгорода. В послевоенные годы были предприняты меры по укреплению и промывке росписи церкви (см.: Ю. Н. Дмитриев. Стенные росписи Новгорода, их реставрация и исследование.— Практика реставрационных работ, вып. 1. М., 1950).

Рис. 1. Граффити из церкви Федора Стратиголата

1 — надпись 1; 2 — надпись 2; 3 — надпись 3; 4 — надпись 5; 5 — надпись 6 (II)

прѣстависѧ посадни(къ)
 василѣи мѣсаца сем[ѣтвѣра]
 на память стѣка м[ѣнщи]
 феклыи

Текст надписи совершенно ясен: «Преставися посадник Василий месяца сентября на память святых мученицы Феклы» (15 сентября). Перед нами типичная номинальная запись с неполной датой (указаны только месяц и число события, что вполне достаточно для поминания). В имени Василий — обычная для Новгорода замена и на Ѣ, в слове «месяца» — Ү вместо ц. Из палеографических признаков нужно отметить так называемое ступенчатое в, появившееся на пергаменте и бумаге в конце XIV в. и употреблявшееся в XV в.⁶ Эту же дату для такой формы подтверждают и берестяные грамоты⁷. и — современной формы, употреблявшееся одновременно со ступенчатым в⁸; Ү — в виде расщеп с совершенно утраченной ножкой — типично для конца XIV — начала XV в.⁹

Важным датирующим признаком является а с длинным хвостом. Такая форма употребляется в надписи наряду с обычным а. В берестяных грамотах и на бумаге такое а появляется только в начале XV в.¹⁰ Вообще, по стилю почерка эта надпись очень близка к некоторым берестяным грамотам первых десятилетий XV в.¹¹ Таким образом, надпись о смерти посадника Василия можно датировать началом XV в. К сожалению, в надписи не указаны ни год смерти, ни отчество посадника, а в конце XIV — первой половине XV в. в Новгороде было десять посадников Василиев, причем полная дата смерти (4 июня 1392 г.) известна только для Прусского посадника Василия Федоровича¹².

Таким образом, определить, о каком Василии идет речь в надписи, крайне затруднительно. Можно попытаться сузить круг посадников, о смерти которых могла сообщать надпись. Церковь Федора Стратилата находится в древнем Плотницком конце Новгорода. Естественно пред-

⁶ В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1918, стр. 106, 118.

⁷ А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1955 г. М., 1958, стр. 71—72.

⁸ В. Н. Щепкин. Указ. соч., стр. 107; А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1955 г., стр. 169.

⁹ В. Н. Щепкин. Указ. соч., стр. 106.

¹⁰ А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1956—1957 гг. М., 1963, стр. 128.

¹¹ См. грамоту № 18 (10—20-е годы XV в.) (А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1952 г. М., 1954, стр. 17—18), а также грамоту № 169 (первые десятилетия XV в.) (А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1955 г., стр. 54—56).

¹² В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962.

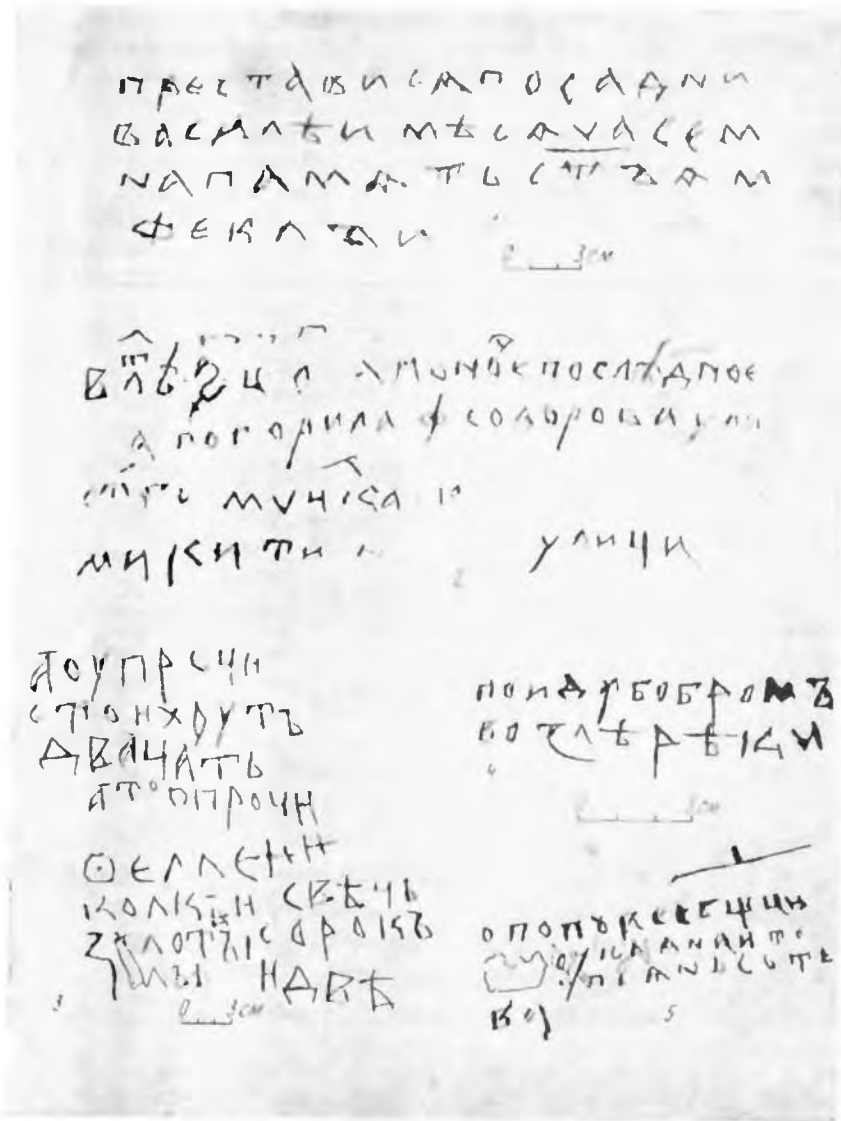

Рис. 2. Граффити из церкви Федора Стратилата

1 — надпись 1; 2 — надпись 2; 3 — надпись 3; 4 — надпись 5; 5 — надпись 6 (II)

положить, что в записи для поминания на стене этого храма упоминается плотницкий посадник. В таком случае это может быть или плотницкий посадник Василий Есифович (избранный в 1416 г. и последний раз упоминаемый в 1421 г.) или Василий Фоминич, о котором неизвестно, в каком из концов он был посадником (избран в 1423 г.)¹³.

Следовательно, наиболее вероятное лицо, о смерти которого говорится в надписи, — плотницкий посадник Василий Есифович, занимавший и должность степенного посадника в 1418 г. Умер он, очевидно, в 20-х годах XV в. Однако это предположение не исключает возможности, что в поминальной записи могла идти речь о Василии Фоминиче или о каком-либо другом посаднике Василии, имевшем родственные или территориальные связи с Плотницким концом и умершем в начале XV в.

На д п и с ь 2 находится на западной стене на высоте около 160 см от уровня пола хор (рис. 1,2; 2,2). Надпись сильно повреждена вследствие выпадения верхнего красочного слоя фресковой штукатурки.

Текст надписи:

в лѣтѣ ·ꙗꙋꙋ·(ꙋ·а)нон(е)сѣ послѣдн(е)сѣ
 ... а погорела феодрова (у)л(и)[ца]
 стго мѹнка кꙋ .
 микит(ин)[ѣ]... улици

Несмотря на фрагментарность надписи, ясно, что речь идет о пожаре, во время которого погорели Федорова улица (на ней и стоял храм Федора Стратилата) и, возможно, Никитина улица, проходившая параллельно Федоровой¹⁴. В надписи есть дата, отчетливо читаются ꙗ (6) — число тысяч — и ц (900) — на месте сотен. На месте десятков под титлом находится буква, от которой сохранилась только верхняя часть. Это могли быть о (70) или ѡ (9). Конец даты поврежден, однако можно различить букву а (1) на месте единиц и следующее за датой слово нонѣсѣ, причем последние три буквы под титлом читаются вполне отчетливо. нонѣсѣ, очевидно, следует прочесть как нонѹнѣсѣ. И. И. Срезневский указывает на слово нонѹца, встреченное в Новгородской первой летописи в значении «ныне», равное по смыслу нонѣуа, нѹнѣуа¹⁵. Следовательно, нонѣсѣ — нынешнее.

¹³ В. Л. Янин. Новгородские посадники, стр. 244. Принадлежность Василия Васильевича к известному неревскому боярскому роду Мишиничей доказывается А. Ф. Медведевым в статье «Из истории Старой Руссы, помещицкой в СА, 1967, № 3, стр. 285—286.

¹⁴ С. Н. Орлов. К топографии Новгорода X—XVI вв.— Сб. Новгород. К 1100-летию города. М., 1964.

¹⁵ И. И. Срезневский. Материалы для словаря русского языка, т. II. СПб., 1895.

Таким образом, дата надписи читается $\cdot\overline{\text{ѣ}}\cdot\overline{\text{ц}}\cdot\overline{\text{о}}\cdot\overline{\text{а}} = 6971$ (1463) г., если букву на месте десятков прочесть как о (70), а не ѣ (9). В пользу такого прочтения говорят а на месте единиц и палеография.

Помимо и современной формы, появившегося в XIV в. и обычного для XV в., симметричного у, датированного концом XIV — началом XV в. (см. выше), в надписи употребляется ф с изогнутой ножкой, появившееся в XV в.¹⁶, о том же времени говорят одностороннее у и к с резким разрывом между левой и правой частью¹⁷. Таким образом, палеография говорит в пользу более поздней даты (6970-е годы).

Слово **послѣднее**, следующее за словом **нонѣе**, читается вполне ясно. «Последнее лето» часто употреблялось древнерусскими книжниками в смысле «конец мира», которого ожидали в 7000 г. Но ясно сохранившееся в дате число тысяч и сотен препятствует такому толкованию. Очевидно, **послѣднее** следует перевести как «в последний раз»¹⁸.

Перевод надписи: В лето 6971, нынешнее, в последний раз погорела Федорова улица, в день мученика К... (до?) Никитиной улицы.

Летописные сообщения о пожарах, во время которых горел Плотницкий конец, довольно часты в летописях. Конечно, в летопись попали записи далеко не о всех пожарах. В частности, ничего не известно о пожаре 1463 г. в Новгороде, хотя выражение «в последний раз» говорит о том, что за короткий промежуток времени Федорова улица горела неоднократно.

На д п и с ь 3 расположена на западной стене на высоте около 210 см от уровня хор (рис. 1, 3; 2, 3).

Текст надписи:

а оу пр(ѣ)ци
 стон (х)оут(ъ)
 двадцать
 а то опроци
 о елени
 колк(ѣ) и свѣць
 золоты сорокъ
 и двѣ

В надписи употребляется р, форма которого, по определению А. В. Арциховского, в виде ножа русского курганного типа (с прямой спин-

¹⁶ А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1956—1957 гг., стр. 130.

¹⁷ В. Н. Щепкин. Указ. соч., стр. 118; А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1956—1957 гг., стр. 123.

¹⁸ И. И. Резневский. Указ. соч., т. II.

кой, выпуклым лезвием, от лезвия к середине спинки идет короткая прямая линия), типична для берестяных грамот XIV в.¹⁹ Продолжает встречаться такое р и в некоторых берестяных грамотах начала XV в.²⁰ и с заходящими друг на друга петлями типично для памятников древнейшего, так называемого русского полуустава (конец XIV — начало XV в.)²¹. Особо можно отметить а, имеющее аналогию в некоторых эпиграфических памятниках конца XIV в.²² По совокупности признаков надписи можно датировать рубежом XIV — XV вв. В начале слов употреблено так называемое о очное — с точкой внутри. прецистон — пречистой — имеется в виду Богородица. хуотъ — очевидно, пропущено с перед т, — следует читать хустъ. Хуста — платок, плат²³. о проци — опрочи-опрочь — кроме, исключая²⁴; елени — должно быть, ялени; буквы л и н удвоены по ошибке. коакѣ — кольцо — сколько; о коакѣ — означает приблизительное число — несколько²⁵.

Перевод надписи: А у Пречистой хуст двадцать, а то помимо прочих; елея несколько и свечей золотых сорок и две.

Буквы мѣ в начале последней строки, очевидно, не имеют отношения к данной надписи и были написаны ранее. Именно поэтому последняя строка надписи сдвинута в сторону. Таким образом, содержание надписи — перечень приношений Пречистой. Нужно отметить, что в церкви Федора Стратилата существовал придел Покрова Богородицы. По свидетельству архимандрита Макария, этот придел находился на хорах против главного иконостаса²⁶. Во время последних реставрационных работ выяснилось существование придела в центральной трети хор²⁷. Несомненно, этот придел и являлся приделом Покрова Богородицы²⁸. Надпись Э

¹⁹ А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1955 г., стр. 64; А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1958—1961 гг. М., 1963, стр. 14.

²⁰ См., например, грамоту № 161 из раскопок 1955 гг., грамоты № 300 и 352 из раскопок 1958—1961 гг.

²¹ Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 172, 182; В. Н. Щепкин. Указ. соч., стр. 106—107.

²² Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV вв.—САИ, Е1-44, 1964, № 46, 47, 53.

²³ И. И. Срезневский. Указ. соч., т. III. СПб., 1903.

²⁴ Там же, т. II.

²⁵ Там же, т. I. СПб., 1893.

²⁶ Архимандрит Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, ч. I. М., 1860, стр. 359.

²⁷ Т. В. Гладенко, Л. Е. Красноречьев, Г. М. Штендер, Л. М. Шулъяк. Архитектура Новгорода в свете последних исследований.—Сб. Новгород. К 1100-летию города, стр. 234.

²⁸ Местоположение придела Покрова на хорах прямо указывается в одной из надписей того же времени, находящейся на лестнице храма:

а се поють на полатахъ
оу стго покова

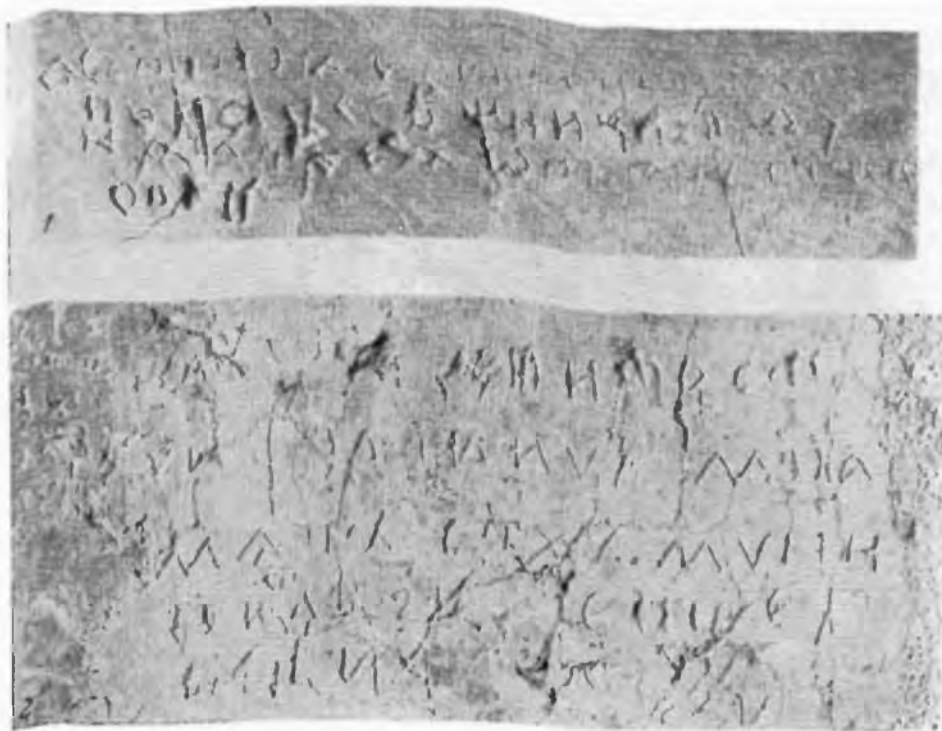

Рис. 3. Граффити из церкви Федора Стратилата

1 — надпись 6 (I); 2 — надпись 4

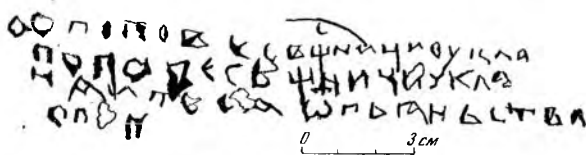
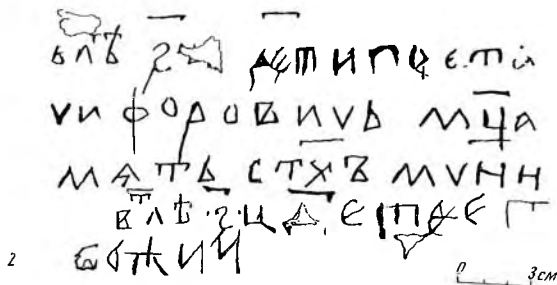

Рис. 4. Граффити из церкви Федора Стратилата
1 — надпись 6 (I);
2 — надпись 4

помещается на хорах как раз напротив придела и является перечнем пожертвований находившейся там иконе Покрова Богородицы.

Надпись 4 (рис. 3,2; 4,2) расположена рядом с предыдущей, несколько ниже нее, на высоте 175 см. Сохранилась лишь левая часть надписи, правая утрачена вместе со штукатуркой.

Текст надписи:

в лѣтѣ ·ѡ·ц·д̄ѣ ти п(о)ст(а)...

ѳифоровиуъ мѣа ...

мать стѣхъ мѣшн...

в лѣтѣ ·ѡ·ц·д̄ѣ т(е)е(г)...

со(т)ни

В надписи дважды повторена дата ѡ·ц·д̄ѣ — 6904 (1396) г., причем, если в первом случае буква ц, обозначающая число сотен, не сохранилась, то во втором—ц на месте сотен читается совершенно отчетливо. Буква д̄, следующая за ц, также относится к дате, о чем говорит сохранившееся в обоих случаях титло над д̄. Буква е означает окончание числительного — лето 6904-е. Интересно в дате употребление ц вместо л в значении 900. Обозначение 900 посредством ц распространилось с «югославянским влиянием»²⁹. В рукописях ц = 900 впервые употреблено в 1427 г. и то в южнорусском евангелии³⁰. В эпиграфических памятниках известно употребление ц = 900 в надписи на окладе евангелия Федора Кошки (1392 г.)³¹. В данной надписи югославянское влияние проявилось и в написании т в виде трех палочек, опущенных вниз. Однако наряду с таким т употребляется и обычное, а также симметричное у, характерное для «русского полуустава»³². В тексте ясно читается ѳифоровиуъ мѣа...

[на па]мать стѣхъ мѣшн[къ] ѳифоровиуъ — окончание отчества; с учетом новгородского цокания должно быть —...цифровиуъ. Единственное отчество с таким окончанием происходит от чрезвычайно редкого имени Онцифор. В Новгороде так звали известного посадника Онцифора, упоминавшегося в летописях в 1342—1367 гг. В. Л. Янину путем сопоставления данных различных источников (летописей, берестяных грамот, актов, сфрагистики и т. д.) удалось установить, что у Онцифора было по крайней мере четыре сына, время жизни и деятельности которых падает на середину XVI— начало XV в. Дата надписи—1396 г. — и ее местоположение на хорах, среди записей, касающихся других важных событий, позволяет предположительно отождествить Онцифоровича надписи с одним из сыновей зна-

²⁹ В. Н. Щепкин. Указ. соч., стр. 119.

³⁰ Е. Ф. Карский. Указ. соч., стр. 217.

³¹ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., № 55.

³² В. Н. Щепкин. Указ. соч., стр. 106, 118.

менитого посадника. Фрагментарность надписи не позволяет достоверно восстановить ее содержание.

Первую фразу можно прочесть так: «В лето 6904-е ти постави...» или «В лето 6904-е ти прста...» (преставился, если допустить, что автор надписи пропустил буквы). Но ни для первого, ни для второго варианта прочтения нет достаточных оснований. Дата смерти Юрия Онцифоровича — 1416 г., Лукьян Онцифорович упоминается в летописи в 1421 г. Даты смерти Максима и Афанасия Онцифоровичей неизвестны. Однако нужно отметить, что из восьми грамот, написанных и полученных Максимом, последняя по времени (№ 177) найдена в слоях ярусов 7—8 (1369 — 1396 гг.)³³. Отсутствие сведений о Максиме Онцифоровиче после 1396 г. позволяет предположить, что в надписи сообщается о его смерти в 1396 г. В последней строке надписи читается слово «сотии» или «соткии», которые можно истолковать как «сотский». Максим Онцифорович, по сведениям берестяных грамот, и был сотским³⁴.

Н а д п и с ь 5 (рис. 1,4; 2,4) представляет собой много раз повторенную фразу, прочерченную в разных местах западной стены хор и лестницы:

пѡндѹ бѡврѡмѣ
вѡзѡтѣ рѣтки

Надпись несомненно является началом какой-то песни или загадки. Палеографические признаки: р — в виде «ножа русского курганного типа», в — в виде двух треугольников с заходящими друг на друга концами, а также з — в виде полукруга с маленькой головкой, характерное для «русского полуустава»³⁵, позволяют датировать надпись концом XIV — XV в.

Н а д п и с ь 6 также представляет собой не одну запись, а две (рис. 1,3; 2,5; 3,1; 4,1) одинакового содержания, сделанные одним почерком на северной стене лестницы:

I. о о попове свѣцници оукла...
попове свѣцниц(и оу)кла
наитеса Ѡ пыаньскѣа
о п(о)п... .

II. о попове свѣцци
оукла(а)наит(е)
[са Ѡ] пыаньскѣ
ва

³³ А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1956—1957 гг., стр. 80—81.

³⁴ Там же, грамота № 279.

³⁵ М. Н. Тихомиров, А. В. Муравьев. Русская палеография. М., 1966, стр. 31.

В рассматриваемых надписях употребляется «ступенчатое» **к**, и современного начертания, и — с высокой косой перекладиной, появившееся во второй половине XIV в.³⁶, **д** — с длинным хвостом, **к** — с большим промежутком между левой и правой частью. Все эти признаки позволяют датировать надписи концом XIV — XV в.

оукланитеса — избегайте, отвращайтесь³⁷.

В обеих надписях содержится благочестивый призыв: «О попове, священники, отвращайтесь от пьянства!» Однако само выполнение надписей, незаконченные и снова повторяющиеся фразы, неровные строчки и буквы с разным наклоном отнюдь не свидетельствуют о том, что автор надписи следовал этому призыву. Формально от священника требовалось воздержание от пьянства, но сами церковники, очевидно, понимали, что невозможно требовать от священников полного отказа от алкоголя, и в многочисленных посланиях увещевали духовенство: «Пития не принимай без времени, но в подобное время, в закон и во славу божию»³⁸. Но все эти благочестивые воззвания оставались втуне, и не случайно в церковном уставе Ярослава имелась статья: «Аще поп или чернец, или черница упиется без времени...»³⁹ Рассматриваемые два граффити, очевидно, представляют собой покаянные записи священника, «упившегося без времени», и подтверждают, что многочисленные обвинения духовенства в пьянстве, исходившие как от «отцов церкви», так и от еретиков-стригольников, не были напрасными.

* * *

Публикуемые в настоящей статье граффити далеко не исчерпывают всего разнообразия надписей, сохранившихся на стенах церкви Федора Стратилата. Большинство из них относится к XIV — первой половине XV в., встречаются записи и более позднего времени (XV—XVI вв.). Это надписи молитвенные, номинальные, бытовые. Дальнейшее их изучение позволит ввести в научный оборот новый, до сих пор мало известный источник по истории, культуре и повседневной жизни древнего Новгорода.

³⁶ В. Н. Щепкин. Указ. соч., стр. 103.

³⁷ И. И. Срезневский. Указ. соч., т. III.

³⁸ Святительское поучение новопоставленному священнику.— РИБ, т. VI. СПб., 1880, стб. 104.

³⁹ НПЛ, стр. 484.

РЯЗАНСКАЯ ИКОНА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ БОРИСА И ГЛЕБА

Т. В. Николаева

В изучении ранней иконографии Бориса и Глеба особое место должна занять небольшая шиферная иконка, хранившаяся в ризнице рязанского Солотчинского монастыря¹. Местом изготовления этой иконки была, несомненно, Старая Рязань с ее высокоразвитым культом Бориса и Глеба. Борисоглебский собор в Старой Рязани был кафедральным храмом рязанских епископов и усыпальницей рязанских князей². Иконка могла попасть в качестве вклада в Солотчинский монастырь, основанный Олегом Рязанским в XIV в., как княжеская фамильная реликвия³.

Иконография Бориса и Глеба изменялась в зависимости от исторического осмысления их культа, особенностей разных древнерусских художественных школ, индивидуального подхода мастера и требований заказчика. И не всегда один тип иконографии Бориса и Глеба хронологически последовательно сменял другой. Разные типы их изображений могли сосуществовать друг с другом, особенно если они воспроизводились в разном материале и технике — во фресковой живописи, иконе, скульптуре, книжной миниатюре, мелкой пластике, перегородчатой эмали на золоте. Схема эволюции иконографии Бориса и Глеба, которую предложил в своей очень интересной работе В. И. Лесючевский, не всегда подтверждается хронологией вещей и датами фресковой живописи, где помещались изображения Бориса и Глеба, тем более, что в качестве иллюстративного материала

¹ Рязанский областной краеведческий музей, № 3779. Размеры: 9,6×6,8×0,7 см. Первые упоминания об этой иконке находим в книгах: К. К а л а й д о в и ч. Письма к Алексею Федоровичу Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии, с рисунками найденных там в 1822 г. древностей. М., 1823, стр. 20; А. Р а т ш и н. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России. М., 1852, стр. 461 («В числе редкостей, хранящихся в здешней ризнице, находится весьма древний образ св. князей Бориса и Глеба, изсеченный из камня»); Т. В. Н и к о л а е в а. Произведения мелкой пластики XII—XVII вв. в собрании Загорского музея. Загорск, 1960, стр. 18, рис. 1; А. Л. М о н г а й т. Рязанская земля. М., 1961, стр. 304—305.

² Е. Г о л у б и н с к и й. История русской церкви, т. I, ч. I. М., 1901, стр. 695—696; Д. Т и х о м и р о в. Исторические сведения об археологических исследованиях в Старой Рязани. М., 1844, стр. 7; А. Л. М о н г а й т. Старая Рязань.— МИА, № 49, 1955, стр. 77—82.

³ И. Д о б р о л ю б о в. Солотчинский монастырь. Рязань, 1884, стр. 1.

приводятся произведения самые не характерные и плохо датированные — медное литье⁴. Работа В. И. Лесючевского представляет большой интерес для исторического осмысления культа Бориса и Глеба.

Вскоре после канонизации Бориса и Глеба, около 1037 г., они должны были быть представлены прежде всего как целители, что являлось постоянным качеством святого; затем на первый план было выдвинуто почитание их как первых русских мучеников и, наконец, мучеников-воинов или просто воинов, покровителей русской земли и личных патронов русских князей. Все эти три функции святых Бориса и Глеба уже отмечены в первых их житиях, Чтении Нестора и Сказании епископа Лазаря⁵. Но в иконографии Бориса и Глеба получило развитие лишь изображение их как воинов, пеших или конных. На эти изображения переносились и две другие функции Бориса и Глеба — целителей и мучеников. Поэтому изображения Бориса и Глеба, еще не связанные с воинским культом, не получили большого развития в искусстве. Упикальными остались изображения Бориса и Глеба без атрибутов воинов на окладе Мстислава евангелия⁶, на гривне из Каменнобродского клада⁷, на ранних печатях с изображениями Глеба⁸, на золотых колтах из Старой Рязани (клад 1822 г.)⁹. Все эти изображения связаны с традиционной византийской иконографией святых-мучеников, ограничиваются немногими видами прикладного искусства и не выходят за пределы XII — первой трети XIII в. Изображения Бориса и Глеба с моделями храмов в руках известны только на медных литых крестах-энколпионах домонгольского периода¹⁰. Все эти кресты южнорусского происхождения и представленная на них иконография Бориса и Глеба возникла, возможно, в Вышгороде¹¹. Она не получила развития даже среди памятников собственно киевского круга.

⁴ В. И. Лесючевский. Вышгородский культ Бориса и Глеба в памятниках искусства.—СА, VIII, 1946, стр. 225—247.

⁵ Д. И. Абрамович. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им.—Памятники древнерусской литературы, вып. 2. Пг., 1916; Н. Н. Воронин. «Анонимное» сказание о Борисе и Глебе, его время, стиль и автор.—ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957.

⁶ П. Симоли. Собрание изображений окладов на русских богослужебных книгах XII—XVII ст., вып. I. СПб., 1910, табл. I.

⁷ В. А. Рыбаков. Прикладное искусство и скульптура.—ИГДР, т. II. М.—Л., 1951, рис. 206.

⁸ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. I. Л., 1928, стр. 98.

⁹ И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. V. СПб., 1897, стр. 101—105; А. Л. Моцгайт. Старая Рязань, рис. 108 и 109.

¹⁰ В. И. Лесючевский. Указ. соч., стр. 231.

¹¹ В. С. Голыщенко. К вопросу об изображении князя в Чудовской рукописи XII—XIII вв.—Проблемы источниковедения, т. VII. М., 1959, стр. 408; А. В. Попов. О роли иконографических изображений в изучении литературных произведений о Борисе и Глебе.—ТОДРЛ, т. XXII. М.—Л., 1966, стр. 42.

Изображения Бориса и Глеба как мучеников-воинов появились, несомненно, на самом раннем этапе развития их иконографии и сосуществовали с изображениями этих святых без воинских атрибутов. Об этом свидетельствует изображение Глеба с крестом и мечом на камне-жировике XI в. южнорусского происхождения¹², изображения Бориса и Глеба с крестами и мечами на южнорусских печатях XII в.¹³, на медных крестах-энколпионах XIII в.¹⁴ Почитание же Бориса и Глеба как целителей не забылось до XIV в., когда они еще помещались на змеевиках-«наузах»¹⁵. Среди целителей, но при всех своих воинских атрибутах помещены Борис и Глеб в рельефах Георгиевского собора в Юрьеве-Польском¹⁶.

Все эти изображения так или иначе иллюстрируют развитие воинского культа Бориса и Глеба. Что же касается собственно иконографии этих святых, то она не сразу была четко определена и сохранила в ранних произведениях искусства варианты, отличные от позднее установившихся канонов. На гривне из Каменного Брода и на рязанских колтах Борис и Глеб изображены безбородыми, и портретные их особенности почти не различимы. Но уже во фресковой живописи XII в. Борис и Глеб имели четкие портретные различия. Борис представлен с подстриженными несколько ниже ушей волосами, маленькой бородой и усами, Глеб — безусым и безбородым, с длинными локонами, раскинутыми по плечам. Таковы их изображения во фресковой живописи XII в. церкви Георгия в Старой Ладоге. Но здесь они не имеют княжеских шапок. Это обстоятельство вызвало у исследователей сомнение в определении этих изображений как Бориса и Глеба¹⁷. Шиферная икона XIV в. Загорского музея с изображениями Бориса и Глеба копными воинами и без княжеских шапок может служить указанием на возможность подобной их иконографии, так как здесь имеются поясняющие надписи¹⁸. Без княжеских шапок изображены конные воины во фресковой живописи XII в. церкви Бориса и Глеба на Кидекше¹⁹. В этих изображениях следует, несомненно, видеть Бориса и Глеба, так как здесь уже намечены их портретные различия.

¹² Д. В. Айналлов. Очерки и заметки по истории древнерусского искусства.— ИОРЯС, т. XV, кн. 3, 1910, рис. 46; Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV в.— САИ, Е4-44, 1964, стр. 18.

¹³ Н. П. Лихачев. Материалы..., стр. 99—101.

¹⁴ Т. В. Николаева. Указ. соч., стр. 102—104, № 8.

¹⁵ А. С. Орлов. Отчет Исторического музея за 1916—1925 гг., М., 1926, стр. 8.

¹⁶ Г. К. Вагнер. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Юрьев-Польской. М., 1964, стр. 88, табл. XIa и XX.

¹⁷ В. Н. Лазарев. Фрески Старой Ладогы. М., 1960, стр. 42 и 63, рис. 48 и 49, 52 и 53. В ранней фресковой живописи изображения Бориса и Глеба известны в церкви Спаса-Нередицы (1199 г.), в церкви Николы на Липне (XIII в.): Н. Сычев, В. К. Мясоедов. Фрески Спаса-Нередицы. Л., 1925, стр. 14, табл. XXIV; В. Прохоров. Русские древности, кн. I. СПб., 1871, стр. 42—43.

¹⁸ Т. В. Николаева. Указ. соч., стр. 137—139, № 30.

¹⁹ Н. Н. Воронин. Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польской. М., 1958, стр. 272, рис. 124.

Естественно предположить, что изображения Бориса и Глеба конными воинами являются не просто следующим этапом развития их иконографии, а довольно ранним иконографическим изводом, восходящим к XII в. В этой связи представляется весьма интересным мнение В. А. Плугина о том, что в рельефах Дмитриевского собора во Владимире (1194—1197) изображены конными воинами Борис и Глеб.

Возможно, что самой ранней храмовой иконой, написанной для Борисоглебской церкви в Вышгороде, была житийная икона Бориса и Глеба, на которой князья были представлены уже с воинскими атрибутами²⁰.

Рязанская шиферная икона с изображениями Бориса и Глеба пешими воинами восходит к южнорусской киевской иконографии, известной на печатях XII в.²¹, и имеет наиболее законченные и четкие ее черты. Это произведение нужно считать этапным и наиболее характерным среди домонгольских памятников с изображениями Бориса и Глеба (рис. 1).

Борис и Глеб изображены в рост, со слегка повернутыми друг к другу головами. У Бориса волнистые волосы подстрижены несколько ниже ушей, небольшая борода и усы. Глеб представлен безусым и безбородым, с мягкими вьющимися локонами, раскинутыми по плечам. На головах княжеские шапки с высоким остроконечным верхом, разделенным на полосы с крапинками, — по-видимому, условная передача драгоценных украшений из жемчуга или камней²². Опушка узкая, слегка расходящаяся книзу; у Бориса она орнаментирована сеткой из ромбиков, у Глеба — косыми линиями. Нимбы имеют двойную окантовку выпуклыми линиями с квадратиками между ними. Одежды Бориса и Глеба составляют княжеские корзана, отороченные по краю полосой с выпуклыми квадратиками (возможно, драгоценными камнями или дробницами). У Бориса корзен орнаментирован кружочками, у Глеба — вьюном. Это, очевидно, передача дорогих восточных тканей типа аксамита. Под корзном — воинские доспехи, одетые на длинные княжеские кафтаны с широкой орнаментированной оторочкой по подолу. Из-под кафтана видны узкие полосатые порты, спущенные на кожаные сапоги. В правой руке у Бориса и Глеба четырехконечные кресты, которые они держат перед грудью, в левой — мечи в ножнах. Ножны у Глеба орнаментированы S-образными завитками, повторяющими орнамент скани на серебряной оправе иконы. По сторонам изображений —

²⁰ Э. С. Смирнова. Отражение литературных произведений о Борисе и Глебе в древнерусской станковой живописи. — ТОДРЛ, т. XV. М. — Л., 1958, стр. 313.

²¹ Н. П. Лихачев. Материалы..., стр. 99—101.

²² Подобный покрой княжеских шапок является, по-видимому, местной особенностью. В изображениях Бориса и Глеба он встречается как на ранних произведениях (см. указанную А. Л. Монгайт рязанскую печать XII в., изданную Н. П. Лихачевым, — в кн.: А. Л. Монгайт. Рязанская земля, стр. 304), так и на очень поздних. В таких шапках изображены конные воины Борис и Глеб на медной литой иконке XVII в. (Рязанский областной музей, № 3791) и на медной литой иконе конца XVI в. (Московский областной музей в Истре).

Рис. 1. Шиферная иконка с изображением Бориса и Глеба из рязанского Солотчинского монастыря (XIII в.)

четкие колончатые надписи, исполненные резьбой вглубь (рис. 2). В надписях характерны титла в виде загнутого с обоих концов вьюна с отходящими от него отростками. В слове «Борис» буква «А» исправлена на «О». Начертание букв и орнаментально решенные титла не позволяют отнести это произведение ко времени более раннему, чем первая половина XIII в.

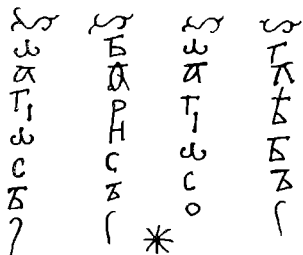

Рис. 2. Прорись надписи на иконе

Особенности стиля резьбы в манере плоского рельефа с реалистической передачей костюма, оружия и крестов, а также необычайная интерпретация образов с живыми жестами и движением только подтверждают эту датировку. Икона выполнена мастером-профессионалом в традиции высоко развитого искусства пластики. Им усвоена определенная манера передачи лица, волос, рук, одежд, орнамента и надписей. Фигуры Бориса и Глеба имеют хорошие пропорции и отлично вписаны в форму иконки.

Серебряная золоченая оправа иконки украшена по лицевой стороне довольно грубой сканью из толстых жгутиков, образующих простые петли или S-образные фигуры, уложенные рядом и местами разделенные прямыми проволочками. Сверху оправа имеет три петли для скрепления ее с когда-то находившимся здесь оглавием. Подобный орнамент скани известен на каменных иконках XIII в., одна из которых, судя по изображенному на ней Николе Зарайскому, может быть рязанского происхождения²³. Характерно, что этот незатейливый рисунок довольно грубой скани перекликается на иконке с орнаментом на ножнах и плаще Глеба и с начертанием титла²⁴. Это лишь свидетельствует об одновременности скани с иконкой и об их стилистическом единстве.

Большая жизненность образов Бориса и Глеба, не свойственная византийской традиции в искусстве Киевской Руси, свидетельствует о проявлении народного искусства, которое широкой струей вливается в профессиональное искусство иконописи и пластики в XIII в.

²³ Т. В. Николаева. Указ. соч., стр. 124—125, № 21.

²⁴ Оборот иконки закрыт серебряной пластиной XV в. с гравированным изображением Николы.

Образы Бориса и Глеба на рязанской иконе соответствовали представлению об идеальном князе, начертанному автором Сказания: «Се убо благоверный Борис... телом бояше красен, высок, лицом кругл, плечи велице, топок в чреслах, очима добрама, весел лицом, борода мала и ус, млад бо бе еще, светяся цесарьски, крепок телом, всячески украшен акы цвет цветный в уности своей, в ратех храбр, в советах мудр и разумен при всемь, и благодать божия цветяше на нем»²⁵. Это описание перекликается с характеристикой рязанских князей, героев битв с Батыем, начертанной автором Повести о Николе Заразском. Автор Повести подчеркивает, что «сии бо государи рода Владимира Святославича — сродника Борису и Глебу, внучата великого князя Святослава Ольговича Черниговского»²⁶. Созвучие Повести о Николе Заразском со Сказанием о Борисе и Глебе, по-видимому, не случайно. Оно свидетельствует не только о почитании культа Бориса и Глеба в Старой Рязани, но и об особом понимании их образов, продиктованном реальными историческими событиями, связанными со Старой Рязанью в первой трети XIII в. Рязанская земля первой приняла на себя натиск татар. На поле битвы остались убитыми многие князья, «удальцы и резвцы рязанския». Покровители рязанских князей и их «сродники» Борис и Глеб на иконе рязанского мастера приобрели особо воинственный вид. Это не просто бесстрастные святые, наделенные воинскими атрибутами, это иступленные ратники, готовые к самоотверженному подвигу. «А вы ни о едином бо граде, ни о дву ни о вьси пощение и молитву въздаста, нъ о всей земли русьской»²⁷.

Рязанская икона приобретает особо важное значение, если учесть, что произведений изобразительного искусства XIII в. сохранилось до наших дней очень мало. В Борисоглебском соборе в Старой Рязани был и храмовый образ Бориса и Глеба, перед которым «плакашесь» князь Юрий Ингоревич. Эти произведения искусства Старой Рязани оказали, несомненно, влияние и на раннее искусство великокняжеской Москвы. И нужно согласиться с исследователями живописи, что один из самых ранних иконописных образов Бориса и Глеба XIV в., происходящий из Коломны, имеет композицию, наиболее близкую к рассматриваемой нами рязанской шиферной иконе²⁸. В более поздних иконах с изображениями Бориса и Глеба наблюдаются уже большие отклонения от этой классической домонгольской иконографии. Княжеские одежды византийского типа приобретают самый необычный покрой и орнаментацию. Вместо традиционного княжеского корзна изображается шуба на меху с длинными рукавами. Этот более

²⁵ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 51—52.

²⁶ Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском. — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 300 и 320.

²⁷ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 50.

²⁸ В. И. Антонова. Н. Е. Мневва. Каталог древнерусской живописи, т. I. М., 1963, стр. 244—245, табл. 155.

поздний тип изображений Бориса и Глеба был определен и сводными иконописными подлинниками²⁹. Характерно, что иконография Бориса и Глеба, как на рязанской иконе, несомненно связанная с искусством Киевской Руси, дольше всего продержалась в южнорусском искусстве, где она наблюдалась еще в XVII в.³⁰, т. е. в то время, когда в искусстве московском и новгородском с нею уже не было общих черт.

Таким образом, мы вправе сказать, что шиферная иконка из Старой Рязани является одним из наиболее ранних образцов изобразительного искусства, в котором представлена классическая иконография Бориса и Глеба. Она как бы приобретает наиболее законченные черты в искусстве Киевской Руси домонгольского периода. А необычная эмоциональность образов и высокое искусство резчика-профессионала ставят это произведение в ряд выдающихся образцов древнерусской пластики.

²⁹ Н. Барсуков. Источники русской агиографии. СПб., 1882, стр. 71.

³⁰ С. Яремич. Святые Борис и Глеб. Икона в музее императора Александра III в С.-Петербурге.— Художественные сокровища России, т. II. СПб., 1902, стр. 1—5.

К ВОПРОСУ О СЛОЖЕНИИ ГАЛИЦКОЙ АРХИТЕКТУРНОЙ ШКОЛЫ

П. А. Раппопорт

Монументальная архитектура единого государства — Киевской Руси — имела более или менее единообразный характер на всей русской территории. Конечно, зодчие не могли не учитывать возможности использования местных строительных материалов, климатические условия, наличие и отсутствие в различных районах Руси кадров строителей. Все это придавало постройкам Киева, Чернигова, Полоцка, Новгорода определенное своеобразие. Однако основные строительные-технические и композиционные приемы на всей Руси в ту эпоху были едиными.

Процесс феодального дробления Древнерусского государства, начавшийся уже во второй половине XI в., оказал существенное влияние на дальнейшее развитие русского монументального зодчества. В княжествах, получивших политическую самостоятельность, начали слагаться локальные архитектурные школы. Ко второй половине XII в. русская архитектура уже представляла собой совокупность ряда школ, в большей или меньшей степени отличавшихся одна от другой. Поскольку монументальное зодчество было обычно связано с заказами княжеского двора и церкви, сходство и различия в архитектуре, как правило, довольно точно соответствовали политическим и церковно-административным отношениям между различными русскими землями. Б. А. Рыбаков совершенно справедливо отметил, что «рассмотрение памятников архитектуры второй половины XII в. может явиться хорошей иллюстрацией политических группировок средневековой Руси»¹. Именно поэтому детальное изучение исторической обстановки является совершенно необходимым для понимания процессов развития древнерусской архитектуры, и, наоборот, изучение памятников архитектуры часто дает важные сведения о происходившей в ту пору политической и идеологической борьбе.

Среди русских архитектурных школ XII—XIII вв. одной из наиболее своеобразных несомненно является галицкая школа. К сожалению, памятники древней галицкой архитектуры дошли до наших дней в крайне незначительном количестве. Над поверхностью земли сохранилась, да и то лишь на половину первоначальной высоты, только одна церковь Пантелеймона близ Галича². Археологическими исследованиями были обнаружены

¹ Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова.— МИА, № 14, 1949, стр. 94.

² I. Peleński. Halicz w dziejach sztuki średniowiecznej. Kraków, 1914.

фундаменты и нижние части стен еще нескольких построек. В особенности существенные материалы получены раскопками, проведенными в сравнительно недавнее время³. На городище в с. Крылос обнаружен фундамент центрального храма древнего Галича — Успенского собора⁴. Раскопаны остатки церкви в Василёве⁵, церкви Ильи Пророка в Галиче⁶, церкви у с. Побережье⁷. Обнаружены остатки фундаментов церкви в Звенигороде⁸. Сведены материалы более ранних раскопок в Холме⁹.

Конечно, развитие галицкой архитектуры нам известно пока еще очень плохо. Незначительное количество и очень плохая сохранность дошедших до нас памятников не позволяют дать достаточно полную общую характеристику этой архитектурной школы. Однако не вызывает сомнения одна, наиболее заметная особенность памятников галицкой архитектуры — наличие в них романских элементов. Многие архитектурные формы и детали галицких построек — базы, капители, профили — имеют чисто романский характер. Более того, сама техника кладки из тесаных блоков белого камня, совершенно чуждая архитектуре Киевской Руси, также несомненно имеет романское происхождение.

В каких же условиях могли проникнуть в русскую архитектуру романские формы? И когда начала складываться самостоятельная галицкая архитектурная школа? Известные нам памятники не дают ответа на эти вопросы, поскольку даже самый древний из этих памятников — Успенский собор — относится лишь к середине XII в., а более древние постройки пока не обнаружены. Между тем о наличии таких, более ранних построек можно найти сведения в письменных источниках. Так, польский хронист Ян Длугош, отмечая под 1126 г. смерть князя Володаря Ростиславича, записал, что князь этот был похоронен в Перемышле в церкви св. Иоанна, которую он сам основал¹⁰. При описании Перемышля Длугош отметил там замок и церковь в замке, построенную из тесаного камня¹¹. По-видимому,

³ Сводку этих сведений см.: П. А. Раппопорт. Археологические исследования памятников русского зодчества X—XIII вв.— СА, 1962, № 2, стр. 69.

⁴ Я. Пастерпак. Старий Галич. Краків — Львів, 1944, стр. 82.

⁵ Г. И. Логвин, Б. А. Тимошук. Белокаменный храм XII в. в Василёве.— Сб. Памятники культуры, т. 3. М., 1961, стр. 37.

⁶ М. К. Каргер. Основные итоги раскопок древнего Галича в 1955 г.— КСИА АН СССР, вып. 84, 1960, стр. 70.

⁷ М. К. Каргер. Доклад на пленуме Ленинградского отделения Института археологии АН СССР 31 марта 1961 г.

⁸ О. О. Ратич. Дослідження літописного Звенигорода у 1965 р.— Львівський державний університет. XI наукова конференція, присвячена підсумкам науково-дослідної роботи університету за 1965 рік. Тези доповідей. Львів, 1966, стр. 77.

⁹ П. А. Раппопорт. Холм.— СА, XX, 1954, стр. 313. Холм находится на территории Вольши, а не Галицкой земли, однако в политическом отношении он был теснее связан с Галичем, и памятники архитектуры в Холме относятся не к вольшской, а к галицкой архитектурной школе.

¹⁰ Joannis Dlugossii seu Longini canonici cracoviensis Historiae Polonicae Libri XII, т. I. Cracoviae, 1873, стр. 533.

¹¹ Там же, стр. 52.

в обоих случаях упомянута одна и та же церковь, так как вероятнее всего, что князь Володарь был похоронен в церкви, стоявшей в замке (т. е. в дедице), а не на посаде. Это предположение подтверждает запись Длугоша о том, что соборная церковь, построенная из тесаного камня в перемышльском замке, находилась в руках русского духовенства до 1412 г., когда по распоряжению короля Владислава она была передана католикам¹². Таким образом, на основании сведений, сообщаемых Длугошем, можно прийти к выводу, что древнейшей постройкой галицкой архитектурной школы была белокаменная церковь Иоанна в Перемышле, построенная в первой четверти XII в.

Это время на всей русской территории характеризуется заметным усилением монументального строительства. Ранее, вплоть до конца XI в., вся строительная деятельность в основном сосредоточивалась в Киевской земле и соседнем с нею Переяславле. В начале XII в. возводятся первые кирпичные храмы в Суздале и Смоленске — городах, ставших к тому времени столицами самостоятельных княжеств. В то же время разворачивается монументальное строительство в Новгороде, которое во всех случаях велось в соответствии с киевскими архитектурными традициями и даже, очевидно, с участием киевских мастеров. Это и понятно: инициатором строительства в большинстве случаев был Владимир Мономах — князь, теснейшим образом связанный с Киевом. В таких условиях формирование самостоятельных архитектурных форм и сложение местных школ зодчества происходили медленно, поскольку даже местные строительные кадры были воспитаны на киевских традициях. Дальше всего по пути сложения собственных архитектурных форм в начале XII в. пошла, пожалуй, новгородские зодчие, но и в их творчестве еще очень велико влияние киевской архитектуры.

Не так сложилась обстановка в Галицкой земле. Здесь разрыв с киевской строительно-технической традицией был резким и решительным. По существу это было сложение первой на Руси локальной архитектурной школы, видимо мало связанной с Киевом. Перемышльский князь, не имея собственных мастеров-строителей, вынужден был обратиться за зодчими в Польшу, где в то время уже получила широкое развитие романская архитектура¹³. Впрочем, могло быть и иначе — Володарь мог захватить ка-

¹² Там же, т. IV, Cracoviae, 1877, стр. 149.

¹³ Антагонизм между католической и православной церквями в начале XII в. был еще не настолько силен, чтобы послужить непреодолимым препятствием участию польских зодчих в строительстве русской церкви. Некоторые исследователи высказывали даже предположение, что в Польше вплоть до конца XI в. существовала особая славянская митрополия, стоявшая в церковно-каноническом отношении значительно ближе к восточной церкви, чем остальная польская церковная организация (Н. Paszkiewicz. The Origin of Russia. London, 1954, стр. 384; см. также: В. Н а в р а н е к. Otazka existence cirkevni slovanštiny v Polsku.— Slavia, т. XXV, вып. 2. Praha, 1956, стр. 305). Критический разбор этого вопроса см.: W. D z i e w u l s k i.

ких-либо романских зодчих во время одного из походов на Польшу или же привезти их в Перемышль после возвращения из польского плена.

В последние годы в Перемышле начались систематические археологические раскопки, в процессе которых уже вскрыты остатки нескольких древних каменных построек. Одну из этих построек, расположенную в центре перемышльского замка, автор раскопок А. Жаки считает церковью, построенной князем Володарем¹⁴. Здание плохо сохранилось, но тем не менее его исследование и публикация несомненно дадут возможность обсуждать вопрос о сложении галицкой архитектурной школы более детально и конкретно.

Proba regeneracji teorii o obrządku słowiańskim w Polsce.— Kwartalnik historyczny. Warszawa, 1965, № 1, стр. 39.

¹⁴ Sprawozdania z posiedzeń komisji oddziału PAN w Krakowie. Lipiecgrudzień, 1964, стр. 348.

СЕРИЯ ИЗРАЗЦОВ МАСТЕРСКОЙ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ

Р. А. Розенфельдт

В августе 1960 г. Т. В. Николаева извлекла из левого берега и русла ручья Вондюга, притока р. Кончур, протекающего у северной стены Троице-Сергиевой лавры, на участке напротив Соляной башни, около 20 красных изразцов¹. Это место интересно тем, что здесь размещалась и работала одна из немногих известных ныне печей для обжига изразцов, упоминаемая в рукописной Описи монастыря 1641 г. К сожалению, в этом кратком упоминании не указано время сооружения печи и не говорится о том, когда изразцовое производство на этом месте прекратилось. Среди собранных изразцов выделяются четыре серии их, различающиеся формой, размером лицевых пластин и конструкцией румпы.

Наиболее ранними среди них были изразцы с коробчатой румпой глубиной до 7—8 см и без закраины по ее обрезу. Румпа их не имеет скося вовнутрь, что для красных московских изразцов с коробчатой румпой является относительно поздним признаком. Об относительно позднем времени по сравнению с московскими красными изразцами, появившимися в первом десятилетии XVII в., говорит и размер лицевой пластины этих изразцов, которые имеют вид квадрата со стороной в 24—25 см. Характерной особенностью является наличие на лицевых пластинах изразцов широкой рамки (4—4,5 см), заполненной растительным орнаментом в виде волнистой линии с отходящими от нее побегами и листьями. Такой орнамент был широко распространен в первой половине и середине XVII в. в качестве декоративного элемента на окладах икон. Рамка растительного орнамента и центральное изображение на лицевой пластине отискивались в специальной деревянной форме. К этой серии относятся изразцы с изображением двуглавого орла, единорога и изразец с растительным орнаментом в центральной части лицевой пластины. Изразец с изображением орла (рис. 1, 1) фрагментирован. Однако на нем видны две головы птицы, каждая в трехчленной короне. Крылья у орла распушены, грудь чистая. Свободные от рисунка участки лицевой пластины изразца заполнены декоративными побегами и рельефными звездочками. На изразце с единорогом изображено животное (рис. 1, 2) с гривой и опущенным вниз хвостом. От

¹ Припису благодарность Т. В. Николаевой, ознакомившей меня с этой коллекцией.

Рис. 1. Красные изразцы монастырского производства

1 — с изображением орла; 2, 8 — с изображением единорога; 3 — с растительным орнаментом; 4 — изразцовая перемычка; 5 — горочек с растительным орнаментом; 6 — с изображением льва; 7, 9 — с изображением грифов; 10, 11 — с изображением сокола; 12 — с изображением грифа (из Москвы)

конца морды его, изображенной в профиль, вверх в виде свечи отходит прямой рог. Свободное пространство лицевой пластины изразца заполнено цветами. Изразец с растительным орнаментом (рис. 1, 3) близок по рисунку одному из подобных ему красных изразцов, найденных в Москве. На нем изображено фантастическое стилизованное растение с многочисленными побегами, кончающимися цветами и бутонами. Правая и левая половины рисунка симметричны. К этим изразцам в печном наборе полагались изразцовые перемычки и городки, и они также встретились здесь. Изразцовая красноглиняная перемычка имеет вид сильно профилированного полувалика с гребнем на обороте. На лицевой стороне по этому валику идут различные узоры, составленные из листиков и черточек (рис. 1, 4). Городок из этого набора имеет широко распространенный силуэт с рисунком на лицевой пластине в виде цветка на стебле с листьями. Он сохранился лишь частично (рис. 1, 5).

Вторую группу среди найденных здесь красных изразцов образуют изделия с лицевой квадратной пластиной (сторона ее 23 см) и также с широкой рамкой растительного орнамента по краю. Румпа у этих изразцов отступает от края, с воротничком по обрезу и двумя сквозными круглыми отверстиями у основания для дополнительного крепления изразца в облицовке печи. Изразцы с румпой этого типа получили распространение в Москве и Подмосковье не ранее 1650 г. (т. е. не ранее начала работы истринской изразцовой мастерской), а так как лицевые пластины их по характеру оформления сходны с лицевыми пластинами красных изразцов с коробчатой румпой, то изготовлялись они, по-видимому, ненамного позже последних. Угол печной облицовки при этом выкладывался из изразцов сходного вида, но с двумя лицевыми пластинами, поставленными одна к другой под углом в 90° . В изразцовых печах с румпой того типа, какая была у этих изразцов, перемычки не употреблялись. Среди изразцов этой серии встретились два с изображениями единорогов различного рисунка, изразец с изображением льва, обломки изразцов с изображением грифа. Один изразец с изображением единорога не отличается по рисунку лицевой пластины от аналогичного по сюжету красного троицкого изразца с коробчатой румпой, о котором упоминалось выше (рис. 1, 2). Оба они изготовлены в одной форме и это также подтверждает, что первая и вторая серии изразцов не отстоят по времени одна от другой более чем на десятилетие. От другого изразца с изображением единорога сохранилась лишь верхняя часть лицевой пластины, на которой видно животное с шеей и головой лошади, туловищем и лапами льва и тонким опущенным вниз хвостом (рис. 1, 8). От лба животного вниз отходит прямой рог. Свободное поле лицевой пластины изразца заполнено побегами растительного орнамента. Изразцы с изображениями льва фрагментированы (рис. 1, 6). Лев дан в профиль, повернут вправо. Видна раскрытая пасть животного, мощная шея с гривой, поднятый кверху хвост, кончающийся кисточкой. Свободное поле лицевой пластины изразца заполнено цветами. Изразцы с изо-

бражением грифа тоже фрагментарны, однако рисунок этого фантастического зверя восстанавливается без труда. Он изображен с туловищем льва и птичьей головой. У животного тонкий, поднятый кверху хвост с кисточкой на конце. От передней части туловища отходят два поднятых кверху и полураспушенных крыла (рис. 1, 7). Близкие изображения грифов есть и на красных московских изразцах (рис. 1, 12). Есть они и на зеленых поливных рамочных изразцах преимущественно московского производства.

Третью группу красных изразцов образуют изразцы с квадратной лицевой пластиной (сторона их длиной 21 см) и с румпой, отступающей от края изразца. Изображение на лицевой пластине заключено в узкую рельефную рамочку шириной менее 1 см. Изразцы эти, по-видимому, были одновременны изразцам второго типа. По характеру оформления лицевой пластины они близки красным московским изразцам второго типа, датированным 30-ми годами XVII в., а по размерам лицевых пластин и по конструкции румпы они не могут быть старше 50-х годов XVII в. Найденные изразцы этой серии имеют изображение птицы и грифа. Изразец с изображением грифа фрагментарен — сохранилась только задняя часть туловища животного с поднятым кверху тонким хвостом, кончающимся кисточкой (рис. 1, 9). Выше спины видны два поднятых кверху и полурасправленных птичьих крыла. Свободное поле лицевой пластины заполнено побегами растительного орнамента. Птица, изображение которой также встречено на фрагментированных изразцах, показана в профиль, повернута влево и сидит на ветке. Крылья птицы полурасправлены, а голова повернута назад (рис. 1, 10). Это, по-видимому, сокол, кривой клюв его раскрыт, виден тонкий острый язык. Чувствуется высокое мастерство резчика, выполнившего форму для этого изразца, и в особенности его умение компоновать изображение. В эту же серию входит еще одно изображение птицы, выполненное в иной манере. К сожалению, от него сохранилась только верхняя правая часть лицевой пластины, на которой видна голова хищной птицы, обращенная вправо. Под головой схематически исполнена ягода «малина» крупных размеров на длинном побеге (рис. 1, 11).

К четвертой группе изразцов относится фрагмент красного изразца с узкой рамкой и лицевой пластиной размером, по-видимому, 21 × 21 см. Характер изображения на лицевой пластине, к сожалению, из-за фрагментарности разгадать не удалось. Видны лишь побеги растительного орнамента и лапа животного. У этого изразца коробчатая румпа, сходная с румпой троицких изразцов первого типа. Глубина ее 11 см.

Таким образом, в собранной коллекции представлены две группы красных изразцов с квадратными лицевыми пластинами и коробчатыми румпами: одна — с узкой рамкой по краю, а другая — с широкой рамкой растительного орнамента, и две группы красных изразцов с такими же лицевыми пластинами, но с румпой, отступающей от края. Мастерская, работавшая преимущественно для удовлетворения потребностей Троице-Сергиева монастыря в печных изразцах, уже по подбору сюжетов на лице-

вых пластинах отличается известным своеобразием. На изразцах полностью отсутствуют сюжеты, связанные с Александрией, нет изображений сказочного характера, сюжетов из русских былин, нет сюжетов, заимствованных из переводных героических повестей. Печи, сложенные из этих изразцов, несомненно белились, как и печи из красных московских изразцов. В заключение следует отметить хорошее качество изображений на изразцах, их предельную выразительность, четкость исполнения рисунка, что, по-видимому, связано с давним развитием в монастырских слободах высокого искусства резьбы по дереву.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИ	— Акты исторические
АЕ	— Археографический ежегодник
АИЗ	— Археологические известия и заметки
АП УРСР	— Археологічні пам'ятки УРСР
АС	— Археологический съезд
АСВР	— Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси
АФЭХ	— Акты феодального землевладения и хозяйства
ВВ	— Византийский временник
ВИ	— Вопросы истории
ГБЛ	— Государственная библиотека имени В. И. Ленина
ГИМ	— Государственный исторический музей
ГНБ	— Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина
ГТГ	— Государственная Третьяковская галерея
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЗОРСА	— Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества
ИА	— Институт археологии
ИАК	— Известия Археологической комиссии
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИДР	— История культуры древней Руси
ИОРЯС	— Известия Общества русского языка и словесности
ИРАО	— Известия Русского археологического общества
КГУАК	— Курская губернская ученая архивная комиссия
КГИМ	— Киевский государственный исторический музей
КСИА АН СССР	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИА АН УССР	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии
МАВГР	— Материалы по археологии восточных губерний России

МАК	— Материалы по археологии Кавказа
МАР	— Материалы по археологии России
МГУ	— Московский государственный университет
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
НПЛ	— Новгородская первая летопись
НСФ	— Нумизматика и сфрагистика
ОАК	— Отчеты Археологической комиссии
ОИДР	— Общество истории и древностей российских при Московском университете
ОРЯС	— Общество русского языка и словесности
ПВЛ	— Повесть временных лет
Працы	— Працы сэкціі археологіі БАН; Працы археалёгічнай камісіі БАН
ПРП	— Памятники русского права
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РИБ	— Русская историческая библиотека
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СГГД	— Собрание государственных грамот и договоров
СЭ	— Советская этнография
ТОДРЛ	— Труды Общества древнерусской литературы
УЗЛГУ	— Ученые записки Ленинградского государственного университета
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов
ЧОИДР	— Чтения Общества истории и древностей российских
MGH SS	— Monumenta Germaniae Historica Scriptorum
MHJSM	— Monumenta historico-juridica Slavorum meridionalium
RK	— Katalog der Ausstellung zum X archäologischen Kongress in Riga, 1896
SK	— Supetarski kartular

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии	5
К шестидесятилетию академика Б. А. Рыбакова	7

АРХЕОЛОГИЯ

<i>А. К. Амброс.</i> Деталь восточнобалтийского питьевого рога из сел. Лезгур Северо-Осетинской АССР	13
<i>А. А. Бобринский.</i> О древнерусской обварной керамике	17
<i>Л. А. Голубева.</i> «Квартал металлургов» в Вышгороде	25
<i>Ф. Д. Гуревич.</i> Ближневосточные изделия в древнерусских городах Белоруссии	34
<i>В. И. Довженко.</i> Сторожевые города на юге Киевской Руси	37
<i>П. И. Засурцев, Н. К. Лисицына.</i> Липинское городище	46
<i>В. А. Ильинская.</i> Новые данные о памятниках середины I тысячелетия н. э. в днепровской левобережной лесостепи	55
<i>А. Н. Кирпичников, Е. В. Черненко.</i> Конское боевое наголовье первой половины XIII в. из Южной Киевщины	62
<i>Б. А. Колчин.</i> Музыкальные смычковые инструменты древнего Новгорода	66
<i>В. В. Кропоткин.</i> Новые материалы по истории денежного обращения в Восточной Европе в конце VIII — первой половине IX в.	72
<i>В. А. Кузнецов.</i> Энкаллионы Северного Кавказа	80
<i>Ю. В. Кузаренко.</i> Пинские курганы	87
<i>В. П. Левашева.</i> Венчики женского головного убора из курганов X—XIII вв.	91
<i>Т. И. Макарова, С. А. Плетнева.</i> О цитрах эмальерного дела древней Руси	98
<i>В. А. Мальм.</i> Крестики с эмалью	113
<i>Н. Г. Недошвина.</i> О датировке Белевского клада	118
<i>Т. Н. Никольская.</i> Кузнецы железу, меди и серебру от вятич	122
<i>М. Г. Рабинович.</i> Древние бронзовые украшения из Тушкова Городка	133
<i>Т. В. Равдина.</i> Типология и хронология допастных височных колец	136
<i>И. П. Русанова.</i> О керамике раннесредневековых памятников Верхнего и Среднего Поднепровья	143
<i>В. В. Седов.</i> Амулеты-коньки из древнерусских курганов	151
<i>А. Т. Смиленко.</i> находка 1928 г. у г. Новые Сенжары	158
<i>А. П. Смирнов.</i> Древняя Русь и Волжская Болгария	167
<i>Э. А. Сымонович.</i> Железные гребешки с поселений черняховской культуры	173
<i>П. Н. Третьяков.</i> О древнейших русах и их земле	179
<i>Н. В. Тухтина.</i> Об этнической принадлежности погребенных в сошках волховского типа	188
<i>А. В. Успенская.</i> Древнерусское крестьянское жилище по материалам селищ	194
<i>Г. Б. Федоров, Л. Л. Полевой.</i> Материальная культура ранних славян в Карпато-Дунайских землях	200

<i>М. В. Фелнер.</i> Крестовидные привески «скандинавского» типа	210
<i>С. С. Ширицкий.</i> Ременные бляшки со знаками Рюриковичей из Бирки и Гнездова	215
<i>Е. А. Шмидт.</i> О смоленских длинных курганах	224
<i>Ю. Л. Шапова.</i> Мастерская стеклодела в древнем Любече	230
<i>Р. А. Юра.</i> Бронзовый водолей из Переяслава Русского	239

ИСТОРИЯ

<i>Л. В. Алексеев.</i> О распространении топонимов «Межа» и «Рубеж» в Восточной Европе	245
<i>Ю. В. Бромлей.</i> К реконструкции административно-территориальной структуры раннесредневековой Хорватии	251
<i>В. И. Буганов.</i> Из истории московского восстания 1682 г.	261
<i>М. В. Вигов.</i> География боярщины на новгородском севере в XV в.	266
<i>Я. Е. Водарский.</i> Опыт составления исторических карт землевладения Серпуховского и Оболенского уездов по переписи 1678 г.	274
<i>В. И. Корещкий.</i> Мазуринский летописец конца XVII в. и летописание смутного времени	282
<i>Е. П. Крупнов.</i> Еще раз о местонахождении города Дедякова	291
<i>А. В. Куза.</i> Кто был наследником Остромира в Новгороде?	298
<i>А. Г. Кузьмин.</i> Индикты начальной летописи	305
<i>Л. Ф. Кузьмина.</i> Архив стольника А. И. Безобразова как исторический источник	314
<i>В. А. Кучкин.</i> Подделки действительные или мнимые?	320
<i>Л. Л. Муравьева.</i> О Повести временных лет Владимирского летописца	331
<i>А. В. Никитин.</i> Казенные кузнецы на Руси XVII в.	340
<i>В. Т. Пашуго.</i> Древняя Русь и Венгрия	345
<i>Г. Ф. Соловьева.</i> К вопросу о приходе радимичей на Русь	352
<i>Н. Н. Улащик.</i> «Литовская и Жмоитская кроника» и ее отношение к хроникам Быховца и М. Стрыйковского	357
<i>С. О. Шмидт.</i> К изучению «Истории» князя Курбского	366
<i>Я. Н. Шапов.</i> Новый памятник русского права XV в.	375

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Г. К. Вагнер.</i> Четырехликая капитель из Боголюбова	385
<i>Н. А. Велецкая.</i> О новгородных русалиях	394
<i>Н. Н. Воронин.</i> Граффити 2 февраля 1238 г.	401
<i>Ю. П. Глушакова.</i> Портрет русского посла середины XVII в. в галерее Питти	406
<i>В. П. Даркевич.</i> О некоторых византийских мотивах в древнерусской скульптуре	410
<i>М. К. Каргер.</i> К вопросу о памятниках зодчества XII в. в Волковыске	420
<i>Д. С. Лизачев.</i> «Единичный исторический факт» и художественное обобщение в русских былинах	429
<i>А. Ф. Медведев.</i> Загадочная надпись начала XI в. из Новгорода	437
<i>А. А. Мединцева.</i> Древнерусские надписи из церкви Федора Стратилата в Новгороде	440
<i>Т. В. Николаева.</i> Рязанская икона с изображением Бориса и Глеба	451
<i>П. А. Раппопорт.</i> К вопросу о сложении галицкой архитектурной школы	459
<i>Р. Л. Розенфельд.</i> Серия изразцов мастерской Троице-Сергиева монастыря	463
Список сокращений	468

Славяне и Русь

*Утверждено к печати
Институтом археологии
Академии наук СССР*

Редакторы *Е. М. Фойберг* и *Н. И. Сергиевская*

Художник *Н. И. Шевцов*

Технический редактор *А. П. Ефимова*

Сдано в набор 5/III-68 г. Т-07841.
Подп. к печ. 16/V-68 г. Бумага типографск. № 1
Формат 70×90^{1/16}. Печ. л. 29,5+2 вклейки и
1 вкладка. Усл. печ. л. 34,5+1 п. л. вкл.
Уч.-изд. л. 31. Тираж 3800 экз. Тип. зак. 246
Цена 2 р. 22 к.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»,
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

